Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ

Часть 1

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

9–10 апреля 2025 г.

2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ

Часть 1

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

9–10 апреля 2025 г.

Белгород 2025

УДК 81’2/’44
ББК 81
И 74

Рецензенты:

С.В. Мощева, доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков и лингвистики
Ивановского государственного химико-технологического университета;

Р.Е. Богачев, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков педагогического института НИУ «БелГУ»

И 74 **Информативный потенциал лингвоконструктов. Часть 1**: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 9–10 апреля 2025 г./ под ред. Е.А. Огневой, Л.Н. Мирошниченко, Д.Е. Смирновой. – Белгород: ЦПП НИУ «БелГУ», 2025. – 393 с. – URL: http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/64940. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-9571-3832-7
ISBN 978-5-9571-3833-4 (Ч. 1)

В сборнике материалов международной научно-практической конференции обобщены результаты научного поиска в сфере информативного потенциала лингвоконструктов. Представлена широкая палитра научных идей о функционировании лингвоконструктов в различных форматах знания.

Адресуется ученым, аспирантам, студентам, интересующимся инновационными подходами к интерпретации языкового и речевого материала.

УДК 81’2/’44
ББК 81

ISBN 978-5-9571-3832-7
ISBN 978-5-9571-3833-4 (Ч. 1)

© НИУ «БелГУ», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Бурдина Ольга Борисовна ЛИНГВОКОНСТРУКТЫ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ НЕЙМИНГЕ 9

Волошина Татьяна Геннадьевна СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО НИГЕРИЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН ГАЗЕТЫ «DAILY POST») 13

Кураш Сергей Борисович, Шецко Лариса Михайловна ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ 19

Мкртычян Светлана Викторовна КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА В РУСЛЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ 25

Огнева Елена Анатольевна, Бузина Евгения Игоревна, Марков Александр Владимирович ЛИНГВОСОЦИУМНЫЙ КОД ДИАДНОЙ ИНФОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ «НАКАНУНЕ» В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КНИГЕ ДЖ. РИДА «TEN DAYS THAT SHOOK THE WORLD»..... 30

Озерова Елена Григорьевна, Скандакова Евгения Сергеевна ЛИНГВОКОНСТРУКТЫ ТЕЗАУРУСА БОРИСА ВАСИЛЬЕВА..... 35

Орлова Валерия Игоревна, Хвесько Тамара Владимировна ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В.П. КАТАЕВА 39

Серебрякова Светлана Васильевна, Серебряков Анатолий Алексеевич ЛИНГВОПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА 42

Сибиряков Игорь Вячеславович ЛИНГВОСОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ «РОССИЯ», КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА СТРАНЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БРИКС..... 49

Скокова Татьяна Николаевна, Воронина Лариса Владимировна ОБЪЕКТИВАЦИЯ ИДЕИ РЕАЛЬНОСТИ В АВТОРСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ НА БАЗЕ ОТНОШЕНИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ 54

Суюнова Гульнара Сейльбековна ТИПОВЫЕ МОДЕЛИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ И ИХ ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ 59

Филиппова Ирина Николаевна НАРУШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В КИНОПЕРЕВОДЕ 67

Фурс Людмила Алексеевна ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАНИЯ О МИРЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ 74

Харченко Вера Константиновна СМЫСЛОВЫЕ КОНСТРУКТЫ ТОНКОГО ЮМОРА 79

Чугунова Светлана Александровна ОТЭТНОНИМНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА 82

Khanlarova Aynura Shohrat THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN POLITICAL DISCOURSE 89
Zholdabayeva Aliya THE CHALLENGES AND SUCCESS OF INCLUSION AND APPLYING UNIVERSAL DESIGN OF LEARNING TO SUPPORT DIVERSE LEARNERS 93

ЛИНГВОКОНТРУКТЫ В ПРОЕКЦИИ КОГНИТИВНОГО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ

Айдарова Алсу Мирзаяновна ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ 97
Алхазова Офелия Икрам-кызы РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ В КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА 102
Буревестник Ульяна Игоревна РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА LONELINESS В ТЕКСТАХ ГРУППЫ COLDPLAY 106
Волкова Анна Евгеньевна ДИНАМИКА КИНЕМ В МОДЕЛИ КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ «РЫЦАРСКИЙ ПОЕДИНОК» В РОМАНЕ ЭЛИЗАБЕТ ЧЕДВИК «ВЕЛИЧАЙШИЙ РЫЦАРЬ» 111
Волошкина Инесса Анатольевна РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКОГО ОНИМИЧЕСКОГО КОДА В УРБАНОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФРАНЦИИ 115
Григорьева Евгения Андрияновна, Борисова Людмила Валентиновна НАЗВАНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В АССОЦИАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДНОЙ ЗАГАДКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ) 126
Даниленко Илья Александрович, Тёрнер Ян Патрик ТРАНСФЕР ТЕКСТОВОЙ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ KRIEG/ВОЙНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э.М. РЕМАРКА 130
Закурдаева Наталья Вячеславовна НАРРАТИВНЫЙ КОНСТРУКТ КАК ЕДИНИЦА ПОСТИДЕОЛОГИИ 135
Заяц Анна Александровна, Рзаева Кёнуль Абдуллаевна ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ СКОРОГОВОРОК: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАЦИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 142
Исмагилова Гульшат Рустамовна, Поспелова Надежда Владимировна ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА С. ТЁРТОНА «СЕМЬ СМЕРТЕЙ ЭВЕЛИНЫ ХАРДКАСЛ» 146
Калятин Игорь Сергеевич, Бирюкова Евгения Игоревна СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ КАУЗАЛЬНЫХ КОННЕКТОРОВ *DENN, DA* И *WEIL* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ 150
Колядин Антон Валерьевич МАРКЕРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА ДИСКУРСИВНОЙ ДОМИНАНТЫ «РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ЖУРНАЛА «RUSSIAN TRAVELER») 156

Кравчук Мария Ивановна ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-ЭТНОНИМАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ) 163
Криволуцкая Арина Михайловна, Заяц Анна Александровна КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСЕН) 165
Меремьянина Екатерина Семеновна ОСОБЕННОСТИ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ БАБОЧЕК) 170
Молчанова Полина Николаевна, Абдуллина Лилия Рафаиловна СУБКОНЦЕПТ «ТРАНСПОРТ» КАК ОДНА ИЗ ДОМИНАНТ ТРЭВЕЛ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ж. ВЕРНА «ВОКРУГ СВЕТА ЗА 80 ДНЕЙ» 174
Мясникова Ирина Алексеевна, Борисова Людмила Валентиновна ГРОМ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОДЕ: КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ И ПРАГМАТИКА ТЕКСТОВЫХ КОНСТРУКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ) 178
Некрасова Мария Юрьевна, Байко Валерия Александровна ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ «ЧЕРНОЕ МОРЕ» В АНГЛО- И ИСПАНОЯЗЫЧНОМ СОЗНАНИИ 182
Печеницына Татьяна Николаевна ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ОНИМОМ В СОВРЕМННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ... 190
Рашевский Василий Евгеньевич КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОМПТИНГА В РАМКАХ ТОНКОЙ НАСТРОЙКИ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ 193
Сахабетдинова Альфина Булатовна, Поспелова Надежда Владимировна ОПИСАНИЕ КАТЕГОРИЙ ПОДРОСТКОВЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ С ПОМОЩЬЮ ЛИНГВОКОНСТРУКТА НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ К.Л. ЭРМАН «THE DEVOURING GRAY» 197
Семченкова Инна Валентиновна ПРОКСЕМНЫЙ СПЕКТР ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС ДЖ. Б. ШОУ И А.П. ЧЕХОВА) 201
Скребова Екатерина Геннадьевна, Сиротина Светлана Александровна ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОНТОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ 206
Тугуз Тамара Руслановна СПЕЙСНЕМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ФОРМАТЕ ТЕКСТОВОЙ КОГНИТИВНОЙ СЦЕНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Г. ДЖЕЙМСА «КРЫЛЬЯ ГОЛУБКИ» И «БОСТОНЦЫ») 210
Федченко Валерия Сергеевна ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АКСЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ 214

Чиковани Татьяна Владимировна СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДВУСОСТАВНОЙ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ «ВЕРА-ПОКАЯНИЕ» В РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРОПОВЕДЯХ СВТ. ЛУКИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО И СВТ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО И САН-ФРАНЦИССКОГО 219
Чупина Ксения Сергеевна СЕМАНТИКО–ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФЭНТЕЗИЙНЫХ ТОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. БАРДУГО «SIX OF CROWS») 228
Шелудько Светлана Анатольевна, Мазирка Ирина Олеговна МЕТОДОЛОГИЯ РАССМОТРЕНИЯ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В ЛИНГВО-КОГНИТИВНОМ НАПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ 233
Efendiyeva Lala Elkhan qizi THE INFLUENCE OF C. OGDEN AND I. RICHARDS' THEORY IN SEMANTIC STUDIES 239
Krutko Anna Alexeyevna DIE AFFIXALE ABLEITUNG ALS EINE ART DER WORTBILDUNG IN DER ENGLISCHEN SPRACHE 244
Nelasova Alexandra Ivanovna, Pavlyuchenko Ekaterina Yurievna LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT "HELP" IN MILITARY LITERATURE 250
Nelasova Aleksandra Ivanovna LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE CONCEPT «HELP» IN THE WORKS OF THOMAS KENEALLY AND JAMES CLAVELL 252
Trifonova Daria Dmitrievna PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENTS «SWEET»/»SLADKIJ», «SOUR»/ «KISLYJ» IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES 255

СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Баранова Таисия Михайловна ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. ПРАТЧЕТТА И ПРОБЛЕМА ЕГО ПЕРЕВОДА 260
Высочина Виктория Дмитриевна ВЫЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВЫХ ПЕЙЗАЖНЫХ МОДЕЛЕЙ 266
Дубовицкая Екатерина Юрьевна, Котлов Илья Алексеевич ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. КИЗА «ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ БИЛЛИ МИЛЛИГАНА» 271
Зимовец Наталья Викторовна РАСХОЖДЕНИЕ КОММУНИКАТИВНО-РЕЛЕВАНТНЫХ ЗАПАСОВ НОСИТЕЛЕЙ ИСХОДНОГО И ПЕРЕВОДЯЩЕГО ЯЗЫКОВ КАК ЭКТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ДЕКОМПРЕССИИ 276
Колесников Владислав Сергеевич СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРЕВОДЕ 281

Кузьменко Светлана Александровна, Антонова Анна Владимировна, СПОСОБЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАНСЛЯЦИИ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ХРОНОТОПА В РОМАНЕ Х. КОНСТЕБЛ «ИНСТРУМЕНТАЛИСТ» 285
Лаврищева Екатерина Владимировна К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА) 290
Наумова Анастасия Игоревна КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КРОССКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТА ОДИНОЧЕСТВО В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА К.КИЗИ «НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ» 294
Неваленая Екатерина Владимировна ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ОБРАЗНЫХ АДВЕРБИАЛИЙ В РОМАНЕ Э. УОРТОН «ЭПОХА НЕВИННОСТИ» 298
Сопова Ирина Валентиновна, Таранова Елена Николаевна ИДЕЙНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПЕРЕВОДОВ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ 303
Хабарова Ольга Николаевна О НЕКТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ 308
Шеметова Елизавета Александровна КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР ТЕКСТОВОЙ МОДЕЛИ-РЕКОНСТРУКЦИИ «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА В. СКОТТА «АЙВЕНГО» НА РУССКИЙ ЯЗЫК 313
Шеншина Марина Алексеевна ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ЖАНРЫ 318
Юдина Ксения Владимировна ТРУДНОСТИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА: СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕРКОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ 321
Krivchikova Nelya Leonidovna, Koteneva Inna Anatolievna HISTOIRE ET SOURCES DE CRÉATION DE LA TERMINOLOGIE JURIDIQUE FRANÇAISE 326

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ

Богачев Роман Евгеньевич, Мусаелян Елена Николаевна НЕКОТОРЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ» 330
Вековищева Светлана Николаевна ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ДЕТСКОЙ АНИМАЦИИ 333
Дзюбак Виктория Эдуардовна ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ОТРАЖАЮЩИЕ КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ БЛОГОСФЕРЕ 2010-2015 ГОДОВ 339
Еренская Анна Геннадьевна ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКИ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ 344
Марцинкевич Вера Ивановна СЛОВЕСНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА РЕБЁНКА В БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИЯХ (ЛИНГВОСЕНСОРНЫЙ АСПЕКТ) 350

Подтележникова Елена Николаевна КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЗАГОЛОВКАХ МУЛЬТФИЛЬМОВ СТРУКТУРИРУЮТ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТОК? 355
Трунова Елена Геннадиевна, Фаронова Анастасия Сергеевна ФУНКЦИИ СУБСТАНТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ 361
Шайхетдинова Камилла Ринатовна ИНФОРМАТИВНОЕ ПОЛЕ ТОПОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА У.С. МОЭМА «МЭЙБЛ») 365
Широколав Ульяна Александровна ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ» 370
Balabaewa Julia Eugenjewna, Profatilowa Swetlana Michailowna MODALVERBEN ALS AUSDRUCKSMITTEL DER KATEGORIE DER EVIDENTIALITÄT 375
Koltakova Sofia Vladimirovna, Nerovnaya Nadezhda Alexandrovna THE ASPECT ANALYSIS OF PROFESSIONAL CONCEPTS 379
Kurbonov Parda Akhmedovich THE THEME OF THE EAST AND THE USE OF ORIENTAL IMAGES IN BYRON`S WORK..... 383
Popova Ekaterina Alexandrovn DIE HAUPTMERKMALE DER BIBELWORTE..... 387

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛИНГВОКОНСТРУКТЫ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ НЕЙМИНГЕ

Бурдина Ольга Борисовна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Пермской государственной
фармацевтической академии Минздрава России,
профессор кафедры иностранных языков и медицинской
терминологии Пермского медицинского университета
имени академика Е.А. Вагнера Минздрава России,
профессор кафедры лингводидактики Пермского государственного
научно-исследовательского университета,
г. Пермь, Россия

Аннотация. В статье анализируется лингвистическое конструирование современных фармаконимов. Выявляются уникальные характеристики фармацевтического нейминга в научных номенклатурных (фармакопейных) и коммерческих названиях лекарственных препаратов. Рассматривается обусловленность номинативных процессов в языке фармации социальными процессами.

Ключевые слова: термин, нейминг, фармацевтический дискурс, номенклатура лекарственных средств, коммерческое название лекарства, фармакопейное название лекарства.

Всем нам знакома фраза: «Как корабль назовёшь, так он и поплывёт», и будет это плавание «Победой» или «Бедой» (как в известном мультфильме о злоключениях барона Мюнхаузена) во многом определяется грамотным неймингом.

В научной литературе, посвящённой проблемам номинации, термин нейминг непопулярен, поскольку вызывает ассоциации с коммерческим использованием лексических единиц – маркетингом и рекламой. Однако в вопросах номинации фармацевтических реалий (например, лекарственных препаратов, которые составляют бóльшую часть терминологических единиц в фармацевтическом дискурсе), термин нейминг актуализирует как процесс выбора названия для лекарственного препарата (далее – ЛП), так и специфику самого названия – лингвоконструкта, составленного по определённым параметрам.

Специфика построения торгового названия лекарственного препарата неоднократно становилась предметом внимания как лингвистов и терминологов (М.Н. Лазарева, Н.А. Стадульская, Г.И Филимонова и др.), так и специалистов с фармацевтическим образованием (Э.А. Коржавых, А.А. Андре и др.), поскольку предмет исследования тесно связывает профессиональную фармацевтическую деятельность и её языковое воплощение. Процесс выбора названия обусловлен особенностями профессиональной коммуникации. Фармацевтический дискурс, как мы писали ранее, развивается на пересечении интересов профессиональных полей самых разных областей знания: здравоохранения, юриспруденции, экономики, маркетинга и других. В связи с этим лекарственный препарат в тексте инструкции

по применению ЛП представлен системой названий-субститутов [Бурдина, 2024, с. 224], каждый их которых реализуется моделями «терминовариантов, удобных для использования коммуникантами, обладающими разной степенью терминологической компетентности» [Бурдина, 2015, с. 263]. Иначе говоря, в контексте инструкций по применению ЛП для разных коммуникативных ролей («производитель – пациент», «врач – провизор/фармацевт», «всемирная организация здравоохранения / минздрав – работник аптеки») используются разные лингвоконструкты-названия ЛП для опосредования профессиональной коммуникации. В исследовательской литературе чаще всего рассматривается первый вариант такого взаимодействия – модель «производитель ЛП – пациент», опосредование которой производится *торговым* названием лекарственного препарата, являющимся заголовком инструкции.

Именно торговое наименование ЛП становится средством прямого воздействия на пациента как потребителя лекарственного препарата, поэтому в нём отражаются не только сведения о терапевтическом эффекте или химическом составе, но и самая разнообразная информация, способная представить конкурентное преимущество этого ЛП перед другими (или создать иллюзию такого преимущества). Коммерческие названия (товарные знаки, бренды) ЛП активно изучаются исследователями с точки зрения как структуры, так и семантики [Лазарева 2011; Лаптева 2021; Ситдикова-Япарова 2018, 2022 и др.]. Эта тема неисчерпаема, поскольку ежегодно фармацевтический рынок пополняется новыми торговыми наименованиями ЛП. За счёт использования терминоэлементов (частей мотивирующих основ) в структуре названий, как мы упомянули ранее, могут быть отражены терапевтическое действие, анатомическое строение, частично химический состав, способ получения, скорость наступления эффекта и даже схема приёма лекарства [Бурдина, 2024, с. 262-265]. В своих работах, посвящённых фармацевтическому неймингу, Н.А. Стадульская рассматривает особенности брендирования ЛП и отмечает прагматическую функцию таких названий, в связи с чем характеризует торговые названия лекарств как термины-прагматонимы [Стадульская, 2010, с. 160]. В дальнейшем исследователи номенклатуры торговых названий лекарств стали пользоваться термином фармаконим [Николаева, Ситдикова 2019; Селезнева и др., 2018; Стадульская, 2024], тем самым подчеркивая специфичность таких наименований среди других торговых знаков.

Современные торговые названия строятся на использовании потенциала древних языков (греческого и латинского), современных языков (чаще английского, но встречаются мотивирующие основы немецкого, французского, русского языков, однако такие названия обычно используются на внутренних фармацевтических рынках, при регистрации в других странах происходит ребрендинг). В последние десятилетия активно используются гибридные названия ЛП, когда в качестве мотивирующих основ используются лексемы разных языков: *Облекол*, *Тыквеол* где представлены национальные (например, русские) названия растений и латинское слово oleum – «масло»; *Быструм-гель* / *Фастум гель* – полные синонимы, но разные товарные знаки. И подобных примеров в современной номенклатуре торговых названий представлено достаточно много. Также наблюдается тенденция к включению в названия инициальных графически

выделенных аббревиатур, цифровых и символьных компонентов: *К.Э.С., Вагинорм С, НоваРинг® Лидинет 20, Nilvert 20 %Омнадрен 250* и др.

Некоммерческие названия лекарств тоже синтетичны и конструируются по определённым параметрам [Бурдина, Мишланова, 2017, с. 71-73]. Кроме коммерческого наименования, можно выделить такие его субституты в тексте инструкции, как код анатомо-терапевтико-химической классификации (АТХ), международное непатентованное название (МНН), научное (мотивирующими основами являются химические или ботанические термины) и фармакологическое название (фармакологическая группа или комбинация названий групп).

Код АТХ представляет собой конструкт, включающий буквенно-цифровой код, где буква обозначает нозологическую характеристику (R – заболевания респираторной системы, A – заболевания пищеварительного тракта, J – заболевания, вызванные микробами и др.), а комбинация цифр – принятый ВОЗ шифр действующего вещества [Бурдина, 2024, с. 246]. Кроме инструкций по применению ЛП такой лингвоконструкт применяется только в регистрационных документах (патентной документации).

Международное непатентованное название тоже представляет собой лингвоконструкт, в основе которого лежит рекомендованный ВОЗ терминоэлемент. В фармацевтическую практику МНН были введены в 50-х гг. XX века с целью регуляции проблем с мировой синонимией лекарственных препаратов. Ежегодно ВОЗ публикует список рекомендованных терминоэлементов для включения в МНН новых ЛП. Обычно МНН указывается на упаковке лекарственного препарата вместе с торговым названием, например: Аспирин (торговое название) и ацетилсалициловая кислота (МНН); Butamidum (торговое название) Carbocholinum* (МНН).

Научное название представляет собой название структуры вещества, чаще всего оно громоздкое и нечитабельное (особенно для непрофессионалов), например, научное название препарата *Диабетон® – N-(4-толуолсульфонил)-N′-аза-3- бицикло (3,3,0) октил мочевина*. Научное название используется в нормативных документах (фармакопее, патентной документации, регистрационных картах, фарминдексах и проч.) или учебных изданиях соответствующих дисциплин (фармацевтической химии, фармакологии).

Названия фармакологических групп разнообразны, у одного ЛП их может быть несколько – в зависимости от уточнения действия и использования внутренней синонимии (медицинского двуязычия, применения латинского и национального языков), вариативности употребления форм единственного и множественного числа и других факторов. Например: гормоны (общее) – женские гормоны=эстрогены – прогестероны (виды эстрогенов) и т.д.

Лингвоконструирование активно используется и в фармакопейном терминообразовании. Фармакопея – фармацевтический стандарт выпуска лекарственных препаратов, «конституция» фармацевтической отрасли. Кроме требований к анализу и чистоте лекарственных препаратов, она содержит номенклатурные названия лекарственных средств. Согласно отечественному законодательству, на российский фармацевтический рынок в качестве лекарственных средств могут быть выпущены только препараты, которые представлены в фармакопее.

Структура фармакопейного термина вырабатывалась столетиями, однако на рубеже XX и XXI веков произошли глобальные изменения сначала в мировом и европейском, а затем и в общественном фармацевтическом стандарте. Развитие фармацевтической промышленности привело к изменению профессиональной аптечной деятельности, терминология, обслуживавшая производственный процесс, устарела. Широкое распространение компьютерных технологий инициировало пересмотр системы поиска препаратов в ассортименте продуктов аптек, произошло смещение семантического фокуса. Всё это привело к переформатированию фармацевтической терминологии, выработке новых структурно-семантических моделей термина и унификации уникальных названий фармацевтических субстанций [Бурдина, 2024, с. 171-210].

Фармацевтическая терминология исторически ориентирована на лингвоконструирование, и происходящие на современном этапе развития фармации процессы являются следствием взаимодействия экстралингвистических факторов с внутренними тенденциями развития

Список литературы

Андре А.А. Лекарственные средства как объекты исключительных прав: автореф. дис. … кандидата юридических наук. – 2012. – 29 с.

Бурдина О.Б. Медицинский и фармацевтический дискурсы: взаимодействие, конкуренция, терминологическая вариативность // Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne. – Olsztyn, 2015. – С. 249-263.

Бурдина О.Б. Терминологические процессы в фармацевтическом дискурсе: социокогнитивное моделирование: Дис. … д-ра филол. наук. – Пермь, 2024. – 480 с.

Бурдина О.Б., Мишланова С.Л. Параметры моделирования фармацевтического термина // Методологические основы исследования когниции и коммуникации в современной лингвистике. – Москва, 2017. – С. 71-81.

Коржавых Э.А. Теоретические и методологические основы фармацевтического терминоведения: Автореф. дис. … д-ра фармацевт. наук. – М., 2005. – 47 с.

Лазарева М.Н. Аббревиатуры в составе латинских фармаконимов: структурно-семантические особенности и способы передачи на русский язык // Диалог с античностью в междисциплинарном контексте. Коллективная монография. – Нижний Новгород, 2023. – С. 368-377.

Лаптева М.А. Роль аффиксоидного словообразования в номинации лекарственных средств // Вестник пермской государственной фармацевтической академии. – 2021. – С. 377–379.

Николаева Н.Г., Ситдикова А.В. Конфиксация в фармаконимах // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. – 2019. – С. 199-202.

Селезнева Л.В., Тортунова И.А., Люликова А.В. Фармаконим как маркетинговый феномен информационно-коммуникационного пространства // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 2. – С. 65-70.

Ситдикова А.В. Словообразование фармаконимов в русском языке: Автореф. … канд. филол.н. – Казань, 2020. – 22 с.

Стадульская Н.А. Отражение процесса формирования когнитивных знаний в производстве товарных знаков-прагматонимов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. № 4 (185). – С. 160-166.

Стадульская Н.А. Особенности фармацевтического нейминга // Русский язык и межкультурная коммуникация. – 2024, № 1 (20). – С. 268-271.

Стадульская Н.А. Некоторые тенденции номинации англоязычных фармаконимов // Университетские чтения–2024. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. – Пятигорск, 2024. – С. 170-175.

Филимонова Г.И. Развитие медицинской лексики и становление фармцевтической терминологии (на материале истории английского языка): Автореф. … дисс. кандидата филол.н. – Спб, 1995. – 14 с.

Япарова А.В. Орфографическое оформление фармаконимов // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 148-150.

LINGUISTIC CONSTRUCTS IN THE PHARMACEUTICAL NAMING

Burdina Olga Borisovna,
Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics
Perm State Scientific Research University,
Professor of the Department of Foreign Languages and Medical Terminology Perm Medical University named after Academician E. A. Wagner,
Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
of the Perm State Pharmaceutical Academy
of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Perm, Russia

Abstract. The article analyzes the linguistic construction of modern pharmaconyms. The unique characteristics of pharmaceutical naming in scientific nomenclature (pharmacopoeia) and commercial names of medicines are revealed. The article considers the conditionality of nominative processes in the pharmacy language by social processes.

Key words: term, naming, pharmaceutical discourse, nomenclature of medicines, trade name of the medicine, pharmacopoeial name 0of the medicine.

СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО НИГЕРИЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН ГАЗЕТЫ «DAILY POST»)

Волошина Татьяна Геннадьевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры второго иностранного языка
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. Вопросы специфики языковой адаптации на примере различных типов дискурса не теряют актуальности в современных социокультурных условиях. Такой тип дискурса как медиадискурс отражает реальное состояние языка, репрезентируя наиболее значимые аспекты общества. Англоязычный нигерийский медиадискурс на примере онлайн газеты «Daily Post», сочетающий сообщения в форме письменных текстов и видео роликов,

обладает такими признаками как: ограниченный перечень рубрик; доминирование статей информационного и аналитического жанров; незначительный объем публикаций; сопровождение письменных текстов и видеоматериалов этнически-маркированными визуальными средствами; нативизация английского языка на всех уровнях.

Ключевые слова: англоязычный нигерийский медиадискурс, нативизация, британский английский языка, нигерийский вариант английского языка, фонетическая нативизация, грамматическая нативизация, лексическая нативизация.

Вопросы анализа контактного взаимодействия не теряют актуальности в современном мировом сообществе. Английский язык, представляя средство глобального общения, является ведущим средством мировых СМИ. Функционируя в различных типах дискурса в условиях адаптации к новым реалиям, английский язык реализуется в форме языковых вариантах [Волошина, 2020], [Волошина, 2024], [Волошина, Глебова, 2024].

В нашем исследовании анализу подлежит специфика адаптации британского английского языка в таком виде дискурса как англоязычный нигерийский медиадискурс. Нигерийский вариант английского язык, функционирующий в СМИ Нигерии, был образован на основе сочетания британского английского языка и специфических реалий местных языков и культур Нигерии [Волошина, Глебова, Маркелова, 2024].

Под медиадискурсом мы понимаем сочетание всех процессов речевой деятельности в области средств массовой информации [Богданова, 2024]. Материалом исследования послужила еженедельная англоязычная нигерийская газета «Daily Post», которая издается в Нигерии, начиная с 2011 года в формате онлайн. «Daily Post» публикует местные и национальные новости, в этой еженедельной онлайн газете отражаются новостные события, происходящие в мире и за рубежом.

Медиадискурс онлайн газеты «Daily Post» представляет собой сочетание текстов статей и видеоматериалов, прилагаемых к некоторым печатным материалам. Сопоставительный анализ с британским медиадискурсом (на примере еженедельной онлайн газеты «The Times») позволил установить следующие особенности англоязычного нигерийского медиадискурса (на примере еженедельной онлайн газеты «Daily Post»):

- Ограниченный перечень рубрик

В англоязычной нигерийской онлайн газете «Daily Post» к перечню рубрик принадлежат «Home», «News», «Politics», «Metro», «Entertainment», «Sport»; в то время как в британской онлайн газете «The Times» в состав рубрик входят «Home», «UK», «World», «Comment», «Business and Money», «Sport», «Life and Style», «Culture», «Puzzle». Соответственно, в англоязычной нигерийской онлайн газете «Daily Post» количество рубрик меньше на треть.

- Доминирование статей информационного и аналитического жанров

По сравнению с онлайн газетой «The Times», в которой функционируют статьи как информационного (40 %) и аналитического (42 %), так и художественно-публицистического жанров (18 %), для англоязычной нигерийской газеты «Daily Post» характерно превалирование статей информационного (57 %) и аналитического (42%) жанров, статьи художественно-публицистического жанра представляют собой единичные случаи (1%) [Agbo, 2020].

- Незначительный объем публикаций

Объем среднестатистической статьи в британской онлайн газете «The Times» приблизительно превышает объем статьи англоязычной нигерийской онлайн газете «Daily Post» в полтора раза.

- Сопровождение письменных текстов и видеоматериалов этнически-маркированными визуальными средствами в форме фотографий и видеороликов, репрезентирующих нигерийцев в национальных одеждах.
- Нативизация английского языка на всех уровнях, что обусловлено доминирующим влиянием автохтонных языков.

Рассмотрим подробнее специфику *нативизации английского языка* в англоязычной нигерийской онлайн газете «Daily Post».

Фонетическая нативизация

Фонетическая нативизация английского языка была изучена нами на примере видеороликов, которые прилагаются к текстам публикаций в нигерийской онлайн газете «Daily Post». Фонетические изменения в исследуемом нами типе дискурса представляют собой высокочастотное явление, продуктивность таких примеров достигает 41 %. Наиболее частотными видами фонетической нативизации являются монофтонгизация дифтонгов и аппроксимация согласных звуков, например:

(1) »***Famous*** *Nigerian actress Kate Henshaw has commended the senator representing Kogi Central, Natasha Akpoti, for her courage amid her ongoing dispute with Senate President Godswill Akpabio*» [We're offspring of women warriors – Kate Henshaw backs Natasha Akpoti amid trial with Akpabio, URL]. – *Известная нигерийская актриса Кейт Хеншоу поблагодарила сенатора, представляющего Коги Сентрал, Наташу Акпоти, за ее мужество во время продолжающегося спора с президентом Сената Годсвиллом Акпабио.*

В приведенном примере прилагательное *famous – известный* произносится как /femes/, то есть происходит монофтонгизация дифтонга британского английского языка /ei/.

(2) »***They*** *tell us we can't govern, we can't rule, we can't make our own decisions.* ***They*** *tell us to shut up and sit down.* ***Women****, like children, are to be seen and not heard. Do you not know* ***that*** *in nearly all species,* ***the*** *female is much more deadly* ***than the*** *male? We are the offspring of countless* ***women warriors****!*» [We're offspring of women warriors – Kate Henshaw backs Natasha Akpoti amid trial with Akpabio, URL]. – *Они говорят нам, что мы не можем управлять, мы не можем властвовать, мы не можем принимать собственные решения. Они говорят нам закрыть рот и сесть на место. Женщин, как и детей, нужно видеть, но не слышать. Разве ты не знаешь, что почти у всех видов самки гораздо более смертоносны, чем самцы? Мы – потомки бесчисленных женщин-воинов!»*

Приведенный пример репрезентирует фонетическую нативизацию – адаптацию фонетического строя британского английского к фонетическим аналогам местных языков (*they /ze/ – они; women /vimen/ – женщины; that /zet/ – что, than /zen/ – чем, warriors /voris/ – воины*).

Грамматическая нативизация

Грамматические изменения в нигерийской онлайн газете «Daily Post» представляют собой продуктивное явление, частотность грамматических трансформационных процессов в нигерийской онлайн газете «Daily Post» достигает 39 %. В ранг наиболее частотных грамматических трансформационных процессов входят: несоблюдение правила согласования времен при переводе предложений из прямой речи в косвенную речь (43 %), опущение закрывающих кавычек в цитатах (37 %), противоречащее грамматическим нормам британского английского языка употребления предлогов (14 %); к малопродуктивным изменениям относится употребление вспомогательного глагола *shall* вместо *will* (6 %). Грамматические трансформационные процессы продиктованы доминирующим влиянием со стороны автохтонных языков, грамматический строй которых в значительной степени не соответствует британскому английскому языку [Hymes, 2020].

Примеры:

(3) »*Trudeau said Canada* ***is*** *imposing tariffs on $155 billion worth of US goods from Tuesday*» [Canada retaliates, slams 25% tariffs on $155bn US goodsPublished on March 4, 2025, URL]. – *Трюдо заявил, что Канада со вторника вводит пошлины на американские товары стоимостью 155 миллиардов долларов.*

(4) »*DAILY POST reported that the governors of Bauchi, Katsina, Kano, and Kebbi states said they* ***will close*** *down schools for five weeks for the Ramadan fast*» [CBCN condemns Ramadan school closure in Northern statesPublished on March 4, 2025, URL]. – *DAILY POST сообщила, что губернаторы штатов Баучи, Кацина, Кано и Кебби заявили, они закроют школы на пять недель из-за поста в Рамадан.*

Примеры 3 и 4 иллюстрируют такой тип грамматической нативизации английского языка в англоязычной нигерийской онлайн газете «Daily Post» как несоблюдение правил согласования времен: в примере 3 употребляется глагол *to be* в форме настоящего времени (*is*) вместо прошедшего (*was*); в примере 4 употребляется форма вспомогательного глагола *will* вместо *would*.

(5) »*In a chat with DAILY POST, Olayinka said: «Governors can no longer direct or order who should run Local Governments and who should not.* [Canada retaliates, slams 25% tariffs on $155bn US goodsPublished on March 4, 2025, URL]. – *В беседе с DAILY POST Олайинка сказал: «Губернаторы больше не могут направлять или приказывать, кто именно должен руководить местными органами власти, а кто нет.*

Пример 5 представляет собой цитату интервьюируемого коммуниканта, при этом в конце предложения отсутствует знак закрывающей кавычки. Следует отметить, что такой тип грамматических изменений является весьма типичным для онлайн текстов в глазете «Daily Post».

(6) »*I think Mr Trump should seriously think about how he's going* ***to enter in history***» [US military aid: Your decision will go down in history infamy – Ukraine's Merezhko tells TrumpPublished on March 4, 2025, URL]. – *Я думаю, мистеру Трампу следует серьезно подумать о том, как он собирается войти в историю.*

В примере 6 мы наблюдаем несоблюдение грамматических норм при употреблении предлога на примере фразеологизма: в британском английском языке фразеологизм *to enter the history – войти в историю* не имеет в своем

составе предлога; в нигерийском варианте английского языка этот фразеологизм употребляется с предлогом *to enter **in** history*.

(7) »*Carl Dean, the husband of Dolly Parton, has died Monday, aged 82*» [Dolly Parton's husband is dead Published on March 4, 2025. URL]. – *Карл Дин, муж Долли Партон, скончался в понедельник в возрасте 82 лет*.

Для примера 7 характерной особенностью является опущение предлога *on* перед обстоятельством времени *Monday*.

(8) »*As stated in Section 10 of the Nigerian Constitution, 'The Government of the Federation or of a State **shall** not adopt any religion as State Religion.' This provision underscores the secular nature of our country and guarantees the freedom of all citizens to practise their faith without hindrance»* [CBCN condemns Ramadan school closure in Northern states Published on March 4, 2025, URL]. – *Как указано в разделе 10 Конституции Нигерии, «Правительство Федерации или штата не должно принимать какую-либо одну религию в качестве государственной». Это положение подчеркивает светский характер нашей страны и гарантирует свободу всех граждан беспрепятственно исповедовать свою веру.*

Пример 8 иллюстрирует отклонение от нормы – британского английского языка при формировании глагола в форме простого будущего времени (Future Simple Tense): вместо вспомогательного глагола *will* употребляется *shall*.

Лексическая нативизация

Примеры лексической нативизации в англоязычной нигерийской онлайн газете «Daily Post» представляют собой малопродуктивную часть (20 %) по сравнению с примерами фонетической и грамматической нативизации [Волошина, Мустафаева, Бочарова, 2024]. К наиболее значимым относится такой типы лексических трансформационных процессов как аббревиатуры, например:

(9) »***CBCN** said the development raised serious questions about the secular nature of the country and the rights of all citizens*» [CBCN condemns Ramadan school closure in Northern statesPublished on March 4, 2025, URL]. – *Собрание католических епископов Нигерии (CBCN) заявило, что это событие подняло серьезные вопросы о светском характере страны и правах всех граждан.*

В приведенном примере функционирует аббревиатура *CBCN – Catholic Bishops Conference of Nigeria – Собрание католических епископов Нигерии.*

(10) »*This comes as **NNPC** on Monday announced its new petrol prices of N860 and N880 per litre, respectively, in Lagos, the Federal Capital Territory, Abuja, and across the country, respectively*» [Expect more fuel price drop amid NNPC, Dangote war – PETROAN, IPMAN to NigeriansPublished on March 4, 2025, URL]. – *Это произошло после того, как Нигерийская национальная нефтяная компания (NNPC) в понедельник объявила о своих новых ценах на бензин в размере 860 и 880 евро за литр соответственно в Лагосе, Федеральной столичной территории, Абудже и по всей стране.*

В этом примере функционирует аббревиатура *NNPC – Nigerian National Petroleum Company – Нигерийская национальная нефтяная компания.*

Необходимо отметить, что приведенные аббревиатуры являются общепринятыми исключительно для нигерийского социума.

Таким образом, англоязычный нигерийский медиадискурс на примере онлайн газеты «Daily Post» представляет собой гибридное образование. Онлайн газета «Daily Post», сочетающая сообщения в письменной и устной формах, знакомит читателей со значимой информацией, происходящей как в Нигерии, так и за ее пределами. Медиадискурс онлайн газеты «Daily Post» обладает уникальными признаками, к которым относятся: ограниченный перечень рубрик; доминирование статей информационного и аналитического жанров; незначительный объем публикаций; сопровождение письменных текстов и видеоматериалов этнически-маркированными визуальными средствами в форме фотографий и видеороликов, репрезентирующих нигерийцев в национальных одеждах; нативизация английского языка на всех уровнях, что обусловлено доминирующим влиянием автохтонных языков.

Список литературы

Богданова М.Д. К вопросу становления нигерийского варианта английского языка на примере британской и нигерийской прессы // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – № 4 (52). – DOI: 10.18454/RULB.2024.52.24.

Волошина Т.Г. Английский язык в Африке: Лингвокультурологический аспект. – Москва : Флинта, 2020. – 188 с.

Волошина Т. Г. Нигерийский вариант английского языка: лингвокультурологическая адаптация // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 15–24.

Волошина Т.Г., Мустафаева А.А., Бочарова Э.А. Лексические и грамматические особенности английского языка в Африке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2024. – Т. 14. – № 1. – С. 57-64.

Волошина Т.Г., Глебова Я.А. Пиджинизация как лингвокультурный феномен (на примере африканской лингвокультуры) // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30. – № 2. – С. 183–189.

Волошина Т.Г., Глебова Я.А., Маркелова О.В. Особенности пиджинизации языка в условиях межъязыкового взаимодействия // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 105–117.

Agbo O.F. The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ice-Nigeria / O.F. Agbo, I. Plag // Journal of language contact. – 2020. – № 13. – P. 351–388.

Canada retaliates, slams 25% tariffs on $155bn US goodsPublished on March 4, 2025. – URL: https://dailypost.ng/2025/03/04/canada-retaliates-slams-25-tariffs-on-155bn-us-goods/ (дата обращения: 01.03.2025).

CBCN condemns Ramadan school closure in Northern statesPublished on March 4, 2025. – URL: https://dailypost.ng/2025/03/04/cbcn-condemns-ramadan-school-closure-in-northern-states/ (дата обращения: 01.03.2025).

Dolly Parton’s husband is dead Published on March 4, 2025. – URL: https://dailypost.ng/2025/03/04/dolly-partons-husband-is-dead/ (дата обращения: 02.03.2025).

Expect more fuel price drop amid NNPC, Dangote war – PETROAN, IPMAN to NigeriansPublished on March 4, 2025. – URL:

https://dailypost.ng/2025/03/04/expect-more-fuel-price-drop-amid-nnpc-dangote-war-petroan-ipman-to-nigerians/ (дата обращения: 01.03.2025).

Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts // International Journal of the Sociology of Language. – 2020. – № 2. – Vol. 4. – P. 99–109.

US military aid: Your decision will go down in history infamy – Ukraine's Merezhko tells TrumpPublished on March 4, 2025. – URL: https://dailypost.ng/2025/03/04/us-military-aid-your-decision-will-go-down-in-history-infamy-ukraines-merezhko-tells-trump/ (дата обращения: 03.03.2025).

We're offspring of women warriors – Kate Henshaw backs Natasha Akpoti amid trial with Akpabio. – URL: https://dailypost.ng/2025/03/05/were-offspring-of-women-warriors-kate-henshaw-backs-natasha-akpoti-amid-trial-with-akpabio/ (дата обращения: 03.03.2025).

NIGERIAN ENGLISH MEDIA DISCOURSE SPECIFIC FEATURES (ON THE EXAMPLE OF ONLINE NEWSPAPER «DAILY POST»)

Voloshina Tatiana Gennadievna
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Second Foreign Language, Belgorod national research university, Belgorod, Russia

Abstract. The issues of linguistic adaptation using the example of various types of discourse do not lose their relevance in modern socio-cultural conditions. Such type of discourse as media discourse reflects the real state of language, representing the most significant aspects of the society. Nigerian English media discourse on the example of the online newspaper «Daily Post» combines messages in the form of written texts and video messages and has such features as: a limited list of headings; the dominance of informational and analytical genres articles; a small volume of publications; accompaniment of written texts and video materials by ethnically marked visual means; English nativization process at all levels.

Key words: English-speaking Nigerian media discourse, nativization, British English, Nigerian English, phonetic nativization, grammatical nativization, lexical nativization.

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Кураш Сергей Борисович,
доктор филологических наук, профессор кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь,
Шецко Лариса Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь

Аннотация. Информативный потенциал концепта может быть выявлен путем анализа лексико-семантического поля (ЛСП). Определение ключевых слов, концептуально значимых

лексем, объективирующих индивидуально-авторскую картину мировосприятия писателя, позволяет не только представить авторскую семантизацию лексического состава идиостиля, но и представить основные, наиболее важные для писателя понятия. В данном исследовании изложенные теоретические положения иллюстрируются примерами выявления ключевых концептов в идиостиле прозы и поэзии классика белорусской литературы XX столетия Владимира Короткевича.

Ключевые слова: идиостиль, концепт, лексико-семантичекое поле, конецепосфера, ключевые слова.

Концепт в идиостиле может быть смыслообразующим центром одного или многих текстов, может становиться одним из элементов ассоциативного поля других концептов, воплощаться в ключевом слове как значимой композиционной единице, что находит свою реализацию в идейно-художественном и эмоционально-оценочном планах произведений, а это в свою очередь связано с формированием индивидуально-авторской картины мира.

«Концепты художественного текста (…) образуют концептосферу художественного текста, воплощая авторский замысел и реализуя когнитивно сюжетную сетку произведения, т.е. концепты языковой личности писателя в процессе создания художественного произведения приобретают статус художественных концептов» [Огнева, 2019, с. 54].

Семантический потенциал концепта может быть выявлен путем анализа лексико-семантического поля (ЛСП).

ЛСП – это сложная система, обладающая следующими важнейшими свойствами: иерархический принцип построения, наличие центра и периферии, незамкнутость, отсутствие четких границ, способность членов поля притягивать к себе другие элементы или быть привлеченными элементами других групп, взаимодействие с другими полями, наличие лакун, специфичность в разных языках, самостоятельность в лексико-семантической системе, асимметричность построения и нек. др. [Щур, 2007, с. 159].

И.В. Арнольд определяет поле следующим образом: «...его (поле) можно понимать как множество слов, покрывающих определенную область человеческого опыта и, следовательно, связанных по значению. Множество это создается обозначением общего свойства его компонентов» [Арнольд, 1984, с. 3]. Основная цель анализа таких полей заключается в выявлении всех слов, входящих в данное поле, и отношений таких слов друг к другу, а также к общему ключевому слову.

Обобщение основных работ в данной области исследований (И.В. Арнольд, В.А. Артёмова, З.Н. Вердиева, А.М. Кузнецов, О.Е. Потапова, И.А. Стернин, Г.С. Щур и др.) позволяют сформулировать наиболее значимые положения полевой концепции языка:

- поле включает совокупность элементов, которые связаны между собой системными отношениями и имеют определенную семантическую общность;
- поле объединяет как однородные, так и разнородные элементы и состоит из микрополей, которые организованы вертикально (структура микрополей) и горизонтально (взаимоотношения микрополей);
- элементы в составе поля разделяются на ядерные (используются систематически, наиболее частотно по сравнению с другими элементами и

являются обязательными для состава данного поля) и периферийные. Слово в пределах семантического поля обладает разным статусом. Ядро обычно концентрируется вокруг главной лексемы (гиперонима), которая является семантическим центром и впитывает в сжатом виде все смысловые фрагменты поля. Эта лексема должна иметь широкую семантику, высокую степень употребления и способность объединять вокруг себя лексические единицы [Артёмова, 2000, с. 4-5]. Соотношение центра и периферии в каждом семантическом поле будут отличаться в зависимости от его состава и сложности компонентной структуры.

Граница между ядром и периферией чаще всего не очень четкая, размытая [Стернин, 1985, с. 38]: отдельные элементы поля могут принадлежать и к ядру одного поля, и к периферии другого (других) поля (полей) [Караулов, 1987, с. 240], может происходить частичное наложение различных полей друг на друга, в результате чего образуются зоны постепенных переходов между двумя и более полями [Артёмова, 2000, с. 5]. Периферийные единицы могут иметь большее, по сравнению с ядерными, количество значений, множество семантических приращений, обилие стилистических оттенков и контекстуальных сем.

ЛСП – это не только совокупность слов, но также семантические и парадигматические связи между ними. Для того чтобы сформировать наиболее точное представление о значении слова, необходимо его истолковать, а для представления тонкостей семантических взаимоотношений внутри поля требуется их описать [Кронгауз, 2005, с. 130]. И. М. Кобозева определяет гипонимические корреляции как отношения, связывающие слово, обозначающее родовое понятие, со словами, обозначающими частные варианты этого понятия [Кобозева, 2007, с. 101].

Согласно традиционной точке зрения на структуру поля, в составе ЛСП выделяются ядро, приядерная зона и периферия. Ядром поля является единица, которая содержит его общее значение, архисему. Приядерную зону образуют единицы с меньшим количеством дифференциальных семантических признаков [Лаптева, 2016, с. 56].

Лексико-семантическое поле в художественном тексте по составу и структуре отличается от общеязыкового. В литературном произведении часто наблюдается трансформация лексического значения слова, семантические приращения, обилие коннотаций, интертекстуальные связи слов, контекстуальные смысловые сближения слов с неродственной семантикой и другие особенности, связанные со спецификой языка художественной литературы.

Одной из особенностей лексико-семантического поля в идиостиле поэзии и прозы (ИПП) В. Короткевича, в частности, ассоциативного пространства периферийных компонентов, является то, что ключевые слова и лексические единицы периферии в общепринятом словоупотреблении могут быть семантически очень далекими от ядерной лексемы поля. Однако в языке художественных произведений эти лексические элементы становятся близкими, а иногда и тождественными ядерному компоненту.

Лексико-семантическое поле в идиостиле писателя представляет собой организованную структуру ассоциативно связанных языковых единиц,

реализует индивидуальную языковую картину мира и является одним из главных компонентов идиостиля.

Лексико-семантическое поле индивидуально-авторского концепта в ИПП В. Короткевича состоит из ядра (его семантическая наполненность репрезентируется языковыми средствами образности, чаще всего в составе метафорических выражений, сравнительных обращений, при помощи эпитетов, онимов, устойчивых обращений и т.д.), околоядерной зоны (содержит ключевые лексемы первичного порядка, составляющие основу лексико-семантических групп) и периферию (ключевые слова вторичного порядка). Рассматривая лексико-семантическое поле концепта, мы выделяем не только совокупности слов, но и их возможности входить в гиперонимо-гипонимические отношения – самые общие и универсальные при описании лексико-семантических полей [Новиков, 1982, с. 241], а также функционировать в контекстных сближениях.

Слово в художественном тексте является фундаментом для создания образа, при этом большую роль играют ключевые слова как доминанты художественного текста.

Надо отметить основные отличительные признаки ключевых слов в художественном тексте, вытекающие из них семантико-стилистических функций:

- высокая частотность использования;
- повторение словесного образа с изменением и обогащением его значения в контексте, богатство семантики, сложная полисемия и разнообразие контекстных связей;
- участие в создании смысловой многоплановости текста, в выражении художественных идей автора;
- представленность в заголовке произведения [Фонякова, 1985, с. 142].

Определение ключевых слов, концептуально значимых лексем, объективирующих индивидуально-авторскую картину мировосприятия писателя, позволяет не только представить авторскую семантизацию лексического состава идиостиля, но и выявить основные, наиболее важные для писателя понятия.

Кроме того, тексты выступают в качестве источника культурологической информации и являются естественной средой формирования, существования, проявлений, взаимодействий, модификации содержания концептов. Под концептуальным пространством текста понимается актуализированный по мере осмысления текстовой (языковой) семантики фрагмент концептосферы языка (культуры). Согласно концепции Е.А. Огневой, «информативность художественного текста определяется посредством когнитивно-герменевтического анализа, предполагающего комплексную интерпретацию репрезентантов когнитивных образов, вербализованных в концептосфере художественного текста» [Огнева, 2019, с. 21].

Ядро концептуального пространства текстов В. Короткевича составляют традиционные для белорусской культуры образы: ***вода, дерево, земля, небо, Родина*** и др. Словесные знаки такого рода в идиостиле автора благодаря концептуализации и коннотативным приращениям подвергаются семантическим

трансформациям и в совокупности образуют индивидуально-авторскую концептосферу.

Модель концептосферы ИПП В. Короткевича можно представить в следующем виде: базовый собирательный образ-ядро художественной картины мира – ***родина***; его непосредственное наполнение составляют ключевые концептуально значимые лексемы этого поля: ***вода (река, море), дерево (лес, пуща), земля (Нива, поле), небо (Солнце, Луна)***; в ближайшем окружении находится ряд ключевых слов вторичного порядка: ***хлеб, груша, дуб, Колос, капля, родник, туман*** и др. (Рисунок 1).

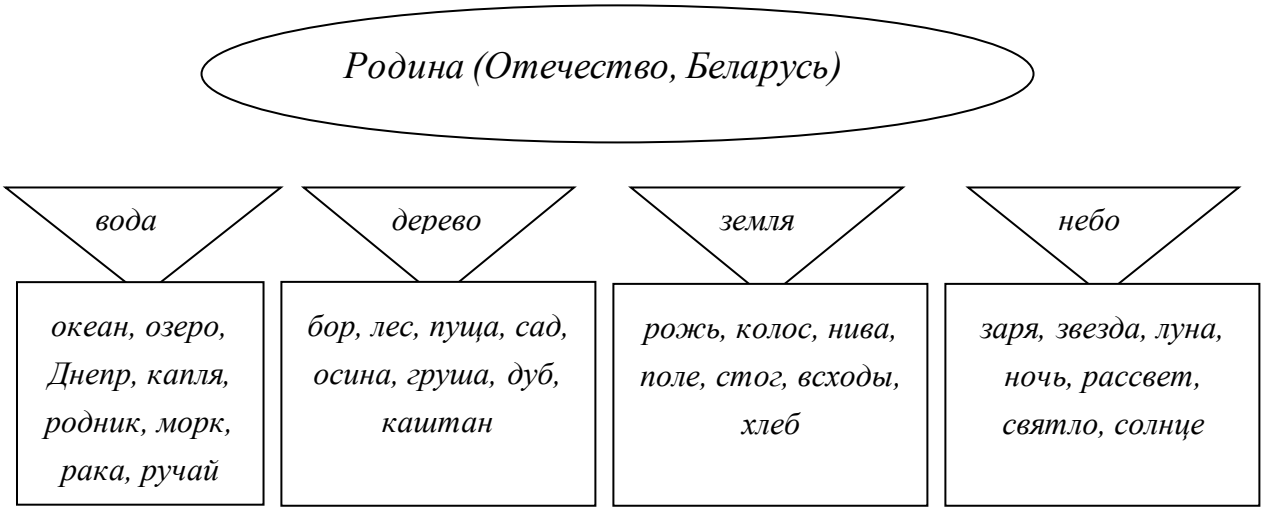

Рисунок 1 – Модель концептосферы ИПП В. Короткевича

В целях подтверждения достоверности определения ключевых слов-концептов и их ассоциативных полей был использован метод компьютерной обработки непосредственных текстовых данных с получением количественных показателей по отдельным лексемам на основе стеминг-анализатора (онлайн-ресурс https://gsgen.ru/tools/dlina-seo-text): был произведен подсчет частотности избранных лексем в прозе и поэзии В. Короткевича с I по VII тома восьмитомного издания писателя. Подтвердилось, что лексемы, определяемые нами как доминантные, составляющие ядро ЛСП, имеют высокую степень употребления в ИПП (например, лексема *вода* встречается 137 / 134 / 183 / 139 / 88 / 88 / 55 раз (соответственно томам издания с I и по VII), тогда как лексема *океан*, относящаяся к периферии этого ЛСП, встречается только в I – III томах соответственно 16 / 16 / 10 раз.

Вслед за П. П. Жевнеровичем, который применил систему подсчета частотности употребления ключевых лексем на материале публицистических произведений В. Короткевича (на 1000 слов текста) [Жаўняровіч, 2011, с. 22], мы также определили коэффициент плотности ассоциативных полей ключевых слов-концептов на 1000 словоупотреблений на материале I – VII томов восьмитомного издания писателя по формулам:

1) kp = (ks : ok) x 1000, где kp – коэффициент плотности ассоциативного поля ключевого слова-концепта, ks – количество словоупотреблений слов-ассоциативов в выбранном корпусе, ok – общее количество слов в выбранном корпусе;

2) $kp^i = (ks^i : ok^i)$ x 1000, где kp^i – коэффициент плотности ассоциативного поля ключевого слова-концепта в пределах всего идиостиля, ks^i – количество словоупотреблений слов-ассоциативов в пределах всего идиостиля, ok^i – общее количество слов в пределах всего идиостиля.

Установлено, что среднее количество употребления лексем, составляющих ассоциативные поля ключевых концептов, находится в пределах от 2,3 до 4,67 на 1000 словоупотреблений, причем в языке поэзии плотность этих употреблений примерно в два раза выше.

Таким образом, под концептуализацией лексических единиц нами понимается приобретение ими статуса ключевых в смысловом, сюжетно-композиционном, стилеобразующем планах. Этому способствуют такие лингвопрагматические факторы, как объём семантики, коннотативные приращения, семантические трансформации, функционирование в интертекстовом пространстве, встречаемость и др. На этом основании с учетом положений теории лексико-семантического поля была смоделирована концептосфера идиостиля В. Короткевича.

Список литературы

Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе : сб. ст. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена ; рекол.: И. В. Арнольд (отв. ред.), В.К. Тарасова. – Л : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. – С. 3-11.

Артемова Н. В. Особенности полевой структуры лексики современного русского языка: на примере глаголов лишения : дис. … канд. филол. наук : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2000. – 212 с.

Жаўняровіч П. П. Публіцыстычны дыскурс Уладзіміра Караткевіча; навук. рэд. В. І. Іўчанкаў. – Мінск : РІВШ, 2011. – 243 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – Изд. 3-е, стер. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 350 с.

Кронгауз М. А. Семантика. – М: Academia, 2005. – 352 с.

Лаптева М. Л., Уразгалиева О. А. Особенности построения лексико-семантического поля концепта «сотрудничество» в политическом дискурсе // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2016. – № 35. – С. 57-59.

Новиков Л. А. Семантика русского языка. – М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.

Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. – М.: Эдитус, 2019. – 190 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – 170 с.

Фонякова О. И. Ключевые слова в художественном тексте // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada jazykovědna (A). – 1985. – Ročník 34. – S. 131-145.

Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 255 с.

THE INFORMATIVE POTENTIAL OF THE CONCEPT IN THE ASPECT OF THE THEORY OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD

Kurash Sergey Borisovich,
Doctor of Philology, Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology
I.P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University, Mozyr, Belarus;
Shetsko Larisa Mikhailovna,
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics
Gomel State University named after F. Skorina, Gomel, Belarus

Annotation. The informative potential of a concept can be identified by analyzing the lexico-semantic field (LSP). The definition of keywords, conceptually significant lexemes objectifying the individual author's picture of the writer's worldview, allows not only to present the author's semantics of the lexical composition of the individual style, but also to present the main, most important concepts for the writer. In this study, the theoretical provisions outlined are illustrated by examples of identifying key concepts in the individual style of prose and poetry by Vladimir Korotkevich, a classic of twentieth-century Belarusian literature.

Key words: idiosyncrasy, concept, lexico-semantic field, end-sphere, keywords.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА В РУСЛЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Мкртычян Светлана Викторовна,
доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии
Тверского государственного университета,
г. Тверь, Россия

Аннотация. Обсуждается статус современной лингвостилистики; предпринимается попытка аспектизации категории *стиль* посредством соотношения с базовыми понятиями лингвистики *язык* и *речь*; характеризуется концепция коммуникативной стилистики.

Ключевые слова: язык, речь, стиль, коммуникативная стилистика, функционализм, структурализм.

Стилистическая проблематика, углубляющая идеи функционализма и интегративности, широко представлена в современной лингвистике. К числу наиболее известных научных школ и концепций относится Пермская стилистическая школа И.Н. Кожиной, Саратовская научная школа изучения функционирования русского языка в современном обществе О.Б. Сиротининой, Московская стилистическая школа Г.Я. Солганика, социокоммуникативная концепция речевого поведения Т.Г. Винокур, Томская стилистическая школа Н.С. Болотновой, Саратовская жанроведческая школа В.В. Дементьева. Отдельно следует назвать лингвокогнитивное стилистическое направление, в рамках которого исследуется специфика коммуникативного поведения, описываемая с опорой на когнитивный стиль как детерминанту «индивидуального ума». Например, к числу таких работ относятся кандидатские диссертации Е.В. Бесединой, В.Ю. Зайцевой, О.А. Носковой, И.С. Прокудиной и

др., которые концептуально весьма далеки от традиционной (в частности, функциональной и текстовой) стилистики, исследующей стиль как проявление речевой системности.

Стилистика, сформировавшаяся к середине XX в. представляет собою область лингвистических изысканий, направленных на исследование употребление языка, изучение языка «в действии». Она получила мощный импульс к развитию в деятельностной парадигме Л.С. Выготского, но со временем приобрела статус теоретически ограниченной дисциплины, не имеющей исчерпывающе разработанной теоретической основы. Действительно, каждая из перечисленных стилистических концепций выстраивается как бы на собственной теории, либо предлагая свою трактовку стиля как ключевого понятия, либо игнорируя терминологические уточнения, видимо, исходя из того, что сам термин *стиль*, известный со времён античности, не нуждается в дополнительных комментариях и представляет собой нечто весьма известное, определённое и интуитивно понятное. Такое положение дел объясняется прежде всего тем, что стиль характеризует явления, которые являются разными по широте охвата изучаемой сущности, поддерживая расхожий афоризм Ж. Бюффона «Стиль – это сам человек». Как следствие, стилистика стала причастной к целому ряду дискуссий, которые разворачиваются вокруг методологических инверсий, охватывающих такие смежные, но не тождественные понятия как: *стиль* VS *дискурс*; *стилистика* VS *прагматика*, *функциональный стиль* VS *функционально-речевая разновидность языка* и др.

При попытке оценить сложившуюся ситуацию объективно становится очевидной невозможность объединения всех стилистических подходов на единой терминологической основе. Вероятно, наиболее приемлемым шагом может стать аспектизация категории *стиля* в соотношении с базовыми понятиями *язык/речь*.

Предварительно в общем виде можно обозначить исходное для дальнейших рассуждений положение: стиль – это свойство языка/речи, которое эксплицируется за счет манеры (способа) употребления единиц языка/речи.

Определение *стиля* в терминах *язык/речь, единицы языка/речи* обязывает сделать некоторые терминологические уточнения, которые позволят наметить основные подходы к трактовке категории стиля.

Если принять трактовку языка с позиций Ф. де Соссюра, то язык представляет собой систему языковых единиц и норм их употребления. Применительно к языку можно говорить только о стилистически маркированных языковых единицах (например, о стилистически маркированной лексике в словарях). Эта совокупность стилистических средств рассматривается как строительный материал, т.е. речь идет об аналитической (или структурной/ресурсной) стилистике, объектом которой являются языковые единицы, выступающие одновременно маркерами стиля. А.И. Горшков не считал ресурсную стилистику полноценной стилистикой, отказывал ей в стилистическом статусе, поскольку фактом своего существования она не соответствует основному стилистическому постулату – нет стиля без речи.

Структурная стилистика является хрестоматийной, входит в учебники по стилистике и выполняет прежде всего лингводидактические функции. Её цель – познакомить аудиторию со стилистическими ресурсами языка на уровне отдельных языковых средств. В таком понимании можно говорить о СТИЛЕ 1, который соответствует тем стилям, которые могут быть соотнесены со стилистическими пометами в словарях, маркирующими лексические единицы. Структурная стилистика «описывает, квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и взаимодействия разных соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как "системы систем"» [Виноградов, 1981, с. 5].

В качестве критерия выделения стилистики языка В.В. Одинцов предлагает следующее основание: «занимается ли стилистика проблемами структурной организации языковых средств в тексте, проблемами композиции, типологии текстов, речевых единиц и т. п. Если да, то это стилистика речи, если нет, то это стилистика языка» [Одинцов, 2023, с. 14].

Если трактовать речь как языковой материал, тексты, факты языкового употребления, т.е. вербальную наличность, то в отечественной лингвистике сложились две отчётливые стилистические традиции – функциональная стилистика (сфокусирована на СТИЛЕ 2, или ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СТИЛЕ) и текстовая стилистика (объектом является СТИЛЬ 3).

По В. В. Виноградову, функциональная стилистика изучает функциональные стили, характеризующиеся комплексом типичных признаков речи в определённой сфере общения.

СТИЛЬ 3 трактуется как стиль текста. Разграничение между СТИЛЕМ 3 (СТИЛЕМ ТЕКСТА) и СТИЛЕМ 2 (ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ СТИЛЕМ) определяется прежде всего исследовательской спецификой, которая имеет разную векторность: если исследовательская цель заключается в выявлении типичного в тексте, принадлежащем определённой сфере общения, то мы имеем дело с функциональным стилем; напротив, если в фокусе внимания выявление уникального, индивидуального авторского, то перед нами СТИЛЬ 3.

СТИЛЬ 2 и СТИЛЬ 3 характеризуют результат речевой/коммуникативной деятельности.

Выходя на следующий уровень, мы должны говорить о стиле деятельности как процесса, а не результата этой деятельности. Здесь требуются существенные уточнения, ограничивающие понятие речевой деятельности. А. А. Леонтьев указывает на три стороны деятельности: мотивационную, целевую и исполнительную. В хронологическом развёртывании речевая деятельность состоит из речемыслительного (имплицитного) этапа и этапа речепорождения (эксплицитного).

На этапе речепорождения задействована система концептов и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания речи. В этом ракурсе СТИЛЬ 4 (КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ) может рассматриваться как специфика функционирования «когнитивной подпрограммы, обеспечивающей формирование сходных по своим концептуальным характеристикам» [Беляевская, 2010, с. 22] устных и письменных речевых произведений.

Когнитивные модели стиля «представляют собою концептуальные структуры, системы определенным образом связанных между собой концептов, которые определяют выбор языковых средств и композиционных структур при порождении речевого произведения» [Op. cit.: 23]. В таком понимании когнитивного стиля единицами его описания будут когнитивные стратегии, активирующие *концепты, фреймы* и другие формы когнитивных репрезентаций знаний. Параллельно существует понятие когнитивного стиля в психологии, который определяется как «устойчивая характеристика мыслительной деятельности человека», т.е. «способов восприятия, обработки и структурирования информации» [Холодная, 2015, с. 129].

При обращении к этапу речепорождения средой приложения СТИЛЯ 5 (ДИСКУРСИВНОГО СТИЛЯ) будет дискурс – «речь, погруженная в жизнь» (Н. Д. Арутюнова). На этот аспект речи указывал А. А. Леонтьев, когда писал о «представлении речевой деятельности как "потока речи", своего рода пространственно-временного континуума говорений, образованного пересечением и взаимоналожением полей речевой активности говорящих индивидов» [Леонтьев, 2007, с. 20].

Наконец, рассматривая весь этап порождения речи от установки, мотива, интенции до вербального исполнения, мы можем вести речь о СТИЛЕ 6 (КОММУНИКАТИВНОМ СТИЛЕ), понимая под деятельностью "сложную совокупность процессов, объединенных общей направленностью на достижение определенного результата, который является вместе с тем объективным побудителем данной деятельности, т.е. тем, в чем конкретизируется та или иная потребность субъекта"» [Op. cit.: 20]. На неразделимость речемыслительного и собственно коммуникативного аспектов речевой деятельности обращает внимание А. А. Леонтьев, включая коммуникацию в модель порождения речи.

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ (СТИЛЬ 6) трактуется как типичная/типовая манера коммуникативной деятельности в коммуникативно-прагматическом пространстве (термин И.П. Сусова), маркированная системой определённых потенциально динамических единиц, в качестве которых выступают речевые стратегии. Дискурс является итоговым этапом, который позволяет охарактеризовать внешние вербальные проявления коммуникативного стиля. Речевая стратегия сближается с макроинтенцией и выполняет генеративную стилистическую функцию. Это центральная ось, вокруг которой вращаются остальные элементы всего стилистического комплекса, формируя коммуникативный стиль. Речевая стратегия является *не языковой единицей, а речевой, динамической, коммуникативной,* но при этом сохраняющей способностью подвергаться анализу с помощью языковых единиц, соотносимых с вертикалью уровневого устройства языка в его структуралистских моделях.

Коммуникативный стиль описывается в когнитивном, дискурсивном и аналитическом аспектах. Он характеризует специфику коммуникативной деятельности с превербального речемыслительного этапа (когнитивный аспект) до этапа речепорождения (дискурсивный, или прагматический аспект);

вербальная наличность может описываться с позиций уровневого устройства языка в системно-структурном (или аналитическом) аспекте. На когнитивном уровне рассматриваются речевые стратегии, которые по своей природе являются когнитивными семантическим стратегиями. Речевые стратегии вовлечены в широкий прагматический контекст, который влияет на когнитивную составляющую. Вербальное проявление речевых стратегий маркируется речевыми тактиками, описываемыми в рамках аналитического аспекта. Таким образом выглядит модель (аспектизация) коммуникативного стиля, который в реальности представляет собою континуальную сущность.

Коммуникативная стилистика как исследовательское направление представлена целым рядом работ, посвящённых моделям управленческих коммуникативных стилей [Мкртычян, 2011], коммуникативных стилей экскурсовода [Янсон, 2021], манипулятивных коммуникативных стилей [Мкртычян, 2023], аргументативных коммуникативных стилей, коммуникативных стилей определённых речевых жанров.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что современная стилистическая проблематика разрабатывается в двух магистральных направлениях. Одно из них находится в русле стилистического подхода, сформированного традициями, заложенными функциональной и текстовой стилистикой. Другое поле стилистического анализа является интегрированным с достижениями в области когнитивной лингвистики и прагматики. Наиболее продуктивным видится альянс этих двух направлений.

Список литературы

Беляевская Е.Г. Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № (022). – С. 22–29.

Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, – 1981. – 320 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Ком Книга, – 2007. – 216 с.

Мкртычян С.В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе: дис. .. докт. филол. наук. – Тверь, – 2012. – 410 с.

Мкртычян С.В. Когнитивный параметр «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ / РЕФЛЕКТИВНОСТЬ» как основа типологии манипулятивных коммуникативных стилей / С.В. Мкртычян, Н.В. Дзундза // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». – №4 (79). – 2023. – С. 37-47.

Одинцов В. В. Стилистика текста. – М.: Издательство ЛКИ, – 2023. – 264 с.

Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, – 2015. – 384 с.

Янсон Т.А. Коммуникативные стили экскурсовода в устном туристическом дискурсе: Дис. … канд. филол. наук. – Тверь, – 2021. – 214 с.

COMMUNICATIVE STYLISTICS IN THE CONTEXT OF STYLISTIC PROBLEMS

Mkrtychyan Svetlana Victorovna,
Doctor of Sciences in Philological Sciences,
Professor of the Chair of Language Theory, Translation and
French Philology of Tver State University, Tver, Russia

Abstract. The paper discusses the status of modern linguostylistics. An attempt is made to aspectualise the category of style through its correlation with basic linguistic terms language and speech. The concept of communicative stylistics is characterised.

Key words: language, speech, style, communicative stylistics, functionalism, structuralism.

ЛИНГВОСОЦИУМНЫЙ КОД ДИАДНОЙ ИНФОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ «НАКАНУНЕ» В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КНИГЕ ДЖ. РИДА «TEN DAYS THAT SHOOK THE WORLD»

Огнева Елена Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков,
Бузина Евгения Игоревна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Марков Александр Владимирович,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье интерпретируется архитектоника документальной книги американского журналиста Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Определяется свойства текстового лингвосоциумного кода как совокупности номинантов информативных векторов. Выявляется специфика функционирования поляризованных лингвоконструктов в диадной информативной модели «Накануне», репрезентирующей российский лингвосоциум в 1917 году.

Ключевые слова: документальный текст, лингвосоциум, моделировнаие, диадная модель, лингвосоциумный код.

Одним из актуальных аспектов современного языкознания является вопрос о тенденциях моделирования лингвоконструктов, представляющих собой единицы языковой и речевой информации. В качестве единиц языковой информации предстают лексемы, грамматические категории, синтаксические структуры. В качестве единиц речевой информации интерпретируются текстовые и дискурсивные модели, в составе которых функционирует лингвосоциумный код как «совокупность номинантов, составляющих два информативных вектора описания одного явления» [Огнева, 2023, с. 68]. Два информативных вектора, социум и язык, синергично реализуют

коммуникативную ситуацию при прямой или косвенной коммуникации в свете «принципов миромоделирования» [Кушнерук, 2024, с. 438].

Лингвосоциумный код миромоделирования выстраивается на основе информативных координат, свойства которых обусловлены типом формата знания. Так, дискурсивный формат знания функционирует в рамках проксемно-темпоральных координат, сопряженных с тематическими дискурсивными координатами, предопределенными тематическим ядром дискурсивной модели или совокупности субмоделей в составе обобщенной дискурсивной модели с учетом того, что «дискурсы дают объяснения и обоснования с помощью как броских, так и скрытых логических переходов» [Демьянков, 2024, с. 19]. Эти логические переходы представляют собой дискурсивные скрепы, формирующие дискурсивную модель, в которой «The discourse behaviour of an individual is the essence of his communicative activity and worldview» [Sedykh, 2021, с. 15] / «Дискурсивное поведение индивида является сутью его коммуникативной деятельности и мировоззрения» (Перевод здесь и далее автора – *Е.А.*).

Часть параметров лингвосоциумного кода в дискурсивной модели, предопределенные интенцией коммуникантов, тематикой коммуникации и экстралингвистическими факторами, проявляют свойство аттрактивности, взаимосвязанное с такими социумными явлениями как «коды культуры» [Маслова, 2015, с. 35].

Предопределенность свойств дискурсивных скреп лингвосоциумного кода активизацией тех или иных кодов культуры является важным механизмом реализации любого типа дискурса. Это же релевантно и для текстовых скреп лингвосоциумного кода, которые в данной статье не рассматриваются.

Лингвосоциумный код проявляет различные свойства в зависимости от типа дискурса, в модели которого он функционирует. В свете этого актуально рассмотрение лингвосоциумного кода дискурсивной модели, сформированной на основе документальной книги американского журналиста Дж. Рида «Ten Days that Shook the World» / «Десять дней, которые потрясли мир», впервые опубликованной в марте 1919 года в Нью-Йорке о событиях Октябрьской революции в России в 1917 году.

По своим свойствам данный дискурс можно отнести к такому типу как «медийно-просветительский дискурс» [Карасик, 2023, с. 190] с оговоркой о том, что в момент формирования первичной модели дискурса на основе вышеуказанной книги дискурс реализовывал преимущественно просветительскую функцию, а затем уже функцию популяризации, которая сейчас именуется как «медийная функция».

Следовательно, рассмотрение лингвосоциумного кода дискурсивной модели, сформированной на основе документальной книги «Десять дней, которые потрясли мир» осуществляется в интерпретативной проекции, которая представляет собой «моделирование в американском медиадискурсе» [Кушнерук, 2020, с. 92].

Рассмотрение дискурсивных скреп лингвосоциумного кода информативной модели, выстраиваемой на основе произведения Дж. Рида реализуется в данной статье с учетом того фактора, что «авторский стиль

прослеживается во всех элементах текста, в том числе, в темпоральной архитектонике» [Даниленко, 2023, с. 45], исследование которой основано на сведениях «о природе категории темпоральности» [Трофимова, 2020, с. 299]. Данная категория исследуется с различных научных ракурсов. Для провидимого исследования релевантно мнение о том, что «темпоральность представляет собой лингвокогнитивную сетку, включающую, все языковые элементы, вербализующие временные параметры бытия» [Огнева, 2013, с. 141].

Темпоральность в исследуемой документальной книге американского журналиста выстраивается на двух уровнях обобщенной дискурсивной модели, на уровне названия 12 глав, и на уровне информации каждой главы. Значим темпоральный аспект сакральности количества глав, что информативно проецирует на эпохальность событий 1917 года эпохальные события зарождения христианской веры, которую воспринимали и несли в мир 12 апостолов. На уровне названия глав выявлены следующие темпоральные номинанты: темпоральная метафора «The Coming Storm» / «Надвигающийся шторм» (2 глава), обобщающая хронема «On the Eve» / «Накануне» (3 глава), исторический лексический таймер «The Fall of the Provisional Government» / «Падение временного правительства» (4 глава), исторический лексический таймер «The Conquest of Power» (11 глава), исторический лексический таймер «The Peasants' Congress» / «Крестьянский съезд» (12 глава).

В статье рассматривается социокультурный код диадной информативной модели «Накануне», в которой темпоральность сопряжена с социокультурной диадностью. Свойство диадности в данной модели основано на факторе полярности отношения в российском лингвосоциуме к происходящим событиям октября 1917 года.

Автор так маркирует полярность лингвосоциума в следующих контекстах:

Пример (1) «In the relations of a weak Government and a rebellious people there comes a time when every act of the authorities exasperates the masses, and every refusal to act excites their contempt» [Reed, ch.3] / «В отношениях слабого правительства и мятежного народа наступает время, когда каждое действие властей вызывает раздражение масс, а каждый отказ действовать вызывает их презрение».

В контексте выявлено три аспекта лингвосоциумной полярности, которые могут быть интерпретированы в качестве параметров диадного свойства лингвосоциума. Первый номинант «слабое правительство – мятежный народ» характеризует российский лингвосоциум 1917 года как модель, состоящую из правительства и народа, что ранее при самодержавии было не характерно для России. Второй номинант «действие властей – раздражение народа» указывает на тот факт, что взаимоотношения в новой российской конструкции социума ещё не сформированы. Третий номинант «бездействие властей – презрение народа» обозначает обострение противоречий в российском лингвосоциуме. В целом народ в данном контексте, во всех трех номинантах, предстает более активным компонентом лингвосоциумной модели.

Пример (2) «The proposal to abandon Petrograd raised a hurricane; Kerensky's public denial that the Government had any such intention was met with hoots of derision» [Reed, ch.3] / «Предложение покинуть Петроград вызвало бурю

негодования; публичное отрицание Керенским того, что у правительства были какие-либо подобные намерения, было встречено насмешками».

В рассматриваемом контексте поляризуется предложение Керенского и публичное отрицание этого предложения, что маркирует неустойчивость планов правительства. Оба полярных номинанта об указании на эвакуацию и об отсутствие намерения эвакуировать город прослеживаются в привязке к столице России, к Петрограду, то есть лингвосоциумная диадность сопряжена с проксемным сегментом архитектоники документальной книги.

Пример (3) «Orlov was hated by the miners. But the Tsay-ee-kah not only supported his appointment, but refused to demand that the Cossacks be recalled from the Don Basin» [Reed, ch.3] / «Шахтеры ненавидели Орлова. Но ЦИК не только поддержал его назначение, но и отказался требовать отзыва казаков из Донского бассейна».

В контексте выявлено два диадных социумных компонента «шахтеры ненавидели – ЦИК поддержал», «требование отзыва казаков – отказ от отзыва казаков». Первый номинант, «шахтеры ненавидели – ЦИК поддержал», поляризует мнение основной страты рабочего класса, шахтеров, и ЦИКа как новой формы правления, что указывает на недовольство нововведениями. Второй номинант указывает на обострение взаимодействия шахтеров и ЦИК, то есть поляризация лингвосоциума сопряжена с номинацией политической борьбы двух социумных страт.

Следовательно, построение лингвосоциумной диадной модели «Накануне» в документальном романе Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» основано на явлении социумной поляризации как одного из компонентов идиостиля журналиста в преломлении к сюжетно-тематической сетке произведения.

Социумная поляризация предстает в качестве основного свойства диадности информативной модели, в которой номинация лингвосоциумных противоречий сопряжена, во-первых, с появлением новой формы правления в России в 1917 году, то есть обусловлена историческими событиями, во-вторых, с локацией событий в столице страны, в Петрограде, в-третьих, с указанием на политическую борьбу двух социумных страт общества.

Дж. Рид в выстраиваемой информативной модели книги обратил вменение на корреляцию трех типов противоречий в качестве основных.

Впервые построенная диадная информативная модель документальной книги американского журналиста может быть уточнена в дальнейшем, что является перспективой представленного в статье исследования.

Список литературы

Даниленко И.А. Сравнительно-сопоставительные темпоральные модели текста / И.А. Даниленко, А.В. Марков // Лингвистические горизонты. Международный сборник научных трудов. – Белгород, 2023. – С. 44-49.

Демьянков В.З. Дискурс и нарратив лингвистического исследования // Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития. тезисы докладов Международной научной конференции. – Минск, 2024. – С. 19-20.

Карасик В.И. Медийно-просветительский дискурс // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы. Сборник научных трудов

международной междисциплинарной научной конференции. – Тверь, 2023. – С. 190-195.

Кушнерук С.Л. Идеологическое миромоделирование в американском медиадискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 67. – С. 92-111.

Кушнерук С.Л. Миромоделирование как объект исследования в современной лингвистике / С.Л. Кушнерук, М.А. Курочкина // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2 (58). – С. 438-441.

Маслова В.А. Коды культуры в пространстве языка / В.А. Маслова, М.В. Пименова // Сер. Концептуальный и лингвальный миры. – Выпуск 9. – С.-Петербург, 2015. – 152 с.

Огнева Е.А. Темпоральная архитектоника концептосферы художественного текста // Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка: коллективная монография. – Новосибирск: «Сибак», 2013. – С. 138-155.

Огнева Е.А. Диадный художественный концепт РОССИЯ (на материале произведения А. Толстого «Хождение по мукам») // Лексикография и коммуникация – 2023. Сборник материалов IX Международной научной конференции. Отв. редактор А.П. Седых. – Белгород, 2023. – С. 68-74.

Трофимова Н.А. Частотность и корреляция маркеров темпоральности в архитектонике мужского публицистического дискурса (на материале статей Дена Билефски в газете «The New York Times») // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2 (37). – С. 299-306.

Reed J. Ten Days that Shook the World. Project Gutenberg Literary Archive Foundation PMB 113 1739 University Ave. Oxford, MS 38655-4109.

Sedykh A.P. Linguistic identity national archetypes and sociocultural environment of their formation // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 15-27.

LINGUOSOCIAL CODE OF THE DYADIC INFORMATIVE MODEL «ON THE EVE» IN J. REED'S «TEN DAYS THAT SHOOK THE WORLD»

Ogneva Elena Anatolievna,
Doctor of Philology, Professor
Head of Department of Foreign Languages
Evgeniya Igorevna Buzina,
Candidate of Philology,
associate professor of Department of Foreign Languages,
Alexandre Vladimirovich Markov,
senior lecture of Department of Foreign Languages,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The article interprets the architectonics of the documentary book by the American journalist J. Reed «Ten Days that Shook the World». The specific features of the linguosocial code as the range of informative vectors is determined. The article reveals tendencies

of linguistic structures' functioning in the dyadic informative model «On the Eve», representing Russian society in 1917.

Key words: documentary text, linguistic society, modeling, dyadic model, linguistic society code.

ЛИНГВОКОНСТРУКТЫ ТЕЗАУРУСА БОРИСА ВАСИЛЬЕВА

Озерова Елена Григорьевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и русской литературы
педагогического института Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия
Скандакова Евгения Сергеевна,
старший преподаватель кафедры русского языка и деловых коммуникаций
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются лингвоконструкты на материале произведений Бориса Васильева, представлена лингвоквантитативная репрезентация триады *прошлое – настоящее – будущее*, выявляются векторы художественного мировидения автора, вербализованные в тезаурусе писателя.

Ключевые слова: лингвоконструкт, тезаурус Бориса Васильева, триада *прошлое – настоящее – будущее.*

Вербализация лингвоконструктов тезауруса Бориса Васильева детерминирована авторскими интенциями представления художественной реальности посредством духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, эксплицирующих смысловое наполнение порождаемых текстов писателя.

Актуализация когнитивных, культурных, ментальных и лингвистических конструктов в тезаурусе Бориса Васильева аккумулирует аксиологические векторы художественной реальности через призму исторических, автобиографических факторов и индивидуально-авторской интерпретации писателя.

Следует отметить, что термин лингвоконструкт не имеет узуальной фиксации, поэтому трактуется многовекторно:

1) синонимичная номинация концепта (О.Н. Филина);

2) искусственные языки (О.Н. Шувалова);

3) креативная номинация текста / художественного текста (Е.А. Огнева).

«Текст рассматривается в виде креативного лингвоконструкта реальности, репрезентационного символа синергии прошлого, настоящего и будущего» [Огнева, 2016, с. 60]. «Художественный текст <…> рассматривается нами <…> как креативный лингвоконструкт реальности, как репрезентационный символ синергии прошлого, настоящего и будущего, синергии, вербализованной посредством языковых знаков, формирующих таким образом художественный мир» [Огнева, 2019, с. 20].

Под лингвоконструктом в настоящем исследовании понимается синтез ментальной и индивидуально-авторской репрезентации триады *прошлое – настоящее – будущее,* вербализованной в тезаурусе Бориса Васильева и представляющей интегративный комплекс художественного мировидения автора.

Тезаурус Бориса Васильева – это «персональная картина мира» (С.Н. Есин), художественное пространство нравственности, исторической памяти, духовных и культурных ценностей. Обобщая ценностно-смысловое пространство тезауруса, Б. Л. Васильев выводит обобщение своего творчества: *«Разве «Зори» исчерпываются историей, как пять девушек и старшина с наганом не пропустили фашистских диверсантов? Разве «В списках не значился» – это о том, как юный лейтенант сражался в Брестской крепости? А «Не стреляйте белых лебедей» – роман в защиту окружающей среды? А «Были и небыли» – о Русско-турецкой войне? Конечно же нет, они – больше сюжета, шире просто рассказанных событий…»* [Васильев, 2017, с. 126].

Интерпретация и анализ лингвоконструкта проводится на материале Национального корпуса русского языка (12 текстов). Отметим, что жанровая специфика функционирования триады частотно представлена в исторической прозе, хронология повествования художественной реальности – от Средних веков до XXI века; помимо художественных текстов нами зафиксирован публицистический текст «Оглянись на середине» (2003 г.).

Комплексная вербализация триады *прошлое – настоящее – будущее* в тезаурусе Бориса Васильева, согласно данным корпуса, представлена в 6 из 12 произведений, лингвоквантитативное соотношение функционирования *прошлого* и *будущего* равнозначно (8 произведений), но отметим, что контекстуальная частотность употребления *будущего* превосходит *прошлое* (74 примера – *будущее*, 69 – *прошлое*); минимальная фиксация лингвоконструкта выявлена в употреблении конструкта *настоящее* (11 примеров). Представим репрезентацию триады *прошлое – настоящее – будущее*, вербализованной в тезаурусе Бориса Васильева.

Таблица 1 – Репрезентация триады *прошлое – настоящее – будущее* в тезаурусе Бориса Васильева

№ п/п	Произведение	Прошлое	Настоящее	Будущее
1.	Оглянись на середине (2003 г.)	+	+	+
2.	Ольга, королева русов (2002 г.)	+	–	+
3.	Дом, который построил Дед (1990-2000 гг.)	+	+	+
4.	Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998 г.)	+	+	+
5.	Вещий Олег (1996 г.)	+	–	+
6.	Были и небыли. Книга 1 (1988 г.)	+	+	+
7.	Были и небыли. Книга 2 (1988 г.)	+	+	+
8.	Не стреляйте в белых лебедей (1973)	+	+	+

Хронологическая фиксация лингвоконструктов, согласно графикам из Национального корпуса русского языка, имеет следующий диапазон употребления – 1973 – 2003 гг.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что функционирование триады *прошлое – настоящее – будущее* в тезаурусе Бориса Васильева обусловлено не только историческими, антропоцентрическими векторами порождения текста, но и зиждется на представлении триады как целостного, цикличного единства, благодаря которому автор формулирует философские обобщения: *«Незнание будущего – самая великая мудрость мира и наивысшая милость природы»* («Дом, который построил Дед») [Национальный корпус русского языка]; *Взлелеянное прошлое превращается в сказку, но сказками живут только дети* («Картежник и бретер, игрок и дуэлянт») [Национальный корпус русского языка].

Интерпретация смыслового содержания триады *прошлое – настоящее – будущее* позволяет говорить о её значимой составляющей в жизни человека, поскольку именно эти лингвоконструкты порождают ценностное восприятие художественной реальности: *в странно пустой и словно переливающейся голове не появлялось ни единой мысли. Ни о* ***прошлом****, ни о* ***настоящем,*** *ни о* ***будущем*** («Дом, который построил Дед») [Национальный корпус русского языка].

Следует отметить широкий диапазон смыслового наполнения триады, поскольку контекстуальное пространство функционирования анализируемых лингвоконструктов репрезентирует символику их вербализации: *Каждый человек носит в себе три ипостаси времени:* ***прошлое*** *– родители,* ***настоящее*** *– он сам,* ***будущее*** *– его дети* («Оглянись на середине») [Национальный корпус русского языка].

В результате проведенного тезаурусного анализа мы выявили имплицитную составляющую *настоящего* («*некое звено*»), в то время как *прошлое* и *настоящее* вербализированы эксплицитно: «*…то ли из-за душою расслышанных слов отца поняв вдруг, что я есть не просто говорящее, кое-как соображающее и даже немного размышляющее двуногое животное со вложенной в меня душою Божией, а* ***некое звено*** *между* ***прошлым*** *и* ***будущим»*** («Картежник и бретер, игрок и дуэлянт») [Национальный корпус русского языка].

Исследование лингвоконструктов в тезаурусе Б.Л. Васильева позволяет говорить о репрезентации национально-культурных векторов, которые способствуют выявлению ментальной природы при интерпретации смыслового содержания контекста. «В тезаурусе Бориса Васильева взаимодействие концептов обусловлено чувственной памятью, тоской по прошлому, которая выявляет ценностные факторы ментальности» [Казютина, 2021, с. 170].

Будущее России *в единстве народа и интеллигенции* («Были и небыли. Книга 1») [Национальный корпус русского языка].

Будущее России *– в руках героев…* («Дом, который построил Дед») [Национальный корпус русского языка].

Следует отметить, что лингвоконструкты реальности в тезаурусе Бориса Васильева транслируют «фоновые знания и переживания, которые в процессе

восприятия не только интерпретируются читателем, но и формируют ценностные универсалии» [Казютина, 2023, с. 236]: «*Истина была в Добре. Весь опыт прошлого требовал прямого пути к нему»* [Васильев, 2017, с. 18-19].

Таким образом, лингвоконструкты в тезаурусе Бориса Васильева являются проводником культурных, духовных, исторических и общечеловеческих ценностей и репрезентируют индивидуально-авторский интегративный комплекс художественного мировидения автора.

Список литературы

Васильев Б.Л. Век необычайный. 2017. – 291 с. Режим доступа: https://www.litres.ru/book/boris-vasilev/vek-neobychaynyy-27095281/ (дата обращения: 17.03.2025).

Казютина Е.С. Духовно-нравственные образы тезауруса Бориса Васильева / Е.С. Казютина, Е.Г. Озерова // К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. – Борисоглебск, 2021. – Вып. VI. – С. 167-171.

Казютина Е.С. Лингвокультурные маркеры художественных текстов Б.Л. Васильева / Е.С. Казютина, Е.Г. Озерова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 231-244.

Национальный корпус русского языка: сайт. – URL: https://ruscorpora.ru/results (дата обращения: 18.03.2025).

Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. – М.: Эдитус, 2019. – 190 с.

Огнева Е.А. Трансформация лингвокультурологической составляющей художественного пространства текста при переводе // Филологический аспект: международный научно-практический электронный журнал. – 2016. – №5. – С. 60-66.

LINGUISTIC CONSTRUCTIONS OF BORIS VASILIEV'S THESAURUS

Ozerova Elena Grigorievna,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature, Pedagogical Institute of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Skandakova Evgeniya Sergeevna,

Senior Lecturer of the Department of Russian Language and Business Communications, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

Abstract. The article examines linguoconstructs based on the material of Boris Vasiliev's works, presents a linguoquantitative representation of the past-present-future triad, and reveals the vectors of the author's artistic worldview, verbalized in the writer's thesaurus.

Key words: linguoconstruct, Boris Vasiliev's thesaurus, triad past – present – future.

ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В.П. КАТАЕВА

Орлова Валерия Игоревна,
кандидат филологических наук,
Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
Хвесько Тамара Владимировна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор центра иностранных языков и коммуникативных технологий
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
г. Тюмень, Россия

Аннотация. В настоящей статье исследуются такие свойства автобиографической художественной прозы, как полимодальность (мультимодальность) и интертекстуальность. Произведение мемуарного жанра В. П. Катаева "Алмазный мой венец" подвергается анализу с позиции лингвокогнитивного подхода.

Ключевые слова: художественный текст, автобиография, полимодальность, интеретекстуальность, В.П. Катаев.

Художественный текст, с позиции антропоцентризма, является отражением человеческого опыта, эмоций и ценностей. В контексте произведения автор создает мир, в котором персонажи и их переживания становятся основными объектами описания. Читатель заново воссоздает текст, интерпретируя его, исходя из собственного опыта и восприятия окружающего мира.

С точки зрения когнитивной лингвистики, художественный текст представляет собой комплексную систему концептуальных структур и метафор, которые формируют сознание автора. Поскольку любой текст двунаправлен (отношение «автор-читатель»), то при его анализе мы можем говорить о модальности декодирования – это то, как слушатель или читатель расшифровывает информацию, скрытую в тексте. Художественный текст становится полем для исследования человеческого опыта через призму языка и мышления.

Полимодальность – это «междисциплинарный подход, в рамках которого коммуникация и когниция (процесс познания) рассматриваются как процессы, выходящие за рамки вербальности и представленные в определенных условиях как возможный конструкт их пересечения» [Орлова, 2024, с. 9].

Интертекстуальность рассматривает тексты как взаимосвязанные и взаимозависимые, подчеркивая, что любой текст существует не в изоляции, а в контексте других текстов. С точки зрения постструктурализма, интертекстуальность становится ключевым понятием, поскольку этот подход отвергает идею о том, что текст имеет фиксированное значение или единую интерпретацию. Каждый текст содержит отсылки к другим текстам, культурным кодам и контекстам, что создает многослойность значений. Это означает, что значение текста всегда открыто для интерпретации и зависит от контекста, в котором он воспринимается [Барт, 1994; Бахтин, 1975; Кристева, 2000].

В постструктуралистской теории акцент ставится на активную роль читателя в создании значения. Читатель не просто воспринимает текст, но и

интерпретирует его, основываясь на собственном опыте и знаниях. Это приводит к тому, что один и тот же текст может вызывать разные интерпретации в зависимости от читательского контекста.

«Алмазный мой венец» (1978 г.) – это автобиографический роман В.П. Катаева, который представляет собой книгу воспоминаний. В произведении рассказывается о литературном сообществе 1920-30-х годов, о времени, когда писатели творили в условиях эпохи исторических перемен. Главными персонажами романа являются творческие личности Москвы, Одессы, друзья и соратники самого В.П. Катаева. Критики отмечали жанровую уникальность книги, называя её «автобиографической прозой», «мемуарным романом», «мемуарно-художественной книгой», «книгой памяти», «романом с ключом» и другими терминами.

Заглавие книги интертекстуально и метафорично одновременно. Название «Алмазный мой венец» взято Катаевым из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина. Этим украшением Марина Мнишек увенчала свою голову. Так и сам автор увенчал свою жизнь дружбой с великими художниками и их стихами: «*Оставлен «**Алмазный мой венец**». Торопясь к фонтану, я его готов надеть на свою плешивую голову»* [Катаев, 2019, с. 14].

Интертекстуальными отсылками считаются не только явные и неявные аллюзии на другие тексты, но и реалии, так в книге В.П. Катаева встречаем:

- Прецедентные имена людей (Андреев, Блок, Бунин, Гоголь, Гомер, Достоевский, Золя, Некрасов, Фет и т.д.)
- Упоминания реальных мест (Москва, Париж, парк Монсо, Сицилия, Рим, Палермо и т.д.).

Сюжет в основном разворачивается в Москве 20-х годов XX века, где город выступает в роли полноценного персонажа. В произведении подробно рассматриваются как исторические, так и современные аспекты столицы, включая её архитектурный облик. Катаев описывает процесс перестройки Москвы после революции, однако в памяти автора живут «призраки» улиц, которые уже исчезли.

Автор пишет о том, что для него существует два памятника Пушкину: новый и подлинный, призрачный, который виден лишь старым москвичам, и этот истинный памятник, как и прежде, стоит в начале Тверского бульвара. Образ сна, воспоминания о прошлом передается при помощи интертекста, например, так В.П. Катаев описывает новую и старую Москву: «Москва пушкинская превращалась в Москву Командора [Катаев, 2019, с. 43].

Командор – зашифрованное имя В. В. Маяковского, наставника и друга Катаева. Маяковский назван Командором по причине его высокого положения в литературной иерархии. Являясь другом и наставником В.П. Катаева, Маяковский как бы возвышается над остальным литературным миром. Отсюда – Командор – главный, верховный. Предполагаем, что именно с этим связано написание данного онима с прописной буквы. В. П. Катаев создает эффект зашифрованности, предлагая читателю декодировать за номинацией персонажа реального человека, что тоже служит примером интертекстуальности. Только подготовленный читатель, обладающий знанием культурного и исторического

контекста, может предугадать в героях романа реальных исторических личностей (*Босоножка* – Айседора Дункан, *Королевич* – С. А. Есенин, *Мулат* – Б. Л. Пастернак, Конармеец – И. Э. Бабель и т.д.).

Мемуарная проза Катаева изобилует отсылками на цитаты и произведения других писателей, поэтов, ученых, мастеров и т.д. Катаев ссылается на тексты своих современников и предшественников, иногда даже не указывая их авторство и не оформляя цитаты в кавычки, что и создает эффект мемуарного повествования: *«Ты ушел в бирюзовые гроты выжимать золотой виноград»* [Катаев, 2019, с. 38] (стихотворение Э. Багрицкого «Дионис»).

Многомерность образов создается за счет совмещения нескольких модусов – это и есть полимодальность. Выделяются *визуальный, аудиальный, тактильный, обонятельный, вкусовой* и *соматический* модусы.

Полимодальность создается за счет включения образов, связанных с цветом или изобразительным искусством: *«…вокруг живописно простирались вечнозеленые луга и пригорки…»* [Катаев, 2019, с. 12]. Цвет и зрительные образы – являются примерами визуального модуса, а лексема «простирались» говорит о широте изображаемого ландшафта, таким образом совмещаются визуальный и пространственный модусы.

В метафоре *«колебать мировые струны»* [Катаев, 2019, с. 91] (= «не считаться с дореволюционными авторитетами, низвергать общепринятые истины») совмещаются аудиальный и тактильный модусы. Струны при касании (колебание) издают звук, образ получается ярким и многомерным за счет своей многоканальности.

Кинестетический модус репрезентует язык тела и жестикуляцию: «*Не оборачиваясь, она повелительным жестом королевы протянула назад руку»* [Катаев, 2019, с. 16].

Обонятельный модус представлен в метафоре**:** «*Воздух, которым дышал ключик, всегда был перенасыщен поэзией Блока»* [Катаев, 2019, с.140].

Описывая голод, обрушившийся на советское государство после гражданской войны, Катаев так описывает вкус еды, которую они получали по талонам: *«…в обед какую-то затируху и горку ячной каши с четвертушкой крутого яйца, заправленной зеленым машинным маслом…»* [Катаев, 2019, с. 117-118]. В настоящем микроконтексте интересно реализуется вкусовой модус: каша, заправленная машинным маслом, ощущается как нечто отвратительное, хоть автор и не пишет прямо о вкусовых качествах такой пищи.

Соматический модус – один из наиболее комплексных, включает такие физические ощущения человека, как боль, температура и влажность воздуха. Например, совмещение визуального (цвет), обонятельного (запах) и соматического (чувство жажды) модусов обнаруживаем в микроконтексте: *«Рыбины были золотистого оттенка и распространяли острый аромат, вызывающий жажду…»* [Катаев, 2019, с. 170].

В заключение хотелось бы отметить, что В.П. Катаев, будучи великим художником слова, преодолевает интертекстуальность как неотвратимое присутствие вечности путем использования полимодальности (метафоры), привнося разнообразие в описание мира реального и мира воображаемого.

Список литературы

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика // Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-407.

Катаев В.П. Алмазный мой венец. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 320 с. – (Азбука-классика. Non-Fiction).

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // От структурализма к постструктурализму : французская семиотика. – М.: Прогресс, 2000. – 427-457.

Орлова В. И. Полимодальность как когнитивная доминанта в автобиографическом тексте (на материале произведений У.С. Моэма, Э.М. Хемингуэя и В.П. Катаева): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Тюмень: ТюмГ У, 2024. – 26 с.

POLYMODALITY AND INTERTEXTUALITY IN THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF V.P. KATAEV

Orlova Valeria Igorevna,
Candidate of Philological Sciences,
Tyumen State University, Tyumen, Russia,
Khvesko Tamara Vladimirovna,
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Center for Foreign Languages and Communication Technologies,
Tyumen State University, Tyumen, Russia

Abstract. This article examines such properties of autobiographical fiction as polymodality (multimodality) and intertextuality. The memoir genre work "My Diamond Crown" by V. P. Kataev is analyzed from the standpoint of the linguacognitive approach.

Key words: fiction, autobiography, polymodality, intertextuality, V. P. Kataev.

ЛИНГВОПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Серебрякова Светлана Васильевна,
доктор филологических наук, профессор, профессор департамента лингвистики
Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия,
Серебряков Анатолий Алексеевич,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
отечественной и мировой литературы
Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия

Аннотация. В исследовании рассматриваются лингвопереводческие особенности научной статьи как ядерного жанра литературоведческого дискурса. Доминирующая в статье

как примарно-когнитивном тексте познавательная информация вербализована как общелитературными, так и этноспецифическими терминологическими номинациями. В процессе анализа обосновано применение разноуровневых трансформаций, обеспечивающих высокую степень эквивалентности, обязательную для научного перевода.

Ключевые слова: литературоведческий дискурс, научная статья, примарно-когнитивный текст, научный перевод, эквивалентность, трансформация.

Теоретико-прикладные изыскания в области научного филологического перевода – важная и актуальная задача, решение которой предполагает необходимость выявления эффективных стратегий и способов достижения максимально высокой степени эквивалентности посредством сохранения всего объема сообщаемой информации. **Актуальность** исследования обусловлена необходимостью полноценной трансляции и распространения информации в профессиональном сообществе, способствующих активизации процессов интернационализации научной коммуникации. Особый интерес представляют литературоведческий дискурс, представленный разножанровыми научными, публицистическими и научно-популярными текстами, отражающими динамику литературных процессов, обнаруживая как универсальные, так и социокультурные особенности.

Цель данной статьи состоит в установлении особенностей перевода с немецкого языка на русский терминологических единиц, детерминирующих преемственность литературных эпох и отражающих динамику литературного процесса Германии. **Материалом** для сопоставительного лингвопереводческого анализа послужила историко-научная статья немецкого литературоведа Клауса Трегера «Aufklärung – Sturm und Drang – Klassik – Romantik. Epochendialektik oder «Geist der Goethezeit»?» [Träger, 2019], опубликованная в сборнике научных трудов «Impulse: Aufsätze, Quellen, Berichte zur deutschen Klassik und Romantik». Особое внимание было уделено не статическим свойства языка, а именно процессу смысло- и текстообразования, отражающего динамику литературной традиции и соответствующей дискурсивной практики, а также обоснованию переводческих преобразований, адекватно передающих значение исследуемых номинаций.

Современная теория текста делает акцент на функционально-коммуникативных качествах языка, так как любой текст характеризуется интенционально заданной функционально-стилевой и коммуникативно-прагматической ориентацией, определяющей репертуар языковых средств из широкой зоны выбора его автора. Тексты, реализующие различные типы научного дискурса, отличаются стремлением к точному, логичному и максимально однозначному выражению мысли. Достижению объективности изложения помимо точности способствует не только терминологичность, но и некатегоричность изложения, взвешенность оценочных суждений, «при этом язык выступает инструментом формирования и выражения ценностных предпочтений адресанта» [Серебрякова, 2024, с. 73]. Смещение научного интереса к процессам порождения и восприятия текста актуализирует важность категории адресата при изучении «текста как результата коммуникативно-когнитивной деятельности и дискурса как самого процесса» [Чернявская, 2009, с. 43]. В.Е. Чернявская справедливо утверждает, что «текст всегда соотнесен с

коммуникативной ситуацией и ее антропоцентрами: автором и адресатом, субъектом речи и его партнером/-ами по коммуникации» [Чернявская, 2005, с. 12]. В.И. Карасик подчеркивает «принципиальное равенство всех участников научного общения» [Карасик, 2004, с. 276], так как не существует монополии на конечный результат и в целом на истину ввиду бесконечности и многообразных форм познания. Однако литературоведческий дискурс не лишен различных проявлений авторской модальности и оценочности, предполагающих «рефлективную ценностно-ориентированную деятельность человека», при этом «рефлексия обеспечивает доступ к оценочным установкам и пресуппозициям, стоящим за языковым выражением» [Чернявская, 2022, с. 50].

По нашим наблюдениям, прагматически значимой чертой текстов научного литературоведческого дискурса является тенденция к эстетизации коммуникации посредством использования как традиционных экспрессивно-стилистических средств, так и различных средств визуализации, ориентированных, с одной стороны, на наглядность, а с другой, на внешнюю красоту, дизайн, на игру с формой с непременным учетом адресата. Из всех образных средств наиболее созвучным стилю научной речи оказывается сравнение как одна из форм логического мышления, используемых для пояснения и иллюстрации, зачастую без экспрессивных целей, а также стимулирующие познавательную автивность риторические вопросы. Значительным прагматическим потенциалом обладает авторская оценочная позиция, касающаяся описываемых проблем, событий и объектов. Привлекаемые для реализации этой функции средства индивидуально-авторской оценочности отражают субъективный аспект научного исследования [Серебрякова, 2024, с. 76].

Рассматриваемая литературоведческая историко-обзорная статья представляет собой открытое и в целом мягкое текстовое сообщение научного дискурса, характеризующееся достаточно стабильной композицией, филологически ориентированным содержанием, полемичностью, наличием разнообразных средств аргументации, использованием иллюстративного материала, превалированием когнитивной информации, эксплицируемой в первую очередь, специальными литературоведческими терминами. Важное место отводится автором интертекстуальным включениям в виде цитации и ссылок на концепции авторитетных немецких и зарубежных литературоведов, обеспечивающих «качественное приращение смыслов и являющимся действенным средством, организующим читательскую рецепцию» [Серебряков, 2013, с. 167]. Будучи ведущей жанровой разновидностью научного дискуса, статья наиболее часто используется как оперативный источник новой информации в определенной отрасли науки. Обзорно-теоретический характер статьи позволяет автору описать немецкую классику и романтику, определить их временные рамки, выделить характерные черты с опорой на мнения и концепции авторитетных ученых. Такие параметры текста, как объективность, логичность, доказательность, авторская позиция способствуют созданию системной основы для компрессии когнитивной информации [Бредихин, 2019, с. 142].

Мы исходим из того, что «знание как когнитивный процесс по целенаправленному осознанному раскрытию смыслов» претерпевает обусловленную фактором адресата превращение в информацию [Серебрякова, 2018, с. 132]. Доминантным видом информации, определяющим типологические характеристики рассматриваемой статьи как примарно-когнитивного типа текста, является когнитивная информация, реализуемая как общепринятой литературоведческой терминологией, так и индивидуально-авторскими терминологическими номинациями (по сути, неологизмами), а также терминами, характерными для определенной научной школы, что позволяет говорить о специфике ее терминологического состава, о вербально выраженной системе основных понятий литературоведения как сложно организованного дискурсивного научного пространства.

Аксиоматично, что термины как главные репрезентанты когнитивной информации не являются особыми языковыми единицами, по сути, это слова литературного языка в специальной понятийно-терминологической функции в составе определенной, в нашем случае литературоведческой терминологии. Как показывает практика, термины стремятся к однозначности, нейтральности и прозрачности внутренней формы, отсутствию синонимичности, что, однако, не всегда имеет место в текстовой деятельности. Иными словами, специфика термина заключается в его особом назначении – точном выражении специального понятия. Терминологическая номинация – целенаправленный, творческий процесс, подчиняющийся языковым конвенциям. При формировании плана выражения терминов из слов естественного языка важное значение приобретает их мотивированность, так как мотивированный термин легче запоминается, устанавливает ассоциативные связи с другими терминами и с именуемыми явлениями. Но полностью мотивированных терминов, по-видимому, вообще не существует. Посредством номинации фиксируется познавательно-коммуникативная деятельность ученого, адекватно отражающая в человеческом сознании те или иные стороны материального мира.

Как уже отмечалось, основная функция разножанрового научного дискурса – информативная, предполагающая использование стратегий объяснения, аргументации и доказательства с целью закрепления процесса познания и хранения знания (эпистемическая функция), получения нового знания (когнитивная функция), передачи специальной информации (коммуникативная функция), которые в полной мере должны быть сохранены в переводе. Востребованными в современном мире являются прежде всего специальные виды перевода, главенствующее место по объёму и значимости принадлежит при этом научному переводу, базовым нормативным требованием к качеству которого является обеспечение максимально высокой степени эквивалентности в плане передачи без потерь когнитивной информации. В современных исследованиях по переводу отмечается «конвергентная целостность» таких его базовых параметров, как культурный, обусловленный принятыми в обществе ценностями и традициями; социологический, описывающий участников переводческой коммуникации, и когнитивный, акцентирующий ментальные процессы переводческой интеракции

[Серебрякова, 2021, с. 19], свидетельствующих о вписанности перевода в широкий культурно-исторический и социально-экономический контекст.

Эквивалентом традиционно принято считать постоянное равнозначное соответствие, а при его отсутствии переводчик прибегает к узуальным, т.е. повторяющимся, и окказиональным, т.е. индивидуальным, контекстуальным соответствиям, требующим применения разнообразных преобразований. Термины, образуя в специальном тексте содержательно-смысловой каркас, отражают развитие исследовательской мысли, но, как и обычные слова, они проявляют разную степень полисемичности, демонстрируя разнонаправленные процесс терминологизации и детерминологизации. Несмотря на достаточно высокую степень семантической определенности, правильный перевод терминов является довольно сложной проблемой, не позволяющий ограничиться поиском эквивалента, а зачастую требующий не только поиска аналога, но и создания нового термина, который должен органически входить в существующую терминологическую систему. К тому же нередко используется описательный перевод, приводящий к созданию громоздких конструкций.

Лексический состав рассматриваемой литературоведческой статьи включает как стилистически нейтральную, так и стилистически маркированную терминологическую лексику. Терминология статьи представлена явно преобладающими общелитературными терминами, а также терминами, описывающими немецкую классику, романтизм, эпоху Бури и натиска и Просвещения. Включенные в картотеку терминологические единицы были классифицированы по морфологическим признакам на однословные, двухсловные и многокомпонентные; в статье К. Трегера преобладают однокомпонентные, как правило, композитные термины-существительные, и двухкомпонентные сочетания типа прилагательное + существительное, которые, специфицируют черты или особенности того или иного понятия или литературного процесса.

Как показал лингвопереводческий анализ, большая часть терминологии была переведена при помощи калькирования, которое характеризуется высокой степенью механистичности, обеспечивающей, тем не менее, высокую степень эквивалентности: *das Werk der Geistesgeschichte – произведение духовной истории, das literarische Weltbild – литературная картина мира, die Literaturströmung – литературное течение, die Realismusproblematik – проблематика реализма, die Materialität der literarischen Strukturformen – материальность литературных структурных форм, das Kunstmonopol – художественная монополия, das geschichtliche Selbsbewustsein – историческое самосознание, klassisches Persönlichkeitsideal – классический идеал личности, die «Volksgeist»-Ideologie – идеология «духа народа».* Но даже в случаях перевода посредством калькирования могут возникнуть ситуации, требующие особого внимания. Так, например, выражение *die Kohärenz der Epoche* было переведено как *когерентность эпохи*. Но словарь, помимо соответствия *когерентность* дает и такие значения, как *связность, интегрированность*, которые также являются адекватными соответствиями в данном контексте. Но так как исходный текст является научным, то в переводе должна быть сохранена терминологичность текста.

Наибольший интерес для данного исследования представляют немецкие номинации, не имеющие эквивалентов в переводящем языке и поэтому подвергшиеся трансформациям. Достаточно востребованным оказался прием дифференциации значения. Так, например, выражение *die Erneuerung der abendländischen Menschheit* было переведено как *обновление европейской цивилизации*, в то время как словарными соответствиями существительного *die Menschheit* являются *человечество, толпа народа*. Использованное в переводе соответствие *цивилизация* является стилистически адекватным. В качестве примеров можно привести следующие выражения: *die gemeinsame Klassengrundlage – единая классовая основа*; *die ursprüngliche Individualität – исконное своеобразие*; *die tragenden Kräfte der Literaturprozesse* было – *движущие силы литературных процессов*.

Именно конкретизация позволяет установить контекстуальный смысл терминологического значения исходного слова, который отсутствует в лексикографических источниках. Так, метафорическое выражение *die literarisch-historische Gedankengebäude* было переведено как *литературно-исторические умозрительные построения* с утратой заложенной автором метафоричности, способствующей образно-экспрессивной визуализации восприятия.

Прием генерализации, заключающийся в противовес конкретизации в замене частного общим, видового понятия родовым, часто используется для более обобщенной репрезентации соответствующего понятия. Так, выражение *die geistige Produktion* было переведено как *духовное творение*. Номинация *творение* более точно передает исходную информацию, так как подразумевает под собой не только изготовление (*Produktion*), но и первоначальную идею.

Прием смыслового развития предполагает различные метафорические и метонимические замены, производимые на основе категории перекрещивания. Если учесть, что все знаменательные части речи делятся на три категории (предметы, процессы и признаки), то в ходе перевода наблюдается поразительное разнообразие замен как внутри каждой категории, так и между категориями. Так, терминологическое сочетание *die Entwicklungsstufen der Individualität* было переведено как *этапы развития индивидуального своеобразия*. Словарным соответствием существительного *Individualität* являются *индивидуальность*, но контекст актуализирует наличие индивидуальных особенностей, отличительных черт каждого рассмотренного в отдельности периода, поэтому был избран вариант *индивидуальное своеобразие.*

Особое место в переводческой практике занимает прием целостного преобразования, обладающий значительной автономностью и требующий от переводчика глубоких знаний в соответствующей области и творческого потенциала. Данное переводческое преобразование можно определить как синтез значения без непосредственной связи с анализом; при этом целостно преобразуется внутренняя форма любого отрезка речевой цепи – от отдельного слова, большей частью сложного, до синтагмы, а порой и целого предложения, утрачивая видимую связь между внутренней формой единиц исходного и переводящего языков. Логико-семантической основой выступает в таких случаях отнесенность исходной и преобразованной единицы перевода к одному

и тому же отрезку действительности. Так, выражение *das Vokabular (weniger einer Begrifflichkeit)* было переведено как *лексический минимум (с использованием минимального количества терминологии)*, что позволило передать значительную информативную ёмкость немецкого понятия.

Отметим также важность такого прагматически значимого приема адаптации, как добавление, призванного, с одной стороны, восполнить недостающие знания реципиента, а с другой, снять «формальную невыраженность» семантических компонентов словосочетания в исходном языке [Бархударов, 2008, с. 221]. Так, выражение *die geistig-künstlerische Leistung* было переведено как *достижение в области художественного искусства* посредством введения связующего элемента *в области* в соответствии с узусом переводящего языка; выражение *die unendliche Verwandlung* было переведено как *состояние бесконечных изменений*.

Таким образом, высокая степень эквивалентности перевода научно-теоретической литературоведческой статьи с немецкого языка на русский была обеспечена как словарными эквивалентами, так и контекстуально обусловленными соответствиями, полученными в результате таких преобразования исходных терминологических номинаций, как калькирование, конкретизация, генерализация и дифференциация значения, смысловое развитие и описательный перевод. При переводе терминов-словосочетаний были также использованы перестановки, добавления, целостное преобразование.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 240 с.

Бредихин С.Н. Способы компрессии когнитивной информации в научно-популярном тексте / С.Н. Бредихин, С.В. Серебрякова, А.А. Лиховид // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – №3. – С. 139-145.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Серебряков А.А. Интертекстуальность как маркер взаимодействия индивидуально-авторских художественных систем / А.А. Серебряков, С.В. Серебрякова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – №1(34). – С. 166-172.

Серебрякова С.В. Дихотомия когнитивного пространства: о корреляции понятий «знание» и «информация» / С.В. Серебрякова, Е.Е. Плохая // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 3(31). – С. 130–137.

Серебрякова С. В. Ситуативно-когнитивный подход в переводоведении: истоки и эвристический потенциал / С.В. Серебрякова, А.И. Милостивая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 18–28.

Серебрякова С. В. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на

материале текстов В. Г. Сурдина) / С.В. Серебрякова, Р.И. Кибкало // Известия ЮФУ. Филол. науки. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 72-83.

Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста. – Изд. 3-е, стер. – М.: КомКнига, 2005. – 128 с.

Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.

Чернявская В.Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 44-55.

Träger, C. Aufklärung – Sturm und Drang – Klassik – Romantik. Epochendialektik oder «Geist der Goethezeit»? / C. Träger // Impulse. Aufsätze, Quellen, Berichtezur deutschen Klassik und Romantik. – Folge 3. – Berlin, Weimar: Lang, 2019. – S. 9-89.

LINGUISTIC TRANSLATION SPECIFICS IN GERMAN DISCOURSE OF LITERARY CRITICISM

Serebriakova Svetlana Vasiljevna,
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Linguistic Department
North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
Serebriakov Anatolij Alekseevich,
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and World Literature
North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The present study deals with the linguistic translation specifics of scientific article as the core genre of literary criticism. Cognitive information as the dominating type of information in the article as a form of primarily cognitive text is verbalized through both general literary and national-specific terminology. The study findings justify the use of multi-level transformations allowing for the high degree of equivalence, which is of utmost importance in scientific translation.

Key words: discourse of literary criticism, scientific article, primarily cognitive text, scientific translation, equivalence, transformation.

ЛИНГВОСОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ «РОССИЯ», КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА СТРАНЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БРИКС*

***Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, https://rscf.ru/project/24-18-00049/.**

Сибиряков Игорь Вячеславович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры Отечественной и зарубежной истории
Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием лингвосоциального конструкта «Россия» в русскоязычном сегменте медиапространства БРИКС. Выявлены наиболее распространенные на ресурсе TV BRICS элементы

лингвосоциального конструкта «Россия». Отмечен неустойчивый характер медиапространства БРИКС, во многом определяющий подвижность смыслового объема самого конструкта.

Ключевые слова: БРИКС, лингвосоциальный конструкт, медиапространство, образ, Россия.

Созданное в 2009г. межгосударственное объединение Бразилии, России, Индии и Китая (первоначально оно получило название БРИК, а после вхождения в его состав ЮАР стало называться БРИКС) за последние годы «превратилось в многопрофильное стратегическое партнерство, которое базируется на трех ключевых основаниях: политика и безопасность; экономика и финансы; культура и гуманитарные связи» [Пивовар, 2024, с. 13]. Этот альянс вызывает противоречивые оценки и суждения политиков, экономистов, политологов в разных странах мира, но мало, кто из них, готов игнорировать роль альянса в решении самых сложных проблем современного человечества. Именно этим объясняется особый повышенный интерес исследователей ко многим процессам, проходящим внутри БРИКС, в том числе в информационной сфере.

Одним из важных элементов создаваемого в последние годы медиапространства БРИКС, на наш взгляд, является мультимедийный ресурс TV BRICS. Он осуществляет конструирование и трансляцию того медиаобраза Российской Федерации, который с точки зрения его создателей должен стать основой позитивного образа страны в медиапространстве альянса. Тестовое вещание канала TV BRICS (важнейший компонент мультимедийного ресурса TV BRICS) началось 3 июня 2017 г. на телеканале «Продвижение». Проект был создан при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации с целью освещения политического, экономического и гуманитарного сотрудничества стран БРИКС, содействия международному, культурному и информационному обмену. «На базе телеканала TV BRICS и портала tvbrics.com была сформирована сеть национальных медиапартнеров стран БРИКС, функционирующая через систему многостороннего обмена контентом… .TV BRICS регулярно размещает как собственные материалы, так и материалы других партнеров сети на ресурсах партнерских СМИ, выступая информационным хабом, обеспечивающим движение новостного и авторского контента по сети национальных СМИ» [Шестаков, 2023].

Заметную роль в процессе формирования позитивного медиаобраза Российской Федерации играет лингвосоциальный конструкт «Россия» (он является важным элементом концепта «Россия»), который применяется в различных разделах ресурса очень активно уже много лет.

Анализ контента мультимедийного ресурса TV BRICS позволил нам выявить несколько устойчивых языковых конструкций, которые наиболее часто используются в первую очередь в заголовках тех информационных материалов, что, посвящены Российской Федерации, и размещены на ресурсе. Создатели ресурса выделили 6 основных направлений, по которым сгруппированы информационные сообщения. Внутри каждого из направлений информация разделена по 10 странам, список которых всегда открывает Россия независимо от того на каком языке размещен данный материал.

В первом разделе, получившим название «Новости общества стран БРИКС» в подразделе «Россия», за период декабрь 2024 г. – февраль 2025 г. в новостных заголовках, на которые по замыслу авторов ресурса его читатель должен обратить особое внимание, самым распространенным термином оказался термин «сотрудничество». В 46 информационных сообщениях он использовался как элемент заголовка 9 раз (то есть в 20% информационных сообщений, размещенных в этом подразделе ресурса). Термин «партнерство» использовался в этом качестве 4 раза (в 9% информационных сообщений), термин «развитие» 2 раза (в 4% информационных сообщений) [Новости общества стран БРИКС, 2025].

Во втором разделе, получившим название «Новости экономики стран БРИКС» в подразделе «Россия», за период декабрь 2024г. – февраль 2025г. было размещено 18 сообщений, в заголовках которых 3 раза использовалась термин «рост» (в 17% информационных сообщений) и 3 раза использовался термин «товарооборот»/ «торговля» (в 17% информационных сообщений). [Новости экономики стран БРИКС, 2025]

В третьем разделе получившим название «Новости технологий стран БРИКС» в подразделе «Россия», за период декабрь 2024 г. – февраль 2025 г. было размещено 6 сообщений, в заголовках которых 2 раза использовалась термин «развитие» (в 33% информационных сообщений).

В четвертом разделе, получившим название «Новости спорта стран БРИКС» в подразделе «Россия», за период декабрь 2024 г. – февраль 2025 г. было размещено 14 сообщений, в заголовках которых 4 раза использовалась термин «турнир» (в 29% информационных сообщений) и 2 раза использовался термин «фестиваль» (в 14% информационных сообщений).

В пятом разделе, получившим название «Новости культуры стран БРИКС» в подразделе «Россия», за период декабрь 2024 г. – февраль 2025 г. было размещено 29 сообщений, в заголовках которых 9 раз использовалась термин «Москва» или производные от него (в 31% информационных сообщений), 3 раза использовался термин «археология» (в 10% информационных сообщений), 2 раза использовалось сочетание «русские сезоны» (в 7% информационных сообщений).

В шестом разделе, получившим название «Новости культуры стран БРИКС» в подразделе «Россия», за период декабрь 2024 г. – февраль 2025 г. было размещено 4 сообщения, в заголовках которых 3 раза использовалась термин «турпоток» (в 75% информационных сообщений) [Новости культуры стран БРИКС, 2025].

То есть лидерами по частоте использования в заголовках информационных сообщений, характеризующих различные аспекты взаимодействия стран БРИКС, в подразделе «Россия» на информационном ресурсе TV БРИКС оказались такие термины, как «турпоток», «Москва». «сотрудничество».

В сочетании с термином «Россия» эти термины создают конструкцию, которая должна восприниматься потребителями контента, как, безусловно, (с эмоциональной точки зрения) позитивная конструкция, отражающая стремление России к сотрудничеству с самыми разными странами (наиболее часто термины

«сотрудничество» использовался в информационных сообщениях, посвященных Китаю и Ирану) и в разных сферах.

Обращает на себя внимание тот факт, что при этом лингвосоциальный конструкт «Россия» носит «зонтичный» характер, скрывая различные социальные, политические, экономические группы населения, которые играют совершенно разную роль в жизни страны, имея совершенно разные возможности для воздействия на отношения внутри альянса, да и на ситуацию внутри страны. В этот же конструкт интегрируются представления об истории, культуре, социальных аспектах жизни общества, что придает самому конструкту универсально неопределенный характер, оставляя для его создателей возможности быстрой трансформации конструкта в зависимости от изменений, происходящих в политическом пространстве.

Очевидно, что использование таких «зонтичных» конструкций вызвано необходимостью создания в медиапространстве БРИКС такого образа России, который бы соответствовал установкам политической элиты страны на объединение всех групп населения и консолидацию всех страт общества, и представление страны в международном медиапространстве, как страны единой и сплоченной, способной решать любые, даже самые сложные задачи.

Конечно, использование лингвосоциального конструкта «Россия» имеет богатую историческую традицию. Однако на разных этапах истории реальное смысловое наполнение этого термина было различным. Например, в XIX в. важнейшими системообразующими элементами конструкта «Россия» были понятия «самодержавие», «православие», «народность». Не случайно в XX в. после трагических событий 1917 г. начался процесс создания нового лингвосоциального конструкта «Советская Россия» призванного соединить образы дореволюционной и постреволюционной России. Важными элементами этого конструкта стали понятия «революция», «диктатура», «победа». Несмотря на то, что он сумел сохранить свое место в информационном пространстве 20-30-х гг. XX века, в итоге данный конструкт «проиграл» противостояние лингвосоциальному конструкту «Советский Союз», который занял доминирующие позиции в информационном пространстве после Второй мировой войны, базируясь на таких понятиях, как «коммунизм», «победа», «прогресс». Показательно, что лингвосоциальный конструкт «Советский Союз» до сих пор, остается востребованным в постсоветском медиапространстве [Адясова, 2015, с. 4].

На наш взгляд, при изучении потенциальных возможностей лингвосоциального конструкта «Россия» в медиапространстве БРИКС следует обратить особое внимание не только на то, что уже включено в этот конструкт, в первую очередь понятия, отражающие готовность современной России к диалогу и сотрудничеству во всех сферах межгосударственных отношений, но и на то, что в него в силу разных причин и обстоятельств пока не вошло. Очевидно, что создатели лингвосоциального конструкта «Россия» в медиапространстве БРИКС, а по-нашему убеждению, этот процесс носит вполне рациональный, управляемый характер, стараются (и пока вполне успешно) не допустить включения в этот конструкт в качестве самостоятельных элементов таких понятий, как «война»,

«кризис», «революция». Эти выражения практически не встречаются в новостной ленте ресурса TV BRICS, в подразделе «Россия», нет их в названиях материалов, размещенных в многочисленных подкастах и подразделах. Показательно, что они фактически отсутствуют в многочисленных интервью государственных чиновников, деятелей отечественной культуры и науки, размещенных на ресурсе. Понятно, что при переводе этих материалов на основные языки, которые используются в медиапространстве БРИКС, эти термины тоже не появляются. При этом в медиапространстве, которое сформировалось на европейском континенте (при всей условности деления медиапространства по географическому принципу) лингвосоциальный конструкт «Россия» очень часто включает такие понятия, как «война», «агрессор», «диктатура». Это придает образу России, который формируется с использованием такого и аналогичный лингвосоциальных конструктов ярко выраженный негативный характер.

Радикальное противостояние базовых лингвосоциальных конструктов делает крайне сложным диалог в мировом медиапространстве даже на лингвистическом уровне. Очень непростой, на наш взгляд, является ситуация и в медиапространстве БРИКС.

Специфика медиапространства стран БРИКС, во многом определяется тем, что несмотря на уже достаточно долгую историю существования альянса, его медиапространство находится в очень неустойчивом состоянии, в очень сложных отношениях с национальными медиапространствами стран участниц альянса и с медиапростраствами, которые возникли и возникают в других межгосударственных объединениях. Проблема особенно обострилась после принятия решения о существенном расширении БРИКС в 2024 г.

Часть исследователей полагают, что формирование медиапространства БРИКС еще далеко не закончено, и уже в ближайшем будущем его могут ожидать серьезные трансформации, связанные, как с технологическими революциями в медиапространстве, так и с трансформациями внутри самого альянса и на международной арене в целом. «Говоря об информационном потенциале БРИКС, – пишут исследователи О.Г. Карпович и Ю.И. Герасимова, важно обозначить, что все входящие в данный форум страны являются системообразующими региональными субъектами. Мощный блок с населением около 50 % от общемирового вполне может стать одним из основных акторов в глобальном медиапространстве, составив достойную конкуренцию западным и прозападным средствам коммуникации...» [Карпович, 2022, с. 192].

При этом неустойчивый характер медиапространства альянса придает особое значение тем образам страны, которые должны в этом пространстве формироваться и функционировать, а они в свою очередь должны создаваться и развиваться с помощью визуальных и вербальных элементов, в том числе и такого лингвосоциального конструкта, как «Россия».

Список литературы

Адясова Л.Е. Концепт Советский Союз и его языковая экспликация в современном российском медиадискурсе. Дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2015. – 269 с.

Карпович О.Г. БРИКС в контексте современных международных информационных процессов / О.Г. Карпович, Ю.И. Герасимова // Проблемы постсоветского пространства – 2022. – №9. – С.191-203.

Новости общества стран БРИКС. – URL.: https://tvbrics.com/society/ (дата обращения 12.03.2025).

Новости экономики стран БРИКС. – URL.: https://tvbrics.com/economy/ (дата обращения 12.03.2025).

Новости культуры стран БРИКС. – URL.: https://tvbrics.com/culture/ (дата обращения 12.03.2025).

Пивовар Е.И. БРИКС: этапы становления и развития / Е.И. Пивовар, И.С. Кондрашова // Межгосударственное объединение БРИКС. Страницы истории и современность / под ред. Е. И. Пивовара. – СПб.: Алетейя, 2024. – С.8- 40.

Шестаков С. Жанна Толстикова о важности информационного взаимодействия. – URL.: https://expertnw.com/obshchestvo/zhanna-tolstikova-o-vazhnosti-informatsionnogo-vzaimodeystviya/ (дата обращения 12.03.2025).

THE LINGUISTIC AND SOCIAL CONSTRUCT "RUSSIA" AS A TOOL FOR FORMING A POSITIVE IMAGE OF THE COUNTRY IN THE BRICS MEDIA SPACE

Sibiryakov Igor Vyacheslavovich,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Russian and Foreign History
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Annotation. The article discusses issues related to the use of the linguosocial construct "Russia" in the Russian-speaking segment of the BRICS media space. The most common elements of the linguosocial construct "Russia" on the TV BRICS resource have been identified. The unstable nature of the BRICS media space is noted, which largely determines the mobility of the semantic scope of the construct itself.

Key words: BRICS, linguistic and social construct, media space, image, Russia.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ИДЕИ РЕАЛЬНОСТИ В АВТОРСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ НА БАЗЕ ОТНОШЕНИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ

Скокова Татьяна Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия,
Воронина Лариса Владимировна,
доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и французского языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В работе на материале авторского философского дискурса анализируется философская реальность, которая формируется благодаря «языковой игре», рассматриваемой

как специфический механизм, направленный на объективацию отдельных когнитивных образов и смыслов в целом через использование языковых средств. Процесс смыслообразования интерпретируется с помощью выработанной модели, базирующейся на отношении включения, так как включение – это не только системная, функциональная связь, но и одно из первичных, необходимых конструктивных отношений, способов моделирования.

Ключевые слова: идея реальности ВРЕМЯ, идея реальности ПРОСТРАНСТВО, отношение включения, концептуальная схема, авторские смыслы.

Введение. В предлагаемом исследовании рассматривается объективация реальности в авторском философском дискурсе. Философский дискурс включает систему текстов, которые охватывают явления, относящиеся к соответствующей области знания, и которые, в первую очередь, передают воззрения автора на средства и модели познания реальности. **Целью статьи** является попытка доказательства того, что философская реальность формируется благодаря авторской языковой игре, смысл которой заключается в репрезентации когнитивных образов посредством соответствующих языковых средств. Как подчеркивает Л. Витгенштейн, «элементы языка обладают смыслом только тогда, когда они рассматриваются как часть игры с правилами и установками, то есть смысл формируется только при определенном употреблении языковых явлений, а не как абстрактное явление» [Витгенштейн, URL]. **Новизна работы** состоит в разработке, анализе функционирования и реализации модели авторской «языковой игры». **Материалом** для исследования послужил философский дискурс И. Канта, а именно, его труд «Kritik der reinen Vernunft». **Задачи** представленной работы:

- установление связей отношения включения с общеязыковыми категориями и выявление отношения включения, сопряженного со структурно и концептуально детерминированными языковыми средствами;
- выделение концептуальных схем, рассматриваемых как феноменов уподобления точкам зрения индивидуума;
- интерпретация смыслов.

В свою очередь, «концептуальные схемы являются способами организации опыта; их рассматривают как системы категорий, придающих форму чувственным данным; они также уподобляются точкам зрения индивидов, культур и эпох на происходящие события» [Дэвидсон, URL]. **Методологическую базу** работы составили метод когнитивного моделирования, концептуальный анализ и контекстуальный анализ.

Актуальность исследования усматривается в необходимости понимания реальности, по Канту, не как единообразия, а как множественности реальностей, являющихся способом существования людей в мире, включая тот мир, в котором мы живем здесь и сейчас, который «замкнут на субъекте»: субъектом создается, зависит от субъекта. Обращение к авторскому философскому дискурсу объясняется тем, что индивидуум, у которого отсутствуют временные и пространственные представления, тождественные реальности, не в состоянии познать современный противоречивый мир. Несоразмерное реальности представление о ходе времени, о его стремительном темпе движения, например, в социальной жизни, которые выше, чем биоритмы организма человека, может отрицательно сказаться на физическом и психическом здоровье нашего современника.

Основная часть. Идею реальности необходимо отличать от идеи действительности. Словарь DWDS приводит следующую этимологию понятия «реальность»:

Realität f. '*Wirklichkeit, Tatsache, tatsächliche Beschaffenheit, künstlerische Wahrhaftigkeit'.* Bedeutungen: *Gegebenheit: Realität, Tatsächlichkeit, Wirklichkeit, (das) Hier und Jetzt, Boden der Tatsachen; (das) wahre Leben, Faktizität*

real Adj. '*dinglich, sachlich, wirklich, tatsächlich, der Wirklichkeit entsprechend*' (Mitte 17. Jh., vgl. schon Realwerk, Anfang 17. Jh.), entlehnt aus spätlat. reālis '*wirklic*h', mlat. '*die Sache betreffend, sachlich, wesentlich*', zu lat. rēs '*Sache, Ding, Wesen, Angelegenheit, Ereignis, Erscheinung, Interesse, Vorteil, Rechtssache*' [DWDS, URL].

Сравним этимологию понятия «действительность»:

Wirklichkeit f. *'tatsächliche Existenz, Realität',* spätmhd. wirke, würkelīcheit '*Tätigkeit, Wirksamkeit, Aktivität*';

wirklich Adj '*tätig, wirksam, wirkend'*;

wirksam Adj. '*handelnd, tätig, schöpferisch, aktiv*' (17. Jh.), '*einen Einfluß, eine Wirkung ausübend*' (16. Jh.). Bedeutungen: *das tatsächlich Existierende, die Tatsachen, Realität* [DWDS, URL].

Наблюдается следующее соотношение между понятиями: отношение пересечения или неполного совпадения, а также инклюзия, при которой *Realität* включает в себя *Wirklichkeit*.

«Реальность понимается как мир в целом, а действительность – как актуализирующаяся в конкретное время в конкретном пространстве реальность. В данном значении действительность противополагается возможности как актуальность потенциальности и соотносится с действием» [Оводова, 2013, с. 101–102]. Действительность может также быть представлена как включающее, а реальность – как включаемое, что значит: разная объективация действительности служит источником проявления особой реальности.

В своих работах [Скокова, 2000; Воронина, Мельникова, Скокова, 2024] утверждаем, что отношения, реализуемые синтаксическими структурами, в динамическом конструкте объедены общим смыслом. Отношение включения составляет основу этой модели: связь актуализируется со стороны включающего, сопряженного, как правило, с препозитивным компонентом в тринарной структуре включения. Рассматриваемая здесь модель базируется именно на таком понимании отношения включения.

Идея реальности сопряжена у И. Канта с множественностью ВРЕМЯ. «Включение является основным отношением, на базе которого реализуется множественность» [Скокова, 2000, с. 10]. Приведем примеры. *«Die Zeit ist kein empirischer Begriff, der irgend von einer Erfahrung abgezogen worden. Denn das Zugleichsein oder Aufeinanderfolgen würde selbst nicht in die Wahrnehmung kommen, wenn die Vorstellung der Zeit nicht a priori zum Grunde läge. Nur unter deren Voraussetzung kann man sich vorstellen: dass einiges zu einer und derselben Zeit (zugleich) oder in verschiedenen Zeiten (nach einander) sei»* [Kant, 2005, S. 80].

Формально включение в философском дискурсе И. Канта часто соотносится с субъектно-предикатной структурой. Инклюзия в высказываниях

может быть сопряжена с конструкцией *связка + предикативное имя*. Реализация модели формирования авторских смыслов выглядит следующим образом: ВРЕМЯ включает концептуальную схему *die Vorstellung a priori, das Zugleichsein (was zu einer und derselben Zeit (zugleich) ist), Aufeinanderfolgen (was in verschiedenen Zeiten (nach einander) ist).* Смысловая нагрузка, на наш взгляд, состоит в том, что время должно восприниматься как один из важных параметров жизни индивидуума. Исчезновение того, кто воспринимает время, единственного его «носителя», приведет к исчезновению прошлого, настоящего и будущего. Ср.: «*Es bleibt also ihre empirische Realität als Bedingung aller unsrer Erfahrungen… Sie ist nichts, als die Form unsrer inneren Anschauung. Wenn man von ihr die besondere Bedingung unserer Sinnlichkeit wegnimmt, so verschwindet auch der Begriff der Zeit*» [Kant, 2005, S. 86].

К типам инклюзивных структур в философском дискурсе И. Канта относятся дефиниции, сформированные на основе связочных конструкций. Здесь речь идет о «классифицирующем и идентифицирующем типах включения» [Скокова, 2000, с. 16]. Приведем пример еще одного положения И. Канта: *«Die Zeit ist nichts anders, als die Form des innern Sinnes, d. i. des Anschauens unserer selbst und unsers innern Zustandes. Denn die Zeit kann keine Bestimmung äußerer Erscheinungen sein; Sie gehöret weder zu einer Gestalt, oder Lage etc. dagegen bestimmt sie das Verhältniß der Vorstellungen in unserm innern Zustande»* [Kant, 2005, S. 83]. В анализируемом фрагменте включающим является ВРЕМЯ, включаемые – *die Form des inneren Sinns, die Form des Anschauens unserer selbst und unsers inneren Zustandes.* На базе инклюзивности формируется смысл: время – это отражение в психике индивидуума совокупности событий в жизни, рассматриваемых во временном отношении, детерминированных субъективными факторами. Время – это, исходя из утверждений Канта, в первую очередь психологический феномен, но включенный в астрономическое, геологическое, физиологическое время. Ср.: «*Realität …der Zeit lässt übrigens die Sicherheit der Erfahrungserkentniß unangetastet: denn wir sind derselben eben so gewiß, ob diese Formen den Dingen an sich selbst, oder nur unsrer Anschauung dieser Dinge nothwendiger Weise anhängen*» [Kant, 2005, S. 87].

Еще одна идея реальности ПРОСТРАНСТВО представляет собой множество, инкорпорирующее авторские концептуальные схемы. Некоторые примеры из рассматриваемого философского дискурса.

(1) «*Denn erstlich kann man sich nur einen einigen Raum vorstellen, und wenn man von vielen Räumen redet, so verstehet man darunter nur Theile eines und desselben alleinigen Raumes»* [Kant, 2005, S. 75];

(2) «*Der Raum wird als eine unendliche Größe gegeben vorgestellt*» [Там же];

(3) «Der Raum ist nichts anders, als nur die Form aller Erscheinungen äußerer Sinne, d. i. die subiective Bedingung der Sinnlichkeit, unter der allein uns äußere Anschauung möglich ist» [Kant, 2005, S. 77]. Модель смыслопорождения может быть представлена в следующем виде: включаемое – ПРОСТРАНСТВО → включаемые – *viele Räume als Teile eines Raums, eine unendliche Größe, die Form aller Erscheinungen äußerer Sinne, die subjektive Bedingung der Sinnlichkeit, eine reine Anschauung*. Как в предложениях выше, так и в фрагментах (1), (2), (3)

реализуется «*коммуникативное включение*». Коммуникативное включение предполагает наличие двух составляющих. Пространство текста, организованное языковой личностью, отражает дробление мира на альтернативные миры. В выборе языковых средств, синтаксических структур, в целом, в организации текста отражена проекция автора его мироощущения. Текст следует рассматривать как «проекцию миропонимания автора, как результат его включения в коммуникативный процесс» [Скокова, 2000, с. 9]. Основной смысл заключается, на наш взгляд, не только в восприятии амбивалентности взглядов автора на пространство, но и в понимании его главной мысли о том, что пространственные (а также и временные) представления в человеческом сознании служат одним их наилучших средств познания мира, на их основании формируется релевантное отношение к реальности.

Выводы. 1. В работе идея реальности рассматривается как способ существования человека в этом мире, реальность есть «выстраиваемое» или «формируемое» субъектом.

2. Термин «языковая игра» в статье восходит к учению Л. Витгенштейна, который понимается, вслед за ученым, как игра со смыслами языковых явлений, которые в авторском контексте наполняются новыми значениями.

3. Инклюзивное отношение реализуется в широком диапазоне словарных дефиниций, умозаключений, логических суждений.

4. Объективация реальности в философском дискурсе основывается, среди прочего, на языковой игре, выражающейся в следующей модели: идея реальности/включающее → отношение включения → концептуальная схема / включаемое → смысл.

Список литературы

Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы / Перевод на русск. А.Л. Золкин // Гуманитарный портал : сайт. – URL: https://gtmarket.ru/library/articles/1696 (дата обращения: 07.03.2025).

Витгенштейн Л. Философские исследования. – URL: https://navadhi.narod.ru (дата обращения: 07.03.2025).

Воронина Л.В. Отношение тождества в аспекте особенностей его функционирования в художественном дискурсе / Л.В. Воронина, Ю.Н. Мельникова, Т.Н. Скокова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2024. – Т. 43, № 3. – С. 355–363.

Оводова С.Н. Идея реальности в философских понятиях и метафорах / С.Н. Оводова // Омский научный вестник. – №4 (121). – 2013. – С. 101-105.

Скокова Т.Н. Отношение включения в семантике и синтаксисе немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2000. – 23 с.

DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart / Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften; Red.: A. Geyken, L. Lemnitzer. – Berlin. – URL: https://www.dwds.de. (дата обращения: 07.03.2025)

Kant I. Kritik der reinen Vernunft. – M.: ACT. Астрель, 2005. – 696 с.

OBJECTIFICATION OF THE IDEA OF REALITY IN THE AUTHOR'S PHILOSOPHICAL DISCOURSE BASED ON THE RELATION OF INCLUSION

Skokova Tatiana Nikolaevna,
Candidate of Philology, Assistant Professor of German and French Languages Department of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,
Voronina Larisa Vladimirovna,
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of German and French Languages Department of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The given work, based on the material of the author's philosophical discourse, analyzes the philosophical reality, which is formed thanks to the «language game», considered as a specific mechanism aimed at the objectification of individual cognitive images and meanings in general through the use of the linguistic means. The process of meaning formation is interpreted with the help of the developed model, based on the relation of inclusion, since inclusion is not only a systemic, functional connection, but also one of the primary, necessary constructive relations, methods of modelling.

Key words: idea of reality TIME, idea of reality SPACE, relation of inclusion, conceptual scheme, author's meanings.

ТИПОВЫЕ МОДЕЛИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ И ИХ ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Суюнова Гульнара Сейльбековна,
доктор филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета им. Әлкей Марғұлан, г. Павлодар, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается одно из проявлений коммуникативного аспекта межэтнического общения, а именно – типовые модели подобной коммуникации. Подчеркивается стереотипная основа подобных моделей и выявляется их языковая форма. Также рассматриваются ситуации их функционирования.

Ключевые слова: типовая модель, межэтнический, языковая форма, стереотип.

Лингвоконструкты появляются как результат обобщения свойств сложных, гетерогенных объектов, могущих рассматриваться под разными углами зрения. Скажем, концепт как абстрактное явление с высокой степенью обобщения может быть отнесен к лингвоконструктам. Здесь можно сослаться на работы исследователя Е.А. Огневой по моделированию художественного текста [Огнева, 2022; 2019]. Так, в работе 2022 г. ученый пишет: «Моделирование исследовательских конструктов является одним из активно развивающихся векторов научного поиска в современной когнитивной лингвистике» [Огнева, 2019, с. 37]. Она ссылается на мнение Белоусова К.И. о том, что «в языкознании в целом

происходит смена научной парадигмы с «описательности» на «моделируемость» [цит. по Огнева, 2022, с. 37]. В этой же статье мы видим реальный научный результат лингвистического конструирования в виде предложенной Е.А. Огневой типологии текстовых когнитивных конструктов и проксем [Огнева, 2022].

Также можно привести работу российского ученого С.В. Шевякиной по исследованию «интернет-дискурса психологии ЗОЖ как лингвоконструкта реальности», что, по ее мнению, «представляется чрезвычайно важным и перспективным» [Шевякина, 2020, с. 192].

Вышеприведенное положение о смене парадигм языкознания и показ путей реализации парадигмы моделирования побуждает нас задуматься о возможности работы в данном направлении с учетом своих научных интересов.

В свое время некоторые результаты нашей многолетней работы по анализу явления межэтнической коммуникации были отражены в исследовании «Межэтническая коммуникация: онтология и аспектология» [Суюнова, 2014]. Многоаспектный анализ межэтнической коммуникации осуществлялся нами на основе учета множества факторов с использованием метода моделирования.

В данном докладе мы представляем фрагмент подобной работы, в котором описываем коммуникативные ситуации межэтнического общения устойчивого характера. Такие ситуации реализуются по определенным моделям, имеющим следующие языковые формы:

– как принято у вас/у них – у нас;
– как говорят у вас/у них – у нас;
– все вы (казахи, русские и т.д.) такие;
–как всякий (русский, казах) и т. д…
– такой же хороший, как …;
– хороший, даром что не … (казах, русский и т.д.).

В качестве преамбулы к анализу подобных коммуникативных ситуаций приведем мысль исследователя А.А. Аймолдиной: «Соотнесенность культурных и языковых знаков позволяет утверждать, что в межкультурной коммуникации недостаточно знаний лингвистических, в большей мере для взаимопонимания играют знания культуры народа, культурного фона, что составляет прагматический характер межкультурного диалога» [Аймолдина, 2012, с. 114].

Мы считаем, что вышеуказанные подобные модели в первую очередь формируются и функционируют именно в межэтнической коммуникации, онтология которой позволяет взаимодействующим этнолингвокультурным общностям вырабатывать определенные представления о соседствующих этнических группах. Также особо подчеркнем, что вышеназванные модели появляются как результат сопоставления каких-либо характеристик своего и другого этноса, что опять же вероятнее всего при достаточно близком и стабильном межэтническом общении, присущем межэтнической коммуникации. Исследователи пишут о том, что «этнический стереотип формируется на основе сравнения – важнейшей характеристики этничности. Когда стереотип обращен на отличительные черты другого народа, выделение его какой-либо особенности неизбежно осуществляется путем сопоставления со свойствами собственного народа» [Прохоров, 2003, с. 54].

Исходя из анализа различных ситуаций межэтнического общения, мы пришли к выводу, что модели такого общения имеют разные источники выделения и могут быть распределены следующим образом:

1. Модели – результат этнической осведомленности.

2. Модели – результат действия этнических гетеростереотипов.

3 Модели – результат действия этнических автостереотипов.

Рассмотрим детальнее вышеуказанные модели.

1. Модели – результат этнической осведомленности

К этой группе мы отнесли ситуации, описываемые через модели *как принято у вас/у них – у нас* и *как говорят у вас/у них – у нас*. Как видим, данные модели являются двухкомпонентными и имеют в ряде случаев оппозитивный характер. Приведем примеры коммуникативных ситуаций подобного типа.

1) *– Бросьте вы, – спокойно проронил мужчина этого дома, получивший некоторое представление о чужих нравах, пока возил сульфат на тачке. – Подай руку.* ***Так у них принято****: сначала обнимут тебя, а потом уже знакомятся* [Кекильбаев, 1988].

2) История из жизни: *В нашей деревне раньше жила одна семья немцев. Сейчас они переехали в Германию, но каждые два года глава семьи приезжает к нам в деревню. Он хорошо знает и чтит обычаи казахов. Он рассказывал, что там, в Германии, живет по соседству с ними казахская семья. Помня, что* ***у казахов есть традиция звать друг друга в гости****, он пригласил эту семью. Все было как положено: бешбармак, баурсаки. Ответного приглашения он так и не дождался.*

3) *– Это у нас всегда так, – сказал Василий, тоже сердито, – чуть только человек сыт немножко – сейчас нос кверху – барин!*

– Что ты говоришь – в нас да в нас!

– Ну, в русских…

– Того лучше! А ты – немец, татарин?

– Не татарин, а – недостатки вижу… [Горький, 2011].

Модель *как говорят у вас/у них (как говорится у вас/ у нас)* чаще всего обнаруживается в знании и использовании речевых формул другой этнокультуры, как это видно в следующем примере, в коммуникативной ситуации, участниками которой являются казах-аульчанин и старый казак, покупающий у него коня.

С присущей степному человеку медлительностью, этот именитый и важный владелец чистокровного жеребца сначала не спеша почесал бритую голову. Затем искусно сплюнул сквозь зубы в сторону и только тогда сказал с деланным равнодушием:

– Цена без запросу. Два ста с четвертной.

– Ого, крепко завернуто…

– Недешево. Понимаю. Но цена, как говорится у русских, по товару, а товар налицо… – ответил на великолепном русском языке именитый владелец лошади

– Бога ты, видать, не шибко боишься, восподин бай. Надо же, таку цену заломил и не охнул!

– На бога надейся, а сам не плошай. Так ведь, кажется, говорится у русских.

– Ну ладно, ладно. Как у нас ни говорят – все наше… Только вот что скажу, восподин кыргыз, нам с тобой попусту–то калякать здесь нечего. Ты давай говори мне делом.

– Я же чистым русским сказал, кажется [Шухов, 2010, с. 184].

Следующий пример убедительно демонстрирует действие коммуникативной модели *как говорится по-…,* которая, по нашему мнению, есть вариант модели *как говорят у вас/у нас*. Такая модель также присуща главным образом межэтнической коммуникации, так как ее использование возможно лишь в случае хорошего знания речевого этикета этнической группы, как своей, так и чужой (заметим, что в первую очередь – чужой группы).

Например: *Не спуская с джигита старчески бесцветных глаз и чувствуя, что уже не в силах подавить нарастающей против него злобы, Скуратов крикнул:*

– А ты что, у бога теленка съел – в стороне стоишь?! На каком основании там выстроился?!

– А где же мне надо выстраиваться перед тобой, атаман? – спокойно, не без удивления и плохо прикрытого ехидства спросил на своем родном языке полковника смутно улыбнувшийся при этом джигит.

– Не знаешь, сукин сын, до сих пор своего места перед начальством? – продолжал Скуратов по-русски.

– А откуда мне знать? Я же степной пастух – не солдат… – ответил джигит по-казахски.

– Ого! Да ты, оказывается, разговаривать еще умеешь?!

– Приходится, атаман, язык – не лопатка…

– Такие языки с корнем из поганого хайла вырывать надо.

– Трудная работа, атаман.

– Что?! Ничего. Как-нибудь справимся!

– Вам не привыкать…

– Вот именно.

– Только, ***как это говорится по-русски****: на кого нарвешься…*

– А у ***нас так еще говорится по-русски*****: из молодых, вижу я, ты, джигит, из молодых, да ранний…*

– Жаксы – хорошо говорится. Друс – правильно говорится.

– Беркут. Беркут. Высоко паришь, только где ты, тамыр, сядешь? ***И так еще у нас говорится по-русски.***

– Поговорка тоже неплохая. И высоко летать вовсе не худо. С высоты–то беркуту в степи виднее… [Шухов, 2010, с. 187].

Как видим во втором примере, коммуниканты знакомы с культурно–речевыми нормами друг друга, что заметно по оппозитивным, в данном случае конфронтативным моделям «у вас – у нас»: *Только, как это говорится по–русски: на кого нарвешься (казах)…; А у нас так еще говорится по-русски (русский).*

2. Модели – результат действия этнических гетеростереотипов

В эту группу случаев межэтнического общения мы включили коммуникативные ситуации с использованием модели *все вы/они такие.*

Думается, что подобная модель базируется на неких стереотипных представлениях о качествах представителей той или иной этнической группы. Как правило, эта модель предполагает приписывание отрицательных характеристик в адрес противной стороны, при этом подчеркивается именно этнический фактор. Фраза, содержащая модель *все вы/они такие* произносится с особой интонацией. Использование первого варианта этой модели – *все вы такие* – произносится чаще всего в речевых актах обвинения, упрека своего собеседника, то есть в ситуациях, могущих приводить к межэтническому конфликту. Например:

1) – *Почему вы увиливаете от встречи? – спросил у меня Рейно.* ***– Вы, русские, всегда так поступаете****. Не хотите платить по счетам* [Платова, 2005, с. 478].

2) *Маровский повторял:*

– Нехорошо, нехорошо вы поступаете. Мне остается только подохнуть с голоду. Нехорошо.

Пьер пытался объяснить, возразить, привести какие–то доводы, убедить Маровского, что не мог поступить иначе, но поляк ничего не желал слушать … и заявил под конец: – ***Вы, французы, никогда не выполняете своих обещаний*** [Мопассан, 2023, с. 421].

Вариант *все они такие* используется, когда коммуникант хочет не просто обвинить другую этническую группу в неблаговидном поведении, но и еще привлечь на свою сторону собеседника, который относится или к своей, или к другой, не обвиняемой в чем–либо этнической группе.

Например:

В суде маленького городка Гаунсвиль рассматривалось дело об убийстве молодой девушки (белой американки) Элис, подозревался в убийстве чернокожий мужчина по имени Сэм. В зале суда:

– ***Они, «ниггеры», все такие****... – крикнул фермер Джефферсон. Его поддержали еще двое мужчин.*

– Им только дай волю, они же обезьяны, – тихо произнесла миссис Джоунс.

– Да вы что, так же нельзя, – сказала молодая девушка, но ее чуть не разорвали.

– Ты хочешь завтра оказаться на месте Элис?

Стереотипы национального поведения в повседневной жизни находятся в тесной связи с правилами и нормами национального этикета. В зависимости от состояния межэтнических отношений стереотипы национального поведения могут приобретать либо позитивный, либо негативный характер и влиять соответствующим образом на протекание коммуникативных ситуаций.

По мнению Д.Г. Шорманбаевой, «ситуация конфликта особенно ярко показывает внутреннее содержание взаимоотношений между этносами, что выражается в проявлении установок, убеждений и стереотипов этнических групп» [Шорманбаева, 2024, с. 330].

Например:

1) *– И пусть нам будет плохо, пусть не будет света и газа, которые Россия перестанет давать, если мы проголосуем не так… Уеду в деревню к*

бабке, залезу в погреб, достану тушенку и горилку, буду сидеть при свечах и злиться на Россию за т о, что она мне подсовывает в президенты черт знает кого. Вот такой я упрямый хохол. И нас таких – большинство. Может, у нас такой климат, но вот не любим мы, когда москаль нас чему–то пытается учить. Не любим, и все. Вот отдадим последнее москалю за долги, но учить москалю нас нельзя.

– Понимаю, – миролюбиво сказал я, пытаясь успокоить распалившегося собеседника. – Москалю нельзя, а американцам можно [Звегинцев, 2022, с. 97].

2) *Старик говорит: «Эй, першыл, шалобек кароший…бери козленка». Одарить, понимай, меня хочет.*

– Щедрый, выходит, старичок, – заметил Христьян.

– А казахи все такие. Удивительно: гол, нищ, а на радостях последнее отдаст.

– Вот не думал. У нас, в деревнях, помнишь, непослушных детей киргизами стращали.

– От незнания все. Добрый, простодушный народ. Душа нараспашку. Я в том убедился. Иногда, правда, любит хитрить. Но эта детская хитрость. И шутить мастак. [Бельгер, 2007, с. 167].

Бурьянова А. А. подчеркивает, что «стереотипы и предубеждения о людях влияют на восприятие и коммуникативные контакты. Чрезмерная опора на стереотипы мешает объективно смотреть на других людей, что может отрицательно сказаться на общении» [Бурьянова, 2023, с. 1379].

3. Модели – результат действия этнических автостереотипов

Помимо стереотипных представлений о других этнических группах, именно в межэтнической коммуникации наблюдается интересное явление, которое можно описать так: «Хороший, как человек моей этнической группы». Данное явление основывается на сравнении других этнических групп с собственной и выделении их положительных качеств, приписываемых собственной этнической группе. Выделенное явление регулярно встречается в реальной межэтнической коммуникации и укладывается в модели *«хороший, как…», «хороший, даром что…»*. Мы считаем, что подобные коммуникативные модели имеют своим источником именно автостереотипы

Приведем несколько примеров подобного явления:

1) Пример из реальной жизни:

Мужчина–казах обращается к жене:

М.: Гуль, что, Равиля (сосед) позовем? Все равно еды хватит.

Ж.: Ну давай, а то неудобно.

Их знакомая: Это ваши соседи? Татары, что ли?

Ж.: Ну. Хорошие такие ребята, хоть и татары. Не хуже казахов.

2) *Расправив палас, с удовлетворением подумала: «А умная женщина эта Дора.* ***Прямо-таки наша, если не считать, что русская…»*** [Канахин, 2007, с. 73].

3) *Утром отказался идти на банкет к Хизмету, будут упрашивать пить, отказ – неуважение, обида. Я всю неделю готовил тост. Народы всегда были разные, но под внешним различием всегда была тяга к общности. Уйгуры, видя порядочного русского, доброго, мудрого, благородного, говорят: «Хороший*

человек, совсем как уйгур». Казахи, видя порядочного уйгура, доброго, мудрого, благородного, говорят: «Хороший человек, совсем как казах». Эта глубинная духовная тяга к общему живет под внешним различием и облагораживает… [Щеголихин, 2002, с. 478].

4. **Модели синкретичного характера.**

Модель *как всякий (русский… и т.д.)* имеет, как нам кажется, синкретичный характер: ее использование может быть объяснено как хорошим знанием особенностей какой–либо этнической группы, так и стереотипными представлениями о ней. Такая модель, как правило, не озвучивается перед представителями той этнической группы, о которой идет речь. Например:

1) *Она ожидала, что Тим,* ***как всякий русский на*** *его месте, обязательно спросит, кто такой Марат, в каких отношениях он находится с Алисой, почему хотел ее убить – ну, и так далее* [Берсенева, 2010].

2) *Карине Суреновна Арзуманян,* ***как и любой восточный человек****, была падка на мелкую лесть и потому смягчила позицию.*

– Допустим…Но ведь никто еще не исключил молдаванина из числа подозреваемых. А если это и есть убийца…

– Вот–вот, – внесла свою лепту Кайе – Молдаване – коварные люди. Коварные и кровожадные. Они и Дракулу придумали [Там же].

Таким образом, нами рассмотрены коммуникативные ситуации межэтнического общения, имеющие устойчивый характер, которые возможно описать определенными языковыми моделями. Соотношение моделей и коммуникативных ситуаций представлены в таблице № 1.

Таблица 1 – Типовые модели межэтнического общения

№	Языковое выражение	Описание модели коммуникации	Характер взаимодействия
1	*– как принято у вас/у них – у нас;*	Модели – результат этнической осведомленности.	+/–
2	*– как говорят у вас/у них – у нас;*	Модели – результат этнической осведомленности.	+/–
3	*– все вы (казахи, русские и т.д.) такие;*	Модели – результат действия этнических гетеростереотипов	–
4	*– такой же хороший, как …;*	Модели – результат действия этнических автостереотипов	+
5	*– хороший, даром что не … (казах, русский и т.д.).*	Модели – результат действия этнических автостереотипов	+/–
6	*как всякий (русский, казах) и т.д.*	Модели синкретичного характера	+/–

Итак, мы считаем, что межэтническая коммуникация в силу ее онтологических свойств представляет собой явление, способное пластично входить в различные конструкты, что и было сделано нами в свое время. Мы показали ее многоаспектный характер через выделение отдельных аспектов и формирующих их факторов, что в конечном счете позволило нам получить многомерный конструкт. Хотелось бы подчеркнуть, что исследования

межэтнического взаимодействия в Казахстане имеют постоянно актуальный перспективный характер, что связано с особенностями этноязыковой ситуации в Республике. Современные казахстанские исследователи пишут о том, что «…в Казахстане теоретическую и практическую остроту имеет то обстоятельство, что культуры этносов, которые населяют Казахстан, с одной стороны, имеют глубокие общие корни в истории, а с другой – представляют различные, не сводимые друг к другу культуры. Поэтому следует иметь в виду, что перспективы и трудности в процессах развития межкультурной коммуникации связаны, прежде всего, с этой двойственностью» [Жанбаева, 2022, с. 35].

Следовательно, анализ различных аспектов межэтнического взаимодействия в Казахстане позволяет рассматривать его как многомерный конструкт, каждая сторона которого обладает высокой теоретической и практической значимостью.

Список литературы

Аймолдина А.А. Об изучении делового дискурса в современной лингвистике // Вестник Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева. – 2012. – № 1 (86). – С. 113-118 с.

Бельгер Г. Дом скитальца. – Москва: Дружба народов, 2007. – 384 с.

Берсенева Л. Нью-Йорк-Москва-Любовь. – Москва, 2010. – 416 с.

Бурьянова А.А. Проблемы межкультурной коммуникации в современном социуме // Бурьянова А.А., Бурьянов П. А. // Столыпинский вестник. – №3 – 2023. – С. 1377-1386.

Горький М. В ущелье // «Собрание сочинений в тридцати томах»: Государственное издательство художественной литературы. – Том 11. По Руси. Рассказы 1912-1917. – Москва, 1949. – 50 с.

Жанбаева И. Л. Особенности межкультурной коммуникации России и Казахстана в процессе евразийской интеграции (на примере ЕАЭС). – Екатеринбург, 2022. – 100 с.

Звегинцев А. Принуждение к любви. – Москва: Рипол-Классик, 2022. – 214 с.

Канахин У. Хочу людям счастья (сборник) / пер. В. Мироглов. – Алматы: Раритет, 2007. – 384 с.

Кекильбаев А. Мартовский снег: повести и рассказы. – Алма-Ата, 1988. – 264 с.

Мопассан Г. де Пьер и Жан. – Москва: Вече, 2023. – 384 с.

Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. – Москва: Эдитус, 2019. – 190 с.

Огнева Е.А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 37-49.

Платова В. Ритуал последней брачной ночи. – Москва: Эксмо, 2005. – 460 с.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: УРСС, 2003. – 224 с.

Суюнова Г.С. Онтология и аспектология межэтнической коммуникации. – Усть-Каменогорск: КАСУ, 2014. –367 с.

Шевякина С.В. Лингвостилистические параметры интернет-дискурса психологии ЗОЖ // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – №3. – С. 191-196.

Шорманбаева Д.Г. Межэтнические отношения: методология изучения межэтнического взаимодействия / Д.Г. Шорманбаева, Р.М. Шарипова, А.В. Сиводедова, О.А. Шебалина, Е.Н. Ивлева // Вестник КарГУ им. Е. Букетова. Серия «История. Философия». – 2024. – № 29, 2 (114). – С. 329-340.

Шухов И.П. Горькая линия. – Москва: Вече, 2010. – 457 с.

Щеголихин И. Холодный ключ забвенья Повести / И. Щеголихин. – Астана: Аударма, 2002. – 527, [1] с. ил.; 21.

TYPICAL MODELS OF INTERETHNIC COMMUNICATION AND THEIR LINGUISTIC REPRESENTATIONS

Suyunova Gulnara Seylbekovna,
Doctor of philological sciences, Professor of High School of Humanities of Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar, Kazakhstan

Abstract. The article examines one of the manifestations of the communicative aspect of interethnic communication, namely, typical models of similar communication. It is emphasized the stereotypical basis of similar models and revealed their linguistic form. The situations of their functioning are also considered.

Key words: standard model, interethnic, linguistic form, stereotype.

НАРУШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В КИНОПЕРЕВОДЕ

Филиппова Ирина Николаевна,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения, г. Москва, Россия

Аннотация. Подвергнуты анализу ошибки русскоязычного перевода фильмов и сериалов. Показано, что отклонения от нормы русского языка на уровне фонологии, семантики, синтаксиса и стилистики имеют негативные последствия для лингвоэкологии родного языка и дискурсивной практики. Отмечены эксплицитные ошибки, провоцирующие дискоммуникацию, и неявные, имеющие отдаленные последствия для русскоязычных зрителей.

Ключевые слова: языковая норма, лингвоэкология, дискоммуникация, интерференция, киноперевод.

Кино – в силу своей многогранности и многофункциональности – составляет объект исследования многих наук, в том числе различных областей языкознания. Анализ кино как полимодальной (или мультимодальной) коммуникации попал в сферу интересов лингвосемиотики. Объектом переводоведения фильмы стали в связи с межъязыковыми и межкультурными контактами, где кино играет не последнюю роль. Но с точки зрения лингвоэкологии киноперевод ранее не был исследован. Попробуем заполнить

эту лакуну. Проследим, как погрешности киноперевода в отношении языковой нормы влияют на дискурсивную практику реципиентов. За фактический материал примем широко известные иноязычные кинопроизведения разных лет, переданные на русский язык: сериал «Miss Marple» 1984-1992 гг., «The da Vinci Code» 2006 г., «Inferno» 2016 г. Общий объем эмпирической базы превышает 11,5ч экранного времени. Из этого массива отобрано более 200 фактов нарушения нормы русского языка. Интонационные ошибки верифицированы программой анализа звучащей речи PRAAT, семантические, грамматические и стилистические – лексикографическими источниками.

В отношении фонетической нормы ошибки наиболее эксплицитны [Чайковский, 2011, с. 85]. Они затрагивают просодию, отступают от мелодики русского языка. В этом отношении особенно активна неадекватная парцелляция, деформирующая синтагматическое членение высказывания. Неверный интонационный контур реализуется как понижение основного тона с каденцией, маркируя границу внутри словосочетания. Синтагматика приобретает искаженные черты, и в конечном счете это приводит к тому, что восприятие вербальной части кинотекста осложняется. Особенно эксплицитна неуместная интонационная граница в антропонимах. Так пауза дробит антропонимы *Клотильда Брэдбэри. Скотт* [Мисс Марпл, 2025]. Из предыдущего контекста зритель знает, что речь идет о фамилии Брэдбэри-Скотт. Имя собственное, неверно озвученное его обладательницей, вызывает дискоммуникацию. Ангалогично и в следующем примере: *Мои сестры были опекуншами Вэрити. Хант* [Мисс Марпл, 2025]. Очевидно, это следствие интерференции иноязычного ономастикона [Алимов, 2004, с. 4, 6, 19-23], создающего трудности для актеров озвучивания (дубляжа или закадрового перевода) и следствие экстралингвистических факторов (лимита времени на выпуск русскоязычной версии оригинала).

Однако и в отсутствие национально маркированной лексики ошибки синтагматического членения нередки в анализируемой выборке. Так, неверная интонационная граница (повышение основного тона без каденции) разрывает логическую связь между компонентами словосочетания: *Билеты на самолет → | для архидьякона уже в пути* [Мисс Марпл, 2025]. Верной для отражения смысла была бы мелодика с паузой после словосочетания: *Билеты на самолет для архидьякона → | уже в пути.* Аналогично и в другом примере: *За 300 лет до того | молодой еврей | по имени Иисус | проповедовал* ***любовь и веру в единого бога*** [Код да Винчи, 2025]. Отметим, что в данном случае деформируется еще и синтаксическая норма русского языка. При синтагматическом членении, заданном в киноперево де, однородные дополнения должны иметь идентичное управление, однако это не так (*вера в + Вин.п.*, а *любовь к + Дат. п.*), следовательно, подчиненный сегмент *в единого бога* не может быть соотнесен с существительным *любовь*. Тогда адекватной норме была бы интонационная структура, разделяющая дополнения: *За 300 лет до того | молодой еврей |по имени Иисус | проповедовал* ***любовь | и веру в единого бога***.

Экстралингвистические факторы («запрет» на перезапись звуковой дорожки и узкие временные рамки монтажа аудиоконтента) обусловливают

появление ненормативного фразового ударения в кинопереводе. *Это все **Майкл*** [Код да Винчи, 2025]. В этом примере ошибка комплексная: локализация главного ударения (на ониме) и отсутствие паузы (долженствующей отделять обращение) приводят к тому, что фраза эксплицирует смысл ‘он во всем виноват’. Однако ситуативный и вербальный контексты однозначно указывают на иную интенцию епископа – прекращение диалога (‘больше не о чем говорить’). Верным было бы размещение фразового акцента на местоимении: *Это **все,** Майкл.* Подобных примеров девиантной просодии достаточно много в исследованном материале (см. табл. 1)

Таблица 1 – Ошибки локализации фразового ударения

девиантное интонационное оформление	реализованная пропозиция	адекватное норме интонирование	истинная пропозиция
Я **убила** Майкла Гормана [Мисс Марпл, 2025].	альтернатива действий	**Я** убила Майкла Гормана.	альтернатива субъектов
Моя **Нора** дружила с ней [Мисс Марпл, 2025].	альтернатива субъектов	Моя Нора **дружила** с ней.	альтернатива действий
То ли они шантажировали **Ватикан**, то ли церковь **купила** их молчание [Код да Винчи, 2025].	альтернатива субъектов действия	То ли они **шантажировали** Ватикан, то ли церковь **купила** их молчание.	альтернатива действий
Он стоял надо **мной** и не давал мне уйти [Код да Винчи, 2025].	альтернатива объектов действия	Он **стоял** надо мной и не давал мне уйти.	альтернатива действий
Я **нашел** это в своем пиджаке [Инферно, 2025].	альтернатива действий	Я нашел **это** в своем пиджаке.	альтернатива объектов действия

Менее частотны, но не менее существенны ошибки в отношении коммуникативной цели высказывания. Вопрос превращается в повествовательное высказывание *Вы могли бы передать ему сообщение* [Мисс Марпл, 2025]. Для экспликации вопроса требуется восходящий тон, а в русскоязычном аудиосопровождении реализован нисходящий, который разрывает связь с видеоконтентом. Побуждение *Помните, мисс Марпл!* деформируется в вопрос *Помните, мисс Марпл?* [Мисс Марпл, 2025] Визуальная часть кинотекста при этом раскрывает наказ говорящей, адресованный главной героине, тогда интонационный контур должен быть нисходящим.

В отношении лексической нормы ошибки многочисленны и разнообразны. Все они размывают семантику лексических единиц, интерферирующе воздействуют на речевую практику зрителей и – в конечном счете и в долгосрочной перспективе, накапливаясь в пассивной памяти реципиентов – способны исказить языковую картину мира. Отвечая на вопрос об ограничениях в жизни братьев «Опус Дэи» (соблюдение целомудрия и др.), глава ордена произносит: «*Многие из наших последователей состоят в браке. Многие **имеют семьи***» [Код да Винчи, 2025]. В заданной вербализации речь епископа содержит плеоназм, т.к. использует синонимы *брак* [Ожегов, 1990, с. 62] и *семья*

[Ожегов, 1990, с. 710; Картаслов.ру, 2025]. Адекватно русскоязычной речевой стереотипии в данном случае было бы высказывание *У многих есть дети*. Нет оснований полагать в данной ошибке пропаганду бездетности, но свой вклад в девиацию семантики [Кошкин, 2006, с. 6, 19] и деформацию языковой картины она вносит.

Первый мистер Симмингтон был отцом нашего мистера Симмингтона. Он уже ***мертв*** [Мисс Марпл, 2025]. Дискурсивная практика требует в заданной коммуникативной ситуации использовать глагол: *Он уже умер*. Фраза *Он мертв* может быть произнесена в момент обнаружения тела (или человека без признаков жизни). *Я повредила* ***коленную кость*** [Мисс Марпл, 2025]. Такое заявление способно повергнуть в состояние шока носителя русского языка. Диссонанс с физиологией человека (колено – это сустав) не позволяет создать словосочетание, представленное в кинопереводе.

Аналогично и ошибка в пользовании паронимами провоцирует дискоммуникацию [Волкова, 2023, с. 142]: *высокий* ***мускулистый*** *тонус* [Мисс Марпл, 2025]. В русском языке «Мускулистый – с развитыми мускулами» [Ожегов с. 368]. Для адекватной передачи оригинала надо выбрать иные средства: *мускульный тонус, тело мускулистое, развитая мускулатура* и пр. Подобная ошибка в обращении с паронимами представлена многократно: *Марина воплощает эту ранимость, эту* ***чувственность*** [Мисс Марпл, 2025]. В данном примере чувственность (‘сладострастие’ [Ожегов, 1990, с. 885], ‘эротизм’ [Ожегов, 1990, с. 909]) следует заменить на *чувствительность*.

Если кто-то ***присвоил себе*** *эти деньги, то лучше будет пресечь подобные поступки на корню* [Мисс Марпл, 2025]. «Присвоить – 1. кого-что. Завладеть, самовольно взять в свою собственность. 2. что кому-чему. Дать (какое-н. звание), наименовать каким-н. образом» [Ожегов, 1990, с. 596]. В соответствии с нормой русского языка следует устранить возвратное местоимение: *кто-то присвоил эти деньги*.

Весьма неудачно выбраны лексические средства для характеристики дважды вдовы: *Очень необычная* ***девушка!*** [Мисс Марпл, 2025] «Девушка. – 1. Лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности. 2. Такое лицо, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак» [Ожегов, 1990, с. 159]. Диссонанс вербализации с визуальной составляющей кинотекста в данном случае заметен еще и потому, что по прошествии трех минут экранного времени это же действующее лицо описано иначе: *Очень необычная* ***женщина***! [Мисс Марпл, 2025] Избежать этого конфликта номинации можно было бы, использовав такие единицы как *особа, персона, дама* и пр.

Противоречие дискурсивной практике русского языка представлено в мини-диалоге: «*Моя тетя хотела бы познакомиться с Вами. – И я тоже*» [Мисс Марпл, 2025]. Неполное предложение построено на основе эллиптизации избыточных сегментов, представленных в предшествующей фразе, но элементарная редукция синтаксических единиц в данном случае приводит к ошибке. Ведь не хочет же мисс Марпл познакомиться с самой собой, она надеется на встречу с тетей своей собеседницы. Такое содержание может быть сформулировано только с указанием объекта знакомства: *Я с ней – тоже*.

Нарушения грамматической нормы достаточно частотны в отношении средств передачи косвенной речи. Такая погрешность допущена в пересказе чужой речи участникам новой коммуникативной ситуации: *Он пришел туда сам и во всем сознался. Насчет прошлого вечера. Вошел в участок, бросил на стол пистолет и сказал,* ***что это сделал я*** [Мисс Марпл, 2025]. Если речь косвенная, то подлежащим не должен быть говорящий субъект, выраженный формой личного местоимения первого лица: *он вошел … и сказал, что это сделал он*. Можно передать речь как прямую, интонационно ее оформив должным образом: *Он вошел … и сказал: «Это сделал я».* Аналогичная путаница представлена и в следующем примере: *Они смогут сказать, что для своего возраста* ***она*** *неплохо выглядит* [Мисс Марпл, 2025]. Но из видеоконтента фильма зрители понимают, что героиня говорит о себе самой. В таком случае трансформация косвенной речи в прямую представляется менее вероятной, а косвенная должна быть подчинена субъекту говорения: *Они смогут сказать, что для своего возраста* ***я*** *неплохо* ***выгляжу***.

Деформация синтаксической организации предложения представлена в следующем примере: *Что из себя представляет ее дом? Неприступную крепость для лиц мужского пола* [Мисс Марпл, 2025]. Ошибка смешивает два конкурирующих типа определения: распространенное определение в препозиции и причастный оборот. Нормативное оформление распространенного атрибута *неприступную для лиц мужского пола крепость* противоречит русскоязычной традиции устного общения, особенно если принять во внимание, что адекватны коммуникативной ситуации речевые средства неформального регистра. Более приемлемой экстралингвистическому контексту видится следующая формулировка: *Что из себя представляет ее дом? Крепость, неприступную для лиц мужского пола*.

Искажением нормы выступают неединичные случаи неверного управления: ***За*** *эти деньги она могла бы купить свою свободу* [Мисс Марпл, 2025] (корректно – *на эти деньги*). *Я не стала слушать, как Персиваль* ***ругается на*** *бедняжку Дженнифер* [Мисс Марпл, 2025]. В данном случае ошибку управления «поддерживает» деформация категории залога (корректно – *ругает бедняжку Дженнифер*).

Обратим внимание на удивительный случай, где вербальная часть дублируемого кинотекста диссонирует с грамматической категорией рода. *Уезжаете в* ***Люцерну****, преподобный?* [Мисс Марпл, 2025] Очевидно, сбой произошел из-за подобия топонима *Люцерн* и фитонима *люцерна*.

Погрешности в области стилистики менее распространены в эмпирической базе, но также негативно подрывают норму русского языка. Большую часть из них воплощают различные формы плеоназма (перисссология, тавтология): … *отыскать* ***изначальную истину*** [Код да Винчи, 2025] (корректно – *отыскать истину* или *отыскать изначальный смысл*); к*упила 4* ***наволочки для подушек*** [Мисс Марпл, 2025] (корректно – *наволочки*).

Нередки ошибки в отношении притяжательных местоимений. *Главным распорядителем на похоронах сера Исаака Ньютона был* ***друг, его коллега*** *Александр Поуп.* Очевидно, что местоимение, относящееся к двум однородным подлежащим, должно предшествовать первому из них: *Главным*

распорядителем на похоронах сера Исаака Ньютона был ***его друг и коллега*** *Александр Поуп* [Код да Винчи, 2025]. *Наркотик правды должен был подействовать после приезда Фортескью в* ***свой*** *офис* [Мисс Марпл, 2025]. Это решение переводческой задачи – прямое следствие интерференции английского языка. В соответствии с нормой можно образовать две альтернативные версии вербализации исходного содержания: с замещением обстоятельства придаточным предложением *после того, как Фортескью приедет в свой офис* или удалением притяжательного местоимения: *после приезда Фортескью в офис.*

Пройти обучение у самого великого магистра. Он дал ***Вам*** *геральдическую лилию, чтоб* ***Вы*** *нашли это? И наверняка пел* ***Вам*** *в детстве песенки-загадки. <…>* ***Ты*** *умеешь хранить тайны? Можешь, зная что-то, хранить молчание? А коды? Полагаю, они обнажаются перед* ***Вами****, как любовники* [Код да Винчи, 2025]. Видеоряд однозначно указывает, что говорящий обращается к одному из присутствующих коммуникантов, только к Софи Неве. Следовательно, в одном контексте он обращается к собеседнице, используя разные формулы обращения: то вежливую на *Вы*, то фамильярную на *ты*. Нужна одна форма местоимения, т.к. обращение адресовано одному лицу. Но это стилистический нонсенс, разрушающий единство предметной ситуации и единство формы вербализации. Такой подрыв дискурсивной практики весьма негативен. К сожалению, достаточно обыденным явлением стала вульгаризация речи и игнорирование стилистической нормы, тем прискорбнее поддержка этой тенденции в киноформате. Дважды в присутствии дамы высокообразованный персонаж, профессор Лэнгдон, позволяет себе именовать ее местоимением третьего лица: *Ли, все так просто.* ***Она*** *не … <…> Она не может, Ли* [Код да Винчи, 2025].

Основные выводы представленного анализа достаточно очевидны и объективны.

1. Степень эксплицитности выявленных ошибок языковой нормы варьирует от явной нелепости до скрытого диссонанса, но вне зависимости от нее любые ошибки могут быть обнаружены при внимании к русскому языку и речевой практике.

2. Основами для идентификации ошибок могут служить диссонанс с видеорядом, визуально представляющим коммуникативную ситуацию, и диссонанс с вербальным контекстом, не соответствующий иллокутивному вынуждению [Баранов,1992, с. 98] и разрушающий антиципацию.

3. Дискурсивно-риторический опыт русскоязычных зрителей терпит урон в связи с активной девиацией нормы русского языка и деструктивным интерферирующим влиянием иностранного, а дискоммуникация свидетельствует о ресурсах лингвоэкологии, актуализировать которые может при достаточном желании любой носитель языка.

Ставить точку в поднятой проблематике не будем, надеемся на продолжение исследования с точки зрения прагмалингвистики, взаимодействия дискурсологии и переводоведения, русистики и прикладной лингвистики. Предполагаем также внимание к затронутой теме со стороны лингводидактики. Подвергнутые анализу и интерпретированные факты девиации нормы русского языка могут быть интегрированы в практику обучения переводу.

Список литературы

Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Москва: Военный университет, 2004. – 40 с.

Баранов А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84-99.

Волкова Я.А. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты / Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко, Н.К. Пригарина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22. № 1. – С. 138-150.

Инферно (2016): видеофильм. – URL: https://yandex.ru/video/preview/5886956766887126522 (дата обращения: 20.03.2025).

Картаслов.ру – Карта слов и выражений русского языка : сайт. – URL: https://kartaslov.ru/ (дата обращения: 20.03.2025).

Код да Винчи (2006): видеофильм. – URL: https://rutube.ru/video/0ae5a6fd744bc9709e14e3e8553179c3/ (дата обращения: 20.03.2025).

Кошкин Р.К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе (на материале военно-технических переводов с английского языка на русский): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва: Военный университет, 2006. – 19 с.

Мисс Марпл / Все серии Мисс Марпл (1984-1992) : Мисс Марпл Агаты Кристи: сайт. – URL: https://мисс-марпл.рф/с-джоан-хиксон/ (дата обращения: 20.03.2025).

Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.

Чайковский Р.Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 6. Т. 2. – С. 84-87.

DEVIATION OF THE LANGUAGE NORM IN FILM TRANSLATION

Filippova Irina Nikolaevna,

Doctor of Philology, associate professor, professor of translatology and cognitive linguistics
State University of Education, Moscow, Russia

Abstract. We analyzed errors in Russian translations of films and TV series. We also found that deviations from the Russian language norm at the level of phonology, semantics, syntax and stylistics have negative consequences for the linguistic ecology of the native language and discursive practice. We identified explicit errors that provoke discommunication, and implicit ones that have long-term consequences for Russian-speaking viewers.

Key words: language norm, linguoecology, discommunication, interference, film translation.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАНИЯ О МИРЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

Фурс Людмила Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики института образования и общественных наук Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Аннотация. В статье рассматривается роль такого междисциплинарного подхода к изучению языковых явлений, как когнитивно-прагматический. Данный подход=обеспечивает интерпретацию знания о мире в соотнесении с когнитивными механизмами, разъяснение которых позволяет раскрыть процессы обработки информации сознанием человека. Выявлены такие механизмы, как механизм концептуальной открытости, механизм дублирования смысла, механизм подмены понятий и механизм ассоциативных импликаций. Установлено, что реализация данных когнитивных механизмов приводит к смысловой объемности структуры предложения за счет формирования оценочного знания.

Ключевые слова: междисциплинарность, когнитивно-прагматический подход, когнитивный механизм, объемный смысл.

В современной парадигме научного знания – когнитивной – наметилась смена исследовательских фокусов, когда от этапа узкого когнитивизма, на котором доминировали идеи изучения ментальных репрезентаций, установился поворот в сторону рассмотрения процессов обработки информации сознанием человека, что связано с разработками в области когнитивной психологии и нейронауки [Кубрякова, 2004]. В результате внимание исследователей было обращено на изучение того, как обрабатывается информация сознанием человека, и как она интерпретируется в соответствии с целями и интенциями говорящего. Развитие нейролингвистики и появление работ по конструированию искусственного интеллекта поставили перед учеными вопрос о необходимости признания аналогии между когнитивной сферой человека и компьютерными программами. Выработанное в этой области понятие «блока управления», указывающего на контроль за линейно-последовательной обработкой информации, привело к употреблению в когнитивных исследованиях такого понятия, как метакогниция, обозначающего когнитивную структуру более высокого уровня иерархии [Luna, Marek, Larsen, Tervo-Clemmens, Chahal, 2015]. Значимым для развития междисциплинарного подхода в исследовании комплексных языковых явлений стало и выделение трех типов метакогнитивного знания: 1) декларативное знание; 2) процедурное знание и 3) знание условий (см. подробнее: [Peirce, 2003]). Характерно, что декларативное знание соотносится с фактической информацией (это знание «что»), оно представлено в виде концептов и их характеристик, фреймов, скриптов, концептуальных областей. Процедурное знание включает знание операций, как передать фактическую информацию (это знание «как») (подробнее о характеристиках процедурного знания см.: [Фурс, 2018]). Знание условий соотносится с интенциями говорящего, как использовать конструируемое высказывание для более эффективной коммуникации.

Другим важным шагом в развитии междисциплинарного подхода является взаимодействие когнитивной лингвистики и прагматики. В качестве истоков когнитивно-прагматического подхода отметим работы по теории импликатур [Грайс, 1985], теории косвенных речевых актов [Searle, 1975], теории релевантности в речемыслительной деятельности [Wilson, Sperber, 1988]. Основные положения этих теорий связаны с интерпретацией скрытых, явно не выраженных смыслов, а их соотнесение со структурами знания, значимыми для репрезентации в конкретных актах коммуникации, привело к становлению когнитивной прагматики (см.: [Bara, 2017]). Важность когнитивно-прагматического подхода к исследованию различных явлений языка обоснована необходимостью учитывать интенции и коммуникативные цели говорящего, а также его креативность в конструировании той или иной ситуации реального мира и последующей языковой репрезентации. К тому же, важным является и учет действия закона языковой экономии, который создает условия для представления информации в имплицитном виде.

Целью данного исследования является рассмотрение процессов интерпретации знания о мире в русле когнитивно-прагматического подхода. Под интерпретацией понимается «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [КСКТ, 1997, с. 31-32]. Как указывает Н.Н. Болдырев, интерпретация знаний о мире реализуется «в соответствии с представлениями человека о системе норм, стереотипов, ценностей, жизненных доминант» [Болдырев, 2022, с. 23]. Существенным аспектом в когнитивно-прагматическом подходе к объекту исследования является интерпретация скрытых смыслов, репрезентируемых языковыми средствами, в соотнесении с анализом их когнитивной основы. В таком ключе важной представляется интерпретация имплицитного знания на основе разъяснения когнитивных механизмов, которые активизируются в процессе конструирования такого знания. При этом когнитивный механизм представляет собой процедурное знание, раскрывающее особенности обработки уже сформированных и хранящихся в памяти человека структур знания.

Обратимся к анализу конкретных примеров:

We appreciate ***all of the ideas*** *that were submitted* (LG).

Характерно, что специфика конструкций со словами широкой семантики, такими как *thing, fact, phenomenon, aspect, idea*, получившими терминологическое обозначение как «существительное-оболочка» (shell nouns), заключается в выражении разного концептуального содержания, уточнение которого достигается в ситуативном контексте [Schmid, 2018, p. 111]. Данное высказывание с учетом этой специфики репрезентирует активизацию механизма концептуальной открытости. В результате удается передать большой объем явно невыраженной информации, связанной с такими ассоциациями, как «все идеи, как существенные, так и не существенные; как нужные, так и бесполезные». При этом собеседник может выбрать выгодный для себя вариант интерпретации, например: «предложенные им перспективы дальнейшего сотрудничества». За счет слов широкой семантики представляется возможным завуалировать негативную оценку говорящего, что, в целом, способствует эффективному общению.

Politicians are politicians (BNC).

Данная тавтологическая конструкция репрезентирует механизм дублирования смысла, за счет активизации которого создается двусмысленная интерпретация, включающая и негативные инференции, например, такие как: политики есть политики, и для них свойственно: 1) обходить молчанием острые вопросы; 2) добиваться целей любой ценой, в том числе и с помощью подкупа электората; 3) использовать все средства для рекламы своей политической программы; 4) защищать свои интересы посредством жесточайшей конкуренции. Нежелательные инференции, выводимые с опорой на ситуативный контекст, завуалированы за счет нейтральной модальности тавтологии.

I'm ***between jobs*** *right now* (TFD).

В этом случае за счет эвфемизма реализуется механизм подмены понятий, действие которого направлено на замену обидно звучащего слова более позитивным аналогом. При этом удается переключить фокус внимания собеседника с негативной оценки, репрезентируемой словосочетанием «быть безработным», указывающим на статичность положения с доминантой постоянства, на процессуальный характер действий говорящего. В результате подчеркивается позитивный настрой субъекта, занимающегося активным поиском новой работы, что характеризует его с положительной стороны.

Другим эффективным механизмом реализации интерпретирующего потенциала языковых средств является механизм ассоциативных импликаций:

You got ***a hole in one*** (TFD).

You are a total ***game changer*** (LG).

Данные примеры демонстрируют интерпретирующий потенциал спортивных метафор в деловом дискурсе. В первом случае спортивный термин из игры в гольф указывает на способность игрока направить мяч в лунку одним точным ударом (*hole in one* – in golf, to get the ball into the hole after hitting it only once [TFD]), что инферентно позволяет подчеркнуть успешность действий игрока. В бизнес коммуникации такое высказывание является средством позитивной оценки деловых качеств собеседника. Во втором примере за счет спортивной метафоры выводится ассоциация «с помощью инновационного приема игрок меняет настрой всей команды и выводит ее в победители». Эта ассоциация подчеркивает инициативность и успешность действий игрока, а в деловом дискурсе данное высказывание репрезентирует оценку стратегического мышления собеседника и его способность изменить ситуацию в лучшую сторону. Характерно, что в структуре предложения представлен интенсификатор *total*, усиливающий позитивный фокус оценки.

Рассмотрим еще один пример со спортивной метафорой:

You finally ***crossed the finish line*** *with the project* (II).

Областью-источником здесь является знание об участии в марафоне, когда от спортсмена требуется максим выносливости и силы характера, чтобы дойти до финиша. Это знание переносится на проектную деятельность собеседника. В результате удается подчеркнуть личные качества собеседника, такие как целеустремленность и умение мыслить стратегически.

You are ***the brain*** *behind the whole organization* (BNC).

*I'm **all ears!*** (BNC).

Данные примеры репрезентируют метонимический перенос, реализуемый дважды в виде отношений по смежности: «человек – орган» и «орган – функция». В результате в первом случае высказывание звучит комплиментарно. Объектом оценки являются интеллектуальные способности собеседника. Кроме того, за счет ситуативного контекста подчеркивается значимость субъекта для успешного функционирования всей организации, так как формируется ассоциация «быть интеллектуальным центром компании». Во втором примере подчеркивается готовность говорящего к общению и обсуждению рассматриваемых вопросов, так как за счет метонимии указывается на способность человека не только слушать, но и слышать то, что сообщается. Более того, семантикой идиомы *be all ears* (to be waiting eagerly to hear about something [CD]) указывается также на расположенность и желание говорящего включиться в коммуникацию, что служит позитивным сигналом для собеседника.

*Our relationship started **as a tiny seed** and **grew into** something strong and resilient* (II).

Данное предложение репрезентирует концептуальное сравнение и концептуальную метафору. Зарождение отношений сравнивается с посадкой семени, из которого в последующем способно вырасти сильное и устойчивое к внешнему воздействию растение. Фактически, отношения между собеседниками описываются в терминах роста природного объекта, способного развиваться и укрепляться. За счет комплиментарного смысла высказывания говорящий акцентирует внимание собеседника на продолжительности сотрудничества и заинтересованности в дальнейших деловых контактах.

Таким образом, будучи междисциплинарным, когнитивно-прагматический подход обеспечивает интерпретацию знания о мире в соотнесении с когнитивными механизмами, раскрывающими процессы обработки информации сознанием человека. Установлена значимость таких механизмов, как механизм концептуальной открытости, механизм дублирования смысла, механизм подмены понятий и механизм ассоциативных импликаций, включающий метонимический и метафорический переносы и концептуальное сравнение. Реализация данных механизмов приводит к смысловой объемности структуры предложения за счет инферентного знания, оценочного по своему характеру.

Список литературы

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1(48). – С. 19–79.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. – М.: Прогресс, 1985. – С.217 – 237.

КСКТ – Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 245 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Фурс Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 74-78.

Bara B.G. Cognitive Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 320 p.

BNC – British National Corpus. – URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk (дата обращения: 01.03.2025).

II – Idioms Insider. – URL: https://idiominsider.com (дата обращения: 01.03.2025).

LG – Ludwig.guru. – URL: https://ludwig.guru (дата обращения: 01.03.2025).

Luna B. An Integrative Model of the Maturation of Cognitive Control / B. Luna, S. Marek, B. Larsen, B. Tervo-Clemmens, R. Chahal // Annual Review of Neuroscience. – 2015. – Vol. 38. – P. 151-170.

Peirce W. Metacognition: Study Strategies, Monitoring, and Motivation. 2003. – URL: https://www. academic.pg.cc.md.us (дата обращения: 01.03.2025).

Schmid H.-J. Shell nouns in English – a personal roundup // Caplletra Revista Internacional de Filologia. – 2018. – № 64(64). – P. 109-128.

Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. Speech Acts /ed. by Cole P., Morgan J.L. – New York: Academic Press, 1975. – P. 59-82.

TFD – The Free Dictionary. – URL: https://idioms.thefreedictionary.com (дата обращения: 01.03.2025).

Wilson D. Representation and relevance / D. Wilson, D. Sperber // Mental representations: The interface between language and reality. – Cambridge, 1988. – P. 133-153.

INTERPRETATION OF WORLD KNOWLEDGE AND INTERDISCIPLINARITY

Furs Liudmila Alexeevna
Doctor of Philology, professor of department of foreign philology and applied linguistics
Derzhavin Tambov state university, Tambov, Russia

Abstract. The article examines the role of a cognitive-pragmatic interdisciplinary approach to the study of linguistic phenomena. This approach provides an interpretation of knowledge about the world in relation to cognitive mechanisms, the explanation of which allows us to reveal the specifics of information processing by human consciousness. The research allowed to identify such cognitive mechanisms as the mechanism of conceptual openness, the mechanism of meaning duplication, the mechanism of concepts' substitution and the mechanism of associative implications. It has been established that the implementation of these cognitive mechanisms leads to the semantic volume of the sentence structure due to the formation of evaluative knowledge.

Key words: interdisciplinarity, cognitive-pragmatic approach, cognitive mechanism, volume meaning.

СМЫСЛОВЫЕ КОНСТРУКТЫ ТОНКОГО ЮМОРА

Харченко Вера Константиновна,
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Аннотация. Рассматриваются различные способы создания юмористических ситуаций, многие из которых не были ещё предметом специального рассмотрения. Богатство языка определяется, помимо всего прочего: запаса слов и фразеологизмов, окказиональных образований и пословиц, цитат и метафор – ещё и элементами работы с самой ситуацией, что впоследствии сказывается на зарождении тонкого юмора. Делается попытка проанализировать возможные ситуации в плане их юмористического потенциала.

Ключевые слова: тонкий юмор, множественность прочтения ситуаций, игровые моменты, словоформы.

Рассмотрим несколько новых, собранных нами примеров, отражающих различную интерпретацию случившихся ситуаций.

Похороны – игра: Из семейной родословной: *Папа вспомнил такую историю: будучи у деда в гостях, маленькие Саша, Люда и Виктор решили поиграть в похороны. Нашли они корыто, положили туда маленького Виктора и понесли по улице, а следом собралась детвора. Люда шла впереди с цветами и плакала, Саша сзади нес корыто-гроб с Виктором. Они уж совсем было вошли в роль, как вдруг в начале улицы появился дед Филипп. Отца моего, как несли, так и бросили в дорожную пыль, а сами разбежались. Дед Филипп узнал свой предмет обихода и стал поднимать его, но вдруг из-под пропыленного одеяла послышался голос любимого внука. Маленький Виктор воскликнул: «Дедуська! А меня хоронят!». На что дед разгневался, и со словами: «Я им дам «хоронят»! Я им сейчас покажу похороны!» он побежал за Людкой и Сашкой, которые со страху спрятались в амбаре с пшеницей. Дед искал их целый день. Не найдя, догадался, что они спрятались в закромах, и притаился у входа в амбар. Пшеница была очень пыльной, и дети расчихались, раскашлялись. Дед узнавал каждого из внуков по голосу и приказным тоном велел выходить по очереди. Влетело всем* (Д.Ю.).

Покупка – парадоксы: *– А это что? – Семилетний мальчик, доставая покупки, говорит: «Мука, дедушка!». Ты же просил 100 граммов купить!».* Представим удивление продавца той самой муки. Похожая история случилась с взрослым мужчиной, которого жена послала купить для борща картошки, морковку, свёклу, лук… Он и купил: килограмм картошки, одну морковку, одну свёклу и одну луковицу.

Фамилия, свойственная… собаке: – *А как зовут? – Фёкла Фёдоровна! – А фамилия? – А зачем её знать! Фамилия собачья: щкёрагалова!*

Водка как лекарство: *У него ритуал был. Нальёт стаканчик, перекрестится и скажет: «Прими, Господи, за лекарство!»*

Что нельзя петь на похоронах: *Мы спросили у священника нашего: А какие песни можно на похоронах петь? – Любые! – говорит. Только одну нельзя: «Позови меня с собой! Я приду сквозь злые ночи».*

Сон в ритуальном отделе: *Женщина рассказывает: Негде мне было заночевать, и я попросилась на работе лечь, это Шебекинский район, там гроб был пустой, как раз под меня. Легла, закрылась, а тут старуха одна вошла и всё чего-то ищет. Я ей говорю из гроба: Женщина, что вы ищете? Как она испугалась!*

Градусник и деления на нём: *Вопрос ребёнка: Сколько градусов? – Ноль! – Плюс ноль или минус ноль?*

Птицы, напившиеся браги, и явившиеся потом к хозяевам. *Хозяйка вылила остатки браги, а сорок её уток напились водицы и рухнули, как мёртвые. – Давай хоть пух сдерём с них! Что пропадать? = Содрали, а подопечных вывезли на тележке к пруду. И каково же было удивление хозяев, когда вечером протрезвевшие птицы постучались в дом! Они все выжили, но, правда, потом болели.*

Ножки в подчинении у головы: *Ножечки мои, ножечки! Куда дурная голова вздумает, туда бедные ножечки несут.*

Чистота и запах шоколада: *Старательная уборщица в парикмахерской комментирует свои действия: Ой, я всё делаю – и чтоб пахло, как шикилад (sic!)!*

На первый взгляд кажется, что у представленных зарисовок мало общего. Однако это не так: в большинстве случаев мы имеем дело с новой трактовкой ситуации. Похороны воспринимаются как игра, в парикмахерской чистота ассоциируется с шоколадом, а ножки находятся в подчинении головы. Ситуация становится множественной, что даёт волю переосмыслению её в юмористическом плане. Юмор здесь специфичный: он связан с переосмыслением самой ситуации, что часто не приводит к юмору участников ситуации, но веселит нас, слушателей: *протрезвевшие утки, оценка градусника, об озвучивании поминок.* Перед нами – свидетельство богатства языка в плане переоценки, переосмысления ситуаций: перевод ситуации в игровую плоскость, что никак не представлено в узуальной речи: *«гастронимическое» прочтение парикмахерской, отрицание единства ног и головы*.

Чем старше мы становимся, тем стандартнее в нашем сознании ситуации: *пустые гробы в отделе ритуальных услуг, поход в магазин за набором продуктов, типичные человеческие фамилии*. У детей нет ещё таких ситуаций, и они смело экспериментируют со словами. Исследователь детской речи Н.А. Мечковская проанализировала множество фактов в детской речи по аналогии, не вызывающих юмористического эффекта. Это слова типа *испугнулся* [Мечковская, 2023, с. 80-92]. Обилие таких фактов вызывает восхищение, хотя юмора в них, повторим и подчеркнем это, немного.

Как осмысливать такие явления? Можно, что формирование стандарта ситуаций у ребёнка еще не произошло. Оно в стадии формирования, тогда как у взрослых переоценка ситуации становится средством создания юмористического эффекта как преднамеренного (*ножки в подчинении головы,*

фамилия собаки, запах шоколада в парикмахерской), так и непреднамеренного *(голос из гроба, парадоксы покупок*). Постепенно ребёнок овладевает искусством смешных ситуаций, а у взрослых талант рассмешить аудиторию уходит на второй план, если вовсе не исчезает. Однако есть люди, которые любые ситуации могут сделать смешными *(что можно петь на похоронах, фамилия у собаки)*, и это одно из проявлений живого богатства языка.

Любая ситуация в основе своей многомерна: она может сыграть в игровом ключе, может быть продолженной, даже абсурдной, может включать новые элементы, может быть ограниченной… Овладение искусством работы с ситуацией – это свойство некоторых людей, становящихся поставщиками юмора в новых условиях.

Обратим внимание на слова «хоронят», «ножечки», «ищете», то есть на словоформы. Отечественная лингвистика (и лексикография) традиционно особое внимание уделяла слову, причем в начальной его форме. Это и понятно. Но тот факт, что и формы слова тоже могут быть весьма поэтичными и даже перекрывать значение начальных форм – это потребовало создания и издания словарей-конкордансов. «Пространственное сближение того, что в самом произведении разделено, разобщено десятками, а то и сотнями промежуточных строк, нередко проявляет, открывает нам такие смысловые связи, такие глубины смысла, которые при сплошном чтении в лучшем случае смутно ощущали, а то и вовсе не замечали», – так писал С.И. Гиндин, и с этим трудно не согласиться [Харченко, 2024].

Словоформа может стать и становится выражением, в том числе, комической ситуации. Сейчас, согласимся, получают распространение издания конкордансов, но просто читателям – зачем знакомиться с таким объемным конкордансом? Опять же, для разрушения мифов. Мы живем в богатейшей стране, где имя поэта изначально обрастает многими мифами, и на общем небосклоне мы, завороженные известнейшими именами, не всегда замечаем других звезд, не менее ярких и чарующих [Харченко, 2024]. Добавим, что здесь возможен и юмористический выход: *Вопрос ребёнка: Сколько лет? – Два года. – Я же спросил «лет», а не «год»!*

Список литературы

Мечковская Н.Б. В каких направлениях дети преобразуют грамматическую и лексическую семантику русского глагола? // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент. Сб. научн. статей / Отв. ред. И.В. Зыкова. – М.: Институт языкознания РАН, 2023. – С. 80-92.

Харченко В.К. Зачем нужны конкордансы // Рецензия на Конкорданс полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева. А-Я / Под общей редакцией доктора филолог. наук, проф. А.В. Антюхова. – Брянск, Изд-во «Курсив», 2013. – 396 с. // Клаузура, 20.06.2021.

ОТЭТНОНИМНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Чугунова Светлана Александровна,
доктор филологических наук, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского, г. Брянск Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования русских отэтнонимных имён прилагательных в индивидуальном ментальном лексиконе носителя русского языка. В качестве испытуемых двухэтапного эксперимента с применением методов САЭ и семантического дифференциала привлекались студенты Брянского госуниверситета им. И.Г. Петровского (20 чел). Стимулами послужили отэтнонимные прилагательные *французский, американский, русский, украинский*.

Ключевые слова: этноним, отэтнонимная лексика, ментальный лексикон индивида, САЭ, семантический дифференциал.

Изучение этнонимов и производной от них лексики как носителей этнокультурного знания [Шевякова, 2024, с. 4] с позиции психолингвистики позволяет не только отслеживать динамику связывания слов в ментальном лексиконе индивида по различным основаниям, но и выявлять как эксплицитные (стереотипные), так и имплицитные (скрытые) смыслы, положительные и отрицательные суждения и оценки у представителей одного народа по отношению к себе и другим народам и общностям [Чугунова, 2024, с. 46].

Впервые термин «этноним» (от греч. *ἔθνος* ‘нация’ и *ὄνομα* ‘имя’), указывающий на народность, племя, нацию и т.п. [Шевякова, 2024, с. 13], был предложен советскими учёными в 20-х годах XX века. В настоящее время этнонимы дифференцируются на эндо/автоэтнонимы и экзоэтнонимы: например, финны называют свою страну *Суоми*, а себя – *суомалайнен*; армяне называют свою страну *Хайастан*, а себя – *хай*, при этом грузины называют Армению *Сомхети*, а армян – *сомехи*; грузины называют свою страну *Сакартвело*, а себя – *картвели*, армяне же называют Грузию *Врастан*, а грузин – *враци*, и список подобных примеров довольно большой [Названия и самоназвания народов…; Самоназвание народов]. Многое о происхождении этнонимов может поведать их этимология, изначально они могут относиться к антропонимам, топонимам, зоонимам, гидронимам, эпонимам и т.д. [Булатбиев, 2018], однако не всегда наше знание о происхождении того или иного этнонима может считаться бесспорным в силу отсутствия письменных свидетельств и/или изменчивости значения во времени [Чугунова, 2024, с. 47]. Стилистически этнонимы различаются на нейтральные (*русские, французы, узбеки*) и сниженные, с уничижительной коннотацией (ethnic slurs) [Грищенко, 2006; Коробкова, 2009; Mullen, 2007]: *фриц, шаромыжник, басурман, нерусь*.

Научный интерес представляют не только этнонимы, но и их производные, в частности отэтнонимные имена прилагательные («опосредованные этнонимы» [Кубышина, 2015, с. 41]), обозначающие «принадлежность к определённой

этнической группе или государству» [Шевякова, 2024, с. 9]. Как и собственно этнонимы эти лексемы также выполняют различные функции в дискурсе: номинативную, идентифицирующую, когнитивную, ориентационную, эмоционально-оценочную, идеологическую, сакральную [Чугунова, 2024, с. 48].

В проведённом нами двухэтапном эксперименте использовался стимульный список из 27 отэтнонимных имён прилагательных на русском языке: *узбекский, татарский, датский, бразильский, казахский* и другие. Эксперимент проводился очно, анонимно, с участием 20 испытуемых (далее – ии.) – студентов факультета иностранных языков Брянского госуниверситета. Каждый участник получил карточку со стимулами и инструкцией, общаться друг с другом и пользоваться какими-либо подсказками запрещалось. На первом этапе эксперимента ии. записывали словами по возможности первые реакции, ассоциативно связанные со стимулами в их сознании (этап САЭ – свободного ассоциативного эксперимента). На втором этапе эксперимента ии. оценивали те же стимулы по методу семантического дифференциала с применением четырёх антонимических шкал: 1) «светлый (+) – нейтральный (0) – тёмный (-)»; 2) «сильный (+) – нейтральный (0) – слабый (-)», 3) «большой (+) – нейтральный – маленький (-)»; 4) «тёплый (+) – нейтральный – холодный (-)». Известно, что в основе данного метода, предложенного в середине XX века Ч. Осгудом, находится нейрофизиологический феномен синестезии. Данный метод, широко используемый в психолингвистике и когнитивной психологии, позволяет измерять коннотативный (эмоционально-оценочный) компонент значения слова и выявлять имплицитные (скрытые) смыслы, а именно отношение индивида к слову и, что особенно важно, к тому, что им обозначается.

Проанализируем ассоциативно-вербальные поля (АВП) как совокупности полученных в ходе САЭ ассоциатов с опорой на классификацию вербальных ассоциативных реакций с такими типами, как парадигматический, синтагматический и тематический (см. [Акованцева, 2022; Горошко, 2001; Клименко, 1974; Соколова, 1999; Попова 2011]). Парадигматический тип ассоциативной связи демонстрирует способность слов вступать друг с другом в категориальные отношения, тогда как синтагматический тип демонстрирует способность слов вступать друг с другом в синтаксические отношения. Тематический тип ассоциативной связи предполагает общую экстралингвистическую ситуацию для сущностей, выражаемых в языке с помощью отдельных слов. При этом следует иметь в виду, что не всегда различия между тем или иным типом очевидны, когда речь идёт о конкретных ассоциатах.

Поскольку стимул *французский* анализировался нами ранее (см. [Чугунова, 2024]), разберём вербально-ассоциативные поля и оценки отэтнонимных имён прилагательных *американский, русский* и *украинский*.

Итак, на отэтнонимное имя прилагательное АМЕРИКАНСКИЙ были получены следующие ассоциаты (в скобках указывается количество ии., предложивших ту или иную реакцию): а) парадигматический тип: *второй*; б) синтагматический тип: *флаг (2), штат, диалект, фильмы, характер, университет, футбол, баскетбол, свобода*, фастфуд*, запад**; в) тематический тип: *Калифорния, Майами, Трамп, картошка фри, всемирный язык, гаджет,*

различные видео с интервью, барбекю, независимость, свобода, фастфуд*, Запад*, парк?*.

Суммарное АВП стимула АМЕРИКАНСКИЙ представлено смысловыми реакциями, в основном единичными. Единственный ассоциат, предложенный дважды и потому претендующий на ядерный статус, – реакция синтагматического типа *флаг*, хотя практически все ассоциаты, за исключением двух, являются стереотипными и ожидаемыми. С точки зрения принадлежности ассоциата к тому или иному типу мы видим, что в подавляющем большинстве – это реакции синтагматического и тематического типов, реакция парадигматического типа *второй* встретилась один раз. При этом можно с уверенностью констатировать, что это единственный ассоциат в данном АВП, представляющий сложность в плане смысловой прозрачности связи стимула и реакции. Что касается ассоциата *парк*, то если и можно относить его к тематическому типу, то следует охарактеризовать ситуационную связь стимула и данной реакции как нетипичную и потому высоко индивидуализированную. Также следует пояснить, что часть реакций может быть отнесена как к синтагматическому, так и к тематическому типу, такие реакции помечены звёздочкой. Так, с одной стороны, известно, что многие американцы считают свою страну едва ли не единственной свободной страной в мире, и эта вера нередко передаётся гражданам других стран, а с другой, можно встретить словосочетания *американская свобода, свобода по-американски.* Например, Америка, США ассоциируется у нас с западной цивилизацией, но также нередко можно встретить сочетание *американский Запад*. Кроме того, не исключено, что испытуемый мог вспомнить минисериал «The American West», снятый в 2016 году и переведённый на русский язык.

Если систематизировать полученные в САЭ реакции по семантическому принципу, то здесь мы видим онимы (*Калифорния, Майами* – топонимы, *Трамп* – антропоним), но чаще апеллятивную (нарицательную) лексику, которая соотносится прежде всего с культурой: спорт (*футбол*), образование (*университет*), ценности (*независимость*), технологии (*гаджет*), образ жизни (*фастфуд*) и т.д.

Суммарное АВП стимула РУССКИЙ также включает исключительно смысловые реакции: а) парадигматического типа: *родной (2)*; б) синтагматического типа: *язык (2), душа (2), дух, народ, город, гражданин, менталитет, величие, зима, самовар, борщ, сарафан, матрёшка, человек, дом**; в) тематического типа: *флаг России, исключения, косынка, дом**. В данном АВП встречается больше ассоциатов, упомянутых дважды (их три), хотя все без исключения ассоциаты можно считать стереотипными, они демонстрируют эксплицитную, семантически прозрачную связь со стимулом. По характеру ассоциативной связи здесь на первое место выходят ассоциаты синтагматического типа, на второе место – тематические вербальные ассоциации, причём единственная ассоциация *дом* может быть также отнесена к синтагматическому типу, так как во время эксперимента испытуемый мог подумать о журнале «Русский дом» или, что ещё вероятнее, об одноимённой компании-застройщике в Брянской области. Если комментировать смысловую

связь ассоциата *исключения* со стимулом, то можно предположить актуализацию следующей ассоциативной цепочки в сознании индивида: РУССКИЙ – *язык* – *исключения.* Весь ассоциативный арсенал данного АВП представляет собой апеллятивную лексику, исключение составляет лексема *Россия* в реакции-словосочетании *флаг России*.

Как и в случае со стимулом АМЕРИКАНСКИЙ многие ассоциаты стимула РУССКИЙ демонстрируют культурную семантику: *самовар, борщ, сарафан, матрёшка*. Отдельно следует отметить реакции *родной, величие* и, возможно, *дом, душа, дух,* которые, что не исключено, могли быть вызваны особым чувством эмоциональной близости именно с этим стимулом, поскольку известно, какую огромную роль играет эмоциональная связь индивида с группой в системе координат «свой – чужой» на протяжении всего периода личностного развития, да и всей жизни.

Суммарное АВП стимула УКРАИНСКИЙ также включает только смысловые реакции: а) парадигматического типа: *польский*; б) синтагматического типа: *борщ (6), флаг (3), сало (2), операция* (2), граница, музыка, вышиванка, скамейка?*; в) тематического типа: *поддержка, флаг Украины, операция* (2).* В данном АВП встречается ещё больше ассоциатов, предложенных дважды и более раз (их четыре), причём в центре поля оказывается ассоциат *борщ*, упомянутый 6 раз. Как и в случае с предыдущими стимулами большинство ассоциатов являются стереотипными реакциями с культурной семантикой; при этом встречаются ассоциаты, отражающие новые, современные смыслы, которые очень быстро превращаются в стереотипные, эксплицитные, они легко считываются в современных исторических условиях: *операция, граница, поддержка*, возможно, *польский*. Обращает на себя внимание ассоциат *поддержка*, смысл которого возможно интерпретировать как отношение субъекта к конкретной стороне известного конфликта. По характеру ассоциативной связи здесь снова на первое место выходят ассоциаты синтагматического типа, на второе место – тематические вербальные ассоциации, причём ассоциат *операция* может быть отнесён к каждому из этих типов. Что касается реакции *скамейка*, то можно только догадываться, что это ассоциат синтагматического типа в словосочетании *украинская скамейка*, смысл которого также может отражать современную ситуацию. Также здесь зарегистрирован один отказ от ассоциации.

Отличие АВП стимула ФРАНЦУЗСКИЙ состоит в том, что, несмотря на значительное количество ассоциатов синтагматического типа (*мода, стиль*), на первое место всё же выходят ассоциаты тематического типа: *Эйфелева башня, флаг Франции, круассан*, хотя, например, ассоциат *любовь* может быть отнесён и к синтагматическому, и к тематическому типу. Зафиксировано два ассоциата парадигматического типа, причём оба представляют собой перевод стимула на французский и немецкий языки. В плане стереотипности реакций и превалирования культурной семантики большинства ассоциатов АВП данного стимула не является исключением в сравнении с вышеописанными АВП. Зарегистрирована единственная высоко индивидуализированная реакция, представляющая собой имя преподавателя французского языка нашего факультета.

Перейдём к результатам второго этапа нашего экспериментального исследования, в котором применялся метод семантического дифференциала, предусматривающий процедуру оценивания стимулов относительно четырёх антонимических шкал: 1) «светлый (+) – нейтральный (0) – тёмный (-)»; 2) «сильный (+) – нейтральный (0) – слабый (-)», 3) «большой (+) – нейтральный – маленький (-)»; 4) «тёплый (+) – нейтральный – холодный (-)». Как было сказано выше, этот метод позволяет измерять коннотативный (эмоционально-оценочный) компонент значения слова и таким образом выявлять имплицитное отношение к значению.

Напомним, что в отношении стимула ФРАНЦУЗСКИЙ в целом у ии. преобладают положительные оценки (39 раз), на втором месте – нейтральная оценка (22 раз), на третьем – отрицательная оценка (16 раз). При этом самое большое количество положительных оценок «собрала» шкала «светлый – тёмный» (17), а отрицательных оценок – шкала «большой – маленький» (9 раз). Больше всего нейтральных оценок получила шкала «сильный – слабый» (9 раз) (см. [Чугунова 2024]). Иными словами, стимул ФРАНЦУЗСКИЙ чаще всего оценивался как «светлый, тёплый», «ни сильный и ни слабый», и в то же время «маленький».

В отношении стимула АМЕРИКАНСКИЙ у ии. также в целом преобладают положительные оценки (37), на втором месте – также нейтральная оценка (19), на третьем – также отрицательная оценка (17). Самое большое количество положительных оценок имеется у шкал «сильный – слабый» (16) и «большой – маленький» (15). Самое большое количество отрицательных оценок – у шкалы «тёплый – холодный» (9), нейтральных оценок – у шкалы «светлый – тёмный» (8). Таким образом, стимул АМЕРИКАНСКИЙ чаще всего оценивался как «сильный, большой», «скорее тёмный, чем светлый» и «скорее холодный, чем тёплый».

Стимул РУССКИЙ набрал самое большое количество положительных оценок (53), однако на втором месте – отрицательная оценка (13) и на третьем месте – нейтральная оценка (11), причём нейтральные оценки не превышали трёх ни по одной шкале. В результате можно сделать вывод, что в целом стимул РУССКИЙ оценивался как «светлый (14), сильный (16) и большой (15)». Что касается шкалы «тёплый – холодный», то здесь оценки кардинально разделились: одна половина ии. оценила стимул как «тёплый» (8), а другая, большая половина – как «холодный» (9).

У стимула УКРАИНСКИЙ на первом месте оказывается отрицательная оценка (29), на втором месте – нейтральная оценка (27) и на третьем месте – положительная оценка (21). Самое большое количество положительных оценок – у шкалы «светлый – тёмный» (8), самое большое количество отрицательных оценок – у шкал «большой – маленький» (9) и «тёплый – холодный» (9). Таким образом, стимул УКРАИНСКИЙ в целом оценивался как «скорее светлый, чем тёмный», «скорее слабый, чем сильный», «скорее маленький, чем большой» и «скорее холодный, чем тёплый».

Подведём некоторые итоги экспериментального исследования в отношении отобранных для анализа в данной статье стимулов – отэтнонимных имён прилагательных на русском языке (всего 4).

Построенные АВП стимулов, представляющие собой совокупности полученных в ходе САЭ ассоциатов, в основном включают стереотипные, выражающие эксплицитные (лежащие на поверхности) смыслы реакции. Подавляющее большинство реакций – это апеллятивная лексика (реже онимы) с культурной семантикой, интегрированная в образы того или иного народа, нации, общности в сознании носителей русской лингвокультуры: РУССКАЯ *душа,* АМЕРИКАНСКИЙ *фастфуд,* УКРАИНСКАЯ *вышиванка,* ФРАНЦУЗСКИЙ *стиль*.

Основное большинство ассоциатов демонстрируют синтагматический тип ассоциативной связи со стимулом, хотя часть ассоциатов может быть одновременно отнесена к тематическому типу. На наш взгляд, то, что подавляющее большинство ассоциатов являются именами существительными, согласующимися со стимулами в словосочетаниях «прилагательное + существительное», объясняется частеречной принадлежностью стимулов – все стимулы являются именами прилагательными. Отсюда, ассоциатов парадигматического типа – по одному, максимум два у каждого стимула. Мы также полагаем, что частеречная принадлежность стимулов, а также то, что стимулы были представлены на русском языке – родном для испытуемых, обусловила отсутствие формальных и формально-смысловых реакций, все полученные в ходе САЭ реакции являются смысловыми.

Ассоциативные реакции, которые выражали бы имплицитные (скрытые) смыслы, отношение испытуемых к реальности, ассоциируемой в их сознании с данными отэтнонимными прилагательными, прежде всего к людям, к общностям и их культурам, включая свою общность и свою культуру, оказываются в значительном меньшинстве по сравнению со стереотипными реакциями. К таковым возможно отнести такие реакции, как *любовь* (ФРАНЦУЗСКИЙ), *свобода* (АМЕРИКАНСКИЙ), *величие* (РУССКИЙ), *поддержка* (УКРАИНСКИЙ). Не исключено, что, если бы количество участников эксперимента было больше, подобных ассоциатов также было бы больше. Однако значительно больше скрытых смыслов мы получаем в результате применения метода семантического дифференциала, особенно когда это касается стимулов, называющих не какие-то абстрактные для индивида общности и народы в силу географической удалённости и отсутствия межличностных и межгосударственных контактов, исторических пересечений, общей исторической судьбы, а также конфликтов, которые могут негативно влиять на субъективную оценку. В связи с этим заметим, что эксперимент проводился два года назад, но результаты освещаются только сейчас. Не исключаем, что субъективные оценки наших испытуемых, которые уже окончили университет, могли существенно поменяться в ту или иную сторону за этот период.

Список литературы

Акованцева Н.В. Ассоциативное поле как особый вид лексической группировки (на материале экспериментального исследования ассоциативного поля «ОТДЫХ/ОТДЫХАТЬ»): Дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2022. – 269 с.

Булатбиев И.М. Конвергентная закономерность возникновения этнонимов // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. – 2018. – № 10. – С. 8-29.

Грищенко А.И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А.И. Грищенко, Н.А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. Труды Уральского МИОНа. – Вып. 20. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 175-187.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – М.: Институт языкознания РАН; Харьков: РА – Каравелла, 2001. – 320 с.

Клименко А.П. Лексическая системность и её психолингвистическое изучение. – Минск: МГПИЯ, 1974. – 206 с.

Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 200-205.

Кубышина Н. Роль этнонимов в выражении этнического сознания автора в «Слове о полку Игореве» // Cuadernos de Rusística Española. – 2015. – № 11. – С. 33-46.

Названия и самоназвания народов и как это связано с историей. На примере Закавказья // Дзен : сайт. – URL: https://dzen.ru/a/YlPnap4EqWiriFMA?ysclid=lypoc7v623465188677 (дата обращения: 17.07.2024).

Попова З.Д. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин / 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 176 с.

Самоназвание народов // Викисловарь : сайт. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/ (дата обращения: 17.07.2024).

Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3-6 лет: Автореф. дис. …докт. филол. наук. – М., 1999. – 65 с.

Чугунова С.А. Отэтнонимная лексика в ментальном лексиконе индивида // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия: материалы II Международной науч.-практ. конф., 24–25 окт. 2024 г. / отв. ред. Изотова Н.В. – Брянск: РИСО БГУ, 2024. – С. 46-52.

Шевякова К.В. Глубинная семантика немецких отэтнонимных прилагательных (на примере лексем Deutsch и Russisch): Дис. … канд. филол. наук. – М., 2024. – 166 с.

Mullen B. A Social Psychological Study of Ethnonyms: Cognitive Representation of the In-Group and Intergroup Hostility / B. Mullen, R.M. Calogero and T.I. Leader // Journal of Personality and Social Psychology. – 2007. – Vol. 92, No. 4. – Pp. 612-630.

ETHNIC/NATIONAL GROUP ADJECTIVES IN THE MENTAL LEXICON OF THE RUSSIAN NATIVE SPEAKER

Chugunova Svetlana Aleksandrovna,
Doctor of Philology, Professor at the Chair of English Language Theory and Translation Studies, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk, Russia

Abstract. The research examines the problem of the functioning of Russian adjectives derived from ethnic/national group names in the mental lexicon of the Russian native speaker by empirical methods – the free association test (FAT) and the semantic differential scale. The association and evaluation results of the adjectives francuzskij (French), amerikanskij (American), russkij (Russian), ukrainskij (Ukrainian) are highlighted.

Key words: ethnic (national, racial) group name, words derived from ethnic (national, racial) group names, individual mental lexicon, FAT, semantic differential.

THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN POLITICAL DISCOURSE

Khanlarova Aynura Shohrat,
PhD student, lecturer of department of foreign languages, Sumgait State University, Sumgait, Azerbaijan

Abstract. Various approaches of several linguists related to political discourse are discussed in the report. It is noted that in political discourse, which directly influences the establishment of social relations, the adoption of political decisions, and their implementation, linguistic means constituting the discourse play a key role. Among these means, phraseological units hold significant importance due to their imagery, expressiveness, effectiveness, and conciseness. The choice of phraseological units is also determined by pragmatic goals.

Key words: political discourse, policy, discourse, political speeches, phraseological units.

Political discourse is an institutional phenomenon of special social importance in the life of society. The complexity of the study of political discourse is due to the fact that this phenomenon is at the intersection of various sciences – political science, social psychology, linguistics. In linguistics, political discourse is given the status of a complex and multifaceted phenomenon. In connection with this phenomenon, two important approaches to its content have emerged.

According to the Dutch linguist and representative of critical discourse analysis, political discourse is the discourse of politicians, realized in the form of government documents, parliamentary debates, party programs and speeches of politicians. By limiting political discourse to the activities of politicians, the scholar emphasizes its institutional character [Dejk, 1989, p. 26; Dejk, 2013].

In his research, E.I. Sheygal proposes a field approach to analyzing the structure of political discourse and considers this discourse political if at least one of the three components belongs to the sphere of politics: the subject, addressee, or content of the speech work. At the center of the field approach are primary genres (political documents, statements, speeches, debates, etc.), while secondary or marginal genres,

which combine elements of political and other types of discourse (such as analytical articles, diaries) are located on the periphery. These include conversations, letters to the editor, cartoons, parodies, and so on. Thus, according to the author, the field approach allows us to identify the areas of connection between political discourse and other types of institutional discourse (scientific, pedagogical, legal, religious, etc.), as well as non-institutional forms of communication (artistic and everyday conversations). In fact, this is a substantive thematic principle based on the referential nature of the text [SHejgal, 2004, c. 244-245].

Researchers, emphasizing the special role of the media in the implementation of political discourse, note that, thanks to the media, political discourse becomes public and addresses a wide audience. They discuss the tendency of political discourse to merge with the discourse of mass media [Rovinskaya, 2002, p. 85].

The institutional parameters of political discourse are defined by its functions. Austrian linguist and professor in the field of discourse, Ruth Wodak, lists the most important functions of political discourse in her work «*Language. Discourse. Politics»*:

1. **Persuasive function** – This function is related to the politician's desire to convince the audience of their point of view. In discussions about the future development of the state, politicians primarily focus the voters' attention on the consequences of decisions and actions for future generations. Thus, by directly imposing their point of view, they encourage voters to participate in the public life of their state.
2. **Informative function** – This function concerns providing the voter with information about the speaker's political intentions. A candidate directs the voters' attention to the clear ideological views they hold in their election campaign.
3. **Argumentative function** – Every statement made by the politician must be clearly substantiated and linked to the values, customs, traditions, and ideology of the people. The politician refers to statistical data to enhance the expressiveness of their speech, thereby drawing the voters' attention to how much additional work needs to be done.
4. **Delimitation related to the differentiation of political subjects** – The metaphors of "the kingdom of lies" and "the realm of justice" are examples of the typical "us vs. them" opposition that characterizes political discourse.
5. **Group identification, which involves ensuring content and a unified language for the personality** – In their speech, the politicians, by referring to a known stereotype, appeal to the listeners' patriotic feelings and emphasizes their unity with the voters [Vodak, 1997].

According to the concept developed by A.N. Baranov and E.Q. Kazakevich, political discourse is a collection of various speech acts used in political debates and discussions. Political discourse also includes a system of rules for conducting state policy, which is subject to traditions and has been tested by the experience of generations. They argue that in political discourse, interaction occurs between various social institutions [Baranov, 1991].

A politician's speech (with some exceptions) works with symbols, and its success is determined by how well these symbols align with the collective consciousness: the politician must be able to strike the right chord within this consciousness. The politician's statements should match the thoughts and evaluations of the «*consumers*» of political discourse, the recipients.

Therefore, when interpreting political discourse as a whole, one cannot limit it to purely linguistic aspects; otherwise, the essence and purpose of political discourse will be overlooked. Understanding political discourse requires knowledge of the context existing at a particular time, the expectations of the author and the audience, hidden motives, plot patterns, and favored logical transitions.

The national leader Heydar Aliyev, with his foresight and wisdom, created a solid foundation for the comprehensive development of Azerbaijan. We can note that Heydar Aliyev's speech has always been very rich in phraseological units. The phraseological combination «müzakirə açmaq» (to open a discussion) is used on issues of state importance: /*Mən artıq sizə izah etdim hansı səbəblərə görə biz indiyə qədər bu məsələ barədə heç bir yerdə heç bir* ***müzakirə açmamışıq*** (*I have already explained to you the reasons why we have not* ***discussed this issue*** *anywhere so far)*//.

/*Şübhəsiz son illərdə Azərbaycanın ictimai-siyasi həyatında müəyyən səhvlərə yol verilib. Əgər Azərbaycan xalqı özündə qüdrət və imkan taparsa, əgər Azərbaycan xalqı bizə imkan verərsə, mən sizə, bütün Azərbaycanlılara* ***söz verirəm*** *ki, bu* ***səhvlərin hamısını aradan qaldıracağıq*** (*Undoubtedly, certain mistakes have been made in the socio-political life of Azerbaijan in recent years. If the Azerbaijani people find strength and opportunity, if the Azerbaijani people allow us, I promise you, all Azerbaijanis, that we will* ***eliminate all these mistakes***)// [Zamanov, 2014]. The phraseological expression «söz vermək» mentioned in this speech sounded like an oath at prestigious meetings.

One of the phraseological units frequently used in the speeches of our great leader Heydar Aliyev is «*yol verməmək*». /*Ayrı-ayrı adamların bu proseslərdə öz şəxsi mənafelərini güdməsi bütün Azərbaycan dövlətinin həm iqtisadiyyatına, həm milli qüdrətinə, həm də dövlətçiliyinə böyük zərbədir. Buna yol vermək olmaz və mən sizi əmin edirəm ki, bu vəzifəni tutduğum dövrdən belə bir mövqedəyəm və buna* ***yol verməyəcəyəm*** (*The pursuit of one's own interests in these processes is a great blow to the economy, national power and statehood of the entire Azerbaijani state. This cannot be allowed, and I assure you that I have been in such a position since I took office and I will not allow it)*//.

There are phraseological units that the national leader frequently refers to regarding the formation of the nation, which resonated with particular intensity among refugee and displaced audiences: «*Xalqımız əsrlər boyu* ***böyük sınaqlardan çıxıb*** *və öz torpağını, öz* ***mənliyini indiyə qədər qoruyub saxlaya bilmişdir***». Our people have ***overvome great trials*** for centuries and have been able ***to preserve their land and their identity.*** Burada işlədilən kimi frazeoloji birləşmələr ilk növbədə milli mənlik şüurunu formalaşdırır. Elə bu fikirlərin ardınca «*milli mənliyini sındırmaq*» frazeoloji birləşməsi ifadə edilmişdir: Phraseological combinations such as «*böyük sınaqlardan çıxmaq», «mənliyini qorumaq», «mənliyini saxlamaq*» (to overcome great trials, preserve one's identity) used here primarily form the consciousness of national identity. Following these ideas, the phraseological combination " to break one's national identity" is expressed: «*1990-cı ildə Azərbaycanın başına böyük faciələr gəlibdir. Respublikaya böyük qoşun dəstələri yeridilərək Azərbaycanın* ***milli mənliyini sındırmağa çalışıblar***». In 1990, great tragedies befell Azerbaijan. Large troops entered the republic and tried ***to break the national identity*** of Azerbaijan [Zamanov, 2014].

One of the phraseological units that Heydar Aliyev frequently used in his political meetings is «*bünövrəsini qoymaq*» (to lay the foundation). /*Qırğızıstan və*

*Azərbaycan arasında dostluq və əməkdaşlıq haqqında müqavilənin xüsusi əhəmiyyəti var, o, bizim dostluğumuzun, qardaşlığımızın, əməkdaşlığımızın müqaviləli-**hüquqi bünövrəsini qoyur*** (*The agreement on friendship and cooperation between Kyrgyzstan and Azerbaijan is of special importance, it **lays legal basis** for our friendship, brotherhood and cooperation)//. /Qırğız və azərbaycan xalqları arasında **dostluğun kökləri əsrlərin dərinliklərinə gedib çıxır*** (***The roots of friendshi**p between the Kyrgyz and Azerbaijani peoples go back centuries)//* [Zamanov, 2014].

Realization of the communication process is almost impossible without the usage of phraseological units. Phraseological units used in the right position help politicians to gain public support, which leads to the approval and legitimization of their policies. Political discourse being a system of communication processes combines various linguistic and pragmatic factors [CHinenova, 1983].

In our opinion, political discourse has significant pragmatic potential, designed to influence the audience and manipulate their consciousness by conveying both the explicit and implicit intentions of the politician.

References

Baranov A.N. Parlamentskie debaty: tradicii i novacii / A.N. Baranov, E.G. Kazakevich. – Moskva : Znanie, 1991. – 64 s. (In Russian).

CHinenova L.A. Processy razvitiya anglijskoj idiomatiki // Voprosy yazykoznaniya. – 1983. – Vyp. – №2. – S. 111-117. (In Russian).

Dejk T.A. van Diskurs i vlast'. Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii. – M.: Librokom, 2013. – 344 s. (In Russian).

Dejk T.A. van. YAzyk. Poznanie. Kommunikaciya / Per. s angl. – M., 1989. – 312 s.

Rovinskaya T.L. Rol' SMI v deyatel'nosti «zelenyh» partij (opyt SSHA i FRG) // Vestnik Moskov skogo un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki. – 2002. – № 6. – S. 85-98. (In Russian).

SHejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. – Moskva: Gnozis, 2004. – 324 s. (In Russian).

Vodak R. YAzyk. Diskurs. Politika. – Volgograd: Peremena, 1997. – 139 s. (In Russian).

Zamanov N. Heydər Əliyevin nitqində frazeoloji birləşmələr / N.Zamanov// – Bakı: Elm və təhsil, AMEA, M.Füzuli adına Əlyazmalar İnstitutu, Filologiya məsələləri, – 2014. – №4. – S. 16-21.

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ханларова Айнура Шохрат,

докторант, преподаватель кафедры иностранных языков Сумгаитского государственного университета, Сумгаит, Азербайджан

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы ряда лингвистов, связанные с политическим дискурсом. Отмечается, что в политическом дискурсе, непосредственно

влияющем на установление общественных отношений, принятие политических решений и их реализацию, ключевая роль отводится лингвистическим средствам, составляющим дискурс. Среди таких средств достаточно велика роль фразеологических единиц, характеризующихся образностью, выразительностью, эффектностью и лаконичностью. Выбор фразеологических единиц также определяется прагматическими целями.

Ключевые слова: политический дискурс, политика, дискурс, политические речи, фразеологизмы.

THE CHALLENGES AND SUCCESS OF INCLUSION AND APPLYING UNIVERSAL DESIGN OF LEARNING TO SUPPORT DIVERSE LEARNERS

Zholdabayeva Aliya,
Head of English Foreign Language Department
Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar

Abstract. This article discusses the challenges and success faced by stakeholders in implementing Inclusion and the benefits of applying the Universal Design of Learning, a learning strategy for all students.

Key words: Inclusion, Children with Special Educational Needs, Universal Design of Learning, Pedagogy, Resource Center, Challenges, International.

As our globe continues to expand its boundaries, inclusion acts as the membranes of the body that hold the strength, health and wealth of a thriving global society and culture. Inclusion gives dignity to all people no matter their psychological, mental, or physical needs. In his essay, researcher Robo recognized that in an inclusive society people feel respected, valued, and have a sense of belonging (2020). The practice of exclusion and the devaluing of others keeps society dis-eased and weak. Together we are better, and our differences are the most important renewable resource [Robo, 2020].

International organizations such as UNESCO, UNICEF, USAID, and the United Nations have advocated for inclusive education worldwide. In 1994, the Salamanca Declaration (UNESCO) recognized the need to «restructure educational environments to foster a sense of belonging in all children. In 2007 *The Law of Education* stated that» inclusive education is defined as a process that provides equal access to education for all students considering their abilities and special educational needs. Eurasia has put into place policies to promote inclusion in their school system. In 2008, the president of Kazakhstan ratified the *International Convention for the Protection of Persons with Disabilities.* The president's objective is for a new Kazakhstan that is ready to engage the global economy as well as society. To date only 27% of children with disabilities study in mainstream schools and only 1% in higher education [MOES & National Academy for Education, 2015]. There is still work to be done.

Our global community is made up of individuals of all cultures and races who have unique characteristics such as diverse languages, socioeconomic levels and learning styles [Fiore, 1994]. The international organizations known for spearheading human rights, have been calling on education institutions to implement inclusive education for students with special needs since the 1980's [Walton, 2016]. Inclusive

education is a plan of action to build an inclusive society to eliminate discrimination and remove all barriers to a student's learning [Yilmaz, 2021]. Since that time inclusion has expanded not only to students with physical disabilities, but also to students with specific learning styles, students with different languages and cultures, and students with different mental capabilities. The policies are set in place, but the challenges have made progress slow in implementing in the school system. This study aims to contribute to the literature on inclusion and help develop inclusion in the classroom. For this purpose, answers to the following questions were searched out:

What are the main challenges and successes teachers face when implementing inclusion?

What is Universal Design of Learning and its benefit to students?

Researchers Yilmaz and Yeganeh investigated 20 primary school teachers at various schools. The teachers expressed their lack of clarity about how to relate inclusiveness to instructional practices (2020). The landscape and demographics of the classroom keeps changing, teachers have students with physical and mental disabilities as well as refugee students, gifted students, students of low economics, students with different cultures and family dynamics and hearing, and or impaired vision [Yilmaz, 2020]. The authors listed the following challenges: overcrowded classrooms, infrastructure of the school could not accommodate students with physical disabilities, and the lack of professional development for teachers and teaching resources. A great majority of the teachers stated that there was a lack of support from stakeholders such as administrators and parents [Yilmaz, 2020]. These teachers did their best to offer one on one help, giving extra time, organizing groups, and language support to their students. The findings of the study showed that crowded classrooms, lack of cooperation with parents' inadequate physical accommodations and space and differences in the mother tongue were major challenges for teachers (2020).

In the following essay, researchers Avramidis, Bayliss and Burden investigated a school in England who successfully built an «integration model of inclusive practice» (2002). The experiment lasted one full academic year. The authors utilized interviews with managers, learning support, teachers and staff members that included parents. The authors reveal that though the school was progressing academically with special needs students, there was still work to do in the social aspect of the student's school life. The major findings included that the physical space was insufficient, resources were needed, and a continued need for professional development was required [Avramidis, 2002]. This school served a wide range of students with emotional and behavioral difficulties, and a diversity of physical disabilities. Students could participate in social activities and receive support academically from their Curriculum and Learning Support Department. The researchers interviewed students and teachers and found that overall attitudes toward inclusion were positive. Some of the variables that created this positivity was making sure students were not denied participating in activities, all students were accepted into the normal school schedule, the school organized a department specializing in curriculum and learning support and finally there was sufficient communication between all stakeholders. In the U.K., they continue to develop partnerships between resource centers and mainstream schools that provide additional resources to students in need [Helmer, 2020].

Many European schools such as Malta, Greece, Poland, and Slovenia have adopted the resource centres model to help further Inclusion. This center houses teachers and professionals giving support to inclusive education. Ethiopia and South Africa have also successfully implemented these types of resource centers. Students receive additional support outside of the mainstream school [Helmer, 2020]. Teachers reported that they had the support they needed to understand inclusive pedagogy. «South Africa had a similar framework as Kazakhstan where students with special needs were segregated. Many special education schools repurposed as resource centres (SSRC) to collaborate with mainstream schools. These resource centres were supported by District Based Support Teams (DBTS). This multidisciplinary model enabled all stakeholders to collaborate in supporting individual student needs» [Helmer, 2020]. The authors and researchers note that this model is a work in progress. Resource centres collaborate with mainstream schools to provide support academically and professionally.

The roots of Universal Design for Learning (UDL) started in early civil rights and special education legislation that emphasized the rights of all students to a free, appropriate public education in the least restrictive environment [Hitchcock, 2005]. After the passage of the Americans with Disabilities Act (ADA) in the 1990s, schools and other public buildings were fitted with ramps and other architectural features to provide physical access. Next, they digitized text and created assistive technologies and furthermore, utilized brain research that revealed three networks at work in the brain during learning: recognition network (the «what» of learning), strategic network (the «how» of learning), and affective network (the «why» of learning) [Rose, 2002]. Because this initially started for students with disabilities, it also worked for students with all backgrounds. Everyone benefits.

Author Ralabate identifies that Universal Design of Learning principals accommodate the diversity of student's backgrounds and are designed to help students learn better. Principal one states that students have the opportunity to provide multiple ways of assessing their learning; learners could use a variety of multimedia such as text, visuals, and auditory to show what they learned. Principal two gives students' multiple options for expression and control. Principal three provides multiple options for engagement and motivation [Ralabate, 2011]. Learners with diverse backgrounds and needs are free to express themselves and take control of their learning.

Methodology: Examples of Differentiated Instruction and Activities

Choice Boards or Tic Tac Toe Board is a list of activities students can choose from. Each activity can start from easiest to hardest. Just like the game of Tic Tac Toe, students choose three activities in a row to complete.

Menu project is another format of activities students can do to show their learning. Teachers make a menu of activities labeled drinks, appetizer, main dish, and dessert. Like a restaurant menu, students get to choose the activity from each to help assess their learning. Teachers now have access to a diversity of assessments instead of the old traditional tests. Instead of making several lesson plans, students have one sheet full of activities to choose from in a fun way. Students feel a sense of agency and choice over their learning.

The future classroom has the potential to reshape paradigms and draw on inclusive practices to raise and train the next generation, who are healthier, stronger, and empathetic. These students have the critical thinking to potentially decrease all manner of social ills. As teachers, we do not just have a career; we are contributing to the health and well-being of our nations. What students learn in the classroom goes with them out into the world.

References

Avramidis E. What is inclusivity and what challenges does it pose for schools and teachers? / E. Avramidis, P. Bayliss, R. Burden // International Journal of Inclusive Education. – 2002. – Vol. 6. – Issue 2.

Fiore T. (1994). Adopting textbooks and other instructional materials / T. Fiore, R. Cook // Remedial and Special Education. – 1994. – 15 (6). – P. 333-348.

Helmer, J. Planting the seeds for inclusive education: one resource centre at a time / J. Helmer, R. Kasa, M. Somerton, T. M. Makoelle, D. Hernández-Torrano // International Journal of Inclusive Education. – 2023. – 27(5). – P. 586-602.

Hitchcock C. Providing new access to the general curriculum: Universal design for learning / C. Hitchcock, A. Meyer, D. Rose, R. Jackson // Teaching exceptional children. – 2002. – 35(2). – P. 8-17.

Ralabate P. K. Universal design for learning: Meeting the needs of all students // The ASHA Leader. – 2011. – 16(10). – P. 14-17.

Robo M. Social inclusion and inclusive education // Academicus International Scientific Journal. – 2014. – 10(2). – P. 181-191.

Walton E. The language of inclusive education. Exploring speaking, listening, reading, and writing. – Routledge Taylor & Francis Group, 2016.

ПРОБЛЕМЫ И УСПЕХИ ИНКЛЮЗИИ И ПРИМЕНЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ДИЗАЙНА ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ УЧАЩИХСЯ С РАЗНЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Жолдабаева Алия,
заведующая кафедрой английского языка
Павлодарский педагогический университет имени Алкея Маргулана,
г. Павлодар, Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматриваются трудности и успехи, с которыми сталкиваются заинтересованные стороны при внедрении инклюзивного образования, а также преимущества применения Универсального дизайна обучения (УДО) – стратегии, направленной на поддержку всех учащихся.

Ключевые слова: инклюзия, дети с особыми образовательными потребностями, Универсальный дизайн обучения, педагогика, ресурсный центр, проблемы, международный опыт.

ЛИНГВОКОНТРУКТЫ В ПРОЕКЦИИ КОГНИТИВНОГО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ

ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Айдарова Алсу Мирзаяновна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Набережночелнинского института
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Набережные Челны, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей трудового поведения человека через призму лексики, фразеологии и паремиологии на материале русского, татарского и английского языков. В работе рассматриваются ключевые концепты, отражающие трудовую деятельность и отношение человека к труду. Особое внимание уделяется национально-культурной специфике восприятия труда, выявляются сходства и различия в лексическом составе и устойчивых выражениях, связанных с трудовым поведением человека.

Ключевые слова: концепт, поведение человека, труд, глагол поведения, фразеологизм, пословица, аксиология.

Когнитивный подход к изучению языковых единиц открывает новые перспективы в исследовании лексико-фразеологической системы языка. Так, он позволяет глубже понять взаимосвязь между языковыми формами и культурными представлениями. По мнению Л.В. Борисовой, одной из ключевых задач современного языкознания является «изучение механизмов когнитивного познания и проявления человеческого фактора в языке» [Борисова, 2024, с. 2518-2519].

В данной работе рассмотрим лингвистические средства, репрезентирующие различные аспекты трудового поведения человека, на материале трех разноструктурных языков. Труд, являясь фундаментальной ценностью, отражает не только экономические, но и культурные, психологические и социальные особенности общества. Кроме этого, трудовая деятельность играет ключевую роль в формировании личности. В социологии под трудовым поведением понимается «практическая реализация стратегии работника в трудовой сфере и на рынке труда» [Бочаров, 2021, с. 50]. В социологических исследованиях рассматриваются мотивы, условия, стратегии и изменения трудового поведения населения.

В каждой культуре труд и трудовое поведение может восприниматься по-разному, что, несомненно, находит свое отражение в языке. Нам представляется, что трудовое поведение тесно связано с отношением человека к труду и его ролью в человеческой жизни. При этом отношение человека к трудовой деятельности в разных культурах может варьироваться в зависимости от исторических, социальных и экономических факторов.

Мы считаем, что трудовое поведение человека возможно рассмотреть на материале лексико-фразеологических единиц, вербализующих концепт «труд». Бинарная оппозиция «труд – лень» является одной из ключевых для понимания русского, английского и татарского менталитета другими народами [Айдарова, 2024, с. 269]. Несомненно, изучаемый концепт обладает ярко выраженным

ценностным содержанием, наряду с такими категориями, как «правда», «ложь», «совесть», «любовь» и др.

В лексикографических источниках русского языка *труд* определяется как «целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей» [Грамота.ру]. Языковую основу данного концепта составляют значения, которые указывают на труд как на деятельность/занятие; усилия, направленные к достижению чего-либо; а также на результат деятельности.

Ключевыми именными репрезентантами данного концепта являются слова *труд, занятие, дело, работа.* В русском языке обнаруживается ряд существительных, именующих старательного, усердно работающего человека: *трудяга, трудолюб, трудолюбец, труженик, трудоголик, работяга.* Также выделяется группа глаголов, обозначающих трудовое поведение. Их можно разделить на две группы: 1) с общим значением «заниматься каким-либо трудом, делом»: *трудиться, работать, заниматься, выполнять, исполнять, осуществлять, предпринимать, служить*; 2) с общим значением «прилагать усилия, стараться сделать что-либо»: *вкалывать, пахать, пыхтеть, стараться, стремиться, тужиться, убиваться, усердствовать, хлопотать*. Кроме этого, на материале русского языка обнаружены глагольные фразеологические единицы со значением 1) поведения, характеризующегося трудолюбием и усердием*: работать засучив рукава, работать за семерых, работать не разгибая спины, работать как вол/лошадь, работать не покладая рук, трудиться как пчелка, работать от зари до зари; 2)* поведения, характеризующегося энергией и энтузиазмом: *вкладывать душу, работать с огоньком.* Семантика слов, репрезентирующих концепт «труд» может приобретать положительную либо отрицательную оценку в разных контекстах. Так, труд, усердие человека дает желаемый результат и воспринимается окружающими и самим субъектом позитивно: *Выйдя на пенсию, бабушка вкалывала даже больше, чем в колхозе, с рассвета и до звезд. Труды ее всегда вознаграждались* [НКРЯ]; *Несколько дней работал, не разгибая спины, и на отлично защитил проект* [НКРЯ]. Иногда приложенные усилия не всегда оцениваются окружающими адекватно, и такое поведение переходит в категорию антиценности: *Я много ездил по командировкам и вкалывал. А те, кто ездил и работал меньше меня, получали больше и жили лучше* [НКРЯ]; *Хлеб не на что было покупать. Вся семья надрывалась от зари до зари, но денег не хватало…* [НКРЯ].

В татарском языке слово *хезмәт* (труд) обозначает целенаправленную деятельность, требующую от человека умственных или физических усилий («кешедән акыл яки физик көч таләп итә торган максатлы эшчәнлек» [Сүзлекләрнең электрон фонды]). Именными лексическими средствами репрезентации данного концепта являются такие понятия, как *хезмәт, эш, һөнәр, шөгыль, эшчәнлек.* Группа глаголов поведения, объединенных семой «усердно трудиться, прилагать усилия» включает лексемы *азапланy, мәшәкатьләнү, хезмәт кую, көч кую, интегү, тилмерү, җыкланy, этләнү, кыйтланy.* В отдельных контекстах данные глаголы актуализируют сему «испытывать страдание от работы»: *Эш чиксез авыр, унике сәгать буена җир астында тиргә батып, эштән чыгып азапланасың, ә тамак туярлык акча бирмилəр*

[Сүзлекләрнең электрон фонды]. Кроме этого, в татарском языке выделяются глагольные фразеологические единицы, описывающие: 1) усердие и прилежание в деятельности: *ару-талуны белмәү, баш белән чуму, баштанаяк эшкә чуму, кул туйганчы эшләү, юк-бар белан маташмау, җиң сызганып эшләү*; 2) внутренюю мотивацию при выполении работы: *җимертереп эшләү, табаныннан ут чыгару, эшкә күңел бирү, күңел биреп эшләү.* В предложениях с данными устойчивыми выражениями подчеркивается положительное отношение к труду, связанное с его значимостью для личного счастья *(Күңелең яткан эшне җиң сызганып башкару – үзе бәхет бит ул* [Сүзлекләрнең электрон фонды]*)* и самореализации *(Мәктәптә мин ару-талуны белмим, һәр баланың күңеленә үтеп керергә омтылам* [Сүзлекләрнең электрон фонды]*)*.

В словарях английского языка лексема *labour* (труд) трактуется как физически сложная практическая деятельность или работа, требующая значительных усилий («practical work, especially when it involves hard physical effort» [The Free Dictionary]). В словарных дефинициях подчеркивается утомительный характер труда («difficult or arduous work»), а также экономическая выгода от деятельности («physical toil done for wages»). Ключевыми репрезентантами концепта выступают существительные *labour, work, task, toil, job*. Выделяется группа глаголов, обозначающих трудовое поведение: *work, toil, strive, grind, sweat, slave, endeavour, plod away, drudge, travail, slog away, exert yourself, peg along/ away, plug along/ away*. В данных глаголах акцентируется сема «прилагать значительные усилия для достижения цели». Среди фразеологических оборотов с идентичным значением можно указать следующие: *burn the midnight oil, duckle down to work, work like a dog/ horse, work one's socks off, work one's guts out, roll up one's sleeves and get down to work, keep one's nose to the grindstone.* Кроме этого, можно выделить группу глаголов, в которых акцентирована сема «работать охотно, с воодушевлением»: *be an eager beaver, get cracking, give it your all, do with all guns blazing, do with fire in one's belly, do at the drop of a hat, do in two shakes, do with one's tail up, fire on all cylinders, put one's heart and soul, put one's shoulder to the wheel.*

В контекстах раскрывается двойственность результатов упорного труда: он может быть источником успеха и удовлетворения или приводить к усталости (*Denise has been burning the midnight oil trying to finish this report, so she must be exhausted* [The Free Dictionary]), а также вызывать разочарование и сомнения в его ценности (*I worked my guts out for a few years as a court messenger for a legal firm while I finished up my law degree, but they eventually offered me a job as an attorney* [The Free Dictionary]).

Для изучения языковой репрезентации трудового поведения мы обратились и к паремиологическому фонду русского, татарского и английского языков, так как пословицы служат важным источником получения лингвокультурологической информации. Пословицы наряду с поговорками отличаются регулярностью употребления. Можно сделать вывод, что они отражают наиболее актуальные и значимые представления и суждения их носителей. При этом известна назидательно-дидактическая функция пословицы

как жанра. Поэтому, предполагается, что труд в паремиях рассматривается как ценность для общества.

Материал паремий трех изучаемых языков позволяет выделить стратегии трудового поведения людей в зависимости от их отношения к труду:

1. Каждый человека имеет свой взгляд на труд: *рус. Одни жнут, другие ждут; Один с сошкой, а семеро с ложкой; тат. Берәү бар – эш пешерә, берәү бар – акча төшерә; Әзергә бәзер; англ. For the diligent the week has seven todays, for the slothful seven tomorrows.*

2. Трудолюбивые люди имеют активную жизненную позицию*: рус. Заботливый всегда себе дело найдет; Кто труд любит, долго спать не будет; На охочего рабочего дело найдется; тат. Эшле кешегә иң зур җәза тик тору; Эшлегә көн җитми, эшсезгә көн җитми; англ. The mill gets by going; The race is got by running.*

3. Труд заслуживает уважения: *рус. Кто первый в труде, тому слава везде; Кто любит труд, того люди чтут; тат. Хезмәте барның хөрмәте бар; Эш батыры – ил батыры; Хезмәт иясе – хөрмәт иясе; англ. Diligence is the mother of good fortune.*

4. Труд требует от человека затраты сил: *рус. Ешь досыта, а работай до пота; Любишь кататься, люби и саночки возить; У работящего дело огнем горит; тат. Михнәтсез эш булмас; Михнәтсез эш, тозсыз аш – икесе дә бер; англ. No pains, no gains; He that will eat the kernel, must crack the nut.*

5. Работа должна быть сделана качественно: *рус. Сделал наспех – сделал на смех; Что сделано, то сделано. А что плохо сделано, то переделано будет; тат. Кеше яраткан эшен яхшы эшли; англ. If a job's worth doing, it's worth doing well.*

6. Усилия могут преодолеть любые трудности: *рус. Терпение и труд всё перетрут; тат. Эшләсәң эш карышмый; англ. Labour conquers everything.*

7. Хороший работник завершает начатое дело: *рус. Дело заделано, надо доделывать; тат. Эшне ярты юлда калдырганчы башламаганың яхшы; англ. A job begun is half done.*

8. Трудолюбивый человек находит время на отдых: *рус. Кончил дело – гуляй смело; Гулять гуляй, да дела не забывай!*; *тат. Эшне эшсезлек белән куш, үткәрерсең гомереңне хуш; Уйна да көл, эшләргә дә бел; англ. Busiest men find the most leisure time.*

9. Трудолюбивый человек мало говорит*: рус. Не тот молодец, кто много говорит, а тот, кто дело делает; Меньше слов – больше дела; тат. Аз сөйлә, күп эшлә. Сүз күп җирдә эш аз булыр; англ. Actions speak louder than words; Doing is better than saying.*

10. В работе важна сосредоточенность и последовательность: *рус. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь; тат. Барын да эшлим дигән берен дә эшли алмас; англ. He who begins many things, finishes but few; He that does most at once, does least.*

11. Трудолюбивый человек получает желаемый результат от своей деятельности: *рус. Труд кормит, а лень портит; тат. Эшенә күрә ашы; Кем эшләми шул ашамый; англ. No sweet without sweat; Keep your shop and your shop will keep you.*

12. Чрезмерный труд может навредить*: рус. От трудов праведных не наживешь палат каменных; тат. Авыр эш бавырга төшә; англ. All work and no play makes Jack a dull boy; A little labour much health.*

Таким образом, репрезентантами рассматриваемого концепта выступают разноуровневые языковые средства. Совокупность данных средств дает представление о трудовом поведении людей, их отношении к труду в сознании носителей исследуемых языков. Так, в татарском и русском языках восприятие труда имеет общие черты. В обеих культурах труд отражает систему представлений о деятельности, требующей усилий и направленной на достижение определенной цели. В английском языке труд часто связан с утомительной деятельностью и экономической выгодой. Лексика и фразеология, репрезентирующая трудовое поведение, показывает роль труда в жизни человека и общества. При этом, в различных контекстах могут акцентироваться как положительные, так и отрицательные аспекты усердного труда и приложенных усилий. Анализ паремий трёх исследуемых языков позволяет выделить стратегии трудового поведения людей, которые зависят от их отношения к работе. В целом, анализ семантики лексических единиц и устойчивых выражений, связанных с трудовым поведением человека, показывает, что во всех трех языковых картинах мира труд признается ценностью и во многом определяет бытие народа.

Список литературы

Айдарова А. М. Концепт "лень" в лексико-фразеологической репрезентации (на материале татарского и английского языков) // Современная лингвистика: ключ к диалогу : Труды и материалы IV Казанского международного лингвистического саммита. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. – С. 267-269.

Борисова Л. В. Концептуальная оппозиция «правда – ложь» в чувашской и русской языковых картинах мира / Л. В. Борисова, А. М. Иванова, Э. В. Чуева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2518-2523.

Бочаров В. Ю. Стратегии трудового поведения и солидарность российской рабочей молодежи // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – 2021. – Т. 1. – С. 49-56.

Грамота.ру. Справочно-информационный портал «Грамота.ру». – URL: https://gramota.ru/ (дата обращения: 22.03.2025).

Жигулев А.М. Сокровища мудрости народной // Русские народные пословицы и поговорки / сост. А.М. Жигулев. – Устинов: Удмуртия, 1986. – С. 3-20.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 22.03.2025).

Сүзлекләрнең электрон фонды. – URL: https://suzlek.antat.ru/ (дата обращения: 22.03.2025).

Татар халык иҗаты: Мәкальләр һәм әйтемнәр. – Казань: Татарское книжное издательство, 1987. – 590 с.

The Free Dictionary. – URL: https://www.thefreedictionary.com/ (дата обращения: 22.03.2025).

The Penguin Dictionary of Proverbs. Market House Books Ltd. – 2008. –188 p.

LABOUR BEHAVIOUR OF A PERSON IN LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION

Aydarova Alsou Mirzayanovna,
Candidate of Philology, lecture of department of philology
Naberezhnye Chelny instititue of Kazan federal university
Naberezhnye Chelny, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of human labor behavior through the prism of vocabulary, phraseology, and paremiology based on materials from the Russian, Tatar, and English languages. The article examines key concepts reflecting labor activity and human attitudes towards work. Special attention is paid to the national-cultural specifics of labor perception, as well as similarities and differences in lexical composition and fixed expressions related to human labor behavior.

Key words: concept, human behavior, labor, verb of behavior, phraseological unit, proverb, axiology.

РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ В КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Алхазова Офелия Икрам-кызы
магистр, независимый исследователь
г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается влияние метафорических лингвоконструктов на когнитивную интерпретацию текста. В контексте когнитивной лингвистики метафоры рассматриваются не только как стилистический прием, но и как ключевой механизм концептуализации мира и смысловой организации информации. Анализируются концепции метафорического переноса, фреймов, когнитивных сценариев и ментальных моделей, а также их роль в интерпретации литературных и медиатекстов. Исследуются способы, с помощью которых метафоры формируют читательские ожидания, управляют процессами понимания и создают когнитивные барьеры.

Ключевые слова: когнитивная интерпретация, метафора, концептуальные метафоры, фреймы, когнитивные сценарии, текстовый анализ.

Современная когнитивная лингвистика рассматривает метафору не просто как средство художественной выразительности, но как инструмент концептуализации и структурирования знания. Согласно Лакоффу и Джонсону [Лакофф, 2004, с. 24], метафоры влияют на мышление и определяют восприятие окружающего мира. Они формируют способы понимания информации, предопределяя когнитивные сценарии и интерпретационные модели текста.

Метафора является ключевым механизмом когнитивной обработки информации, поскольку: – задает фреймовую структуру понимания [Fillmore, 2001, с. 112]; – активирует существующие когнитивные сценарии [Schank & Abelson, 1977, с. 89]; – влияет на интерпретацию нового знания через механизм переноса [Lakoff, 1993, с. 58]; – формирует когнитивные модели реальности [Johnson-Laird, 1983, с. 76].

Целью данной статьи является анализ роли метафорических лингвоконструктов в когнитивной интерпретации текста, а также исследование их влияния на процессы понимания, структурирования информации и смысловую организацию дискурса.

Основная идея когнитивной концепции метафоры заключается в том, что язык отражает не просто отдельные образы, но целые когнитивные структуры. Согласно теории концептуальных метафор [Lakoff, 1980, с. 41], метафоры связывают абстрактные понятия с конкретными образами, облегчая их понимание.

Фреймовая теория Чарльза Филлмора [Fillmore, 2001, с. 134] показывает, что любая метафора активирует определенную когнитивную схему. Например, фрейм *"война"* часто используется в политической и экономической риторике: *"борьба с инфляцией", "битва за клиентов", "фронт борьбы с пандемией"*.

Сценарии [Schank & Abelson, 1977, с. 97] представляют собой последовательности действий, которые мы ожидаем в определенной ситуации. В литературе и медиатекстах сценарии используются для предсказуемости событий: если в тексте появляется фрейм *"война"*, читатель ожидает конфронтацию и противостояние.

Метафорические лингвоконструкты выполняют несколько ключевых функций в когнитивной интерпретации текста. Они не только структурируют информацию и управляют читательским восприятием, но и выполняют роль когнитивных фильтров, влияя на интерпретацию реальности. Рассмотрим основные функции метафор в тексте более детально.

Метафоры помогают организовать текст и создают связи между различными понятиями. Они обеспечивают структурную целостность сообщения, делая его более понятным и запоминающимся.

- **Пространственные метафоры** используются для концептуализации сложных идей: "верхний уровень анализа", "глубокие знания", "основы науки", "идти по пути прогресса", "стоять на распутье". Эти выражения придают абстрактным концепциям физическую наглядность, что облегчает их восприятие.
- **Временные метафоры** помогают упорядочить события: *"прошлое – это тень настоящего", "будущее нам улыбается", "он шагает в завтрашний день"*. Такой способ представления информации формирует у читателя четкие временные ориентиры и влияет на его интерпретацию событий.
- **Технологические метафоры** играют важную роль в научных текстах и современных медиадискурсах: *"перезагрузить систему управления", "настроить процесс", "дать сбой"*. Такие метафоры придают тексту динамичность, а также способствуют переносу значений из сферы технологий в другие области знания.

Метафорические конструкции задают определенный ракурс восприятия текста, влияя на эмоциональную и логическую оценку информации. Они могут усиливать или смягчать восприятие, создавая у читателя определенные ассоциации. Метафоры могут вызывать эмоциональную реакцию, усиливая

драматизм или, наоборот, сглаживая негативные аспекты. Например: *"экономика страны рухнула"* (катастрофический сценарий); *"рынок переживает турбулентность"* (более нейтральный образ).

В политическом дискурсе метафоры могут формировать общественное мнение, например: *"борьба с бедностью"* – предполагает активные действия, *"смягчение последствий бедности"* – указывает на пассивную стратегию.

Таким образом, подбор метафор определяет, какие смыслы и ценностные ориентации будут доминировать в сознании читателя.

Некоторые метафоры усиливают важность отдельных элементов текста. Например: *"научный прорыв", "революция в медицине"* – создают ощущение значительного прогресса; *"экологическая катастрофа", "тайфун кризиса"* – подчеркивают масштабность проблемы.

Такие метафоры управляют восприятием текста, направляя внимание читателя в нужное русло.

Некоторые метафоры не только облегчают восприятие информации, но и могут ограничивать его, создавая когнитивные барьеры, которые мешают альтернативным интерпретациям.

- **Абстрагирование реальности**. Например, в последние десятилетия широко используется метафора **«зелёный переход»** (*Green Transition*), обозначающая глобальный процесс перехода к экологически чистым технологиям и устойчивому развитию. Эта метафора абстрагирует и упрощает сложные процессы экономической трансформации, климатической политики и изменения энергетических рынков, представляя их как нечто плавное, естественное и неизбежное.

- **Стереотипизация мышления**. В политическом дискурсе часто встречаются метафоры, формирующие предвзятое отношение к группам людей: *"волна мигрантов накрыла Европу", "вирус радикализма"*. Эти образы могут закреплять негативные стереотипы и ограничивать объективное восприятие явлений.

- **Манипуляция общественным мнением**. Например, термин *"коллатеральный ущерб"* в военной риторике заменяет выражение *"гибель мирных жителей"*, создавая менее эмоционально нагруженное восприятие событий. Таким образом, выбор метафор определяет, какие концепции будут доминировать в общественном сознании.

Метафорические конструкции позволяют объяснить сложные концепции через знакомые образы, что особенно важно в научных и образовательных текстах.

- **Биологические метафоры** в экономике и политике: *"здоровая экономика", "инфляция как вирус", "фирма адаптируется к рыночным условиям"*.

- **Военные метафоры** в науке и технологиях: *"атака вирусов", "борьба с климатическими изменениями", "фронт исследований"*.

Такие образы помогают людям быстрее усваивать новые знания, поскольку они переносят понятия из одной области в другую, уже знакомую для читателя.

Метафоры делают текст более выразительным, вызывая в воображении читателя конкретные образы. Это особенно важно в литературе, журналистике и рекламе.

- **Художественная литература** активно использует метафоры для создания атмосферы: *"сердце сжимается от боли"*, *"звезды рассыпались по небу"*.
- **Реклама** использует метафоры для создания запоминающихся слоганов: *"Red Bull окрыляет"*, *"Samsung – это окно в будущее"*.

Благодаря метафорам текст становится не просто информативным, но и эмоционально вовлекающим.

Итак, метафоры играют не просто декоративную роль в языке, а являются мощным инструментом когнитивной обработки информации, влияющим на мышление и мировоззрение читателя.

В литературных произведениях метафоры формируют образность и концептуальное пространство текста. В *1984* Джорджа Оруэлла ключевая метафора *"Большой брат наблюдает за тобой"* создает ощущение тотального контроля, формируя у читателя соответствующий фрейм восприятия.

В СМИ метафоры активно используются для эмоционального воздействия. Например: *"Цены взлетели"*, *"рынок рухнул"* (пространственные метафоры, влияющие на восприятие экономических процессов); *"Терроризм – это рак общества"* (медицинская метафора, предполагающая радикальное лечение проблемы).

Метафорические лингвоконструкты играют ключевую роль в когнитивной интерпретации текста. Они формируют концептуальные модели, управляют смысловой организацией информации и влияют на читательское восприятие.

Основные выводы исследования:

- Метафоры активируют фреймы и когнитивные сценарии, облегчая понимание текста.
- Они управляют интерпретацией информации, влияя на ее восприятие.
- В медиатекстах метафоры используются для манипуляции общественным мнением.
- В художественной литературе метафоры создают образную систему произведения.

Будущие исследования могут быть посвящены анализу влияния культурных факторов на метафорические модели, а также изучению динамики изменения концептуальных метафор в различных дискурсивных практиках.

Список литературы

Карасик В.И. Когнитивный сценарий как структурированная сеть когнитивных категорий и событий // Проблемы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 67. – С. 15–29.

Козлова Т.А. Когнитивные стратегии восприятия текста и их влияние на интерпретацию // Проблемы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 56-72.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Огнева Е.А. Текстовый когнитивный сценарий как формат знания // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 4 (51). – С. 544-548.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / пер. с англ. – Логос, 2001. – № 2. – С. 112-134.

Fillmore C.J. Frames and the Semantics of Understanding // Cognitive Linguistics Today: Proc. of the 10th International Cognitive Linguistics Conference. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2001. – P. 294-318.

Johnson-Laird P.N. Mental Models. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 513 p.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202-251.

Orwell G. 1984. – London: Penguin Books, 2018. – 336 p.

Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, Plans, Goals, and Understanding. – Hillsdale: Erlbaum, 1977. – P. 23-45.

THE ROLE OF METAPHORICAL LINGUOCONSTRUCTS IN COGNITIVE TEXT INTERPRETATION

Alkhazova Ofeliya Ikram-kizi
Master's Degree, Independent Researcher
Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the influence of metaphorical linguistic constructs on the cognitive interpretation of a text. In the context of cognitive linguistics, metaphors are considered not only as a stylistic device but also as a key mechanism for conceptualizing the world and organizing information meaningfully. The study analyzes the concepts of metaphorical transfer, frames, cognitive scripts, and mental models, as well as their role in interpreting literary and media texts. It explores how metaphors shape reader expectations, guide comprehension processes, and create cognitive barriers.

Key words: Cognitive interpretation, metaphor, conceptual metaphors, frames, cognitive scripts, text analysis.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА LONELINESS В ТЕКСТАХ ГРУППЫ COLDPLAY

Буревестник Ульяна Игоревна,
аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются средства репрезентации концепта LONELINESS в текстах британской рок-группы Coldplay. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения знаний о взаимосвязи языка и культуры, а также особенностей восприятия реальности через музыкальные тексты. В работе используется междисциплинарный подход, позволяющий сочетать лексикографические исследования и контекстуально-концептуальный анализ.

Ключевые слова: концепт LONELINESS, репрезентация концепта, рок-дискурс, рок-группа Coldplay.

В современной лингвистике сохраняется значительный интерес к изучению взаимосвязи языка и мышления. Разработкой этой проблемы занимается когнитивная лингвистика. В качестве одного из основных процессов познания учёные этого направления предлагают процесс концептуализации. Под ним понимается «выделение, осмысление и закрепление результатов познания объектов и событий окружающего мира, их различных характеристик в виде единиц знания – концептов» [Болдырев, 2016, с. 38]. Концепт, в свою очередь, – «это единица осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев, 2019, с. 48]. То есть концепт – это идеальный мыслительный образ, хранящий в себе весь накопленный опыт и знания об определенном объекте или явлении действительности, который репрезентирован языковой единицей.

Исследование концептов в разных дискурсах позволяет определить ситуативно обусловленные компоненты их структуры, так как именно в дискурсе характеристики концепта находят свою актуализацию. Целью данной статьи является выявление средств выражения концепта LONELINESS в текстах британской рок-группы Coldplay.

Прежде чем перейти к результатам анализа творчества выбранного автора, стоит обратиться к лексикографическим данным и дефиниционному анализу. Это позволит выявить базовые структурные элементы концепта. Ключевая лексема, репрезентирующая концепт – лексема *loneliness*. В толковых словарях обнаруживаются следующие определения:

Loneliness is the unhappiness that is felt by someone because they do not have any friends or do not have anyone to talk to [Collins Dictionary].

Loneliness is a feeling of being unhappy because you have no friends or people to talk to; the fact of a period of time being sad and spent alone; the fact that very few people ever visit a place [Oxford Learner's Dictionaries].

Loneliness is the state of being lonely (unhappy because you are not with other people; a lonely place is a long way from where people live) [Cambridge Dictionary].

Исходя из рассмотренных дефиниций, можно выделить ряд базовых характеристик концепта LONELINESS: ‘negative feeling’; ‘lack of close relationships’; ‘isolation from people’; ‘space without people’. По данным других словарей, представленным в статье К.С. Воробьевой и А. А. Мережко, выделены только две характеристики: ‘mental state of the subject’; ‘spatial isolation of the object’ [Воробьева, Мережко, 2016, 109]. Характеристики, выделенные авторами, соотносятся с характеристиками, выявленными в результате дефиниционного анализа, представленного выше: ‘feeling’ и ‘mental state’; ‘space without people’ и ‘spatial isolation of the object’. С.А. Феттер с помощью компонентного анализа словарных дефиниций выявляет группы лексических единиц, репрезентирующих концепт LONELINESS: номинации уединенной местности; действия, обозначающие уединение субъекта действия; действия, обозначающие уединение объекта действия; номинации одинокого человека; характеристики одинокого человека [Феттер, 2018, 197].

В текстах песен группы Coldplay наиболее ярко реализуется характеристика ‘lack of close relationships’, при этом чаще всего это именно

отсутствие партнера по жизни, возлюбленной. Так, например, в тексте «Let somebody go» описывается расставание и чувства лирического героя, который теперь одинок. Тексты здесь и далее цитируются по источнику lyrsense.com [lyrsense.com]: *«Now* ***without you****, what on earth am I to do?»* – герой вынужден отпустить близкого (*to let somebody go*), говорит о том, что это причиняет боль (*hurts so*) и теперь не понимает, что делать, когда он остался один. Его вопрос эмоционально усиливается сленговым выражением «*what on earth»*.

В тексте «All I can think about is you» также выражается желание лирического героя избавиться от одиночества, при этом автор сравнивает это с ходьбой в одном ботинке:

But now, all I can think about is you
All I can think about is you
If all that I'm on earth to do
Is ***solo****, then what* ***a lone poor shoe***
I want to walk in a two.

Стоит отметить, что автор так же, как и в предыдущем примере, использует эмоциональное усиление *«on earth»*.

Долгое пребывание без близкого человека вызывает у лирического героя усталость. Мысли о любимом человеке не дают покоя, но герой остаётся один:

If you'd only,
If you'd only say «Yes»
Whether you will's anybody's guess
God, only God knows she ***won't let me rest***
But I'm just ***so tired of this loneliness***
I've become ***so tired of this loneliness.***

В примере автор упоминает состояние усталости, усиливает эмоции с помощью повтора и наречия *«so»*.

Приведённые выше примеры отражают отсутствие любовных, романтических отношений, но человек может испытывать одиночество и из-за отсутствия дружеских отношений, по определению, «не иметь друзей или того, с кем можно поговорить». Этот аспект также обнаруживается в некоторых текстах анализируемой группы. Так, в «Square one» автор указывает на необходимость наличия рядом с любым человеком того, кто хотя бы выслушает:

From the start ***in your own way***
You just ***want somebody listening to what you say***
It doesn't matter who you are.

В следующем отрывке звучит вопрос, он отражает поиск таких же «потерянных, раненых и одиноких», тех, кому так же нужен кто-то:

Is there anybody out there who
Is ***lost*** *and* ***hurt*** *and* ***lonely*** *too…*

В текстах группы «Coldplay» получают актуализацию и другие характеристики концепта. Например, характеристики 'mental state of the subject' или 'negative feeling', отражающие общее состояние субъекта. В некоторых случаях одиночество может рассматриваться как независимость, самостоятельность, однако чаще наблюдается негативное отношение автора к

этому состоянию. Это состояние одиночества часто представлено в текстах через образную пространственную замкнутость, принадлежность самому себе. Это можно проследить, например, в тексте песни «Lhuna», который начинается со слов:

*I'm **all by myself***
*I **don't need anybody else***
*I'm **all by myself***
No help

Фраза «я сам по себе» выражает личный выбор героя, его отстранённость от других, вынужденную или желаемую. Далее автор передает ту же мысль, используя другие лексические средства. Употребляя притяжательное местоимение *«my»*, он подчёркивает принадлежность дома только герою, передает ощущение спокойствия, которое герой испытывает, находясь в нем:

*I**'m all on my own***
*Quietly sleeping in **my home***
*I**'m all on my own***
my own

Повторы строк усиливают ту мысль, которую стремится донести автор. В следующей части песни дается представление героя о самом себе как абсолютно одиноком человеке: *«'Cos I'm **all alone, all alone**»*.

В тексте «Trouble» герой оказывается в «паутине», один на один с проблемой, автор показывает изолированность героя, отсутствие сторонней помощи, прибегая к образу «маленького пузыря/кокона»:

So I twist and turn
*Here am I in **my little bubble.***

Как и в предыдущем примере, в отрывке используется местоимение, указывающее на непосредственное отношение к герою, который не может выбраться из трудной ситуации.

В другой песне автор указывает, что все мы живём внутри своих «пузырей», каждый сам по себе, замкнуты и одиноки. Это обнаруживается в строчках песни «High speed»: *«We've been living life **inside a bubble**»*.

В тексте «Oceans» звучит идея о необходимости испытать ощущение одиночества в этом мире. Лирический герой снова обращается к возлюбленной, он испытывает одиночество не в результате расставания, а в результате непонимания. Он отмечает, что «готов ко всему», описывает свое состояние как нахождение «за стеной», упоминает, что чувствует себя «одним в целом свете»:

*Got to find yourself **alone in this world***
*You've got to find **yourself alone**...*

Исходя из анализа текста «A L I E N S», можно выделить ещё одну характеристику концепта – ‘alienation; being out of place’. Автор образно представляет людей бездомными бродягами, которые пришли на чужую землю и здесь оказались «одинокими пришельцами». В песне описано ощущение отчуждённости, нахождения не на своём месте, потерянности в жизни:

*Just **an alien***

Oh, we just ***want to get home again.***

Таким образом, объективированный в текстах песен группы «Coldplay» концепт LONELINESS имеет различные вербальные способы репрезентации. Среди них прямая номинация *loneliness*, лексемы *alone, lone, lonely, solo*. Самой частотной при этом оказалась лексема *alone*. Кроме того, автор использует устойчивые сочетания, как *all by myself, all by my own, without you*. Также были обнаружены выражения и лексемы, приобретающие символическое звучание в авторском контексте: *my bubble, a lone poor shoe, aliens*. Наиболее ярко в творчестве автора отражены такие характеристики концепта, как ‘lack of close relationships (romantic relationships)’; ‘mental state of the subject’.

Список литературы

Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 24. – С. 35-48.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е издание. – М.: Издательский дом ЯСК, 2019. – 480 с.

Воробьева К.С. Построение модели концепта "одиночество/loneliness" // Теоретические и прикладные аспекты развития современной науки: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: ИП Сигитов Т.М., 2016. – С. 107-111.

Феттер С.А. Структурные особенности языковой репрезентации концепта "LONELINESS" в лексикографических источниках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 8-1(86). – С. 194-198.

Cambridge Dictionary : official site. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/loneliness (дата обращения: 13.03.2025).

Collins Dictionary : official site. – URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/loneliness (дата обращения: 13.03.2025).

lyrsense.com : official site. – URL: https://lyrsense.com/coldplay (дата обращения: 14.03.2025).

Oxford Learner's Dictionaries : official site. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/loneliness?q=lonelinessloneliness (дата обращения: 13.03.2025).

REPRESENTATION OF THE CONCEPT LONELINESS IN THE TEXTS BY COLDPLAY

Burevestnik Ulyana Igorevna,
Postgraduate,
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Abstract. The article focuses on the means of representing the concept LONELINESS in the lyrics of the British rock-band Coldplay. The relevance of the research is conditioned by the need to expand knowledge about the relationship between language and culture, as well as the peculiarities

of perception of reality through musical texts. The work uses an interdisciplinary approach that allows combining lexicographic research and contextual and conceptual analysis.

Key words: concept LONELINESS, concept representation, rock discourse, rock-band Coldplay

ДИНАМИКА КИНЕМ В МОДЕЛИ КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ «РЫЦАРСКИЙ ПОЕДИНОК» В РОМАНЕ ЭЛИЗАБЕТ ЧЕДВИК «ВЕЛИЧАЙШИЙ РЫЦАРЬ»

Волкова Анна Евгеньевна,
студент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Огнева Елена Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается динамика кинем в рамках когнитивного сценария «Рыцарский поединок». Анализируется использование кинем и проксем для передачи динамики сюжета. Описывается адаптация лингвокультурем в процессе перевода. Особое внимание уделяется высокой частотности употребления глаголов прошедшего времени, номинирующих жесты, пространство и эмоции.

Ключевые слова: художественный текст, моделирование, когнитивный сценарий, кинемы, проксемы.

В условиях современного информационного общества возникает потребность в новых подходах к анализу текстов, особенно в контексте их перевода и восприятия читательской аудиторией. Изучение текста становится особенно актуальным, поскольку оно позволяет выявить тенденции, проблемы и интересы, которые волнуют современного читателя. Текст, как форма общения и передачи информации, по определению Е.С. Кубряковой, «информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата» [Кубрякова, 2001, с. 73].

Особое место среди различных типов текста занимает художественный текст, который играет ключевую роль в формировании восприятия и когнитивных структур читателя. Художественный текст, как отмечает Ю.М. Лотман, это многократно зашифрованное образование, в котором каждый элемент на каждом уровне может оказаться значимым [Лотман, 2001, с. 37]. В художественном тексте функционируют когнитивные сценарии, рассматривающиеся как структуры, через которые человек организует и осмысливает информацию. В когнитивной лингвистике, как утверждает Н.Н. Болдырев, под сценариями понимаются структуры сознания, описывающие стереотипные сцены событий [Болдырев, 2000, с. 37]. Моделирование когнитивных сценариев, предоставляет ключевые инструменты для исследования динамики и структуры восприятия текста. Е.А. Огнева отмечает,

что когнитивный сценарий моделируется «в виде комплексного одновекторного/многовекторного исследовательского конструкта» [Огнева, 2015, с. 62]. Такое моделирование позволяет глубже понять, как элементы текста – образы, символы – влияют на восприятие и формирование концептуальных структур у читателя, а также как это отражается в процессе перевода на другие языки.

Модели когнитивных сценариев представляют собой динамичные концепты. Когнитивные сценарии являются одним из типов когнитивных схем, которые играют важнейшую роль в передаче культурных и эмоциональных значений. Так, Н. Ф. Алефиренко, под концептом подразумевает «особым образом структурированное содержание акта сознания, воплощенного в содержательной форме образа познавательного предмета» [Алефиренко, 2006, с. 7]. В художественных произведениях они служат для организации восприятия мира, а перевод этих концептов на другой язык требует не только знания языка, но и глубокого понимания культурных реалий.

Среди номинантов динамичного концепта кинемы, как элементы когнитивных структур, играют ключевую роль в интерпретации текста. По мнению Е.А. Огневой, кинемы – «маркеры невербального кода, репрезентирующие жесты и телодвижения героев художественных произведений» [Огнева, 2021, с. 62]. При переводе кинем важно учитывать не только лексическое значение, но и культурные различия, так как адаптация этих элементов требует глубокого понимания контекста и культурных реалий. Это подчеркивает сложность и многогранность перевода художественных текстов.

В данной статье рассматриваются особенности использования кинем в когнитивном сценарии «Рыцарский поединок» романа Элизабет Чедвик «Величайший рыцарь». Анализируется, как эти элементы передают динамику сюжета и создают атмосферу поединка. Также уделяется внимание адаптации лингвокультурем в процессе перевода, что позволяет выявить особенности взаимодействия культурных и языковых реалий в тексте.

ПРИМЕР (1). «William gripped his shield close to his body...» [Chadwick] / «Уильям крепко сжал щит, прижав его к своему телу...».

В рассматриваемом контексте выявлена кинема, выражающая жест героя. Глагол прошедшего времени «gripped» подчеркивает физическое удержание щита, что символизирует не только защиту, но и готовность к непосредственному столкновению, где пространство между противниками минимизируется.

ПРИМЕР (2). «His lance punched into the Boulogne knight's shield...» [Chadwick] / «Его копье вонзилось в щит рыцаря из Булони...».

В этом контексте выявлена кинема, номинирующая физическое столкновение и редукцию личного пространства до минимума. Глагол прошедшего времени «punched» акцентирует внимание на интенсивности удара, подчеркивая силу и жесткость столкновения, которое нарушает физическую целостность щита противника.

ПРИМЕР (3). «Roaring his own name as a battle cry...» [Chadwick] / «Зарычал своё имя как боевой клич...».

В контексте используется звуковая сенсема «a battle cry», боевой клич становится инструментом эмоционального воздействия, при котором глагол прошедшего времени «roared» символизирует не только громкое заявленное присутствие, но и попытку уменьшить эмоциональную дистанцию между Уильямом и его врагом.

ПРИМЕР (4). «William knocked the knight from the saddle...» [Chadwick] / «Уильям сбил рыцаря с седла...».

В представленном контексте выявлена кинема, подчеркивающая физическую близость между двумя бойцами. Глагол прошедшего времени «knocked» выражает физическое воздействие на противника, заставляя его потерять равновесие и упасть с лошади.

ПРИМЕР (5). «He fixed his gaze on the crimson device of a knight on a black stallion...» [Chadwick] / «Он зафиксировал свой взгляд на алом гербе рыцаря на черном скакуне...».

В этом контекте определена кинема, номинирующая визуальную концентрацию. Глагол прошедшего времени «fixed» подчеркивает момент, когда Уильям сосредотачивает свой взгляд на конкретной цели, уменьшая эмоциональную дистанцию с противником. Данная кинема сочетается с лингвокультуремой «the crimson device of a knight on a black stallion».

ПРИМЕР (6). «William spurred forward again...» [Chadwick] / «Уильям снова подстегнул своего коня...»

В рассматриваемом контексте установлена кинема, выраженная глаголом прошедшего времени «spurred» обозначает динамическое действие, в котором Уильям ускоряет движение коня, что символизирует его стремление активно двигаться вперед и занять более удачную позицию на поле боя.

ПРИМЕР (7). «He led the charge across the bridge...» [Chadwick] / «Он повел атаку через мост...».

В представленном контексте определена проксема, состоящая из глагола прошедшего времени «led» и спейснемы «across the bridge». Проксема подчеркивает Уильяма как лидера, который ведет своих людей в сражение. Глагол указывает на инициативу и готовность Уильяма взять на себя ответственность за исход битвы, символизируя его решимость и командирские качества.

ПРИМЕР (8). «He pricked his horse...» [Chadwick] / «Он пришпорил своего коня...».

В контексте выявлена кинема, выраженная глаголом прошедшего времени «pricked», акцентирующая момент, когда Уильям заставляет своего коня двигаться быстрее. Это динамичное действие отражает стремление героя не только продвигаться вперед, но и активно участвовать в боевых действиях.

ПРИМЕР (9). «The black stallion bolted from the battlefield...» [Chadwick] / «Черный конь рванул с места...».

В рассматриваемом контексте установлена проксема, выраженная глаголом прошедшего времени «bolted», которая указывает на стремительное движение лошади, что символизирует элемент неуправляемости на поле боя, когда ситуация выходит из-под контроля.

ПРИМЕР (10). «William swallowed his words...» [Chadwick] / «Уильям подавил свои слова...».

В этом контекте выявлен эмотив, выраженный глаголом прошедшего времени «swallowed», обозначающий внутреннюю сдержанность и способность героя контролировать свои эмоции, момент самоконтроля, когда Уильям решает не реагировать на провокацию.

Таким образом, проведение анализа оригинального текста романа Элизабет Чедвик «Величайший рыцарь» показало следующие закономерности: 1) активно используются кинемы и проксемы для передачи динамики и эмоциональных состояний персонажей, 2) лингвокультуремы адаптируются в процессе перевода, 3) высокая частота использования глаголов прошедшего времени акцентируются на физические и эмоциональные действия героев, что усиливает визуальные и чувственные образы.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова: моногр. Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.

Болдырев Н.Н. Моделирование процессов функциональной категоризации глагола. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – 172 с.

Кубрякова Е.А. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 2001. – 285 с.

Огнева Е.А. Архитектоника текстового когнитивного сценария в интерпретативном поле перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 61-70.

Огнева Е.А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код / Е.А. Огнева, И.А. Даниленко. – М: Эдитус, 2021. – 206 с.

Chadwick E. The Greatest Knight : official site. – URL: https://elizabethchadwick.com/knight // (дата обращения: 03.03.2025).

THE DYNAMICS OF KINEMES IN THE COGNITIVE SCRIPT OF THE ''KNIGHT'S DUEL'' IN ELIZABETH CHADWICK'S NOVEL ''THE GREATEST KNIGHT''

Volkova Anna Evgenieva,
Student of the Department of foreign languages
of the Faculty of foreign languages
of the Pedagogical Institute of the National Research University ''BelSU '',
scientific supervisor: Ogneva Elena Anatolievna,
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of foreign languages
of the Faculty of foreign languages
of the Pedagogical Institute of the National Research University ''BelSU '',
Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the dynamics of kinemes within the cognitive script of "Knight's duel." It analyzes the use of kinemes and proxemics to convey the dynamics of the plot.

The adaptation of lingvoculturemes during the translation process is also described. Special attention is given to the high frequency of past tense verbs that denote gestures, space and emotions.
Key words: literary text, modeling, cognitive script, kinemes, proxemes.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКОГО ОНИМИЧЕСКОГО КОДА В УРБАНОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФРАНЦИИ

Волошкина Инесса Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье, рассматривающей проблему репрезентации русского онимического кода в атрибутивной части французских урбанонимов, выявлено, что формированию русского онимического кода способствует широкая национальная и историческая известность денотата русского онима, устойчивость ассоциативно-культурного фона онимической единицы и актуализация ценностно значимой культурной информации, вписанные в систему трансляции русской культуры. Использование русского онимического кода, представленного антропонимическим, топонимическим, лингвокультурными субкодами «титулы», «архитектурно-гастрономический» в агоронимах, годонимах, хоронимах, экклезионимах, ойкодомонимах, стафмонимах, синдриванионимах, мотивировано увековечиванием памяти о победе французской армии в составе союзников на территории России, об исторических событиях, связанных с русско-французским сотрудничеством, о великих русских высокопоставленных персонах, политических деятелях, деятелях культуры и науки России.
Ключевые слова: антропоним, гефироним, годоним, линвокультурный код, онимичсеский код, урбаноним, хороним

Урбанонимическое пространство образовано совокупностью наименований всех топографических объектов внутри населенных пунктов, то есть урбанонимами. Урбаноним представляет собой ключевой термин городского онимического пространства, а именно, имя собственное – официальное или неофициальное – топографического объекта внутри населенного пункта. Мощный импульс развития русская урбанонимия получила в 1960-е годы одновременно с возросшим интересом к ономастическим исследованиям, однако, необходимо отметить, что на сегодняшний день единой общепринятой теории, описывающей русскую урбанонимию, пока не существует, следовательно, не существует единого подхода к классификации урбанонимов. Классификация урбанонимов представлена в работах А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, Р.В. Разумова, М.В. Горбаневского, А.М. Мезенко, А.Н. Соловьева, К.С. Горбачевича, А.Д. Ерофеева и др. По нашему мнению, в состав урбанонимов входят: 1) агоронимы (территориальные наименования площадей, рынков и других открытых пространств населенных пунктов), 2) годонимы (названия линейных объектов населенных пунктов: улиц, проспектов, аллей, переулков и т.д.), 3) хоронимы (собственные имена любых внутригородских небольших по площади территорий, имеющих определённые границы: районов, парков, скверов и т.д.), 4) экклезионимы (названия культовых

сооружений, священных камней, святых источников и др.), 5) ойкодомонимы (имена собственные зданий в населенных пунктах), 6) гефиронимы (имена собственные мостов), 7) некротопонимы (имена собственные территорий для погребения), 8) стафмонимы (от греч. *σταθμός* ‘станция’, имена собственные станций: железнодорожных, автомобильных, метро), 9) синдриванионимы (от греч. *σιντριβάνι* ‘фонтан’, имена собственные водных источников внутри населенных пунктов: фонтанов, искусственных гейзеров, водопадов, каскадов).

Несмотря на то, что урбанонимы представляют собой совокупность имен собственных разнотипных объектов, входящие в их состав языковые единицы объединены в один континуум, направленный на выполнение идентичных функций, что служит причиной для их объединения в одну категорию: их языковой контекст (названия внутри населенных пунктов) выступает следствием контекста объектов (все называемые объекты располагаются внутри населенного пункта). Кроме того, связь устанавливается между означаемой формой (названием) и пространственным понятием (местом) внутри определенной языковой системы.

Урбанонимы являются наиболее подвижными и изменяемыми типами топонимов. Как только улицы, площади, скверы переходят от стадии простонародных названий к стадии общепризнанных и всемирно известных, они превращаются в лингвокультурные символы, не только репрезентирующие сложившееся мировоззрение этноса, но и содействующие генерированию новых смыслов, способных актуализироваться в сознании человека благодаря фоновым культурологическим знаниям и «знаково-символической интерпретации первичных образов» [Алефиренко, 2011, с. 7]. Урбанонимы являются свидетелями истории: они отражают этапы развития населенного пункта, его социальную и политическую жизнь, его связи с региональным и национальным контекстами, образ жизни его жителей, их обычаи и традиции, а также их взгляды на происходящие события на внутригосударственной и внешней мировой арене. Урбанонимические единицы отражают исторические факты каждого конкретного населенного пункта точно так же, как они отражают и свидетельствуют о национальной истории, об эволюции конкретного языка, национальной памяти, познании мира, мироощущения конкретного этноса в пространстве и во времени.

Урбанонимы, представляющие собой наиболее распространенный и востребованный класс топонимов в силу своей значимости для человека в пределах населенного пункта, осуществляют не только функции (1) конкретной локативной идентификации пространства населенного пункта или вне его, (2) темпоральной маркированности, манифестируя исторические этапы развития как конкретного населенного пункта, так и периоды развития топонимики страны, но и (3) ретранслятора пространства духовной культуры с ее символическим потенциалом, т. е. урбанонимы выступают в качестве культурных знаков, несущих культурные смыслы и актуализирующих ценностные представления о том или ином месте, значимые для познания этнической ментальности, специфики сформированного в конкретной культуре мировоззрения.

В данной статье внимание сосредоточено на урбанонимах на территории Франции, репрезентирующих русский лингвокультурный код. Согласно исследованиям В.А. Горицкого, посвященным урбанонимам Парижа, русскоязычные наименования только в Париже составляют 50 из 5 000 всех внутригородских объектов, то есть примерно 1% [Горицкий, 1997, с.11].

Урбанонимические единицы во Франции представляют собой богатое лингвистическое наследие франкоязычной топонимики. Во французском языке отсутствует понятие «урбаноним». Необходимо уточнить, что французская топонимическая система соответствует международной системе терминов, разработанной Международным ономастическим советом ICOS (International Council of Onomastic Sciences), при анализе которой отмечается, что российская ономастическая система является более разработанной: в ней выявляется как наличие понятия «урбаноним», хотя все еще совершенствующегося, так и присутствие подробных гиперо-гипонимических связей внутри понятия «урбаноним». Во французском языкознании вместо понятия «урбаноним» используется понятие «годоним» или «одоним» – языковое выражение определенного типа, выступающее как наименование любого линейного или нелинейного географического объекта населенного пункта, состоящее из двух отдельных частей: так называемой общей, или генеративной части, представляющее собой номенклатурное слово, которое соответствует нарицательному существительному с общим значением, указывающим на тип транспортного пути, сооружения, объекта населенного пункта, и, чаще всего, расположенному в начале группы слов; и так называемая «конкретная» часть, или атрибутивная, которая представлена именем собственным. Кроме того, во французских урбанонимах обнаруживается связующий компонент двух частей – предлог *de*. Например, в высказывании *rue de Chéroy* ‘улица де Шеруа’ номенклатурным является термин *rue* ‘улица’, а конкретным – *Chéroy* ‘Шеруа’.

Номенклатурное слово во французской топонимической системе в пределах населенного пункта и в его окружении может быть представлена следующими лексемами: *allée, f* ‘аллея’, *anse, f* ‘бухта’, *arcade, f* ‘аркада’, *avenue, f* ‘проспект’, *boulevard, m* ‘бульвар’, *carrefour, m* ‘перекресток, развилка’, *chaussée, f* ‘шоссе’, *chemin,* m ‘дорога’, *cité, f* ‘микрорайон, жилой комплекс’, *cour, m* ‘двор’, *esplanade, f* ‘площадь, эспланада’, *galerie, f* ‘галерея’, *jardin,* m ‘сад’, *impasse, f* ‘тупик’, *parvis, m* ‘часть улицы, площади и т.п. перед фасадом строения’, *passage, m* ‘переход’, *péristyle, m* ‘площадь с колоннадой’, *place, f* ‘площадь’, *pont* m ‘мост’ *port, m* ‘порт’, *porte, m* ‘пешеходная дорога’, *promenade, m* ‘прогулочная дорога’, *quai, m* ‘пирс, набережная’, *rue, f* ‘улица’, *ruelle, f* ‘проулок’, *sente, f* ‘тропа’, *sentier, m* ‘тропинка’, *square, m* ‘сквер’, *terrasse, f* ‘терраса’, *villa, f* ‘дорога среди частных домов’.

В лингвокультурной перспективе, которая способствует сохранению культурной памяти, ценностных смыслов и совершенствованию исторического познания, урбанонимы не только выполняют функцию географической и этнокультурной идентификации, но и выстраивают сложные семантические пути, условные и иногда оригинальные, пронизывающие тонкую культурную, самобытную, эмоциональную национальную материю и генетически усвоенную

этническую память субъекта или группы субъектов. В рамках лингвокультурного подхода, который объединяет язык, культуру и познание, урбаноним, как любое собственное именование, может рассматриваться как место лингвистической памяти и как этнокультурный организатор познания, позволяющий созидать национальную коллективную историю.

Урбанонимы с их культурными смыслами, ценностными ориентирами, национальными стереотипами упорядочиваются в систему лингвокультурных кодов, обладающих, «помимо собственно денотативного значения, культуроносными смыслами» [Красных, 2014, с. 172]. Синергия возникающих внутренних смысловых связей, являющихся базисом для семантизации урбанонима, и внешних связей, проявляющихся в соотнесении языкового знака с каким-либо кодом культуры, предполагает ассоциативно-образное переосмысление семантики данной единицы в категориях определенной культуры. Формированию русского онимического кода способствует широкая национальная и историческая известность денотата русского онима, устойчивость ассоциативно-культурного фона онимической единицы и актуализация ценностно значимой культурной информации, вписанные в систему трансляции русской культуры. При этом ассоциативно-культурный фон онима создан, согласно Н.А. Максимчук, сопутствующей информацией, содержащей фоновые культурные смыслы [Максимчук, 2002, с. 166], надстраивающиеся над языковой семантикой, преобразующиеся в форму культурной коннотации и актуализирующиеся в процессе коммуникации в пространстве культуры [Ковшова, 2023, с. 750]. В составе урбанонима семантика атрибутивного компонента, представленного именем собственным, содержит исторически накопленную информацию о мировоззрении и системе жизненных ценностей народа-носителя онима. Объем семантики урбанонима генерируется блоками энциклопедической информации об именуемом урбанообъекте. Идиоэтничность потенциала имени собственного в семантической структуре урбанонима заключается в его ассимиляции с идиоэтничностью потенциала десигната онима. Процесс ассимиляции обусловлен тем, что интенсионал онима коррелирует с денотатом номинированного субъекта, объекта или реалии, который, как правило, детерминируется им, но не исчерпывается этими данными – он имеет приращенный культурный смысл, в котором отражен результат многократного исторического осмысления обозначенной реалии или её денотативного признака. Под реалией в исследовании понимается «субъект, объект, событие, ситуация, непосредственно относящиеся к данной культуре, либо так или иначе вовлеченные в предметно-практическую и / или духовную деятельность человека» [Савицкий, 1993, с. 117]. В импликационале значения онима как атрибутивного компонента сопряжены все потенциальные ассоциативные признаки. Импликационал онимического значения включает в себя культурные коннотации, представляющие собой продукт социально-исторического развития урбанонимической единицы, основывающегося на ассоциативно-образном представлении знаний об окружающей действительности. Культурная коннотация атрибутивного компонента урбанонима является результатом деятельности памяти, обусловленной

функциями, заключающимися в узнавании (этнический онимический культурный код, воспринимаемый в данный момент, воспринимался в прошлом), сохранении (удержание в памяти полученной информации о национальном культурном коде на протяжении определенной продолжительности времени) и воспроизведении (актуализация закрепленной ранее информации о культурном коде), а также выступает как условие устойчивости урбанонима.

Реализация культурной коннотации имени собственного обнаруживается в репрезентации культурного кода в составе урбанонимов. Культурный код – это уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков; это закодированная в некоей форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. В докладе, опубликованном в журнале «Изборский клуб», В. Аверьянов подтверждает мысль о сакральности национального кода, взаимосвязи культурного кода с народной памятью, историческим развитием этноса и сосредоточенности культурной энергии в закодированном культурном знаке: «Говоря о кодах – мы возвышаем кодирование до «живой памяти» <…> Коды обретаются не путём личного выбора <…>, а путём сверхличного отбора. <…> Коды живут в вечности, но одновременно они раскрываются в истории, в конкретных местах и местностях, в точках календарного цикла. <…> коды строят человека как наследника цивилизации и одновременно открывателя её новых, не существовавших до него высот» [Аверьянов, 2020, 10-11].

Культурные коды упорядочиваются в определенные страты картины мира, генерирующие представления человека о нагруженных культурными смыслами реалиях, относящихся к одному типу феноменов. Как отмечают в своих работах В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, В. В. Воробьев, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В.М. Шаклеин и другие, культура как поликодовый феномен представлена в виде культурных кодов, которые обладают способностью перевоплощаться, принимая вербальное выражение в форме лингвокультурных кодов. Сознание преобразует все полученные этносом знания о мире, язык же предстает как транслирующий конструкт полученных знаний, который регистрирует их в значениях языковых единиц и наполняет их определенным объемом национально-культурной информации (В. Н. Телия). Лингвокультурный код служит средством языкового выражения приобретенной, сгенерированной, аккумулируемой и транслируемой культурно значимой [Ефименко, 2012] для конкретного этноса информации. Лингвокультурный код является выразителем этноспецифических особенностей культуры конкретного народа, которые для представителей других народов воспринимаются в качестве чуждых и непонятных для них.

Следуя вышесказанному, предполагаем, что под лингвокультурным кодом понимается «симбиоз вербального и культурного кодов», являющийся следствием инкорпорации культурного кода в естественный язык и выкристаллизовавшийся в нем, это система объединенных тематической общностью культурных символов, являющихся носителем и транслятором определенной «конфигурации коллективного культурного знания с точки зрения его объема, содержания и интерпретации» [Болдырев, 2009], представленных вербально, имеющих единую кодифицированную образную основу,

выполняющих знаковую функцию и закрепленных за десигнатами [Волошкина, 2019, 2020, 2022; Киреева, 2009; Уракова, 2022].

Доминирование в смысловой структуре онима емкого импликационала с учетом его культурных коннотаций обеспечивает возможность приобретения определенной частью онимических единиц статус онимического кода. Подобные онимы, репрезентированные в рамках топонимики, способны транслировать значительные объемы концентрированной значимой для этноса культурной информации. Урбанонимы, содержащие в своем составе имена собственные, построены по меморативному принципу, позволяющему увековечить имя известного человека или название географического объекта, и представляют собой урбанонимы-меморативы. Во французской топонимике можно выделить целый пласт урбанонимов-меморативов, содержащих в роли атрибутивного компонента русские онимы, которые представлены следующими видами лингвокультурных кодов: 1) антропонимы, представляющие антропомонимический код; 2) топонимы, реализующие топонимический код; 3) титулы, выражающие лингвокультурный субкод «титулы» ; 4) наименования мест размещения и предприятий общественного питания, репрезентирующие архитектурно-гастрономический лингвокультурный субкод .

Антропонимический код представлен несколькими категориями:

1) имена собственные политических и государственных деятелей: *Lénine* (80 урбанонимов), *Vladimir-Ilitch-Lénine* (2 урбанонима), *Wladimir-Lénine* (1 урбаноним); *Rosa Luxemburg* (14 урбанонимов), *Andrei Sakharov* (3 урбанонима);

2) имена собственные князей великорусских, российских монархов: *Pierre-le-Grand* (1 урбаноним), *Alexandre* (7 урбанонимов), *Alexandre III* (6 урбанонимов), *Nicolas II* (5 урбанонимов), *Alexandre-Nevsky* (1 урбаноним);

3) имена собственные космонавтов: *Gagarine* (7 урбанонимов), *Youri Gagarine* (16 урбанонимов); *Guerman Titov* (1 урбаноним), *Gwerman Titov Cosmonaute* (1 урбаноним), *Titov* (1 урбаноним), *Vladimir Komarov* (5 урбанонимов), *Valentina Terechkova* (9 урбанонимов);

4) имена собственные ученых: *Boris Vildé* (2 урбанонима);

5) имена собственные деятелей культуры:

а) композиторов: *Rachmaninov* (1 урбаноним), *Tchaïkovski* (3 урбанонима), *Piotr Ilitch Tchaïkovski* (1 урбаноним), *Serge Prokofiev* (7 урбанонимов), *Igor Stravinsky* (5 урбанонимов), *Stravinsky* (2 урбанонима), *Igor Stravinski* (2 урбанонима), *Moussorgsky* (5 урбанонимов), *Rimski-Korsakov* (2 урбанонима);

б) художников: *Marc Chagall* (7 урбанонимов), *Vassily Kandinsky* (4 урбанонима);

в) представителей русской хореографии: *Nijinsky* (1 урбаноним), *George-Balanchine* (1 урбаноним);

г) поэтов и писателей: *Alexandre Pouchkine* (1 урбаноним), *Maxime Gorki* (7 урбанонимов), *Tolstoï* (6 урбанонимов), *Léon Tolstoï* (7 урбанонимов), *Dostoïevski* (1 урбаноним), *Fédor Dostoïevski* (1 урбаноним);

д) музыкантов и певцов: *Mstislav Rostropovitch* (1 урбаноним) *Féodor Chaliapine* (2 урбанонима);

6) имена собственные религиозных служителей: *Mère-Marie-Skobtsova* (1 урбаноним).

Топонимический код представлен следующими категориями:

1) гидронимы: *Moscova* (2 урбанонима), *Moskowa* (1 урбаноним), *Neva* (1 урбаноним), *Alma* (10 урбанонимов);

2) ойконимы – названия населенных пунктов: *Péterhof* (1 урбаноним), *Moscou* (7 урбанонимов), *Inkermann* (7 урбанонимов), *Sébastopol* (20 урбанонимов), *Eupatoria* (3 урбаноним), *Cronstadt* (7 урбанонимов), *Kronstadt* (1 урбанонимов), *Stalingrad* (37 урбанонимов);

3) хоронимы: *Russie* (11 урбанонимов), *Malakoff* (15 урбанонимов);

4) ойкодомонимы: *Kremlin-Bicêtre* (2 урбанонима);

5) инсулонимы: *Crimée* (4 урбанонима).

Среди урбанонимов обнаружены также наследный титул российского царского престола, представляющий русский лингвокультурный субкод «титулы» – *Tzarewitch* (1 годоним), и наименование мест размещения и предприятий общественного питания, выражающий лингвокультурный архитектурно-гастрономический субкод – *Traktir* (2 годонима).

Анализ показывает, что во французской урбанонимии насчитывается 362 наименования, содержащие русские онимы, из них наибольшее количество составляют имена собственные политических и государственных деятелей – 100 урбанонимов, что составляет 27,62 % имена собственные космонавтов – 40 урбанонимов, что составляет 11,05 %, имена собственные композиторов – 28 урбанонимов, что составляет 7,73 %. Среди топонимов в качестве атрибутивной части французских урбанонимов в наибольшем количестве представлены ойконимы – 74 урбанонима, что составляет 20,44 %, второе место по частотности использования в качестве атрибутивной части в составе урбанонимов занимают хоронимы – 26 урбанонимов, что составляет 7,18 %. При этом необходимо отметить, что наиболее частотными являются: антропонимы *Lénine* (80 урбанонимов – 22,1%), *Youri Gagarine* (16 урбанонимов – 4,42 %), *Rosa Luxemburg* (14 урбанонимов – 3, 87 %); топонимы: *Stalingrad* (37 урбанонимов – 10,22 %), *Sébastopol* (20 урбанонимов – 5.52 %), *Malakoff* (15 урбанонимов – 4,14%); хороним *Russie* (11 урбанонимов – 3,04 %).

Количественный анализ генеративной части рассматриваемых урбанонимов обнаруживает преобладающее число лексемы *rue, f*, которая содержится в 254 годонимах (70,17 %), примерно одинаковое количество составляют лексемы *allée, f* – 30 годонимов (8,29 %), *avenue, f* – 27 годонимов (7,46 %), *boulevard, m* – 25 годонимов (6,91 %). Кроме того, отмечаются такие агоронимы, экклезионимы, ойкодомонимы, гефиронимы, стафмонимы, синдриванионимы с русским культурным кодом как *Pont Alexandre-III, Quai Alexandre III, Place de Stalingrad, Fontaine Stravinsky, Jardins Rosa-Luxemburg, Square Tolstoï, station du métro Le Kremlin-Bicêtre, La cathédrale Saint-Alexandre-Nevsky, Promenade Féodor Chaliapine, arrêt Youri Gagarine.*

Как показывает наше исследование, мотивы, лежащие в основе французских урбаноименований с русским онимическим кодом обусловлены следующими ключевыми факторами:

1) именования в память о победе французской армии либо союзников, в составе которых была Франция, в военных сражениях Крымской войны (*rue Malakoff, avenue / rue Sébastopol, rue d'Inkermann, station du métro Le Kremlin-Bicêtre* и др.), о сражениях во время Великой Отечественной войны, для французов, как и для всех государств в мире это Вторая Мировая война (*avenue / allée / boulevard / place / rue* (*de*) *Stalingrad*);

2) именования в память об исторических событиях, символизирующих франко-российскую дружбу, как например, в память о первом приеме французской эскадры в русских водах в порту Кронштадта в Финском заливе в 1891-1892 гг., где размещался Северный флот Франции в рамках Франко-российского союза (*rue de Cronstadt*), или в память об открытии ко Всемирной выставке в Париже в 1900 году моста, который был призван символизировать франко-российскую дружбу, установленную подписанием союза, заключенного в 1891 году между императором Александром III и президентом Французской Республики Сади Карно, первый камень был заложен царем Николаем II, императрицей Александрой Федоровной и президентом Феликсом Фором 7 октября 1896 г. (*Pont Alexandre III*);

3) именования в честь российских канонизированных князей и полководцев, например, *Cathédrale Saint-Alexandre-Nevsky.* Появление русской церкви в Париже тесно связано, как и в большинстве стран, с обменом дипломатическими миссиями. Отношения между Францией и Россией берут начало в XI веке, когда Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, вышла замуж за короля Франции Генриха I (1051 г.). Однако постоянных представительств до визита Петра Великого во Францию в 1717 году не было, когда были установлены более тесные дипломатические отношения и открыто постоянное посольство. Отсутствие в окрестностях диппредставительства постоянного православного храма, который служил бы центром духовного единения всех православных христиан во Франции, послужило учреждение Указом царя Александра I от 12 февраля 1816 года церкви греко-православного вероисповедания при дипломатическом представительстве в Париже. Этот факт положил начало непрерывного существования русской церкви в Париже. Первый камень был торжественно заложен 3 марта 1859 года, а работы завершились в августе 1861 года. Церемонию посвящения святому Александру Невскому совершил монсеньор Леонс 11 сентября 1861 г., в день перенесения мощей святителя из Владимира в Санкт-Петербург в 1724 г.

Бульвар Цесаревич (*Boulevard Tzaréwitch*) назван в память о Цесаревиче Николае Александровиче Романове, второго ребенка и первого сына императора Александра II и императрицы Марии Александровны, урожденной принцессы Марии Гессенской и Рейнской, который скончался после тяжелой болезни в 1865 г. в Ницце. Российская императорская семья повелела построить часовню Цесаревича на месте смерти великого князя Николая. В 1867 году на месте кончины Цесаревича была заложена и в один год выстроена часовня-памятник. Впоследствии в 1903–1913 годах рядом с часовней был возведен пятиглавый собор святителя Николая Чудотворца. Открытый в 1912 году, православный храм часто называют «Русским собором Ниццы». Бульвар Цесаревич в Ницце,

расположенный недалеко от «Русского собора», до сих пор увековечивает память Великого Князя Николая;

4) именования в память о великих российских политических лицах, деятелях культуры и науки: годонимы *avenue / allee / square / boulevard / rue / place / passage / impasse* / *chemin Lénine*, названные в честь Владимира Ильича Ленина (1870-1924), отдают дань уважения вождю пролетариата всего мира, русскому революционеру, политическому теоретику и российскому государственному деятелю, который возглавил Великую Октябрьскую социалистическую революцию в 1917 году, пришел к власти после падения царизма и основал Советское Социалистическое государство: *Square Tolstoï* (Сквер Толстой) получил свое нынешнее название по указу от 14 августа 1934 г в честь русского писателя и моралиста Льва Николаевича Толстого. В 1955 году в сквере установлен бюст Льва Толстого; годонимы *allée / rue Rimski-Korsakov* (аллея / улица Римского-Корсакова) именованы в дань памяти о величайшем русском композиторе второй половины XIX века, члене «Могучей кучки», которая создала уникальный музыкальный язык, отражающий дух русского народа и его богатую культуру, дирижере Николае Андреевиче Римском-Корсакове;

5) именования в честь известных представителей России, связанных с великими мировыми событиями. Урбанонимы *rue / arrêt / square / parc Youri Gagarine*, названные в дань уважения первому советскому летчику-космонавту Юрию Алексеевичу Гагарину. Годонимы *rue / allée Valentina Terechkova* посвящены первой в мире женщине – пилоту космического корабля Валентине Владимировне Терешковой, которая 16 июня 1963 года в возрасте 26 лет продемонстрировала очередное достижение советской космонавтики и навсегда вписала свое имя в историю, совершив полет в космос в одиночку, и которая по сей день остается самой молодой представительницей прекрасного пола, побывавшей на орбите. Имя первой женщины космонавта имеют запечатлено в 9 годонимах на территории Франции;

6) именования в честь известных русских людей, когда-либо проживавших во Франции. *Rue Mstislav Rostropovitch* (улица Мстислава Ростроповича) получила свое название в дань уважения всемирно известному виолончелисту и дирижеру Мстиславу Леопольдовичу Ростроповичу. Великий кавалер Французского Почетного легиона, кавалер ордена Британской империи, член Академии искусств и наук США, Шведской королевской академии, Королевской академии Великобритании, являлся почётным доктором сорока университетов среди самых престижных в мире (Йель, Принстон, Гарвард, Оксфорд, Кембридж и др.). В 1978 г. Мстислав Ростропович с женой Галиной Вишневской переехали в Париж. В 1990 г. они вернулись в Москву. В марте 1998 г. Ростропович стал послом доброй воли ЮНЕСКО и поддерживал образовательные и культурные проекты, а также международный призыв ЮНЕСКО к художественному образованию в школах. *Rue Marie Skobtsov* (улица Марии Скобцовой) названа в марте 2013 года в память о Елизавете Юрьевне Скобцовой (1891–1945), покинувшей Россию в годы Гражданской войны и в Париже принявшей постриг под именем Марии; во время оккупации Парижа

мать Мария участвовала в Сопротивлении, была арестована гестапо и погибла в концлагере Равенсбрюк.

Таким образом, исследованные французские урбанонимы подтверждают мысль о том, что русский онимический код в их составе представлен антропонимическим, топонимическим, лингвокультурными субкодами «титулы», «архитектурно-гастрономическим» в агоронимах, годонимах, хоронимах, экклезионимах, ойкодомонимах, стафмонимах, синдриванионимах по всей территории Французской Республики. Урбанонимы рассматривались с позиций носителей русского культурного кода. Образы великих людей – деятелей культуры, политиков, ученых, а также населенных пунктов и территорий России отражены в 362 урбанонимических единицах. Наделенные исторической, географической и социальной информацией, урбаноним не только идентифицирует экстралингистический объект, но и обладает закодированной в нем культурной информацией, что указывает на заложенный в нем объем символического потенциала, ассимиляцию идиоэтничности потенциала имени собственного в виде атрибутивного компонента урбанонима с идиоэтничностью десигната. Культурный смысл атрибутивного компонента урбанонима является результатом деятельности памяти, обусловленной функциями, заключающимися в узнавании, сохранении и воспроизведении культурного кода, значимого не только для культуры этноса-носителя, в данном случае русского, но и для этноса-ретранслятора культуры носителя, в данном случае французского. При достаточно скромной доле рассмотренных французских урбанонимов, можно отметить, что существуют несколько мотивов в политике французского нейминга с использованием русского онимического кода, которая может быть направлена на закрепление в общественном сознании французов представления о России и русской культуре.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф. Имплицитность художественного слова как когнитивно-дискурсивная категория // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 12 (107). – С. 5-11.

Аверьянов В.В. Духовный генокод. Витки спирали // Изборский клуб. Русские стратегии: Русские коды. – 2020. – № 10 (86). – С. 6-19.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллективная монография / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова; отв. ред. выпуска Н.Н. Болдырев. – Москва; Тамбов, 2009. – Вып. IV. – С. 25-77.

Волошкина И.А. Манифестация локативного тезауруса в русском и французском пространствах фразеологии // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. науч. трудов по филологии / сост. Г.А. Багринцева. – Астрахань: ИД «Астраханский университет» ФГБОУ ВО «АГУ, 2019. – № 10. – С. 14-19.

Волошкина И.А. Топоним как способ языковой интерпретации категории пространство // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3 (42). – С. 101-106.

Волошкина И.А. Ретроспектива формирования французских топонимов: диахронический аспект // Образование, наука, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Белгород, 15 марта – 15 февраля 2022 г.). – Белгород: Изд-во БУКЭП АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2022. – С. 24-38.

Горицкий В.А. Россия в названиях улиц Парижа : [Путеводитель] / В.А. Горицкий. – [Париж]: Goritsky, 1997. – 157 с.

Ефименко Т.Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 3 (3) – С.188-191.

Киреева И.И. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора»: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 22 с.

Ковшова М.Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 745-756.

Красных В.В. Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В.Н. Телия) // Язык, сознание, коммуникация. – 2014. – № 50. – С. 167-175.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении; М-во образования Рос. Федерации. Смолен. гос. пед. ун-т, Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. Смоленск, 2002. – В 2 ч. – Ч. 1. – 184 с.

Савицкий В. М. Английская фразеология: проблема моделирования – Самара: Изд-во: Самарский университет, 1993. – 171 с.

Уракова Ф. К. Языковая личность как продукт и носитель культурного кода народа / Ф. К. Уракова, Д. Д. Жажева, С. Н. Пханаева, И. В. Щербашина // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 308-316.

REPRESENTATION OF RUSSIAN ONOMASTIC CODE IN THE URBANONYMIC SPACE OF FRANCE

Voloshkina Inessa Anatol'evna
Candidate of Philology, lecture of department of foreign languages
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

Abstract. The article, which considers the problem of representation of the Russian onymic code in the attributive part of French urbanonyms, reveals that the formation of the Russian onymic code is facilitated by the wide national and historical popularity of the denotate of the Russian onym, the stability of the associative-cultural background of the onymic unit and the actualisation of value-significant cultural information, inscribed in the system of Russian culture transmission. The use of the Russian onymic code represented by anthroponymic, toponymic, linguocultural subcodes ‘titles’, ‘architectural-gastronomic’ in agoronyms, hodonyms, choronyms, ecclesionyms, oikodomonyms,

stafmonyms, sindrivanionyms, is motivated by perpetuating the memory of the victory of the French army as part of the Allies on the territory of Russia, of historical events connected with Russian-French cooperation, of great Russian dignitaries, political figures, cultural and scientific figures of Russia.

Key words: anthroponym, gephyronym, hodonym, linvocultural code, onymic code, urbanonym, choronym.

НАЗВАНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В АССОЦИАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДНОЙ ЗАГАДКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Григорьева Евгения Андрияновна,
аспирант кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Россия
Борисова Людмила Валентиновна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и литературы,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу русских и чувашских загадок, репрезентирующих концепт «головные уборы». В ходе исследования установлено, что в сравниваемых языках метафорический перенос осуществляется либо по внешнему сходству с предметом (форма, цвет), либо по сходству выполняемых функций. В результате сопоставительно-семантического анализа языкового материала выявлены как универсальные особенности репрезентации головных уборов, так и национально-специфические черты, обусловленные различием русской и чувашской культур.

Ключевые слова: вторичная номинация, головной убор, загадка, концепт, метафора, языковая картина мира.

Загадка является одним из жанров устного народного творчества и представляет собой короткое иносказательное изречение. В основе любой загадки, как отмечают исследователи, лежит принцип вторичной (непрямой) номинации, «состоящий в преднамеренно иносказательном обозначении объекта, сознательном употреблении такого именования, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его вуалированно» [Орлова, 2023, с. 90-91]. Загадкам свойственна поэтизация, метафоричность и наличие широкого ассоциативного пространства, что позволяет назвать их репрезентантами определенных концептов.

В парадигме господствующего антропоцентрического языкознания структурно-семантическое исследование концепта «головные уборы» на материале народных загадок в контексте национальных языковых картин мира представляется весьма перспективным, поскольку традиционные народные загадки, так же как и пословицы и поговорки, являются хранилищем культурных смыслов и представлений. Опираясь на данный факт, мы можем заключить, что сопоставительно-семантический анализ русских и чувашских загадок,

содержащих в своей основе метафоры, репрезентирующие концепт «головные уборы», позволит выявить особенности языковой концептуализации и категоризации мира русским и чувашским народами.

Головной убор составляет важнейшую часть материальной культуры любого этноса. Изучению репрезентативного потенциала лексем, называющих головные уборы, посвящены работы Л.В. Борисовой [Борисова, 2015; 2023], М.Л. Ковшовой [Ковшова, 2015], А.В. Тихомировой [Тихомирова, 2013] и некоторых других исследователей. Несмотря на это, анализ загадок, репрезентирующих концепт «головные уборы», в аспекте русской и чувашской языковых картин мира проводится впервые авторами данной статьи.

И в русском, и в чувашском языках наиболее частотным является метафорический перенос шапки (чув. çĕлĕк), платка (чув. тутăр), колпака (чув. калпак) на небо. Сравните русские и чувашские загадки: *Голубой платок, красный колобок / По платку катается, людям усмехается (Небо и солнце)* [Загадки, 1968], *Мăнтăр çинче мăн калпак (Тӳпе)* ‘У полного человека большой колпак (Небо)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. Замена в данном случае связана со сходством выполняемых функций: головной убор покрывает голову человека так же, как небо покрывает землю.

В чувашской культуре, кроме того, наиболее последовательно находит свое выражение замещение по цвету: 1) серебряные и золотые монеты (украшения на головных уборах) – звезды: *Мăн асаттен калпакĕ ылтăн кĕмĕл шăрçаллă (Тӳпе)* ‘У моего дедушки шапка украшена золотыми, серебряными бусинками (Ночное небо со звездами)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]; 2) золотой колпак, серебряная тюбетейка – луна и солнце: *Кăнтăрла ылтăн калпак, каçпа кĕмĕл тӳпеттей (Уйăхпа хĕвел)* ‘Днем золотой колпак, вечером серебряная тюбетейка (Луна с солнцем)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. Подобный перенос по цвету наблюдается и в загадках, содержащих лексемы, называющие традиционно чувашские головные уборы (тухъя, хушпу). Например: *Уй тӳпинче Уйпике, кĕмĕл тухъя – пуçĕнче (Уйăх)* ‘В конце поля Уйпике, серебряная тухъя – на голове (Месяц)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984], *Асламас икĕ хĕр ӳстернĕ: пĕри ылтăн тухъяпа, тепри кĕмĕл тухъяпа (Уйăхпа хĕвел)* ‘В деревне выросли две девушки: одна в золотой тухъе, другая в серебряной тухъе (Месяц с солнцем)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. Отметим также, что уподобление головных уборов небесным светилам и небу связано с их расположенностью «наверху»: головные уборы носятся на голове, небесные светила и небо находятся на высоте. Сравните, как загадывается шапка (чув. çĕлĕк) в чувашском фольклоре: *Çӳлте ларап, кам çинчине каламастăп (Çĕлĕк)* ‘Сижу наверху, на ком – не скажу (Шапка)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984].

И в русской, и в чувашской языковых картинах мира представлен яркий метафорический перенос шапки (чув. çĕлĕк), шляпы (чув. шлепке), колпака (чув. калпак), платка (чув. тутăр) на верхнюю часть гриба или соцветия таких растений, как мак, подсолнух, лен. Сравните: *Мал малышок в сыру землю зашел, синю шапку нашел (Лен)* [Загадки, 1968], *В лесу на пригорке стоит Егорка в красной шапке (Гриб)* [Загадки, 1968], *Сквозь землю прошел, красну шапку*

нашел, / Шапку снял, детей спать уклал (Мак) [Загадки, 1968]; *Пĕр калпак йăшĕнче çичçĕр казак (Мăкăнь)* ‘В одном колпаке семьсот казаков (Мак)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984], *Пĕчĕкçеççĕ паттăр / Çĕр витĕр тухрĕ-тухрĕ, / Хĕрлĕ çĕлĕк тăхăнчĕ (Кăмпа)* ‘Маленький молодец / Вышел из-под земли, / Красную шапку надел (Гриб)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984], *Пуçĕ пысăк, мăйĕ çинçе, сарă пурçăн тутăр çыхнăскер (Хĕвелçаврăнăш)* ‘Голова большая, шея тонкая, одет в желтый шелковый платок (Подсолнух)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. Очевидно, что замещение в приведенных примерах основано на сходстве не только по форме и по функции, но и по цвету. Это же наблюдается и в русских загадках, где шапка ассоциируется с кроной деревьев: *В поле, полюшке стоят столбики, белены шапочки (Осина)* [Загадки, 1968], *Стоят столбы белы, / На них шапки зелены (Береза)* [Загадки, 1968].

Вторичная номинация лексемы «платок» в русской языковой картине мира практически отсутствует, в то время как в чувашском фольклоре представлен целый ряд метафор, связанных с данной лексемой. Так, платок (чув. тутăр) представлен в многочисленных чувашских загадках о цветах: *Пĕр майра пуçне пилĕк пурçăн тутăр çыхнă (Чечек)* ‘Женщина повязала пять шелковых платков (Цветок)’ [Чувашско-русский словарь, 1985]. Метафорический перенос в данном случае основан на сходстве по форме анализируемого головного убора с лепестками цветов, а также на сходстве выполняемых функций: лепестки покрывают сердцевину цветка так же, как платок покрывает голову женщины.

Одной из отличительных черт чувашской лингвокультуры является уподобление женских платков дням недели. Такая ассоциация обусловлена тем, что раньше у женщин было большое множество платков, разноцветных, не похожих друг на друга, сшитых из разной ткани. То же самое можно сказать и о жизни: каждый прожитый нами день не является похожим на предыдущий. Сравните чувашские загадки: *Асаннен çичĕ тутăр: улттăшĕ шурă тутăр, çиччĕмĕш хĕрлĕ тутăр (Эрне)* ‘У бабушки семь платков: шесть белых платков, седьмой красный платок (Дни недели)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984], *Кулине инкен виççĕр утмăл пилĕк шур тутăр, Кулине кашни кун пĕр тутăрне хывса пăрахать (Календарь)* ‘У Акулины триста шестьдесят пять белых платков, Акулина ежедневно снимает по одному платку (Календарь)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. В обеих загадках доминирует ассоциация по количеству (триста шестьдесят пять платков – триста шестьдесят пять дней в году, семь платков – семь дней недели). Кроме того, в первом случае находит выражение и метафорический перенос по цвету: белые платки ассоциируются с будничными днями, красный платок – с выходным днем.

Таким образом, исследуя русские и чувашские загадки, мы пришли к выводу, что головные уборы в основном уподобляются небу, небесным светилам, а также соцветиям различных растений или верхней части гриба. В ходе анализа были выявлены национально-специфические черты чувашской языковой картины мира. Так, только для чувашской лингвокультуры характерна широкая метафоризация лексемы «платок» (чув. тутăр). В частности, данная лексема содержится в многочисленных загадках о цветах, в которых метафорический перенос основан как на сходстве по форме головного убора с

лепестками, так и на сходстве выполняемых ими функций. Кроме того, только в чувашской языковой картине мира находит яркое выражение уподобление женских платков дням недели. В обоих сравниваемых языках метафорический перенос осуществляется по внешнему сходству (форма, цвет), а также по сходству выполняемых функций.

Список литературы

Борисова Л.В. Лингвокультурологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2015. – 374 с. – ISBN 978-5-7677-2137-5.

Борисова Л.В. Репрезентация кластера «одежда» в русской и чувашской языковых картинах мира / Л.В. Борисова, А.М. Иванова, Э.В. Чуева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 92-100.

Загадки / под редакцией В.В. Митрофановой. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1968. – 255 с.

Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. – Москва : Гнозис, 2015. – 368 с. – ISBN 978-5-94244-053-4.

Орлова О.С. Языковые и культурные подсказки в загадках (на материале русских народных загадок о животных и птицах) // Art Logos. – 2023. – № 1 (22). – С. 90-96.

Тихомирова А.В. Ассоциативно деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. Т. 5 Вак жанрсем / ответственный редактор Г.Ф. Юмарт. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1984. – 352 с.

Чувашско-русский словарь / под редакцией М.И. Скворцова. – Москва : Русский язык, 1985. – 712 с.

NAMES OF HEADWEARS IN THE ASSOCIATIVE SPACE OF A FOLK RIDDLE (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGES)

Grigorieva Evgeniya Andriyanovna,
Postgraduate student of the Department of Russian Language and Literature
I. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia
Borisova Lyudmila Valentinovna,
Doctor of Philology Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature
I. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian and Chuvash riddles representing the concept "headwears". The study established that in the compared languages, metaphorical transfer is carried out either by external similarity with an object (shape, color), or by similarity of the functions performed. As a result of the comparative-semantic analysis of the language material, both universal features of the representation of headwears and national-specific features caused by the difference in Russian and Chuvash cultures were revealed.

Key words: secondary nomination, headwear, riddle, concept, metaphor, language world view.

ТРАНСФЕР ТЕКСТОВОЙ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ KRIEG/ВОЙНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. М. РЕМАРКА

Даниленко Илья Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия,
Тёрнер Ян Патрик,
ассистент кафедры иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия,

Аннотация. В статье рассмотрено явление трансфера текстовой когнитивной доминанты. Целью работы: проследить возможные изменения в номинативном поле текстовой когнитивной доминанты. Методом когнитивно-герменевтического моделирования выявлены художественные концепты, формирующие ядро когнитивной доминанты, а также утраченные или вновь приобретённые художественные концепты.

Ключевые слова: текстовая когнитивная доминанта, трансфер знания, художественный концепт, художественный текст.

В когнитивной лингвистике основная единица текста – концепт. В рамках художественного текста информация репрезентирована в виде художественных концептов. Все многообразие «художественных концептов составляет художественную картину мира» [Тугуз, 2024, с. 107]. Важнейшей характеристикой художественной картины мира является ей фрактальность: она состоит из множества сходных по структуре авторских художественных концептов, в которых «вербализуется авторская концептуальная картина мира, при этом особенности языковой личности прямо пропорциональны особенностям ее картины мира» [Попова, 2013, с. 95].

Художественная картина мира складывается из авторских художественных концептов, но при этом, не является простой суммой их значений. Достаточно часто ряд художественных концептов, объединённых общностью идеи, формируют когнитивную доминанту. Н.Н. Болдырев выделяет два вида когнитивных доминат: общие и частные. «Общие доминанты характерны для целой группы людей, тогда как частные есть доминанты индивидуального сознания» [Болдырев, 2020, с. 32]. Основываясь на взглядах Н. Н. Болдырева, мы понимаем когнитивную доминанту как «один или несколько концептов, мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев, выражающих наиболее актуальное общественное явление на определенном историческом этапе развития общества [Даниленко, 2024, с. 461]. Художественные концепты могут быть объединены в иерархически более сложную структуру – текстовую когнитивную доминанту.

Текстовая когнитивная доминанта может включать в себя от одного до нескольких художественных концептов. Принцип объединения концептов в когнитивную доминанту обусловлен контекстом, для текстовых когнитивных доминант, или дискурсом для языковых когнитивных доминант. В своём исследовании мы сфокусированы на текстовых когнитивных доминантах.

Рассмотрим текстовую когнитивную доминанту KRIEG/ВОЙНА созданную Э. М. Ремарком в его творчестве.

Обратимся к романам, где текстовая когнитивная доминанта KRIEG/ВОЙНА является основой сюжета. Самой известной работой Э.М. Ремарка, посвящённой войне, является роман «Im Westen nichts Neues»/«На западном фронте без перемен» (1929). В этом романе действие происходит только на фронте, и текстовая когнитивная доминанта KRIEG/ВОЙНА включает в себя наибольшее количество художественных концептов.

Проведя когнитивно-герменевтический анализ архитектоники текстовой когнитивной доминанты KRIEG/ВОЙНА в данном романе, мы выявили следующие художественные концепты, перечисленные в зависимости от объёма их номинативных поле, от большего к меньшему:

(1) SOLDAT / СОЛДАТ, (2) KAMERADENSCHAFT / БРАТСТВО, (3) ARTILLERYBESCHUSSUNG / АРТОБСТРЕЛ, (4) ZERSTORUNG / РАЗРУШЕНИЕ, (5) TOD / СМЕРТЬ, (6) ANFANGERSOLDAT / НОВОБРАНЕЦ, (7) URLAUB / ОТПУСК, (8) FEIND / ВРАГ, (9) KRANKENHAUS / ГОСПИТАЛЬ, (10) ESSEN / ЕДА, (11) FRIEDHOF / КЛАДБИЩЕ, (12) WAFFENSTILLSTAND / ПЕРЕМИРИЕ, (13) KRIEGSGEFANGENER / ВОЕННОПЛЕННЫЙ, (14) AMERIKANER / АМЕРИКАНЦЫ.

Отдельно остановимся на художественном концепте AMERIKANER / АМЕРИКАНЦЫ. Сначала они упоминаются в романе как враги, но после окончания боевых действий, они описываются просто как солдаты, с которыми немцы, на отдельных участках фронтах, ведут обмен различными повседневными вещами.

В романе «Der Weg Züruck»/«Возвращение домой» (1931) текстовая когнитивная доминанта KRIEG/ВОЙНА претерпевает серьёзные изменения. Описания боевых действий есть только в начале романа, когда автор рассказывает о последних днях войны. тем не менее этот роман занимает в творчестве Э. М. Ремарка промежуточное положение между произведениями о войне и произведениями о любви. Главные герои – это солдаты, которые остались в живых после событий, описанных в первом романе. Проведя когнитивно-герменевтический анализ, мы выявили следующие художественные субконцепты, представленные в порядке уменьшения объёма их номинативных полей:

(1) KAMERADENSCHAFT / БРАТСТВО, (2) VERLORENE GENERATION / ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ, (3) NAZISMUS / НАЦИЗМ, (4) FEIND / ВРАГ, (5) TOD / СМЕРТЬ, (6) ESSEN / ЕДА, (7) ZERSTORUNG / РАЗРУШЕНИЕ, (8) WAFFENSTILLSTAND / ПЕРМИРИЕ, (9) ARTILLERYBESCHUSSUNG / АРТОБСТРЕЛ.

Кроме того, выявлен дуальный художественный субконцепт VETERAN-VERRÄTER / ВЕТЕРАН-ПРЕДАТЕЛЬ. В обществе того времени всё чаще

высказывают мысль, что причиной поражения явилась трусость и неспособность солдат к борьбе, и что именно простые ветераны Первой Мировой войны виновны в том, что не смогли одержать победу.

В этом романе художественный концепт FEIND / ВРАГ приобретает абсолютно другое значение. Он реализован таким образом, что врагом для немецкого народа являются ветераны Первой Мировой войны, поскольку оказались трусами, не желающими новой войны. Врагами теперь в немецком обществе считаются и коммунисты, как открытые враги национал-социализма, который в то время набирал силу в послевоенном немецком обществе.

В сравнении с первым романом в текстовой когнитивной доминанте KRIEG/ВОЙНА выявлены новые художественные концепты: VERLORENE GENERATION / ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ, NAZISMUS / НАЦИЗМ, что связано с изменением одноимённой языковой когнитивной доминанты в начале 1930-х годов.

Роман «Der Funke Leben»/«Искра жизни» (1952) рассказывает уже о событиях Второй Мировой войны. В центре сюжета оказываются немецкие заключённые концлагеря. Действие романа происходит весной 1945 года. Хотя, в этом романе отсутствуют описания непосредственных военных действий, война репрезентирована в борьбе заключённых лагеря со своими охранниками и в тех небольших обрывках информации, которую они получают о продвижении американских войск к лагерю. Когнитивно-герменевтический анализ позволил выявить следующие художественные субконцепты номинативном поле текстовой когнитивной доминанты KRIEG/ВОЙНА, представленные, начиная от наиболее объёмного:

(1) KONZENTRATIONSLAGER / КОНЦЛАГЕРЬ, (2) GEFANGENER / ЗАКЛЁЧЁННЫЙ, (3) LEBEN / ЖИЗНЬ, (4) TOD / СМЕРТЬ, (5) ESSEN / ЕДА, (6) NAZISMUS / НАЦИЗМ, (7) AMERIKANER / АМЕРИКАНЦЫ, (8) LUFTBOMBEN / АВИАНАЛЁТ, (9) ZERSTORUNG / РАЗРУШЕНИЕ, (10) FEIND / ВРАГ, (11) WACHE / ОХРАННИК, НАДСМОТОРЩИК, (12) SOLDAT / СОЛДАТ.

Кроме того, выявлен один дуальный художественный субконцепт AMERIKANER-LEBEN / АМЕРИКАНЦЫ-ЖИЗНЬ. Находясь в лагере, заключённые знают, что только приход американской армии может их спасти. Прислушиваясь к взрывам, наблюдая за американскими самолётами разведчиками, заключённые лагеря мысленно торопят их, и когда американские войска вступают в лагерь, все понимают – они спасены.

На смену художественному концепту WAFFENSTILLSTAND / ПЕРЕМИРИЕ приходит субконцепт KRIEGSENDE / КОНЕЦ ВОЙНЫ, что подразумевает различные условия для Германии.

В романе «Zeit zu leben und Zeit zu sterben»/«Время жить и время умирать» (1954) Э. М. Ремарк рассказывает непосредственно о Второй Мировой войне. Этот роман во многом перекликается с «Im Westen nichts Neues»/«На западном фронте без перемен». Однако, поскольку сам автор не был очевидцем боевых действий этой войны описаний фронта значительно меньше. Большую часть романа занимают контексты, посвящённые отпуску Эрнста Гребера и его поездке в Германию.

Когнитивно-герменевтический анализ позволил выявить следующие художественные концепты:

(1) SOLDAT / СОЛДАТ, (2) ZERSTORUNG / РАЗРУШЕНИЕ, (3) TOD / СМЕРТЬ, (4) URLAUB / ОТПУСК, (5) LUFTBOMBEN / АВИАНАЛЁТ, (6) NAZISMUS / НАЦИЗМ, (7) KRANKENHAUS / ГОСПИТАЛЬ, (8) ESSEN / ЕДА, (9) FRIEDHOF / КЛАДБИЩЕ, (10) ARTILLERYBESCHUSSUNG / АРТОБСТРЕЛ, (11) FEIND / ВРАГ, (12) KRIEGSGEFANGENER / ВОЕННОПЛЕННЫЙ, (13) WAFFENSTILLSTAND / ПЕРМИРИЕ, (14) PARTISAN / ПАРТИЗАН, (15) ANFANGERSOLDAT / НОВОБРАНЕЦ.

Художественный концепт KRIEGSENDE / КОНЕЦ ВОЙНЫ снова заменяется на WAFFENSTILLSTAND / ПЕРЕМИРИЕ. Немецкие всерьёз обсуждают возможность заключения перемирия с Советским Союзом до того, как боевые действия перейдут на территорию Германии.

В отличие от «Im Westen nichts Neues»/«На западном фронте без перемен» в текстовой когнитивной доминанте KRIEG/ВОЙНА данного романа отсутствует художественный концепт KAMERADENSCHAFT / БРАТСТВО. Солдаты Первой Мировой войны были простыми крестьянами и рабочими, которых призвали на фронт. Солдаты Второй Мировой войны разделялись на призывников и идейных нацистов, которые понимали войну и её цели совершенно по-разному, и отношений солдатского братства между ними не возникало, что Э. М. Ремарк отчётливо репрезентирует в тексте романа.

Для полноты анализа рассмотрим романы, в которых текстовая когнитивная доминанта KRIEG/ВОЙНА реализована в значительно меньшем объеме

В романе «Station am Horizont»/«Станция на горизонте» (1927) о войне упоминается лишь раз, когда во время соревнований по стрельбе Каю (главному герою) говорят, что раз он немец и два года назад ещё был на фронте, то должен уметь хорошо стрелять. В этом романе текстовая когнитивная доминанта KRIEG/ВОЙНА репрезентирована лишь одним художественным концептом – TREFFSICHER SCHIEßEN/МЕТКАЯ СТРЕЛЬБА.

Роман «Liebe Deinen Nächsten»/«Возлюби ближнего своего» (1941) рассказывает о межвоенном периоде (около 1933-1938 года) в Германии, здесь война упоминается как причина разрушений. Был выявлен концепт ZERSTORUNG/РАЗРУШЕНИЕ, входящий в номинативное поле текстовой когнитивной доминанты KRIEG/ВОЙНА. В этом отношении с этим романом схожи ещё четыре: «Der schwarze Obelisk»/«Чёрный обелиск» (1956), «Arc de Triomphe»/«Триумфальная арка» (1945), «Die Nacht von Lissabon»/«Ночь в Лиссабоне» (1962) и «Drei Kameraden»/«Три товарища» (1936): в них так же нет описаний войны, но описываются «разрушения», оставленные войной. Действие романов происходит в межвоенный период, и война упоминается лишь как причина угнетённого состояния страны.

Таким образом, текстовая когнитивная доминанта KRIEG/ВОЙНА в творчестве Э. М. Ремарка представлена следующими художественными концептами. Они представлены, начиная от самого часто упоминаемого художественного концепта и заканчивая низкочастотными концептами,

выявленными только в одном из романов. В скобках указано количество произведений, в которых выявлен концепт:

1. ZERSTORUNG / РАЗРУШЕНИЕ (8);
2. ESSEN / ЕДА (4);
3. SOLDAT / СОЛДАТ (3), TOD / СМЕРТЬ (3), FEIND / ВРАГ (3), WAFFENSTILLSTAND / ПЕРМИРИЕ (3) ARTILLERYBESCHUSSUNG / АРТОБСТРЕЛ (3) NAZISMUS / НАЦИЗМ (3);
4. KRANKENHAUS / ГОСПИТАЛЬ (2), KAMERADENSCHAFT / БРАТСТВО (2), ANFANGERSOLDAT / НОВОБРАНЕЦ (2), FRIEDHOF / КЛАДБИЩЕ (2), URLAUB / ОТПУСК (2), KRIEGSGEFANGENER / ВОЕННОПЛЕННЫЙ (2), AMERIKANER / АМЕРИКАНЦЫ (2), LUFTBOMBEN / АВИАНАЛЁТ (2);
5. VERLORENE GENERATION / ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ (1), WACHE / ОХРАННИК (НАДСМОТОРЩИК) НАДСМОТОРЩИК (1), LEBEN / ЖИЗНЬ (1), KONZENTRATIONSLAGER / КОНЦЛАГЕРЬ (1), GEFANGENER / ЗАКЛЁЧЁННЫЙ (1), PARTISAN / ПАРТИЗАН (1), TREFFSICHER SCHIEßEN/МЕТКАЯ СТРЕЛЬБА (1), KRIEGSENDE / КОНЕЦ ВОЙНЫ (1).

Художественные концепты, репрезентированные Э. М. Ремарком в трёх и более романах, представляют собой ядро когнитивной доминанты. Как ни странно, в ядро входит такой художественный концепт как ESSEN / ЕДА, являющийся, без контекста, нейтральным в милитарном отношении. Трансфер знания в рамках исследуемой когнитивной доминанты проявляется в следующих художественных концептах.

Художественный концепт WAFFENSTILLSTAND / ПЕРМИРИЕ в более поздних произведениях превращается в KRIEGSENDE / КОНЕЦ ВОЙНЫ, отражая отношение немецких солдат к войне, в зависимости от положения на фронте и политической ситуации в мире.

Художественный концепт KAMERADENSCHAFT / БРАТСТВО формирует ядро когнитивной доминанты в начале творчества автора. В романе о Второй Мировой войне этот художественный концепт полностью утрачен. Однако, в романах о Второй Мировой войне в номинативное поле текстовой когнитивной доминанты KRIEG/ВОЙНА включён художественный концепт NAZISMUS/НАЦИЗМ, что отражает реалии Германии середины 20 века.

Отдельно отметим художественный концепт FEIND/ВРАГ, который хоть и не выпадает из номинативного поля текстовой когнитивной доминанты, но, при этом, сам претерпевает значительные изменения. В романах, написанных в разное время, отношение к врагу разное: от нейтрального до откровенно враждебного. Номинативное поле художественного концепта FEIND/ВРАГ включает в себя номинанты, относящиеся к солдатам другой армии, на среднем этапе развития творчества к ветеранам Первой Мировой войны, на поздних этапах творчества – к солдатам нацистам.

Список литературы

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 4 (43). – С. 21–79.

Даниленко И.А. Концепция текстовой когнитивной доминанты // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 5(61). – С. 460-464.

Попова Т.Г. Художественная картина мира как концептуализированное художественное пространство // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. тр.: в 2-х т. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 95–97.

Тугуз Т.Р. Особенности функционирования глаголов движения в фоновом терминале когнитивной сцены (на материале произведений Г. Джеймса «Бостонцы» и Г. Зудермана «Фрау Зорге») // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 106–113.

TEXT COGNITIVE DOMINANT TRANSFER KRIEG/WAR IN THE WORKS OF E. M. REMARQUE

Danilenko Ilya Aleksandrovich,
Candidate of Philological Sciences, Docent,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

Abstract. The article deals with the phenomenon of textual cognitive dominant transfer. The aim of the work is to trace possible changes in the nominative field of the textual cognitive dominant. The method of cognitive-hermeneutic modeling revealed literary concepts that form the core of the cognitive dominant, as well as lost or newly acquired literary concepts.

Key words: textual cognitive dominant, knowledge transfer, literary concept, text.

НАРРАТИВНЫЙ КОНСТРУКТ КАК ЕДИНИЦА ПОСТИДЕОЛОГИИ

Закурдаева Наталья Вячеславовна,
кандидат филологических наук, доцент,
сотрудник Академии ФСО России, г. Орел, Россия

Аннотация. В статье исследован нарративный конструкт как базовая единица постидеологии, выявлены его отличительные особенности по сравнению с идеологемой. Автор приходит к выводу о том, что нарративные конструкты заменяют жёсткие идеологические доктрины, формируя картину мира через манипуляцию эмоциями и когнитивными искажениями.

Ключевые слова: идеологема, нарративный конструкт, идеология, постидеология, мягкая сила.

В процессе познания окружающего мира у каждого человека формируется собственная картина мира, репрезентированная с помощью различных когнитивных моделей. «Именно эти репрезентации в гораздо большей степени, чем сама действительность, определяют то, как мы интерпретируем окружающий мир и реагируем на него» [Баксанский, 2013, с. 8]. Сначала в нашем сознании складывается наивная картина мира, затем образовательные учреждения формируют научную картину мира, СМИ целенаправленно

корректируют эти картины мира, при этом любая картина мира, которую транслируют СМИ, независимо от редакционной политики, идеологична: «важным элементом социальной реальности является готовность и способность общества принудительно навязывать своим членам доминирующие представления об окружающей реальности и тех вариантах поведения, которые кажутся обществу правильными» [Поляков, 2017, с. 437]. Таким образом, идеология играет ведущую роль в формировании картины мира человека, однако современная идеология, «претерпев серьезные изменения, подобно фениксу переродится в новом облике, сократив свой функционал, изменив социальные институты, став более гибкой и мобильной, что совершенно необходимо в условиях новых социальных реалий» [Гаршин, 2017, с. 142]. Идеология перешла в свою новую форму – постидеологию.

Одним из средств выражения идеологических смыслов являются идеологические лингвоконструкты – это устойчивые языковые единицы, которые выполняют специфические коммуникативные, идеологические или манипулятивные функции в дискурсе. Они структурируют мышление аудитории, передают скрытые смыслы и формируют картину мира. В политическом и медийном дискурсе активно используются следующие типы лингвоконструктов:

1. Идеологемы («для легитимации регулирующего воздействия дискурсивная практика использует некий лингвоконструкт, понимание содержания которого колеблется в зависимости от субъекта, его использующего. Такие лингвоконструкты или понятия с открытым смыслом называют идеологемами. Идеологема является системообразующей единицей в структуре идеологии и основным связующим компонентом дискурса» [Храмова, 2015, с. 3].

2. Идеологические концепты – «определенные концепты актуализируются с помощью лексики с высоким эмоциональным зарядом для достижения прагматического эффекта» [Гайдаренко, 2023, с. 142].

- универсальные смысловые узлы, отражающие ключевые ценности или противоречия идеологии («демократия», «патриотизм», «народ»), они задают аксиомы дискурса, которые редко подвергаются рефлексии («*Мы защищаем демократию*» → подразумевается, что «демократия» – безусловное благо).

3. Концептуальные метафоры – осуществляют перенос смысла из одной понятийной сферы в другую для упрощения сложных явлений *(«Государство – это организм»* → оправдание иерархии («здоровье нации»), «*Миграция – это потоп»* → активизация страха («волна беженцев»). Их функции – эмоциональное воздействие, манипуляция восприятием действительности.

4. Фреймы – когнитивные схемы, организующие информацию вокруг ключевого понятия (фрейм «война» → включает слоты: «враг», «победа», «жертвы»), они предопределяют интерпретацию событий (например, протесты как «беспорядки» или «борьба за права»). Сценарии и скрипты также являются инструментами имплицитной коммуникации, позволяющими говорящему влиять на восприятие аудитории, опираясь на её фоновые знания о типичных ситуациях.

4. Дискурсивные идеологические клише – шаблонные фразы, крылатые выражения, воспроизводимые в политическом медиадискурсе (*«наш ответ Чемберлену*» (советский дискурс), «*империя зла*» (риторика Р. Рейгана о СССР).

Данные клише позволяют мгновенно идентифицировать «своих» и «чужих», экономят языковые усилия.

5. Перформативы – высказывания, которые сами по себе являются действием («*объявляю войну терроризму*»), их функция – создание новой реальности через язык.

6. Импликатуры и пресуппозиции – скрытые смыслы, выводимые из контекста (импликатура: *«Переговоры прошли успешно»* подразумевает победу одной стороны), внедряют идеи без прямых утверждений.

Таким образом, идеологические лингвоконструкты – это «строительные блоки» политического дискурса. Анализ этих единиц позволяет вскрыть механизмы манипуляции, скрытые за видимой нейтральностью текста.

В современном медиапространстве, где традиционные идеологические системы замещаются гибридными, адаптивными и медиатизированными нарративами, появилась новая базовая единица политического медиадискурса – ***нарративный конструкт*** – динамичная смысловая конструкция эпохи постидеологии, объединяющая элементы противоречивых идеологий, медийных клише и эмоциональных триггеров для скрытого идеологического воздействия. «Нарративный конструкт <…> является своего рода особым видом информации, имплицитно заложенной коммуникатором с целью удовлетворения психологической модальности коммуниканта и основанной на нарративных практиках восприятия реципиентом окружающей действительности» [Михайлова, 2011, с. 113].

В отличие от идеологемы – стабильного элемента классической идеологии (например, «революция», «классовая борьба») – нарративный конструкт обладает следующими особенностями:

1. Идеологический синкретизм – слияние противоречивых идеологических элементов в единый нарратив («экологический патриотизм» (защита природы + националистическая риторика)).

2. Контекстуальная адаптивность – способность менять акценты в зависимости от аудитории, платформы или текущего события (для консервативной аудитории: «*Защита традиционной семьи – основа стабильности»*, для молодёжи: «*Семья – это свобода выбора*». Нарративные конструкты используют так называемые «пустые означающие», которые наполняются разным содержанием.

3. Медиатизированная упаковка – опора на форматы цифровой коммуникации: мемы, короткие видео, инфографику (например, вирусные видеоролики в тик-ток-формате).

4. Инфографика, смешивающая статистику и эмоциональные призывы, так происходит упрощение сложных идей до уровня, удобного для мгновенного потребления.

5. Эмоциональная заряженность, доминирование эмоций над рациональной аргументацией («*Если мы не остановим мигрантов, наши дети забудут родной язык!*»), апелляция к базовым инстинктам (безопасность, идентичность) через яркие образы.

6. Неассертивность – скрытое внедрение идеологии через имплицитные смыслы через пресуппозиции и ипликатуры, избегание прямых утверждений, чтобы снизить критическое сопротивление сознания реципиента.

7. Диссимметричность – нарушение баланса между «нейтральными» фактами и скрытой оценкой *(«По данным министерства здравоохранения, за год введено 20 новых клиник, оснащённых современным оборудованием, что улучшит доступность медицинской помощи для населения»* – создается иллюзия объективности при скрытой манипуляции (акцент на «успехе» маскирует системные проблемы (кадровый кризис, деградация старых учреждений)).

8. Интертекстуальность – ссылки на авторитетные источники, историю, поп-культуру для усиления убедительности («*Как сказал Петр I, Россия – это не просто страна, это цивилизация!*»), использование готовых ассоциативных цепочек для экономии усилий на аргументацию.

9. Многоканальность – распространение через разные платформы с адаптацией под их специфику: Телеграмм-каналы, Тик-ток, ТВ-новости и др., что дает максимальный охват аудитории без потери ключевого смысла сообщения, адаптация под конкретную аудиторию.

10. Номадичность – отсутствие фиксированной структуры. Гибридные нарративы легко трансформируются, поглощая новые темы или отбрасывая неактуальные (пандемия + цифровизация → «биополитическая безопасность»).

11. Манипуляция идентичностью, конструирование образа «свой / чужой» через противопоставление: «*Все, кто против реформ, – враги прогресса!*», оказывается давление на групповую принадлежность, чтобы блокировать критическое мышление.

Нарративные конструкты – это оружие эпохи постправды. Их сила в способности быть одновременно ***своими для всех***: для консерваторов – «защита традиций», для либералов – «прогрессивные реформы», для молодежи – «модный цифровой проект». Они не требуют логической согласованности, так как работают на уровне эмоций, клише и коллективных страхов. Анализ таких нарративов требует выявления их компонентов, скрытых противоречий и контекста, в котором они актуализируются. Чтобы выявить различие в механизмах влияния на формирование картины мира реципиентов, сравним нарративные конструкты и идеологемы.

Идеологема опирается на определенную идеологическую доктрину, тогда как нарративный конструкт в постидеологии намеренно размыт, что позволяет маскировать противоречия и избегать критики. Его сила – в способности быть интерпретированным аудиторией как «здравый смысл» или «объективная реальность», минуя рефлексию. Это делает его эффективным инструментом управления сознанием в условиях политизированного медиадискурса. Таким образом, идеологемы – «кирпичи» классических идеологий, нарративные конструкты – «конструкторы» постидеологии. Идеологемы требуют веры в систему, нарративы эксплуатируют когнитивные искажения, обращаются к эмоциональному и бессознательному.

Идеологемы и нарративные конструкты по-разному функционируют на всех уровнях языка: лексическом, синтаксическом, прагматическом и

дискурсивном. Эти различия отражают их функции в идеологическом воздействии на реципиента и формировании его картины мира.

Критерий	**Идеологемы**	**Нарративные конструкты**
Лексический уровень		
Семантика	Узкая, фиксированная в рамках идеологии («революция», «свобода рынка»).	Широкая, гибридная: сочетает термины из разных систем («социальный капитализм»).
Оценочность	Явная: слова несут четкую идеологическую оценку («эксплуатация», «прогресс»).	Скрытая: оценка маскируется под нейтральность («оптимизация расходов» вместо «сокращение бюджета»).
Эмоциональ-ность	Часто нейтральны или заряжены в рамках доктрины («классовая борьба»).	Активно используют эмоциональную лексику («катастрофа», «прорыв», «надежда»).
Синтаксический уровень		
Структура	Простые, ритмичные конструкции, часто лозунги («Мир! Труд! Май!»).	Сложные, многосоставные предложения с условными формами («Если мы хотим прогресса, нужно...»).
Модальность	Утвердительная, категоричная («Социализм неизбежен!»).	Условная, предположительная («Возможно, это лучший путь»).
Риторика	Опирается на повторы и параллелизм.	Использует риторические вопросы, инверсию, вводные слова для создания иллюзии диалога.
Прагматический уровень		
Цель	Прямая мобилизация, декларация ценностей.	Косвенное влияние через манипуляцию и адаптацию к аудитории.
Имплицитность	Редко используют скрытые смыслы.	Активно внедряют пресуппозиции
Нарушение максим Грайса	Соблюдают максимы (ясность, истинность).	Часто нарушают максиму качества или максиму количества.
Дискурсивный уровень		
Контекст	Встроены в устойчивые идеологические дискурсы (манифесты, речи).	Существуют в медийном пространстве: соцсети, мемы, короткие видео.
Интертекстуаль-ность	Ссылаются на классические тексты идеологии («Капитал» Маркса).	Используют поп-культуру, исторические аллюзии, научные термины вне контекста.
Адаптивность	Стабильны, редко меняются.	Динамичны: адаптируются под тренды, платформы, целевую аудиторию.

Сравним тексты, которые иллюстрируют различные способы репрезентации идеологии и постидеологии.

Текст 1: *Народ – основа государства, а правительство – его верный защитник! Только в единстве с властью мы сможем преодолеть любые угрозы.* ***Государство*** *гарантирует безопасность, порядок и процветание, а* ***народ*** *обязан поддерживать его решения. Все, кто сеет раздор между гражданами и властью, – враги* ***национальных интересов****!* ***Правительство*** *действует исключительно ради блага* ***народа****, и каждый патриот должен это понимать!».*

Особенности: категоричные утверждения («обязан поддерживать», «должен понимать»), бинарная оппозиция: «патриоты / враги», лозунговая риторика, акцент на долге и подчинении. Текст имеет явно выраженную консервативную идеологическую модальность.

Текст 2: *«Современные вызовы требуют объединения усилий **народа, правительства** и бизнеса. **Государство** создает условия для **«цифрового прорыва»**, где технологии служат каждому гражданину, а **народ** своими идеями и активностью помогает строить **«умную страну». Правительство** открыто для диалога: платформы электронных петиций и краудсорсинг проектов – это новые инструменты, чтобы услышать голос каждого. Мы верим, что **национальное единство** – это не просто лозунг, а синергия традиций и инноваций. Вместе мы создаем будущее, где **государство** обеспечивает безопасность, а **общество** – двигатель прогресса!»*.

Особенности: присутствие гибридных элементов – «цифровой суверенитет» (технологии + патриотизм), «синергия традиций и инноваций» (консерватизм + прогрессивизм), «платформы электронных петиций» (демократия в цифровом формате); сочетание технократической («цифровой прорыв») и патриотической («национальное единство») риторики; акцент на «диалоге» и «открытости», но без конкретики механизмов, использование эмоциональных триггеров: «будущее», «прогресс», «безопасность» и пресуппозиции: «государство уже создает условия для прорыва» (без доказательств). Текст идеологически маркирован, но определить идеологическую модальность текста нельзя, это характерно для постидеологии.

Таким образом, текст с идеологемами работает как прямой приказ, усиливая вертикаль власти, гибридный нарратив действует как мягкая сила, маскируя контроль под партнерство и прогресс. Оба текста эксплуатируют тему единства, но делают это принципиально разными методами.

Нарративные конструкты, как и идеологемы, оказывают серьезное влияние на формирование картины мира реципиента, последствия применения нарративных конструктов в процессе когнитивного миромоделирования таковы:

1. Натурализация идеологии: нарративы преподносят идеологические установки как «естественный ход вещей», а не продукт чьих-либо интересов.

2. Бинаризация реальности, черно-белое зрение: сложные проблемы сводятся к простым оппозициям («прогресс / отсталость», «спасители / разрушители»).

3. Когнитивная пассивность и семантический консьюмеризм: аудитория перестает задавать вопросы, принимая предлагаемые интерпретации как данность.

4. Фрагментация знаний: мир воспринимается через набор кусочков пазла, целостная картина восприятия распадается.

Следовательно, лингвистические различия между идеологемами и нарративными конструктами отражают эволюцию идеологического воздействия: от прямого навязывания доктрин – к скрытому управлению через адаптивные, эмоционально заряженные сообщения. Нарартивные конструкты

доминируют в цифровую эпоху, где скорость, вирусность и способность обходить критическое мышление становятся ключевыми инструментами влияния.

Нарративные конструкты – это «мягкая сила» постидеологии. Они не навязывают идеологию открыто, но внедряют ее в подсознание через эмоции, медиатизацию и синтез противоречий. В результате аудитория начинает видеть мир через призму искусственно сконструированных смыслов, что делает ее уязвимой для манипуляций. Ключевая опасность – подмена критического мышления эмоциональными реакциями, что превращает граждан в пассивных потребителей идеологизированных смыслов.

Список литературы

Баксанский О.Е. Когнитивное конструирование реальности: Философия образования. / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 256 с.

Гайдаренко В. А. Концептуально-идеологическое пространство современного медийного дискурса // Инновации и инвестиции. – 2023. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualno-ideologicheskoe-prostranstvo-sovremennogo-mediynogo-diskursa (дата обращения: 06.03.2025).

Гаршин Н. А. К вопросу об онтологическом статусе феномена постидеологии // МНИЖ. – 2017. – №3 (57). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ontologicheskom-statuse-fenomena-postideologii (дата обращения: 06.03.2025).

Михайлова И.В. Нарративный конструкт условно закрытого вербального типа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1(8). – С. 112-116.

Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. – СПб.: Питер, 2017. – 624 с.

Храмова Е. В. Технологии обеспечения социальной безопасности интеллектуального ресурса современного российского общества // КПЖ. – 2015. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-obespecheniya-sotsialnoy-bezopasnosti-intellektualnogo-resursa-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva (дата обращения: 06.03.2025).

NARRATIVE CONSTRUCTS AS A UNIT OF POST-IDEOLOGY

Zakurdaeva Natalia Vyacheslavovna,

Candidate of Philology,

member of The Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Orel, Russia

Abstract. The article examines the narrative construct as a basic unit of post-ideology, and identifies its distinctive features in comparison with the ideologeme. The author comes to the conclusion that narrative constructs replace rigid ideological doctrines, forming a picture of the world through the manipulation of emotions and cognitive distortions.

Key words: ideologeme, narrative construct, ideology, post-ideology, soft power.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ СКОРОГОВОРОК: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАЦИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Заяц Анна Александровна,
кандидат филологических наук, доцент Педагогического института Владивостоксого государственного университета, г. Владивосток, Россия,
Рзаева Кёнуль Абдуллаевна,
студентка Педагогического института Владивостокского государственного университета, г. Владивосток, Россия

Аннотация. Статья посвящена фонетическим и лексическим особенностям английских скороговорок. Скороговорки рассматриваются как средство тренировки произношения и артикуляции, использующее аллитерацию и ассонанс для создания мелодичности. Лексика скороговорок включает необычные слова и культурные отсылки, что делает их интересными для изучения языка. Сравнительный анализ показывает, как различные варианты языка влияют на восприятие скороговорок, включая различия между британским и американским английским.

Ключевые слова: скороговорки, фонетические особенности, лексические особенности, различные вариации английского языка, тренировка произношения

Тема исследования весьма актуальна, поскольку скороговорки занимают уникальное место в языке, представляя собой не только развлечение, но и важный инструмент для изучения фонетических и лексических особенностей языка. В условиях глобализации и смешения культур изучение скороговорок различных вариантов английского языка становится особенно актуальным, поскольку они отражают не только фонетические характеристики, но и культурные контексты, в которых они существуют. Цель данного исследования – провести сравнительный анализ фонетических и лексических особенностей английских скороговорок, учитывая различные варианты языка. Исходя из этой цели, были определены следующие задачи исследования:

- Определение понятия скороговорок и их функций.
- Изучение истории скороговорок и их эволюции.
- Анализ фонетических характеристик скороговорок.
- Исследование лексических особенностей и культурных факторов, влияющих на выбор слов в скороговорках.

Скороговорка – это фраза или предложение, состоящее из труднопроизносимых слов или звуков, предназначенное для тренировки дикции и произношения [Николаева, 2020, с. 202]. Они выполняют различные функции: развлекательную, образовательную и культурную, улучшают артикуляцию.

Изначально скороговорки использовались как развлечение и средство обучения. Со временем они адаптировались к различным культурным контекстам, отражая изменения в языке и обществе. Первые скороговорки встречаются в древнегреческой и римской литературе. В трудах Платона можно найти упоминания об упражнениях, которые включали в себя сложные звуковые конструкции. Они помогали ораторам развивать дикцию и уверенность на публичных выступлениях. С течением времени скороговорки начали

эволюционировать, адаптируясь к культурным и языковым изменениям. В средние века они стали популярными среди бродячих актеров, которые использовали их в своих выступлениях для привлечения внимания зрителей. В это время скороговорки становились всё более разнообразнее, отражая местные обычаи. В XIX веке скороговорки получили новую волну популярности благодаря развитию печати. Появление книг способствовало распространению скороговорок среди широкой аудитории. Они начали использоваться не только как развлечение, но и как инструмент для обучения детей, развивающий артикуляцию [Николаева, Портнова, 2020, с. 202]. В XX веке педагоги стали понимать, насколько полезны скороговорки для развития речевых навыков, улучшения дикции.

Сейчас скороговорки представляют собой интересный лингвистический феномен, характеризующийся уникальными фонетическими свойствами.

Ключевые особенности английских скороговорок:

1. Многие скороговорки включают труднопроизносимые согласные, требующие точной артикуляции [Сосновцева, 2020, с. 292]. Например, скороговорка "She sells seashells by the seashore" содержит множество звуков /s/ и /ʃ/ в близком расположении, что требует правильного положения языка и контроля потока воздуха.

2. Аллитерация. Скороговорки часто используют аллитерацию, когда один и тот же звук согласной повторяется в начале слова. Это не только добавляет ритм, но и увеличивает сложность артикуляции. Примером может служить "Peter Piper picked a peck of pickled peppers", где повторение звука /p/ создает запоминающуюся, но сложную фразу.

3. Ассонанс. Повторение гласных звуков в скороговорках способствует их фонетической текстуре. Например, в "A big black bug bit a big black bear» повторение коротких гласных /ɪ/ и /ʌ/.

Произношение скороговорок требует усиленную координации между артикуляционными органами – губами, языком и мягким небом. Это проявляется несколькими способами:

1. Многие скороговорки содержат быстрое чередование различных типов звуков, что создает значительные требования к артикуляции [Колесова, 2020, с. 210]. Например, "How can a clam cram in a clean cream can?" включает быстрые смены между различными гласными и согласными, усложняя произношение.

2. Скороговорки часто используют как длинные, так и короткие слоги, что требует точного контроля над поддержкой дыхания и артикуляцией. Это может привести к усталости мышц речи при многократном повторении.

Ритмическая структура скороговорок играет ключевую роль в их произнесении [Николаева, 2020, с. 202]. Скороговорки часто обладают отчетливым ритмом, который помогает запоминанию. Они обычно произносятся на высокой скорости, что добавляет сложности для говорящих. Увеличенный темп требует быстрой артикуляции, что может привести к ошибкам при недостаточной практике.

Лексический состав скороговорок включает часто употребляемые слова, которые могут быть труднопроизносимыми из-за их фонетической структуры [Лазарева, 2023, с. 195]. Есть такие слова с несколькими согласными подряд или

сложными сочетаниями гласных, которые часто встречаются в скороговорках. Вот несколько моментов, о которых точно стоит знать:

1. Частотность использования: Обычно в скороговорках можно встретить определенные слова, которые повторяются нередко. Так можно легко запомнить скороговорку и правильно произносить её.

2. Уровень трудности: В скороговорках могут быть как простые, так и сложные слова. Но даже сложные слова имеют особенности, которые делают их легче для произнесения.

Анализ показывает, что главным образом в английских скороговорках встречаются следующие типы слов:

1. Глаголы. Они задают динамику скороговорке. Например, слова "sell", "pick", "bite". А в скороговорке "Peter Piper picked a peck of pickled peppers", слово "picked".

2. Существительные. Указывают на предметы, чтобы сделать фразы более яркими. Часто встречаются такие слова, как "shells", "bugs", "dogs". Сюда можно отнести скороговорку "She sells seashells by the seashore".

3. Прилагательные. Они добавляют выразительности. Например, слова "big", "black", "clean" помогают создать определенный образ. К примеру: "A big black bug bit a big black dog".

Английский язык очень популярен. Он имеет отличия в своём многообразии и изменениях. За много веков английский язык изменялся и подстраивался под другие культуры в Англии. Из-за этого появились разные диалекты и акценты.

Разные вариации в языке можно услышать в речи носителей. Основные: британский, американский, австралийский и канадский. Каждый из них особенный.

В английском языке разнообразная лексика очень важна в скороговорках.

В британских скороговорках есть слова и фразы, в которых можно увидеть культуру и традиции страны. Например, скороговорка "Betty Botter bought some butter" показывает, как слово " butter" может быть связано с местной кухней.

В американских скороговорках можно заметить, как фразы связаны с повседневной жизнью. Например, в скороговорке "How can a clam cram in a clean cream can? " слово "clam" хорошо известно американцам, так как это популярный морепродукт на побережье. Это подчеркивает, как местная еда влияет на язык.

Австралийский английский особенно отличается от других вариантов, так как в нем отражаются местные растения и животные. Например, скороговорка "A big black bug bit a big black dog" может быть адаптирована на австралийский лад с использованием слов, связанных с местными животными, такими как "kangaroo" (кенгуру) или "koala" (коала). Это показывает, как лексика скороговорок может менятся в зависимости от географического положения.

Для более глубокого понимания лексической вариативности можно провести сравнительный анализ скороговорок разных видов. Например:

1. Сравнение аллитерации. В некоторых вариациях английского аллитерация может сильно выделяться. Обычно выражается это ритмичностью и мелодичностью, например, в южно-британском, ирландском и шотландском. В

то время как в американском, австралийском и канадском акцент может быть сделан на семантике слов.

2. Изучение фонетических особенностей. Различия в фонетике также могут влиять на выбор слов. Например, некоторые слова могут произноситься по-разному в некоторых регионах. Это может затруднить их использование в скороговорках.

Таким образом, скороговорки очень важны для дальнейшего изучения в социальной и культурной лингвистике. Они не только демонстрируют фонетические и лексические аспекты языка, но также отражают культурное единство носителей языка.

Список литературы

Колесова Е. В. Использование органов речи при коррекции/формировании навыков английского произношения // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов XII всероссийской научно-практической конференции с международным участием / сост. Г. А. Никитина. – Саратов: ИД "Саратовский источник", 2020. – С. 209-214.

Лазарева А. С. Обучение чтению многоязычных детей и взрослых на основе использования скороговорок / А.С. Лазарева, А.А. Прохорова, Л.Ю. Путятина // Язык и культура. – 2023. – № 63 – С. 187-206.

Николаева Н. Т. Роль скороговорок в изучении английского языка студентами неязыковых факультетов / Н. Т. Николаева, П. Портнова // Applied science of today: problems and new approaches. Сборник статей II Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 27 февраля 2020 года) / отв. ред.: И.И. Ивановская. – Петрозаводск: ИД «Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. – С. 201-204.

Сосновцева Т. И. Артикуляционная гимнастика как подготовительный этап в работе над постановкой английского произношения // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2020. – №13. – с. 291-295.

PHONETIC AND LEXICAL FEATURES OF ENGLISH TONGUE TWISTERS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF DIFFERENT VARIANRS OF ENGLISH LANGUAGE

Zayats Anna Alexandrovna,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Teacher's Training College
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia
Rzaeva Kenul Abdullaevna,
Student of the Teacher's Training College
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Abstract. The article is devoted to the phonetic and lexical features of English tongue twisters. Tongue twisters are considered as a means of training pronunciation and articulation, using alliteration and assonance to create melody. The vocabulary of tongue twisters includes unusual words and cultural references, which makes them interesting for language learning. A comparative analysis shows how different variants of language affect the perception of tongue twisters, including the differences between British and American English.

Key words: tongue twisters, phonetic features, lexical features, different variants of English, pronunciation training.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА С. ТЁРТОНА «СЕМЬ СМЕРТЕЙ ЭВЕЛИНЫ ХАРДКАСЛ»

Исмагилова Гульшат Рустамовна,
студентка отделения филологии и истории
Елабужского института
Казанского (Приволжского) федерального университета
г. Елабуга, Россия
Поспелова Надежда Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Елабужского института
Казанского (Приволжского) федерального университета
г. Елабуга, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию уникального сочетания культурных и языковых особенностей, представленных в романе британского писателя С. Тёртона. В статье рассматриваются способы передачи авторского замысла через использование определённых стилистических приёмов и языковой игры. Исследование демонстрирует, как эти аспекты влияют на восприятие текста читателями разных стран и культур, делая роман интересным объектом межкультурного анализа.

Ключевые слова: С.Тёртон, «The Seven Deaths of Evelyn Hardcastle», лингвокультуроведческие особенности, детектив, анализ, персонаж.

В настоящее время лингвисты, лингвокультурологи уделяют достаточно много внимания информативному потенциалу лингвоконструктов, лингвокультуроведческому анализу текста [Поспелова, 2023, с. 39].

Роман британского писателя Стюарта Тёртона «Семь смертей Эвелины Хардкасл» (оригинальное название – The Seven Deaths of Evelyn Hardcastle) представляет собой захватывающее сочетание детектива и мистики.

«Семь смертей Эвелин Хардкасл» – это дебютный роман С. Тертона, опубликованный в 2018 году издательством Harper Collins. В основе сюжета лежит убийство, произошедшее в отдалённом английском загородном особняке семьи Хардкаслов, где подозреваемыми становятся как богатые обитатели, так и слуги. Однако С. Тёртон добавляет в роман элементы путешествий во времени, смены тел и множественных реальностей, что делает его роман уникальным. Роман получил высокую оценку критиков и был удостоен премии «Лучший первый роман» на Costa Book Prize в 2018 году и вошёл в несколько списков бестселлеров.

Сюжет романа сосредоточен вокруг событий, происходящих на старинном английском поместье. Главный герой, Айден Слоун, каждый день «перескакивает» в тело разных людей, что позволяет ему переживать один и тот же день снова и снова. Его цель – раскрыть убийство Эвелины Хардкасл, которое произошло в этом поместье. Каждая новая «смена тела» добавляет новые детали

к расследованию и усложняет поведение персонажа, поскольку он должен адаптироваться к различным обстоятельствам и личностям.

Целью данной статьи является лингвокультуроведческий анализ романа С. Тёртона «Семь смертей Эвелины Хардкасл».

Методы исследования: лингвокультуроведческий анализ, интерпретация, моделирование сюжетных линий.

Одной из особенностей романа является нелинейная структура повествования, где главный герой проживает один и тот же день семь раз, каждый раз в теле другого персонажа. Это позволяет автору экспериментировать с различными стилями речи и акцентами, отражающими индивидуальные черты каждого из персонажей.

Стиль написания С. Тертона отлично передает мрачную атмосферу и загадку убийства, заставляя читателя постоянно гадать и строить догадки о том, кто же на самом деле убил Эвелину.

Основные темы романа – судьба, свобода выбора и ответственность за свои поступки – тесно связаны с лингвокультурными особенностями. Главный герой вынужден проживать одну и ту же ситуацию снова и снова, пытаясь разгадать тайну смерти Эвелины Хардкасл.

Этот сюжетный ход позволяет автору исследовать вопрос предопределенности и возможности изменить свою судьбу. Тёмная атмосфера романа усиливается благодаря использованию стилистических приемов, которые создают ощущение прошлого, от которого невозможно убежать. Язык становится средством выражения тревоги и страха перед неизвестностью, что делает чтение ещё более захватывающим [Поспелова, 2024, с. 58].

Например, речь аристократа отличается изысканностью и формальностью, тогда как слуга или рабочий человек говорит проще и грубее. Эти языковые особенности помогают читателю лучше понимать социальное положение и менталитет персонажей, что особенно важно, когда классовое разделение было ярко выражено.

Для примера проанализируем диалог лорда Рейвенкорта и его камердинера Чарльза Канингема:

As with Bell, my skin prickles when I see Ravencourt in the mirror. Some part of me remembers my real face and is perplexed by this stranger staring back.

«We need to go to the library,» I say.

«I know where it is, my lord,» he says. «Shall I fetch you a book?»

«I'm coming with you.»

The valet pauses, frowning. He speaks hesitatingly, his words testing the ground they're tiptoeing across.

«It's a fair walk, my lord. I fear you may find it…tiring.»

«I'll manage. Besides, I need the exercise» [Turton, 2018, c. 99].

Тон общения вежливый и формальный: Оба персонажа общаются вежливо и формально, что характерно для общения между господином и слугой в аристократическом обществе. Слуга обращается к лорду с уважением, используя такие выражения, как «my lord», а лорд отвечает кратко и по делу. Слуга выражает осторожное беспокойство о том, что лорду может быть тяжело идти в библиотеку,

намекая на его возможное слабое состояние. Это показывает, что слуга не только выполняет свои обязанности, но и проявляет заботу о своем господине.

Повествование ведется от первого лица. Читатель видит мир глазами персонажа, испытывая при этом страх, панику и растерянность. Многие предложения короткие и простые, что создает ощущение стремительного течения времени и хаотичности мыслей героя. Для этого С. Тертон использует многочисленные фразеологизмы, это помогает передать стресс и дезориентацию главного героя:

«My mind has gone blank» [Turton, 2018, с. 14] – идиома «mind goes blank» используется для описания состояния, когда человек временно теряет способность мыслить или не может вспомнить нужную информацию. Это выражение часто возникает в ситуациях стресса, волнения или усталости, когда ум становится перегруженным или отвлеченным [English 5 minutes].

«I plan to dog her every step to the reflecting pool» [Turton, 2018, с. 219] – идиома «dog one's steps» значит означает для описания действия кого-либо, кто предпринял внимательно следить за кем-то.

«I explain that a strange chap in a plague doctor costume warned me to keep an eye out for a footman...» [Turton, 2018, с. 64]. Русский эквивалент идиомы «to keep an eye out» – «быть начеку», «смотреть в оба» или «держать ухо востро». Она используется, когда кто-то просит другого внимательно следить за определённой ситуацией или искать что-то конкретное. Это своего рода предупреждение оставаться бдительным и внимательным.

Также в тексте С. Тёртон использует просторечия:

«By whom, dammit?» [Turton, 2018, с. 276]. Dammit – это сильное эмоциональное восклицание, выражающее целый спектр эмоций, от самых негативных (гнев, раздражение, презрение, разочарование), до весьма позитивных (радость, положительное удивление).

«What the hell are you doing in my room?» I demand, surprising myself with this outburst [Turton, 2018, с. 85]. What the hell (какого черта) – восклицание, используемое для выражения удивления, шока, гнева, отвращения и т.д. В этой фразе «черт возьми» используется в качестве усилителя [Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus].

Действие романа происходит в Англии начала XX века, и С. Тёртон тщательно воссоздает атмосферу той эпохи. Читатель погружается в мир аристократии, с её строгими правилами этикета и сложными межличностными отношениями. Автор показывает, как социальные нормы и ожидания влияют на поведение персонажей, заставляя их скрывать истинные чувства и намерения.

Кроме того, С. Тёртон активно использует метафоры и символы, которые усиливают эмоциональную глубину текста. Например, образ особняка, в котором разворачиваются события, символизирует замкнутость и ограниченность человеческого существования. Метафорический язык помогает передать ощущение загадки и таинственности, которое пронизывает весь роман.

Например, «I make my way through the murk until I reach the edge of the forest, the trees giving way to the grounds of a sprawling Georgian manor house, its red brick facade entombed in ivy. As far as I can tell, it's abandoned. The long gravel driveway leading to the front door is covered in weeds, and the rectangular lawns either side of it are marshland, their flowers left to wither in the verge» [Turton, 2018, с. 19]. Автор использует олицетворение «trees giving way», «driveway leading to the front door» добавляет реализма и позволяет читателю представить себе заброшенную усадьбу. Описание «murk», «abandoned», «weeds» и «marshland» помогает передать ощущение запустения и упадка.

Выводы. Язык романа становится инструментом для передачи характеров и внутреннего мира героев. С. Тёртон мастерски использует лексику и синтаксические конструкции, чтобы подчеркнуть различия между персонажами.

Роман «Семь смертей Эвелины Хардкасл» – это не только увлекательный детектив, но и глубокое исследование человеческой природы и социальных норм. Лингвистические и культурные элементы, используемые автором, способствуют созданию уникальной атмосферы и обогащению сюжета. С. Тёртон демонстрирует мастерство в сочетании различных жанров и стилей, что делает его произведение интересным как для любителей детективов, так и для тех, кто ценит философские размышления о жизни и судьбе.

Список литературы

Поспелова Н. В. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «амбиция» в современном английском языке / Н.В. Поспелова, Н.С. Субботина, М.С. Ачаева // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Елабуга, 20-21 октября 2023 г. / под ред. Е.М. Шастиной; Елабужский институт (филиал) КФУ – Елабуга, 2023. – С.39-44.

Поспелова Н. В. Моделирование лингвокультурной ситуации (на материале произведения Г.У. Лонгфелло «Скачка Поля Ревира») // Трансформация науки и образования в современном обществе: теория и практика междисциплинарных исследований»: сборник материалов I Всероссийской науч.-практической конф. 15.01.2024. – С. 56-59.

Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus – The Free Dictionary: official site. – URL: https://idioms.thefreedictionary.com/what+the+hell (дата обращения: 11.03.2025).

English 5 minutes : official site. – URL: https://english5minutes.ru/idiomy/mind-goes-blank/ (дата обращения: 11.03.2025).

Turton S. The 7 1/2 deaths of Evelyn Hardcastle. – Naperville, Illinois: Sourcebooks Landmark, 2018.

LINGUACULTURAL FEATURES OF S. TURTON'S NOVEL «THE SEVEN DEATHS OF EVELYN HARDCASTLE»

Ismagilova Gulshat Rustamovna,
a student of the Department of Philology and History of Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga, Russia
Pospelova Nadezhda Vladimirovna,
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication at Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of a unique combination of cultural and linguistic features presented in the novel by the British writer S. Turton. The article discusses ways to convey the author 's idea through the use of certain stylistic techniques and language play. The study demonstrates how these aspects affect the perception of the text by readers from different countries and cultures, making the novel an interesting object of intercultural analysis.

Key words: S. Turton, «The Seven Deaths of Evelyn Hardcastle», linguistic and cultural features, detective, analysis, character.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ КАУЗАЛЬНЫХ КОННЕКТОРОВ *DENN, DA* И *WEIL* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Калятин Игорь Сергеевич,
кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия
Бирюкова Евгения Викторовна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматривается выражение каузальности в немецком языке. Определяются значение и функции данной категории. При этом необходимо учитывать, что понятие каузальности в лингвистике представляет собой широкое понятие, поэтому главный акцент делается на анализе семантических различий каузальных коннекторов *denn, da* и *weil.*

Ключевые слова: каузальность, семантика, прагматика, каузальные коннекторы, немецкий язык.

Прежде чем перейти к семантическим различиям каузальных коннекторов *denn, da* и *weil*, следует сначала дать толкование понятию каузальности.

Немецкий лингвист Х. Блюдорн [Blühdorn, 2006], давая определение каузальным связям, ссылается на классическую статью Вольфганга Штегмюллера «Проблема каузальности» [Stegmüller, 1974, с. 17], в которой ученый пишет следующее: «… так, современный физик не только бы не отрицал, что для каждого события имеется адекватное каузальное объяснение, но и, вероятно, выдвигал бы

более отчетливый тезис о том, что отсутствие события также имеет научно обоснованное каузальное объяснение». Если бы речь шла о каузальности вне лингвистического контекста, то мы могли бы на этом закончить наши рассуждения. Однако, с точки зрения лингвистики нас интересуют не каузальные связи между событиями, а причинные связи между предложениями. Но что следует понимать под причиной и следствием в лингвистическом контексте?

В тексте В. Штегмюллера [Stegmüller, 1974, с. 8] можно найти фрагмент, который Х. Блюдорн цитирует с небольшими изменениями: «Предположим, что дом обрушается вследствие того, что в ходе строительных работ в подвале удаляется несущая конструкция. Тогда говорят, что удаление той несущей конструкции было причиной обрушения дома. Однако ясно, что несмотря на несущую конструкцию дом ни коим образом не обрушился бы, если бы он обладал другими характеристиками. Если бы, например, структура дома была бы таковой, что сохранение его устойчивости не предполагало бы несущих конструкций, то тогда бы ничего не произошло. Следовательно, если мы обозначаем удаление той несущей конструкции как причину обрушения, то тогда речь идет по сути дела о полностью одностороннем описании процесса. В действительности, удаление несущей конструкции должно столкнуться с большим количеством факторов, чтобы вызвать обрушение дома. Тем не менее, эти и другие факторы вообще не были упомянуты». Выше приведенное соображение становится понятным, если мы говорим о сильной избирательности в выборе каузальных объяснений. Из большого количества факторов, которые должны участвовать для того, чтобы наступило определенное событие, выбирается в зависимости от актуальной ситуации один-единственный фактор, рассматриваемый как причина данного события. При этом характерные для данного фактора уникальность и ответственность, как правило, не утверждаются. На выбор скорее влияет прагматическое ограничение, смысл которого заключается в том, что мы не знаем всех факторов, играющих определенную роль в данной ситуации, и/или что это было бы нерелевантно, их все вместе перечислять.

С лингвистической точки зрения, понятие причины представляет собой не то, что в неязыковом контексте вызывает следствие, а то, что посредством языкового маркирования соотносится с категорией следствия (то, что в языке фиксируется как причина). Согласно Штегмюллеру [Stegmüller, 1974, с. 17], причинность абсолютно не может быть обнаружена вне языка. Она может быть утверждена только в отношении языка.

Отражение причин в повседневности часто следует принципу *post hoc ergo propter hoc* („danach, also aus diesem Grunde»), который в логике расценивается как ошибочный вывод [Kondakow, 1983, с. 387]. В языковом отношении этот принцип укоренился в этимологии некоторых каузальных маркеров. Так, причинный подчинительный союз *weil* происходит от темпорального существительного *die Weile*; причинный сочинительный союз *denn* восходит к темпоральному наречию *denn/dann*. Однако, большинство каузальных маркеров происходит от слов, выражающих не временное, а пространственное значение: так, например, предлог *wegen* образован от существительного *der Weg*, предлог

infolge происходит от глагола *folgen* (временное значение которого, в свою очередь, восходит к пространственному значению), подчинительный союз *da* изначально является пространственным наречием, предлог *durch* является прежде всего пространственным предлогом, *halb* и *halber* изначально имеют значение „räumlich danebenliegend» [Pfeifer, 1989].

За этим кроется общая последовательность трех способов рассмотрения, которые Х. Блюдорн обозначает как ситуативный, кондиционный и каузальный подходы. Ученый рассматривает в этой связи следующие примеры [Blühdorn, 2006]:

(1) Wo der Eingang liegt, ist die Tapete rot.

(2) Wo das Loch ist, kann ich nicht fahren.

В обоих случаях речь идет о соотношении двух положений: в определенном месте пространства находится вход, перед которым лежит красный ковер; в определенном месте проезжей части есть яма, и здесь говорящий не может ехать. Оба положения могут быть совершенно самостоятельными, что по всей видимости верно, если мы посмотрим пример (1). Однако, в примере (2) содержание главного предложения посредством модальности соотносится с условием, содержащимся в придаточном предложении: *kann nicht* означает, что имеется достаточное количество встречных условий. Соответственно, представляется очевидным, толковать описанное в придаточном предложении содержание как одно из релевантных встречных условий. Таким образом, происходит переход от ситуативного способа рассмотрения к кондиционному.

Условия могут в разной степени способствовать или препятствовать наступлению следствий. Тем самым следствия приобретают модальные показатели: возможность, необходимость, неопределенность или невозможность. Кроме того, следствия могут принимать вероятностное значение: то, что является необходимым, возможным или неопределенным, может приобретать положительное вероятностное значение, т.е. может возникнуть. То, что представляется невозможным, возможным или неопределенным, может получать отрицательное вероятностное значение, т.е. может не наступить. Результат действия, которому приписывают положительное или отрицательное вероятностное значение, называется следствием; условия, определяющие значение вероятности наступления следствия, называются причинам. Яма в примере (2) является не только встречным условием для езды, но и причиной ее фактического ненаступления: Ich kann da nicht fahren, wenn da ein Loch ist, und ich fahre da nicht, weil da das Loch ist. Таким образом, происходит переход от кондиционного подхода к каузальному.

Следующим шагом стало рассмотрение интерпретаций каузальных коннекторов. Каузальные отношения могут быть формально представлены в виде схем А → В либо А ← В в зависимости от логико-семантической структуры распределения компонентов каузальной пропозиции.

Согласно Еве Свитцер [Sweetser, 2012, с. 76], каузальные связи могут быть истолкованы разными способами. Так, предложение *Peter bleibt zu Hause, weil es so stark regnet.* может быть перифразировано по меньшей мере тремя способами:

(a) Peter bleibt zu Hause, und der Grund dafür ist die Tatsache, dass es so stark regnet.

(b) Ich bin überzeugt davon, dass Peter zu Hause bleibt, und der Grund für diese Überzeugung ist mein Wissen um die Tatsache, dass es so stark regnet.

(c) Ich ordne an, dass Peter zu Hause bleibt, und der Grund für diese Anordnung ist meine Bewertung der Tatsache, dass es so stark regnet.

Предложение (a) я трактую как диспозициональное, (b) – как эпистемологическое и (c) как деонтичное. Главное различие между этими подходами заключается в альтернативных по отношению к подчинительному союзу *weil* способах грамматической связи причины и следствия. В примере (a) речь идет о двух значениях, одно из которых определяется как следствие, а другое – как причина, вызывающая данное следствие. Другие авторы говорят в этой связи о реальных причинах [Zifonun, 1997]. В примере (b) сообщаемое говорящим умозаключение обосновывается во второй части предложения. Соответственно в данном случае говорят о познавательных причинах (ср. там же). В примере (c) речь идет о постановлении и о мотиве, оправдывающем данную установку. В литературе данное прочтение называют иллокутивным [Sweetser, 2012, с. 77; Keller, 2009, с. 21]. В соответствии с вышеописанными способами грамматической связи причины и следствия подчинительный союз *weil* можно рассматривать с трех точек зрения: диспозциональной, эпистемологической и деонтично-иллокутивной. Диспозициональная трактовка не носит модальный характер, в то время как эпистемологический и деонтичный подходы являются модальными.

Дальнейшим шагом стало выявление языковых инструментов выражения каузальности. В своем корпусном исследовании Е. Брейндль и М. Вальтер [Breindl, Walter, 2009] показывают, что существует множество лингвистических средств, которые могут быть использованы для выражения причинности. К первой группе таких средств ученые причисляют лексические маркеры (*Grund, Ursache, Folge, bedingen, auslösen, mit sich bringen, zur Folge haben* и т.д.), которые уже в самих себе обнаруживают признаки каузальности. Другой возможностью передачи причинно-следственных отношений представляются синтаксические конструкции (каузативные конструкции с глаголом *lassen*) и определенные способы словообразования (как например в глаголах *schwärzen* или *fällen*). Однако самый богатый инвентарь лингвистических средств, кодирующих каузальные отношения, представлен на грамматическом уровне языка.

Система немецкого языка характеризуется большим арсеналом языковых единиц, при помощи которых в тексте могут быть актуализированы причинно-следственные связи. К ключевым средствам выражения каузальности относятся союзные коннекторы, адвербиальные коннекторы и предлоги. На основании корпусного исследования, предметом которого стал анализ полного спектра каузальных маркеров, Е. Брейндль и М. Вальтер [Там же] выделяют ряд языковых средств репрезентации каузальности, которые мы приводим в нижеследующей таблице [Там же] (Таблица 1).

Таблица 1 – Маркеры каузальности

Семантический класс / **Синтаксический класс**	**Полужирным выделены коннекторы, передающие каузальность в узком значении**
Союзные коннекторы	*alldieweil* ***da*** *dadurch dass* ***denn*** *nachdem* *sintemalen* ***weil*** *wo* *zumal*
Адвербиальные коннекторы	*doch* *ja* ***nämlich*** *schließlich*
Предлоги	*angesichts* ***aufgrund*** *durch* *halber* *infolge* ***wegen*** *zufolge* *zuliebe*

На заключительном этапе была предпринята попытка теоретического описания каузальных коннекторов *denn*, *da* и *weil* в современном немецком языке, которые также иллюстрируются примерами употребления данных языковых средств. При описании коннекторов акцент делается главным образом на лингвистических исследованиях и грамматиках немецкого языка: G. Zifonun, H. Weinrich, U. Engel, J. Buscha [Zifonun, 1997; Weinrich, 2007; Engel, 2009; Buscha, 1989] и др. В результате анализа коннекторов *denn, da* и *weil* были сделаны следующие выводы:

Коннектор *denn:*

– сообщает неизвестную для адресата информацию;

– выполняет функцию обоснования;

– предложения с *denn* всегда занимают постпозицию по отношению к главному предложению;

– использование предложения с *denn* является некорректным в качестве ответа на вопросительное предложение с вопросительным словом *warum.*

Коннектор *weil:*

– с одной стороны причина и следствие могут быть новыми для адресата, с другой стороны следствие может представлять для адресата уже известную информацию;

– предложения с *weil* содержат каузальные объяснения

– корреляты, которые используются только в сочетании с *weil (deshalb, deswegen, darum, daher, aus dem Grund);*

– предложения с *weil* могут занимать как пост-, так и препозицию по отношения к главному предложению;

– единственный корректный вариант ответа на вопросительное предложение с вопросительным словом *warum;*

– придаточное с *weil* с прямым порядком слов рассматривается в рамках эпистемологической трактовки.

Коннектор *da:*

– причина уже известна адресату (или может быть выявлена исходя из контекста высказывания), в то время как следствие представляет собой новую информацию;

– выражает аргументированное обоснование;

– корреляты, которые никогда не могут сочетаться с союзом *da (deshalb, deswegen, darum, daher, aus dem Grund);*

– предложения с *da* могут занимать как пост-, так и препозицию по отношения к главному предложению;

– предложения с *da* воспринимаются как некорректный ответ на вопросительное предложение с вопросительным словом *warum.*

Список литературы

Blühdorn H. Kausale Satzverknüpfungen im Deutschen. Pandaemonium germanicum // Pandaemonium germanicum. – 2006. – № 10. – S. 253-282.

Breindl E. Der Ausdruck von Kausalität im Deutschen: eine korpusbasierte Studie zum Zusammenspiel von Konnektoren, Kontextmerkmalen und Diskursrelationen / E. Brendl, M. Walter / Band 38. Mannheim: IDS, 2009. – 192 S.

Buscha J. Lexikon deutscher Konjunktionen. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1989. –159 S.

Engel U. Deutsche Grammatik. – Berlin: Iudicium, 2009. – 488 S.

Keller R. The epistemic „weil» // D. Stein, S. Wright Subjectivity and Subjectivisation. Linguistic perspectives. – Cambridge University Press, 2009. – P. 16-30.

Kondakow N.I. Wörterbuch der Logik / E. Albrecht, G. Asser. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983. – 832 S.

Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, 3 Bde. – Berlin: Akademie, 1989. – 864 S.

Stegmüller W. Das Problem der Kausalität. Aufsätze zur Wissenschaftstheorie. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1974. – S. 1–20.

Sweetser E. From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. – Cambridge University Press, 2012. – 174 p.

Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache / M. Thurmair, E. Breindl und Eva-Maria Willkop. – Mannheim: Georg Olms Verlag, 2007. – 1112 S.

Zifonun G. Grammatik der deutschen Sprache / L. Hoffmann, B. Strecker, 3 Bde. – Berlin: de Gruyter, 1997.

SEMANTIC DIFFERENCES BETWEEN CAUSAL CONNECTORS *DENN*, *DA* AND *WEIL* IN GERMAN LAUNGUAGE

Kalyatin Igor Sergeevich,
Candidate of Philology, lecture of the Department of German Studies and Linguistic Didactics of Institute of Foreign Languages
Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of expression of the causality in German language. The author defines the meaning and the function of this linguistic category. He takes account of the fact that the concept of causality in linguistic is a broad concept so in this paper the author focuses on the analysis of semantic differences between causal connectors *denn*, *da* and *weil.*

Key words: causality, semantics, pragmatics, causal connectors, German language.

МАРКЕРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА ДИСКУРСИВНОЙ ДОМИНАНТЫ «РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ЖУРНАЛА «RUSSIAN TRAVELER»)

Колядин Антон Валерьевич,
старший преподаватель подготовительного отделения для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию маркеров лингвокультурного кода, вербализирующих дискурсивную доминанту «Российская провинция» в статьях научно-популярного журнала «Russian Traveler» о городах Нижегородской, Тверской и Тульской областей. Целью данной статьи является изучение различных категорий маркеров, включающих в себя лингвокультуремы, идиоматические выражения и паремии, используемых авторами статей для вербализации концептов-доминант КД «Достопримечательности», КД «Архитектура», КД «Природа», КД «Еда», КД «Сувенирная продукция», КД «История», формирующих исследуемую дискурсивную доминанту «Российская провинция». Результаты проведенного анализа публицистических текстов позволили выявить частотность использования вышеуказанных категорий маркеров лингвокультурного кода, определить категорию вербализаторов дискурсивной доминанты, представленную лексемами-заимствованиями, что не позволяет в настоящее время отнести их к категории маркеров лингвокультурного кода, а также обозначить возможные направления для проведения дополнительных исследований.

Ключевые слова: маркеры лингвокультурного кода; дискурсивная доминанта; концепт-доминанта; лингвокультуремы; идиоматические выражения; паремии; лексемы-заимствования

В последние годы с развитием в России внутреннего туризма увеличилось количество статей в научно-популярных журналах, освещающих различные аспекты путешествий по стране и описывающих красоты местных

достопримечательностей. Данные публикации, в свою очередь, стали источником эмпирического материала для проведения исследовательских работ, целью которых является исследование специфики репрезентации концептосферы «Путешествие» публицистического дискурса, в особенности лингвокультурной информации, заложенной в формирующих ее дискурсивных доминантах.

В настоящей статье представлены результаты исследования маркеров информативного кода дискурсивной доминанты «Российская провинция», в основе которого лежит анализ текстов статей научно-популярного журнала «Russian Traveler», повествующих о городах Тверской, Нижегородской и Тульской областей (или, как их называют авторы статей, «губерний»). Для этого были изучены следующие публикации: Ю. Сонина «Путешествие по Тверской области: что смотреть, куда идти, где есть» [Сонина, 2024], П. Сурнина «Маршрут: Нижегородская область» [Сурнина, 2024], В. Мелешко «Горький на сладкое: выходные в Нижегородской области» [Мелешко, 2024], Russian Traveler «Маршрут на выходные: Бологое – Осташков – Торжок» [Russian Traveler, 2023], И. Васин «За своим самоваром: чем заняться в Туле и области» [Васин, 2022].

Следует отметить, что семантика понятия «провинция», под которой до недавнего времени понималось «административно-территориальная единица; местность, территория страны, удаленная от крупных центров» и ассоциирующаяся с понятием «глубинка» (*приехать из глубинки; глухая провинция*) [Ожегов, 2025], в настоящее время претерпевает изменения за счет возрастающего к ней интереса со стороны туристов и, как следствие, модернизации многих аспектов существования. Таким образом, в дискурсивной доминанте «Российская провинция» наблюдается коллаборация вербализаторов, несущих в себе значение истории и старины с вербализаторами современности и модных тенденций.

В настоящем исследовании под дискурсивной доминантой понимается когнитивный информативный конструкт, состоящий из двух и более концептов-доминант, функционирующих в дискурсе (*определение автора*).

Изучение концептов-доминант основывается на определении понятия «концепт», сформулированном Ю.С. Степановым, который определял его как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 1997].

Также в исследовании используется научный подход С.В. Ивановой, которая определяет язык как репрезентат лингвокультурного кода, имеющего комплексный характер, обусловленный комплексным взаимодействием двух неотъемлемых частей: языка и культуры. Ученый отмечает, что выполнение языком функции лингво-культурного кода достигается посредством культурологической компоненты, которая, в свою очередь, «является индикатором культурологической маркированности языковых единиц, т.е. показателем существования языка как лингво-культурного кода» [Иванова 2003, с. 6-7]. Подобного мнения также придерживаются В.М. Савицкий и Е.В. Черкасова, определяя лингвокультурный код как результат объединения культурного и вербального кодов, в процессе которого система образов внутри культуры воплощается в естественном языке [Савицкий, 2023, с. 4356].

Исходя из общего научного понимания незавершенности (открытости) списка культурных кодов [Маслова, 2012, с. 356], в рамках проведенных исследований были определены формирующие дискурсивную доминанту «Российская провинция» концепт-доминанты, несущие в себе различные лингвокультурные коды. К данным концепт-доминантам относятся: КД «Достопримечательности», КД «Архитектура», КД «Природа», КД «Еда», КД «Сувенирная продукция», КД «История».

Как показал анализ текстов статей, вербализация лингвокультурного кода исследуемой дискурсивной доминанты и составляющих ее концепт-доминантов происходит посредством использования в публицистическом дискурсе таких категорий языковых маркеров как *лингвокультуремы*, под которыми понимаются языковые единицы информативного поля публицистического текста, используемые автором для номинации феномена, характерного для определенной культуры [Колядин, 2024, с. 24], а также *идиоматические выражения* и *паремии*.

Также было определено, что в публикациях 2022-2024 года авторы используют лексемы-заимствования, наделенные дополнительными имплицитными смыслами, позволяющими отнести их к лексике, использование которой способствует номинации дискурсивной доминанты «Российская провинция». Выявление подобного типа маркеров, не относящихся на текущий момент к культурному слою русскоязычной картины мира, позволяет говорить об актуальности и новизне проводимых исследований.

Наиболее часто для создания образа Российской провинции авторы анализируемых статей прибегают к использованию лингвокультурем.

Так, для номинации КД «Достопримечательности», включающей в себя музеи, парки, усадьбы и другие локации, применяются топонимы, известные многим носителям русской культуры (*кремль, центральная Соборная площадь, кафедральный собор Воскресенья Христова, Краеведческий музей, Саровская пустынь, Серафимо-Дивеевский женский монастырь, святая Канавка, Село Большое Болдино, Дятловы горы, Серафимова земля, Тульский оружейный завод, Успенский собор, музей-заповедник Поленова, «Ясная Поляна»* и др.), а также лексические единицы, наделенные пространственными семантическими значениями с культурным информационным кодом (*старинная усадьба, путевой дворец, родовое имение, подворье, дом-музей, флигель, барский дом, конюшня с каретником, амбар, людская и вотчинская конторы, святые источники, купальни, губернаторский дом, манеж, столица самостоятельного княжества, губерния, провинциальный городок, южные рубежи* и др.).

(1) ***Село Большое Болдино*** *почти четыре века принадлежало роду Пушкиных, но прославилось оно в эпидемию холеры* [Сурнина, 2024].

(2) По дороге к ***«Екатериновке»*** *находится обязательная к посещению* ***церковь Рождества Богородицы****, построенная в конце XIV века в память о победе на* ***Куликовом поле*** [Сонина, 2024].

Архитектура провинциальной России характеризуется особенностями декора, что находит отражение в лингвокультурных маркерах, объективизирующих КД «Архитектура»: *провинциальная архитектура, резной*

деревянный иконостас, монохромные фрески в трехмерной технике гризайль, прихотливая кружевная резьба, традиции местной глухой резьбы, резное кружево купеческих особняков, ажурная деревянная станция Куженкино и др.

(3) ***Резное кружево*** *украшает многие* ***купеческие особняки****, рассыпанные по старым улицам, – стоит увидеть филигранный дом Синицына, дом Ханыкова, дом Твердова в стиле ампир и усадьбу купца Попова-Щетинина, доказывающие, что при должном устремлении здания в торжественном классическом стиле вполне можно строить и из дерева* [Мелешко, 2024].

Подобный декор характерен историческим постройкам малых городов России, в которых сохранились еще уютные деревянные домики, словно сошедшие с полотен В.Д. Поленова, что позволяет окунуться в прошлое и услышать «преданья старины глубокой».

Спокойствие, умиротворение и так не хватающую городскому жителю близость к природе придают образу провинциальной России такие лингвомаркеры как *живописные места, реки Волга, Тверца, Мста, реки для сплава, на берегу Волги, вековые липы, беседки и пруды, Болдинская осень* и др., вербализирующие КД «Природа». Их восприятие трудно передать и еще труднее понять носителям иноязычной картины мира, что, на наш взгляд, объясняется уникальной культурной информацией, воспеваемой русскими поэтами и передающейся из поколения в поколение русскими людьми.

(4) Они [музейно-туристические комплексы] очень комфортны и обычно расположены ***в живописных местах, у рек или вблизи леса*** [Сонина, 2024].

Отдельно следует выделить входящую в дискурсивную доминанту «Российская провинция» КД «Еда», поскольку каждый регион, область и даже город России знамениты каким-то гастрономическим блюдом. Таким образом, к лингвокультурным маркерам, репрезентующим провинциальную Россию, можно отнести следующие: *калитка (*карельский открытый пирожок – прим. автора)*, местный сыр, золотая луковица и белый гусь* (символы города Арзамасс и местные кулинарные изыски – примеч. автора), *новоторжская пастила, тульский пряник, булочка-веневка, белевская пастила* и др.

(5) Хороша и фирменная ***булочка-веневка*** *– покрытый глазурью крендель в форме буквы В, которому в центре Венева даже установлен памятник* [Васин, 2022].

КД «Сувенирная продукция» включает в себя номинации традиционных ремесленных товаров, которыми знамениты провинциальные города России. К таким номинациям, несущим в себе культурную информацию о традициях и истории страны, относятся: *рубахи из льна, плетеные корзины, глиняные горшки, фарфор, глиняная дивеевская игрушка, филимоновская игрушка, свистульки* и др.

(6) А вблизи Одоева, в селе Филимонове, возник промысел ***глиняной игрушки*** *– она так и называется* ***филимоновской*** [Васин, 2022].

Отдельно в дискурсивной доминанте «Российская провинция» следует выделить КД «История», маркерами которой могут выступать лингвокультуремы, несущие важную историческую информацию, но ввиду их малого количества объединенные в рамках единой концепт-доминанты (*станционный смотритель, паровоз, игра в рюхи, городки, бита-скалба,*

самовары, навесные замки, заслонки, старинный русский костюм, граммофон, утюг, часы, самовар, качели-карусели и др.). Полагаем, данный аспект представляет возможность проведения дополнительного научного исследования с целью сбора большего количества эмпирического материала и последующего выделения отдельных концептов-доминант.

Следующая категория маркеров лингвокультурного кода дискурсивной доминанты «Российская провинция» представлена идиоматическими выражениями. Среди них особый интерес представляют следующие: *патриархальный дух, отдохнуть от цивилизации, рвануть за город, музеи на людой вкус и интерес, в духе русских народных сказок, по городам и весям, непролазные дебри, отдельный микрокосм* и др. Данные лингвокультурные маркеры используются для вербализации всех обозначенных концептов-доминант изучаемой дискурсивной доминанты, поскольку используются для создания общего образа провинциальной России без учета тематических особенностей:

(7) Нарядный Успенский собор пока на реставрации, но уже открыта колокольня с потрясающими росписями ***в духе русских народных сказок*** [Васин, 2022].

(8) Каждое здание здесь – ***отдельный микрокосм****, но многие приезжают сюда и ради прогулки по усадебному парку: между деревьев уже видна обаятельная Таруса, что в Калужской области – в теплое время года между двумя регионами, разделенными лишь тонкой лентой Оки, снуют быстроходные катера* [Васин, 2022].

Достаточно малая по количеству отобранных образцов группа маркеров лингвокультурного кода дискурсивного концепта «Российская провинция» представлена паремиями. Учитывая большой пласт представленных в русском языке пословиц и поговорок, полагаем, данный аспект также представляет собой направление для возможных исследований. В то же время среди отобранных в статьях журнала «Russian Traveler» паремий следует отметить следующие: *в Тулу со своим самоваром; «Москва – сердце России, Петербург – ум, а Нижний Новгород – карман»; Одоев – родина слонов*.

Следует отметить, что каждая из перечисленных поговорок имеет под собой историческое обоснование: так, тульская губерния всегда славилась производством самоваров, поэтому ехать в Тулу со своим самоваром было бессмысленно. В свою очередь Одоев называют родиной слонов, потому что, по одной версии, близ города нашли кости мамонта и зуб мамонтенка, по другой – первыми, кто слепил глиняную фигурку слона, были филимоновские мастера города Одоев [Почему Одоев – родина слонов, 2023].

Как было отмечено ранее в настоящей статье, среди вербализаторов дискурсивной доминанты «Российская провинция» были выявлены лексемы-заимствования, активно используемые авторами журнальных публикаций для создания образа современной провинциальной глубинки, где происходит коллаборация истории и современности, привлекающая туристов.

К подобным лексическим единицам относятся следующие: *глэмпинг, аутентичные деревни, этнокомплекс, арт-объекты, паблик-арт, соц-арт, инсталляции, параметрический «Павильон будущего», мультимедийный музей /*

современные мультимедийные экспозиции, индустриальный кластер, гастроквартал, бутик-отель и др.:

(9) В Выксе более ста объектов ***паблик-арта****, и сам город раскрывается как выставочная галерея под открытым небом* [Сурнина, 2024].

Учитывая особенности русского менталитета, считаем возможным предположить, что отнесение данной категории языковых единиц к маркерам лингвокультурного кода дискурсивной доминанты «Российская провинция» на текущий момент является преждевременным, поскольку в них отсутствует культурная и историческая информация, присущая исследуемому концепту. Возможно, с течением времени ситуация изменится, что говорит о необходимости проведения дополнительных исследований и наблюдения за данным пластом лексики в контексте лингвокультурной вербализации дискурсивных доминант.

Таким образом, проведенное исследование показало, что дискурсивная доминанта «Российская провинция» включает в себя концепт-доминанты КД «Достопримечательности», КД «Архитектура», КД «Природа», КД «Еда», КД «Сувенирная продукция», КД «История». Маркерами лингвокультурного кода данных концептов-доминант выступают, преимущественно, лингвокультуремы, несущие в себе историческую и культурологическую информацию, известную носителям русскоязычной картины мира. В меньшем количестве вербализация дискурсивной доминанты «Российская провинция» происходит посредством использования идиоматических выражений и паремий, что предполагает необходимость проведения дополнительного исследования с использованием материалов публицистического дискурса. Также в процессе проведения исследования были выявлены лексемы – заимствования, вербализирующие дискурсивную доминанту «Российская провинция», но не относящиеся к категории маркеров лингвокультурного кода в силу отсутствия в них культурологической информации, присущей носителям русской культуры.

Список литературы

Васин И. За своим самоваром: чем заняться в Туле и области // Russian Traveler : сайт. – URL: https://rtraveler.ru/travel/russia/za-svoim-samovarom-chem-zanyatsya-v-tule-i-oblasti/ (дата обращения 17.03.2025).

Почему Одоев – родина слонов // Вести Тула : официальный сайт. – URL: https://vestitula.ru/lenta/182866 (дата обращения 17.03.2025).

Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Автореф. дис. … доктора филол. наук. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2003. – 42 с.

Колядин А.В. Информативный код публицистической сравнительно-сопоставительной проксемной модели архитектуры будущего (на материале статей журнала («Вокруг света») // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по матер. LXXXVIII междунар. науч.-практ. конф. – № 11(74). – Новосибирск: СибАК, 2024. – С. 20-28.

Маслова В.А. Числовой код в коммуникации: лингвокультурный образ числа «семь» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского / Филологические науки. – 2012. – С. 355-358.

В. Мелешко «Горький на сладкое: выходные в Нижегородской области» // Russian Traveler : сайт. – URL: https://rtraveler.ru/travel/russia/gorkij-na-sladkoe-vyhodnye-v-nizhegorodskoj-oblasti/ (дата обращения 17.03.2025).

Савицкий В.М. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор / В.М. Савицкий, Е.В. Черкасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – Выпуск 12. – С. 4351-4358.

Сонина Ю. Путешествие по Тверской области: что смотреть, куда идти, где есть // Russian Traveler : сайт. – URL: https://rtraveler.ru/travel/russia/puteshestvie-po-tverskoj-oblasti-chto-smotret-kuda-idti-gde-est/ (дата обращения 17.03.2025).

Степанов Ю.С. Концепт // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40-76.

Сурнина П. Маршрут: Нижегородская область // Russian Traveler : сайт. – URL: https://rtraveler.ru/travel/russia/marshrut-nizhegorodskaya-oblast/ (дата обращения 17.03.2025)

Толковый словарь Ожегова: электронная версия. – URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/провинция (дата обращения 17.03.2025).

Маршрут на выходные: Бологое – Осташков – Торжок // Russian Traveler: сайт. – URL: https://rtraveler.ru/travel/russia/marshrut-na-vyhodnye-bologoe-ostashkov-torzhok/ (дата обращения 17.03.2025).

MARKERS OF THE LINGUA-CULTURAL CODE OF THE DISCURSIVE DOMINANT «RUSSIAN PROVINCE» (BASED ON THE ARTICLES OF THE POPULAR SCIENCE MAGAZINE «RUSSIAN TRAVELER»)

Koliadin Anton Valerievich,
senior lecturer of the preparatory department for foreign students
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of markers of the lingua-cultural code that verbalize the discursive dominant «Russian Province» in the articles of the popular science magazine «Russian Traveler» about the cities of Nizhny Novgorod, Tver and Tula regions. The purpose of this article is to study various categories of markers, including linguoculturemes, idiomatic expressions and proverbs, used by the authors of the articles to verbalize the dominant concepts of CD «Sights», CD «Architecture», CD «Nature», CD «Food», CD «Souvenirs», CD «History», forming the discursive dominant «Russian province». The results of the analysis of journalistic texts made it possible to identify the frequency of use of the above categories of markers of the lingua-cultural code, to determine the category of verbalizers of the discursive dominant represented by borrowed lexemes, which currently does not allow them to be classified as markers of the lingua-cultural code, and also to identify possible fields for additional research.

Key words: markers of the lingua-cultural code; discursive dominant; conceptual dominant; linguoculturemes; idiomatic expressions; proverbs; lexemes-borrowings.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-ЭТНОНИМАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Кравчук Мария Ивановна,
аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета
им. И.П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются структурные особенности русских и немецких устойчивых сравнений с этнонимами в составе. Анализ структурных особенностей исследуемого субкласса фразеологизмов позволяет утверждать, что вопрос о компонентном составе устойчивых сравнений является одним из наиболее дискуссионных моментов фразеологии.

Ключевые слова: фразеологические единицы, этнонимы, структурные типы.

Изучение этнонимов всегда было важно для различных наук. Во все времена этнонимы привлекали внимание ученых, рождая поток догадок и домыслов, а с развитием науки становились предметом серьезного исследования. В своей монографии «Этнонимия славянских языков» Г.Ф. Ковалев утверждает, что этническое название (этноним) является специфической неотделимой частицей национального самосознания того или иного народа, народности или какой-либо еще этнической общности [Ковалев, 1991, с. 3].

Несмотря на это, долго время фундаментальных трудов, посвященных этнонимии, не было ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Большинство ученых в то время рассматривали этнонимию лишь как вспомогательный элемент при изучении истории языка и этногенеза того или иного народа [Богомякова, 2005, с. 9].

В немецком языкознании лишь на рубеже XIX-XX веков начали появляться работы, посвященные этнонимии. Среди них можно выделить труды немецких ученых: Laistner 1892, Hirt 1894, Kleinpaul 1910, Schönfeld 1911, Metzger 1921, Karsten 1936), но их интересовали исключительно вопросы этимологии отдельно взятых этнонимов (древние названия германских племен и народов). Особое место в развитии этнонимии немецкого языка имеет монография А. Баха (Adolf Bach «Deutsche Namenkunde», Bd.1,2 1952-1953). В своей монографии А. Бах описал способы образования германских и древненемецких названий народов, племен и жителе, кроме этого им был затронут вопрос их исторического развития [Богомякова, 2005, с. 10]. Однако стоит отметить, что на данный момент в немецком языкознании существует лишь несколько работ, посвященных проблемам этнонимии современного немецкого языка.

В отечественной науке также накопился огромный материал, который был разбросан по многим этнографическим, историческим и лингвистическим изданиям и требовал пристального критического изучения [Никонов, 1970, с. 3]. С этой целью в 1967 году в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР была создана группа ономастики, которая начала свою

работу с исследования этнонимов. По результатам их работы в 1970 году был представлен первый сборник статей под названием «Этнонимы» под общей редакцией В.А. Никонова, в который вошли не только статьи по теоретическим проблемам этнонимики как учения об этнонимах, но и конкретный материал о происхождении и значении отдельных этнонимов [Никонов, 1970, с. 3-4].

Существенный вклад в развитие этнонимики также внесли работы В.А. Никонова, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, С.С. Иванова, Г.Ф. Ковалева, Р.А. Агеевой, А.С. Герда, Е.В. Богомяковой и др.

В рамках данной статьи рассматриваются структурные особенности фразеологических единиц (далее ФЕ) русского и немецкого языков с этнонимами.

Как отмечает Е.В. Богомякова в своем исследовании, посвященном этнонимам современного немецкого языка, согласно классификации А.В. Кунина («Фразеология современного английского языка», 1972), ФЕ с компонентом-этноним можно разделить на четыре основные структурно-семантические группы. Большинство ФЕ являются номинативными, напр.: getaufter Jude (согласно исследованию Е.В. Богомяковой они составляют 47% от всего исследуемого материала). Далее следует группа номинативно-коммуникативных ФЕ с компонентом-этноним, напр.: Chinese spielen (35,5%), группа коммуникативных единиц, напр.: so schnell schießen die Preußen nicht (12%). Самой немногочисленной группой являются ФЕ с компонентом-этноним междометного характера, напр.: das haut den dicksten Neger von der Palme (5,5%) [Богомякова, 2005, с. 167].

По структурно-морфологическим признакам ФЕ с компонентом-этноним можно разделить на два типа: на единицы со структурой словосочетания и со структурой предложения. Если совместить структурно-морфологическую и структурно-семантическую классификации можно сделать следующие выводы: номинативные и номинативно-коммуникативные ФЕ имеют структуру словосочетаний, а большинство междометных и коммуникативных ФЕ (пословицы и поговорки) – структуру предложений [Богомякова, 2005, с. 167].

Наиболее распространенным структурным типом как в русском, так и в немецком языках являются словосочетания (напр.: турецкий базар, французский шик, татарский набег; spanische Dörfer, italienische Nacht, die polnische Wirtschaft). Также в данном структурном типе можно выделить конструкции, не допускающие изменений (напр.: китайская грамота) и так называемые вариативные конструкции, в которых допускаются некоторые изменения структуры без потери смысла (напр.: на английский манер → по-английски).

ФЕ с компонентом-этноним со структурой предложения в русском и немецком языках встречаются гораздо реже (напр.: Что для русского хорошо, для немца смерть.; Der Deutsche hat auf für alles ein Instrument).

Что касается частности использования ФЕ с компонентом-этноним: в немецком языке устойчивые выражения с этнонимами реже используются в разговорной речи, чем в русском.

Несмотря на наличие целого ряда исследований, посвященных фразеологии, с одной стороны и этнонимии, с другой стороны, ФЕ с компонентами-этнонимами

и производными от них как носители лингвокультурных особенностей и менталитета народа требуют комплексного исследования.

Список литературы

Богомякова, Е.В. Этнонимы современного немецкого языка: дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 222 с.

Ковалев Г.Ф. Этнонимия славянских языков: номинация и словообразование. – Воронеж: ВГУ, 1991. – 176 с.

Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы: сб. статей / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В. А. Никонов. – М.: Наука, 1970. – С. 2–33.

LINGUISTICAL FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENTS-ETHNONYMS (ON MATERIAL OF RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)

Kravchuk Mariya Ivanovna,
Postgraduate student of the chair of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin, Mozyr, Belarus

Abstract. Within the framework of this article, the structural features of Russian and German stable comparisons with ethnonyms in the composition are considered. Analysis of structural characteristics of the studied subclass of phraseologisms allows to assert that the question of the component composition of stable comparisons is one of the most controversial points of phraseology.

Key words: phraseological units, ethnonyms, structural types.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСЕН)

Криволуцкая Арина Михайловна,
студент Педагогического института
Владивостокского государственного университета,
г. Владивосток, Россия,
Заяц Анна Александровна,
кандидат филологических наук, доцент Педагогического института
Владивостокского государственного университета,
г. Владивосток, Россия

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу когнитивных метафор в текстах современных англоязычных песен. Исследуется роль когнитивной метафоры в формировании мышления и восприятия мира молодой аудиторией как связующего звена между абстрактными концепциями и конкретными образами. Данный анализ направлен на выявление метафорических конструкций, которые помогают молодежи осмыслить сложные эмоциональные и социокультурные обстоятельства.

Ключевые слова: когнитивная метафора, молодёжная культура, язык массовой культуры, молодежная англоязычная музыка, самоидентификация.

В последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес к изучению метафор в языке массовой культуры, включая музыку. Современная молодежная англоязычная музыка, как выражение актуальных интересов и проблем молодого поколения, оказывается весьма информативным полем для систематического анализа когнитивных метафор. Через свои тексты песни не только отражают повседневные переживания и социальные трансформации, но также обеспечивают уникальные механизмы для понимания внутреннего мира молодого человека.

Мы будем рассматривать, как именно метафоры стирают границы традиционного восприятия, открывая новые горизонты для выражения эмоций, как любовь, невзгоды, социальная несправедливость и идентичность. Например, метафоры, связывающие любовь с путешествием, или сложности жизни с бурей на море, предоставляют слушателям инструменты для осмысления их личных кризисов и радостей [Юрьева, 2017, с. 155].

Кроме того, данная статья акцентирует внимание на том, как использование когнитивных метафор влияет на формирование идентичности молодежи и их восприятие себя в современном обществе. Эти метафоры становятся частью языка, который позволяет молодежи наладить связь с окружающим миром, а также выразить свои чувства и мысли более ярко и доступно [Алексеева, 2016, с. 126].

Каждая песня, выбранная для анализа, отражает текущие тенденции, настроения и проблемы, с которыми сталкивается молодежь. В частности, акцент сделан на артистов, получивших широкую популярность в социальных сетях, где происходит значительная часть культурной интеграции и обмена мнениями среди молодежи. Выбор песен, которые стали «вирусными» или получили признание благодаря активному взаимодействию слушателей, позволяет исследовать, как когнитивные метафоры формируют идеи и чувства, которые наиболее близки молодежной аудитории. Важно отметить, что песни должны быть не только популярными, но и содержать глубокий метафорический слой, что делает их интересными для нашего исследования. Мы также внимательно обратили внимание на темы, которые затрагиваются в текстах, такие как любовь, самоидентификация, борьба с депрессией, социальное давление и стремление к свободе [Бажанов, 2016, с. 101].

Такой подход позволит нам не только выявить существующие когнитивные метафоры, но и понять, как они функционируют в контексте молодежной культуры. Через анализ текстов песен мы стремимся дать ответы на вопросы, касающиеся того, как молодежь понимает окружающий мир, какие чувства они испытывают и какие смыслы они вкладывают в свои переживания [Живаго, 2017, с. 32].

Для эффективного выявления и интерпретации когнитивных метафор в текстах современных молодежных англоязычных песен в данном исследовании были применены методы лексико-семантического и дискурсного анализа.

Метод лексико-семантического анализа позволяет исследовать семантические единицы и связи между ними в текстах песен. Через этот метод мы можем выявить, какие слова и выражения используются для построения метафорических образов, а также понять, как разные лексемы соединяются друг с другом для создания более сложных смыслов. Например, анализируя

использование слов, связанных с природными явлениями или путешествием, мы сможем находить ключевые метафоры, которые служат основой для передачи эмоционального содержания и глубоких переживаний персонажей песен [Юрьева, 2017, с. 156].

В дополнение к лексико-семантическому анализу, дискурсный анализ позволяет рассмотреть контекст, в котором используются те или иные метафоры. Этот подход фокусируется не только на тексте, но и на его социокультурном контексте, что дает возможность понять, как группа слушателей воспринимает определенные метафоры. Методология дискурсного анализа помогает проанализировать то, каким образом метафоры взаимодействуют с общей тематикой песен, их стилем и настроением [Бажанов, 2017, с. 13]. Данный подход также дает возможность исследовать, как различные контексты – социальные, культурные, исторические – влияют на интерпретацию метафор.

Одной из наиболее заметных когнитивных метафор является "жизнь как путешествие". Эта метафора часто встречается в текстах песен, где различные этапы жизни изображаются как часть долгого и иногда трудного пути. Например, в популярной песне «Рожденные умереть» (Born To Die) певицы Ланы Дель Рей (Lana Del Rey) в фрагменте:

(1) Don't make me sad, don't make me cry	(1) Не заставляй меня грустить, не заставляй меня плакать.
(2) Sometimes, love is not enough	(2) Иногда одной любви недостаточно,
(3) And the road gets tough, I don't know why.	(3) А путь становится тяжелым, я не знаю, почему.
(4) Keep makin' me laugh, let's go get high	(4) Продолжай смешить меня, давай накуримся,
(5) The road is long, we carry on	(5) Дорога длинна, мы продолжаем идти,
(6) Try to have fun in the meantime	(6) Попробуй получать удовольствие по пути.

Строчка «And the road gets tough» символизирует неопределенность и сложности. В таком контексте метафора путешествия позволяет слушателям ассоциировать свои переживания с общим опытом, придавая глубину и смысл личным трудностям и стремлениям [Живаго, 2017, с. 36].

Еще одним распространенным примером является метафора «Сердце как стекло». В песне «Бумажная корона» (Paper Crown) исполнителя Алека Бенджамина (Alec Benjamin) в фрагменте:

(1) A paper crown, and a heart made of glass	(1) Бумажная корона и сердце из стекла,
(2) A tattered gown, and a kingdom of ash	(2) Изодранное платье и её королевства зола,
(3) She walks alone, she can never look back	(3) Она ходит в одиночестве, не в силах оглянуться

Линия «A paper crown, and a heart made of glass» подчеркивает уязвимость чувств и эмоциональные переживания. Эта метафора не только выражает боль, но и отражает хрупкость человеческих отношений, что является актуальным в эпоху цифровых коммуникаций, когда многие связи кажутся не столь крепкими, как раньше. Использование подобной метафоры позволяет слушателям

эффективно артикулировать свои чувства и переживания, создавая эмоциональную связь с текстом [Живаго, 2017, с. 36].

Одной из наиболее важных тем является любовь, которая традиционно занимает центральное место в музыке. Когнитивные метафоры, связанные с этой темой, позволяют глубже понять чувства, возникающие при влюбленности, расставании и недоразумениях в отношениях. Например, метафора «любовь как игра» часто встречается в текстах песен и помогает молодым людям интерпретировать свою эмоциональную неопределенность и риск в романтических отношениях. Она отражает как радость общения, так и страх отвержения, что делает ее особенно актуальной для молодежи, находящейся на стадии поиска своего места в мире отношений [Юрьева, 2016, с. 156].

Второй важной темой является протест, который находит свое выражение в текстах молодежной музыки, отражая недовольство и стремление к изменениям в обществе. Метафоры, связанные с протестом, наподобие «гром среди ясного неба» или «встаем с колен», используются для передачи чувства сопротивления угнетению и несправедливости. Эти образы помогают создать солидарность среди молодежи, вдохновляя их к действию и повышая активность в социальных и политических делах. Музыка становится платформой для важного обсуждения проблем, таких как расизм, экологические катастрофы и социальная справедливость, что делает когнитивные метафоры движущей силой для формирования общественного мнения и дальнейших изменений [Бажанов, 2016, с. 98].

Тема самоидентификации также занимает значимое место в текстах молодежных песен. Средства самоидентификации, подобные метафорам «поиск своего пути» или «разрыв с привычным», служат для выражения сложных процессов, через которые проходят молодые люди в поисках своего места в мире. Эти образы помогают художественно отобразить борьбу за признание своей индивидуальности и уникальности в условиях давления со стороны общества. Для молодежи, находящейся на этапе формирования своей идентичности, такие метафоры становятся важными инструментами, позволяющими осмыслить свои переживания и строить путь к пониманию себя.

Таким образом, тематика метафор в текстах молодежных песен демонстрирует актуальные взгляды и сокровенные чувства, с которыми сталкивается молодое поколение. Используя средства языка для осмысления своих эмоций и социальных ситуаций, молодежь создает мощные образы, которые становятся важными для их развития и формирования групповой идентичности. Эти когнитивные метафоры не просто работают на культурном уровне, но и служат средством объединения, вдохновляя молодежь находить общий язык и вместе проходить через трудности текущего времени.

В результате проведенного исследования когнитивных метафор в текстах современных молодежных песен можно сделать несколько ключевых выводов о значении и функции этих метафор в контексте культуры молодых людей:

Первый вывод заключается в том, что когнитивные метафоры формируют эмоциональную основу песен. Через использование ярких и образных выражений, молодые исполнители передают свои внутренние переживания, страхи и радости, которые отражают актуальное состояние молодежи. Такие

метафоры, как «жизнь как поездка», «сердце как стекло» и «свет в конце туннеля», служат не только художественными средствами, но и способом более глубокого понимания эмоционального спектра их аудитории. Эти образы моделируют общие переживания, создавая ощущение аутентичности и близости между исполнителями и слушателями [Мишанкина, 2015, с. 128].

Второй важный аспект, выявленный в ходе исследования, касается роли когнитивных метафор в формировании коллективного сознания. В текстах песен наблюдается яркое выражение социальных проблем и группово-идентификационных процессов, таких как протест против социального неравенства, экологических кризисов и культурной идентичности. Метафоры, связанные с протестом и самовыражением, помогают молодежи находить общий язык и объединяться вокруг ключевых тем, влияющих на их жизнь. Это создает платформу для обсуждения важных вопросов и восприятия своей роли в изменении общества, именно так метафоры становятся неотъемлемой частью молодежного дискурса. Также стоит отметить, что такой подход способствует актуализации дискуссий о социальной справедливости, создавая пространство для многоголосия и разнообразия мнений в молодежной культуре [Живаго, 2017, с. 36].

В-третьих, когнитивные метафоры способствуют самовыражению и самоидентификации молодежи. В условиях, когда молодые люди сталкиваются с внешними давлениями и ожиданиями, метафоры становятся инструментами, позволяющими передать их индивидуальный опыт и уникальность, а также «укрыться» от возможного осуждения, порицания или непонимания. Песни, в которых используются метафоры о поиске себя и осмыслении своего места в мире, оказывают значительное влияние на процессы формирования идентичности, способствуя открытости и готовности к экспериментам.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что когнитивные метафоры играют центральную роль в текстах современных молодежных песен, служа мощным средством для выражения эмоций, формирования социальной идентичности и обсуждения актуальных тем. Это делает молодежную музыку не только развлекательным, но и важным культурным явлением, отражающим состояние и ценности молодого поколения.

Список литературы

Алексеева Л.М. Пермская школа метафоры / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – №3 (35). – С. 122-133.

Бажанов В.А. Музыка в фокусе современной нейронауки / В.А. Бажанов, А.Г. Краева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 7-21.

Бажанов В.А. Феномен трансдисциплинарной когнитивной революции / В.А. Бажанов, А.Г. Краева // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – №2. – С. 91-107.

Живаго Н.А. Метафоризация образов тепловой обработки пищи в русском языке // Вестник ТГПУ. – 2017. – №10 (187). – С. 32-38.

Мишанкина Н. А. Прагматика научного дискурса // Вестник НГПУ. – 2015. – №2 (24). – С. 126-131.

Юрьева Е.В. Когнитивная метафора как основа креолизованного текста социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – №1. – С. 153-160.

Lakoff, G. Metaphors we live by [Text] / G. Lakoff, M. John-son. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. – 237 p.

COGNITIVE METAPHOR AS A MEANS OF SELF-IDENTITY OF YOUNGER GENERATION (ON THE MATERIAL OF MODERN LYRICS)

Krivolutskaya Arina Mikhailovna,
Student of the Teacher Training College,
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,
Zayats Anna Alexandrovna
PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Teacher's Training College,
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,

Abstract. The article is devoted to the analysis of cognitive metaphors in modern lyrics. It is observed how the cognitive metaphor as the link between abstract concepts and concrete images works in forming thinking and world perception of the young. The passage aims at finding metaphoric constructions that help realize complicated emotional and socio-cultural circumstances.

Key words: cognitive metaphor, youth culture, mass culture language, youth English music, self-identity.

ОСОБЕННОСТИ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ БАБОЧЕК)

Меремьянина Екатерина Семеновна,
студент кафедры немецкого и французского языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия,
научный руководитель: Кудрявцева Наталья Борисовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого и французского языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности энтомологической лексики немецкого языка на примере номинаций бабочек. Анализируются ключевые принципы номинации, включая цветовые, морфологические и функциональные характеристики насекомых. Освещены ономасиологические аспекты, метафорические и символические мотивы в образовании названий. Представлена классификация энтомологической лексики с учетом семантических и морфологических особенностей. Проведен сравнительный анализ номинаций бабочек в немецком и русском языках.

Ключевые слова: энтомологическая лексика, номинация, немецкий язык, ономасиология, мотивация, бабочки.

Энтомологическая лексика является важной частью научной терминологии, охватывая названия насекомых, их виды, подвиды, классификации и особенности номинации. В немецком языке эта лексическая группа до сих пор остается недостаточно изученной с точки зрения структурных и когнитивных механизмов формирования названий.

Особый интерес представляет анализ номинаций бабочек, так как их названия демонстрируют разнообразие лингвистических стратегий: от описательных и цветовых характеристик до метафорических и культурных ассоциаций.

Энтомологическая терминология в немецком языке начала активно развиваться в XIX веке в связи с ростом интереса к естественным наукам. Первые научные описания насекомых основывались на латинской классификации Карла Линнея, однако в дальнейшем в язык вошли многочисленные народные названия, отражающие внешние характеристики насекомых и их поведенческие особенности.

В немецком языке энтомонимы часто заимствовались из других языков, таких как латинский и французский. Например, название «die Apollo-Schmetterling» («бабочка Аполлон») связано с латинским названием «Parnassius apollo». В то же время, многие народные названия бабочек, такие как «der Bläuling» («голубянка»), возникли естественным путем на основе визуального восприятия насекомых.

Номинация – это процесс наименования объектов и явлений, основанный на выборе ключевых признаков. Что касается процесса номинации названий насекомых, он основан не только на их естественных биологических характеристиках, но и на словах, отражающих их среду обитания, питание, а также сходство и аналогию с другими объектами. Таким образом энтомологическую лексику можно разделить на две группы: названия первичной и вторичной номинации. Первичная номинация – присвоение нового имени объекту, ранее не имевшему названия (например, латинские научные названия). Вторичная номинация – использование существующих лексических единиц для именования новых объектов (метафоры, метонимия, звукоподражание).

Под первичной номинацией понимается начальная, непроизводная, то есть присвоение названия объекту, который его ещё не имел ранее. Вторичная же номинация – это изменение значения объекта. Номинация этих объектов будет производная и мотивированная. Вторичной лексической номинацией В.Г. Гак и В.Н. Телия считают «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия, 2017, с. 214].

Н.Б. Кудрявцева выделила следующие причины, из–за которых один и тот же предмет может иметь несколько названий:

– Основу номинации составляет один признак, а каждый предмет или явление имеет целый ряд. «Выбор номинативного признака зависит от уровня культурного развития общества, функциональных особенностей предмета, его прагматической значимости для носителей культуры или отдельных социальных групп общества, а также от эмоционального восприятия данного явления членами социума, жителями определенного региона, членами социально-ролевых коллективов» [Кудрявцева, 2001 с. 116].

– В разных сферах применения того или иного объекта его образ и словесное обозначение различны, «этим обусловливается наличие обиходных и научных понятий и соответственно народных, региональных, общелитературных названий и научных терминов» [Кудрявцева, 2001, с. 117].

Следовательно, в центре номинации лежит одна или несколько отличительных черт предмета. Значит, название может быть основано на любом признаке, характеризующем этот объект.

К основным мотивационным признакам номинаций энтомологических объектов относятся:

- цветовые характеристики (Farbbezeichnung);
- морфологические особенности (morphologische Eigenschaften);
- функциональные характеристики (funktionale Merkmale);
- культурные и метафорические ассоциации (kulturelle und metaphorische Assoziationen).

Эти принципы определяют, как научную, так и общеупотребительную номинацию видов. При номинации субъект отбирает в объекте ряд признаков или один признак, который, как правило, берется за основу наименования. Каждый предмет имеет множество признаков. В названии отразить все эти признаки невозможно, поэтому достаточно указать на один, наиболее характерный.

1. Цвет как основа номинации

Цветовой признак – один из наиболее распространенных в номинации бабочек, поскольку окраска является одним из главных визуальных факторов идентификации насекомого.

Примеры цветовых номинаций:

- der Weißling – «белянка» (weiß – «белый»);
- der Bläuling – «голубянка» (blau – «голубой»);
- der Zitronenfalter – «лимонница» (Zitrone – «лимон»);
- der Rotfalter – «красная бабочка» (rot – «красный»).

Названия образуются по модели «цвет + существительное», что является характерной чертой энтомологической номенклатуры немецкого языка.

2. Морфологические характеристики как мотивирующий признак

Морфология насекомых также часто используется для их наименования.

Примеры:

- der Dickkopffalter – «толстоголовка» (dick – «толстый», Kopf – «голова»);
- der Perlmutterfalter – «перламутровка» (Perlmutter – «перламутр»);
- der Segelfalter – «парусник», чьи крылья напоминают парус (Segel – «парус»).

3. Функциональные и экологические номинации

Некоторые названия бабочек связаны с их средой обитания и поведенческими особенностями.

Примеры:

- der Schneeschmetterling – «снежная бабочка», активная в холодное время года.
- der Nesselfieber – «крапивница», обитающая рядом с крапивой (die Nessel).
- der Dämmerungsfalter – «сумеречная бабочка», ведущая ночной образ жизни.

4. Культурные и метафорические номинации

Некоторые названия отражают культурные и мифологические представления.

Примеры:

- der Aurorafalter – «авроральная бабочка», в честь богини Авроры.

- die Apollo-Schmetterling – «бабочка Аполлон», связана с древнегреческой мифологией.

- der Admiral – «адмирал», чьи черные крылья с красной полосой напоминают форму военных офицеров.

Анализ энтомологической лексики в немецком языке показал, что номинация бабочек строится на основе нескольких ключевых факторов, таких, как цвет и визуальные характеристики (белянка, голубянка, лимонница), морфологические особенности (толстоголовка, парусник, перламутровка). Экологические и функциональные признаки (снежная бабочка, крапивница, сумеречная бабочка), культурные и мифологические мотивы (авроральная бабочка, адмирал, бабочка Аполлон).

Энтомологическая лексика в немецком языке представляет собой сложную систему, сочетающую научные, когнитивные и культурологические аспекты.

Список литературы

Захваткин Ю.А. Курс общей энтомологии. – М.: Либроком, 2014. – 368 с.

Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 88 с.

Кудрявцева Н.Б. Особенности процесса номинации в современном немецком языке (на примере фитонимов) // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. – Белгород, 2001. – С. 115-117.

Телия В.Н. Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 2017. – 259 с.

Fleischer W. Zur Doppelfunktion der Wortbildung : Benennungseinheit und syntaktische Parallelkonstruktion. – WZ der PH Zwickau, 2011. – S. 9-16.

FEATURES OF ENTOMOLOGICAL VOCABULARY IN GERMAN (USING THE NAMES OF BUTTERFLIES AS AN EXAMPLE)

Meremyanina Ekaterina Semenovna,
student of the Department of German and French Languages
of the Faculty of Foreign Languages
of the Pedagogical Institute of the National Research University "BelSU",
scientific supervisor: Kudryavtseva Natalia Borisovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of German and French Languages
of the Faculty of Foreign Languages
of the Pedagogical Institute of the National Research University "BelSU", Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the features of the entomological vocabulary of the German language using the example of butterfly nominations. The key principles of the nomination are

analyzed, including the color, morphological, and functional characteristics of insects. Onomasiological aspects, metaphorical and symbolic motives in the formation of names are highlighted. The classification of entomological vocabulary is presented, taking into account semantic and morphological features. A comparative analysis of butterfly nominations in German and Russian is carried out.

Key words: entomological vocabulary, nomination, German language, onomasiology, motivation, butterflies.

СУБКОНЦЕПТ «ТРАНСПОРТ» КАК ОДНА ИЗ ДОМИНАНТ ТРЭВЕЛ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ж. ВЕРНА «ВОКРУГ СВЕТА ЗА 80 ДНЕЙ»

Молчанова Полина Николаевна,
бакалавр Института Международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Россия
Абдуллина Лилия Рафаиловна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур Института Международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье представлена характеристика трэвел лексики на материале произведения Ж. Верна «Вокруг света за 80 дней». Рассмотрена архитектоника субконцепта «Транспорт» как одной из доминант концепта. Выявляется спектр номинантов исследуемого субконцепта.

Ключевые слова: трэвел лексика, субконцепт, французский язык, художественный концепт, концепт-доминанта.

В настоящее время одной из исследовательских доминант современной лингвистики являются лингвокогнитивные исследования, посвященные рассмотрению концептосферы произведений художественной литературы отдельно взятого писателя [Жакупова, 2019; Саплинова, 2023].

Согласно Д.С. Лихачёву, «концепты составляют разнообразные сферы и в совокупности создают концептосферу национального языка» [Лихачёв, 1997, с. 282]. В художественном же тексте концептосфера состоит из множества концептов, подразделяющихся на субконцепты, под которыми подразумевается «исследовательский концептуализированный конструкт, являющийся неотъемлемой частью более объемного в смысловом отношении концепта» [Даниленко, 2022, с. 122]. В качестве иллюстрации обратимся к анализу субконцепта «Транспорт», являющегося одним из сегментов концепта «Путешествие» в романе Ж. Верна «Вокруг света за 80 дней» (1828-1905) [Verne, 1828]. Всего в поле настоящего анализа включается порядка 300 лексических единиц.

Целью исследования является выявление особенностей языковой вербализации субконцепта «Транспорт» во французском языке. Приядерная зона данного субконцепта представлена слотами «Водный транспорт» и «Наземный транспорт». Предметом настоящего исследования является слот «Водный

транспорт», который репрезентируется различными номинантами, такими как (1) *paquebot* (84 раза), (2) *navire* (41 раз), (3) *steamer* (25 раз), (4) *bâteau* (24 раза), (5) *bâtiment* (10 раз).

В ходе анализа номинативных полей вышеперечисленных водных видов транспорта зарегистрированы случаи подробной характеристики средств передвижения. Например, описание парохода «Монголия»: *Le paquebot Mongolia,<…>, steamer en fer à helice et à spardeck, jaugeant deux mille huit cents tonnes et possédant une force nominale de cinq cents chevaux, <…> C'était un des plus rapides marcheurs de la Compagnie, et les vitesses reglementaires, <…>, il les avait toujours depassées.* В исследуемом контексте в качестве смысловых аттракторов могут рассматриваться следующие доминанты: *steamer en fer à helice et à spardeck* 'железный пароход с железным винтом и в шпандре', *jaugeant deux mille huit cents tonnes et possédant une force nominale de cinq cents chevaux* 'водоизмещением две тысячи восемьсот тонн и номинальной мощностью пятьсот лошадиных сил', *c'était un des plus rapides marcheurs de la Compagnie* 'он был одним из самых быстрых пассажирских лайнеров в компании', *les vitesses réglementaires… il les avait toujours depassées* 'допустимая скорость…он всегда ее превышал'.

Номинанты *navire de toutes sortes* и *navires de toutes nations* являются гиперонимами в следующих примерах: *<…> c'était un fourmillement de navires de toutes nations, des anglais, des français, des americains, des hollandaise…* 'Было множество кораблей из разных стран: английских, французских, американских, голландских…', *<…> au milieu de cette flotille de jonques, de tankas, de bateaux-pêcheurs, de navires de toutes sortes, qui encombraient les pertuis de Hong-Kong* 'В самом центре флотилии были джонки, танкеры, рыбацкие лодки, корабли всех видов, которые переполняли пролив Гонконга.' В предложениях гипонимов было выявлено семь: *anglais, français, americains, hollandaise, jonques, tankas, bâteaux-pêcheurs*. Обратимся к другому примеру: *Bientôt on aperçut la gigantesque coque du Mongolia, passant entre les rives du canal, et onze heures sonnaient quand le steamer vint mouiller en rade, pendant que sa vapeur fusait à grand bruit par les tuyaux d'échappement…* 'Вскоре мы увидели гигантский корпус «Монголии», проходящий между берегами канала, и пробило одиннадцать часов, когда пароход встал на якорь на рейде, в то время как его пар с большим шумом вырывался из выхлопных труб.' В данном предложении автор использует словосочетание *la gigantesque coque*, что описывает величие парохода «Монголия» и придает значимость этому средству передвижения, которое является одним из главных для преодоления пути героев. Также «Монголия» часто описывается как одушевленный предмет, что несет метафорическое значение: *Fix <…> s'embarquait à bord du Mongolia, et bientôt le rapide steamer filait à toute vapeur sur les eaux de la mer Rouge*. 'Фикс…сел на борт «Монголии», и вскоре пароход полным ходом шел по водам Красного моря'.

Актуализация слота «Водный транспорт» также достигается за счёт подробного описания корабля: *À la surface de la mer Rouge roulaient plusieurs*

bâteaux de pêche ou de cabotage, dont quelques-uns ont conservé dans leurs façons l'élégant gabarit de la galère antique. ‘По поверхности Красного моря плавало несколько рыболовных снастей или каботажных судов, некоторые из которых сохранили в своих формах изящную форму античной галеры’. Номининативными единицами здесь выступают термины *bâteau de pêche* и *bâteau de cabotage*. Их можно отнести к профессиональной лексике. Смысловыми аттракторами здесь являются словосочетания *façons l'élégant, la galère antique*.

Жюль Верн отличается добавлением подробных научных описаний технического характера и вычислений: *Tandis que, suivant les calculs des ingénieurs, ceux-ci peuvent embarquer un poids d'eau egal à leur propre poids avant de sombrer, les bâteaux de la Compagnie pénisulaire, le Golgonda, le Corea, et enfin le Rangoon, ne pourraient pas embarquer le sixème de leur poids sans couler par le fond*. ‘В то время как, по расчетам инженеров, они могут погрузить на борт вес воды, равный их собственному весу, прежде чем затонуть, суда компании, «Голгонда», «Кориа» и, наконец, «Рангун», не смогли бы погрузить и шестую часть своего веса, не погрузившись на дно’.

Синонимичные ряды, обозначающие морское судно, удерживают внимание читателя и являются смысловыми аттракторами: *En effet, aucun des autres paquebots qui font le service direct entre l’Amérique et l’Europe, ni les Transatlantiques français, ni les navires du «WhiteStar-line», ni les steamers de la Compagnie Imman, ni ceux de la ligne Hambourgeoise, ni autres, ne pouvaient servir les projets du gentleman*. ‘Действительно, ни один из других лайнеров, курсирующих напрямую между Америкой и Европой, ни французские трансатлантические лайнеры, ни суда «Уайтстар-лайн», ни пароходы компании «Имман», ни пароходы Гамбургской линии не могли служить планам джентльмена’.

В ходе анализа была выявлена 51 номинанта, которая составляет номинативное поле слота «Водный транспорт»: *se diriger, billets, filait, départ, arrivée, lignes transocéaniennes, vitesse, quai, cabine, roulaient, pilote, ports, être à bord, rives, canals, revenir à bord, rentrer dans sa cabine, prendre passage à bord, chronometer du bord, s’embarquer à bord, le pont, roulis, tangage, mal de la mer, bar-room, Gibraltar de la mer, courait, docks, mettre pied sur le quai, se rendre au paquebot, rester couché dans la cabine, traverser, puissante machine, rambarde, engine-room, hélice, flots, vapeur, soupapes, passerelle, quitter, sifflet, marcher à toute vapeur, couraient à toute vapeur, se dirigeait à toute vapeur, forcer de vapeur, aller à toute vapeur, marcher à toute valeur, canot.*

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что субконцепт «Транспорт» как одна из доминант трэвел лексики в произведении «Вокруг света за 80 дней» является одной из идей, отражающих концепт «Путешествие» в целом. Но в тоже время концептуальный анализ рассматриваемого романа показывает, что данный субконцепт является важным для отражения авторского замысла. Он позволяет Ж. Верну наиболее полно и вариативно раскрыть основные задачи и цели своих романов. Для полной картины помимо

рассмотрения ядерных поверхностных элементов нам необходимо изучение и других компонентов приядерной зоны, ближней и дальней периферии для наилучшего понимания авторского дискурса.

Список литературы

Даниленко И.А. Архитектоника художественного концепта Krieg / Война в творчестве Э.М. Ремарка // Казанская наука. – 2022. – № 9. – С. 122-125.

Жакупова А.Д. Роль онимов в концептосфере художественного текста (на материале рассказа Р. Сейсенбаева «Честь» / А.Д. Жакупова, Ж.Г. Темирова // The scientific heritage. – 2019. – № 38. – С. 33-36.

Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / под ред.: В.П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 280-287.

Саплинова Д.А. Концепт любовь как фрагмент индивидуальной концептосферы персонажа художественного текста (на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Третьи Щеулинские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина: сб. науч. трудов / сост. Л.Д. Беднарская, Н.Б. Бугакова, В.А. Бурцев, Е.Ю. Ваенская, Т.В. Гончарова. – Липецк, 2023. – С. 51-57.

THE "TRANSPORT" SUBCONCEPT AS ONE OF THE DOMINANTS OF THE TRAVEL VOCABULARY IN THE WORK OF J. VERNE "AROUND THE WORLD IN 80 DAYS"

Molchanova Polina Nikolaevna,
bachelor, Institute of International Relations, History and Oriental Studies
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia,
Abdullina Liliya Rafailovna,
candidate of Philology, lecture of the Department of European Languages and Cultures
Institute of International Relations, History and Oriental Studies
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article presents the characteristics of travel vocabulary. The architectonics of the subconcept "Transport" is considered as one of the dominant concepts based on the material of the work "Around the World in 80 Days". The range of nominees for the subconcept under study is revealed.

Key words: travel vocabulary, French language, artistic concept, dominant concept, subconcept.

ГРОМ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОДЕ: КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ И ПРАГМАТИКА ТЕКСТОВЫХ КОНСТРУКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Мясникова Ирина Алексеевна,
аспирант 4 года обучения заочной формы,
старший преподаватель кафедры иностранных языков №2
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Россия
Борисова Людмила Валентиновна
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья исследует лингвокультурный код грома как природного явления, интегрированного в языковую картину мира через метафоры и паремии. На материале данных русского и чувашского языков демонстрируется, что помимо денотата лексическое значение лексемы «гром» обладает эмоционально-оценочными коннотациями мощи, божественного вмешательства и интенсивности эмоций. Анализ устойчивых выражений и мифопоэтических образов раскрывает сакрально-символическую природу явления. Исследование подтверждает, что метафоризация является ключевым механизмом встраивания природных явлений в культурный код, сохраняя архаичные представления и формируя эмоционально-оценочные стереотипы.

Ключевые слова: лингвокультурный код, природные явления, метафоризация, русский язык, чувашский язык.

Гром является одним из самых ярких и впечатляющих природных явлений, которое на протяжении долгого времени и по сей день оказывает влияние на сознание человека и на культуру. В лингвокультурном коде гром отражается через различные когнитивные модели и тексты, позволяющие понять непростые отношения между человеком и природой.

Русский язык характеризуется богатой традицией метафорического использования средств объективации природных явлений. Метафора является важным лингвокогнитивным механизмом, выступающим в качестве основного инструмента репрезентации и категоризации окружающего мира. Она отражает глубинные механизмы восприятия, интерпретации и концептуализации мира, и ценностные установки и культурные коды закрепляются в языковой форме, поэтому метафора является инструментом для выявления специфики мировосприятия, характерной для лингвокультуры. Невозможно не согласиться с Н.Ф. Алефиренко в его понимании, что «экспрессивно-образное и эмотивно-оценочное содержание языковой картины мира генетически связано с представлениями, которые вербализуются метафорами, фразеологизмами, паремиями» [Алефиренко, 2010, с. 125].

В русском языке дефиниция лексемы *гром* в МАС звучит следующим образом: «Грохот и треск, сопровождающие разряд молнии». Словарь Ожегова приводит такое определение: «Сильный грохот, раскаты, сопровождающие

молнию во время грозы», а в словаре Шведовой гром определяется как «грохот и треск, сопровождающие разряд молнии; сильный шум, грохот». Как видим из определений, основной характеристикой, объединяющей дефиниции грома, является акустический компонент (грохот, треск, раскаты), который подчеркивает ведущую роль звукового восприятия в концептуализации данного природного явления. При этом из данных, приведенных в упомянутых словарях, очевидно, что лексема *гром,* помимо денотативных значений, обладает богатым коннотативным потенциалом. В русской языковой картине мира гром ассоциируется с мощью, угрозой и вмешательством высших сил, что проявляется в устойчивых выражениях «*гром небесный*», «*как гром среди ясного неба*». Повелителем грома в славянской традиции является Илья-пророк, который, как считалось, обладал властью над силами природы. Ильин день, который отмечается 2 августа, воспринимается как «грозный праздник», что объяснялось сакрализацией природных явлений. Если в этот день случалась гроза, говорили, «Илья гром и грозы держит», «Илья-пророк по небу на колеснице катит», что отражает архаичные представления об Илье как о небесном владыке, управляющем небесными стихиями.

Следует отметить, что с помощью метафоризации природные явления интегрируются в повседневную жизнь человека. Данное суждение было выдвинуто в качестве гипотезы и обосновано в рамках диссертационного исследования Э.Р. Хамитовой, в котором автор делает вывод о том, что словарь метафор, фиксирующий систему отдельной концептуальной метафоры через посредство метафорических моделей и ключевых лексем, отражает лингвокультурный и когнитивный компоненты русской языковой картины мира: «Метафора как универсальный механизм мышления, языка и культуры человека становится одним из основных источников лингвокультурологического знания» [Хамитова, 2008, с. 4]. В современном языке лексема «гром» используется также метафорически и демонстрирует интенсивные события и возникающие при этом эмоции.

Как известно, паремии способны «отражать стереотипы сознания конкретного народа, образцы, нормы поведения, а также нравственные ценности. Описываемые единицы несут большую смысловую нагрузку, четко показывая доминанты культуры» [Дмитриева, 2020, с. 37]. Паремии представляют собой яркий пример использования природных явлений для выражения сложных эмоциональных состояний. Выражение *как гром среди ясного неба* актуализирует идею внезапности и имеет негативный оттенок. Физическое или эмоциональное воздействие, сравнимое с поражением громом, лежит в основе паремии *как громом поразить (оглушить),* где гром воспринимается как разрушительная сила, способная вызвать оцепенение и шок и используется для описания крайнего удивления и страха. Особый интерес в связи с совместным использованием лексем, объективирующих природные явления, которые, как правило, случаются почти одновременно, представляет выражение *метать громы и молнии*, которое используется для описания выражения гнева и недовольства наряду с обвинениями и угрозами. В данном

случае гром и молния ассоциируются с неконтролируемой стихией, способной к разрушению и уничтожению.

Когнитивные модели формируются под влиянием культурных и мифологических представлений. Как справедливо полагает Р. Н. Анисимов, «для раскрытия мотивационной основы фразеологизмов важно учитывать, как этнографические, так и фольклорно-мифологические факты, поскольку большая часть устойчивых сочетаний имеет экстралингвистическую основу» [Анисимов, 2024, с. 7]. Так, в чувашском языке лексема *аслати* / гром обладает ярко выраженной этимологической и семиотической спецификой. Лексема является результатом словосложения: *аслă*, означающее старший, и *ати*, что значит отец, т.е. буквально значит «старший отец», указывая на сакрализацию природного явления в народном сознании, где гром воспринимается как ипостась верховного бога *Турă* [Борисова, 2015, с. 19]. Бог *Турă* является центральной фигурой пантеона чувашских богов, его двойственная природа – созидательная и разрушительная – проявляется в его персонификации через стихийные явления. Одна из чувашских поговорок гласит: *Аслати – Турă сывлăшĕ* / «Гром – Божественный Дух»; *Аслати – Турă хăвачĕ* / «Гром – Могущество Бога»; но в то же время есть поговорки, в которых высказывается противоположное мнение: *Аслати авăтмассерен çын вилмест* / «От того, что гремит гром, не умирают». Поговорка *Аслати аватмасăр асамат кĕпер хывмастъ.* / «Пока гром не прогремит, радуга не появится» говорит о том, что для достижения желаемого результата необходимо приложить усилия, что изменения происходят после преодоления трудностей и испытаний [Мясникова, 2023, с. 4551]. Поговорка *аслати авăтнă чух пур çын та пĕр пек шухăшлать* / «когда гремит гром, все люди думают об одном» демонстрирует, что перед лицом опасности люди умеют объединяться, чтобы противостоять им. В данном контексте лексема *аслати* выступает как маркер опасности, перед которой все равны, невзирая на статус или возраст. В поговорке *Аслати авăтмасăр асамат кĕпер хывмасть* / «Без грома радуга не проложит свой мост» гром и радуга образуют оппозицию, в которой гром символизирует трудности, а радуга – обновление и гармонию. Оппозиция молнии и грома находит отражение в поговорке *Çамрăкки çиçĕм çиçтерет, ватти аслати авăттарать* / «Молодой мечет молнии, старый – вызывает гром», в которой реализуется возрастная оппозиция молодость – импульсивность и энергия, незрелость, требующая контроля / старость – мощная, но более сдержанная сила, маркер мудрости.

Гром в лингвокультурном коде отражает сложные взаимоотношения между природой и человеком. Лексема *гром* представляет собой сложный семиотический комплекс, объединяющий как денотативные, так и коннотативные элементы. Используемые как метафоры, они становятся средством выражения интенсивных эмоций и ярких событий, выступая как универсальные символы мощи, внезапности и интенсивности эмоций. Паремии сохраняют элементы дохристианских верований, в которых природные явления

персонифицировались и обожествлялись, демонстрируя восприятие грома как инструмента божественной воли

Анализ концептуализации лексемы гром показывает связь лексической системы и этнического восприятия мира. Изучение этих природных явлений в лингвокультурном коде дает возможность глубже понять механизмы восприятия этих природных явлений.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – Москва, Флинта: Наука, 2010 – 288 с.

Анисимов Р. Н. Фразеологические единицы, характеризующие человека, в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири, казахским и турецким языками) : Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2024. – 22 с.

Борисова Л. В. Лингвокультурологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2015. – 374 с.

Дмитриева О. А. Эвристический потенциал паремий при описании языковой картины мира (на материале русского и немецкого языков) / О.А. Дмитриева, Н. А. Ванюшина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, Вып. 1, апрель 2020 г. – С. 35-40

Корпус чувашского языка : сайт. – URL: https://ru.corpus.chv.su/cgi-bin/corpus/ (дата обращения 10.03.2025).

Михайлов А. П. Ваттисен сăмахĕсемпе каларăшсен тата çунатлă пуплевсен чăвашла-вырăсла пуххи = Сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. – Шупашкар: Çĕнĕ Вăхăт, 2006. – 488 с.

Мясникова И. А. Функционирование репрезентантов природных явлений летнего времени года в языковой картине мира в английском и чувашском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 12. – С. 4548-4553.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: "Азбуковник", 1998. – 713 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова : сайт. – URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения 10.03.2025).

Хамитова, Э. Р. Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX-XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. …канд.филол.наук. – Уфа, 2008. – 24 с.

Чувашский народный сайт. Электронные словари : сайт. – URL: https://ru.samah.chv.su/cgi-bin/s.cgi/ (дата обращения 10.03.2025)

THUNDER IN THE LINGUOCULTURAL CODE: COGNITIVE MODELS AND PRAGMATICS OF TEXT CONSTRUCTS (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND THE CHUVASH LANGUAGES)

Myasnikova Irina Alekseevna
senior lecturer of Foreign Languages Department №2 at the FSBEI of HE"I. N. Ulianov Chuvash State University", 4th year part-time postgraduate student, Cheboksary, the Russian Federation
Borisova Lyudmila Valentinovna
Doctor of Philology, Professor at the FSBEI of HE"I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, the Russian Federation

Abstract. The article examines the linguocultural code of thunder as a natural phenomenon integrated into the linguistic worldview through metaphors and paroemias. Based on the data of the Russian and Chuvash languages, it is demonstrated that in addition to denotata, the lexical meaning of the lexeme "thunder" has emotional-evaluative connotations of power, divine intervention and intensity of emotions. The analysis of fixed expressions and mythopoetic images reveals the sacred-symbolic nature of the phenomenon. The study confirms that metaphorization is a key mechanism for embedding natural phenomena into the cultural code, preserving archaic ideas and forming emotional-evaluative stereotypes.

Key words: linguocultural code, natural phenomena, metaphorization, the Russian language, the Chuvash language.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ «ЧЕРНОЕ МОРЕ» В АНГЛО- И ИСПАНОЯЗЫЧНОМ СОЗНАНИИ

Некрасова Мария Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология»
Севастопольского государственного университета,
г. Севастополь, Россия,
Байко Валерия Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
Севастопольского государственного университета,
г. Севастополь, Россия

Аннотация. В статье рассматривается конструкт «ЧЕРНОЕ МОРЕ» и его структура в англоязычном и испаноязычном публицистических дискурсах. Выявляются значимые домены, составляющие основу данного конструкта в англоязычном и испаноязычном сознаниях. Авторами дается сравнительная характеристика общих черт и различий в репрезентации конструкта «ЧЕРНОЕ МОРЕ» в англоязычном и испаноязычном публицистических дискурсах.

Ключевые слова: конструкт, концепт, репрезентация, публицистический дискурс, лингвокультурный контекст.

В процессе самоидентификации человек определяет своё место в мире, ориентируясь во времени и пространстве. Временные координаты соотносят самосознание с прошлым и будущим, а пространственные – с конкретным местоположением. Однако, в эпоху глобализации пространственное восприятие человека претерпевает изменения, требуя понимания геополитических процессов. Это приводит к расширению употребления географических названий, включая топонимы, гидронимы и урбанизмы, а также к активной концептуализации объектов международного ландшафта, вовлеченных в актуальные политические события. Все они репрезентируют в сознании сложные системы конструктов.

Топонимы, изначально предназначенные для локализации объектов в географическом пространстве, со временем приобретают широкий комплекс сложных связей. Они обрастают коллективными и индивидуальными ассоциациями, оценками, идеологическими, сравнительными и сопоставительными связями, выходя далеко за рамки простого названия. Ярким примером такого когнитивного миромоделирования является репрезентация Черного моря в публицистическом дискурсе различных языковых систем.

Целью данного исследования является выявление и описание конструкта «ЧЕРНОЕ МОРЕ», формируемого современными англоязычным и испаноязычным медиа-дискурсами на материале языковых корпусов English-Corpora и Corpus del Español Actual.

Конструкт «ЧЕРНОЕ МОРЕ» является неотъемлемой частью картины мира языковых культур, развивавшихся на его берегах, таких как Болгария, Италия, Греция, Грузия, Россия, Турция и др. Этот средиземный водоем, сравнительно небольшой по площади, в ходе исторического развития был объектом международного сотрудничества, территориальных споров, источником вдохновения и т.д. Однако, на протяжении веков, и особенно в последнее столетие его концептуальное значение расширяется и получает репрезентацию в различных видах дискурса, главным образом в публицистическом [Некрасова, 2024, с. 319].

Публицистический дискурс выполняет ключевую функцию в конструировании представлений о мире, формировании общественного мнения и интерпретации актуальных событий. Он не только отражает реальность, но и активно её формирует, предлагая определенные рамки восприятия и оценки [Трунова, 2022, с. 94]. Благодаря газетам, журналам, интернет-изданиям и другим медиа-платформам происходит постоянная концептуализация «ЧЕРНОГО МОРЯ». Иными словами, аудитория осуществляет отбор, обобщение и систематизацию информации о событиях, происходящих в Черноморском регионе, опираясь на собственную культурную, социальную, гендерную и прочую идентичность.

В процессе концептуализации происходит организация и реорганизация концептов, отражающих результаты познания мира, упорядочиваются и структурируются взаимосвязи между ними [Болдырев, 2014]. В результате в сознании систематизируются ментально-психические конструкты, опосредующие взаимодействие человека с окружающей действительностью и

формирующиеся под влиянием культуры [Песина, 2016, с. 122]. Эти конструкты, вербализованные посредством языка, создают лингвоконструкт – репрезентационный комплекс, отражающий «синергию прошлого, настоящего и будущего» [Огнева, 2016]. Таким образом, словарные характеристики географического понятия Черное море расширяются и обогащаются в ходе концептуализации рассматриваемого географического объекта в контексте современной международной обстановки, формируя в сознании лингвокультурный конструкт «ЧЕРНОЕ МОРЕ».

В современном англоязычном публицистическом дискурсе конструкт «ЧЕРНОЕ МОРЕ» («THE BLACK SEA») репрезентируется следующими категориальными компонентами:

– *географический объект*. Эта категория характеризует Чёрное море как конкретное физическое пространство, определяя его местоположение относительно других объектов, например, стран, континентов, рек и проливов, а также указывая на его географические и климатические особенности, маршруты судоходства и перемещения: *The continent is surrounded by the Black Sea and the connected waterways to the southeast…; then to Europe by a several routes…: from Black Sea westward, from Asia Minor…* В рамках этой категории могут также встречаться гипотетические представления о возможном изменении конфигурации береговой линии или историческом прошлом: *The Black Sea, the Caspian, the lakes Van and Urumiah may cover portions of the Adamic land.*

– *источник пропитания*. Подчёркивается роль рыболовства в обеспечении жизнедеятельности населения, проживающего в Черноморском регионе: *He told of the Black Sea fishing collective where the catch was counted not in kilos of fish flesh but in the grams of the salted roe of the sturgeon …*

– *арена геополитических интересов*. Эта категория отражает политическую значимость Чёрного моря, обусловленную его стратегическим расположением, ресурсами и влиянием на региональную безопасность: *… offering a start on membership consultation to Ukraine can turn the Black Sea into a democratic European sea.* Соответственно, Чёрное море может представать как территория международных конфликтов, на что указывают исторические прецеденты и текущие геополитические реалии: *Send the Sixth Fleet to the Black Sea. If NATO can't get it together to stand up to Russian aggression; … five imported dreadnoughts on order. This would completely allow them control of the Black Sea.*

Однако в то же время – это арена международного сотрудничества, где имеют место политические соглашения, экономические сделки и военные союзы, что способствует репрезентации данного региона в сознании читателя как пространства для налаживания диалога и поддержания стабильности: *… launched by the Council's Eurasia Center in cooperation with its partners in the Black Sea, Caspian and Central Asian regions.*

– *курорт как зона туризма и рекреации*: *Bulgaria has a beautiful Black Sea Coast to swim, mountains to ski….* Эта категория тесно связана с предыдущей и тоже основана на международной заинтересованности морем, как туристическим объектом. К туристскому направлению можно отнести и категорию спорта, репрезентирующие Черное море в качестве места проведения

спортивных мероприятий: *… the 2014 Winter Olympics, which Russia is hosting in Sochi, on the Black Sea to the west.*

– *объект стратегического значения.* Данная категория подчёркивает важность Чёрного моря с военной и экономической точек зрения, определяя его как ключевой элемент логистических маршрутов и транспортных коридоров: *The Black Sea, – a strategic waterway bordered by…;* и, соответственно, как военно-морскую базу Черноморского флота: *the black sea naval base was in Crimea as long as 1804.*

– *исторически-значимый объект*, то есть место, хранящее память о прошлых событиях и цивилизациях. В рамках этой категории выделяются подкатегории, связанные с процессами миграции народов и культурным наследием: *people group that migrated from the Middle East northward and settled north of the Black Sea….* В этом контексте можно выделить подкатегорию, связанную с научно-историческими и археологическими исследованиями: *... archaeologists working in the Black Sea say they have found the world's oldest intact shipwreck, more than 2,400 years.*

– *объект культуры и искусства, источник вдохновения*. Этот компонент объективируется через место действия в литературе, кинематографе и мифологии: *Don Brown is the author of Malacca Conspiracy, The Navy Justice Series and Black Sea Affair, a submarine thriller…; In ancient Greek myths, the sea – then on the fringe of the Mediterranean world – was named Pontus Axeinus, meaning «Inhospitable Sea.»* Кроме того, может являться местом рождения известных личностей: *... is that of Kazim Koyuncu: a well-known singer/ artist from the Black Sea – Trabzon region.*

– *зона риска*, которая включает в себя ряд подкатегорий, отображающих потенциальные угрозы, связанные с Черным морем. Это природные катаклизмы: *The sea rose when the barriers dividing the Black Sea from the Mediterranean burst, releasing waters from the Black Sea in a great torrent …;* плохая экология (загрязнение вод, истощение ресурсов и гибель морских обитателей): *Hardly a day goes by in Sochi, Russia's picturesque Black Sea resort, without a dead dolphin washing up on the beach;* катастрофы: *... devastating crash ... when a Tupolev TU-154 operated by the Ministry of Defense ... plunged into the Black Sea …;* аномальные явления: *There are substantial differences in the reported anomalies for areas like the Black Sea ….*

– *источник символизма и метафоры*. В данном компоненте присутствуют субконструкты: метафора эмоционального состояния: *Twisting towards an endless Black sea. Further and further, drifting away from where I want to be…;* оттенок цвета: *... we dyed the swimming pool like the Black Sea …;* номенклатурное значение: обозначения сортов растений, например, томатов: *... enjoyed a salad with ... and Black Sea Man tomatoes that was utterly delicious.*

Представленные компоненты конструкта «ЧЕРНОЕ МОРЕ» («THE BLACK SEA») можно соотнести с различными областями человеческого знания, организовав их по следующим доменам: география (физические характеристики, местоположение и особенности региона), история (переселение народов, археология, военно-морская история), политика (военно-морские базы,

международные конфликты и союзы), экономика (торговые отношения, источник пропитания, туризм), культура (литература, искусство), наука (научные исследования в области археологии и других), экология (катаклизмы), биология (экосистемы, сорта растений), физкультура и спорт (туризм, спортивные соревнования), безопасность (катастрофы). Исходя из частотности концептуализации Черного моря в отобранных примерах, наиболее значимым доменом конструкта является «политика» (30%), далее следует «география» (25%) и «наука» (9%), наименее важный компонент – «спорт» (2%).

Обобщая представленные результаты анализа, можно заключить, что конструкт «ЧЕРНОЕ МОРЕ» («THE BLACK SEA») в современном англоязычном публицистическом дискурсе репрезентируется через широкий спектр компонентов, отражающих различные аспекты его географического положения, геополитического значения, культурно-исторического наследия и потенциальных рисков. Данное представление является не просто географическим названием, а сложным культурным и политическим феноменом, отражающим многообразие связей между человеком и окружающей средой.

В испаноязычном публицистическом дискурсе конструкт «ЧЕРНОЕ МОРЕ» («EL MAR NEGRO») объективируется как многоаспектный феномен, включающий в себя следующие компоненты:

– *географический объект*. Отражает физические характеристики, местоположение и гидрографию Чёрного моря, включая данные о его происхождении, притоках и размерах: *Si bien se convino en que el Mar Negro ha sido un lago de agua dulce…; El Mar Negro tiene una superficie de 436.400 km (168.495 millas cuadradas).*

– *экономико-логистическая зона.* Этот компонент характеризует Чёрное море как важный транспортный узел для перемещения ресурсов и товаров. Он акцентирует внимание на экономической значимости региона и его роли в международной торговле: *…fue uno de los principales emporia del mar Negro para la exportación de cereales, pescado y esclavos a Grecia.* К этой категории можно отнести авиакомпонент, который указывает на Чёрное море как на часть международных авиационных маршрутов. Он подчеркивает значение региона для воздушного транспорта и логистики: *siguieron efectuando vuelos administrativos en las rutas de vuelo autorizadas sobre el Mar Negro*.

– *территория действия морского права*. Чёрное море рассматривается как акватория, где применимы нормы международного морского права, регулирующие взаимодействие прибрежных государств в вопросах устойчивого управления морскими ресурсами и обеспечения безопасности судоходства: *El derecho internacional del mar juega un papel crucial en la promoción de la cooperación entre los estados ribereños del Mar Negro para el manejo sostenible de sus recursos marinos.*

– *объект экологической защиты*. Подчёркивает важность сохранения экосистемы Чёрного моря и необходимость международного сотрудничества в этой сфере: *… el Convenio sobre la protección del mar Negro contra la contaminación;*

… el Acuerdo sobre la conservación de cetáceos en el Mar Negro.

– *источник опасности*. Данный компонент акцентирует внимание на экологической уязвимости Чёрного моря: *... grandes derrames accidentales de petróleo que han tenido lugar recientemente en el Mar Negro representan una amenaza para la salud o incluso la vida.*

– *исторически-значимый объект*, позволяющий пролить свет на древние торговые связи и миграционные процессы: *Asia y sus aguas navegables permitían a los marinos remontar las del Mar Negro al este. Hacia el 750 – 748 a.d.C.; Quersoneso era la plaza fuerte del Imperio Bizantino en la costa del mar Negro, la cual fue destruida en el siglo XII por los mongoles ...;* представляющий значительный интерес для археологических исследований: *Recientes excavaciones arqueológicas en el área de la antigua ciudad de tiro han demostrado que las conexiones comerciales a través del mar Negro eran mucho más amplias de lo que se pensaba anteriormente;* являющийся местом пребывания известных личностей: *Ovidio es enviado al exilio, a orillas del Mar Negro.*

– *место расположения военно-морского флота*: *... y sirvió en las divisiones 1era y 2da de la Flota del Mar Negro en buques de guardia en la ciudad de Novorossiysk.* Чёрное море выступает как арена международного военного сотрудничества проведения совместных учений, направленных на укрепление региональной безопасности: *… el establecimiento del Grupo de tareas para la cooperación naval en el Mar Negro.* Но в то же время воанно-морские силы символизируют о потенциальном противостоянии, что приводит к пониманию следующего компонента.

– *регион проявления геополитических интересов*. Чёрное море представляет собой регион, в котором пересекаются геополитические интересы различных государств, стремящихся к укреплению своего влияния и обеспечению безопасности в регионе, что может проявляться как в форме сотрудничества, так и в форме военных действий: *Las expediciones militares cosacas en el mar Negro y mar Caspio se efectuaban principalmente en primavera u otoño…; ... en las operaciones en Crimea y el Mar Negro, y realizó certeros ataques aéreos en las últimas etapas del conflicto; ... el Cáucaso con un ataque naval ….* Публицистический дискурс дополнительно подчеркивает, что контроль над территорией и ресурсами Чёрного моря является ключевым фактором в формировании региональной и глобальной политической конъюнктуры.

– *туристическая зона*. Благодаря своему благоприятному климату, живописным пляжам и культурным достопримечательностям, Чёрное море является привлекательным направлением для туризма и рекреации: *440 niños georgianos pasaron sus vacaciones en centros vacacionales del Mar Negro a expensas del Estado;*

– *объект научных исследований*. Чёрное море служит объектом научных исследований, результаты которых представляются на конференциях и публикуются в научных изданиях: *La primera conferencia científica semestral sobre El ecosistema del Mar Negro; ... los representantes del Club trabajan en un diccionario enciclopédico sobre el Mar Negro;*

Из представленных выше компонентов выделим ряд общих по смыслу и темам доменов: география (географический объект); история (исторически-значимый объект), политика (место военно-морского сотрудничества, регион

проявления геополитических интересов, объект международного сотрудничества, зона боевых действий); экономика (место расположения военно-морского флота, зона экономического сотрудничества, транспорт и логистика), право (территория действия морского права); туризм (место расположения гостиниц, курортов); культура (место пребывания известных личностей); наука и образование (объект научных исследований, место проведения конференций); безопасность (катастрофы); экология (объект экологической защиты, источник опасности). Необходимо отметить, что наиболее часто в испанской языковой лингвокультуре конструкт «ЧЁРНОЕ МОРЕ» («EL MAR NEGRO») представлен доменами: «геополитика» – 24%. Далее следует «экология» – 18%, а также «география» – 17%. Меньше всего употребляется в контексте «туризм» и «источник опасности» – по 3%, а также «культура», всего 1%.

Таким образом, конструкт «ЧЕРНОЕ МОРЕ» («EL MAR NEGRO») в современном испаноязычном публицистическом дискурсе представляет собой многогранный и сложно структурированный концепт. Его репрезентация осуществляется через широкий спектр категориальных компонентов, охватывающих различные аспекты: географические особенности, экологическую уязвимость, историко-культурное значение, экономическую роль, а также геополитическую значимость региона. Прежде всего, в испаноязычном сознании Чёрное море позиционируется как регион, в котором переплетаются геополитические интересы различных государств, что оказывает влияние на формирование мнений.

Обобщая анализ конструкта «ЧЕРНОЕ МОРЕ» в англоязычном и испаноязычном публицистическом дискурсах, можно отметить как общие черты, так и существенные различия в его репрезентации. В обоих дискурсах Чёрное море предстает как многоаспектный феномен, включающий в себя географические, экологические, историко-культурные, экономические и геополитические измерения. В обоих языках акцентируется значение Чёрного моря как транспортного узла, обеспечивающего перемещение ресурсов и товаров. Оба дискурса признают экологическую уязвимость региона и необходимость международного сотрудничества для ее защиты. Наконец, в обоих языковых конструктах присутствует компонент, отражающий военно-стратегическое значение Чёрного моря.

Однако, в англоязычном дискурсе больше внимания уделяется потенциальным рискам и угрозам, связанным с Чёрным морем, таким как природные катаклизмы, экологические катастрофы и техногенные аварии. В испаноязычном дискурсе акцент смещен на необходимость защиты окружающей среды и международного сотрудничества в этой сфере. В англоязычном дискурсе более выражена связь с культурным наследием, мифологией и искусством, в то время как в испаноязычном дискурсе большее внимание уделяется историческим и научным событиям и процессам, связанным с регионом. В англоязычном дискурсе чаще встречается метафорическая репрезентация Чёрного моря.

Конструкт «ЧЕРНОЕ МОРЕ» в англоязычном и испаноязычном публицистических дискурсах, несмотря на некоторые различия в акцентах, является сложным и многогранным объектом когнитивного миромоделирования,

отражающим его географические, исторические, экономические, политические и культурные особенности. Анализ данных дискурсов позволяет выявить ключевые темы и представления, формирующие общественное мнение о Черноморском регионе в различных лингвокультурных контекстах.

Список литературы

Беседина Н.А. Когнитивное моделирование процессов репрезентации знаний в морфологии // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVIII. – С. 121-124.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / Н.Н. Болдырев. – 4-е изд., испр. и доп. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р.Державина, 2014. – 236 с.

Некрасова М.Ю. Категоризация концепта черное море в современном русском художественном и медиа дискурсе // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-1 (58). – С. 319-323.

Огнева Е.А. Художественный концепт «Византия» : особенности репрезентации в романе Б. Васильева «Князь Святослав» // Теория языка. Филологический аспект. – 2016. – №2 (10). – URL: https://scipress.ru/philology/articles/khudozhestvennyj-kontsept-vizantiya-osobennosti-reprezentatsii-v-romane-b-vasileva-knyaz-svyatoslav.html (дата обращения: 16.03.2025).

Песина С. А. «Концепт как ментальный культурно значимый конструкт» / С.А. Песина, Ю.Л. Вторушина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия – 2016. – №2. – С. 122-130.

Трунова Н.В. Приёмы формирования мнения в политическом публицистическом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2022. – №2 (46). – С. 93-103.

Corpus del Español Actual : official site. – URL: https://www.corpusdelespanol.org/ (дата обращения: 12.03.2025).

English-corpora : official site. – URL: https://www.english-corpora.org/ (дата обращения: 12.03.2025).

LINGUOCULTURAL CONSTRUCT «THE BLACK SEA» IN ENGLISH-LANGUAGE AND SPANISH-LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Nekrasova Mariya Yurievna,
Candidate of Philology, Associate Professor of department «Theory and practice of translation and foreign philology» Sevastopol state university, Sevastopol, Russia,
Baiko Valeria Aleksandrovna,
Candidate of Philology, Associate Professor of department «Foreign languages» Sevastopol state university, Sevastopol, Russia

Abstract. The article is devoted to the construct «THE BLACK SEA» and its structure in English and Spanish media discourses. The significant domains that form the basis of this construct

in English-language and Spanish-language consciousness are identified. The authors provide a comparative description of the common features and differences in the representation of the construct «THE BLACK SEA» in English and Spanish media discourses.

Key words: construct, concept, representation, media discourse, linguacultural context.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ОНИМОМ В СОВРЕМНННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Печеницына Татьяна Николаевна,
студент кафедры немецкого и французского языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия,
научный руководитель: Мельникова Юлия Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого и французского языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье определяется понятие фразеологизм с компонентом онимом и его структура. Анализируется происхождение фразеологизмов с компонентом онимом, их семантические особенности и сферы употребления. Рассматриваются особенности употребления данного вида фразеологизмов в рамках когнитивной лингвистики, фразеологии и лингвокультурологии.

Ключевые слова: фразеологизм, имя собственное, оним.

Результаты мыслительной деятельности человека закрепляются в языковом знаке. Изучение фразеологических единиц дает представление о культуре, традициях, истории говорящего на данном языке народа, позволяет уловить тот самый «дух» народа, познать его менталитет.

Особую категорию составляют фразеологизмы, включающие компонент оним. Онимы – собственные имена людей, географических объектов, мифологических персонажей и т.д. Об именах собственных написано большое количество работ, но, несмотря на это, они остаются источником многочисленных новых сведений и продолжают интересовать исследователей в области филологии.

В немецком языке фразеологизмы с компонентом онимом играют значительную роль, поскольку несут в себе культурную и историческую память народа. Они могут включать имена известных личностей, литературных героев, библейских персонажей, что делает их интересными для изучения в рамках когнитивной лингвистики, фразеологии и лингвокультурологии.

В лингвистике оним (от греч. ὄνομα – «имя») – это собственное имя, имеющее номинативную функцию. В фразеологических сочетаниях оно теряет свою первичную идентифицирующую функцию и приобретает переносное значение.

Ключевая функция имени собственного – функция номинации. Именно она «перекрывает собой все прочие функции имен, выделяемые в речи, и всегда им сопутствует» [Суперанская, 2012, с. 272]. Помимо этого, А.В. Суперанская,

выделяет также коммуникативную, аппелятивную, экспрессивную и дейктическую функции имен собственных [Суперанская, 2012, с. 272-273].

Противоположный взгляд на функциональную значимость имен собственных имеет В.Д. Бондалетов. В качестве основных он отмечает номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую функции имен собственных. К второстепенным автор относит адресную, аккумулятивную, социальную, стилистическую, указательную, эмоциональную, экспрессивную и эстетическую функции онимов [Бондалетов, 1983, с. 20-21].

При этом следует иметь ввиду, что данная классификация функций на основные и дополнительные считается условной. Разнообразие присущих именам собственным функций напрямую связано с их сложной, многокомпонентной семантической содержательностью.

А.В. Суперанская с учетом семантики имен собственных выделяет следующие группы онимов: антропонимы, топонимы, зоонимы, фитонимы, космонимы, хрононимы, хрематонимы, мифонимы и др. [Суперанская, 2012, с. 173-206].

Эмпирический материал статьи составляют фразеологизмы, полученные из монографии В.А. Масловой и словаря устойчивых выражений «Das A und O. Deutsche Redewendungen» [Маслова, 2010; Ullmann, 2009].

Каждый из этих типов онимов формирует особую группу устойчивых выражений в немецком языке. Можно выделить следующие:

Фразеологизмы с компонентом антропонимом.

Многие устойчивые выражения в немецком языке связаны с именами известных исторических фигур. Например:

- Napoleon spielen «вести себя как Наполеон», то есть проявлять чрезмерную амбициозность и властность;
- ein Judas sein «быть предателем», аналог русского «Иуда» (от библейского Иуды Искариота).

Герои литературных произведений также часто становятся составной частью устойчивых выражений:

- ein Don Quijote sein «быть Дон Кихотом», то есть мечтателем, идеалистом, борцом с ветряными мельницами;
- ein Hamlet sein «быть Гамлетом», то есть проявлять нерешительность, сомнения;
- Das ist ein Münchhausen «это (настоящий) Мюнхгаузен», то есть человек, который постоянно выдумывает небылицы.

Эти фразеологизмы отражают архетипичные образы, понятные даже людям, не читавшим сами произведения.

Библия оказала огромное влияние на формирование немецкого языка и фразеологии:

- ein salomonisches Urteil «соломоново решение», т.е. мудрое и справедливое решение;
- ein Pharisäer sein «быть фарисеем», лицемерить, вести себя двулично;
- ein Hiobsbotschaft erhalten «получить весть Иова», получить крайне плохие новости.

Подобные выражения встречаются в повседневной речи и носят эмоционально окрашенный характер.

2. Фразеологизмы с компонентом топонимом.

Географические названия также часто используются во фразеологических единицах:

- Das ist sein Waterloo «Это его Ватерлоо», означает катастрофическое поражение, аналогично значению исторической битвы.

Такие выражения отражают важные исторические события и характерные черты личностей, закрепившихся в общественном сознании.

- Jemanden nach Sibirien schicken «отправить кого-то в Сибирь», намек на ссылку, наказание;

- Das ist ein Babylon «Это настоящий Вавилон», место хаоса, смешения языков и культур;

- Wie in Gomorrha leben – «жить как в Гоморре», вести аморальный образ жизни).

Данные выражения часто имеют культурно-историческую основу и передают образность через известные исторические и библейские события.

3. Фразеологизмы с компонентом этнонимом.

Фразеологизмы с этнонимами указывают на национальные стереотипы или исторические ассоциации:

- wie ein Türke arbeiten «работать как турок», работать очень усердно, без отдыха;

- sich wie ein Finne benehmen «вести себя как финн», означает угрюмость, молчаливость, сдержанность.

4. Фразеологизмы с компонентом космонимом.

Устойчивые выражения с космонимами имеют более метафорический смысл:

- Das ist ein Marsmensch «Это марсианин», человек, странный, необычный, «не от мира сего»;

- Jemandem die Sterne vom Himmel holen «достать звезды с неба», сделать невозможное, проявить крайнюю заботу о ком-то.

Таким образом, сложная семантика имен собственных определяет наличие целого ряда дефиниций, функций и классификаций.

Фразеологизмы с компонентом онимом занимают особое место в системе немецкого языка. Они отражают культурные, исторические и литературные реалии, передают национальные стереотипы и ментальные установки. Использование таких фразеологизмов обогащает язык, делает речь образной и выразительной.

Анализ подобных выражений позволяет глубже понять немецкую культуру и историю, а также механизмы языкового мышления. Современный немецкий язык продолжает развивать свою фразеологическую систему, включая в нее новые реалии, но классические выражения с онимами остаются актуальными и востребованными.

Список литературы

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Либроком, 2012. – 316 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. вузов. – 4-е изд., стер. – М.: Академия, 2010. – 204 с.

Суперанская А.В. Общая терминология. Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева ; отв. ред. Канделаки Т. Л. – 6-е изд. – М.: URSS : ЛИБРОКОМ, 2012. – 243 с.

Ullmann K. Das A und O. Deutsche Redewendungen. – Stuttgart: Ernst Klett Sprachen GmbH, 2009. – 130 S.

PHRASEOLOGICAL PHRASES WITH THE COMPONENT ONYM IN MODERN GERMAN

Pechenitsyna Tatjana Nikolaevna,
student of the department of foreign languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia
Supervisor: Melnikova Yulia Nikolaevna,
Candidate of Philology,
associate professor of the department of German and French
Belgorod national research university, Belgorod, Russia

Abstract. The article provides a comprehensive definition of the concept of phraseological phrase with onymom component and its structural characteristics. A detailed analysis is presented of the origin of phraseological phrases with onym component, their semantic features and spheres of use. The article goes on to consider the particularities of the use of this type of phraseological phrases within the framework of cognitive linguistics, phraseology and linguocultural studies.

Key words: phraseology, proper name, onym.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОМПТИНГА В РАМКАХ ТОНКОЙ НАСТРОЙКИ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Рашевский Василий Евгеньевич,
ассистент кафедры иностранных языков Педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена интерпретативному описанию концептуальной модели промптинга в рамках тонкой настройки больших языковых моделей. Выявлено, что использование такой модели осложняется рядом проблем. Приводятся рекомендации по минимизации человеческого фактора и субъективности концептуальной модели промптинга.

Ключевые слова: большая языковая модель, концептуальная модель, промптинг, тонкая настройка, персонализация.

«Промпт-инжиниринг – это дисциплина разработки и оптимизации промптов для эффективного использования языковых моделей (LM) в широком спектре приложений и исследовательских тем. Навыки промпт-инжиниринга помогают лучше понять возможности и ограничения больших языковых моделей (LLM)» [Промпт-инжиниринг]. Целью промпт-инжиниринга является создание эффективного пользовательского запроса в рамках конкретной коммуникативной ситуации. Промпт целостно определяет коммуникативную реальность, так как содержит первичную эксплицитную и вторичную имплицитную информацию об

общем контексте и о мнимой роли искусственной языковой личности чат-бота соответственно. Таким образом, промпт персонализирует поведение и личность генеративной модели в рамках определенной ситуации.

Пользовательский запрос, или промпт, состоит из слов, которые воспринимаются ИИ в качестве последовательности некоторых языковых единиц. В контексте архитектуры предобученного трансформера такие единицы называются токенами, каждый из которых имеет собственный код [Valdenegro, 2023, с. 5]. На данный момент не существует единого метода токенизации текста, поэтому в разработке токенами могут определять не только слова, но и части слов [Rajaraman, 2024, с. 1]. Генеративный алгоритм большой языковой модели анализирует последовательность всех токенов диалога и отбирает каждый последующий токен ответа. Следовательно, ИИ не обладает пониманием значений слов вследствие математической природы нейродискурса.

Но почему тогда генерируемый большими языковыми моделями текст настолько дискурсивен? Предварительное обучение моделей ИИ большому количеству текстов формирует внутренние веса алгоритма генерации, который ответственен за симуляцию человеческой речи. Алгоритм ответственен за определение возможных последующих токенов ответа и выставляет им соответствующие вероятности отбора. С точки зрения исследователей, алгоритм предобученных языковых моделей обладает закономерно особенным функционированием в выставлении вероятностей токенам, и данный аспект ИИ утилизируется учеными для подтверждения наличия маркера нейродискурса в тексте [Chen, 2023].

С точки зрения критического дискурс-анализа, помимо самого дискурса, уделяют внимание и факторам речи. В коммуникации с чат-ботом так же предполагается обращение особого внимания на пользовательский запрос, ведь помимо аспекта реакции ИИ также важен и аспект промпта как настройки персонализации искусственной языковой личности.

Персонализация искусственного интеллекта представляется сложной для достижения. Во-первых, успешность преуспевания генеративной модели, как и пользовательские ожидания от функционирования ИИ, субъективны. Вне насущной объективности алгоритмической природы нейродискурса, персонализацию в рамках настройки большой языковой модели можно представить как попытку переноса бесконечномерных значений и идей из идейного мира в текстовый формат. Таким образом, пользователь сталкивается с проблемой проведения тонкой настройки в рамках промпт-инжиниринга, которая заключается в выражении наиболее глубинной запросной информации с использованием наиболее меньшего количества языковых знаков.

В отличие от вышесказанного, с точки зрения интерпретации языка, информация фундаментально может быть переведена в различные формы, поэтому естественным образом объективную информацию и субъективное отношение людей можно представлять в визуальном виде, например, в виде концептуальных графиков различной размерности. Оси концептуальных графиков могут отражать любую характеристику объектов и субъектов реального мира. В визуализации информации рационально использование таких конечных графиков, которые полностью отражают поле возможных результатов оценочного тестирования.

Оценочное тестирование – это процесс субъективной или объективной оценки интенсивности характеристик объектов или субъектов. После проведения тестирования происходит определение величин результата на концептуальном графике. Использование концептуальных графиков в промптинге предполагает наличие субъективной системы оценивания.

Система оценивания в оценочном тестировании контента генеративных ИИ, как и язык как явление, субъективны, поэтому концептуальная модель промптинга требует соблюдения ряда принципов по минимизации неточности и ошибочности концептуальной репрезентации исследуемых характеристик. Потенциальный разрыв системы оценивания и характеристик осей графика кроется в:

- неидеальности системы оценивания. Несбалансированность системы оценивания, а также неточное балльное оценивание ответов приводят к присвоению неверного числового результата на концептуальном графике;
- субъективном неверном восприятии исследуемых характеристик. Ошибка промпт-инженера заключается в составлении такого оценочного тестирования, которое не полностью охватывает реальное поле результатов;
- многозначности и комплексности характеристики. У исследуемых характеристик, связанных, например, со взглядами искусственной языковой личности чат-бота, могут существовать многомерные связи со смежными характеристиками, поэтому рекомендуется уделять им особое внимание при составлении вопросов оценочного тестирования. Данная сложность выражается в фундаментальной неровности концептуального графика в пространстве скрытых измерений;
- неопытности промпт-инженера и составителя оценочного тестирования. При составлении оценочного тестирования важен учет особенностей функционирования ИИ, ведь языковые генеративные модели предобучаются на последовательностях токенов и лишь имитируют человеческий дискурс, соответственно требуется прибегнуть к осторожному промпт-инжинирингу вопросов оценочного тестирования.

Концептуальный график образует одна или несколько осей. Начало и конец графика на той или иной оси выражают две крайности исследуемой характеристики, тогда есть два вида рационального в использовании одномерного графика:

- ось от нулевой координаты до положительной границы выражает условный уровень присутствия и интенсивности исследуемой характеристики, например, ось от 0 до 100 используется в стандартном тесте производительности;
- ось от отрицательной границы до положительной используется для отражения взаимоисключающих крайностей характеристики, например, концептуальный график теста политического компаса (The Political Compass) двумерен, а оси экономической и социальной шкал ограничены крайностями «Left/Right» и «Libertarian/Authoritarian» соответственно.

В рамках изложенных идей о концептуальной модели промптинга для тонкой настройки большой языковой модели считается приоритетным использование двумерных концептуальных графиков, оси которых равномерно затрагивают как положительные, так и отрицательные значения.

Так, проведение множества оценочных тестирований создает совокупность результатов на концептуальном графике, где каждый результат обусловлен использованием различных установочных промптов, которые переносят вторичную контекстную информацию о роли искусственной языковой личности. Анализ установочных промптов с ориентиром на величины отдельных результатов помогает извлечь знания о некоторых закономерностях функционирования генеративной модели как в рамках определенной ситуации, так и об общих закономерностях «промпт-тестирование-результат».

Под тонкой настройкой с использованием концептуальной модели промптинга понимается применение вышеупомянутых знаний в целях достижения особых величин результата на концептуальном графике. Данный способ тонкой настройки предоставляет неидеальное решение проблемы неконтинуальности в промптинге, которая заключается в том, что каждому промпту соответствует конкретный результат.

Подводя итог исследованию, отметим, что концептуальная модель промптинга предполагает ряд особых действий по минимизации субъективности оценочного тестирования и нейтрализации фактора потенциального разрыва системы оценивания и характеристик осей концептуального графика, а тонкая настройка представляет собой процесс поиска закономерностей промптинга для последующей тонкой персонализации генеративной модели.

Список литературы

Промпт-инжиниринг // Промпт-инжиниринг от Bithoven AI : сайт. – URL: https://bithoventech.gitbook.io/prompt-inzhiniring-ot-bithoven-ai (дата обращения: 16.03.2025).

Chen Y. Token Prediction as Implicit Classification to Identify LLM-Generated Text // Yutian Chen, Hao Kang, Yiyan Zhai, Liangze Li, Rita Singh, Bhiksha Raj. – 2023. – DOI: 10.48550/arXiv.2311.08723.

Rajaraman N. Toward a Theory of Tokenization in LLMs // Nived Rajaraman, Jiantao Jiao, Kannan Ramchandran. – 2024. – DOI: 10.48550/arXiv.2404.08335.

Valdenegro D. A Large Language Models Digest For Social Scientists. – 2023. – DOI: 10.31235/osf.io/m74vs.

CONCEPTUAL MODEL OF PROMPTING WITHIN THE FRAMEWORK OF FINE-TUNING OF LARGE LANGUAGE MODELS

Rashevsky Vasily Yevgenevich,
Assistant of the Department of Foreign Languages, Institute of Pedagogy,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

Abstract. The article is devoted to a theoretical review of conceptual model of prompting within the framework of fine-tuning of large language models. The study reveals that the use of such a model is complicated by a number of problems. The author provides recommendations for minimizing the human factor and subjectivity of the conceptual model of prompting.

Key words: large language model, conceptual model, prompting, fine-tuning, personalization.

ОПИСАНИЕ КАТЕГОРИЙ ПОДРОСТКОВЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ С ПОМОЩЬЮ ЛИНГВОКОНСТРУКТА НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. Л. ЭРМАН «THE DEVOURING GRAY»

Сахабетдинова Альфина Булатовна,
студентка отделения филологии и истории
Елабужского института
Казанского (Приволжского) федерального университета
г. Елабуга, Россия,
Поспелова Надежда Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации
Елабужского института
Казанского (Приволжского) федерального университета
г. Елабуга, Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие «лингвоконструкт» и описаны категории литературных персонажей на примере художественного произведения К. Л. Эрман «The Devouring Gray». Выявлены следующие категории: «возраст героя», «противоречивость и сложность характера», «жестокая реальность и отсутствие иллюзий», «поиск идентичности и самоопределение», «необычные способности», «отношения с окружающими». Намечаются тенденции трансфера категорий в дискурсивный мир.

Ключевые слова: К. Л. Эрман, «The Devouring Gray», лингвоконструкт, категория, анализ, персонаж.

Лингвоконструкт художественного текста можно представить как своеобразный «скелет» произведения, на котором держится всё его содержание и форма. Он складывается из множества языковых компонентов, которые работают вместе, создавая целостную картину художественного мира [Огнева, 2015, с. 62]. К таким компонентам относятся и литературные персонажи произведения.

Кристина Линн Эрман (Christine Lynn Herman) — писательница бестселлеров «New York Times» в жанре темного фэнтези для подростков, автор дилогии «The Devouring Gray».

«Пожирающая серость» — это современная молодежная серия книг, состоящая из двух романов. Первая часть истории, «Пожирающая серость» («The Devouring Gray»), была выпущена 2 апреля 2019 года. 21 апреля 2020 года история получила долгожданное продолжение под названием «Колода предзнаменований» («The Deck of Omens»).

Жанр тёмного фэнтези – один из наиболее ярких представителей современной литературы, который привлекает внимание читателей благодаря своей глубине, мрачной атмосфере и философским вопросам. Когда речь идёт о подростковых персонажах в рамках данного жанра, возникает уникальная динамика, ведь герои сталкиваются с жестокостью мира, внутренними демонами и социальными проблемами.

В данной статье рассмотрены ключевые особенности персонажей в тёмном фэнтези, посвящённом юному возрасту, таких как Харпер Карлайл, Джастин Готорн, Айзек Салливан, Вайолет Сондерс, Мэй Готорн и другие.

«Пожирающая серость» рассказывает про Вайолет, которая переезжает в небольшой провинциальный городок, затаившийся среди непроходимых лесов. Косые взгляды, сплетни и фамильные секреты – вот что ожидает девушку в новом доме. Совсем скоро Вайолет начинает понимать: город наполнен тайнами, которые жители давно похоронили у себя на чердаках. Но Вайолет решительно настроена их узнать, ведь они напрямую связаны с историей ее семьи.

1.«Возраст героя»

Персонажи в произведении К. Л. Эрман находятся в возрасте 16-17 лет. Это связано с тем, что именно в этот период жизни человек переживает значительные внутренние изменения, сталкивается с первыми серьезными проблемами и принимает важные решения. Возраст главных героев позволяет читателям легко идентифицироваться с ним, поскольку многие подростки проходят через схожие этапы взросления.

2. «Противоречивость и сложность характера»

Подростковые персонажи в тёмном фэнтези часто представляют собой сочетание противоречий. Они одновременно сильны и уязвимы, уверены в себе и сомневаются, стремятся к свету, но постоянно оказываются втянутыми в тьму. Эти внутренние конфликты делают героев многогранными и реалистичными [Карасик, 2002, с. 57]. Харпер Карлайл борется с внутренним злом, которое стремится поглотить её душу. Ее внутреннее зло — желание во чтобы то не стало отомстить семье Готорнов. Из-за несчастного случая во время ритуала по призыву магических сил Харпер лишилась одной руки, в своем недуге девушка обвиняет Джастина, своего бывшего лучшего друга, как так он не помог ей в трудную минуты. Поступок друга глубоко задевает Харпер, и в юной душе зарождается ненависть к семье Готорн в целом. Девушка хочет использовать жителей своего города, чтобы лишить Готорнов всей власти.

3. «Жестокая реальность и отсутствие иллюзий»

Тёмное фэнтези лишает персонажей розовых очков. Герои быстро понимают, что мир вокруг них несправедлив и полон боли. Это вынуждает их становиться циничными, прагматичными и даже холодными. Однако такая «жёсткость» нередко сопровождается глубокой эмпатией и стремлением защитить тех, кто слабее. Например, Айзек Салливан проходит через череду испытаний, которые заставляют его пересмотреть своё отношение к миру и людям. Айзек - персонаж, который в детстве пережил травмирующее событие - потерю родителей в несчастном случае. Он вырос замкнутым в себе парнем и не любил сближаться с людьми, его единственным другом стал Джастин. Однако все меняется после прибытия Вайолет и предсказания Мэй о том, что спасти свой родной город от Зверя они смогут только вместе. Вайолет и остальные смогли заполучит доверие Айзека и он смог побороть себя и открыться чувствам.

4. «Поиск идентичности и самоопределение»

Важной темой в произведениях о подростках является процесс взросления и становление личности. Персонажи вынуждены выбирать между добром и злом, искать своё место в мире и решать, кем они хотят стать [Поспелова, 2024, с. 217]. Часто этот путь сопровождается трагическими ошибками и утратами. Герой вынужден пройти через страдания, чтобы обрести себя. Так, Джастин Готорн, который не смог завершить ритуал и получить магические силы – становится

символом поиска смысла жизни и понимания своего предназначения. Джастин чувствует на себе давление со стороны общества, жители города ждут от него своего рода чуда - избавление от Зверя. Однако Джастин должен скрывать отсутствие у него магических сил, чтобы его семья не потеряла уважение жителей городка. Несмотря на то, что Джастин не способен использовать силы Хоторнов, он всеми силами старается защитить Четверку Дорог от Серости.

5. «Необычные способности»

Фэнтези традиционно предполагает наличие магии, сверхъестественных сил или уникальных способностей у главных героев. В случае подростковой литературы такие способности часто становятся символом внутреннего потенциала героя, который он постепенно раскрывает на протяжении сюжета. Например, Вайолет Сондерс обнаруживает, что обладает магическими способностями при прибытие в родной городок ее родителей. Ей была сложно принять свои силы, девушка долго не могла поверить в существование магии и волшебных существ. Мир Вайолет перевернулся с ног на голову и ей понадобилось много духовных сил, чтобы понять новый для нее мир.

6. «Отношения с окружающими»

Подростки в тёмном фэнтези часто испытывают трудности в построении отношений. Их недоверие к окружающим, страхи и внутренние переживания мешают им открыться другим людям. Тем не менее, именно дружба и любовь становятся теми связями, которые помогают героям выстоять в борьбе против зла. Так, например, Мэй Готорн находит поддержку среди друзей, несмотря на всю тяжесть возложенной на него миссии. Она смогла получить магические силы своей семьи, в отличие от своего брата, Джастина. Ее способности гадать на Картах Предзнаменований несколько давят на нее, потому что она остается единственным членом семьи Готорн способной помочь разгадать загадки Зверя из Серости.

7. Роль избранного

Герои-подростки К.Л. Эрман оказываются втянутыми в эпический конфликт благодаря своему происхождению и уникальным способностям. Благодаря Мэй Готорн и Картам предзнаменований Харпер, Вайолет, Айзек и Джастин узнают, что только они способны победить Зверя и спасти городой Четверка Дорог от гибели. В жанре фэнтези роль избранного часто переплетается с тематикой взросления. Подростков заставляют быстро повзрослеть, принимая серьёзные решения и беря на себя ответственность за жизни других людей. Сначала Вайолет и Айзек не хотят брать на себя ответственность, в отличие от Харпер и Джастина, которые всегда были готовы любой ценой защитить жителей своего города, но обстоятельства вынуждают их встать на путь героя, защищающего других людей.

В статье с помощью лингвоконструкта описаны подростковые персонажи, такие как Харпер Карлайл, Джастин Готорн, Айзек Салливан, Вайолет Сондерс, Мэй Готорн и другие.

Персонажи тёмного фэнтези, особенно подростки, выделяются своей многогранностью и глубиной переживаний. Они сталкиваются с тяжёлыми моральными выборами, внутренними конфликтами и тёмными сторонами своей натуры. В отличие от классического фэнтези, где границы между добром и злом чётки, эти герои существуют в серой зоне морали, что делает их более

реалистичными и понятными для читателей. Они могут быть «сломанными героями», пытающимися восстановить себя, «порочными героями» с тёмным прошлым или «потерянными душами», ищущими своё место в мире.

Такие персонажи привлекают читателей своей правдоподобностью и эмоциональной глубиной. Через их истории раскрываются вечные вопросы человеческой природы: борьба с внутренними демонами, поиск баланса между светом и тьмой, цена выживания в жестоком мире. Их путь трансформации особенно резонирует с подростковой аудиторией, находящейся в поиске себя. Благодаря этому персонажи тёмного фэнтези становятся не просто героями книг, а настоящими проводниками в понимании сложности человеческой души [Поспелова, 2024, с. 56].

Выявлены следующие категории «возраст героя», «противоречивость и сложность характера», «жестокая реальность и отсутствие иллюзий», «поиск идентичности и самоопределение», «необычные способности», «отношения с окружающими», «роль избранного».

Список литературы

Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. – 2002. – 477 с.

Огнева Е. А. Архитектоника текстового когнитивного сценария в интерпретативном поле перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. – №2(043). – 2015. – С. 61-70.

Поспелова Н. В. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «амбиция» в современном английском языке / Н.В. Поспелова, Н.С. Субботина, М.С. Ачаева // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Елабуга, 20-21 октября 2023 г. / под ред. Е.М. Шастиной; Елабужский институт (филиал) КФУ – Елабуга, 2023. – С.39-44.

Поспелова Н. В. Лингвокультуроведческое чтение текста художественного произведения «How to be good» Ника Хорнби / Н.В. Поспелова, Р.Ф. Башарова // Власть Истории и История власти. – 2024. – №3 (53). - С. 216-222.

DESCRIPTION OF CATEGORIES OF TEENAGE CHARACTERS USING A LINGUISTIC CONSTRUCT BASED ON THE EXAMPLE OF C. L. HERMAN'S WORK OF FICTION «THE DEVOURING GRAY»

Sakhabetdinova Alfina Bulatovna
a student of the Department of Philology and History of Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga, Russia,
Pospelova Nadezhda Vladimirovna,
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication at Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga, Russia

Abstract. The article examines the concept of «linguistic construct» and describes the categories of literary characters using the example of C. L. Herman's work of fiction «The Devouring Gray». The following categories were identified: «the age of the hero», «inconsistency and

complexity of character», «cruel reality and lack of illusions», «search for identity and self-determination», «unusual abilities», «relationships with others». Trends in the transfer of categories to the discursive world are outlined.

Key words: C. L. Herman, «The Devouring Gray», linguistic construct, category, analysis, character.

ПРОКСЕМНЫЙ СПЕКТР ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС ДЖ. Б. ШОУ И А.П. ЧЕХОВА)

Семченкова Инна Валентиновна,
доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников
Белгородского государственного института искусств и культуры,
г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены проксемные параметры драматургического текста, функционирующие в виде проксемного спектра как одного из компонентов социокультурного кода. Выявлены общие и различные черты проксемного спектра в разноязычных драматургических текстах, актуализированных в культуре Великобритании и России в конце XIX века. Рассмотрение пьесы Дж. Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра» и пьесы А.П. Чехова «Чайка» установило, что к схожим параметрам проксемного спектра относятся: (1) наличие проксем, семантика которых обозначает ограничение в пространстве, (2) существование проксем, поляризирующих описываемое пространство, (3) функционирование проксем-лингвокультурем. Различие прослеживается в наличии маркеров света в английском тексте и в сопряжении маркеров природных стихий с фитонимами в русском тексте.

Ключевые слова: драматургический текст, проксемный спектр, проксемы, информативный код, номинанты.

Исследование драматургического текста как одного из форматов художественной информации является одним из актуальных направлений современной теории текста, развивающейся по различным векторам с учетом того, что «семантика текста существенно отличается от семантики слов» [Жирова, 2021, с. 84]. Построение семантики драматургического текста обусловлено тем, что «творчество – реализация возможного, но еще не реализованного» [Демьянков, 2016, с. 30]. В свете этого драматургическая проекция реального или вымышленного писателем мира отличается от других проекций текстового формата знания тем, что пространство пребывания героев синергично их эмотивному фону, то есть, чем выше потенциал эмотивного фона событий, тем многограннее пространство, в котором они происходят.

Текстовое пространство выражается различными конструктами, понимаемыми в качестве когнитивно-обусловленных составляющих, «интерпретация которых вскрывает когнитивно-дискурсивный спектр функционирования текста» [Огнева, 2022, с. 38]. Функционирование текстового пространства обусловлено существованием норм культурных сообществ, которые «выдвигают требования к регулированию дистанции» [Трофимова, 2022, с. 239]. Как известно, социальная дистанция играет значимую информативную роль,

следовательно, ее текстовая проекция в виде проксемного спектра предназначена для воссоздания пространственных параметров мира средствами художественного слова, формирующего социокультурный код, под которым понимается совокупность информативных маркеров, сопрягающих две сферы: социумную и культурную в лингвопроекции текста, в том числе и драматургического текста.

Социокультурный код сопряжен с лингвокультурным кодом, который «в логическом плане представляет собой смысловое расширение понятия «код» путем обогащения последнего новыми семантическими признаками» [Воркачев, 2023, с. 104]. Часть семантических признаков в данном случае культурно-маркирована и обозначает, в том числе, и пространственные параметры. Проксемный спектр социокультурного кода может быть смоделирован, что способствует «познанию процесса коммуникации, поскольку [моделирование] предлагает некий абстрактный конструкт, гипотетическое научное построение» [Логинова, 2016, с. 57]. Моделируемость текстовой проекции пространства мира представляет собой неотъемлемый параметр драматургического текста, в котором «текстовые когнитивные аттракторы удерживают внимание читателя» [Даниленко, 2022, с. 183]. Структура текстовых когнитивных аттракторов, как показывает исследование, взаимосвязана с проксемным сегментом текстового социокультурного кода.

Проксемный спектр социокультурного кода интерпретируется в виде совокупности номинантов, формирующих проксемный текстовый когнитивный аттрактор, функционирующий в персональном дискурсе писателя, в котором проксемные «эмблемы сводятся к демонстрации сокращенной дистанции общения» [Карасик, 2023, с. 1122]. Исследование проксемного спектра социокультурного кода осуществимо в соответствии с «алгоритмом исследования проксемного аспекта» [Тугуз, 2023, с. 786], который позволяет «пролить свет на целый ряд новых моментов в архитектонике драматургических произведений» [Кубрякова, 2010, с. 64]. Данный подход выводит интерпретацию драматургического текста на новый уровень с привлечением информативности функционирования проксемного спектра в текстовом формате.

Номинанты, формирующие проксемный текстовый когнитивный аттрактор, сопряженные с текстовым информативным кодом, могут быть рассмотрены в качестве следующей совокупности: «1) слова и конструкции, семантика которых маркирует художественное пространство; 2) глаголы движения; 3) топонимы; 4) пейзажные единицы» [Огнева 2021, с. 56]. Среди перечисленных четырёх типов номинантов определена «высокая частотность употребления глаголов-проксем» [Бекетова, 2022, с. 89], создающих динамический каркас художественного текста, в данном исследовании динамический каркас драматургического текста, тем не менее другие три типа проксемных номинантов также в различной степени семантической активности способствуют формированию целостной пространственной модели драматургического текста, его проекционного проксемного спектра социокультурного кода.

В данной статье представлены таксономические модели разноязычных проксемных спектров английского и русского социокультурных кодов драматургических текстов, написанных в конце XIX века известными

драматургами Великобритании и России, Дж. Б. Шоу и А.П. Чеховым. Так, например, рассмотрение проксемного спектра социокультурного кода драматургического текста Дж. Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра» показало сопряжение культурной маркированности текстовой драматургической модели и ее проксемных параметров по ряду следующих интерпретативных векторов.

Во-первых, выявлена лингвокультурная маркированность проксемического спектра. В качестве примера приводится проксема *«on the Syrian border of Egypt»* [Show, http, ч. 1] / *«Сирийская граница Египта»* (Здесь и далее перевод автора *И.С.*), которая репрезентирует сопряжение культур двух государств в их формате в античное время, а именно двух граничащих государств Сирии и Египта. Упоминание о границе также представляет собой атрибут драматургического пространства, описание которого начинается с отсылки читателя к проксемному текстовому когнитивному аттрактору, номинирующему границу двух государств лингвокульутремами-топонимами.

Во-вторых, определено сопряжение света и пространства в проксемическом текстовом спектре. Например, проксема *«a moonlit night, is rising in the east»* [Show, http, ч. 1] / *«лунная ночь поднимается на востоке»* показывает сопряжение природного света лунной ночи и восточного пространства горизонта. Интерпретация данного сопряжения показывает, что социокультурная информативность словосочетания через маркированность границы восточного горизонта указывает на ограниченность пространства, в котором в дальнейшем произойдут события пьесы.

В-третьих, установлено свойство поляризованности проксемных параметров. К примеру, проксема *«one side is the front of the palace, with a doorway, the other a wall with a gateway»* [Show, http, ч. 1] / *«одна сторона перед дворцом с дверью, другая сторона со стеной с воротами»* репрезентирует поляризацию пространства, вводимую через семантику поляризации компонентов «одна сторона – другая сторона» акторного пространства. Более того, в структуре данной проксемы поляризуются также две ограниченные части пространства: дверь и ворота.

Следовательно, представленные примеры проксем иллюстрируют тенденцию функционирования проксемного спектра социокультурного кода рассматриваемого драматического текста в виде сопряжения различных по семантике пространственных параметров с параметрами границы/ограничения, что является показателем проксемного текстового когнитивного аттрактора.

Рассмотрение проксемного спектра социокультурного кода драматургического текста А.П. Чехова «Чайка» также как и в английской пьесе показало сопряжение культурной маркированности текстовой модели и ее проксемных параметров, что может говорить о существовании надкультурной и надязыковой тенденций в описании пространства в драматургических текстах конца XIX века.

Итак, в пьесе А.П. Чехова «Чайка» выявлена, во-первых, лингвокультурная маркированность проксемического спектра. Например, проксема «Часть парка в имении Сорина» [Чехов, 2018, с. 3] ограничивает репрезентируемое

национально-культурное пространство начала пьесы форматом русского имения конца XIX века, выраженного лингвокультуремой «имение Сорина».

Во-вторых, определено сопряжение пространственных стихий и фитонимического сегмента текстовой модели. К примеру, проксема «Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно» [Чехов, 2018, с. 3] маркирует фитонимную горизонтальную пространственную ось, уходящую в глубь парка, но перегороженную эстрадой, то есть зрительная перспектива ограничена. Также выявлено сопряжение двух пространственный стихий: стихии земли в семантике маркеров «широкая аллея», «парк» и стихии воды в номинанте «озеро».

В-третьих, установлено свойство поляризованности проксемных параметров. Например, проксема «налево и направо у эстрады кустарник» [Чехов, 2018, с. 3] репрезентирует поляризацию пространства через семантику номинантов «налево» и «направо». Семантика ограничения передана через номинанта «у эстрады».

Следовательно, представленные примеры иллюстрируют тенденцию построения проксемного спектра социокультурного кода русской пьесы, а именно: (1) наличие проксемных лингвокультурем, (2) сопряжение проксемных стихий земли и воды, (3) репрезентация поляризации пространства. Все три проксемные параметра коррелируют с сематическими маркерами границы.

Таким образом, исследование прексемного спектра социокультурного кода разноязычных драматургических текстов, актуализированных в культурном пространстве Великобритании и России в один и тот же период времени, а именно в конце XIX века, показало следующее: (1) наличие общей тенденции репрезентации проксем, семантика которых обозначает ограничение в пространстве, (2) существование проксем, поляризирующих описываемое пространство, (3) функционирование проксем-лингвокультурем.

Наряду с выявленными идентичными параметрами проксемный спектр социокультурного кода имеет различия, обусловленные идиостилем писателей, а именно, наличие маркеров света в пространстве английского драматургического текста и маркеров природных стихий (земли и воды) в сочетании с фитонимами в пространстве русского драматургического текста.

Список литературы

Бекетова А.О. Проксемы в архитектонике текстового когнитивного сценария (на примере романа Дэна Брауна «Инферно») // Филологический аспект. – 2022. – № 7 (87). – С. 83-89.

Воркачев С.Г. Лингвокультурный код в блазонировании национальной геральдики / С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 3. – С. 102-116.

Даниленко И.А. Алгоритм реализации когнитивной аттракции в текстовых мирах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф.: в 2 ч.. ЧелГУ. Челябинск, 2022. – С. 183-186.

Демьянков В.З. Языковая креативность в художественном творчестве // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. – № 7. – С. 29-35.

Жирова И.Г. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Дискурсивные практики в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Москва, 2021. – С. 83-89.

Карасик В.И. Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – № 4. – С. 1122-1138.

Кубрякова Е.С. Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении языка пьес) / Е.С. Кубрякова, Н.Ю. Петрова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2 (23). – С. 64-73.

Логинова Е.Г. Моделирование как метод исследования процесса семиозиса в дискурсе драмы // Иностранные языки в высшей школе. – 2016. – № 4 (39). – С. 56-63.

Огнева Е.А. Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2 (78). – С. 54-58.

Огнева Е.А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 37-49.

Трофимова Н.А. Проксемы как маркеры невербального кода в публицистическом дискурсе журналистов «The New York Times» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2022. – № 2 (73). – С. 238-244.

Тугуз Т.Р. Спейнемы как маркеры художественного пространства в фоновом терминале когнитивной сцены (на материале произведения Г. Джеймса «Бостонцы») // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2 (54). – С. 783-787.

Чехов А.П. Чайка. – М.: Центр книги Рудомино, 2018. – 96 с.

Show B. Caeser and Cleopatra. The Project Gutenberg EBook. Produced by Eve Sobol, and David Widger. – URL: http://www.gutenberg.org (acceded 28.02.2023)

THE PROXIMAL SPECTRUM OF THE DRAMATIC SOCIO-CULTURAL CODE (IN THE PLAYS BY J.B. SHOW AND A.P. CHEKHOV)

Semchenkova Inna Valentinovna,
Associate Professor of the Department of Directing Theatrical Performances and Celebrations
Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Abstract. The article considers the proximal parameters of a dramaturgical text functioning in the form of a proximal spectrum interpreted as one of the sociocultural code's components. The common and different features of the proximal spectrum in multilingual dramaturgical texts, actualised in the culture of Great Britain and Russia at the end of the XIX century, are revealed. Consideration of the play by J. B. Shaw «Caesar and Cleopatra» and the play by A.P. Chekhov «The Seagull» established that similar parameters of the proximal spectrum include: represent proxemes, the semantics of which denotes a limitation in space, the existence of proxemes polarising the described space, the functioning of the

proximal linguistic culture. The difference is traced in the presence of light markers in the English text space and in the conjugation of markers of natural elements with phytonymes in the Russian one's.
Key words: dramatic text, proximal spectrum, proxemes, informative code, nominees.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОНТОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ

Скребова Екатерина Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия,
Сиротина Светлана Александровна,
преподаватель кафедры иностранных языков Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия

Аннотация. Изложенная в работе концепция позволяет осмыслить подчинение как глобальную структуру языка, фиксирующую и определенным образом классифицирующую семантическое пространство знаний об антропно релевантных отношениях между событиями объективной реальности. В результате проведенного исследования было установлено операциональное обеспечение процесса языкового кодирования пространственных отношений. Это позволило получить адекватное описание онтологической компоненты интеллектуальной программы семантико-структурного анализа сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов.
Ключевые слова: языковая реальность, онтолого-лингвистическая модель, операциональное обеспечение, сложноподчиненное предложение, внеантропологическое онтологическое событие, интеллектуальная программа.

В последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к расширению предмета лингвистики, которая имеет своим следствием формирование группы теснейшим образом взаимосвязанных дисциплин, образующих антропоцентрическую языковедческую парадигму: когнитивная лингвистика, неофункционализм, теория речевой коммуникации, теория текста, математическое и компьютерное моделирование процессов порождения и восприятия речи, лингвосинергетика и мн. др. Внимание исследователей концентрируется не столько на описании языковых явлений и особенностях их функционирования, сколько на проектировании «языковой реальности» (термин К.И. Белоусова). Языковая реальность в антропоцентрической лингвистике интерпретируется как теоретический конструкт, в рамках которого реализуются категории предметности деятельности языковой личности [Белоусов, 2010, с. 94-97; Сулейманов, 2016].

Специфика проектирования языковой реальности заключается в том, что языковая личность в процессе восприятия и отражения какого-то фрагмента объективной действительности преобразует его в онтологический объект и

встраивает этот объект в суперсистему классификаций. Таким образом, проектирование языковой реальности представляет собой сложные многоуровневые когнитивные операции, результатом которых является создание языковой личностью уникальной картины объективной действительности.

В статье рассматриваются особенности проектирования онтолого-лингвистической модели сложноподчиненных предложений пространственной семантики. Актуальность исследования определяется потребностью в информации, дающей адекватное представление о сценариях структурирования подчинительных отношений в сложноподчиненном предложении, с одной стороны, и позволяющей установить систему семантических отношений в сложноподчиненном предложении, с другой.

Языковое кодирование пространственных отношений, устанавливающихся между отражаемыми языковой личностью в процессе категоризационно-интерпретационной деятельности внеантропологическими онтологическими событиями, характеризуется следующим образом. Возникнув как онтологическая целесообразность в результате категоризационно-интерпретационной деятельности языковой личности, подчинительные отношения реализуются в позиционной структуре сложного предложения, в пределах которой единицы лексико-грамматического уровня располагаются в том порядке, который предопределяется их ролью и степенью участия в фиксируемом ряде внеантропологических онтологических событий [Ахманова, 2010, с. 238; Аль Хаснави, 2017, с. 132-138]. Та или иная позиция в структуре сложного предложения не просто заполняется ассоциированными лексико-грамматическими единицами, но служит семантико-функциональным основанием для их вторичной синтаксизации на основе подчинения. Исходя из сказанного, следует, что операциональное обеспечение процесса языкового кодирования сложноподчиненного предложения являет собой динамическую функциональную систему, которая состоит из эталонов формальных языковых значений, разного рода прескрипторных правил и приводящих их к действию речемыслительных операций:

1) выбора компонентов сложноподчиненного предложения;

2) выбора средств связи компонентов сложноподчиненного предложения;

3) выбора порядка размещения компонентов сложноподчиненного предложения.

Функционирование разрабатываемого программного продукта осуществляется с помощью искусственной нейронной сети, позволяющей успешно решать нечеткие и сложные задачи, такие как анализ текста и семантико-синтаксическая классификация сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов. Дело в том, что базовым элементом искусственной нейронной сети является искусственный нейрон, который способен принимать сигналы с многих входов, единообразно их обрабатывать и передавать результат остальным искусственным нейронам. Связи между искусственными нейронами называются синапсами. В зависимости от значения синапса осуществляется та или иная корректировка информации в процессе ее передачи от одного искусственного нейрона к другому. Именно благодаря этому обстоятельству входная информация обрабатывается и становится результатом.

Интеллектуальная программа семантико-структурного анализа сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов состоит из двух модулей, а именно:

1) модуль ввода входных данных, элементов выбора и обработки данных;

2) модуль вывода требуемых результатов.

В процессе создания модуля ввода входных данных использовались как ассоциированные единицы лексико-грамматического уровня (союзные слова и коррелятивные элементы, атрибутивные синтагмы), так и единицы, оказывающие значительное влияние на параметризацию формально-смысловой конфигурации позиционной структуры сложноподчиненного предложения (признаковые компоненты). Был предложен следующий алгоритм работы модуля:

ВАРИАНТ 1

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ АКТАНТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ 1	ЗНАЧЕНИЕ	БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ 2 ПРИЗНАКОВЫЙ КОМПОНЕНТ	ЗНАЧЕНИЕ	ПОЛОЖЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО БАЗОВОГО КОМПОНЕНТ 1
WO	полное вхождение соотносимых в предложении пространств друг в друга	sein[2] sich befinden bleiben stehen sitzen hingeraten fehlen es gibt	локализация, указание на положение субъекта в определенной точке пространства	в главной части сложноподчиненного предложения

ВАРИАНТ 2

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ АКТАНТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ 1	ЗНАЧЕНИЕ	БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ 2 ПРИЗНАКОВЫЙ КОМПОНЕНТ	ЗНАЧЕНИЕ	БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ 3 КОРРЕЛЯТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ	ЗНАЧЕНИЕ	ПОЛОЖЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО БАЗОВОГО КОМПОНЕНТ 1
WO	полное вхождение соотносимых в предложении пространств друг в друга	sein[2] sich befinden bleiben stehen sitzen hingeraten fehlen es gibt	локализа-ция, указание на положение субъекта в определен-ной точке пространства	**DORT**	определенное место, где развертывается действие главной части предложения; статическое пребывание в пространстве	располагается в постпозитивной главной части, т.е. находятся сразу после запятой

СТРАТЕГИЯ 1

СИСТЕМНО-ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛИНЕЙНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО АКТАНТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

ПРИДАТОЧНАЯ ЧАСТЬ	ГЛАВНАЯ ЧАСТЬ	ЗНАЧЕНИЕ
придаточная часть находится в постпозиции, т.е. после запятой	главная часть находится в препозиции, т.е. до запятой	информация о пространственном локализаторе: «субъект – локализация – локализатор»

СТРАТЕГИЯ 2

СИСТЕМНО-ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛИНЕЙНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО АКТАНТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

ПРИДАТОЧНАЯ ЧАСТЬ	ГЛАВНАЯ ЧАСТЬ	ЗНАЧЕНИЕ
придаточная часть находится в препозиции, т.е. до запятой	главная часть находится в постпозиции, т.е. после запятой	информация о субъекте локализации: «локализатор – локализация – субъект»

В приведенной таблице представлены возможные варианты сочетаемости базовых компонентов в позиционной структуре сложноподчиненных актантных предложений пространственной локализации. При этом следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, номер базового компонента («базовый

компонент 1», «базовый компонент 2», «базовый компонент 3» и т.д.) соответствует приоритетности его поиска в сложноподчиненном предложении. Программа «ищет» и идентифицирует сначала союзные слова, ассоциированные не только с подчинительной связью, но и с семантикой локализации в пространстве, затем – признаковые компоненты, коррелятивные элементы и, наконец, определяет стратегии линейного развертывания компонентов в сложноподчиненных актантных предложениях пространственной локализации. Во-вторых, каждый из приведенных в таблице базовых компонентов сопровождается кратким описанием его семантики. Это необходимо для создания словаря, на основе которого программа определяет тип семантико-синтаксических отношений, репрезентируемых в сложноподчиненном предложении, классифицирует их.

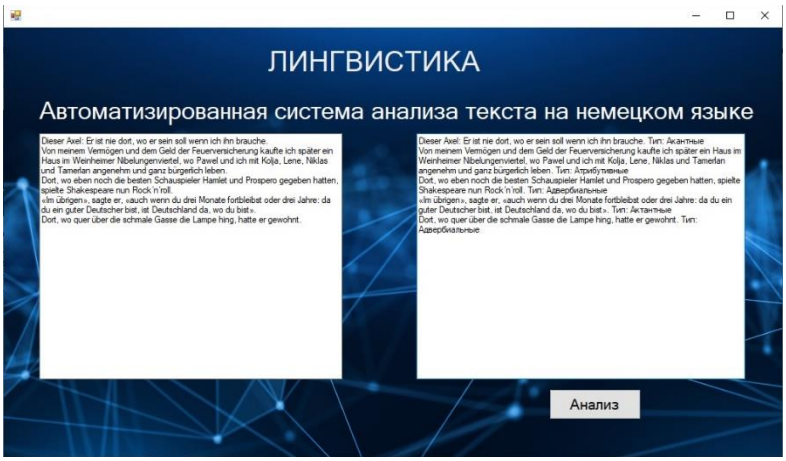

Рисунок 1 – Интерфейс интеллектуальной обучающей программы «Семантико-функционального анализа сложноподчиненных предложений немецкого языка»

Проведённое исследование показало, что подчинение является автономной целостной структурой языка. В сложном предложении подчинительные отношения воспроизводит процесс вербализации «квантов» событийного осмысления языковой личностью объективной действительности, которые обладают достаточными сходствами и различиями системно-релевантных характеристик и тем самым подводимых под синтаксическую форму подчинения.

Как показал анализ операционального обеспечения языкового кодирования подчинительных отношений, их структурирование представляет собой сложный многоуровневый процесс, характеризующийся симультанностью взаимно детерминированных операций: 1) выбора компонентов сложноподчиненного предложения, 2) выбора средств связи компонентов сложноподчиненного предложения, 3) выбора порядка размещения компонентов сложноподчиненного предложения.

На основании установленных в ходе исследования эталонов формальных языковых значений, была разработана интеллектуальная программа семантико-структурного анализа сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов, функционал которой решает задачи интеллектуального анализа данных семантико-синтаксической организации сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов, их классификации.

Список литературы

Аль Хаснави А.Р.М. Сирконстанты позиционной схемы высказываний, в основе формирования которых лежит схема «кто / что проявляет себя как» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2017. – № 5. – С. 132-138.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.

Белоусов К.И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 11 (117). – С. 94-97.

Сулейманов Д.Ш. Формальные модели и системы в вычислительной лингвистике / Д.Ш. Сулейманов, О.А. Невзорова, П.И. Соснин, Л.Н. Беляева, Н.В. Лукашевич, С.Г. Татевосов. – Академия наук РТ, Институт прикладной семиотики АН РТ. – Казань, 2016. – 187 с. : ил.

DESIGNING AN ONTOLOGICAL-LINGUISTIC MODEL OF COMPLEX SENTENCES OF SPATIAL SEMANTICS

Skrebova Ekaterina Gennad'evna,
Candidate of Philology, associate professor of department of foreign languages Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh, Russia,
Sirotina Svetlana Alexandrovna,
lecture of department of foreign languages Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh, Russia

Abstract. The concept presented in this paper allows us to understand subordination as a global structure of language that fixes and classifies in a certain way the semantic space of knowledge about anthropically relevant relations between events of objective reality. As a result of the research the operational support for the process of language coding of spatial relations was established. Thus allowed us to obtain an adequate description of the ontological component of the intellectual program for semantic and structural analysis of complex sentences of spatial semantics.

Key words: language reality, ontological and linguistic model, operational support, complex sentence, non/anthropological ontological event, intelligent program.

СПЕЙСНЕМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ФОРМАТЕ ТЕКСТОВОЙ КОГНИТИВНОЙ СЦЕНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Г. ДЖЕЙМСА «КРЫЛЬЯ ГОЛУБКИ» И «БОСТОНЦЫ»)

Тугуз Тамара Руслановна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проксемы как маркеры невербальной коммуникации в формате текстовой когнитивной сцены в романах Г. Джеймса «Крылья

голубки» и «Бостонцы». Выявляются особенности спейснем как второго по частотности типа проксем, формирующих художественное пространство в фоновых терминалах текстовых когнитивных сцен.

Ключевые слова: текст, когнитивная сцена, проксема, спейснема.

Одним из наиболее важных вопросов языкознания является исследование текста. Ученые рассматривают его в качестве объекта лингвистического анализа, продукта национальной культуры, единицы межкультурной коммуникации. Под текстом понимается письменное сообщение, высказывания в котором объединены «различными типами связи» [Гальперин, 1981, с. 18-19].

Любой текст состоит из множества конструктов, выражающих «процесс познания мира» [Кубрякова, 1996, с. 90-93], обозначающихся термином «концепт». Одним из ключевых концептов является пространство, которое часто бывает представлено в формате когнитивной сцены. Под данным термином понимается «динамичный формат представления знаний», в котором «реализуется коммуникативная ситуация» [Огнева, 2014, с. 34-35]. Ее компонентами являются информационный терминал, состоящий из адресата и адресанта, а также и фоновый терминал, который является факультативным [Огнева, 2014, с. 34-35].

Когнитивная сцена часто содержит маркеры невербальной коммуникации, самым распространенным из которых являются проксемы. Под данным термином подразумеваются текстовые единицы, обозначающие «пространственный фон реализации вербального и невербального коммуникативного поведения» [Нелюбин, 2003, с. 169].

Проксемы делятся на 4 типа: «1) слова и конструкции, семантика которых маркирует художественное пространство; 2) глаголы движения; 3) топонимы; 4) пейзажные единицы» [Огнева, 2021, с. 56]. В данном исследовании первый пункт типологии заменен термином «спейснема» [Тугуз, 2022, с. 131].

Проведенное ранее исследование показало, что в романах Г. Джеймса «Крылья голубки» и «Бостонцы» наиболее распространенными являются глаголы движения, а на втором месте находятся спейснемы. В романе «Крылья голубки» третьими по распространенности являются пейзажные единицы, а четвертыми – топонимы, тогда как в романе «Бостонцы» на третьем месте находятся топонимы, а на четвертом – пейзажные единицы.

Установлено, что спейснемы в обоих произведениях часто употребляются в сочетании с глаголами, которые можно разделить на два типа:

1) глаголы, указывающие на перемещение в пространстве (идти, бежать и т.д.);

2) глаголы, обозначающие статичные действия (стоять, лежать и т.д.).

В примерах приняты следующие условные обозначения: ИИ – информационный импульс.

Пример 1. Спейснема, сопряженная с глаголом, выражающим статичное действие

(фоновый терминал) *«That young lady had of course* ***awaited (глагол)*** *her* ***in another room» (спейснема)*** <…>.

(ИИ I) *«Is it out?» she seemed to ask as if it had been a question of a tooth»* <…>.

(ИИ II) *«He's a dear. I'm to come again»* [James, 2017, p. 75].

Коммуникантами в данной сцене являются Милли и Кейт. В первом информационном импульсе адресантом является Кейт, а адресатом – Милли, затем адресат и адресант меняются местами. Информационные импульсы данной сцены следуют за фоновым терминалом.

Проксемный спектр фонового терминала характеризуется наличием проксемы-спейснемы *в другой комнате*. Спейснема маркирует точку в пространстве и обозначает местонахождение героини. Она сопряжена с глаголом *ждала*, обозначающим статичное действие.

Пример 2. Спейснема, сопряженная с глаголом, выражающим перемещение в пространстве

(ИИ I) *«Go with me where?»*

(ИИ II) *«Anywhere. I'll stay with you <…>»."*

(фоновый терминал) *«She had* ***taken off (глагол) her gloves (спейснема)*** *and, as if she had arrived with her plan, she sat down»* [James, 2017, p. 3].

Коммуникантами в данной сцене являются Кейт и Лайонел. В первом информационном импульсе адресантом является Кейт, а адресатом – Лайонел, затем адресат и адресант меняются местами. Информационные импульсы данной сцены предшествуют фоновому терминалу.

Проксемный спектр фонового терминала характеризуется наличием проксемы-спейснемы *перчатки*, сопряженной с глаголом движения *сняла*. Таким образом, данная спейснема в сочетании с глаголом указывает на перемещение предмета, находящегося в окружающей обстановке.

Пример 3. Спейснема, сопряженная с глаголом, выражающим перемещение в пространстве

(ИИ I) *«Are you against our emancipation?»* ***(фоновый терминал)*** *«she asked,* ***turning (глагол)*** *a white face on him in the momentary radiance* ***of a street-lamp (спейснема)****».*

(ИИ II) *«Do you mean your voting and preaching and all that sort of thing?»* [James, 2022, p. 11].

Коммуникантами в данной сцене являются Олив Чанселлор и Бэзил Рэнсом. В первом информационном импульсе адресантом является Олив, а адресатом – Бэзил, затем адресат и адресант меняются местами. Информационные импульсы данной сцены прерываются фоновым терминалом.

Проксемный спектр фонового терминала характеризуется наличием проксемы-спейснемы *в свете уличного фонаря*. Данная проксема-спейснема обозначает местонахождение героини. Она сопряжена с причастием *поворачиваясь*, которое образовано от глагола, обозначающего движение в пространстве.

Пример 4. Спейснема, сопряженная с глаголом, выражающим статичное действие

(фоновый терминал) *«Basil Ransom got out; he* ***stood (глагол) at the door (спейснема)*** *with an extended hand <…> ».*

(ИИ I) *«You hate it!» she exclaimed <…>».*

(ИИ II) *«Miss Birdseye will convert me», said Ransom»* [James, 2022, p. 11].

Коммуникантами в данной сцене являются Бэзил Рэнсом и Олив Чанселлор. В первом информационном импульсе адресантом является Олив, а адресатом – Бэзил, затем адресат и адресант меняются местами. Информационные импульсы данной сцены прерываются фоновым терминалом.

Проксемный спектр фонового терминала характеризуется наличием проксемы-спейснемы *около двери*. Данная проксема-спейснема обозначает местонахождение героя. Она сопряжена с глаголом *стоял*, обозначающим статичное действие.

Исследование показало, что в романе «Крылья голубки» чаще всего встречаются спейснемы в сочетании с глаголами движения, обозначающими статичное действие. В романе «Бостонцы» большинство спейснем сопряжено с глаголами, обозначающими перемещение в пространстве.

Предложенный алгоритм исследования позволяет выявить специфику построения проксемного аспекта фонового терминала текстовой когнитивной сцены.

Список литературы

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 144 с.

Кубрякова Е.С. Концепт / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др. // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

Огнева Е.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации / Е.А. Огнева, Ю.А. Кузьминых. – М.: Эдитус, 2014. –202 с.

Огнева Е.А. Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода // Гуманитарные исследования. – 2021. – №2 (78). – С. 54-58.

Тугуз Т.Р. Спейснемы как маркеры художественного пространства (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья голубки») // Гуманитарные исследования. – 2022. – №2 (82). – С. 128-132.

James H. The Wings of the Dove. M.: T8 RUGRAM, 2017. – 292 p.

James H. The Bostonians. – Archive Publica, 2022. – 280 p.

SPACENAMES AS REPRESENTATIVES OF LITERARY SPACE IN THE FORMAT OF TEXTUAL COGNITIVE SCENE IN HENRY JAMES'S «THE WINGS OF DOVE» AND «THE BOSTONIANS»

Tuguz Tamara Ruslanovna,
lecture of department of foreign languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia

Abstract. The article deals with proxemes as representatives of non-verbal communication in the format of a text cognitive scene in H. James's novels «The Wings of Dove» and «The

Bostonians». The features of spacenames as the second most frequent type of proxemes that form the literary space in the background terminals of textual cognitive scenes are revealed.
Key words: text, cognitive scene, proxeme, spacename.

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АКСЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Федченко Валерия Сергеевна,
аспирантка кафедры германской и романской филологии
факультета романо-германских языков
Государственного Университета Просвещения, г. Москва, Россия,
научный руководитель: Овчинникова Галина Витальевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры германской и романской филологии,
факультета романо-германских языков
Государственного Университета Просвещения, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию фразеологического фонда как отражения лингвокультурных ценностей в контексте взаимодействия языка и культуры. В последние десятилетия наблюдается растущий интерес к лингвокультурологии, что обусловлено её значимостью для понимания языковых особенностей и культурной идентичности. В статье рассматриваются аксиологические аспекты фразеологии, поднимаются вопросы о стилевых различиях и функциональных особенностях фразеологических единиц в русском и французском языках, обсуждаются культурные коннотации фразеологизмов и их влияние на формирование ценностей в обществе. В статье применяется комплекс методов: дескриптивно-аналитический метод, методы семиотического и семантического анализа, прием целенаправленной выборки. В теоретическом плане исследование дополняет существующие исследования, а также подтверждает актуальность проблем лингвокультурологии, результаты предложенного в статье исследования имеют практическую ценность, которая заключается в возможности использования их в преподавании иностранных языков для акцентирования внимания на лингвокультурных особенностях и углубления познаний в области межкультурной коммуникации.
Ключевые слова: фразеология, аксиологический анализ, лингвокультурология, оценочный компонент, национально-культурные ценности.

Изучение фразеологического фонда языка всегда затрагивает проблемы изучения его истории и культуры. Лингвокультурологические исследования, а также исследования в рамках межкультурной коммуникации часто используют в своем арсенале методы не только филологических, но и более отвлеченных от языка наук (социология, психология, философия). В последние десятилетия наблюдается рост интереса к лингвокультурологии, что связано с ее значимостью для понимания языковых особенностей и культурной идентичности. На этапе современной лингвистики важным понятием, вмещающим в себе основные проблемы взаимодействия языка и культуры, следует считать «лингвокультурную ценность» [Коурова, 2011], поскольку к понятию «ценность» сейчас обращаются не только представители исследования философии. В языке лингвокультурные ценности наиболее ярко представлены во фразеологическом фонде языка, так как устойчивые выражения

подразумевают «интерпретацию денотативного значения определенной языковой составляющей в категориях культуры» [Коурова, 2011]. Именно фразеологические единицы «наиболее эксплицитно отражают <…> черты материальной и духовной культуры» [Моисеева, 2009]. Фразеология не только отражает особенности той или иной культуры, но и способна формировать определенные ценности у человека, использующего язык. Г.В. Овчинникова отмечает: «фразеологизмы справедливо считаются одним из наиболее ярких проявлений этнокультурной специфики языка» [Овчинникова, 2015]. Согласно Н.Ф. Алефиренко, «этноязыковая картина мира не только опредмечивает когнитивное сознание, но и переводит его в «автоматический режим», т. е. на уровень подсознания» [Алефиренко, 2010].

Влияние фразеологизмов на формировании стереотипов и восприятия нации сложно переоценить, ведь существование «фразеологических единиц определяется необходимостью выражения значимости для человека данного сложного образа, т. е. эмоционального отношения к нему» [Соколова, 2020]. Опираясь на теорию, выдвинутую И.В. Арнольд [Арнольд, 1973]. Г. Г. Соколова утверждает, что «оценочный компонент представляет собой существенный элемент структуры коннотативного аспекта значения фразеологических единиц» [Соколова, 2020].

Некоторые исследователи лингвокультурных особенностей в аксиологическом аспекте не сходятся во мнениях, в частности в классификации национально-значимых ФЕ. Так, по С.В. Максимцу ФЕ «aller à la cour des aides» отражает такие «национально-культурные ценности, как свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру» [Максимец, 2015], в то время как Е. А. Бородина относит данную ФЕ к пейоративам, поскольку «обязательным условием для французов является верность обоих супругов» [Бородина, 2021].

Наличие ФЕ в языке не свидетельствует о том, что данное явление обязательно представляет собой ценность, выражаемую одобрением. Несмотря на преобладание мелиоративов, что обусловлено восприятием положительных качеств как нормальных и само собой разумеющихся, пейоративы значимы в составлении парадигм ценностей. Частотность употребления лексемы в языке напрямую связано с важностью отражения данного явления в этнокультурном плане. Например, лексема *cœur*, называемая «ключевым словом» французской культуры [Delbecque, 2002], как компонент ФЕ может выражать как одобрительную оценку, так и неодобрительную, что объясняется различной семантической окраской лексического наполнения выражения:

«avoir bon cœur» − положительная оценка выражена эксплицитно посредством прилагательного *bon*;

В других же случаях выражение оттенков значения имеет имплицитный характер, однако положительные или отрицательные семы предопределяют оценочность всего фразеологизма:

Ср.: «le cœur en fête», «le cœur de lion», «le cœur d’or»;

«le cœur de roche», «le cœur de vipère» «le cœur sec», «le cœur d'acier»

Выявление факторов, обусловливающих ту или иную оценочность, иногда затрудненно, поскольку оценка выглядит немотивированной. Образование имплицитной оценочности производится путем наращивания дополнительного смысла, «за счёт существующих в социуме стереотипных представлений ценностной [Марцелли, 2012] «картины мира», «что косвенно определяет наличие ... компонента оценки» [Соколова, 1987].

Лексическое наполнение ФЕ может стать подспорьем в правильной ее аксиологической интерпретации, при условии очевидных «негативных» концептов в ее компонентах. Выражение «cœur d'artichaut», являющееся частью пословицы «cœur d'artichaut, une feuille pour tout le monde» в значении влюбчивого и непостоянного в любви человека, пейоративно, каковым его делает метафорическое переосмысление лексемы *artichaut*, особенность восприятия которой выражена в работе «Quand la raison n'a plus raison: les mots de la bêtise à la folie»: «Ce légume a mauvaise réputation sur le plan métaphorique. Pourquoi donc ? Serait-ce parce qu'il se laisse dépouiller, feuille à feuille, sans opposer la moindre résistance ?» [Colin, 2006]. В словарях Le Robert и «CNRTL» выражение обозначено пометой *familier*. Необходимость подобных помет крайне необходима в виду неочевидной для представителей иной лингвокультуры негативной оценочности.

Следующее выражение по замечанию Ж. Пикош является не столь пейоративным, сколько ироничным – «la bouche en cœur (ironique)» [Picoche, 1995], что неочевидно из семантики отдельных компонентов. В словаре Le Robert выражение представлено с пометой *familier* [Dico en ligne Le Robert].

Выражение «le cœur me manque» [Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales] представлено с пометой gén. péj. в словаре «CNRTL». В виду одного из основных значений лексемы *cœur* – мужества, являющейся лингвокультурологической особенностью французов, и не представляющейся очевидной для других наций, помета оценочности несет в себе лингвокультурологическую ценность выражения. Похожим примером будет служить выражение «avoir le cœur en marmelade» [Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales]; возникшее в виду существования лексемы *marmelade* в значении «situation confuse, difficile» [Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales].

Подобные пометы в словарях помогают правильно установить эмотивную составляющую для корректного использования ФЕ при переводе или в коммуникации. Таким образом, для причисления ФЕ необходима консультация с этимологической справкой или культурной комментарием для успешного причисления ФЕ к национально-культурной ценности или антиценности, поскольку денотат не всегда прозрачно сообщает об оценке явления в обществе, которую особо важно адекватно определить представителю иной языковой культуры, исключая риски формирования ложного представления об изучаемой культуре.

По замечанию Н.В. Рапопорт, «лингвокультурологический подход не бесспорен, субъективен, но может дать некоторые элементы для понимания народа, его ценностей, его культуры» [Рапопорт, 1999]. Определение эмотивной

составляющей ФЕ способствует обогащению и развитию лингвокультурологии, поскольку через нее передается отношение говорящего, позволяющее делать выводы о национально-культурных ценностях. Оценочный компонент задает направление всей выражаемой мысли, поэтому существует необходимость снабжать современные словари соответствующими пометами. Таким образом, «язык с помощью взаимодействия лингвокультурологии и фразеологии способен выступать в качестве средства реконструкции и сохранения системы культурных ценностей» [Галаова, 2024].

Список литературы

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 214 с.

Бородина Е.А. Лингвокультурный потенциал французских фразеологизмов в рамках тематической группы "Семья" / Е. А. Бородина // Наука глазами молодых : Сборник научных трудов. – Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. – С. 15-19.

Галаова К.В. Особенности трансляции культурных ценностей в русской фразеологии: лингвокультурный аспект // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты : Сборник научных статей. – Луганск: Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского, 2024. – С. 148-154.

Коурова О.И. Концепция лингвокультурной ценности // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – №3 (33). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-lingvokulturnoy-tsennosti (дата обращения: 23.02.2025).

Максимец С.В. Ценности лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии : Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015. – 166 с.

Марцелли А.А. Структура оценки фразеологических единиц в современном французском и английском языках и способы её выражения в рекламном тексте / А.А. Марцелли, Л.Д. Орданьян // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2012. – №11 (Ноябрь). – С. 86–90.

Моисеева С.А. Французский национальный характер в зеркале фразеологии / С.А. Моисеева, И.А. Волошкина // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 321. – С. 22-29.

Овчинникова Г.В. Особенности интерпретации фразеологизмов во французской и русской лингвокультурах // Древняя и Новая Романия. – 2015. – № 15. – С. 659-663.

Рапопорт Н.В. Лингвокультурологический концепт «Французская национальная личность» (на материале афористики): Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1999. – 163 с.

Соколова Г.Г. Фразообразование в современном французском языке / Г.Г. Соколова, И.В. Харитонова. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. – 244 с.

Соколова Г.Г. Фразообразование во французском языке. – М., 1987. – 142 с.

Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales : site officiel. – URL: http://www.cnrtl.fr (дата обращения: 09.03.2025)

Colin J.-P. Quand la raison n'a plus raison : les mots de la bêtise à la folie. – Lambert-Lucas, 2006. – 258 p.

Delbecque N. Linguistique cognitive: comprendre comment fonctionne le langage. – Bruxelles : Duculot, 2002. – 348 p.

Dico en ligne Le Robert: : site officiel. – URL: https://dictionnaire.lerobert.com (дата обращения: 09.03.2025).

Picoche J. Combien y a-t-il de cœur(s) en français ? // Langue Française. – №105. – 1995. – Pp. 120-125.

THE EVALUATIVE COMPONENT OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE AXEOLOGICAL ASPECT

Fedchenko Valeria Sergeevna,
PhD student at the Department of Germanic and Romance Philology,
Faculty of Romano-Germanic Languages
State University of Education, Moscow, Russia,
Scientific supervisor: Ovchinnikova Galina Vitalievna,
Doctor of Philology,
Professor of the Department of Germanic and Romance Philology,
Faculty of Romano-Germanic Languages
State University of Education, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the phraseological fund as a reflection of linguistic and cultural values in the context of the interaction of language and culture. In recent decades, there has been a growing interest in cultural linguistics, due to its importance for understanding linguistic features and cultural identity. The article examines the axiological aspects of phraseology, raises questions about stylistic differences and functional features of phraseological units in Russian and French, discusses the cultural connotations of phraseological units and their impact on the formation of values in society. The article uses a set of methods: descriptive-analytical method, methods of semiotic and semantic analysis, the method of targeted sampling. Theoretically, the study complements existing research, and also confirms the relevance of the problems of linguoculturology. The results of the research proposed in the article have practical value, which lies in the possibility of using them in teaching foreign languages to focus on linguistic and cultural features and deepen knowledge in the field of intercultural communication.

Key words: phraseology, axiological analysis, linguoculturology, evaluative component, national cultural values.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДВУСОСТАВНОЙ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ «ВЕРА-ПОКАЯНИЕ» В РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРОПОВЕДЯХ СВТ. ЛУКИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО И СВТ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО И САН-ФРАНЦИССКОГО

Чиковани Татьяна Владимировна,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Института филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты когнитивно-герменевтического анализа архитектоники проповеди свт. Луки Симферопольского и Крымского на русском языке и проповеди свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского на английском языке. Устанавливаются тенденции дискурсивной активации концептов, входящих в когнитивную доминанту каждой проповеди. Анализируются стилистические и синтаксические средства дискурсивной активации концептов проповедей. Посредством применения авторского алгоритма моделирования и комплексной интерпретации когнитивных доминант православных проповедей в обеих проповедях выявлена двусоставная когнитивная доминанта, состоящая из концептов ВЕРА и ПОКАЯНИЕ. В результате построения сравнительно-сопоставительной модели двусоставной когнитивной доминанты «вера-покаяние» в двух разноязычных православных проповедях выявляется специфика персонального дискурса каждого проповедника.

Ключевые слова: дискурсивная активация, когнитивная доминанта, концепт, православная проповедь, религиозный дискурс.

В современную эпоху, ознаменовавшуюся необычайно высоким уровнем турбулентности, политической, экономической и социальной нестабильности, в Российском обществе становится очевидным возрастающий интерес к вопросам религии, в частности, к православной вере и ее канонам. В силу данных обстоятельств, высокую актуальность приобретает изучение религиозного дискурса в рамках когнитивной лингвистики. Однако, несмотря на многочисленность существующих научных трудов в данной области, недостаточно изученным направлением остается исследование архитектоники разноязычных православных проповедей, выявление когнитивных доминант каждой проповеди с целью построения сравнительно-сопоставительной модели когнитивных доминант разноязычных проповедников, определение специфики их персональных проповеднических дискурсов.

Религиозный дискурс представляет собой «динамичный формат существования религиозного знания, его трансляции и получения» [Огнева, 2021, с. 28]. Е.В. Бобырева рассматривает религиозный дискурс в качестве «особого структурно-семантического и коммуникативно-прагматического образования со специфическими целями и задачами» [Бобырева, 2023, с. 29] ведущими концептами которого являются концепты «вера» и «Бог».

Е.А. Огнева отмечает, что религиозный дискурс объединяет в себе «различные форматы знаний, одним из которых является проповедь» [Огнева,

2016. с. 37]. Е.В. Бобырева рассматривает проповедь с точки зрения двухаспектности ее концепции: с лингвистической точки зрения как «монолог, произносимый священнослужителем <...>», с риторической точки зрения – как «искусство убеждения людей посредством слова в истинности христианских идей» [Бобырева, 2023, с. 179].

Несомненно, проповеди, как жанру религиозного дискурса, присущи свои характерные особенности как на уровне лексики, грамматики, морфологии, так и на уровне синтаксиса. Так, С.Н. Воробьева, указывая на «изобразительность и наглядность» в качестве дискурсивных особенностей религиозного дискурса, отмечает значимость таких троп как «сравнения, противопоставления, примеры и описания, эпитеты», а в качестве инструмента «воздействия на чувства и воображение верующих» выделяет метафору, гиперболу, аллегорию, олицетворение, при этом подчеркивает, что для «активации мышления» верующих и привлечения их внимания «применяется такой способ выражения сильных чувств и эмоций, как восклицание» [Воробьева, 2020, с. 508]. В свою очередь, Н.В. Лешкова, подчеркивая значимость фигур речи в православной проповеди, обращает внимание на распространенность таких «фигур выделения» как эпитеты, плеоназмы, синонимы, градация, репризa, анафора, интерпретация, многосоюзие [Лешкова, 2021, с. 333]. Особое значение в православной проповеди приобретают стилистические и синтаксические фигуры речи, посредством которых в значительной степени реализуется дискурсивная активация концептов проповеди, формирующих персональный дискурс отдельного проповедника. Известно, что проповедник осуществляет двоякую функцию в проповеди – «автора текста и коммуникатора, от языковой личности которого зависит построение концептуального поля дискурса» [Ogneva, 2022, p. 89].

Специфика дискурсивного стиля проповедника устанавливается посредством выявления когнитивных доминант его проповедей. Под когнитивной доминантой проповеди понимается «концепт или совокупность концептов, имеющих наибольший смысловой потенциал в проповеди» [Чиковани, 2024, с. 7]. Выявление когнитивных доминант проповеди осуществимо посредством применения авторского алгоритма моделирования и комплексной интерпретации когнитивных доминант православных проповедей, который подразумевает «поэтапное выявление совокупности стилистических и синтаксических средств, маркирующих специфику номинативных полей концептов проповедей, установление тенденций дискурсивной активации номинантов, входящих в когнитивную доминанту каждой проповеди» [Там же, с. 8]. Дискурсивная активация номинантов представляет собой явление, где «смысловая реализация концепта сопровождается рядом импликаций, способствующих интенсификации признака концепта, вербализуемого в формате проповеднического дискурса» [Там же, с. 8], в основе данного явления лежит градуально-количественный фактор, где градуальность базируется на убывающих показателях номинантов.

В статье проводится исследование архитектоники двух разноязычных проповедей с целью определения их когнитивных доминант с последующим построением сравнительно-сопоставительной модели выявленных когнитивных

доминант, направленного на определение специфики персонального дискурса двух православных проповедников середины XX века – святителя Луки Симферопольского и Крымского (Войно-Ясенецкого) и святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (Максимовича). Материалом для исследования послужили тексты двух проповедей святителей: «Почему Господь говорил притчами?» – на русском языке и «Before Lent» («Перед Постом») – на английском языке. Исследование основано на применении следующих научных методов: 1) метод когнитивно-герменевтического моделирования, 2) метод концептуального анализа, 3) интерпретативный метод, 4) метод сплошной выборки, 5) квантитативный метод, 6) метод сравнительно0сопоставительного анализа.

Когнитивно-герменевтический анализ архитектоники проповеди «Почему Господь говорил притчами» демонстрирует следующие результаты: в начале проповеди, прозвучавшей 8 июля 1947 г., звучит вопрос «Почему Господь говорил притчами?». Объясняя смысл притчи из Евангелия от Матфея (Мф. 13, 10–13), свт. Лука Симферопольский и Крымский подчеркивает, что *«эти слова могут возмутить людей мирских, совсем не понимающих учения Христова: как так, богатому приумножится, а у бедного отнимется и то, что имеет?»* [Лука (Войно-Ясенецкий), 2009, с. 67]. Под «богатым» Господь подразумевает того, *«кто отверзет сердце свое к восприятию слов Христовых, кто решит идти за Христом»* [Там же]. Святитель Лука обращается к людям мирским, отвергающим Бога, с позиции проповедника-врача: *«люди, грубые сердцем, видя не видят и слыша не слышат и не разумеют. Потому что огрубело сердце людей сих, их сердце огрубело, отолстело, покрыто жиром, обросло повседневными заботами – заботами только о теле своем, о том, чтобы прожить посытнее; их глаза и уши закрыты на всё, что напоминает о Боге»* [Там же, с. 65], где одновременно наблюдается метафорическая вербализация концепта СЕРДЦЕ как органа восприятия духовного воздействия, обладающего высшей способностью ощущать Бога, и как важнейшего органа физического тела человека. Рассуждая о духовной составляющей сердца как органе чувств с позиции богослова, святитель анализирует физическую природу органа с позиции врача. Нарастающее возмущение святителя Луки теми, которые *«не хотят слышать указаний на то, что живут низкой жизнью»* [Там же, с. 65] находит продолжение в ответе на риторический вопрос *«Что с ними делать?»*: *«Открывать пред ними тайны Царства Божия всё равно, что метать бисер перед свиньями: они не воспримут святые слова. Люди мирские, люди с огрубелым сердцем совсем не хотят этих слов»* [Там же]. Далее святитель Лука заключает, что *«Господь Иисус Христос изобрел такое средство. Он говорил прикровенно: в притчах, в рассказах. И эти притчи заинтересовывали людей с грубым сердцем: они слушали эти рассказы и над ними задумывались»* [Там же]. Сила воздействия и эффективности такого целебного средства как изложение учения Христова притчами, выражена ярким метафорическим сравнением: *«Учение Христово <…> тревожило их сердце, обросшее жиром, потерявшее способность возноситься к Богу, подобно тому, как ожиревшая птица теряет возможность высоко летать. Так и эти несчастные с огрубевшим,*

отяжелевшим сердцем теряли способность возноситься к Богу, теряли способность понимать высшее» [Там же, 2009, с. 66].

Завершая проповедь, святитель Лука упоминает о сердце как о сосуде, вмещающем Божественную истину: *«Не только умом воспринимают люди истину, а прежде всего всем сердцем своим – чистым сердцем. Истина открывается тем, у кого сердце открыто жаждет воспринять истину»* [Там же, 2009, с. 66] и призывает паству: *«Так и вы откройте сердца ваши пред Богом, проникнитесь желанием слышать слово Божие, проникнитесь страстным желанием понимать все слова Божии»* [Там же].

В проповеди использован ряд изобразительно-выразительных средств: 1) эпитеты *(«святые слова»; «великая притча»; «духовная мудрость»; «страстное желание»; «благодатное сокровище»);* 2) синонимы (*святое – чистое; мудрость – премудрость; притча – рассказ; власть – сила; заинтересовать – привлечь; объяснять – излагать);* 3) антонимы (*приумножаться – отниматься; богатый – бедный; мирской – духовный);* 4) метафоры *(«духовные сокровища»; «в устах Христовых»; «отверзать сердце свое»; «очищать сердца»; «люди, грубые сердцем»; «люди с грубым сердцем»; «люди с огрубелым сердцем»; «огрубело сердце людей»),* 5) метафорические сравнения *(«Открывать пред ними тайны Царства Божия всё равно, что метать бисер перед свиньями»)* [Там же, с. 65]; *«сердце, обросшее жиром, потерявшее способность возноситься к Богу, подобно тому как ожиревшая птица теряет возможность высоко летать»* [Там же, с. 66], 6) анафора *(«не терпят речей о Боге, о святом, о чистом, не терпят обличения в грехах своих, не хотят уйти из низшей области духа»* [Там же]; 7) антитеза *(«Не только умом воспринимают люди истину, а прежде всего всем сердцем»)* [Там же]; 8) уподобление *(«Так и эти несчастные с огрубевшим, отяжелевшим сердцем»);* 9) градация *«Когда слышат проповедь о Боге, проповедь Евангелия, то это им невыносимо: видя не видят и глаза свои отвращают, уши затыкают»)* [Там же, с. 66].

Среди особенностей, характерных непосредственно для жанра проповеди, выявлены: 1) прямое апеллирование к адресату *(«Как вы знаете»; «Так и вы откройте сердца ваши пред Богом»)* [Лука (Войно-Ясенецкий), 2009, с. 64]; 2) риторический вопрос *(«как так, богатому приумножится, а у бедного отнимется и то, что имеет?»* [Там же]; *«Что с ними делать?»);* 3) инверсия *(«умножит Бог благодать»; «дана будет премудрость»; «объясняет Он»; «проповеди им говорить»; «внимание их привлечь»; «воспринимают люди»);* 4) постпозитивные определения *(«люди мирские»; «учение Христово»; «уста Христовы»; «интересы духовные»; «грехи свои»);* 5) архаизмы и возвышенная лексика *(уста, отверзать, приумножать, прикровенно, отолстеть, отяжелевший);* 6) частица *«да»,* способствующая усилению экспрессии глагола *(«Да умножит же Господь наш Иисус Христос благодатное сокровище сердец ваших!»)* [Там же, с. 66]. Установлено, что обнаруженные стилистические средства маркируют специфику номинантов выявленных концептов.

В результате проведенного концептуального анализа выделены следующие характерные черты номинативных полей концептов проповеди,

выраженных посредством дискурсивной активации: 1) дискурсивная активация 9 номинантов концепта ВЕРА: *притча (9), духовный (4), святой (2), Царствие Божие (2), Евангелие, дух, апостол, благодать, религия;* 2) дискурсивная активация 5 номинантов концепта БОГ представлена синонимическим рядом: *Бог (10), Христос (7), Господь (2), Господь Иисус Христос (2), Господь наш Иисус Христос (2);* 3) дискурсивная активация номинантов концепта ГРЕХ представлена 12 номинантами, например: *«люди, грубые сердцем» (7); «никогда не вспоминают о Боге», «заботы только о теле своем»; «не терпят речей о Боге», «не терпят обличения в грехах своих», «живут низкой жизнью»;* 4) дискурсивная активация номинантов концепта ПОКАЯНИЕ выражена 16 номинантами: *«понимать слова» (9), «воспринимать истину» (7), «иметь интерес» (4), «хотеть покаяться» (4), излагать (3), проникнуться (3), разуметь (2), заинтересовать (2), напоминать (2), истина (2), знать (2), учение (2), терпеть (2), «желание каяться» (2), возмутить, тревожить;* 5) дискурсивная активация номинантов концепта МЕДИЦИНА представлена 5 номинантами: *сердце (16), уши (3), глаза (2), уста, тело* а также 3 глаголами, выражающими способности и свойства человеческого организма: *слышать (9), говорить (6), видеть (4).*

В результате проведенного концептуального анализа выделен ряд лексем-коллокатов, входящих в номинативные поля концептов ВЕРА, БОГ, ГРЕХ, ПОКАЯНИЕ, МЕДИЦИНА: *Бог (10), Христос (7), притча (9), духовный (4), «люди, грубые сердцем» (7), воспринимать истину (7), понимать слова (9), воспринимать истину (7), иметь интерес (4), грубый / огрубеть (6), сердце (16), уши (3), слышать (9), говорить (6), видеть (4).* В списке выделено 10 сверхчастотных лексем-коллокатов в ядре проповеди: *Бог, Христос, сердце, притча, понимать слова, воспринимать истину, слышать, говорить, воспринимать истину, грубый/огрубеть,* что доказывает тот факт, что в двусоставную когнитивную доминанту проповеди «вера-покаяние» входят концепт ВЕРА и концепт ПОКАЯНИЕ.

Когнитивно-герменевтический анализ проповеди «Before Lent» («Перед Постом») демонстрирует следующие результаты: проповедь «Before Lent», прозвучавшая в 1952 году, состоит из трех тематических отрезков, в первом из которых свт. Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский говорит о неоценимо важной роли Великого Поста для духовного очищения в период подготовки к Светлому празднику Пасхи. Во второй части проповедник обращается к пастве с призывом освободиться от тяжести греха, с призывом к покаянию, которое возводит христиан на духовную лестницу восхождения к Царствию Небесному. Третий тематический отрезок посвящен объяснению важности таинства Причастия Святых Христовых Тайн как кульминационного момента всего Великопостного покаянного периода и завершается призывом к приобщению Святых Тайн, которое подготавливает христиан к трапезе в Царствии Божием.

В проповеди выявлены следующие изобразительно-выразительные средства: 1) метафорические сравнения: *«Just as a stairway is built into a tall building in order to enable one, by climbing the steps, to easily reach the top, so too, the various days in the*

year serve as steps for our spiritual ascent» [Sermons… Part 2, 2004, p. 11] *(Точно также как лестница устанавливается в высоком здании, чтобы можно было, поднявшись по ступеням, легко добраться до верха, так и разные дни в году служат ступеньками для нашего духовного восхождения), «In climbing a high mountain, one tries to eliminate all unnecessary weight. <...> So, too, in order to ascend spiritually, it is necessary first of all to free oneself from the weight of sin. This weight is lifted from us through repentance»* [Там же, p. 12] *(Поднимаясь на высокую гору, человек пытается избавиться от всего лишнего груза, <...> Точно так же, и для духовного восхождения необходимо освободиться от тяжести греха. Эта тяжесть снимается с нас покаянием);* 2) метафора «*we are illumined with the Eternal Light and strengthened for the spiritual ascent»* [Там же] *(мы освящаемся вечным светом и укрепляемся для духовного восхождения);* 3) фразеологизмы *«cleanse of the filth of sin» (очищаться от скверны греха), «doors of repentance are opening» (открываются двери покаяния);*4) эпитеты *«an irreplaceable gift» (незаменимый дар), «an incomparable good» (несравнимое благо), «a priceless gift of God» (бесценный дар Божий), «great benefit» (великая польза);* 5) инверсия «*Not only on Pascha do we commune, but during Lent also» (не только на Пасху мы причащаемся, но и во время Поста тоже);* 6) риторическое восклицание *«what a priceless gift of God we receive!» (какой бесценный дар Божий мы получаем);* 7) риторический вопрос *«Why, then, is such significance attached to receiving Holy Communion on the night of Holy Pascha?»* [Там же, p. 11] *(Почему же тогда такое большое значение придается причащению в святую Пасхальную ночь?);* 8) анафора *«Then, especially, we are given to experience the Kingdom of Christ. Then, especially, we are illumined with the Eternal Light»* [Там же] *(Особенно тогда нам дано ощутить Царствие Христово. Особенно тогда мы освещаемся Вечным Светом)*; 9) градация *«Let no one deprive himself of this joy <...> Communing of the Holy Mysteries on that night prepares us for the banquet in the eternal Kingdom of God» (Пусть никто не лишает себя этой радости <...>. Причащение Святых Тайн в эту ночь готовит нас к пиру в вечном Царствии Божием).* Установлено, что обнаруженные стилистические средства маркируют дискурсивную активацию номинантов выявленных концептов.

В результате проведенного анализа выявлены следующие характерные черты номинативных полей концептов, выраженных посредством дискурсивной активации: 1) дискурсивная активация 4 номинантов, репрезентирующих концепт FAITH / ВЕРА: *Holy (10) / Святой, Christ's Kingdom (2) / Царство Христово, the eternal Kingdom of God / вечное Царствие Божие, the priests / священники.* Концепт GOD / БОГ представлена 2 номинантами: *Christ (7), God (4), the Lamb of God (Агнец Божий);* 2) дискурсивная активация номинантов, репрезентирующих концепт ORTHODOX HOLIDAYS / ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРАЗДНИКИ, представлена синонимической парадигмой из 4 номинантов: *Holy Pascha (4) / Святая Пасха, the Bright Resurrection (2) / Светлое Воскресение, holy and radiant night of His Awakening / святая и светлая ночь Его Пробуждения, Pascha night / Пасхальная ночь; 3)* дискурсивная активация номинантов концепта GREAT LENT / ВЕЛИКИЙ ПОСТ репрезентирована 9 номинантами: *Great Lent (6) / Великий Пост; preparation (2) / подготовка*; fast / поститься; *holy Quadragesima [Forty Days]; the daily lenten stichera / ежедневная стихира поста;*

the Passion services / страстные службы; lenten struggle / борьба в Посту; a preparation for the life to come / приготовление к будущей жизни; «each time it brings us great benefit if we spend it as we should» / каждый раз он приносит нам великую пользу, если мы проводим его как следует; 4) дискурсивная активация номинантов концепта ORTHODOX SACRAMENTS / ПРАВОСЛАВНЫЕ ТАИНСТВА представлена 11 номинантами*: Holy Communion (6) / Святое Причастие; the Holy Mysteries (2) / Святые Тайны; commune (2) / причащаться; communing of the Body and Blood of the Risen Christ / причащение Тела и Крови Воскресшего Христа; «a priceless gift of God» / бесценный дар Божий; «the culmination of our lenten struggle» / кульминация нашей борьбы во время Великого поста; «unite with Christ Himself» / соединяться с Самим Христом; «a soul-saving act» / акт спасения души; «unto life eternal» / в жизнь вечную; «irreplaceable gift of Christ» / незаменимый Дар Христов; «an incomparable good» / несравненное благо;* 5) дискурсивная активация номинантов, входящих в номинативное поле концепта REPENTANCE / ПОКАЯНИЕ, представлена 8 номинантами: *repentance (2) / покаяние; confess / исповедоваться; confession / исповедь; «cleanse ourselves of the filth of sin» / очиститься от скверны греха; «free oneself from the weight of sin» / освободиться от груза греха; «cleansed and forgiven by God» / очищенные и прощенные Богом; «forgive each person» / простить всех; «banish from ourselves all enmity» / изгнать из себя всякую вражду;*

В результате проведенного анализа было выделено 11 сверхчастотных лексем-коллокатов, входящих в номинативные поля концептов FAITH / ВЕРА, GOD / БОГ, ORTHODOX HOLIDAYS / ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРАЗДНИКИ, GREAT LENT / ВЕЛИКИЙ ПОСТ, ORTHODOX SACRAMENTS / ПРАВОСЛАВНЫЕ ТАИНСТВА, REPENTANCE / ПОКАЯНИЕ: *Holy, Christ, God, Great Lent, Holy Pascha, Holy Communion, the Bright Resurrection, repentance, preparation, Christ's Kingdom, the Holy Mysteries,* в результате чего установлено, что концепты FAITH / ВЕРА, REPENTANCE / ПОКАЯНИЕ образуют двусоставную когнитивную доминанту проповеди «faith-repentance».

Таким образом, проведенный когнитивно-герменевтический анализ архитектоник двух разноязычных проповедей святителя Луки Симферопольского и Крымского и святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского позволил прийти к следующим результатам:

1) в архитектонике проповедей обоих святителей выявлена одинаковая двусоставная когнитивная доминанта «вера-покаяние» («faith-repentance»);

2) установлено, что спектр образно-стилистических средств дискурсивной активации концептов, входящих в когнитивную доминанту «вера-покаяние» в проповеди свт. Луки представлен метафорой, метафорическим сравнением, эпитетами, анафорой, градацией, антитезой, уподоблением, синонимическими и антонимическими парадигмами, инверсией, риторическими вопросами, в то время как специфика импликаций, способствующих смысловой реализации когнитивной доминанты «faith-repentance» в проповеди свт. Иоанна Шанхайского представлена метафорой, метафорическими сравнениями, фразеологизмами, анафорой, градацией, эпитетами, инверсией, риторическими вопросами и риторическими восклицаниями;

3) определен показатель структурного состава когнитивной доминанты «вера-покаяние» в проповеди свт. Луки, представленный 5 концептами, входящими в состав когнитивной доминанты: ВЕРА, БОГ,ГРЕХ, ПОКАЯНИЕ, МЕДИЦИНА;

4) определен показатель структурного состава когнитивной доминанты «faith-repentance» в проповеди свт. Иоанна Шанхайского, представленный 6 концептами: FAITH, GOD, ORTHODOX HOLIDAYS, GREAT LENT, ORTHODOX SACRAMENTS, REPENTANCE;

5) в составе когнитивной доминанты «вера-покаяние» в русскоязычной проповеди выявлено 10 сверхчастотных лексем-коллокатов в ядре проповеди: *Бог, Христос, сердце, притча, понимать слова, воспринимать истину, слышать, говорить, воспринимать истину, грубый/огрубеть*, в то время как в составе когнитивной доминанты «faith-repentance» установлено наличие 11 сверхчастотных лексем-коллокатов: *Holy, Christ, God, Great Lent, Holy Pascha, Holy Communion, the Bright Resurrection, repentance, preparation, Christ's Kingdom, the Holy Mysteries.*

В результате построения сравнительно-сопоставительной модели двусоставной когнитивной доминанты «вера-покаяние» («faith-repentance») выявлена структурная схожесть и структурное различие в разноязычных проповедях свт. Луки Симферопольского и Крымского и свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского: структурная схожесть когнитивной доминанты в обеих проповедях представлена тремя одинаковыми дискурсивно активированными концептами ВЕРА, БОГ, ПОКАЯНИЕ, структурное же различие заключается в 2 концептах ГРЕХ, МЕДИЦИНА, получивших дискурсивную активацию только в русскоязычной проповеди и в 3 концептах ORTHODOX HOLIDAYS, GREAT LENT, ORTHODOX SACRAMENTS, дискурсивно активированных в англоязычной проповеди.

Обнаружено, что вхождение концепта МЕДИЦИНА в когнитивную доминанту «вера-покаяние» проповеди свт. Луки обусловлено личностным информативным ракурсом, включающим в себя дискурсивный стиль и интенцию проповедника, специфика языковой личности которого объединяет в себе черты ярчайшего исповедника православной веры и знаменитого практикующего врача-хирурга. Вхождение концептов ORTHODOX HOLIDAYS, GREAT LENT, ORTHODOX SACRAMENTS в когнитивную доминанту «faith-repentance», выявленную в проповеди свт. Иоанна Шанхайского, обусловлено культурологическим информативным ракурсом, основанным на национально-культурологических особенностях социума, воспринимающего проповедь и стремлении проповедника к сохранению традиций, праздников и таинств русской православной церкви в англоязычном дискурсе в среде православных христиан, находящихся в иммиграции.

Таким образом, сравнительно-сопоставительная модель двусоставной когнитивной доминанты «вера-покаяние» позволила доказать, что построение когнитивной доминанты в разноязычных проповедях двух святителей обусловлено триадой параметров. В качестве общего параметра дискурсов обоих святителей выступает «духовный информативный ракурс, функционирующий в

рамках конфессиональной принадлежности проповедников», в то время как «культурологический информативный ракурс, основанный на национально-культурологических особенностях социумов, воспринимающих проповеди», и «личностный информативный ракурс, включающий в себя дискурсивный стиль и интенцию проповедников» [Чиковани, 2024, с. 9], служат в качестве разграничивающих для дискурсов двух проповедников.

Список литературы

Бобырева Е. В. Теория дискурса: религиозный дискурс : Учебник : Министерство науки и высшего образования Российской Федерации ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»; Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». – Красноярск: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-инновационный центр", 2023. – 226 с.

Воробьева С.Н. Религиозный дискурс: экстралингвистические и лингвистические особенности // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2(81). – С. 506-509.

Лешкова Н.В. Православная проповедь: стилистический аспект // Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.Н. Тихонова. 2–4 ноября 2021 г. Ч. 1. – Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2021. – С. 332-335.

Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф.). Спешите идти за Христом! : Проповеди в Симферополе (1946-1948 гг.) / святитель Лука (Войно-Ясенецкий). – 3-е изд., стер. – Краматорск, 2009. – 240 с.

Огнева Е.А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди Митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost» // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – Т.2. – № 1 (7). – 2016. – С. 31-38.

Огнева Е.А. Темпоральные маркеры в модели проповеди архиепископа Антония Сурожского «Ascension», произнесенной в 1964 году // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 1. – С. 27-36.

Чиковани Т.В. Моделирование когнитивных доминант православного дискурса проповедника (на материале духовного наследия свт. Луки Симферопольского и Крымского и свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского). Дисс. … канд. филол. наук. Белгород, 2024. – 228 с.

Ogneva E.A. Modeling of text and discourse worlds / E.A. Ogneva, L.I. Stepanova, T.V. Chikovani // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2022. – Vol. 8. – №. 1. – P. 79–92.

Sermons and writings of Saint John Archbishop of Shanghai and San Francisco. Part 4. – Australia: Orthodox Monastery of Archangel Michael, 2004. – 64 p.

COMPARATIVE MODEL OF THE TWO-COMPONENT COGNITIVE DOMINANT «FAITH-REPENTANCE» IN MULTILINGUAL ORTHODOX SERMONS OF ST. LUKA OF SIMFEROPOL AND CRIMEA AND ST. JOHN OF SHANGHAI AND SAN-FRANCISCO

Chikovani Tatiana Vladimirovna,
Candidate of Philology, senior lecturer of the department of foreign languages № 2,
V.I. Vernadsky Crimean federal university,
Simferopol, Russia

Abstract. The article provides the results of cognitive-hermeneutical analysis of the architectonics of the sermon of st. Luka of Simferopol and Crimea in Russian and the sermon of st. John of Shanghai and San-Francisco in English. The analysis reveals the tendencies of discursive activation of the concepts entering the cognitive dominant of each of the sermons. The stylistic and syntactic means of discursive activation of the concepts of sermons are analyzed. Through the author's algorithm of modeling and complex interpretation of the cognitive dominants of Orthodox sermons, a two-component cognitive dominant consisting of the concepts FAITH and REPENTANCE, is revealed in both sermons. As a result of the construction of a comparative model of the two-component cognitive dominant «faith-repentance» in the two multilingual Orthodox sermons, the specificity of personal discourse of each of the preachers is revealed.

Key words: cognitive dominant, concept, discursive activation, Orthodox sermon, religious discourse.

СЕМАНТИКО–ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФЭНТЕЗИЙНЫХ ТОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. БАРДУГО «SIX OF CROWS»)

Чупина Ксения Сергеевна,
ассистент кафедры иностранных языков
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается спектр фэнтезийных топонимов романа Л. Бардуго «Six of Crows». Выявляются тенденции интерпретации фэнтезийных топонимов. Анализируется этимология топонимов с точки зрения семантической мотивированности формы, их связь с культурными особенностями и историческим контекстом, заложенным автором.

Ключевые слова: топонимы, фэнтезийные топонимы, художественный текст, семантика, восприятие.

На стыке нескольких областей знания эффективно развивается современная наука. В особенности отмечается скачок в развитие лингвистики (языкознания), изучаемой в контексте исторических фактов и географии.

В языке, полном имен нарицательных, или апеллятивов, то есть слов, относящихся не к определенному предмету, а к целому классу предметов, выделяются имена собственные, скрывающие под собой глубокие

семантические и этимологические корни. В нашем исследовании мы обращаем внимание на географические название или топонимы (от греческого «τόπος» – место и «ὄνομα» – имя), с точки зрения происхождения и их семантических особенностей, имеющих свое влияние для прочтения и восприятия сюжетной линии фэнтезийного художественного романа.

Выдающийся отечественный ученый Э. М. Мурзаев писал, что географические названия повсеместны и всегда сопровождают наше мышление. Без них немыслима цивилизация, общение между народами и странами [Мурзаев, 1974, с. 3]. Необходимость изучения географических названий, относящихся к различным эпохам и языкам, учитывается учеными современности и активно рассматривается в научных трудах специальной науки топонимики. По С. Н. Басику топонимика – это научная дисциплина, которая изучает географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, написание и произношение [Басик, 2006, с. 6]. С. Н. Басик отмечал, что формальный анализ лингвистических основ географических названий может приводить к искажению семантических смыслов, причинами чему являются несовершенства записи и передачей древних названий средствами современной графики [Басик, 2006, с. 11-12], что наиболее точно описывает работу с фэнтезийными топонимами, как правило, созданными автором с использованием несуществующих в действительности языков, а соответственно, не поддающихся фонетическому и орфоэпическому анализу.

Под ***фэнтезийным топонимом*** нами предлагается понимать название местности, государства, города, реки, горы или другого географического объекта, созданного в рамках фэнтезийных или фантастических произведений, и играющего важную роль в построении уникального фэнтезийного мира.

В. А. Никонов, как ученый, внесший значительный вклад в становление топонимики, разработал принципы типологии и классификации топонимов, указал на их историчность, сформулировал постулат о рядности географических названий, означающий, что географические названия никогда не существуют поодиночке и всегда соотнесены друг с другом, и классифицировал планы значения топонимов: топонимическое (единственное обязательное прямое географическое) значение, до-топонимическое (этимологическое) значение, оттопонимическое значение (производные от топонима) [Никонов, 2011, с. 60-61]. По словам В. А. Никонова, названия, рожденные чьей-то прихотью, только кажутся случайными [Никонов, 2011, с. 21]. Исторически обусловлено появление «названий по капризу», но случайность или прихоть В. А. Никонов называет проявлением необходимости, а видимая беспорядочная случайность в действительности подчиняется строгой исторической закономерности [Никонов, 2011, с. 22]. Топонимы, по мнению Е. А. Огневой, входят в периферию когнитивной текстовой проксемной модели, состоящей из проксем (слов, семантика которых передает пространственный параметр), выделенных в исследуемом тексте наравне с глаголами движения, местонахождения и пейзажными единицами [Огнева, 2022, с. 37-49].

Лингвистически требует разъяснения тот факт, что значение топонима не отображает отношения к самому обозначаемому объекту, но обращает внимание

к образу, возникающему в нашем сознании. Топоним должен обозначать определенный географический объект на карте (реальный или воображаемый, созданный автором художественного произведения). Топоним, как слово или лексическая единица подчиняется законам языка и имеет определенную форму, но вот для изучения значения топонима необходимо обратиться к межязыковым дисциплинам. Т. В. Хвесько, рассматривающая топонимию, или совокупность географических названий внутри государства или определенной местности, указывает, что рассмотрение в этнолингвистическом аспекте позволяет решить задачу выявления своеобразия топонимии как языкового источника информации о духовной культуре народа путем моделирования реального и ирреального пространства [Хвесько, 2008, с. 77-82].

Семантический анализ фэнтезийных топонимов представляет собой сложный и многогранный процесс, так как имена мест зачастую создаются с учетом мифологии, культуры и внутренней логики вымышленного мира или пространства ирреального.

В фэнтезийном романе Л. Бардуго «Six of Crows» сюжет разворачивается в вымышленной вселенной «Grishaverse» (от вымышленной лексемы *Grisha* – человек, наделенный сверхъестественными способностями, и англ. *Universe* – вселенная, мир, универсум). Автором предлагается ознакомиться с географической картой вымышленного мира перед прочтением романа. Географические названия указываются латиницей. Топонимия вселенной «Grishaverse» проработана непосредственно автором Л. Бардуго, взявшим за основу прототипичные образы реальных государств или их групп:

«Ravka»/«Равка», прототипом которой стали страны Восточной Европы.

«Fjerda»/«Фьерда», северный горный район, прототипированный скандинавской группой государств.

«Shu Han»/«Шу Хан», «Шухан», государство, находящееся южнее Равки и представляющее азиатские страны.

«Kerch»/«Керчь»,«Керчия», островное государство, синтезирующее культуру, язык, традиции и градоустройство средневековой Европы, а точнее Германии, Нидерландов, Португалии, и находящееся западнее Равки посреди «The True Sea»/ «Истинного моря». Особую сложность представило соотнесение традиционной одежды Керчи, семантически и этимологически связанной с восточноевропейской группой языков: «Kefta»/«Кефта» или «Кафтан». Полезным дополнением, способствующим понимаю мироустройства фэнтезийной вселенной являются комментарии автора, прописывающего в тексте, что во время повествования в романе «Kefta»/«Кефта» встречается лишь в государстве «Ravka»/«Равка», и жителями мира воспринимается как народный костюм именно этой местности.

«Novyi Zem»/«Новый Зем», государство к западу от «The True Sea»/ «Истинного моря», и располагающаяся к югу от «The Wondering Isle»/«Блуждающего острова» и с северу от Южных колоний

«Southern Colonies»/«Южные колонии», синтезирует культуру, историю и географические особенности Арабо-африканского мира.

Нами были рассмотрены ключевые аспекты проблематики семантического анализа топонимов в жанре фэнтези на материале художественного текста:

1. **Неконсистентность и разнообразие**

Фэнтезийные миры нередко создаются авторами с использованием различных реальных языков, мифологических и культурных элементов. Это приводит к тому, что фэнтезийный топонимы могут быть основаны на различных семантических моделях, что затрудняет их систематизацию и анализ. Так вымышленная вселенная Л. Бардуго «Grishaverse» географически разделена на стороны света и фэнтезийная топонимия привязана к привычному стереотипу деления реального мира на север, юг, запад и восток.

1.1 Фэнтезийный топоним «Fjerda»/«Фьерда» имеющий географическое значение конкретного горного северного государства, может иметь скандинавские корни, так как в норвежском языке «fjerd» или «fjerdal» связаны с понятием «четвертый» или «четвертая часть». Это может означать, что название связано с географическим объектом, который находится на уровне или в разделе, который воспринимается как «четвертый» по отношению к чему-либо. В зависимости от задумки автора, фэнтезийный топоним «Fjerda» может также иметь связь с другими скандинавскими языками, такими как шведский и датский, где «fjerd» или «fjerdeplass» несет значение «гора со снежной шапкой». В данном примере семантическая особенность фэнтезийного топонима проявляется путем этимологического анализа.

1.2 Неконсистентность фэнтезийных топонимов ярко прослеживается в этимологии топонима «Kerch»/«Керчь»,«Керчия», существующего в действительности, и имеющего скифское происхождение от слова «керч» или «керчь», что может означать «переправа» или «мост» или иметь тюркские, схожие по семантике, корни. Это объясняет географическое положение островного государства на переправе между государством «Ravka»/«Равка» и «Shu Han»/«Шу Хан», и связанное с последним мостами. Сами же государства «Ravka»/«Равка» и «Shu Han»/«Шу Хан» олицетворяют Восточно-европейскую культуру и культуру стран Азии соответсвенно.

2. **Привязка к контексту**

Значение фэнтезийных топонимов зависимо от контекста произведения.

2.1 Так топоним «Novyi Zem»/«Новый Зем», вероятно основан на реальном месте, архипелаге в Северном Ледовитом океане между Баренцевым и Карским морями под названием «Новая Земля», и входящим в Архангельскую область Российской Федерации. В романе Л. Бардуго «Novyi Zem»/«Новый Зем» известен же, напротив, теплым климатом, обширными сельскохозяйственными угодиями и ремесленными городками. Также «Novyi Zem»/«Новый Зем» является убежищем для всех людей, желающих начать жизнь заново в полной анонимности.

3. **Метафоры и символики**

Многие топонимы в фэнтезийных мирах несут в себе метафорическое значение или символику, что требует глубокого понимания не только языка, но и культурных коннотаций. Фэнтезийные топонимы могут отражать особенности местной флоры и фауны, истории или отражать совокупность эмоциональных,

культурных и социальных особенностей местного населения и принадлежность к определенной этнической группе.

3.1 «The Wondering Isle»/«Блуждающий остров», населённый рыжеволосыми и белокожими жителями, обычаями, традициями и верованиями напоминающих средневековую Ирландию. На острове находятся руины древнего замка, а также такие локации как «Maroch Glen»/«Марох Глен», «Fenford»/«Фенфорд» и «Istamare»/«Истрамера».

4. **Влияние на восприятие**

Топонимы могут влиять на эмоциональное восприятие места читателем. Для изучения этой проблемы важно исследовать, как звуковая структура, семантические ассоциации и визуальные образы, связанные с фэнтезийным топонимом, формируют восприятие места действия читателем.

4.1 «Ravka»/«Равка» во вселенной Л. Бардуго, это монархия, управляемая царской семьей «Lantsov»/«Ланцовых» носящих имена, привычные для Восточно-европейской культуры, но чуждые и удивительно-новые для американского читателя: «Yaromir»/«Яромир», «Yevgeni»/«Евгений», «Ivan/«Иван», «Alexander»/«Александр», «Nikolai»/«Николай». Автор морфологически пытается воссоздать звуковую структуру слова и воздействовать таким образом на подсознание читателя, создавая в нем образы Царской России, справедливых, но непреклонных правителей и богатой культуры. Герб государства «Ravka»/«Равка», также представлен в романе в виде двуглавого орла, держащего в лапах скипетр и стрелы.

При интерпретации фэнтезийных топонимов следует учитывать контекст и детально прорабатывать широкую картину образов, составленную автором произведения. Отсутствие деталей и информации о фэнтезийном мире, языке и географическом объекте может изменить его роль в сюжете и вектор восприятия читателем.

Авторская свобода при создании фэнтезийных топонимов может вызвать затруднение в их анализе. Вымышленные языки или артланги, в особенности не до конца проработанные, делают семантический анализ практически невозможным без дополнительных сносок и пояснений от автора. Фэнтезийные миры часто требуют создания новых слов и географических названий, изучение которых помогает выявить языковые инновации, механизмы создания новых значений и контекстов. Данное исследование может быть полезным для лингвистов, изучающих эволюцию языка и новые формы его проявления в культурных и социальных контекстах.

В связи с вышеизложенным, семантический анализ фэнтезийных топонимов требует комплексного подхода, который учитывает лингвистические, культурные и художественные аспекты. Фэнтезийные топонимы являются важным элементом фэнтезийного нарратива, служат индикатором жанровых характеристик, формируют атмосферу художественного произведения. Исследования в этой области могут обогатить понимание не только фэнтезийной литературы, но и широкой картины культурного взаимодействия языка, разобраться в структуре и этапах создания авторских уникальных миров, языков, и образа интерпретации и трансформации реальной культуры, и истории.

Список литературы

Басик С. Н. Общая топонимика: Учебное пособие для студентов географического факультета. – Мн.: БГУ, 2006. – 200 с.

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2008. – 144 с.

Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.

Никонов В.А. Введение в топонимику. – Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.

Огнева Е.А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – №2. – С. 37-49.

Хвесько Т.В. Когнитивное описание формирования топонимов // Язык и культура. – 2008. – С. 77-82.

Bardugo L. Six of Crows. – Orion Publishing House, UK, 2016. – 494 p.

SEMANTIC AND ETYMOLOGYCAL ASPECT OF FANTASY PLACE NAMES (BASED ON THE NOVEL WRITTEN BY L. BARDUGO «SIX OF CROWS»)

Chupina Ksenia Sergeevna,
Instructor of the Department of Foreign Languages
Belgorod National Research University, Belgorod

Abstract. The article examines the range of fantasy place names of the novel written by L. Bardugo «Six of Crows». The trends of interpretation of fantasy place names are revealed. The etymology of place names is analyzed from the point of view of the semantic motivation of the form, their connection with cultural features and the historical context laid down by the author.

Key words: place names, fantasy place names, literary text, semantics, perception.

МЕТОДОЛОГИЯ РАССМОТРЕНИЯ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В ЛИНГВО-КОГНИТИВНОМ НАПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Шелудько Светлана Анатольевна,
аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения,
г. Москва, Россия,
Мазирка Ирина Олеговна,
доктор филологических наук, профессор кафедры
теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие «миромоделирование» в рамках относительно нового лингво-когнитивного направления его изучения. Отмечается

недостаточная сформированность методологии проведения исследований данного понятия в рамках когнитивно-дискурсивного направления в отечественном языкознании. В статье предлагаются перспективы использования понятия «миромоделирование» при выполнении дискурс-анализа текстов различной социальной и культурной направленности.

Ключевые слова: миромоделирование, когнитология, лингвистика, филология, текст, дискурс.

Понятие «миромоделирование» и языковые функции взаимосвязаны через понятие «образ мира» в речевой деятельности индивидуума. На сегодняшний день у миромоделирования нет единого и универсального понятийного аппарата, поскольку это понятие одновременно разрабатывается в ряде наук, прежде всего, в филологии и лингвистике (теории текста и дискурса). Однако уже сегодня можно четко обозначить два основных направления, в рамках которых выполняются все современные исследования по рассмотрению данного понятия – 1. художественное (Ю.М. Лотман [Лотман, 2018], В.Н. Топоров [Топоров, 1981] и др.) и 2. лингво-когнитивное (когнитивно-дискурсивное). Работы в художественном ракурсе выполняются в рамках рассмотрения различных аспектов литературной эстетики, где текст выступает в качестве модели мира с последующим изучением и авторского метода его написания. В качестве примера приведем филологию, науку, где миромоделирование используется как инструмент для определения способов и приемов построения художественных микромоделей, в зависимости от личных концепций авторов художественных текстов. С помощью таких авторских миромоделей могут раскрываться и смежные понятия, к которым относят «понятия миропроектирования, мироконструирования и мироструктурирования», впоследствии реализуемые на уровне структур художественного текста [Гарипова, 2020] (см. также работы [Мазирка, 2024a; 2024b].

Модель мира В.Н. Топорова состояла в следующем: «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах <...> Само понятие «мир», модель которого описывается, целесообразно понимать как человека и среду в их взаимодействии; в этом смысле мир есть результат переработки информации о среде и о самом человеке» [Топоров, 1980, с. 161].

Двадцать первый век принес иной взгляд на понятие «модель мира» – неклассическое, которое вышло за пределы литературоведческого [Цивьян, 2009, с. 5]. Такой более широкий взгляд на данное явление сформировался в науке благодаря разграничению исследований филологического направления, сдвигу фокуса научных интересов в сторону выполнения работ по дискурсивному и текстовому анализам, и, наконец, заметной направленности в принятии во внимание научным сообществом ментальных и коммуникативных факторов (например, понятия «языковая картина мира» (далее ЯКМ) [Зализняк,2005], не идентичного понятию «миромоделирование» в рамках рассмотрения проблем языковедения «когнитивно-дискурсивной парадигмы с ядром в виде дискурс-анализа» [Била, 2020].

Мировидение адресата в различных видах коммуникации зависит от речевых практик, в рамках которых происходит процесс осознания и

«объективирования» этим адресатом отдельных фрагментов его картины мира, что в итоге становится катализатором для «развития у него когнитивно-дискурсивного миромоделирования».

Лингвистическое миромоделирование отлично от художественного ввиду присутствия в них различий в качестве полипарадигмального предпосылочного знания, поскольку когнитивно-дискурсивная парадигма основана на принципах «антропоцентричности, функциональности, системоцентричности» и изучает языковые явления одновременно в ракурсе нескольких направлений – семантического и прагматического [Кубрякова, 2009]. Если говорить о внутренних и межпарадигмальных связях миромоделирования, то они рассматриваются по-разному, поэтому предполагают и разные подходы. Когнитивно-дискурсивный подход, например, рассматривает концептуальную картину мира как центральную в дискурсивной деятельности ее участников, являясь частью их сознания, где язык выступает только в качестве передатчика информации.

Миромоделирование в коммуникации строится на базе когнитивно-дискурсивной парадигмы, и объектом таких изысканий являются «контекстуально обусловленный процесс и результат конструирования реальности в дискурсе средствами языка» [Кушнерук, 2019].

Каким же образом язык участвует в моделировании социальных отношений индивидуумов. Согласно С.Л. Кушнерук, это происходит на следующих основаниях: 1. язык – основное средство человеческой, а значит, и дискурсивной коммуникации, базирующейся на наличии у человека когнитивных способностей; 2. «язык формирует культурные шаблоны и образ мышления людей, влияет на их поведение и взаимодействие в обществе» [Кушнерук 2019, с 299]; 3. язык способен объектировать ментальные репрезентации и дает возможность проводить «анализ ментальных репрезентаций, позволяет установить дискурсивно-специфичные формы портретирования действительности», зависящие от сферы и целей общения» [там же]; 4. язык – социальный инструмент структурирования представлений индивидуума о реальности в дискурсе, ограниченный онтологичностью и институциональностью последнего; 5. язык – средство привнесения концептуальных конструктов в когнитивную систему человека, благодаря чему у индивидуума «формируются, обновляются, прививаются социальные взгляды, мнения и оценки [Кушнерук, 2019, с. 299].

Итак, в лингвистическом (когнитивном) аспекте рассмотрения проблемы миромоделирование обусловлено ментальными процессами, которые происходят в мозгу индивидуума независимо от него при восприятии им внешней информации. В дискурсивном (языковом) аспекте миромоделирование зависит от процесса актуализации знаний в текстах, от употребления их в речевых ситуациях определенного социального контекста. В современной науке стало очень популярным терминосочетание «когнитивно-дискурсивное миромоделирование», обозначающее, по мнению С.Л. Кушнерук, «переработку и структурирование информации о среде и человеке в дискурсе, приводящее к образованию ментально-языковых (репрезентационных) структур» [Кушнерук, 2019].

Отметим, что очевиден постоянно растущий в наши дни интерес к изучению и анализу понятия «миромоделирование» именно в когнитивно-дискурсивном направлении. В этом мы видим **актуальность** и нашей работы.

В российском языкознании также существует несколько направлений, испытывающих сильное влияние утверждений и суждений когнитивно-дискурсивной парадигмы, центральными из которых назовем языковые и ментальные факторы, несомненно, в свою очередь, оказывающие влияние на то, как могут репрезентироваться знания и какую роль они могут выполнять в не до конца изученных в науке процессах миропонимания и мировосприятия. Российские ученые–лингвисты активно участвуют в исследованиях когнитивного направления (например, дискурса и коммуникации, концептуализации, категоризации др.). Привлекательным для ученого мира остается междисциплинарность этих исследований (когнитивистика, прагматика, дискурсология), поэтому миромоделирование уже начало приобретать иное, но при этом более конкретное содержание.

Лингвистическое миромоделирование – это часть сферы интересов когнитивной лингвистики, в рамках которой язык считается открытой системой, базирующейся на концептуализации.

Миромоделирование в качестве объектов своих исследований выбирает ЯКМ, модели образной интерпретации и метафоризации, образ мира. Посредством миромоделирования у индивидуума формируется его собственная система ценностных ориентиров, которая участвует в выстраивании его поведения и мышления. Оба направления в изучении миромоделирования одинаково активно участвуют в формировании картины мира индивидуума как ее ментально-языкового продукта.

В качестве теоретической основы изучения лингвистического миромоделирования чаще всего используются работы З.И. Резановой [Резанова, 2010]. По мнению ученого, функционализм, предполагающий построение языковых коммуникативных моделей, отграничивает дискурсивную и языковую картины мира, а последняя, «по мнению ученого, представляет собой «воплощение особого способа ментально-языкового членения действительности, объективированного в структурах внешней языковой формы» [Резанова, 2010, с. 29], Дискурсивная же картина мира интерпретируется как «часть языковой картины мира, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами, и моделируется она с использованием того же набора методов, что и языковая картина мира» [Никиенко, 2007, с. 26].

Представленные подходы заметно отличаются при обозначении и определении смыслов. В одном из них ЯКМ в своём определении базируется на принципах когнитивистики, в другом (лингвокогнитивном/дискурсивном) учёными фокусируется праксиологический аспект, в котором средства текстуальности объективного характера рассматриваются в тесной взаимосвязи с деятельностью и поведением индивидуума в различного вида социальных контекстах.

Для определения характерных черт национальной картины мира обычно одновременно проводятся два вида анализа – лингвокогнитивный и

лингвокультурологический. Например, именно при совмещении этих двух видов анализа «миромоделирование связывается со свойством метафоры определять направления смыслового развития в процессах текстообразования». З.И. Резанова считает, что таким образом «принципы метафорического моделирования в литературных и диалектных языковых формах» находят свое проявление [Резанова, 2010]. Эмер считает, что «лингвокультурологический вектор прогрессирует в лингво-когнитивных исследованиях жанрового миромоделирования» [Эмер, 2013], (см. также [Шелудько, 2024].

Жанр небылицы/ небывальщины, который популярен в ряде европейских и восточных культур, включая русскую, может быть праведен в качестве примера. Ведь, как источник информации небылицы различны в разных лингвокультурах и, следовательно, передают различную информацию о мировосприятии членов этой культуры, в результате чего, ученые могут систематизировать знания о национальной культуре и картине мира ее членов через пропозициональные структуры миромоделирования [Беляева, 2022], поскольку пропозициональная структура фокусируется на культурно-специфичном видении ситуаций членами коллектива определённого этноса , таким образом миромоделирование ,ограниченное социумом и рамками жанра, при сопоставительном анализе, уже стало весьма перспективной темой для будущих исследований.

При этом заметим, что изучение миромоделирования в лингвокогнитивном ключе, не пришло еще к стадии своего окончательного и полного формирования с позиции наличия у этого направления устойчивой и полностью сформированной методологии, поскольку дискурс и его возможности по организации различных коммуникативных пространств не только очень динамичны, но и практически безграничны. Новый научный вектор исследований может проводиться, принимая во внимание когнитивный, языковой, социальный и культурный опыт участников дискурса, а также их прагматические установки, но теоретическое обоснование именно дискурсивной картины мира предполагает открытие новых миромоделей дискурсивно-специфичного плана, с целью определения существенных черт ряда событий действительности у представителей различных лингвокультур.

Поднятая нами проблема может внести существенный вклад в понимание и эволюцию теории языка и межкультурной коммуникации.

Изучение миромоделирования в рамках лингво-когнитивного направления языкознания началось в российской науке сравнительно недавно, как результат международной популярности работ в поле проведения дискурс-анализа. Миромоделирование этого направления базировалось на идеях критической лингвистики и дискурсологии (дискурсивные практики), где язык и культура особенно тесно взаимодействуют. Дискурс, органично входящий в культурно-исторический контекст, не может не быть задействованным в формирование социальной реальности.

Миромоделирование в рамках данного направления репрезентирует события через их включение в ментально-языковое пространство дискурса/текста, таким образом, определяется роль этих структур в организации социальной реальности.

Список литературы

Беляева Д.А. Своеобразие небылиц в русской и китайской лингвокультурах: сопоставительный аспект / Д. А. Беляева, А. В. Проскурина // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6(97). – С. 565-567.

Била М. Язык, культура и идеология в дискурсивных практиках / М. Била, С.В. Иванова // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – Т. 24. – №2. – С. 219-252.

Гарипова Г.Т. Специфика художественного миромоделирования в прозе русского символизма: теория, тенденции, трансперсональные модели // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2020. – Вып. 25. – №3. – С. 399-423.

Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер и др. Отв. ред. проф. З.И. Резанова. – Томск: UFO Plus, 2007 – 384 с.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5-12.

Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. – М.: ФЛИНТА, 2019. – Т. 25. – № 3. – С. 399-423.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. – СПб., 2018. – 220 с.

Мазирка И. О. Единицы знаний как важные составляющие когнитивной системы индивидуума / И. О. Мазирка, Е. В. Горбунова // Современный ученый. – 2024. – № 5. – С. 120-128.

Мазирка И. О. Особенности проведения лингвостилистического анализа аутентичных текстов художественной литературы // Военно-гуманитарный альманах: Материалы XVIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, Военный университет Минобороны России, 28 июня 2024 года. – Москва: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. – С. 710-719.

Резанова З И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестн. Томс. гос. ун-та. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26-43.

Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 161-166.

Шелудько С. А. Культурологический потенциал русских народных сказок в языковом обучении / С. А. Шелудько, И. О. Мазирка // Военно-гуманитарный альманах: Материалы XVIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, Военный университет Минобороны России, 28 июня 2024 года. – Москва: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. – С. 743-747.

Эмер Ю.А. Миромоделирующая функция частушки в праздничном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1 (34). – С. 136-142.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – 3-е изд., испр. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

METHODOLOGY FOR CONSIDERING WORLD MODELING IN THE LINGUO-COGNITIVE DIRECTION OF MODERN RUSSIAN SCIENCE

Sheludko Svetlana Anatolyevna,
Postgraduate Student,
Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics,
State University of Education, Moscow, Russia,
Mazirka Irina Olegovna,
Doctor of Philology, Professor,
Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics,
State University of Education, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the concept of "world modeling" within the framework of a relatively new linguo-cognitive direction of its study. The article proposes the prospects for using the concept of "world modeling" in the discourse analysis of texts of various social and cultural orientations.

Key words: world modeling, cognology, linguistics, philology, text, discourse.

THE INFLUENCE OF C. OGDEN AND I. RICHARDS' THEORY IN SEMANTIC STUDIES

Efendiyeva Lala Elkhan qizi
Phd student, Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan

Abstract. The Richard-Ogden theory occupies an important place in semantic studies and aims to explain the relationships between meaning and linguistic structures. This theory, put forward by Charles Kay Ogden and Ivor Armstrong Richards, is mainly known for its "triangle of meaning" model. According to this model, there is a complex relationship between words, the objects they refer to, and the perceptions people form about these objects.

This article analyzes the influence of the Richard-Ogden theory on modern semantic research. Particular attention is paid to the application of the theory in such fields as conceptual semantics, cognitive linguistics and discourse analysis. In particular, it is shown that language is not only a symbolic system, but also shapes the ways in which individuals and societies perceive the world.

In modern linguistics, this theory is applied to solve problems of semantic variability, term formation and translation. The article notes that this approach is also relevant in information technology, the field of natural language processing in artificial intelligence, and the semantic interpretation of legal texts.

Consequently, Richard-Ogden's theory allows us to consider the meaning of language not only in a lexical or grammatical context, but also in psychological and social contexts. The article shows that this approach proves that semantics is a dynamic and changing field, and provides a theoretical basis for future research.

Key words: semantic studies, theory of language and meaning, referential meanings, relationship of symbol and meaning, philosophy of language.

The study of the relationship between language and meaning is one of the most important issues in the fields of philosophy, semiotics and linguistics. The relationship

between language and meaning is one of the main research areas of linguistics. People use language not only as a means of expression during communication, but also to express meanings through deep semantic structures. This article will examine various aspects of the relationship between language and meaning, semantic theories and their role in communication.

Language is the main means of human communication and consists of phonetic, lexical and grammatical components. Meaning expresses the content of words, expressions and sentences and the information loaded on them. The interaction of language and the meaning system plays an important role in the formation of human thinking.

The study of the relationship between language and meaning is the main subject of semantics. Semantics studies the structures of meaning, the semantic load of words and expressions. In linguistics, semantics, together with syntactic and pragmatic aspects, helps to understand the full picture of language.

One of the fundamental studies in this field is the work "The Meaning of Meaning", co-authored by Charles Kay Ogden and Ivor Armstrong Richards. This book explores various aspects of the concept of meaning and presents the basic principles of meaning formation. The Triadic Model presented in the book is one of the important theories explaining the mechanism of meaning formation in language. One of Ogden's most famous works is the book "The Meaning of Meaning". He wrote this book together with I. A. Richards, in which he proposed a triadic model explaining the meaning of language.

In the book "The Meaning of Meaning" authors tried to explore the problem of meaning in more depth, combining various philosophical and psychological approaches. The main attention in the work is paid to the following issues:

- Meaning and the ways of its formation;
- Semantic relations and levels of meaning;
- The relationship between language and thought;
- The formation of meaning in the process of communication [Ogden, 2023, p. 19].

One of the main theses emphasized in the book is that words do not directly denote objects, but rather are understood through certain meanings that are interconnected. This approach allows us to explain the concept of meaning in a more complex and contextual framework.

The Triadic Model is at the heart of Ogden and Richards' theory of meaning. This model claims that meaning relationships are built on three main elements:

1. Symbol – A word or linguistic unit;
2. Referent – A real object or concept to which the word refers;
3. Thought/Reference – The mental concept that a person associates with that word.

According to this model, when a person speaks, he does not work directly with objects, but with the concepts he creates in his mind. For example, when he hears the word "tree", an image of a certain tree comes to mind. That image corresponds to the description of a certain tree that exists in reality. In this process, language plays the role of a symbolic tool only and does not express the object itself, but the concept that has arisen in the person's mind about it.

The Triadic Model has wide applications in the fields of linguistics and semiotics. The importance of this model is manifested in the following aspects:

- Use in semiotic analysis – It is useful for studying the symbolic structures of language;

- Application in communication theories – It helps to explain the causes of misunderstandings between people;

- Role in translation and language teaching – It helps to understand the difficulties in transferring meaning between different languages [Ogden, 2023, p. 96].

C. Ogden and I. Richards's "The Meaning of Meaning" and its Triadic Model provide an important theoretical framework for studying the relationship between language and meaning. The main principle of this model is that meaning does not consist only of a direct relationship between word and object, but is also formed through thought and mental concepts. They characterize the concept of "meaning" as the mutual substitution of three components between word and referent through understanding. Thus, such an approach characterizes "true meaning" as the reference of separate and isolated words and, therefore, is unable to reveal its true essence. This theory still remains relevant in the fields of modern linguistics and semiotics and is widely used by various researchers.

This model criticized Ferdinand de Saussure's binary semiotic model and introduced a new approach. Ogden's triadic model consists of three main components:

- Symbol – the word or sign
- Referent – the object that the sign refers to
- Thought – how a person understands the relationship between that symbol and the object.

This theory has opened up new directions in the fields of linguistics and semiotics, and has been used to solve problems of semantic meaning and communication.

Ogden is also the author of the language project called "Basic English". This system aimed to simplify the English language for global communication. The project was based on the use of 850 basic words, trying to make it easier to learn the language. This approach aimed to simplify the grammar and lexicon of the language, making it more accessible for international communication.

Charles Ogden's theories investigated the structure of the meaning of language, the formation of meaning in the process of communication, and ways to simplify the language for international communication. His ideas have had a great influence on the fields of semiotics, communication theory, and the limitation of language.

Ogden and Richards's semantic theory has been widely applied in various fields. It influenced Ferdinand de Saussure's theory of the sign, paving the way for understanding language in a social context. Poststructuralist theory, especially Derrida's concept of deconstruction, has emphasized the instability of meaning.

The semantic load of words can be different in different cultures. Ogden and Richards' approach is used in translation theory to solve the problems of equivalence and meaning transfer.

This theory has played an important role in understanding how the human brain forms and perceives meaning. Scientists such as George Lakoff and Mark Johnson have used these ideas to conduct research on metaphors and conceptual schemes.

As is known, currently, both in psychology and linguistics, great importance is attached to the discussion of the problem of the interaction between meaning and concept. Therefore, it seems to us that the definition of the concept of meaning should reveal the true essence of the mentioned interaction. However, it is impossible to draw a definite conclusion about the relationship between meaning and concept from existing approaches to meaning, such as "a generalized reflection of reality", "an attitude, not an essence" [Eco, 2009, p. 67].

Unfortunately, there is no common ground on the relationship between meaning and concept. Thus, some authors have completely identified these concepts. They rightly note that there is a replacement of one term with another, the meaning of the word is characterized as a concept, but the «concept» is conceived through certain words, which in turn gives grounds to say that the concept constitutes the meaning of the word.

Other authors characterize the concepts of «meaning» and «concept» as «two different categories, each of which has an incomparable characteristic (in the sense of comparison)» [Jackendoff, 2003, p. 14].

Such a distinction between «meaning» and «concept», in our opinion, is completely logical, since «concept» is a form of expression of reality, representing reality in the consciousness of the individual [Sebeok, 2001, p. 75].

If we proceed from such a distinction between «meaning» and «concept», then, of course, for the present scientific work, the definition of the concept of meaning should be based on «the relation of the word to this or that concept» [Chandler, 2002, p. 173]. If we construct a scheme in the form of 1 – sign (word), 2 – denotate (object, event), 3 – designate (concept about the object), then the relation of the sign to the denotate and the designate can be called meaning [Jackendoff, 2003, p. 68]. More precisely, the meaning has both the designative and denotative relations that constitute its basis. In this case, the concept is of a mediating nature. When studying the problem of meaning and its relation to the concept, we consider it important to dwell on some considerations related to this issue. In the Russian language, both concepts are ambiguous, characterized as a relation arising from the activity of the subject or as a means of expression. In English, the word «sense» can be considered to some extent as an equivalent of the word «meaning» (smysl). (There is no sense; to make sense). At the same time, the word «meaning» in Russian means «znachenie». In English, it can be expressed by the words «meaning, significance, importance» (to attach great importance).

The concepts of «znachenie» and «smysl» were first distinguished by G. Frege. By «znachenie» he meant the content expressed by a sign, and by «smysl» he meant its means of expression [Ogden, 2023, p. 124].

L.S. Vygotsky interprets the concept of «meaning» from a different perspective: «The meaning of a word (smysl) expresses the sum of all psychological factors that arise in our thinking due to the word. The meaning of a word (smysl) always has a dynamic, fluid, complex nature, having several different zones of continuity. «Meaning» is only one of the more solid, unified and precise zones of that «meaning» that a word possesses in the process of speech. A word taken out of context has only one meaning (znachenie). That meaning (znachenie) is not concrete: it is a different concept as a potential opportunity realized in the process of living speech and is a single stone existing in that «meaning – meaning» building» [Halliday, 2008, p. 105-106].

L.S. Vygotsky, emphasizing the inseparability of the concepts of «meaning» and «meaning», connects «meaning» with the function of the word in the process of speech. Two words act as a necessary condition for the formation of «meaning». N.I. Jinkin writes that by the minimal unity of «meaning» we mean two words that are related to each other according to «meaning» [Chandler, 2002, p. 83]. If we have at least two words, then between the concepts expressed by these words, of course, there must be certain connections that together create meaning. Thus, meaning (meaning) is understood as «a reflection of the connections existing between objects and a unity of this or that concept with another concept» [Chandler, 2002, p. 196]. Such a classification of meaning (meaning) allows us to determine whether the combination of words has meaning (meaning) on the basis of the correspondence of the concepts expressed by these or those words or their mutual exclusion. «If such correspondence between two or more concepts exists in the experience of the parties involved in the speech process, the idea of combining words expressing these concepts should be considered logical. If we are talking about the combination of two mutually exclusive words, such as «red green», etc., such a combination should be characterized as meaningless word combinations» [Halliday, 2008, p. 77].

Ogden and Richards' theory still retains its importance in today's semantic research. In the field of artificial intelligence and machine translation, their approach is used in the development of meaning networks and semantic analysis. In addition, the principles of this theory are applied in the analysis of manipulative discourses in political and media linguistics.

Charles Ogden and Ivor Richards' "Theory of Meaning" has led to revolutionary changes in the fields of linguistics and semantics and has paved the way for extensive scientific research. Their approach continues to play an important role in the fields of modern semantic analysis, translation studies and cognitive linguistics. Therefore, this theory will remain one of the main concepts not only in the past, but also in future language studies.

References

Chandler D. Semiotics: The Basics. – London: Routledge, 2002. – 254 p.

Cruse A. Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 180 p.

Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. – Bloomington: Indiana University Press, 2009. – 276 p.

Halliday M. Language as Social Semiotic : The Social Interpretation of Language and Meaning. – London: Edward Arnold, 2008. – 250 p.

Jackendoff R. Semantic Structures. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003. – 340 p.

Ogden C. K. The Meaning of Meaning : A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism / C. K. Ogden, I. A. Richards. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 2023. – 260 p.

Sebeok T. A. Signs: An Introduction to Semiotics. – Toronto: University of Toronto Press, 2001. – 260 p.

ВЛИЯНИЕ ТЕОРИИ К. ОГДЕНА И А. РИЧАРДСА НА СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эфендиева Лала Эльхан кызы,
аспирант Азербайджанского университета языков,
г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Теория Ричарда-Огдена занимает важное место в семантических исследованиях и направлена на объяснение взаимосвязей между значением и языковыми структурами. Эта теория, выдвинутая Чарльзом Кейем Огденом и Айвором Армстронгом Ричардсом, в основном известна своей моделью «треугольника смысла». Согласно этой модели, существует сложная связь между словами, объектами, к которым они относятся, и восприятием, которое люди формируют об этих объектах.

В данной статье анализируется влияние теории Ричарда-Огдена на современные семантические исследования. Особое внимание уделено применению теории в таких областях, как концептуальная семантика, когнитивная лингвистика и дискурсивный анализ. В частности, показано, что язык не только является символической системой, но и формирует способы восприятия мира индивидами и обществами.

В современной лингвистике эта теория применяется для решения проблем семантической изменчивости, терминообразования и перевода. В статье отмечается, что этот подход также актуален в информационных технологиях, области обработки естественного языка в искусственном интеллекте и семантической интерпретации юридических текстов.

Следовательно, теория Ричарда-Огдена позволяет рассматривать значение языка не только в лексическом или грамматическом контексте, но и в психологическом и социальном контекстах. В статье показано, что этот подход доказывает, что семантика является динамичной и изменяющейся областью, и обеспечивает теоретическую основу для будущих исследований.

Ключевые слова: семантические исследования, теория языка и значения, референциальные значения, связь символа и значения, философия языка.

DIE AFFIXALE ABLEITUNG ALS EINE ART DER WORTBILDUNG IN DER ENGLISCHEN SPRACHE

Krutko Anna Alexeyevna,
Studentin der Fakultät für Fremdsprachen
des Pädagogischen Instituts,
Belgoroder Staatliche Nationale Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland,
Die wissenschaftliche Betreuerin: Borisovskaya Irina Valentinovna,
Dozentin des Lehrstuhls für Deutsch und Französisch
des Pädagogischen Instituts
Belgoroder Staatliche Nationale Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland

Abstract. Im Artikel ist die Rede von der affixalen Ableitung in Englisch. Man betrachtet sie als produktive Wortbildungsart der englischen Gegenwartssprache. Die Ableitung spielt eine große Rolle in der Bereicherung der Sprache und in der Erweiterung und Präzisierung der Wortbedeutung. Als Objekt der Untersuchung sind Affixe vielseitig, wovon ihre Funktionen zeugen.

Schlüsselwörter: Ableitung, Wortbildung, Affixe, Präfixe, Suffixe, Wortbedeutung.

Die affixale Ableitung wird in der wissenschaftlichen Literatur eindeutig als eine Art der Wortbildung interpretiert: «Die Entstehung neuer Wörter wird durch die Ergänzung des Stammes vom produzierenden Wort mit Hilfe der bestimmten Affixe interpretiert» [Konopleva, 2012, S. 9]. Die affixale Ableitung ist der produktivste Weg in der Wortbildung der englischen Sprache. In diesem Fall weisen V.I. Belikov und L.P. Krysin darauf hin, dass „dies ein Schlüsselprozess der Wortbildung ist, in dem Affixe zu den Wortwurzeln hinzugefügt werden, die ihre Bedeutung oder grammatische Form ändern. Die Ableitung ermöglicht es, neue Wörter zu herstellen und verschiedene Wortarten zu bilden, wodurch das Vokabular der Sprache bereichert wird» [Belikov, 2001, S.7]. Die Hauptfunktion der affixalen Ableitung im modernen Englisch ist laut A. Shajkevich die Bildung einer Wortart aus einer anderen; eine sekundäre Funktion ist die Änderung der lexikalischen Bedeutung der gleichen Wortart [Shajkevich, 2005, S.21]. Wenn eine Person mit Affixen vertraut ist, kann sie während der Kommunikation leicht neue Wörter bilden.

Laut O.D. Meshkov können Morpheme aus semantischer und struktureller Sicht klassifiziert werden. Aus semantischer Sicht sind Morpheme in folgende unterteilt: Wurzelmorpheme und affixale Morpheme. Der Struktur nach werden Morpheme in freie und gebundene unterteilt: sie können selbstständig auftreten, ohne ihre Bedeutung zu ändern, und gebundene Morpheme sind immer Teile von Wörtern, sie treten nie selbstständig auf. Das bedeutet, dass einige Morpheme die Wörter bilden können, ohne andere Morpheme hinzuzufügen: sie sind homonym für freie Formen [Meshkov, 1984]. Mit anderen Worten sind die Morpheme von der Rolle abhängig, die sie bei der Ableitung von Wörtern spielen. Die Morpheme sind in Wurzeln und Affixe unterteilt. Die Affixe werden nach ihrer Position im Wortmodel in Präfixe, Suffixe und Infixe und je nach ihrer Funktion und ihrem Wert in abgeleitete und funktionale Affixe unterteilt, die letzten werden auch als Endungen oder externe Formate bezeichnet [Meshkov, 1984].

Die wissenschaftlichen Arbeiten von E.S. Kubryakova unterstreichen, dass die Ableitung historische und soziolinguistische Aspekte der Sprachentwicklung widerspiegelt [Kubryakova, 2019]. Die Linguistin beschreibt den Einfluss verschiedener Sprachschichten, einschließlich Entlehnungen und Anpassung der Wörter aus anderen Sprachen, die das englische Lexikon bereichern. So entwickelt sich die Sprache im Zusammenhang mit den sich ändernden Kommunikationsanforderungen. Also dient die Ableitung nicht nur als Werkzeug der Wortbildung, sondern auch als wichtiger Indikator für sprachliche Veränderungen in der Gesellschaft.

Laut E.N. Zagrekova „wird die Rolle des Präfixes auf die Verfeinerung und damit auf die Differenzierung von Bedeutung reduziert. Aufgrund dieser Methode der Wortproduktion entstehen neue Wörter innerhalb dieser Klassifizierungsreihe oder neue Wörter in einer anderen Klassifizierungsreihe» [Zagrekova, 2008, S. 25].

Die Präfixe haben immer die gleiche Bedeutung, unabhängig davon, an welches Wurzelwort sie angehängt sind. Zum Beispiel bedeutet das Präfix re- immer „wieder etwas tun»: Wenn es in reread verwendet wird, bedeutet es „erneut lesen»; Wenn es in rebuild verwendet wird, bedeutet es „erneut bauen».

Die Präfixe werden verwendet, um Sätze auf ein einzelnes Wort zu reduzieren. Anstatt beispielsweise zu sagen, dass jemand „mehr erreicht als erwartet», könnte man sagen, dass er „übermäßig erreicht».

In der englischen Grammatik ist ein Suffix ein Buchstabe oder eine Gruppe von Buchstaben, die am Ende eines Wortes oder einer Wurzel (d. h. der Grundform) hinzugefügt werden, um ein neues Wort zu bilden oder als Flexion zu fungieren.

A.N. Il'ina und S.G. Kibasova unterscheiden die folgenden Arten von Suffixen:

1. In der Klassifizierung nach Wortarten werden die Suffixe je nach Zugehörigkeit des abgeleiteten Wortes unterteilt: 1) die Suffixe, mit deren Hilfe die Substantive gebildet werden; 2) die Suffixe, die an Stammwörter angefügt sind, um die Adjektive zu bilden; 3) die Suffixe, mit deren Hilfe die Verben gebildet werden; 4) die Suffixe, die an Stammwörter angefügt sind, um die Adverbien zu bilden.

2. In der Klassifizierung nach dem ursprünglichen Stamm werden folgende Suffixe unterschieden: 1) adjektivische Suffixe, die an den Wurzeln von Adjektivnamen hinzugefügt werden; 2) verbale Suffixe, die mit den Wurzeln von Verben kombiniert werden; 3) substantivische Suffixe – die Suffixe, die an substantivische Wurzeln angehängt werden.

3. Semantische Klassifizierung.

4. Die Klassifizierung nach dem Ursprung der Suffixe.

5. Lebende/tote Suffixe: Tote Suffixe sind außer Gebrauch und gelten daher als untrennbares Morphem des Wortes; lebende Suffixe sind trennbar [Il'ina, 2012].

R. Nordquist unterscheidet im Englischen zwei Haupttypen von Suffixen: 1. Derivationssuffix gibt den Typ des Wortes an. Zum Beispiel das Hinzufügen von -ly zu einem Adjektiv, um ein Adverb zu bilden. 2. Flexionssuffix wiederspiegelt die grammatischen Besonderheiten eines Wortes. Zum Beispiel, das Hinzufügen von -s an einem Substantiv bildet Pluralform im Englischen [Nordquist, 2018]. Flexionssuffixe werden für grammatische Zwecke verwendet. Dazu gehören alle Endungen von Wörtern für die Konjugation von Verben wie -ing und -ed; Pluralsendung -s; Possessivendung -‘s; und Reflexivendung -self / -selves für Pronomen. Die Suffixe für Komparativ und Superlativ von Adjektiven (-er bzw. -est) gehören ebenfalls zu dieser Gruppe. Derivationssuffixe werden verwendet, um Wortarten zu ändern, z. B. um ein Substantiv in ein Verb oder ein Adjektiv in ein Adverb umzuwandeln. Derivationssuffixe erzeugen neue Wörter, die von der ursprünglichen Wortwurzel abgeleitet werden. Das Hinzufügen eines Derivationssuffixes zum Wurzelwort ändert oft die Wortart. Zum Beispiel führt das Hinzufügen des Suffixes -ation zum Verb „derive» zur Bildung eines Substantivs „derivation». Und das Hinzufügen des Suffixes -al zu diesem Substantiv bildet das Adjektiv „derivational». Die Suffixe werden für grammatische Zwecke wie die Konjugation von Verben oder die Pluralbildung von Substantiven verwendet. Zum Beispiel bildet das Substantiv „strength» den Plural, indem es das Suffix -s: „strengths» hinzufügt. Dieses Substantiv kann mit dem Suffix -en: „strengthen» in ein Verb umgewandelt werden. Das Hinzufügen des Suffixes -ed zu diesem Verb bildet seine Vergangenheitsform: „strengthened».

Betrachten wir die Bedeutung der produktiven englischen Präfixe, die den Grad bezeichnen. Die Hauptbedeutung des Präfixes „hyper-» unterstreicht den Grad. Gemäß

der Wörterbuchdefinition (having a lot / too much of (stated) quality) bedeutet es einen übermäßigen Grad an Qualität, der an der Bedeutung der Wurzel angegeben ist. Zum Beispiel ist „hyperactive person» eine Person, die so ungewöhnlich aktiv ist, dass sie sich an nichts konzentrieren kann. Es wird durch die Wörterbuchdefinition bestätigt: «someone who is hyperactive has more energy than is normal, gets excited easily, and cannot stay still or think about work». Beispiele für andere Adjektive sind: hyper-clear, hyper-creative, hyper-elegant, hyper-modern, hyper-natural usw. Derselbe Wert wird durch Substantive implementiert, die mit dem Präfix hyper- gebildet werden. Zum Beispiel ist Hypertension ein ungewöhnlich hoher Blutdruck (und eine medizinische Bedingung, in der der Blutdruck extrem hoch ist). Beispiele für andere Substantive sind: hypercharge, hyperinflation usw.

Die zweite Bedeutung des Präfixes „hyper-» besteht darin, dass es die Größe betont, also meint es etwas deutlich größer als das, was die Wurzel bezeichnet. Diese Bedeutung tritt auf, wenn die Wurzel eines Wortes durch ein bestimmtes Substantiv dargestellt wird. Zum Beispiel ist ein Hypermarket ein riesiges Geschäft, das sich normalerweise am Stadtrand befindet. Beispiele für andere Substantive sind: hypercomputer, hyperspace usw.

Das Präfix ultra- (= extreme or extremely) bedeutet ‚außerhalb des in der Bedeutung der Wurzel angegebenen Merkmals'. Diese Bedeutung entsteht, wenn die Adjektive, die als Wurzel verwendet werden, keine Abstufung in ihrer Bedeutung aufweisen. Aufgrund der Definition des Adjektivs ultraviolet (ultraviolet light has a wavelength that is after the violet (light purple) end of the range of colors that can be seen by humans), sind ultraviolet rays beispielsweise die Strahlen, die sich hinter dem violetten Ende des sichtbaren Spektrums befinden; laut der Definition des Adjektivs ultrasonic (= too high for people to hear) sind ultrasonic waves – Ultraschallwellen, deren Frequenz die obere Hörgrenze des menschlichen Gehörs überschreitet usw. Auch das Präfix „ultra»- hat die Bedeutung „weit über den normalen Grad der an der Wurzel gegebenen Eigenschaft hinaus». Diese Bedeutung tritt auf, wenn die Grundlagen von Adjektiven Qualitäten mit Abstufungen bezeichnen. Zum Beispiel ist „ultra ecological» ein Produkt oder eine Praxis, die sich sehr um die Umwelt kümmert und die üblichen Umweltstandards weit übersteigt. Die Bedeutung des Präfixes „ultra»- „Überschreiten der Grenzen des durch das Adjektiv an der Wurzel angegebenen Qualitätsmerkmals» tritt auf, wenn die durch das Adjektiv genannte Qualität eine Abstufung aufweist. Zum Beispiel ist „ultramodern home» ein Haus, das extrem modern oder aktuell ist. Beispiele für andere Adjektive dieser Gruppe sind: ultrachic jeans, ultra-confident people, ultra-loyal customers usw. Man kann daraus schließen, dass die Präfixe der Kategorie, die den Grad bezeichnen, sehr unterschiedliche Bedeutungen haben können, abhängig von dem Motivationsstamm – der Wurzel des Wortes.

Als nächstes betrachten wir die Bedeutung einiger produktiver Suffixe in Englisch. Durch das Anhängen bestimmter Suffixe an die Wurzel von Verben werden Substantive gebildet.

Durch das Hinzufügen der Suffixe -er, -ag, -og, –eer werden die Wörter in die Substantive umgewandelt, die die Bedeutung „der Vollzieher der durch ein Verb

gekennzeichneten Aktion» oder „Beruf, Art der Tätigkeit einer Person» haben: writer – Schriftsteller; worker – Arbeiter; player – Spieler; founder – Gründer; teacher – Lehrer.

Die Suffixe -ment, -age, -ure, -dom, -tion, -sion zeigen auf:

Zustand: boredom – Langeweile; martyrdom – Martyrium, tension – Spannung; fulfillment – Erfüllung, Zufriedenheit; achievement – Leistung.

Qualität: courage – Mut; failure – Misserfolg; pleasure – Vergnügen; Freiheit – Freiheit; wisdom – Weisheit; satisfaction – Zufriedenheit.

Abstrakte Konzepte: advertisement – Werbung; connection – Verbindung, Verbindung; assumption – Annahme, Behauptung; anticipation – Voraussicht, Erwartung.

Ergebnis der Aktion: usage – Verwendung; departure – Abreise; decision – Lösung; destruction – Zerstörung; payment – Zahlung.

Die Suffixe -ian, -an, -ese zeigen an:

nationale oder territoriale Zugehörigkeit: Bulgarian – Bulgare, Australian – Australier, Italian – Italiener, Portuguese – Portugiese, Chinese – Chinese, Japanese – Japaner, American – Amerikaner;

Beruf: electrician – Elektriker, technician – Techniker, musician – Musiker, librian – Bibliothekar, historian – Historiker.

Die Suffixe -hood und -ship im Englischen bedeuten den Zustand einer Person im Zusammenhang mit:

dem Alter: childhood – Kindheit; adulthood – Reife, teenhood – Adoleszenz youthhood – Jugend.

der sozialen Beziehungen: friendship – Freundschaft; brotherhood – Bruderschaft; motherhood – Mutterschaft.

der Tätigkeit oder der Gruppe von vereinten Personen: leadership – Führung; membership – Mitgliedschaft; priesthood – Priestertum, Klerus; internship – Praktikum

den abstrakten Begriffen: neighborhood – Nachbarschaft; ownership – kEigentum.

Fazit. Die Präfixe bereichern nicht nur die Sprache, sondern machen sie auch ausdrucksvoller, indem sie die Vielfalt und Tiefe der Bedeutungen erweitern. Die Präfixe, die den Grad bezeichnen, wie hyper-, ultra-, geben Wörtern je nach ihren Wurzeln unterschiedliche Bedeutungen. Diese Präfixe konzentrieren sich auf ein ungewöhnlich hohes Maß an Qualität, Eigenschaften, die über die Normen hinausgehen, und an eine beeindruckende Größe.

Die Kenntnis der Suffixe in der englischen Sprache spielt eine wichtige Rolle bei der Bildung neuer Wörter und der Erweiterung des Wortschatzes. Sie können Adjektive in abstrakte Substantive umwandeln und auf die Möglichkeit von Handlungen oder das Vorhandensein/Fehlen von Eigenschaften hinweisen. Die Kenntnis der Bedeutungen von Suffixen trägt zu einem besseren Verständnis der Struktur und Bedeutung von Wörtern bei.

References

Belikov V.I. Sociolingvistika: Uchebnik / V. I. Belikov, L. P. Krysin; [In-t «Otkrytoe o-vo»]. –M.: RGGU, 2001. – 436s. (Auf Russisch).

Il'ina A.N. Slovoobrazovanie v sovremennom anglijskom yazyke: uchebnoe posobie dlya studentov ekonomicheskih special'nostej / A. N. Il'ina, S. G. Kibasova ; M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Federal'noe gos. byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya \"Sankt-Peterburgskij gos. un-t ekonomiki i finansov\", Kaf. anglijskogo yaz. N 3. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta ekonomiki i finansov, 2012. – 90 s. (Auf Russisch).

Konopleva I.N. Affiksaciya v anglijskom leksicheskom substandarte: Diss. ... kand. filol. nauk.– Sankt-Peterburg, 2012– 190 s. (Auf Russisch).

Kubryakova E.S. Osnovy morfologicheskogo analiza: na materiale germanskih yazykov. – 4-e izd. –Lenand, 2019. – 328 s. (Auf Russisch).

Meshkov O.D. Slovoobrazovanie sovremennogo anglijskogo. – M.: Nauka, 1984. – 246 s. (Auf Russisch).

Nordquist R. Standard English (SE) : Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms //ThoughtCo : site. – URL: thoughtco.com/standard-english-1692137 (data obrashcheniya: 24.03.2025).

Shajkevich A. Ya.Vvedenie v lingvistiku : ucheb. posobie dlya studentov filol. lingvist. fak. vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti 021700 – Filologiya. – Moskva: Akademiya, 2005. – 393c. (Auf Russisch).

Zagrekova E.N. Istoki i razvitie rossijskoj medicinskoj terminologii: Dis. … kand. filol. nauk. – Saratov, 2008. – 197 s. (Auf Russisch).

АФФИКСАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Крутько Анна Алексеевна,
студентка факультета иностранных языков
Педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия,
научный руководитель: Борисовская Ирина Валентиновна
доцент кафедры немецкого и французского языков
Педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье речь идет об аффиксальном способе словообразования в английском языке. Считается, что он является самым продуктивным словообразовательным типом современного английского языка. Аффиксация играет большую роль в обогащении языка, а также в расширении и уточнении значения слова. Как объект исследования аффиксы универсальны, о чем свидетельствуют их функции.

Ключевые слова: производное, словообразование, аффиксы, префиксы, суффиксы, значение слова.

LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT "HELP" IN MILITARY LITERATURE

Nelasova Alexandra Ivanovna,
Master's Student of the Department of Foreign Languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia,
Pavlyuchenko Ekaterina Yurievna,
Master's Student of the Department of Foreign Languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia,
scientific adviser: Danilenko Ilya Aleksandrovich,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia

Abstract. Spanning a wide range of works from memoirs and diaries to fiction, military literature often explores themes related to human emotions and moral dilemmas. One of the main concepts often explored in many works of fiction is the concept of HELP. This concept can come in many forms: physical help on the battlefield, moral support for one another, or humanitarian aid. In this article we will examine how the concept HELP is represented in various works of military literature, and analyses how it affects the perception of war and human relations.

Key words: military literature, concept help, linguistic means, human relations, lexical representation.

Military literature often describes scenes in which soldiers help each other in the most extreme and difficult conditions. For example, in Ernest Hemingway's novel Goodbye, Guns, the protagonist Frederick Henry repeatedly helps his comrades despite his own injuries and fatigue. And in Stephen Ambrose's novel "Band of Brothers" the concept HELP goes hand in hand with the characters of the work. It shows support, intercession, faith in their comrades, who risked their own lives to save their comrades. All this, shows us how important was mutual assistance in that difficult time. Each, as if responsible for his comrade, because their lives depended on each other.

In his works, E. Hemmingway wrote, "I have always been confused by such words as "glorious", "sacrifice" or "it's over". We had to hear them only by the edge of our ears, in the pouring rain, when only a few words come out before us, we also read them on proclamations pasted on top of others, we read them more than once and more than twice, but somehow I always saw nothing sacred, and there was nothing glorious in glorious deeds, only sympathy for each other was meaningful to us" [Hemingway, 2016, p. 33]. "When we love, we seek to act in the name of that love, we are willing to give our whole selves, to serve, to sacrifice" [Hemingway, 2016, p. 203].

And Stephen Ambrose, in his novels emphasised the importance of the HELP aspect, "Who would have thought that in the chaos of battle, they could find the closest brotherhood they had ever known?" [Ambrose, 1993, p. 124]. "In the trenches they encountered selflessness and realised that they could care for their comrades, more than they cared for themselves" [Ambrose, 1993, p. 124]. "You are all united by one thread that exists only in battle, between brothers, in the same trench. In the hours of despair, you supported each other, saw death and suffered together. I am proud to have served with each of you! You have earned a long and happy life in the world" [Ambrose, 1993, p. 212]. All these stories teach us not only heroism, but also show us the importance of humanity and helping each other in any circumstances.

War also affects everyday life and the lives of civilians. Everything changes. Life changes 180 degrees. That's why, in military literature, there is quite a lot of coverage of civilian aid, humanitarian aid. "In the midst of war, the greatest act of courage often turns out to be the simplest act of compassion" [Ivanov, 2015, p. 512]. For example, women in the war not only shot and treated the wounded. They consoled the soldiers and gave them hope. This was their personal humanitarian mission. In the work "Shantaram" we also see that the protagonist finds his vocation in helping people, but that help is more medical than humanitarian. "In the slums, people help each other, not because they have a lot, but because they know who it is to have nothing. And that makes them generous" [Roberts, 2004, p. 912].

Military assistance is represented not only in the physical aspect of assistance, "saving from death", "shooting" etc. Moral (psychological) support is also quite important. War is a time of great trials, they lie not only in deprivation, loss of loved ones, they lie in the psychological impact on a person. "You can cure the body, but you can't cure the soul". War leaves a deep wound for life. In Erich Maria Remarque's novel "All Quiet on the Western Front" he is written "We were only eighteen years old, we had just begun to appreciate life and peace, and were forced to destroy it" [Remarque, 2019, p. 296]. Fear, is a normal and natural human reaction to an external stimulus, it is important not to let yourself be overcome by it.

During the war, it is very important that there was a person who can support, understand and help you. In the novel "A Farewell to Arms" Ernest Hemingway wrote that "sometimes, all we need is just to have someone around, without words, without complaints, just to be" [Hemingway, 2016, p. 224]. "Support can come in the simplest of gestures: an encouraging look, a reliable presence, or a shoulder to just lean on" [Hemingway, 2016, p. 228]. Psychological support, is just as relevant in all of the military writings about PTSD in the war and post-war years. Patrick O'Brien, in his novel "The Things They Carried", opens up to us with this thought. "They carried the full emotional weight of people who might not have survived" [O'Brien, 2023, p. 204]. Again, war does not only scar us physically that we can see, it deeply scars the psyche. The aspect of salvation here is to support each other, to realise that you are not alone and you have someone to rely on. All studies show that compassion and understanding become important forms of help in the context of military difficulties.

The concept HELP is realised in military literature in a multidimensional way. Whether it is physical support on the battlefield, emotional support for comrades in arms or humanitarian aid to civilians, this idea emphasises the importance of solidarity, mutual assistance and empathy. Studying the role of the concept HELP in military prose allows for a deeper understanding of the complex psychological and emotional experiences associated with military conflicts and emphasises the enduring value of humanity in extreme circumstances.

References

Hemingway E. A farewell to arms; with an afterw. by Ned Halley. – London: Macmillan Collector's Library, 2016. – 352 p.

Ivanov. A. The Length of Days. – Moscow: AST. – 2015, – 512 p.

O'Brajen T. The things they carried; [perevod s anglijskogo A. A. Komarinec]. – Moskva: AST, 2023. – 317 p.

Remarque E. M. All quiet on the Western front; kommentarii i slovar' I. Bespalovoj ; perevodchik s nemeckogo: Dzh. Kejp. – Sankt-Peterburg: KARO, 2019. – 318 p. (In Russian).
Roberts G. D. Shantaram. – London: Abacus, 2004. – 933 p.
Stephen E. Ambrose. Band of brothers. – New York: Simon & Schuster, 1993. – 335 p.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА "HELP" В ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Неласова Александра Ивановна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,
Павлюченко Екатерина Юрьевна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Даниленко Илья Александрович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. Военная литература, охватывающая широкий спектр произведений – от мемуаров и дневников до художественной литературы, – часто исследует темы, связанные с человеческими эмоциями и моральными дилеммами. Одним из основных понятий, часто исследуемых во многих художественных произведениях, является понятие «HELP». Это понятие может принимать различные формы: физическая помощь на поле боя, моральная поддержка друг друга или гуманитарная помощь. В статье рассматривается репрезентация концепта HELP в различных произведениях военной литературы, предлагается анализ влияния данного концепта на восприятие войны и человеческих отношений.

Ключевые слова: военная литература, концепт помощь, языковые средства, человеческие отношения, лексическая репрезентация.

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE CONCEPT «HELP» IN THE WORKS OF THOMAS KENEALLY AND JAMES CLAVELL

Nelasova Aleksandra Ivanovna,
Master's Student of the Department of Foreign Languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia,
Scientific adviser: Danilenko Ilya Aleksandrovich,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of linguistic means of expressing the concept HELP, which are used by James Clavelli and Thomas Keneally in their works. Both authors explore the theme of help and humanity, in the harsh conditions of war, imprisonment, etc.

However, the authors' approaches to the vision and disclosure of the concept of HELP are strikingly different. In this article, we will conduct a comparative analysis of all linguistic means that give the authors a deeper understanding of this concept, with a focus on lexical, stylistic and syntactic features.
Key words: war literature, aid, physical aid, moral support, solidarity, compassion, battlefield, lexical, stylistic and syntactic features.

Concepts play a big role in our lives. They express three main "whales" – language, culture and human personality. Concepts unite emotions, associations, values that are related to a certain life phenomenon. Concepts are not limited to a narrow-profile orientation, they include the whole range of meanings that are invested in this or that concept. In this article, we will analyze the capacious concept HELP, which is one of the key elements in military fiction. The concept HELP has many meanings – it includes moral aspects of human relationships, physical, emotional or social aspects.

Considering this concept in military literature, on the example of two writers – James Clavell and Thomas Kennelly, we see that such a simple word as HELP acquires a deeper meaning. War is an uncharacteristic state for a healthy, emotional human condition, it is extreme conditions, death, cruelty, betrayal, murder. The concept of HELP becomes the connecting thread between the attempt to survive and the preservation of banal humanity. It is, as it were, the centerpiece of these novels.

The main syntactic means for conveying the meaning of the concept HELP. To begin with, let's understand what syntactic means are. "Stylistic means of the syntactic level are of great importance when comprehending the artistic text. They perform the most important role of the plot-forming factor, become the basis of the content of the text, create a new, special organization of the statement, which distinguishes the neutral form of presentation from the emotionally and expressively colored. The main syntactic means of expressiveness in a fiction text are stylistic inversion, isolation, ellipsis, silence, indirect speech, rhetorical question, and litotes" [Halperin, 2013, p. 223]. In Kennelly's works, this is expressed by the use of complex sentences, where there are internal conflicts or moral dilemmas between the main characters. Kennelly uses this technique in order to reveal and show the depth of feelings and experiences of the characters in the novel. Here are some examples from Schindler's List – "Helping others, became his mission, even if it meant losing his own well-being" [Kennelly, 2016, p. 210]. "He risked everything to save those he didn't even know" [Kennelly, 2016, p. 150]. "He knew he could help, but realized that any wrong move could cost him his life" [Kennelly, 2016, p. 210]. The author similarly uses the dialog form to convey the meaning and essence of the concept of helping. For Kennelly, it is more philosophical reasoning, he reveals to us the motives for helping his characters.

In contrast, in Clavell's works, we observe the exact opposite picture. He does not need high-flown phrases, complex turns of phrase, in order to reflect the concept of HELP in his works. Clavell's help is expressed in short, simple or straightforward phrases. But his phrases, like a pistol shot, always hit the very target, the reader's soul. Clavel's constructions convey urgency and practical necessity. "We can get through this if we get our act together" [Clavell, 2005, p. 200]. "Don't give up, we'll get through this together" [Clavell, 2005, p. 95]. "Hang in there, we'll find a way out" [Clavell, 1999, p. 450]. The dialog form is also characteristic of Clavell, the style of transmission remains the same, it is rather dynamics and quick solution of the task or problem at hand.

Lexical means to express the concept HELP in the military works of James Clavell and Thomas Kennelly play a great importance. Synonyms, antonyms, homonyms, paronyms – all these are used by the author to reveal the concept HELP more vividly, to create a deep emotional background of the military work. The word help is presented multidimensionally, for example, Clavell uses such lexical means as – "support", "cooperation","participation". Schindler for this purpose uses such lexemes as "salvation", "sacrifice", "mercy", "renouncing everything in favor of another". All these lexemes are used by the authors to describe emotions, inner state, experiences, practical mutual aid, survival. The protagonist of the novel Schindler's List said that he could not remain indifferent, seeing the suffering of others, and the work "King Rat", Clavell wrote that in order to survive they need to stick together.

Stylistic means are also widely used by the authors to describe the concept HELP. War is a world of vivid contrasts. Love – hate, friendship – betrayal, courage – cowardice, help – indifference. All stylistic techniques used in military works by Clavell and Kennelly are aimed at showing the reader the difference, the contrast of the environment of war, murder, hatred and acts of mercy that the main characters show, the manifestation of humanity.

Clavell uses symbolism, antithesis, epithets and metaphor. Symbolism – "The rats that shared the food were not just animals to us, they symbolized hope for survival" [Clavell, 2005, p. 80]. Antithesis – "In a world where death reigned, even the slightest help became an act of resistance" [Clavell, 2005, p. 120]. Metaphor – "His help, was a ray of light in the pitch blackness" [Clavell, 2005, p. 130].

Kennelly uses repetition to show the importance of two-way support for his characters. The main support is the collective and the relationships between them, their compassion and empathy, helping each other. He often uses phrases – "We must stick together", "We must help each other". Keneally, tries to emphasize the importance of unity between the characters in his books. Symbolism. It is also actively used by Keneally as a stylistic device. HELP is re-presented multidimensionally – "hope", "salvation", "light", "love". All this shows what significance the authors attach to the concept HELP.

To summarize, we would like to say that both approaches of the authors have a place. Both authors, despite such a diverse stylistic, lexical and syntactic approach, emphasize the importance of the concept HELP in wartime conditions. The comparative analysis of linguistic means has highlighted the prevailing means of expression of Thomas Kennelly and James Clavell. The former, in his literature, emphasizes the spiritual component of help (moral, emotional side), the latter, on the contrary, draws our attention to the practical aspect of the concept. In the end, I would like to say that help is not only moral or physical support of one's brother, friend, comrade, it is about the very concept of humanity in inhuman conditions

References

1. Galperin I.R. Stylistics of the English language. – Moscow: Librokom, 2013 – 331 s.
2. Kenilli T. Schindler's list [per. s angl. I. Polocka]. – Moskva: E, 2016. – 476 s.
3. Klavell Dzh. King Rat [per. s angl. P. V. Mel'nikova]. – Sankt-Peterburg: Amfora, 2005. – 348 s.

4. Klavell Dzh. Taj-pen [perevel s angl. E. A. Kuprin]. – Sankt-Peterburg: Amfora, 2005. – 2005.
5. Klejvel Dzh. Shōgun [Roman : Per. s angl.] – Moskva: OLMA-Press, 1999. – 814 s.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ПОМОЩЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТОМАСА КЕНИЛЛИ И ДЖЕЙМСА КЛАВЕЛЛА

Неласова Александра Ивановна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Даниленко Илья Александрович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу языковых средств выражения концепта HELP, которые используют в своих произведениях Джеймс Клавелли и Томас Кенилли. Оба автора исследуют тему помощи и человечности в суровых условиях войны, тюремного заключения и т. д. Однако подходы авторов к видению и раскрытию концепта HELP разительно отличаются. В данной статье мы проведем сопоставительный анализ всех языковых средств, которые дают авторам более глубокое понимание этого концепта, уделяя особое внимание лексическим, стилистическим и синтаксическим особенностям.

Ключевые слова: военная литература, помощь, физическая помощь, моральная поддержка, солидарность, сострадание, поле боя, лексические, стилистические и синтаксические особенности.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENTS «SWEET»/«SLADKIJ», «SOUR»/ «KISLYJ» IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Trifonova Daria Dmitrievna,
Master's student at the Department of Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages
Pedagogical Institute of National Research University «BelSU», Belgorod, Russia,
scientific supervisor: Zimovets Natalya Viktorovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages
Pedagogical Institute National Research University «BelSU», Belgorod, Russia

Abstract. The article provides an analysis of phraseological units with the components «sweet»/»sladkij», «sour»/ «kislyj» from the point of view of the linguistic picture of the world. It is noted that in some phraseological units that contain a comparison, the objects of comparison often do not coincide; this is due to the different perceptions and cultural characteristics of representatives of the English-speaking and Russian-speaking language communities.

Key words: phraseological units, positive/negative connotation, perception, linguistic picture of the world.

Phraseological units make speech more figurative and dynamic. They help to convey more meaning and do it emotionally and expressively. The phraseological fund is a reflection of the national and cultural specificity of a particular people, its centuries-old experience and observations. Phraseological units reflect the linguistic and cultural characteristics of the language.

Phraseological units are often called catchphrases, thus emphasizing their ability to fly through time and space, maintaining their relevance and popularity. These expressions often come from literature, history, cinema and even political speeches, becoming part of the general cultural heritage. Catchphrases have expressive power and brevity, due to which they are easy to remember and widely used in communication.

The use of set expressions in speech enriches the language, gives it emotional coloring and allows complex ideas to be expressed in a compact form. Their study reveals the depth of the language and provides a unique opportunity to understand the mentality and traditions of the people.

Such phrases are a powerful tool for creating vivid, vivid images that are easy to remember and make communication more colorful. They help to convey complex ideas or feelings concisely, strengthening the connection between interlocutors due to the common cultural context. In literature, phraseological units are used to create an authentic atmosphere and characterization of characters, making the text more rich and multifaceted. Mastering catchphrases is important when learning a language, as it contributes to a better understanding of native speakers and immersion in the language environment.

R.F. Bryleva and N.N. Baktybek notice: «Each language has a unique linguistic picture of the world. Therefore, phraseology, like nothing else, fully reflects the material and spiritual culture of the people. Partially, the linguistic picture of the world, which is embodied in phraseological units of the English and Russian languages, coincides, but most often there is a discrepancy. This is due to different traditions, customs, religious beliefs, values of the people and many other factors» [Bryleva, 2023, s. 36].

The analysis of phraseological units with the components «sweet»/»sladkij», «sour»/ «kislyj» from the point of view of the linguistic picture of the world gives us the opportunity to better understand the national specificity of native speakers. Certain associations are fixed in the consciousness of each person, so it is easy to trace the associative series of a native speaker, based on the material has been selected from the dictionaries Kunin A.V. Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar' and Lubenskaya S.I. Bol'shoj russko-anglijskij frazeologicheskij slovar'.

The words «sweet» and «sladkij» are perceived in English and Russian approximately the same way and have a positive connotation. In phraseological units they are associated with:

- something pleasant (Eng. *that which was bitter to endure may be sweet to remember*; Russ. *inogda priyatno vspominat' te vremena, kogda bylo tyazhelo*);
- wonderful (Eng. *sweet to the sweet*; Russ. *prekrasnoe prekrasnoj*; Eng. *life is sweet*; Russ. *zhizn' prekrasna*);
- joyful (Eng. *the sweet and the bitter of life*; Russ. *radosti i goresti*);
- romantic (Eng. *sweet nothing*; Russ. *romantichnaya chepuha*);

- delicious (Eng. *the nearer the bone, the sweeter the flesh*; Russ. *chem blizhe k kostochke, tem myasko vkusnee*).

Differences in the language pictures of the world of English and Russian, and, accordingly, different perceptions and cultural characteristics of people cause a discrepancy between the objects of comparison. For example, the English phraseological unit «as sweet as sugar» has Russian equivalent «sladkij kak med».

Sweetness is believed to be inherent in substances that have nutritional value and that give strength. For example, honey has long been associated with something that is not only tasty but also healthy because it is rich in nutrients.

According to Slavic mythology, honey is associated with the goddess Lada, personifying beauty, love and fertility. in Islam, honey expresses the sweetness of heavenly life in the 'garden of eternity'. In Mithraism, honey was brought to Mithra and served as a sacrament that cleansed from sins. The initiates washed their hands with it. Z.Z. Iskandarova notes:

- «in ancient Greek mythology, honey is the food of the gods, the infant Zeus was fed with it;
- in ancient India, honey was the beginning of all beginnings;
- in Scandinavian mythology, the honey of poetry is a sacred drink that gives wisdom and poetic inspiration;
- in Vedic myths, honey is identified with health;
- in the Bible, honey is a symbol of eternal life» [Iskandarova, 2020, p. 55].

In Russia, honey is a traditional product. Honey-bearing herbs grow all over Russia that have healing properties. Honey is widely used in Russian cuisine as a stand-alone delicacy and a sweet additive in the preparation of gingerbread, pies, jam and other dishes. The healing properties of honey are also used in folk medicine. Therefore, for a native speaker of Russian, the first image associated with something sweet, that is, useful, is honey.

It is known, that «sugar is a carbohydrate, which is considered a valuable nutrient that provides the body with the energy it needs» [Satdarova, 2015]. The Great Russian Encyclopedia states: «The raw material for sugar production is sugar-bearing plants (primarily sugar beet and sugar cane). The use of sugar as a sweet juice of a wild grass with a thick stem (sugar cane) has been practiced since ancient times on the island of New Guinea. Gradually, domesticated sugar cane reached Southeast Asia and East India, and they learned to boil the juice into a thick brown mass, then they began to pre-purify it with ash; only at the beginning of our era did they begin to obtain sugar in the form of crystals» [BRE]. Sugar was considered a luxury, used as a delicacy and even sold in pharmacies as a medicine, that is why the word «sugar» is used as a comparison in English.

To describe something that is highly desirable but not allowed phraseological unit «forbidden fruit»/»zapretnyj plod» is used. The appeal of forbidden fruit is explained by a psychological phenomenon called the forbidden fruit effect. When something is forbidden or unavailable, it can make you want it more. And getting something forbidden leads to pleasure, therefore, the forbidden fruit is associated with pleasure. It is also known that sweet taste is inherent in something pleasant, from which people also get pleasure. That is why the adjective «sweet» is used in this phraseological unit. The original source of the image of the «forbidden fruit» is considered to be the biblical story about the fruit from the tree of the knowledge of

good and evil, which God forbade Adam and Eve to eat. V.V. Serov has denoted that «the expression «forbidden fruit is sweet» was first encountered in the works of the Roman poet Ovid (Publius Ovidius Naso, 43 BC – 18 AD)» [Serov, 2005, p. 86].

The other components «sour» and «kislyj» in English and Russian are perceived in both languages as words with a negative meaning, for example:

- expressing dissatisfaction (Eng. *sour face*; Russ. *vorchun, bryuzga*; Eng. *sour expression*; Russ. *kislaya mina*);

- implying something sour (Eng. *sour look*; Russ. *kislyj vid*), bitter (Eng. *every white has its black, and every sweet its sour*; Russ. *u vsyakogo belogo est' svoe chernoe, a u vsyakogo sladkogo – gor'koe*);

- implying something sad or bad (Eng. *to strike a sour note*; Russ. *prozvuchat' pechal'noj notoj*; Russ. *udastsya – kvas, ne udastsya – kislye shchi*).

Among the phraseological units with the components «sour» and «kislyj» there is a discrepancy between the imagery of the linguistic pictures of the world of the English and Russian languages.

The English phraseological unit «sour as vinegar» has Russian equivalent «sour as lemon», that shows the discrepancy in imagery due to the uniqueness of the linguistic picture of the world. In English and Russian different words «vinegar» and «lemon» are used as the objects of comparison. It means that a native English speaker associates something sour with vinegar, and a native Russian speaker associates this feature with lemon.

R.F. Bryleva admits «when a man taste a sour product, the acid it contains irritates the tongue and the facial nerves adjacent to it, as a result of which the muscles contract and a reaction occurs. The sour taste distorts facial expression. Lemon is just the product that provokes such a reaction, as it contains a lot of acid» [Bryleva, 2023, p. 38].

The etymology of the word «vinegar» shows that this word comes «from Anglo-French vinegre, Old French vinaigre «vinegar», from vin «wine» (from Latin vinum; see wine (n.)) + aigre «sour» (see eager). In Latin, it was vinum acetum «wine turned sour», acetum for short» [OED].

Thus, Russian speakers associate sour taste with lemon, and the English speakers do it with vinegar.

Perception of the figurative basis of a phraseological unit is an integral part of its understanding, just as the disclosure of its meaning helps to understand the specifics of the people's culture. Z.M. Guseynova admits, «this requires the presence of certain linguacultural knowledge and life experience. In turn, sensory perception helps to understand the figurative meaning of phraseological units, which include adjectives that have a taste feature» [Guseynova, 2024, p. 592].

Despite the similar perception of taste adjectives by native English and Russian speakers, their figurative perception differs due to the unique linguistic picture of the world of both languages.

References

Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya 2004-2017. – URL: https://old.bigenc.ru/technology_and_technique/text/3538276 (data obrashcheniya: 12.03.2025). (In Russian).

Bryleva R.F. Sravnitel'nyj analiz prilagatel'nyh komponentom vkusa (na materiale kazahskogo, russkogo i anglijskogo yazykov) / R.F. Bryleva, N.N. Baktybek // Filologicheskie nauki: sostoyanie, perspektivy, novye paradigmy issledovanij: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Ufa, 2023. – S. 36-40. (In Russian).

Guseynova Z.M. Sopostavitelnyy analiz frazeologizmov semanticheskogo polya «pertseptsiya» v russkom i turetskom yazykakh // Byulleten nauki i praktiki. – 2024. – T. 10. – № 7. – S. 591-596. (In Russian).

Iskandarova Z.Z. Lingvokulturologicheskiy podkhod k obucheniyu russkomu yazyku v Bashkirskoy shkole // Nauchno-metodicheskiy zhurnal Poisk. – 2020. – № 5 (73). – S. 54-57. (In Russian).

Kunin A.V. Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar' = English-Russian phraseological dictionary. – 6-e izd., ispr. – Moskva : Zhivoj yazyk, 2005. – 942 s. (In Russian).

Lubenskaya S.I. Bol'shoj russko-anglijskij frazeologicheskij slovar'. – 2-e izd. – Moskva : AST-Press, 2004. – 1017 c. (In Russian).

Satdarova D.G. Otlichiya trostnikovogo i sveklovichnogo sahara / D.G. Satdarova, S.V. Merchina, N.N. Karamysheva, Yu.B. Vasil'eva // Materialy VII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum». – URL: https://scienceforum.ru/2015/article/2015015278?ysclid=m8pkw5n4po902245315 (дата обращения: 26.03.2025). (In Russian).

Serov V.V. Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij. – 2-e izd. – Moskva : Lokid-Press, 2005. – 877 s. (In Russian).

OED – Online Etymology Dictionary. – URL: https://www.etymonline.com/word/vinegar (data obrashcheniya: 20.03.2025).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТАМИ «SWEET»/«СЛАДКИЙ», «SOUR»/«КИСЛЫЙ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Трифонова Дарья Дмитриевна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Зимовец Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье дается анализ фразеологических единиц с компонентами «sweet»/«сладкий», «sour»/«кислый» с точки зрения языковой картины мира. Отмечается, что в некоторых фразеологических единицах, содержащих сравнение, объекты сравнения часто не совпадают, это связано с разным восприятием и культурными особенностями представителей англоязычного и русскоязычного языковых сообществ.

Ключевые слова: фразеологические единицы, положительная / отрицательная коннотация, восприятие, языковая картина мира.

СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. ПРАТЧЕТТА И ПРОБЛЕМА ЕГО ПЕРЕВОДА

Баранова Таисия Михайловна,
кандидат филологических наук, независимый исследователь
г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода индивидуального образного сравнения с английского на русский язык. На материале текстов Т. Пратчетта рассматриваются особенности перевода сравнений с семантически парадоксальным сочетанием компонентов. Раскрывается значимость корректной передачи смыслов, заложенных автором в сравнение, для сохранения функций данных единиц в тексте.

Ключевые слова: индивидуальное образное сравнение, семантически парадоксальные сочетания, перевод.

Центральным понятием настоящей работы является «сравнение». История исследования феномена сравнения берет свое начало в античной философии. Так, Аристотель, признанный основоположником логики, называл сравнение универсальным методом познания окружающего мира. Философ утверждал, что познание самой сущности вещей является невозможным, а все представления о качествах какого-либо объекта мы можем получить лишь через его сопоставление с другими объектами [Аристотель, 1983, с. 228].

В настоящее время сравнение представляет собой сложную междисциплинарную категорию, в том числе широко рассматриваемую в рамках языкознания. В трудах современных лингвистов отмечается значимость исследований категории сравнения с позиций когнитивной лингвистики, а также обозначается необходимость активной работы в направлении формирования нового научного взгляда на сравнение как на целостную антропоцентрическую систему, в которой учитывается роль «сравнивающего субъекта как организующего центра сравнительной системы» [Девятова, 2011, с. 4-6].

Значительный уровень сложности феномена сравнения в совокупности с перечисленными тенденциями развития лингвистических представлений о категории сравнения обуславливают актуальность исследования особенностей перевода индивидуальных образных сравнений. Кроме того, актуальность данной работы определяется необходимостью расширения объема знаний о популярном жанре комического фэнтези и изучения особенностей перевода произведений этого жанра, в том числе о специфики передачи средств выразительности. Также актуальность связана с недостаточной степенью изученности идиостиля Т. Пратчетта: тексты писателя лишь начинают рассматриваться отечественными и зарубежными лингвистами [Баранова, 2020, с. 2].

В целях описания особенностей индивидуальных образных сравнений Т. Пратчетта определимся с терминологией, применяемой к компонентам сравнения. Для этого будем использовать наиболее полную модель структуры компаративных единиц, предлагаемую В.М. Огольцевым и состоящую из следующих частей:

средства выражения логических элементов сравнения (в принятой нами терминологии это: *объект сравнения* – то, что подлежит сравнению, *эталон сравнения* – то, с чем производится сопоставление, а также *основание сравнения* – свойство, по которому объекты сравниваются) и средство языкового выражения компаративных отношений между объектом и эталоном (*показатель сравнения*). Кроме того, модель В.М. Огольцева подразумевает понимание сравнения как когнитивной операции, позволяющей на основании сопоставления получить новое знание. Т.е. *результат сравнения,* четвертый и необходимый, согласно модели философа В.И. Бартона [Бартон, 1978, с. 3], компонент структуры сравнения как категории логики, учтен в модели В.М. Огольцева [Огольцев, 1978, с. 5].

Настоящая статья представляет собой продолжение работы в направлении изучения идиостиля Т. Пратчетта, в том числе исследования особенностей функционирования средств выразительности в его текстах и вопроса корректной их передачи в тексте перевода. Ранее, в результате анализа текстов романов серии «Плоский мир», относящихся к жанру комического фэнтези, были выявлены следующие *функции* его авторских образных сравнений: а) создания комического эффекта; б) описания явлений и предметов; в) выражения оценочного суждения; г) акцентуации внимания на необычной природе вторичного мира; д) передачи чувств, эмоций, ощущений [Баранова, 2020, с. 6]. Также в ходе исследования было установлено широкое использование Т. Пратчеттом индивидуальных образных сравнений, содержащих *семантически парадоксальные сочетания компонентов* – невозможные или крайне нетипичные для реальности, не закрепленные в культуре, но существующие в созданном автором мире художественного произведения сочетания элементов сравнения. Эти явления могут присутствовать как на уровне сравнения в целом (парадоксальным является сочетание объекта и эталона), так и на более низком уровне (парадоксальным является сочетание элементов, составляющих эталон сравнения) [Баранова, 2020, с. 256].

В данной работе мы рассмотрим примеры использования Т. Пратчеттом индивидуальных образных сравнений с семантически парадоксальными сочетаниями компонентов на разных уровнях структуры: а) уровне сравнения в целом и б) уровне эталона сравнения, а также проанализируем их перевод на русский язык по критерию степени сохранения функций данных единиц.

Для иллюстрации *первого типа парадоксальности* возьмем сравнение из относящегося к серии «Плоский мир» романа Т. Пратчетта «Мор, ученик Смерти»: *«Anyone hovering at rooftop <…> would rightly have concluded that Mort and his gold had about the same life expectancy as a three-legged hedgehog on a six-lane motorway»* [Pratchett, 1988, p. 53].

Проведем разбор структуры индивидуального образного сравнения. В данной компаративной единице Т. Пратчетт сопоставляет следующие элементы: ожидаемая продолжительность жизни человека по имени Морт (объект сравнения) и продолжительность жизни трехлапого ежа на шестиполосной автостраде (эталон сравнения). Рассматриваемое сопоставление характеризуется имплицитно выраженным основанием: автор прямо не указывает на то, какие именно общие свойства имеют сравниваемые элементы.

Проведем анализ данной компаративной единицы по наличию семантической парадоксальности в ее составе. Сочетание «*a three-legged hedgehog on a six-lane motorway*» в эталоне сравнения само по себе не является семантически парадоксальным, поскольку все использованные автором образы, хоть и сложены в необычную комбинацию, взяты из окружающего мира и составляют реалистичную ситуацию, которую может представить и оценить в том числе реципиент, не знакомый с контекстом произведения: продолжительность жизни трехлапого ежа на широком скоростном шоссе вряд ли будет высока. Таким образом, на уровне эталона сравнения парадоксальности не выявлено.

При этом рассматриваемое сравнение содержит парадоксальное сочетание на уровне своей структуры: парадоксально сочетание объекта и эталона сравнения, т.к. общие признаки этих элементов и степень их выраженности могут быть выявлены только с помощью определения значения, заложенного автором. Сравнение продолжительности жизни человека и ежа на шоссе является авторским, и вне контекста мы не можем однозначно определить, почему вероятная судьба некоторого героя сравнивается с перспективами ежа на шоссе.

Для выявления смыслов, заложенных Т. Пратчеттом в данное средство выразительности, обратимся к контексту. Нам необходим контекст как всего произведения, так и уровня изучаемого фрагмента. Ознакомление с сюжетом романа дает информацию о том, что события происходят в фэнтезийном мире, и в сравнении речь идет о главном герое, наивном и неопытном деревенском пареньке по имени Мор, поступившем в подмастерья к Смерти (антропоморфному персонажу, сопровождающему души в иной мир).

Т. Пратчетт описывает Мора так: *«…the youngest son was not at all serious and had about the same talent for horticulture that you would find in a dead starfish <…> he had the kind of vague, cheerful helpfulness that serious men soon learn to dread. He was tall, red-haired and freckled, with the sort of body that seems to be only marginally under its owner's control»* [Pratchett, 1988, p. 11] / «младший сын относился к наследственному ремеслу крайне несерьезно, а степень его таланта к выращиванию садовых культур была примерно такой же, как у морской звезды. <…> В результате серьезные мужчины научились бояться его помощи, как огня. Мор был высок, рыжеволос и весь обляпан веснушками. В дополнение к этим особенностям, своим телом он управлял лишь чисто условно» [Пратчетт, 2018, с. 10]. Отец главного героя, обсуждая неуклюжесть и неприспособленность Мора к жизни, озвучивает также замечание о его характере: *«His heart's in the right place, mind»* [Pratchett, 1988, p. 11] / «Знаешь, с сердцем-то у него все в порядке» [Пратчетт, 2018, с. 10].

Таким образом, из контекста уровня произведения мы узнаем информацию об описываемом мире, а также значимые для понимания авторского сравнения характеристики героя: доброта, наивность, неопытность, неуклюжесть и беспомощность в бытовых вопросах.

Чтобы выявить функции рассматриваемого сравнения, необходимо также изучить ближайший к нему контекст – описываемую в данном отрывке ситуацию: главный герой, подмастерье Смерти, получив значительную сумму

денег от своего мастера, впервые оказывается один в огромном опасном городе Анк-Морпорке. Более того, Мор попадает в самый неблагополучный его район, Тени. Перед абзацем с изучаемым сравнением автор дает описание этой части города: *«It couldn't be called squalid because that would be stretching the word to breaking point. It was beyond squalor and out the other side <…> It didn't so much have a neighbourhood as an ecology, like a great landbased coral reef. There were the humans, all right, humanoid equivalents of lobsters, squid, shrimps and so on. And sharks»* [Pratchett, 1988, p. 53] / «Охарактеризовать место как «грязное» можно было с натяжкой, которую это слово не выдержало бы и порвалось. Состояние выходило за рамки тривиальных убожества и запущенности. <…> Это был не столько городской район, сколько экологический объект – что-то вроде стоящего на земле кораллового рифа. Здесь обитали люди, человекообразные эквиваленты омаров, кальмаров, креветок. И акул» [Пратчетт, 2018, с. 62].

Ближайший контекст дает нам важную для понимания сравнения информацию об уровне опасности описываемого района и о положении, в котором находится главный герой.

Синтез всех полученных из контекста знаний позволяет в полной мере понять смысл, заложенный Т. Пратчеттом в столь необычное сравнение продолжительности жизни человека на улице города с продолжительностью жизни ежа на оживленном шоссе. Сравнение выполняет здесь *функцию выражения оценочного суждения:* оно помогает читателю оценить, насколько малы шансы молодого простоватого героя, идущего с мешком золота, на благополучное прохождение самого опасного района мегаполиса. Отметим, что, кроме задачи указать на крайнюю степень опасности ситуации, в которой находится главный герой, сравнение также выполняет *функцию создания комического эффекта*, весьма важную для жанра юмористического фэнтези, к которому относится цитируемый роман. В этой связи описываемое средство выразительности может быть определено значимой единицей авторского текста, а задача сохранения в тексте перевода заложенных в данном сравнении смыслов может быть названа важной.

Рассмотрим перевод, выполненный С. Увбарх: «И парящее на высоте крыш существо пришло бы к справедливому заключению, что вероятная продолжительность жизни «золотоносного» Мора приблизительно та же, что у трехногого дикобраза на шестирядном автобане» [Пратчетт, 2018, с. 62]. Мы видим, что в тексте перевода передано данное индивидуальное образное сравнение. В структуре сравнения сохранена семантическая парадоксальность сочетания объекта (ожидаемой продолжительности жизни героя) и эталона (предполагаемой продолжительности жизни дикобраза на автобане). *Функция создания комического эффекта,* достигаемая за счет необычного сопоставления, сохранена в полной мере. Относительно *функции выражения оценочного суждения* отметим, что авторский образ ежа *(«hedgehog»)* в переводе заменен образом более крупного и сильного животного, дикобраза. Такая замена в некоторой степени искажает оценку ситуации, передаваемую авторским сравнением. Лексема *hedgehog* несет в себе значение *«маленький размер»*: *«hedgehog – a small animal whose body is covered with sharp points»* [Cambridge Dictionary Online, Электронный ресурс] – «еж – маленькое

животное, тело которого покрыто шипами» (здесь и далее перевод автора статьи. – Т. Б.). Лексема *дикобраз* не содержит данного значения: «дикобраз – млекопитающее отряда грызунов, спина и бока которого покрыты длинными, крепкими иглами» [Большой толковый словарь, Электронный ресурс], а также несет в себе отсутствующие у лексемы «*hedgehog*» семы *«крепкость», «сила»*. Образ более крупного и сильного животного не создает того эффекта потерянности и обреченности, который достигается автором, создавшим образ ежика на автостраде. В этой связи данная замена может быть охарактеризована как искажающая заложенные автором смыслы и, поскольку русскоязычному реципиенту знаком образ ежа, не обоснованная. Тем не менее, в основном полученное при переводе сравнение сохраняет особенности оригинального: содержит семантическую парадоксальность, выполняет *функцию создания комического эффекта* и в определенной степени реализует заложенную автором *функцию выражения оценочного суждения*.

В ходе настоящего исследования было установлено использование Т. Пратчеттом индивидуальных образных сравнений, содержащих семантически парадоксальные сочетания компонентов, в текстах произведений, выходящих за рамки рассмотренной ранее серии романов «Плоский мир», относящихся к комическому фэнтези. Так, данные средства выразительности в значительном количестве встречаются в текстах научно-фантастических романов писателя серии «Книги номов», в сборнике рассказов для детей «Драконы в Старом замке и другие истории», а также в книге «Кот без прикрас», относящейся к юмористической прозе.

В целях описания особенностей перевода авторских сопоставлений с условно *вторым типом парадоксальности* – семантически парадоксальным сочетанием компонентов на уровне эталона сравнения, рассмотрим пример из текста книги «Кот без прикрас»:*»hung it up in open window, bluebottles soon stuck fast like small angry currants»*[Pratchett, Электронный ресурс]. В данном сравнении объект *bluebottles* (навозные мухи) сопоставляется с эталоном *small angry currants* (маленькие злые ягоды смородины), содержащим семантическую парадоксальность – образ злых ягод не существует в реальной действительности, он создан автором с целью комичного описания ситуации.

В целях выявления общих сем, присущих объекту и эталону авторского сравнения, проведем компонентный анализ словарных дефиниций. *«Bluebottle – a big fly with a dark blue shiny body»* [Cambridge Dictionary Online, Электронный ресурс] – «навозная муха – крупная муха с блестящим темно-синим телом». Для лексемы *currant* в словаре дается два основных значения: а) *»a small, black dried grape without seeds»* [Cambridge Dictionary Online] – «маленький черный сушеный виноград без косточек»; б) *»currant – a small, round fruit that grows on bushes: blackcurrants/redcurrants»* [Cambridge Dictionary Online, Электронный ресурс] – «маленький, круглый плод, растущий на кустах: черная смородина / красная смородина). В первом случае эквивалентом лексемы *currant* можно определить лексему *изюм,* во втором – ягоды черной смородины. Лексема *currant* в первой трактовке, кроме ассоциации с *черным* или *темно-коричневым цветом,* несет значение *сморщенности* и комплекс смыслов, стоящих в оппозиции к

семам *молодость, свежесть*. Во второй трактовке данная лексема может быть связана со значением «*черный с синим отблеском цвет»* (присущий ягодам смородины) и никак не связана с категорией молодости. Смыслы, передаваемые образом черной смородины, видятся более релевантными для данного сравнения: автор сравнивает темно-синих мух с ягодами, имеющими синеватый оттенок. Значения *сморщенности, коричневого цвета*, связанные с образом изюма, представляются неактуальными для сопоставления со злобно жужжащими синими мухами. Обратившись к ближайшему контексту (данная глава называется «*Flypaper»,* бумага от мух), мы видим, что речь идет о липкой ленте от мух, на которую насекомые налипают, подобно злым ягодам – сравнение в том числе может основываться на сходстве смородиновой грозди и облепленной темными насекомыми ленты.

В переводе Н. Аллунан данное сравнение передано как: «огромные синие мухи, похожие на жужжащие ягоды» [Пратчетт, 2021, с. 57]. При этом сохранена семантическая парадоксальность в составе эталона, однако переводчик создает свой эталон – «жужжащие ягоды», упрощая читателю выявление сходства между мухами и ягодами. Однако не уточняется, с какими именно ягодами идет сравнение, что, с одной стороны, помогает избежать ложных трактовок лексемы *currant*, но с другой – упрощает образ, в некоторой степени негативно влияя на *описательную функцию* данного сравнения. *Функция создания комического эффекта* сохранена, но также реализуется несколько иначе за счет замены образа злобных ягод на образ жужжащих. В целом перевод при изменении смысловых акцентов сохраняет как семантические особенности, так и функции оригинального сравнения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что индивидуальные образные сравнения с семантически парадоксальным сочетанием компонентов используются Т. Пратчеттом при создании текстов разных жанров и могут быть названы значимым компонентом его идиостиля. Семантическая парадоксальность, встречающаяся на разных уровнях структуры авторского сравнения, представляет собой значимую для перевода особенность, поскольку ее выявление и корректная передача влияют на сохранение заложенных автором функций сопоставления.

Список литературы

Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – Москва: Мысль, 1983. – 830 с.

Баранова Т.М. Индивидуальное образное сравнение в контексте комического и проблема его перевода // Теория языка и межкультурная коммуникация: электрон. научн. журн. – 2020. – № 4 (39). – URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3840/.

Баранова Т.М. Особенности перевода индивидуальных образных сравнений с семантически парадоксальным сочетанием компонентов (на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 254-261.

Бартон В.И. Сравнение как средство познания. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. – 127 с.

Девятова Н. М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке: Автореф. дис. … д-ра. филол. наук. – Москва, 2011. – 49 с.

Кузнецов С.А. (общ. ред.) Большой толковый словарь русского языка // Грамота : сайт. – URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (дата обращения: 25.03.2025).

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. – 159 с.

Пратчетт Т. Кот без прикрас / Пер. с англ. Н. Аллунан. – Москва: Эксмо, 2021. – 160 с.

Пратчетт Т. Мор, ученик Смерти / Пер. с англ. С. Увбарх. – Москва: Эксмо, 2018. – 352 с.

Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus: электронный словарь. – URL: http://dictionary.cambridge.org.

Pratchett T. Mort. – L.: Corgi Books, 1988. – 315 p.

Pratchett T. The Unadulterated Cat : сайт. – URL: https://oceanofpdf.com/?s=The+Unadulterated+Cat (дата обращения: 25.03.2025).

ORIGINAL SIMILE IN T. PRATCHETT'S WORKS: TRANSLATION ASPECT

Baranova Taisiya Mikhailovna,
Candidate of Philology, independent researcher
Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of translation of original similes from English into Russian. The specificity of translating original similes containing semantically paradoxical combinations is considered on the material of T. Pratchett's works. The paper reveals the significance of the correct transfer of the meanings implied in the authorial comparisons for preserving the functions of these units in the text.

Key words: original simile, semantically paradoxical combinations, translation.

ВЫЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВЫХ ПЕЙЗАЖНЫХ МОДЕЛЕЙ

Высочина Виктория Дмитриевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова,
г Белгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию архитектоники художественного текста, рассматриваемой как система выразительных средств, и её межкультурной адаптации. Исследование романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» продемонстрировало высокую частотность пейзажных моделей, которые транскодируются при переводе с английского на

русский язык. В ходе работы выявлены ключевые языковые трансформации, возникающие в процессе перевода, с акцентом на доминирующие семантические и актантные преобразования. Определены основные тенденции передачи пейзажных моделей, что позволило выявить преобладание лексико-семантических и актантных трансформаций.
Ключевые слова: художественный текст, пейзажная модель, переводоведение, языковые трансформации.

Лингвистика текста исследует текст как коммуникативную систему, представляющую собой структурно-смысловое единство. Её задача – анализ взаимосвязи предложений, объединённых не только грамматическими правилами, но и семантической целостностью, что обеспечивает коммуникативную функцию текста [Гак, 1998, с. 376]. Текст рассматривается как сложный конгломерат, выступающий объектом лингвистического анализа [Гальперин, 2007, с. 3]. Кроме того, текст является отражением внутреннего мира автора, который он воплощает в письменной форме [Алефиренко, 2005, с. 122]. Таким образом, писатель создаёт уникальную реальность, наполненную новыми персонажами и событиями, формируя целостную текстовую вселенную [Сдобников, 2021, с. 116].

Текст – это набор слов. Это мощный инструмент для передачи идей, эмоций и культурных контекстов, создаваемый автором для взаимодействия с читателем. В свете этого текст можно рассмотреть, как «производное отражение авторской картины мира» [Огнева, 2021, с. 20]. Особенности авторской картины мира формируются «под влиянием параметров национальной картины мира» [Жирова, 2020], которая служит основой для построения текстов.

Перевод текстов – это сложный процесс, требующий понимания не только языка оригинала, но и целевой культуры. Особенно это актуально для текстовых пейзажных моделей, включающих в себя культурные, социальные и исторические аспекты, отражающие уникальные характеристики той или иной местности.

Переводческая деятельность – это сложный и многогранный процесс, требующий специальных знаний и навыков. Передача оригинальной авторской идеи текста – это не только задача перевода слов, но и задача передачи контекста, стиля и эмоций. Чтобы успешно осуществить перевод, переводчик сталкивается с различными проблемами, такими как эквивалентность, культурные различия и необходимость прибегать к языковым трансформациям. Используя различные инструменты и стратегии, переводчики стремятся создать адекватные переводы и сохранить главную мысль автора.

На пути к качественному переводу переводчики прибегают к различным языковым трансформациям. Это использование различных языковых преобразований, которые могут быть выполнены для упрощения, уточнения или адаптации текста на языке перевода.

Целью данной статьи выступает анализ особенностей выявления языковых трансформаций, возникающих при переводе пейзажных описаний в художественных текстах. В качестве материала для анализа выбран роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

В ходе анализа в произведении были выделены три типа пейзажных моделей:

1. земной пейзаж;
2. водный пейзаж;
3. воздушный пейзаж.

Исследование сфокусировано на том, как эти модели трансформируются на языковом уровне при переводе, сохраняя или изменяя их художественную и смысловую нагрузку.

Текстовые пейзажные модели представляют собой описание окружающего мира, часто через призму личного восприятия автора. Это могут быть как реалистичные описания природных ландшафтов, так и символические изображения, отражающие эмоциональное состояние или культурные особенности. Например, открытое поле может быть проиллюстрировано не только с точки зрения его внешнего вида, но и через ассоциации, которые оно вызывают у автора. Это создаёт сложности для переводчиков, поскольку необходимо передать не только текст, но его настроение и контекст.

В рамках исследования языковых трансформаций при переводе была использована классификация преобразований, предложенная В.Г. Гаком. Она включает следующие типы трансформаций:

1. транспозиция частей речи;
2. трансформация форм связи;
3. актантные трансформации;
4. транспозиция грамматических категорий [Гак, 1998, с. 376].

Данная классификация позволяет систематизировать изменения, возникающие при переводе пейзажных моделей и выявить закономерности их адаптации в иноязычном тексте.

Модель 1. «сокращение […] at a wayside inn, situated in the midst of scenery whose green hedges and large fields and low pastoral hills […] сокращение» [Bronte, 2013, p. 326].

В результате лингвистического исследования были выделены следующие пейзажные единицы:

1. ПЕ (здесь и далее пейзажная единица) *земной поверхности ‘green hedges’ (зелёные изгороди);*
2. ПЕ *земной поверхности ‘large fields’ (широкие поля);*
3. ПЕ *земной поверхности ‘low pastoral hills’ (низкие пасторальные холмы).*

На втором этапе исследования был осуществлён сравнительно-сопоставительный анализ пейзажных единиц текста оригинала с их переводным вариантом, выполненным В. Станевич: «сокращение […] стоявшей среди зеленых изгородей, широких полей и отлогих, спокойных холмов» [Бронте, 2018, с. 474-475].

Сравнительно-сопоставительный анализ показал следующее:

1. ПЕ *земной поверхности ‘green hedges’* переведена симметрично*;*
2. ПЕ *земной поверхности ‘large fields’* переведена симметрично*;*

3. ПЕ *земной поверхности 'low pastoral hills'* переведена как «отлогие, спокойные холмы», (1) прилагательное *'low'* заменено на «отлогие», (2) эпитет *'pastoral'* заменен прилагательным «спокойные».

Модель 2. «There was none: all was interwoven stem, columnar trunk, dense summer foliage– no opening anywhere» [Bronte, 2013, p. 333].

Выполненный лингвистический анализ ТПМ позволил обнаружить следующие ПЕ:

1. ПЕ *земной поверхности 'interwoven stem' (переплетённые стебли);*

2. ПЕ *земной поверхности 'columnar trunk' (колоннообразный ствол);*

3. ПЕ *земной поверхности 'dense summer foliage' (густая летняя листва).*

На втором этапе исследования проведен сравнительно-сопоставительный анализ пейзажных единиц текста оригинала с их переводным вариантом, выполненным В. Станевич: «Я озиралась в поисках другой дороги, но ее не было; всюду виднелись лишь переплетенные ветви, могучие колонны стволов, непроницаемый покров листвы – и ни единого просвета» [Бронте, 2018, с. 484].

Сравнительно-сопоставительный анализ показал следующее:

1. ПЕ *земной поверхности 'interwoven stem'* переведена асимметрично как «переплетённые ветви», так как *'stem'* заменено синонимом «ветви»*;*

2. ПЕ *земной поверхности 'columnar trunk'* переведена асимметрично как «могучие колонны стволов», так как (1) добавлено прилагательное «могучие»*;*

3. ПЕ *земной поверхности 'dense summer foliage'* переведена асимметрично как «непроницаемый покров листвы», так как (1) слово *'dense'* заменено синонимом «непроницаемая», (2) *'summer'* заменено существительным «покров».

Комплексное изучение художественного текста невозможно без глубокого анализа текстовых пейзажных моделей. Они не только создают атмосферу произведения, но и отражает внутренний мир персонажей, помогая читателю лучше понять их переживания. Работа Шарлотты Бронте, особенно в «Джейн Эйр», представляет собой яркий пример того, как пейзаж воздействует на сюжет и эмоциональное восприятие читателя.

При изучении практики переводоведения важно учитывать различные подходы и методы, которые используются для передачи смыслового содержания текста с одного языка на другой.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа пейзажных моделей текста оригинала и перевода, можно сделать вывод, что преобладает асимметричный перевод.

Данное исследование позволило выявить наибольшую частотность следующих языковых трансформаций номинантов пейзажных моделей: лексико-семантичные и актантные.

Таким образом, важность текстовых пейзажных моделей в творчестве Шарлотты Бронте невозможно переоценить. Данный подход не только увеличивает понимание языка как системы, но и открывает новые горизонты для дальнейших исследований, что подтверждает актуальность темы на сегодняшний день.

Список литературы

Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: моногр. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.

Бронте Ш. Джейн Эйр: роман; [пер. с англ. В. Станевич]. – Москва: Изд-во «Э», 2018. – 512 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

Жирова И.Г. Семантика сентиментализма в английской и русской языковых картинах мира // Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практике перевода: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междуна. уч. – 2020. – С. 125-130.

Огнева Е.А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код / Е.А. Огнева, И.А. Даниленко. – М.: Эдитус, 2021. – 208 с.

Сдобников В.В. Объективное и субъективное в редактировании перевода // Научный диалог. – 2021. – №2. – С. 107-126.

Bronte Sh. Jane Eyre: a novel in English. Novosibirsk: Normatika, 2013. –352 p. (English Fiction Collection).

IDENTIFICATION OF LANGUAGE TRANSFORMATIONS IN TEXT LANDSCAPE MODELS TRANSLATION

Vysochina Victoria Dmitrievna

Teacher of the Department of Foreign Languages

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the architectonics of a literary text, considered as a system of expressive means, and its intercultural adaptation. A study of Charlotte Bronte's novel Jane Eyre has demonstrated the high frequency of landscape models that are transcoded when translated from English into Russian. In the course of the work, the key linguistic transformations that occur in the translation process are identified, with an emphasis on the dominant semantic and actant transformations. The main trends in the transmission of landscape models are identified, which made it possible to identify the predominance of lexico-semantic and actant transformations.

Key words: artistic text, landscape model, translation studies, language transformations.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. КИЗА «ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ БИЛЛИ МИЛЛИГАНА»

Дубовицкая Екатерина Юрьевна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики института образования и общественных наук Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия,
Котлов Илья Алексеевич,
магистрант кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики института образования и общественных наук Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкиваются переводчики художественных текстов. Изучается сущность и особенности художественного перевода. Проанализированы проблемы и сложности передачи речевых средств, на примере романа Д. Киза «Таинственная история Билли Миллигана».

Ключевые слова: диалогическая речь, перевод, речевые средства, полифония, художественный текст, Д. Киз, «Таинственная история Билли Миллигана».

В течение всей нашей истории, каждое художественное произведение стремилось к созданию художественного образа, выделяя тем самым его эстетическую сущность среди других видов речевой деятельности, где приоритет отдавался информативности. И это неудивительно, ведь художественные тексты служат своеобразным зеркалом, отражающим национальную и языковую картину мира, как коллективного сознания народа, так и индивидуального мировосприятия автора, создавшего этот художественный текст.

По этой причине анализ художественных текстов охватывает множество современных дисциплин. Изучение литературных произведений в современной науке находится на пересечении различных исследовательских направлений. Вопросы, связанные с созданием и интерпретацией произведений, изучаются не только в рамках языкознания, но и в сферах, объединяющих педагогику, когнитивные процессы и социокультурный контекст. К таким междисциплинарным областям относятся когнитивная психология, педагогические подходы в преподавании языков и психолингвистика. Этот синтез направлений позволяет комплексно рассматривать механизмы взаимодействия между текстом, сознанием и культурной средой, что делает перевод художественных текстов сложной и разносторонней деятельностью, требующей глубокого изучения.

Художественный перевод – это особый вид перевода, где главная цель – создать на новом языке произведение, которое сохранит и передаст художественную ценность оригинала, способствуя эстетическому наслаждению

читателя. В процессе интерпретации литературных произведений основными сложностями, с которыми переводчики встречаются чаще всего являются:

- требование комплексного воспроизведения авторского замысла с сохранением нарративной структуры, стилистического своеобразия и этнолингвистических маркеров текста;
- лексико-семантические барьеры при передаче отдельных языковых единиц;
- проблема вариативности экспертных мнений при оценке адаптированного материала;
- субъективный фактор, детерминирующий роль индивидуальных особенностей интерпретатора.

Отличительной чертой художественного перевода от всех других видов перевода заключается в принадлежности текста перевода к произведениям, обладающим художественными достоинствами. По мнению А. Лиловой, «различия между художественным и научным текстом состоят как в форме, так и в содержании, которые обуславливают различные способы воссоздания особенностей текста при переводе. Образное мышление – неотъемлемый элемент словесного творчества, благодаря которому создается художественная действительность, где слово, как важнейшая составляющая литературы, ее первоэлемент, оказывается не тождественным слову в обыденном, повседневном употреблении. Необходимость передачи образности возникает при переводе любого текста, вне зависимости от его стиля» [Лилова, 1985, с. 145].

Результат перевода во многом зависит от субъективного понимания произведения специалистом. Из-за своей многогранности подобное занятие требует объемных усилий со стороны переводчиков, а именно умелым владением иностранными языками, стилистическими приемами, а также знанием особенностей культуры страны, на языке которой и написан текст. В рамках творческого переосмысления текста специалисты обычно придерживаются ряда ключевых принципов:

- Особенности именования: Географические названия и антропонимы адаптируются с акцентом на сохранение смысловой нагрузки и эмоционального отклика у целевой аудитории.
- Трансляция неологизмов: Современные языковые аналоги подбираются таким образом, чтобы сохранить первоначальную идею автора, используя актуальную лексику.
- Работа со сравнениями: Стилистические особенности оригинала тщательно сохраняются, чтобы передать авторский замысел через разнообразие языковых средств.
- Обработка эпитетов: Художественные определения адаптируются с учетом семантики описываемого объекта и его роли в текстовой структуре.

Данные принципы направлены на гармоничное сочетание точности передачи информации с художественной выразительностью в новой языковой среде.

Особенности художественного перевода и специфика возникающих в процессе трудностей, по мнению Ю. Владимировой, определяются, прежде

всего, усложнённостью самого художественного текста и его отличительными чертами в сравнении с другими видами текстов» [Владимирова, 2006, с. 25-28]. Хорошим примером для демонстрации этого факта стал роман Дэниэла Киза «Таинственная история Билли Миллигана».

Книга рассказывает историю Билли Миллигана – человека, обвиняемого в серии вооруженных ограблений и сексуальных преступлений. В ходе судебного разбирательства открывается необычный факт: из-за диссоциативного расстройства идентичности Миллиган не может быть признан виновным за свои действия. Психическое состояние Билли проявляется в наличии множества альтер-личностей, каждая из которых обладает уникальным характером и воспоминаниями. Основной фокус повествования смещается на исследование механизмов формирования этих сущностей. Автор детально показывает зарождение и эволюцию главных «обитателей» его разума. Особое внимание уделяется так называемым «нежелательным личностям» – личностям, вытесненных основной группой альтер-эго из-за своих деструктивных черт и влияния.

В центре событий данного романа как раз находятся множественные личности главного героя, которые по очереди «выходят на пятно», а именно берут под контроль сознание Билли. Каждая личность обладает своими уникальными чертами, начиная своеобразным поведением и заканчивая серьезными дефектами в речи.

Для детального раскрытия феномена множественной личности Д. Киз в своем произведении мастерски применяет разнообразные художественные приемы. Как отмечает А. Шарипова, «ключевым приемами становятся полифония голосов, подчеркивающая конфликт между альтер-эго персонажа, и мотив маски, символизирующий противостояние героя окружающему социуму» [Шарипова, 2018, с. 260-263]. В литературном анализе, полифония трактуется как равноправное взаимодействие независимых «голосов» внутри текста, где каждый персонаж становится автономным носителем собственной истины [Бахтин, 2002, с. 341]. Простыми словами, полифония рассматривается как структурообразующий элемент, объединяющий в рамках одного фрагмента несколько независимых субъектных позиций [Борисова, 2017, с. 146-150]. В романе Киза многоголосица реализуется через речевое разнообразие: каждая из личностей главного героя обретает уникальные языковые особенности – от интонаций и лексики до ритма высказываний. Это позволяет автору не только дифференцировать альтер-эго, но и создать эффект их «внутренней диалогичности», где голоса взаимодействуют, дополняют или оспаривают друг друга. К примеру:

- Графон – «I vill go into court and confess robberies. But if ve go to jail, I kill children» [Keyes, 2016, с. 41].
- Эллипсис – «Vat she have to do about it» [Keyes, 2016, с. 72]?
- Вульгаризмы – «Look, bitch! I vill make sure you die» [Keyes, 2016, с. 73].
- Книжная лексика – «This is getting very tiresome. I have a lot of thinking and studying to do, and I'm weary of all this badgering» [Keyes, 2016, с. 36].
- Сленг – «Shit, it wasn't a fake bomb. Can I help it if the damned cops are too dumb to know a black box when they see one» [Keyes, 2016, с. 38]?

Необходимо отметить, что для каждого героя-личности используются определенные речевые средства. Так, например, для речи Рейджена характеры графон, эллипсис и вульгаризмы, для Артура – книжная лексика, а для Томми – слэнг.

Исходя из выше сказанного, становится понятно, что в литературном анализе феномена расщепленного сознания данного произведения полифония становится основным приемом для демонстрации внутренней борьбы персонажа с диссоциативным расстройством, позволяя читателю проникнуть в его субъективное восприятие себя и мира. Однако кроме «многоголосия», в романе присутствуют и другие, не менее важные аспекты и приемы, более глубоко раскрывающие дефект главного героя:

1. Символика масок: Использование этого мотива отражает двойственную природу изоляции – как защиты от социума, так и добровольного отчуждения от него. Маски здесь служат границей между личностью и окружением, акцентируя конфликт индивидуального «Я» с навязанными социальными ролями.

2. Визуализация трансформаций: Ярким примером служит образ Билли Миллигана, чьи альтер-эго материализуются через телесный код: от характерных жестов (пирамида из пальцев у Артура) до смены мимики и взгляда (боевая стойка Рейджена). Эти детали становятся маркерами переключения между идентичностями.

Данные аспекты создают многомерный портрет персонажа, подчеркивающий взаимосвязь между психологическим состоянием и его внешними проявлениями. В качестве наглядной демонстрации, ниже приведены примеры, наглядно иллюстрирующие трансформации Билли Миллигана, где смена личностей проявляется через внешние изменения.

1. «She saw his eyes glaze and his mouth begin to move as if he were talking to himself. Then he sat erect, placed his fingertips together and glared at her» [Keyes, 2016, c. 31].

2. «Milligan's body seemed to withdraw into itself. His face paled, eyes glazed as if turning inward. His lips moved as he talked to himself and the intense concentration pervaded the small room. He glanced around, like someone wakened from a deep sleep, and put his hand to his right cheek as if to feel its solidity. Then he leaned back arrogantly in his chair and glared at the two attorneys» [Keyes, 2016, c. 37].

3. «His eyes blanked and he shifted position. He placed his fingertips together, making his hands a pyramid. As his chin lifted, his face changed to the expression she had come to recognize as Arthur» [Keyes, 2016, c. 39].

4. «Arthur sat down again, and his eyes grew distant, as if looking inward. His lips moved, his hand jerked up to touch his cheek. His jaw tightened. Then he shifted, the body dropping from a stiff-backed posture to the aggressive crouchlike position of a wary fighter» [Keyes, 2016, c. 40].

Мотив маски тесно связан с лицом героя. Маска и лицо подобны друг другу: в зависимости от точки зрения лицо может восприниматься как маска, а маска как лицо. Так, маска, за которой вырастает личность, мифическая или реальная, становится лицом.

Таким образом, в процессе своей деятельности, переводчик, передавая художественное своеобразие и образность речи персонажей, которые отражают их характеры, а также движение сюжета в целом, может сталкиваться с различными художественными особенностями, значительно осложняющих процесс перевода. На примере романа Д. Киза «Таинственная история Билли Миллигана» такими затруднениями могут стать различные речевые средства, используемые автором для иллюстрации девиаций устной речи множественных личностей главного героя, а именно вульгаризмы, сленгизмы просторечия, орфографические и грамматические ошибки.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 2002. – 341 с.

Борисова Е.Б. Речевая партия персонажа как характерологическое средство создания его образа (на материале пьесы Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра» / Е.Б. Борисова, Н.А. Карачева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1. – С. 146-150.

Владимирова Ю.И. Особенности речевого поведения персонажа художественного произведения и перевод // Известия Российского гос. пед. ун-та. им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. Общественные и гуманитарные науки. Прикладное языкознание. – 2006. – №5 (23). – С. 25-28.

Лилова А. Введение в общую теорию перевода / Пер. с болг.; Под общ. ред. П.М. Топера. – М.: Высшая школа, 1985. – 145 с.

Шарипова А.Ф. Художественные средства воплощения феномена множественной личности в романе Дэниела Киза «The Minds of Billy Milligan» // Шаг в науку. – №2. – 2018. – С. 260-263.

Keyes D. The Minds of Billy Milligan. – New York: Bantam Books, 2016. – 432 c.

PROBLEMS OF TRANSLATION OF A LITERARY WORK ON THE MATERIAL OF THE NOVEL BY D. KEYES "THE MINDS OF BILLY MILLIGAN"

Dubovitskaya Ekaterina Yuryevna

candidate of Philology, associate Professor, associate professor of the Department of Foreign Philology and Applied Linguistics, Institute of Education and Social Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin,

Kotlov Ilya Alekseevich

master's student of the Department of Foreign Philology and Applied Linguistics, Institute of Education and Social Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Abstract. The article examines the main problems faced by translators of literary texts. The essence and features of literary translation are studied. The problems and difficulties of conveying speech means are analyzed, using the example of D. Keyes' novel "The Minds of Billy Milligan".

Key words: dialogue, translation, speech means, polyphony, literary text, D. Keyes, «The Minds of Billy Milligan».

РАСХОЖДЕНИЕ КОММУНИКАТИВНО-РЕЛЕВАНТНЫХ ЗАПАСОВ НОСИТЕЛЕЙ ИСХОДНОГО И ПЕРЕВОДЯЩЕГО ЯЗЫКОВ КАК ЭКТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ДЕКОМПРЕССИИ

Зимовец Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье отмечается обусловленность декомпрессии переводного текста экстралингвистическими факторами. Подробно рассматривается фактор расхождения коммуникативно-релевантных информационных запасов носителей исходного языка и переводящего языка. Проводится анализ примеров перевода романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», распределив их по группам в соответствии с классификацией, данной С. Влаховым и С. Флориным.

Ключевые слова: перевод, прагматическое значение, декомпрессия, переводческие преобразования.

Широко распространен в современной лингвистической литературе и в других смежных дисциплинах термин «прагматика». В лингвистике этим термином обозначают область языкознания, изучающую отношения между говорящим и знаком. Следует отметить, что «прагматика исследует средства эксплицитного и имплицитного выражения эмоционально-оценочных значений, дейктических значений, коммуникативную перспективу предложения (актуальное членение), речевые акты, пресуппозицию высказывания, типологию речевых актов и прочее» [Полозова, 2022, с. 97].

Значительный интерес представляют прагматические факторы для теории перевода, в рамках которой понятие «прагматика» трактуется по-разному.

Л.С. Бархударов в своих работах использовал два термина «прагматическое значение» и «прагматический аспект». Типами прагматических значений слова, по его мнению, являются:

«1. Стилистическая характеристика слова.

2. Регистр слова.

3. Эмоциональная окраска слова.

4. Коммуникативная нагрузка слова.

5. Коннотация слова» [Бархударов, 2023, с. 106].

Л.С. Бархударов указывал: «Под прагматическим аспектом перевода понимается учет так называемых фоновых знаний участников коммуникативного акта. Эти знания, необходимые для понимания текста не будут одинаковыми для носителей ИЯ и ПЯ. Объем экстралингвистической информации у носителей ИЯ и ПЯ не совпадает: многое из того, что известно и понятно читателям или слушателям текста оригинала, оказывается неизвестным и непонятным для читателей и слушателей текста перевода» [Бархударов, 2023, с. 35].

Важность прагматического аспекта в теории перевода подчеркивали многие лингвисты В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, З.Д. Львовская, Я.И. Рецкер, А.В. Федоров, В.И. Шаховский и др.

Учет прагматического аспекта приводит к изменению объема ПТ, чаще всего к декомпрессии. Считается, что «явлению декомпрессии все еще не дано четкого определения, несмотря на широкое распространение в практике перевода. Декомпрессией в лингвистике называется, как знаковое расширение переводного текста, так и описательный перевод и добавления при переводе» [Радюк, 2018].

Н.И. Дзенс и И.Р. Перевышина отмечали, что «декомпрессия ПТ происходит в результате внесения в ПТ определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального и переводного текста» [Дзенс, 2012, с. 332]. Преобразования, которые использует переводчик и которые приводят к декомпрессии ПТ, следующие:

1) описательный, разъяснительный, перифрастический перевод;

2) добавления;

3) гипонимический перевод;

4) сноски (подстрочные примечания).

Распределение анализируемых примеров по группам сделано в соответствии с классификацией, данной С. Влаховым и С. Флориным [Влахов, 2012, с. 51].

1. Самую большую группу слов, обусловливающих декомпрессию ПТ, представляет лексика, называющая бытовые реалии: имущество, жилище, одежда, предметы быта, напитки, пища, игры, народные праздники:

«Аверкий Степанович был человек с правильными чертами лица, откидывавший назад волосы, широко ступавший на всю ногу и летом тесьмяным снурком с кисточкой подпоясывавший *косоворотку*» [Пастернак, 2020, с. 208]. – He had regular features. He tossed his hair back and took great strides, planting his feet squarely on the ground. In summer he wore *a Russian shirt* tied with a silk tasselled cord [Pasternak, 2021, с. 272].

«Косоворотка» – это традиционная русская рубашка с косым воротом. Хотя переводчик не полностью объясняет значение этого слова, ограничившись только пояснением, что это национальная одежда, имеет место расширение в ПТ.

«Реалист в форменной фуражке и поддевке, перекрещенной пулеметными лентами, кавалерист в офицерской шинели и *кубанку* и странный, как маскарадный ряженый, толстяк в стеганых штанах, ватнике и низко надвинутой поповской шляпе с широкими полями» [Пастернак, 2020, с. 233]. – <...> a boy in a school cap and a tunic with two cartridge belts, a cavalryman in an officer's overcoat and *fur cap*, and a fat man oddly clothed as for fancy-dress ball in quilted trousers and a wide-brimmed clerical hat pulled low over his forehead [Pasternak, 2021, с. 305].

В русской традиции *кубанка* – каракулевый головной убор Кубанских казаков. Переводчик передает только один признак – сделанный из меха, но в ПТ наблюдается декомпрессия. Указание на какой-либо признак при переводе мы наблюдаем в следующих примерах:

«В толпе были старики в серых *сермягах* <…>» [Пастернак, 2020, с. 124]. – Old men in coarse gray *woolen coats* <…> [Pasternak, 2021, с. 156].

«Ларисе Федоровне по душе были нравы захолустья, по-северному окающая местная интеллигенция в *валенках* и теплых *кацавейках* из серой фланели, их наивная доверчивость» [Пастернак, 2020, с. 89]. – Larisa Feodorovna liked Yuriatin's provincial ways, the long vowels of its northern accent, and the naïve trustfulness of its intelligentsia, who wore *felt boots* and gray flannel *sleeveless coats* [Pasternak, 2021, с. 106].

Причиной декомпрессии, показанной в вышеприведенном примере, является добавление переводчиком слов, поясняющих значение понятий – «сермяга», «валенки» и «кацавейка».

«И только иногда мешает один мальчик с узкими киргизскими глазами в распахнутой *оленьей дохе, какие носят в Сибири или на Урале*» [Пастернак, 2020, с. 161]. – Only now and then a boy got in his way, a boy with narrow Kirghiz eyes, in an unbuttoned *reindeer coat worn fur side out, as in the Urals or Siberia* [Pasternak, 2021, с. 207].

В данном примере в тексте ИЯ уже присутствует объяснение данного вида одежды, однако недостаточное для понимания читателем ПЯ, поэтому переводчик дает более расширенное пояснение, приведшее к декомпрессии.

«Публика попроще торговала вещами более насущными: колючими, быстро черствевшими горбушками черного пайкового хлеба, грязными, подмокшими огрызками сахара и перерезанными пополам через всю обертку пакетиками *махорки* в пол-осьмушки» [Пастернак, 2020, с. 132]. – Humbler people traded in more useful things – crusts of stale rationed black bread, damp, dirty chunks of sugar, and ounce packages of *coarse tobacco* cut in half right through the wrapping [Pasternak, 2021, с. 166].

Читателю ПТ, возможно, неизвестно, что «махорка» – табак грубого помола, этим и обусловлено добавление переводчика.

«Я не шпиков остерегаюсь, как бы не выследили, а сейчас кончится эта волынка, вылезут они из *землянки* и нагонят» [Пастернак, 2020, с. 33]. – I'm not worried about spies following us, but the moment those slowpokes in their hole in the ground have finished they'll come out and catch up with us [Pasternak, 2021, с. 28].

В данном случае переводчик поясняет понятие *землянка* описательно. Информация, содержащаяся в ИЯ имплицитно, эксплицируется в ПЯ и ПТ расширяется.

Для достижения адекватного перевода видовое понятие, отсутствующее в ПЯ, заменяется родовым понятием – словосочетанием, по количеству составляющих элементов, более протяженным, чем лексическая единица ИЯ. В результате такого перевода наступает семантическая декомпрессия ПТ:

Была *Казанская* <…> [Пастернак, 2020, с. 17]. – It was *the Feast of the Virgin of Kazan* [Pasternak, 2021, с. 6].

Был канун *Покрова* [Пастернак, 2020, с. 15]. – It was on the eve of *the Feast of the Intercession of the Holy Virgin* [Pasternak, 2021, с. 4].

В этих примерах семантическая декомпрессия ПТ наступает в силу того, что разъяснительный перевод необходим, поскольку не каждому читателю

известны русские церковные праздники Казанской Богородицы (день обретения иконы в Казани в XVI веке) и Покрова Пресвятой Богородицы (в основе праздника лежит предание о явлении Божией Матери в Константинополе в начале X века).

Разъяснительный перевод следующего предложения позволяет понять русский обычай наряжаться на Рождество и играть в русские народные игры:

«Внутри них теплилась святочная жизнь Москвы, горели елки, толпились гости и играли в *прятки* и *колечко* дурачащиеся *ряженые*» [Пастернак, 2020, с. 70]. – Behind them glowed the Christmas life of Moscow, candles burned on trees, and the guests *in fancy dress* milled about playing *hide-and-seek* and *hunt-the-ring* [Pasternak, 2021, c. 80].

Приведенные ниже примеры показывают, как понятные русскому читателю обозначения обрядов, праздников, поясняются переводчиком читателю на ПЯ путем добавления слов, подбора аналога:

«Через десять дней друзья устроили им *проводы* в той же комнате» [Пастернак, 2020, с. 83]. – Nine days later their friends arranged *a farewell party* for them, in the same room [Pasternak, 2021, c. 97].

«*Отпевание* кончилось» [Пастернак, 2020, с. 76]. – *The funeral service* was over [Pasternak, 2021, c. 88].

«С незапамятных времен *елки* у Свентицких устраивали по такому образцу» [Пастернак, 2020, с. 71]. – From time immemorial the Sventitskys' *Christmas parties* followed the same pattern [Pasternak, 2021, c. 81].

2. Следующую группу реалий составляют лексические единицы, обозначающие род деятельности, профессии, исторические и географические реалии, называющие пейзаж, ландшафт:

Отсутствие в ПЯ соответствующих эквивалентов приводит к описательному, разъяснительному переводу, следствием которого является семантическая декомпрессия ПТ:

«В древности такие люди ходили в *ушкуйниках*» [Пастернак, 2020, с. 208]. –He was the kind of man who, in the old days, might have become *a pirate on the Volga* [Pasternak, 2021, c. 272].

Разъяснительный перевод понятия «ушкуйник» – так называли на Руси разбойников, занимающихся грабежами на берегах реки Волги, привел к расширению ПТ.

«Они проезжали по *Камергерскому*» [Пастернак, 2020, с. 71]. – As they drove through *Kamerger Street* <…> [Pasternak, 2021, c. 81].

Переводчик доводит до сведения читателей ПЯ информацию о том, что Камергерская – это улица Москвы, где происходят действия главы романа, из которой взят пример. Разъяснительный перевод в данном случае обусловливает декомпрессию текста ПЯ.

Таким образом анализ примеров показывает, что декомпрессия ПТ обусловлена необходимостью передачи фоновой информации, которая является различной для носителей ИЯ и ПЯ. Как считает «в данном случае декомпрессия ПТ объясняется принадлежностью участников двуязычной коммуникации к разным языковым, социально-культурно-этническим коллективам и не зависит

от воли переводчика. Главная задача переводчика – правильная передача обозначений вещей, о которых идет речь в подлиннике» [Абдрахманова, 2014, с. 34]. Обладание определенными знаниями действительности, изображаемой в переводимом произведении, помогает переводчику донести до носителей ПЯ информацию в тексте на ИЯ, не нарушить принципа прагматической ориентации на получателя.

Список литературы

Абдрахманова Р.Дж. Художестенный перевод (лингвистические аспекты): учебное пособие. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 86 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – изд. стереотип. – М.: URSS, 2023. – 240 с.

Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – 5-е изд. – М. Р. Валент, 2012. – 406 с.

Дзенс Н.И. Теория перевода и переводческая практика / Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина. – Санкт-Петербург: Издательство «Антология», 2012. – 560 с.

Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. – М.: НЭБ Свет, 2020. – 429 с.

Полозова М.С. Прагматика в исследованиях языковых единиц // Вестник научных конференций. – 2022. – № 11-3 (87). – С. 97-99.

Радюк К.А. Проблема изменения объема текста при переводе графических романов / К.А. Радюк, Л.И. Рязанцева // Sci-article 2018. – № 56. – URL: https://sci-article.ru/stat.php?i=1524396919 (дата обращения: 12.03.2025).

Pasternak B. Doctor Zhivago / Trans. by M. Hayward and M. Harari. – London: Everyman, 2021. – 599 p.

DIVERGENCE OF COMMUNICATIVELY RELEVANT INFORMATION STOCKS OF SPEAKERS OF THE SOURCE LANGUAGE AND THE TRANSLATION LANGUAGE AS AN EXTRALINGUISTIC FACTOR OF DECOMPRESSION

Zimovets Natalia Viktorovna,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The article notes the determinacy of decompression of the translated text by extralinguistic factors. The factor of divergence of communicatively relevant information reserves of native speakers of the source language and the target language is considered in detail. An analysis of examples of translation of B. Pasternak's novel «Doctor Zhivago» is carried out, distributing them into groups in accordance with the classification given by S. Vlahov and S. Florin.

Key words: translation, pragmatic meaning, decompression, translation transformations.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРЕВОДЕ

Колесников Владислав Сергеевич,
студент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия
научный руководитель: Мирошниченко Лариса Николаевна,
к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков НИУ «БелГУ»,
г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье исследуются современные достижения и перспективы развития нейросетевых технологий в сфере машинного перевода. Особое внимание уделяется ключевым вызовам, препятствующим достижению полного лингвистического соответствия при переводе с естественных языков. Рассматриваются проблемы перевода лингвокультурных и идиоматических выражений, креативных текстов и эмоционально окрашенного контента. На основе анализа актуальных исследований делается вывод о невозможности полного замещения человеческого интеллекта в лингвистике, подчеркивается значимость сочетания технологических решений и профессиональной переводческой деятельности.

Ключевые слова: машинный перевод, нейросетевые технологии, искусственный интеллект, лингвокультурные особенности, обработка естественного языка.

В последнее десятилетие достижения в области нейросетевых технологий, машинного обучения и обработки естественного языка позволили создать принципиально новые инструменты для перевода с одного языка на другой. Современные ИИ-системы демонстрируют беспрецедентную точность и естественность перевода, постепенно стирая границы между машинным и профессиональным человеческим переводом. Новые технологические решения кардинально изменили ландшафт переводческой индустрии, предлагая почти мгновенный перевод сложных текстов и поддержку редких языковых пар. Однако, несмотря на впечатляющие результаты, перед разработчиками по-прежнему стоят серьезные вызовы, связанные с обработкой лингвокультурных и идиоматических особенностей, переводом креативных текстов.

Цель нашей статьи – проанализировать современные достижения и перспективы развития нейросетевых технологий в сфере машинного перевода, а также выявить ключевые проблемы, препятствующие достижению идеального лингвистического соответствия.

Как показывают исследования, внедрение ИИ-технологий в системы машинного перевода в последние годы кардинально изменило методы решения языковых проблем как для коммерческих организаций, так и для обычных пользователей [Баранов, 2019, с. 45]. Но что такое ИИ-перевод и чем он отличается от традиционных методов?

По своей сути, машинный перевод с применением технологий искусственного интеллекта – это использование нейронных сетей и алгоритмов машинного обучения для преобразования текста или речи с одного языка на другой [Виноградов, 2020, с. 47]. В отличие от старых систем, основанных на жестких правилах, современные модели, например, нейронный машинный

перевод (NMT), анализируют целые предложения, а не отдельные слова или фразы [Гарбовский, 2018, с. 210]. Такой контекстно-зависимый подход позволяет системам на основе ИИ выдавать более точные, плавные и естественные переводы.

Ключевая особенность автоматизированного перевода – способность обучаться и улучшаться со временем. Анализируя огромные массивы многоязычных данных, алгоритмы ИИ совершенствуют понимание языковых закономерностей, что приводит к постоянному повышению качества перевода [Chen, 2023, с. 138]. Это особенно ценно для таких сфер, как электронная коммерция, здравоохранение и поддержка клиентов, где критически важны точные и контекстуально релевантные переводы.

Машинный перевод открывает множество перспектив. Благодаря растущей точности и надежности, его можно использовать для перевода больших объемов текста в реальном времени [Виноградов, 2020, с. 52]. Кроме того, машинное обучение и технологии перевода могут поддерживать работу переводчиков-людей. Для внутренних команд, работающих в условиях сжатых сроков и растущей нагрузки, автоматизированные системы помогают повысить продуктивность и автоматизировать рутинные задачи [Смирнова, 2021, с. 85].

До создания перевода со стопроцентной точностью еще далеко, но быстрое развитие технологий ИИ делает его всё более практичным для повседневных коммуникаций [Баранов, 2019, с. 78].

Одна из главных задач перевода – учет региональных и культурных контекстов, которые выходят за рамки простой лингвистической точности [Кузнецова, 2022, с. 115]. Чтобы автоматизированный перевод был успешным, он должен не просто переводить слова, но и понимать культурный смысл.

Современные модели ИИ достигают этого за счет включения культурных данных в обучение нейросетей. Например, при переводе для испаноязычной аудитории алгоритмы различают региональные варианты, такие как кастильский испанский (Испания) и латиноамериканский испанский, отличающийся лексикой, грамматикой и тоном [Гарбовский, 2018, с. 225].

При анализе тональности текста, оценивающего эмоциональную окраску исходного материала, системы на основе ИИ подбирают наиболее подходящие выражения в целевом языке. Например, перевод рекламных слоганов требует локализации, чтобы вызвать нужную эмоциональную реакцию [Кузнецова, 2022, с. 118].

Кроме того, автоматизированные системы могут учитывать обратную связь от лингвистов, улучшая свою культурную осведомленность. Такой гибридный подход – сочетание скорости машинного перевода и экспертизы человека – обеспечивает высокое качество перевода, сохраняя исходный смысл и учитывая культурные особенности [Смирнова, 2021, с. 89].

Современные системы автоматического перевода эффективно решают задачу оперативной обработки значительных объемов информации. Однако даже самые продвинутые системы не всегда улавливают контекст и эмоциональные нюансы [Виноградов, 2020, с. 55]. В результате машинные переводы не подходят для создания убедительных маркетинговых и рекламных

материалов. Хотя базовый смысл текста может быть передан, для финальной доработки и придания тексту выразительности необходим человек [Баранов, 2019, с. 92].

Сегодня автоматизированный перевод доступен через множество бесплатных приложений и удобных сайтов. Хотя они эффективны для быстрых переводов, они не заменяют традиционное изучение языка, но могут дополнять его [Смирнова, 2021, с. 82].

Например, приложение Quazel позволяет пользователям практиковать разговорные навыки, общаясь с чат-ботом на 21 языке [Chen, 2023, с. 140]. Машинный перевод – не замена преподавателю, но ценный инструмент для обучения. Он предоставляет обширный словарный запас и позволяет мгновенно находить нужные слова. Бесплатные сервисы вроде Google Translate помогают студентам проверять свои знания и заполнять пробелы между занятиями [Гарбовский, 2018, с. 235].

Кроме того, алгоритмы ИИ упрощают отработку основ – порядка слов, структуры предложений и произношения, что позволяет уделять больше времени сложным аспектам языка на уроках [Смирнова, 2021, с. 87].

Нейронный машинный перевод (NMT) – это система глубокого обучения, которая использует обширные базы данных для создания алгоритмов, улучшающих качество и скорость перевода [Виноградов, 2020, с. 50]. NMT – один из самых надежных методов: в некоторых случаях его точность достигает 90%. С развитием технологии этот показатель будет расти [Chen, 2023, с. 142].

Хотя ИИ не исключает необходимости в людях, он меняет подход к работе: машинный перевод используется для черновиков, а человек редактирует финальную версию [Гарбовский, 2018, с. 240].

В глобализированном мире перевод в реальном времени становится стандартом. Например, стриминговые сервисы используют автоматизированные системы для субтитров, но контекст и эмоции лучше передают люди [Кузнецова, 2022, с. 122].

Технологии ИИ также делают мгновенный перевод доступным для всех. Компании могут быстро проверять документы, но для важных текстов по-прежнему нужны носители языка [Баранов, 2019, с. 115]. Даже небольшие компании теперь могут выходить на международные рынки благодаря алгоритмам машинного перевода [Chen, 2023, с. 144].

Раньше технологии преобразовывали речь в текст, а затем переводили его. Современные системы используют нейросети и глубокое обучение для анализа контекста и закономерностей речи [Виноградов, 2020, с. 58]. Это позволяет переводить не слово в слово, а с сохранением смысла. Даже бесплатные сервисы вроде Google Translate и DeepL выдают результат за секунды [Смирнова, 2021, с. 90].

Практически все специалисты в области перевода приходят к заключению, что хотя машинные переводы становятся всё надежнее, они не идеальны. В бизнесе и дипломатии ошибки недопустимы, поэтому критически важные тексты всегда проверяют люди [Гарбовский, 2018, с. 250]. ИИ хорош для

черновиков, но ключевые переговоры и документы требуют человеческого контроля [Баранов, 2019, с. 128].

ИИ меняет индустрию перевода и изучения языков, но полностью заменить человека он не сможет. Даже лучшие системы пока справляются только с базовыми текстами [Смирнова, 2021, с. 95].

А.Н. Баранов высказывает предположение, что несмотря на прогресс, автоматизированные системы вряд ли полностью заменят традиционное обучение и человеческих переводчиков. Языки – сложные системы с грамматическими правилами и нюансами, где человеческий фактор всегда будет играть ключевую роль [Баранов, 2019, с. 105].

Проведённый анализ современных технологий автоматизированного перевода демонстрирует, что несмотря на впечатляющие достижения, ИИ в лингвистике сталкивается с фундаментальными ограничениями. Современные алгоритмы пока не способны в полной мере понимать сложные культурные контексты, передавать тонкие эмоциональные нюансы, создавать креативный контент, оперировать абстрактными языковыми концепциями. Эти ограничения указывают на необходимость симбиоза технологических решений и человеческой экспертизы. Оптимальная модель предполагает использование ИИ для обработки больших объёмов информации и выполнения рутинных задач, в то время как профессиональные лингвисты сосредотачиваются на сложных аспектах перевода и создании качественного контента. Однако даже самые совершенные алгоритмы в обозримом будущем не смогут полностью заменить человеческий интеллект в работе с языком, что подчёркивает сохраняющуюся ценность профессиональных лингвистических знаний и навыков.

Список литературы

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – Москва: ЛЕНАНД, 2019. – 320 с.

Виноградов В.С. Нейросетевые технологии в машинном переводе: современные тенденции // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2020. – № 3. – С. 45-59.

Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова. – Москва: Изд-во МГУ, 2018. – 416 с.

Кузнецова А.А. Культурные нюансы в автоматизированном переводе / А.А. Кузнецова, И.В. Петров // Актуальные проблемы прикладной лингвистики: сб. науч. трудов / под ред. С.М. Ивановой. – Москва: РУДН, 2022. – С. 112-125.

Смирнова Е.Д. Искусственный интеллект в языковом образовании: возможности и ограничения / Е.Д. Смирнова, А.В. Козлов, О.Н. Лебедева // Современные образовательные технологии. – 2021. – № 4. – С. 78-92.

Chen L. AI in Language Learning: Current State and Future Directions / L. Chen, H. Wang // Proceedings of the 15th International Conference on Educational Technology (ICET 2023). – P. 134-145.

MODERN POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TRANSLATION

Kolesnikov Vladislav Sergeyevich,
student of the Department of Foreign Languages
of Pedagogical Institute of the National State Research University,
Belgorod, Russia,
Supervisor: Miroshnichenko Larisa Niolayevna,
Candidate of philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign
Languages of the Pedagogical Institut,
National State Research University,
Belgorod, Russia

Annotation. The article investigates modern achievements and prospects of neural network technologies development in the sphere of machine translation. Special attention is paid to the key challenges that hinder the achievement of full linguistic correspondence in translation from natural languages. The problems of translating linguocultural and idiomatic expressions, creative texts and emotionally coloured content are considered. On the basis of the analysis of current research the conclusion is made about the impossibility of full replacement of human intelligence in linguistics, the importance of combining technological solutions and professional translation activity is emphasised.

Key words: machine translation, neural network technologies, artificial intelligence, linguocultural peculiarities, natural language processing.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАНСЛЯЦИИ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ХРОНОТОПА В РОМАНЕ Х. КОНСТЕБЛ «ИНСТРУМЕНТАЛИСТ»

Кузьменко Светлана Александровна,
кандидат филологических наук, доцент департамента лингвистики
факультета международных отношений
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Антонова Анна Владимировна,
студент департамента лингвистики
факультета международных отношений
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются способы перевода средств создания хронотопа в аутентичном англоязычном романе Х. Констебл «Инструменталист». В ходе исследования были выявлены функции хронотопа, способствующие реализации авторских интенций при формировании сюжета произведения. Определены виды хронотопа, его роль в художественном произведении, а также способы адекватной трансляции с английского языка на русский.

Ключевые слова: художественный текст, хронотоп, перевод, художественный перевод, трансформации.

На протяжении веков человек соприкасается с большим количеством литературных произведений, каждое из которых обладает определенным стилем,

содержит ряд особенностей на морфологическом, лексическом и грамматическом уровнях, обладает своим глубинным смыслом. Все разнообразие книг мы относим к художественной литературе.

По мнению И. С. Алексеевой, «художественная литература – это тексты, специализированные на передаче эстетической информации» [Алексеева, 2012, с. 321]. То есть, при взаимодействии с данным видом искусства человек погружается в мир образов, он получает эстетическое удовольствие при прочтении и открывает для себя иной мир прекрасного. Ю. М. Лотман, уточняя данный термин, добавляет: «Художественная литература говорит на особом языке» [Лотман, 1998, с. 13]. Под его словами мы понимаем то, что в литературных произведениях используется свой неповторимый стиль и своя особая лексика, которые создают в произведении необыкновенную атмосферу.

В каждом художественном произведении присутствует хронотоп – взаимосвязь временных и пространственных характеристик. В литературоведении данный термин впервые ввел М. М. Бахтин в работе «Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет» [Бахтин, 1975, с. 34]. Хронотоп считается одной из важнейших составляющих художественного произведения, поскольку участвует в формировании сюжета. Хронотоп, по мнению авторитетных исследователей, подразделятся на хронотоп мегамира, макромира и микромира и служит для построения индивидуального авторского стиля, описания деятельности героев и описания развития действий.

Хронотоп – явление полифункциональное. Так, А.Б. Темирболат справедливо отмечает, что «хронотоп несет в себе жанрообразующую и сюжетообразующую функции, это неотъемлемый компонент построения индивидуально-авторской картины мира писателя. Он определяет особенности метода, стиля, способствует отражению своеобразия национального мышления художника слова» [Темирболат, 2012, с. 6]. Данное утверждением представляется совершенно справедливым: от того, под каким углом будет рассмотрено описание времени и места, можно судить о принадлежности творения к тому или иному жанру и эпохе. Кроме того, хронотоп помогает автору в раскрытии сюжета произведения: описание времени и места участвует в создании каждого эпизода текста и служит для уточнения деталей и формировании особой атмосферы в произведении. При описании временных и пространственных объектов автор использует все многообразие средств художественной выразительности языка, при работе с хронотопом он осуществляет индивидуальный выбор лексики, которая, по его мнению, релевантна при описании данных пространственно-временных отношений. Хроноп, в данном случае, предстает перед нами в виде некого помощника автора, инструмента, используемого для построения всего произведения.

Совершенно очевидно, что данный феномен обладает определенными особенностями и в переводческом ракурсе. В. С. Виноградов постулирует, что лексема «перевод» многозначна, и у нее есть два терминологических значения: «Первое из них определяет мыслительную деятельность, процесс передачи содержания, выраженного на одном языке средствами другого языка. Второе называет результат этого процесса – текст устный или письменный»

[Виноградов, 2001, с. 3]. А значит, мы можем определить перевод двумя способами: как длительный процесс, включающий в себя размышления переводчика относительно способов, методов и приемов перевода, а также лексики и грамматических конструкций, подходящих для трансляции текста оригинала, и как результат процесса перевода, то есть, как готовый продукт процесса перевода: текст.

По мнению ведущих переводоведов, существует два основных вида перевода по направленности: специальный (информативный) и художественный. При работе с нашим эмпирическим материалом использовались методы художественного перевода, под которым А.В. Федоров понимает «часть общей литературной культуры, и самые взгляды на перевод, самые принципы выбора переводимых произведений, те или иные стилистические особенности отдельных переводов отражают ее характер» [Федоров, 1941, с. 9-10]. А. В. Федоров приходит к тому, что художественный перевод относится и к области перевода, и к литературе. Перед тем, как осуществить непосредственный перевод произведения, написанного на иностранном языке, переводчику нужно внимательно изучить стиль исходного текста и его особенности, выполнить предпереводческий анализ и выявить, какие переводческие трансформации будет уместно использовать при работе над данным текстом. Художественный перевод – это неоднозначное понятие, которое рассматривается как с точки зрения науки, так и с точки зрения искусства. При изучении художественного перевода с научной точки зрения значимым представляется рассмотрение ряда вопросов, связанных с художественным стилем, типом текста, знаниями в области переводящего и исходного языка, культуры и традиций страны, к которой принадлежит исходный текст, а также идиостиля автора произведения. По меткому выражению К. И. Чуковского, перевод как «высокое искусство» заключается в таланте переводчика, его умении, транслировать на переводящий язык смысл исходного текста с учетом не только лексико-семантических, но и стилистических и прагматических особенностей [Чуковский, 2022, с. 26]. Художественный перевод является одним из наиболее интересных видов трансляции, сохраняющий свою актуальность несмотря на время, социальные, политические, экономические и культурные перемены.

В данной работе нами рассматриваются способы трансляции пассажей с содержанием хронотопа на примере современного аутентичного не приведённого ранее романа Х. Констебл «Инструменталист», который повествует о жизни выдающейся итальянской скрипачки Анны Марии делла Пьета. Девушка, по воле судьбы, попадает в приют, где она начинает развивать свои музыкальные способности. Во время учебы Анна Мария сталкивается с разными ситуациями и людьми, которые лишь закаляют ее характер и не дают сойти с намеченного пути. Роман полон описаний различных локаций, в которые попадает героиня и другие персонажи в разное время, а также чувств, эмоций и переживаний, которые связаны с этими местами. Анна Мария тонко чувствует музыку, которая порождает в ее сознании целые картины, позволяя путешествовать во времени и пространстве.

Рассмотрим применение трансформаций, с помощью которых мы осуществили перевод текстовых дробей, содержащих хронотоп, с целью достижения максимальной степени эквивалентности и адекватности перевода. В тексте оригинала встречается следующее описание звуковой картины пространства: *«There is the clatter of plates, the hum of conversation*» [Constable, 2024, с. 25]. – «*Слышится* звон тарелок и шум голосов». – В данном предложении при переводе на русский язык мы использовали прием **конкретизации,** заменяя конструкцию широкой семантики «*there is*» на лексему «слышится». Совершенно очевидно, что использование лексемы «имеется» не удовлетворяет нормам узуса русского языка и очевидно, нуждается в уточнении в сочетании с непрямой ономатопеей, использованной автором для описания звуков, наполняющих зал.

Красочное описание убранства и особый колорит зданий, открывающихся глазу главной героини, содержащие образные стилистические средства, показаны в предложении: «*She reaches an opening where ornate buildings with peaked windows back on to the jade-green canal*» [Constable, 2024, с. 13]. – «Она достигает прохода, где богато украшенные здания с остроконечными окнами стоят спиной к нефритово-зеленому каналу». При переводе предложения нами было использовано несколько трансформаций в стремлении сохранить живость и экспрессию оригинального описания, а именно **добавление и переводческая конверсия (замена части речи)** при переводе олицетворения «*buildings…back on to*», а также **дифференциацию** с последующей текстовой **конкретизацией** для эпитетов *«ornate» и «peaked».*

Интересен и следующий пример описания ощущения пространства героиней, участвующий в создании хронотопа: «*She feels the whip of air as the door slams in her face*» [Constable, 2024, с. 14]. – «Она чувствует, что воздух, словно хлыст, ударяет ее по лицу». В данном примере мы наблюдаем применение такой трансформации, как **грамматическая замена:** метафорическое сочетание «*the whip of air*» мы перевели сравнительным оборотом: «воздух, словно хлыст». Данное решение в данном случае представляется нам релевантным с учетом концепции ведущего отечественного переводоведа В.Н. Комиссарова, где автор предлагает использовать данный прием при различии в нормах узуса исходного и переводящего языков [Комиссаров, 2024, с. 13].

Еще один пример, в котором проиллюстрирован быт главной героини, представлен для описания пространства: «*On the fifth of five floors, Anna Maria is stripping her bed as the deep purple bongs flood her sense»* [Constable, 2024, с. 20]. Здесь нами был осуществлен следующий перевод: «На пятом из пяти этажей Анна Мария снимает свое постельное белье с кровати, когда глубокие царственные удары колокола заполняют ее сознание». В этом предложении нами был использован ряд трансформаций: например, **прием добавления** в сочетании «*stripping her bed*», где нам необходимо уточнить, что героиня снимает с кровати, выражение «снимать кровать» (при дословном переводе) не уместно для русского языка, хотя и подходит для английской грамматики, поэтому мы переводим это выражение как «снимает свое постельное белье», а также

модуляцию значения: лексема «*purple*» обладает большим количеством значений, и наиболее известные из них: «фиолетовый, лиловый, пурпурный». Однако ни одно из них не является удовлетворительным в данном контексте. Переосмыслив семантику эпитета, мы сочли возможным при переводе использовать значение «царственный», так как оно подходило по контексту предложения.

Следующим случаем употребления хронотопа при описании интерьера выступает предложение: «*Takes the curving stone staircase two steps at a time, crashes into the attic dormitory*» [Constable, 2024, с. 21]. – «Поднимается по изогнутой каменной лестнице, перепрыгивая две ступеньки за раз, и вваливается в спальню в мансарде». Трансляция предложения предполагает использование **добавления** (в отрывке «*two steps at a time*» при переводе нами было добавлено слово «перепрыгивая» – «перепрыгивая две ступеньки за раз»), а также **контекстуальной замены** (фразовый глагол «*crashes into*» переводится как «вломиться, ворваться, врезаться», но в контексте данного предложения нами было принято решение перевести как «вваливается».

На основе анализа обширного эмпирического материала нами были сделаны следующие выводы:

1. Хронотоп как единство времени и пространства является интегральной составляющей художественного произведения, способствует созданию образа и развитию художественного замысла.

2. Стилистические средства создания хронотопа выполняют ряд важных функций, наиболее распространенными среди которых в исследуемом нами произведении стали изобразительная, эмоционально-выделительная и оценочно-характеристическая.

3. Межъязыковая трансляция средств создания хронотопа как особого феномена зачастую требует особых переводческих решений (трансформаций), среди которых наиболее частотны грамматические замены, добавление, модуляция, перестановка, конкретизация и дифференциация значений.

Список литературы

Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – 6-е изд., стер. – СПБ.: Филологический факультет СПБГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 368 с.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: «Худож. лит.», 1975. – 502 с.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – М.: Либроком, 2024. – 176 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 1998. – С. 285.

Темирболат А. Б. Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения // Филологические науки в России и за рубежом:

материалы 1 Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.) – Санкт-Петербург: Реноме, 2012. – С. 6-9.

Федоров А. О художественном переводе. – Л.: Гослитиздат, 1941. – 260 с.

Чуковский К. И. Высокое искусство. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2022. – 480 с.

Constable H. The Instrumentalist. – London: Bloomsbury, 2024. – 336 p.

METHODS OF TRANSLATION OF THE MEANS OF CREATING A CHRONOTOPE IN THE NOVEL BY H. CONSTABLE "THE INSTRUMENTALIST"

Kuzmenko Svetlana Aleksandrovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Linguistics
Faculty of International Relations
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North Caucasus Federal University",
Antonova Anna Vladimirovna,
Student of the Department of Linguistics
Faculty of International Relations
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"North Caucasus Federal University",
Stavropol, Russia

Abstract. The article discusses the methods of translating the means of creating a chronotope in the authentic English-language novel by H. Constable "The Instrumentalist". The study identified the functions of the chronotope that contribute to the implementation of the author's intentions in forming the plot of the work. The types of chronotope, its role in the work of art, as well as the methods of adequate translation from English into Russian are determined.

Key words: fiction, chronotope, translation, literary translation, transformations.

К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА)

Лаврищева Екатерина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, перевода и лингводидактики института филологии и межкультурной коммуникации Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,
г. Елец, Россия

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу стихотворения И.А. Бунина «И цветы, и шмели, и трава, и колосья…» и его переводу на немецкий язык. Анализ текста оригинала и текста перевода проводился на всех языковых уровнях. В ходе анализа были выделены языковые особенности текста оригинала и способы их перевода на немецкий язык.

Ключевые слова: перевод, ассонанс, асиндетон, переводческие трансформации.

Считается, что перевод поэтических произведений – это один из самых сложных видов перевода. Некоторые ученые высказывают крайнюю мысль о невозможности перевода поэзии из-за различий культур и особенностей восприятия окружающего мира, которые влияют на эмоционально-образное восприятие [Гончарская, 2019, с. 241].

Е.А. Огнева рассматривает перевод как многогранный лингвистический процесс, в основе которого лежит отождествление двух языковых систем, что является способом транспонирования образов сознания одного народа на почву сознания другого [Огнева, 2012, с. 8].

Важная задача переводчика заключается в достижении концептуально-семантической и прагматической адекватности. Е.М. Масленникова считает, что поэтический перевод на современном этапе представляет особое явление вследствие того, что личность переводчика начинает активно доминировать над переводимым им автором и, таким образом, поэтический перевод сближается с интерпретацией [Масленникова, 2007, с. 50]. Как отмечает Е.Ю. Куницына, равноценное воспроизведение концептуальной и эстетической информации является результатом интерпретации переводчиком поэтического текста оригинала [Куницына, 2020, 5]. Таким образом, перед переводчиком поэтического произведения стоит непростая задача: с одной стороны сохранить замысел автора, с другой стороны – передать «музыку стиха», его музыкальность, интонацию, ритм.

Нами был проанализирован перевод на немецкий язык стихотворения И.А. Бунина «И цветы, и шмели, и трава, и колосья…». Источником текста перевода послужил сайт https://ruverses.com/ivan-bunin/. Перевод выполнен Натальей Путилиной. Данное стихотворение И. А. Бунин написал в 1918 году, за 2 года до эмиграции во Францию, как бы предчувствую расставание с Родиной. В основе стихотворения лежит библейская притча о блудном сыне. В евангельской притче блудный сын, пройдя через множество испытаний, лишений и невзгод, понимает, что значит потеря отчего дома и Божьей милости, и при этом к нему приходит понимание того, что любовь Бога безгранична и всегда есть надежда на возвращение и прощение.

Стихотворение пронизывает любовь к России, к природе, к самым обычным вещам: полю, траве, цветам и т.д. Исключительная семиотичность образной системы проявляется уже на фонемном уровне. Использование в первой строке таких звуков как [ц], [ш], [р], [т] как бы имитирует, воспроизводит звуки природы: жужжание шмеля, шелест травы, все то, что наполняет летний полдень. Наличие ассонанса, а именно повтор звука [и] в словах *цв**е**ты, шм**е**ли* и звука [а] в словах *тр**а**ва, к**о**лосья, л**а**зурь, п**о**луденный* создает ощущение безграничности, широты.

В ПТ переводчик также пытается на фонемном уровне передать ощущение пространства, используя долгие и полудолгие гласные: [y:] (*Bl**ü**ten*), [a:] (*Gr**a**s*), [ɛ:] (***Ä**hren*), [u:] (*Sonnengl**u**t, Az**u**r*). Размеренность, неторопливость передается также и с помощью полисиндетона, повтор союза «und» придает тексту определенный неспешный ритм (*das Gras und die Ähren, Sonnenglut und des Himmels Azur*).

Основная идея, манифестируемая текстом анализируемого стихотворения, заключается во встрече с Творцом, возвращении блудного сына домой после долгого земного странствия. Именно в этот момент подводится итог всей земной жизни человека, и ему предстоит ответить на вопрос: «Был ли ты счастлив в жизни земной»? Эта встреча характеризуется высоким эмоциональным напряжением, волнением, экспрессией, что вербализуется с помощью различных стилистических приемов:

- экспрессивного порядка слов (*Срок настанет – Господь сына блудного спросит….; И забуду я все….; И от сладостных слез не успею ответить…*; *des Himmels Azur*);
- использование асиндетона в первых строках стихотворения (*И цветы, и шмели, и трава, и колосья…*);
- умолчание, с помощью которого автору удается передать ожидание встречи с Творцом (*И лазурь, и полуденный зной…*);
- использование эмоционально-экспрессивного эпитета, передающего радостный трепет от встречи с Творцом (*И от сладостных слез…*).

Анализ ПТ показывает, что переводчик не использует умолчание и опускает эпитет (*Schaffe keine Antwort vor den Tränen, die rinnen…*). Однако в целом в ПТ автору удается сохранить концептуальную идею ИТ с помощью приема компенсации и через использование следующих стилистических средств:

- экспрессивного порядка слов, в том числе, и для сохранения рифмы (*Und der Gott den verlorenen Sohn beim Heimkehren fragen wird*);
- асиндетон, придающий тексту эмоциональный накал, напряжение (*All die Blüten, die Hummeln*; *Querfeldein durch das Gras, durch das Korn, durch das Licht*);
- повтор союза «und» в начале строк (*Und der Gott den verlorenen Sohn…*; *Und ich könnte nichts sonst außer Pfade erinnern…*).

Использование прямой речи в ИТ создает ощущение непосредственного присутствия Бога, Его близости. Однако в ПТ переводчик отказывается от идеи прямой речи, используя косвенную, что на наш взгляд создает ощущение дистанции между человеком и Творцом, исчезает идея диалога, близости:

Срок настанет – Господь сына блудного спросит: *«Был ли счастлив ты в жизни земной?»*	*Und der Gott den verlorenen Sohn beim Heimkehren* *Fragen wird, ob ich Glück auf den Erden erfuhr.*

Также особую роль в тексте стихотворения играет обособление во второй строфе. В момент встречи с Богом вспоминается только самое важное, самое ценное, и этой ценностью являются для автора полевые дорожки, трава, колосья, то, что связывает его с Родиной:

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.

В ПТ переводчик отказывается от обособления, используя при этом асиндетон, эллипс, повтор предлога «durch»:

Und ich könnte nichts sonst außer Pfade erinnern,

Querfeldein durch das Gras, durch das Korn, durch das Licht,
Schaffe keine Antwort vor den Tränen, die rinnen,
An den gnädigen Knien verberg mein Gesicht.

Таким образом, можно отметить, что несмотря на то, что переводчику не удалось в полной мере перенести все оттенки смыслов оригинала в ПТ, в целом получилось, используя лексические и грамматические трансформации, передать замысел автора и достичь концептуально-семантической адекватности. Любовь к родной природе, ожидание встречи с Творцом, понимание того, что представляет истинную ценность в жизни, вербализованные в тексте стихотворения И.А. Бунина, также находят свое отражение и в ПТ.

Список литературы

Гончарская А.Д. Поэтический перевод как особая разновидность художественного перевода // Будущее науки – 2019: сб. науч. ст. 7-й Междунар. молодежной науч. конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 240-244.

Гунсурунова А.В. Научно-ориентированная метафора как средство интерпретации восприятия мира автором vs поэтический перевод // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2022. – Т. 4. – № 2 – С. 110-119.

Куницына Е.Ю. Поэтический перевод как посттворчество: игра автора vs игра переводчика // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2020. – № 1. – С. 3-26

Масленникова Е.М. Поэтический перевод как сотрудничество-в-тексте // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2007. – № 7. – С. 47-56.

Огнева Е.А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: монография. – М.: Эдитус, 2012. – 234 с.

ON THE QUESTION OF POETIC TRANSLATION (BASED ON THE WORKS OF I.A. BUNIN)

Ekaterina Vladimirovna Lavrishcheva,
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Oriental and European Languages, Translation and Linguodidactics
at the Institute of Philology and Intercultural Communication
Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

Annotation. This study is devoted to the analysis of I.A. Bunin's poem "And flowers, and bumblebees, and grass, and ears of corn ..." and its translation into German. The analysis of the original text and the translation text was carried out at all language levels. During the analysis, the linguistic features of the original text and the ways of their translation into German were highlighted.

Key words: translation, assonance, asyndeton, translation transformations.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КРОССКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТА ОДИНОЧЕСТВО В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА К.КИЗИ «НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ»

Наумова Анастасия Игоревна,
старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
Севастопольского государственного университета,
г. Севастополь, Россия

Аннотация. Данная работа исследует когнитивные процессы, лежащие в основе трансформации концепта ОДИНОЧЕСТВО при переводе романа К. Кизи «Над кукушкиным гнездом» на русский язык. Анализ фокусируется на культурных различиях в понимании и выражении одиночества, влияющих на выбор переводческих решений. Рассматриваются особенности когнитивного моделирования персонажей и их переживаний одиночества в исходном тексте и его переводах. Изучаются влияние лингвистических и культурных факторов на адекватность передачи смысловых нюансов, связанных с опытом одиночества.

Ключевые слова. Переводческая трансформация, концепт, когнитивные процессы, когнитивное моделирование, одиночество.

В контексте когнитивных подходов, когнитивная лингвистика перевода интерпретирует перевод как многоуровневый когнитивный акт, опосредованный когнитивными структурами, ментальными моделями и концептуальными метафорами. Анализ когнитивных механизмов, задействованных в переводческой деятельности, позволяет установить влияние когнитивных факторов на качество перевода и выбор переводческих стратегий [Песина, 2014, с. 93].

Исследования в данной области концентрируются на таких аспектах, как обработка информации, проблемное решение и управление знаниями в процессе перевода при осуществлении когнитивно-сопоставительного моделирования концептосферы художественного текста [Огнева, 2009], при построении когнитивно-семиотической модели перевода [Леонтьева, 2023] с целью выявления прагматического потенциала оригинала[Лиходкина, 2022, с. 106] и его ценностных доминант [Жирова, 2022, с. 1905]. Понимание базовых когнитивных процессов перевода способствует разработке инновационных методик обучения и усовершенствованию технологий машинного перевода [Прохоров, 2018, с. 203].

В художественном дискурсе концепты функционируют не только как смысловые единицы, но и как средства создания эстетического эффекта, воздействующие на когнитивные процессы рецепции. Анализ концептов в художественном тексте позволяет обнаружить имплицитные смыслы и исследовать когнитивные механизмы осмысления и интерпретации художественного произведения. Экспликация концептов в художественном тексте формирует специфические когнитивные структуры у читателя, влияющие на его эмоционально-интеллектуальное переживание. Когнитивные исследования концептов в художественном тексте открывают новые перспективы для понимания природы художественного творчества и процесса художественного восприятия [Лакофф, 2010, с. 191].

Концепт ОДИНОЧЕСТВО выступает ключевым семантическим узлом, поскольку данный концепт является центральным в романе К. Кизи «Над кукушкиным гнездом». Значимость исследования определяется влиянием переводческих решений на восприятие этого противоречивого и многогранного характера. Цель данной работы – провести сравнительный анализ концепта ОДИНОЧЕСТВО в оригинальном тексте и его русских переводах, выявив переводческие приемы, формирующие понимание данного концепта.

Выбор данной концептуальной доминанты обусловлен её значимостью для раскрытия механизмов текстовой репрезентации тоталитарного контроля и манипуляции сознанием в обществе, описанном Кизи. Цель исследования – выявление семантических и прагматических свойств концепта ОДИНОЧЕСТВО и его взаимодействия с другими когнитивными структурами, формирующими картину мира героев романа. Анализ языковых средств, выступающих номинантами данного концепта, позволит определить роль чувства одиночества в конструировании социальной и политической реальности в дискурсе произведения «Над кукушкиным гнездом». В рамках когнитивно-лингвистического подхода анализ концепта ОДИНОЧЕСТВО основывается на фреймовой модели.

Анализ номинантов фрейма как когнитивной структуры, определяющей функционирование концепта ОДИНОЧЕСТВО, позволяет выявить маркеры вариативности переживания одиночества, обусловленные культурным контекстом и индивидуальным опытом героев. Выявленные номинанты указанных субфреймов переданы на русский язык с разной степенью эквивалентности, поскольку они подвергаются трансформации в кросс-культурном пространстве перевода из-за наличия в тексте реалий, отражающих лингвокультурные концептуальные доминанты [Маслова, 2012, с. 186].

Ниже представлены фреймовые модели концепта, с помощью которой автор подчёркивает аспекты одиночества, вербализованные номинантами субфреймов. В отдельных случаях представлены несколько субфреймов одновременно.

Пример (1) *«I wasn't myself when I was trying to be the person with that face.* ***I wasn't really myself****; I was just the way I looked, the way they wanted me to be. I don't think* ***I've ever been myself.****»* [Kesey 2018]. – *«Я не был собой, когда пытался быть человеком, у которого такое лицо. На самом деле я собой не был; я был всего лишь таким, каким выглядел, таким, каким меня хотели видеть. А собой я, кажется, никогда не был.»*.

В оригинальном субфрейме раскрывается «разрыв между внешним обликом и внутренним «я»». Использование фраз*«****I wasn't really myself****»*, *«****I've ever been myself****»* выражают чувство отчуждения от себя, потери идентичности [Кизи. 2021].

Единица перевода *«Он обратился к детству…Но без толку, вспомнить он не мог, ничего не осталось от детства»* была передана на русский язык при помощи синтаксической трансформации Фразы строится на игре слов и концептуальном противопоставлении «быть собой» и «быть кем-то другим».

Пример (2) *«- <…> Every moment you spend in solitude, contemplating, only deepens your sense of estrangement»* [Kesey 2018]. – *«- <…>Каждая минута, проведенная в одиночестве, в задумчивости, только увеличивает ваше отчуждение»*.

В данном субфрейме раскрывается «разрыв между внешним обликом и внутренним «я»». Использование слов*»solitude», «estrangement»* активирует когнитивный фрейм «одиночество», который включает в себя представления о социальном отчуждении, изоляции, отсутствии контакта с другими людьми. Задумчивость, в данном контексте, не является позитивным противовесом одиночеству, а скорее его усилителем, углубляющим ощущение изоляции [Кизи, 2021].

Единица перевода *«- <…> Каждая минута, проведенная в одиночестве, в задумчивости, только увеличивает ваше отчуждение»* была передана на русский язык с использованием лексической трансформации с использованием конкретизации: Замена абстрактного понятия на более конкретное, чтобы точнее передать смысл.

Пример (3) *«- <…> If you desire to be alone, are you unwell?»* [Kesey, 2018]. – *«Значит, если хочется побыть одному – ты больной?»*.

В субфрейме раскрывается «разрыв между внешним обликом и внутренним «я»». Использование слов *«alone», «unwell»* выражают когнитивные фреймы: «одиночество", "болезнь", "социальная норма". Она создает противопоставление между желанием побыть одному и социальной нормой, предполагающей активное взаимодействие [Кизи, 2021].

Единица перевода *«Значит, если хочется побыть одному – ты больной?»* была передана на русский язык с использованием прагматической трансформации с использованием смысловой импликации: Задействованы когнитивные фреймы "одиночество", "социальная норма", и "болезнь". Ирония фразы заключается в несоответствии между обыденным желанием побыть одному и патологизированной интерпретацией этого желания. Фраза имплицитно выражает несогласие с представлением об одиночестве как о признаке болезни. Это не просто вопрос, а выражение недоверия к такому стереотипному суждению. Перевод должен передать это несогласие, возможно, через изменение интонации, синтаксиса, или лексических выборов.

В заключение, когнитивная доминанта «одиночество» в романе «Над кукушкиным гнездом» отражает не только эмоциональное состояние героя, но и его погружение в тоталитарную систему, ключевым признаком которой является символическая утрата индивидуальности, отсутствие свободы и дегуманизация человека. Использование когнитивно-лингвистического инструментария, включающего анализ когнитивных фреймов и доминант, продемонстрировало свою эффективность в систематизации и углублённом понимании смысловых пластов литературного текста и его перевода. Данный подход обеспечивает более точную оценку когнитивнойпереводческой стратегии и выявление трудностей передачи нюансов смысла, связанных с описанным в романе состоянием глубокой изоляции и отчуждения. Основные тенденции перевода концепта ОДИНОЧЕСТВО следующие: применение прямых соответствий, приём компенсации, синтаксические преобразования и расщепление смысла.

Список литературы

Жирова И.Г. Репрезентация ценностных доминант в английских лексических образованиях с фокусной семой REALITY и их передача на русский язык (на материале произведения А. Мердок «TheBell» / «Колокол») / И.Г. Жирова, О.П. Дмитриева, Е.В. Анашкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. –Т. 15. –№ 6. – С. 1905-1912.

Кизи К. Над кукушкиным гнездом. // Интеллектуальный бестселлер. – 2021. – URL: https://knizhnik.org/ken-kizi/nad-kukushkinymgnezdom/1 (дата обращения: 25.03.2025).

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. – Москва. 2010. – 204 с.

Леонтьева К.И. Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной XIX-XX веков). Дисс ... д-ра филол. наук. –Тверь: ТвГУ, 2023.

Лиходкина И.А Зависимость адекватной передачи прагматического потенциала оригинала от типа текста (на материале русского, английского и французского языков // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2022. – № 3 (24). – С. 106-110.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Москва: ТетраСистемс, 2012. – 228 с.

Огнева Е.А. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки). Дисс…. д-ра филол. наук. –Белгород: Белгородский государственный университет, 2009. – 407 с.

Песина С.А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка. – Москва: Наука, 2014. – 160 с.

Прохоров Ю. В поисках концепта. – Москва: Флинта, 2018. – 215 с.

Kesey K. One flew over the cuckoo's nest // Woodbury N.Y.: Barron's. – 2018. – URL: https://archive.org/details/kenkeseysoneflew0000fish (дата обращения: 25.03.2025).

COGNITIVE MECHANISMS OF THE CULTURAL TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF LONELINESS IN THE TRANSLATION INTO RUSSIAN BY K. K. KESEY "OVER THE CUCKOO'S NEST"

Naumova Anastasiia Igorevna,
Senior lecturer of «Foreign Languages» department
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Abstract. This work deals with the cognitive processes under lying the transformation of the concept of LONELINESS in the translation of K. Kesey's novel" Over the Cuckoo's Nest" into Russian. The analysis focuses on cultural differences in the understanding and expression of loneliness that influence the choice of translation solutions. The features of cognitive modeling of characters and their experiences of loneliness in the source text and its translations are considered. The influence of linguistic and cultural factors on the adequacy of the transmission of semantic nuances associated with the experience of loneliness is studied.

Key words. Translation, transformation, concept, cognitive processes, cognitive modeling, loneliness.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ОБРАЗНЫХ АДВЕРБИАЛИЙ В РОМАНЕ Э. УОРТОН «ЭПОХА НЕВИННОСТИ»

Неваленая Екатерина Владимировна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского
Университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье исследуется монолингвальная переводческая диверсификация образных адвербиалий на материале шести вариантов перевода оригинального художественного произведения Э. Уортон «Эпоха невиновности» с английского на русский язык. Возможность определения симметричной/асимметричной переводной диверсивности, как результата переводческой диверсификации, позволяет исследователю определить вероятность перевода с сохранением симметрии плана содержания и плана выражения лексической единицы в процентном соотношении.

Ключевые слова: монолингвальная переводческая диверсификация, симметрия, асимметрия, художественный текст, план содержания, план выражения, адвербиалия.

«То, что ускользнуло от читателя,
не может укрыться от переводчика» – Плиний Младший

Текст, как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа» [Гальперин, 2007, с. 18-19].

Рассматривая переводоведение с точки зрения сохранения закономерностей сохранения или утраты тех или иных маркеров исходного кода, функционирующих в художественном информативном коде, можно определить алгоритмы и возможность единицы перевода иметь интерпретативный потенциал при транскодировании на русский язык в условии наличия множественности перевода [Чайковский, 2008]. Данный процесс был ранее назван *переводческой диверсификацией*, что означает процесс перевода художественного произведения несколькими переводчиками синхронно или асинхронно при котором создается несколько вариантов переводного текста [Неваленая, 2024, с. 90]. *Художественный информативный код*, в данном случае определяется как невербальные средства выразительности, использованные автором в оригинальном тексте, представляющие собой набор смыслов, обусловленных контекстом. Результатом трансформаций, при котором художественный информативный код транскодируется с ИЯ в ПЯ является переводная диверсивность. Такой способ проведения анализа переводных соответствий позволяет выявить одновременно сохранение / утрату симметрии плана содержания и / или плана выражения, приобретение / нивелировку стилистической окраски, а также определить вероятный и реальный интерпретативный потенциал единицы перевода.

В проводимом исследовании предлагается провести переводческую диверсификацию художественного информативного кода, представленного

образными адвербиалиями, которые описывают внешний вид героев в художественном произведении Э. Уортон «Эпоха невинности» и шести его переводах.

Первой предлагается провести переводческую диверсификацию адвербиалию, описывающую способ укладки волос:

«*…, Lawrence Lefferts's* ***sleekly brushed*** *head seemed to mount guard over the invisible deity of «Good Form»* [Wharton, 2017: 177].

Согласно словарной записи, наречие ***sleekly*** означает «*smooth and glossy as if polished*» [Merriam-Webster Dictionary, URL] / «*гладкий и глянцевый, как будто отполированный*». Глагол ***brushed*** определяется как «*to clean something or make something smooth with a brush*» [Cambridge Dictionary, URL] / «очистить или сделать что-то гладким при помощи щетки». В комбинации данные единицы перевода могут иметь значение «гладко причесанный».

Таблица 1 – Переводческая диверсификация адвербиалии «sleekly brushed»

Перевод М.И. Беккер	**Перевод Е.Э. Бабаева**	**Перевод Л. П. Яркина**	**Перевод В. И. Святкина**	**Перевод Е. В. Осенева**	**Перевод И.Я.Доронина**
«*…виднелась* ***прилизанная*** *голова Лоренса Леффертса, который, казалось, стоит на страже «хорошего тона», …*» [Уортон, 2011, с. 158].	«*…, Лоуренс Леффертс с* ***гладко зачесанными*** *волосами, казалось, нес службу у трона незримого божества «приличий», …*» [Вартон, 1994, с. 171].	«*…, виднелась* ***прилизанная*** *голова Лоуренса Леффертса, этого посланца «хорошего тона», …*» [Уортон, 2011, с. 161].	«*… Лоренс Лефертс с* ***напомаженными*** *волосами изображал из себя некоронованного короля …*» [Уортон, 2013, с. 153].	«*…,* ***гладко зачесанная*** *голова Лоренса Лефертса возвышалась над всеми присутствующими, …*» [Уортон, 2022, с. 154].	«*… Лоуренс Леффертс, чья* ***изящно причесанная*** *голова сторожевой башней возвышалась над незримыми угодьями божества Хорошего Тона, …*» [Уортон, 2024, с. 226].

Из приведенных переводов следует, что вариант Е.Э. Бабаевой «*гладко зачесанными*», Е.В. Осеневой «*гладко зачесанная*» и И.Я. Дорониной «*изящно причесанная*» абсолютно симметричен, на что указывает передача адвербиалии наречием и причастием в страдательном залоге. Стилистическая окраска оригинальной единицы сохраняется.

Варианты М.И. Беккер и Л.П. Яркиной «*прилизанная*», а также перевод В.И. Святкиной «*напомаженными*» имеют частичную асимметрию, выраженную сдвигом симметрии плана выражения. В указанных переводах произошло совмещение означаемых (плана содержания) т.е. транскодирование в русскоязычном переводе адвербиалии, которая в оригинальном тексте представлена сочетанием «наречие + Причастие II», при помощи страдательного причастия прошедшего времени. Стилистическая окраска данной адвербиалии в переводе сохраняется.

В следующем примере предлагается рассмотреть две адвербиалии-образа:

«*…, piloting a tremendous* ***blackwigged*** *and* ***red-plumed*** *lady in overflowing furs*» [Wharton, 2017, с. 74].

Образованная от существительного *wig* со значением «*a manufactured covering of natural or synthetic hair for the head*» [Merriam-Webster Dictionary, URL] / «*изготовленное покрытие натуральных или синтетических волос для головы*» и прилагательного *black*, данная адвербиалия характеризует человека, одетого в парик из волос темного цвета.

Аналогично предыдущей, адвербиалия «*red-plumed*» образована от прилагательного *red* и Причастия II «*plumed*» со значением «*decorated with several large feathers tied together*» [Cambridge Dictionary, URL] / «украшенный несколькими крупными перьями, связанными вместе» и может переводиться при помощи причастного оборота или словосочетания «украшенный красными перьями» / «украшенный перьями красного цвета». Учитывая, что речь идет о прическе персонажа, то следует полагать, что речь идет о надетой шляпке, которая украшена перьями [Swan, 2014, URL].

Предлагается рассмотреть переводческую диверсификацию представленных адвербиалий в русскоязычном переводе:

Таблица 2. Переводческая диверсификация адвербиалий «blackwigged» и «red-plumed»

Перевод М.И. Беккер	**Перевод Е.Э. Бабаева**	**Перевод Л. П. Яркина**	**Перевод В. И. Святкина**	**Перевод Е. В. Осенева**	**Перевод И. Я. Доронина**
«*… вслед за укутанной в меха высокой дамой* ***в черном парике*** *и шляпе* ***с красным пером*** *…*» [Уортон, 2011, с. 77].	«*…, вплыла леди в мехах …*» [Вартон, 1994, с. 78].	«*…, которого сопровождала облаченная в меха крупная дама* ***с пучком красных перьев в черном парике*** *…*» [Уортон, 2011, с. 58].	«*… в сопровождении полной, розовощекой дамы в высоком* ***черном парике*** *и роскошном меховом манто*» [Уортон, 2013, с. 64].	«*…, огромную, в ниспадающих мехах даму* ***в черном парике*** *и* ***красных перьях***» [Уортон, 2022, с. 69].	«*… ведя под руку устрашающего вида даму* ***в черном парике с красными перьями****, утопающую в мехах*» [Уортон, 2024, с. 100].

При транскодировании адвербиалии «*blackwigged*», в каждом из представленных переводов М.И. Беккер, Л.П. Яркиной, В.И. Святкиной, Е.В. Осеневой и И.Я. Дорониной «в черном парике», проявляется частичная асимметрия, при которой план содержания сохраняет симметрию, а план выражения передается асимметрично. Стилистическая окраска при этом сохраняется. Это обусловлено отсутствием в русском языке формы, которая содержала бы в себе все компоненты образной адвербиалии т.е. её семантическое наполнение. В переводе Е.Э. Бабаевой данная адвербиалия опущена, что ведет к её передаче с нулевым знаком, а также к нивелировке стилистической окраски.

При передаче адвербиалии «*red-plumed*» переводчики прибегают к грамматическому супплетивизму и выражают представленную единицу, заменив адвербиальную форму на словосочетание «прилагательное + существительное». Так, в переводе М.И. Беккер «с красным пером», Л.П. Яркиной «с пучком красных перьев», Е.В. Осеневой «в красных перьях» и И.Я. Дорониной «с красными перьями» транскодирование происходит со сдвигом симметрии плана выражения, что также приводит к потере стилистической окраски. Тогда как в переводах Е.Э. Бабаевой и В.И. Святкиной данная адвербиалия опущена, что ведет к абсолютной асимметрии и нивелировке стилистической окраски.

Проведенная переводческая диверсификация образных адвербиалий позволила определить вероятный и реальный интерпретативный потенциал.

Предлагается рассмотреть Диаграмму 1., в которой представлена переводная диверсивность образных адвербиалий как результат проведенной переводческой диверсификации.

Диаграмма 1 – Переводная диверсивность образных адвербиалий

Из приведенных данных следует, что общего количества 348 проанализированных переводных вариантов, соотношение сохранения симметрии и стилистической окраски следующее:

1) с абсолютной симметрией транскодируются 21,6 % образных адвербиалий, 3,5% которых утрачивают стилистическую окраску;

2) с частичной асимметрией, при которой симметричным остается только план содержания переводятся 56,6 % адвербиалий, из которых 23,4 % утрачивают исходную стилистическую окраску;

3) с частичной асимметрией, где происходит нарушение плана содержания, но при этом форма остается симметричной передаются 3,1%

образных адвербиалий. При этом, во всех вариантах происходит нивелировка стилистической окраски;

4) абсолютную асимметрию проявляют 18,7 % адвербиалий, которые также утрачивают стилистическую окраску при переводе на русский язык.

В целом, исследование транскодирования полисемантических единиц, а именно образных адвербиалий, с английского языка на русский демонстрирует сдвиг симметрии плана выражения. Переводческая диверсификация как процесс передачи формы и содержания оригинальной единицы при множестве переводов является новаторским способом анализа текста художественного произведения и его переводных соответствий. Перспективой продолжения исследований является анализ других классов сложноструктурных элементов в языкознании с целью выявления их потенциального и реального интерпретативного потенциала.

Список литературы

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва, 2007. – 144 с.

Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода: вводная часть : учеб. пособие. – Магадан: Изд-во Сев.-Восточ. гос. ун-та, 2008. – 182 с.

Неваленая Е.В. Переводческая диверсификация как интерпретативный формат текстовой перекодировки (на материале произведения Э. Уортон «Эпоха невинности» и его четырех переводов на русский язык) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024. – №1 (42). – С. 89-92.

Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus // Cambridge University Press & Assessment. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/ (дата обращения: 20.03.2025).

Merriam-Webster Dictionary // Merriam-Webster, Incorporated. – URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 20.03.2025).

Swan J. Birds of Paradise: Plumes & Feathers in Fashion / J. Swan, K. Debo, E. Dirix, J. Marschner, A. O'Neill, K. Van Godtsenhoven. – Belgium, 2014. – 208 p.

Wharton E. The Age of Innocence. – NY: RUGRAM, 2017. – 364 p.

Уортон Э. Век наивности / пер. с англ. М. Беккер. – Москва: РИПОЛ Классик, 2012. – 383 с.

Уортон Э. Эпоха невинности / пер. с англ. Е.Э. Бабаева. – Москва: КРОН_ПРЕСС, 1994. – 352 с.

Уортон Э. Эпоха невинности / пер. с англ. Л. Яркина. – Москва: Центрполиграф, 2011. – 370 с.

Уортон Э. Век невинности / пер. с англ. В.Н. Святкина. – Москва: Седьмая книга, 2013. – 410 с.

Уортон, Э. Эпоха невинности / пер. с англ. Е. В. Осенева. – Москва: Эксмо, 2022. – 400 с.

Уортон, Э. Эпоха невинности / пер. с англ. И.Я. Доронина. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 448 с.

TRANSLATIONAL DIVERSIFICATION OF FIGURATIVE ADVERBIALS IN E. WHARTON`S NOVEL «THE AGE OF INNOCENCE»

Nevalenaya Ekaterina Vladimirovna
Senior lecturer of the department of foreign languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia

Abstract. The article explores the monolingual translational diversification of figurative adverbials based on the material of six variants of the literary translation of E. Wharton`s novel «The Age of Innocence» from English into Russian. The possibility of determining symmetrical/asymmetric translational diversivity as a result of translational diversification allows the researcher to determine the probability of translation while maintaining the symmetry of the content plan and formal plan of lexical unit in percentage.

Key words: monolingual translation diversification, symmetry, asymmetry, literary text, content plan, formal plan, figurative adverbials.

ИДЕЙНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПЕРЕВОДОВ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Сопова Ирина Валентиновна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия
Таранова Елена Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается передача идейной и эмоциональной составляющей произведения немецкого автора Г. Гейне в переводах отечественных известных авторов. Основное внимание уделяется выбору лексических единиц и конструированию авторского текста с учётом концептосферы авторов и их ментальных характеристик. Проводится связь текстового мира авторов с общей концепцией народа.

Ключевые слова: идейное содержание, концептосфера, коннотации, эмотивы, формальный перевод.

Переводами трудов немецких авторов занимались многие отечественные деятели литературного жанра, писатели и поэты, имена которых широко известны любому российскому школьнику. Соответственно, немало и научных трудов лингвистов, которые анализировали их творчество и соотносили с оригиналами произведений. Так, восприятие немецкого импрессионизма в творчестве Б.Л. Пастернака исследовала З.А. Чубракова [Чубракова, 2012], своеобразие лингвопоэтических переводов В.А. Жуковского рассматривалось в работе И.А. Черемисиной Харрер и К.А. Гирфановой [Черемисина, 2014],

переводами В.Я. Брюсова и Н.А. Заболоцкого интересовались С.В. Нестерова и Н.Е. Разумова [Нестерова, 2011].

Все авторы-переводчики стремились сохранить особенности стихотворной формы, эмоциональную окраску, композиционную структуру, субъект-объектные отношения, концепцию автора. Но в то же время, языковеды анализируют и различия в подаче смыслосодержащих языковых элементов, передаче концептосферы немецких авторов путём преломления и переосмысления через личностные и национальные характеристики русской ментальности.

В любом переводе художественного произведения автор-переводчик ставит первостепенной своей задачей наиболее точно выразить замысел автора оригинала. А в художественной литературе многое видится между строк, ощущается через дополнительные смыслы, так как зачастую имплицитно зашифровано в единицах языка с определённым сцеплением в канве произведения иногда несопоставимых элементов.

Кроме лингвистического инструментария, переводчик пользуется и экстралингвистическими знаниями, умело и творчески применяя их в своей работе. «Само собой разумеется, что одного узколингвистического образования недостаточно для понимания литературных произведений: эти последние возникают в определенной социальной среде, в определенной исторической обстановке и имеют своих сверстников и предшественников, в свете которых они, конечно, только и могут быть поняты» [Щерба, 1967, с. 97].

В данной статье мы рассмотрим классическое произведение великого немецкого поэта Г. Гейне «Ein Fichtenbaum» и его многочисленные переводы на предмет точности передачи идейного и эмоционального содержания автора лексическими единицами. Проанализируем форму и содержание переводческих версий, а также выразительные средства, с помощью которых переводчики стремились передать концептосферу автора через свой текстовый мир.

Удачный выбор сюжета, незамысловатые образы, предельно ясные и конкретные, мастерская подача композиции сделали стихотворение Г. Гейне классическим произведением вне времени и взглядов разных поколений. Данное произведение переводилось известными поэтами около 40 раз. Даже многие современные авторы предлагают свои версии перевода. Самым известным является, конечно же, вариант М.Ю. Лермонтова, который рассматривается многими литературоведами как самостоятельный шедевр и служит материалом для молодых лингвистов как пример переводческой деятельности.

Л.В. Щерба называл перевод М.Ю. Лермонтова «формально точным». Мы можем в этом убедиться, если дословно переведём оригинал Г. Гейне. Несколько нарушена последовательность слов за счёт благозвучия и сохранения рифмы.

Но в немецком языке существительное «Fichtenbaum» (*русск.* сосна) мужского рода der Fichtenbaum, тогда как «Palme» (*русск.* пальма) – женского: die Palme. Антонимия усилена гендерными принадлежностями главных героев-образов стихотворения. В переводе великого русского поэта не учтена гендерная составляющая, как следствие, нарушается любовная лирическая линия во всём корпусе произведения. Такая же тенденция наблюдается в переводах других авторов: Л.И. Уманец также перевёл как «сосна», у О. Гальченко – это «ель».

Тоска, томленье, грусть и одиночество от того, что невозможно образовать пару из-за сложностей пространственной недоступности двух индивидуумов, выражено у немецкого автора насыщеннее. Недоступностью воссоединения с мечтой пропитан сюжет оригинального шедевра раннего периода творчества Г. Гейне, свободомыслящего и реалистичного.

Исходя из выше сказанного, рассматривая другие переводы оригинала Г. Гейне на русский язык, мы видим, что авторы уже стремятся убрать из своих творений данный недостаток и сохранить гендерное различие героев, избегая условностей дословного перевода и используя другие номинации, сохранив тем самым содержательную составляющую маскулинного образа. Так, сосна преображается в кедр (в переводах В.Я. Брюсова, Ф.И. Тютчева, А.Н. Майкова, И.П. Павлова, В. Гиппиус, С. Лузана), дуб (в переводах А.А. Фета, П. Вейнберг).

Примечателен ещё и тот факт, что номинативная единица языка, олицетворяющая тоскующий маскулинный образ, применена у Г. Гейне вначале, это первое же слово, с чего начинается повествование. В немецком языке порядок слов в предложении чёткий, особенно это касается местоположения сказуемого и подлежащего, в отличие от свободно сочетающихся позиций основных членов предложения в русском языке. Прямой порядок слов немецкого предложения сразу же вводит образ «главного героя», акцентирует внимание на нём с первых звуков. У М.Ю. Лермонтова номинация встречается только в конце второй строки. Таким расположением автор как бы интригует потенциального слушателя/читателя, вводит сначала описание ситуации, использует топонимы и эмотивы для воздействия на эмоциональную сферу, а потом вводит героя. Похожая картина наблюдается и у других переводов русскоязычных авторов. На данных примерах мы видим характерные черты для делового фона немецкой ментальности и присущие русскому душевному созерцанию лирические ноты.

В отличие от оригинала Г. Гейне М.Ю. Лермонтов вводит эпитет «дикий», к слову «север». Тем самым усиливая коннотационный фон концепта «одиночество», поскольку дикий имеет семы «безлюдный», «нелюдимый», «девственный», когда не чувствуется даже малейшего намёка на понимание и поддержку. Лексема «дикий» встречается в первой строфе и у Ф.И. Тютчева, только дикая там скала, а север приобретает эпитет «мрачный». У А.Н. Майкова топоним представлен пустыней со снегом и вьюгой. Ю.А. Веселовский употребляет прилагательное «суровый» в данном контексте, что как раз характеризует северные районы.

В следующих строках вниманию представляется антиномия статика-динамика. Немецкий оригинал статичен по восприятию. Об этом свидетельствуют лексемы «schläfert», «Eis», «umhüllen». Положение в немецком произведении статично, дремлет сосна окутана/обёрнута покрывалом из льда и снега. Русский автор М.Ю. Лермонтов вводит наречие «качаясь», снег стал «сыпучим», то есть подвижным, который можно стряхнуть с себя, льда как чего-то застывшего и неподвижного нет. Глагол «одета» и существительное «риза» как святое одеяние у Михаила Юрьевича даже в какой-то момент призывает полюбоваться на сосну в её чистом снежном облачении.

Глагол «umhüllen» наталкивает на мысль о скованности движений, связанности в одном положении в стихотворении Г. Гейне. Снежное одеяние у С. Лузана названо «тогой» с глаголом «обвит». На наш взгляд, тога больше по содержанию схожа с оригинальным стихотворением, поскольку данный вид одеяния представляет собой белую ткань, которой мужчины в Древнем Риме как бы обвивали тело. У Ю.А. Веселовского сосна одета под снегом и льдом, у М.Л. Михайлова – под снежным покровом. Л.И. Уманец предпочёл в качестве одеяния саван, но применил в контексте сравнение «как саваном». Поскольку саван – одежда для умерших, то, скорее всего, аналогия в данном случае идёт по цвету со снегом, а не по назначению.

Северная стужа также по-разному представлена у авторов. Лёд и снег у Г. Гейне представлены олицетворением, они окутывают сосну. Тот же снег у М.Ю. Лермонтова, вьюга у Ф.И. Тютчева, метель у М.Л. Михайлова, снежный и льдяный ковёр у А.А. Фета, под песнями вьюги у А.Н. Майкова.

Далее Г. Гейне говорит о мечтах сосны, о далёком Востоке и пальме, которая также одиноко предаётся скорби на горячей отвесной скале. Пальма, которая грустит и страдает такая же одинокая, как и сосна. Наречие schweigend так же семантически связано с концептом «одиночество», так как некому излить душу в изнуряющем от жары мире.

В противовес холоду, стуже для окружения пальмы авторы используют тематические лексические единицы с соответствующей семой «жара, зной». У немецкого автора употреблена лексема «brennend», что в переводе «горящий, жгучий, пылающий». М.Ю. Лермонтов здесь был достаточно точен: на утёсе горючем. Ф.И. Тютчев усиливает эмоциональную окраску образа зной, употребляя «под пламенным небом, на знойном холму…», А.А. Фет говорит о «горячей скале». М.Л. Михайлов вводит субъект действия «на зноем сожжённой скале», причём оба слова имеют сильный коннотационный фон, в семантике которых превалюрует сема «огонь». Так же можно охарактеризовать и представление жары, которое передают Л.И. Уманец – «на солнцем палимой скале» и Ю.А. Веселовский – «на выжженной солнцем скале». А.Н. Майков говорит о «пламенном юге», В.Я. Брюсов и С. Лузан о «знойной земле».

У Г. Гейне мы видим присущий немецкой ментальности Sachstil. Наличие антиномий и параллелей, логика построения фраз, местоположение главных членов предложения, гендерное различие двух образов навевают трагичность одиночества и суровую тоску о незыблемости положения вещей, о пустоте и несбыточности.

У М.Ю. Лермонтова нашему вниманию предстаёт сказочно-красивое эпическое, спокойно-уравновешенное изображение фрагмента действительности, не лишённое притягательности и завораживающей тоски от одиночества.

В представленных образцах оригинала и переводов отражены, как выяснилось, не только личные концептосферы авторов, но идеологические характеристики всего народа. Чёткость, трагичность, конкретика, скованность немецкого миросозерцания выданы у Г. Гейне и умение найти красоту в

безысходности, мечтания о «прекрасном далёко», очарование тихой грусти, многообразие эпитетов, свойственные русской душе.

Таким образом, оригинал и переводы представляют собой самостоятельные и самодостаточные произведения, в каждом из которых отражаются образ автора, фоновые знания, ментальные и социальные характеристики его личности, отражение культуры и мироощущений своего народа.

Исходя из представленных образов и общей концепции стихотворного гения Г. Гейне и многочисленных переводов данного классического шедевра на русский язык многочисленными авторами, можно заключить, что концептуальный мир автора накладывает отпечаток не только на собственные произведения, но и на переводы других авторов.

Александр Блок в своё время говорил о переводах М.Л. Михайлова, то же можно сказать и о других вариантах перевода: «… большая часть из них – настоящие перлы поэзии; все же – это не Гейне: с одной стороны, переводы лишены той беспощадности и язвительной простоты, которая характерна для Гейне; в Михайлове было слишком много того, что называли у нас «романтизмом»; с другой, будущий приятель Чернышевского просто не считался с внешней формой Гейне, он почти никогда не искал соответствия размерам подлинника» [Блок, 1923, с. 119].

Один и тот же сюжет преломляется под призмой мировидения автора. И даже если переводчик пытается по возможности полно сохранить форму оригинала, прибегая к наиболее точной дословной передаче стихотворения, то содержательная сторона, коннотационный фон, эмотивность и экспрессивность произведения меняются под воздействием лингвокультурологических характеристик языка и восприятия мира, концептосферы, художественного мира самого автора.

Список литературы

Блок А.А. Собрание сочинений Александра Блока. – Berlin: Алконост, – 1923. – Т. 5. – 386 с.

Михайлов М.Л. Сочинения в трёх томах / Под общей редакцией Б.П. Козьмина. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т. 1. – 278 с.

Нестерова С.В. Стихотворение Гете «Willkommen und Abschied» в переводах В. Брюсова и Н. Заболоцкого /С.В. Нестерова, Н.Е. Разумова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: ИФЛ СО РАН, – 2011. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stihotvorenie-gete-willkommen-und-abschied-v-perevodah-v-bryusova-i-n-zabolotskogo/viewer (дата обращения: 16.03.2025).

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. – М.: Издательский центр «Классика», – 2002. – Т. 1. Стихотворения, 1813-1849. – 47 с.

Фет А. А. Полное собрание стихотворений / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б.Я. Бухштаба. – Л.: Советский писатель, – 1959. – 650 с.

Черемисина Харрер И.А. Лингвопоэтическое своеобразие переводов В.А. Жуковского / И.А. Черемисина Харрер, К.А. Гирфанова // Современные проблемы науки и образования. М.: ООО «Издательский дом «Академия

Естествознания». – 2014. – № 3. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=13121 (дата обращения: 16.03.2025).

Чубракова З.А. Поэзия немецкого экспрессионизма в восприятии Б. Пастернака. Коммуникативные проблемы переводного текста // Текст. Книга. Книгоиздание. – Томск: ТГУ, – 2012. – №2. – С.12-25.

Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Акад. наук СССР. Отд-ние лит-ры и языка. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. – С. 97-109.

THE IDEOLOGICAL AND EMOTIONAL CONTENT OF TRANSLATIONS OF GERMAN POETRY

Sopova Irina Valentinovna,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication at the Institute of Intercultural Communication and International Relations
Belgorod national research university, Belgorod, Russia
Taranova Elena Nikolaevna,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication at the Institute of Intercultural Communication and International Relations
Belgorod national research university, Belgorod, Russia

Abstract. This article examines the transfer of the ideological and emotional component of the work of the German author G. Heine in the translations of famous Russian authors. The main attention is paid to the choice of lexical units and the construction of the author's text, taking into account the conceptual sphere of the authors and their mental characteristics. The connection of the authors' textual world with the general concept of the people is carried out.

Key words: ideological content, conceptual sphere, connotations, emotives, formal translation.

О НЕКТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ

Хабарова Ольга Николаевна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Зимовец Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие «идиома», представлена общая характеристика и происхождение. Выделены группы английских идиом в зависимости от их

перевода на русский язык. Представлен лексико-семантический анализ идиом по выделенным группам.

Ключевые слова: английская идиома, русский аналог, лексическое значение, перевод.

Идиомы представляют собой важный элемент любого языка. Они являются отпечатком народной мудрости, отражающие исторические события и мировосприятие народа, который их создал, а также его традиции, нравы, обычаи и юмор, т.е. разнообразные культурные явления и отношение говорящего к ним. В английском языке существует огромное количество таких выражений. Безусловно, идиомы обогащают язык, придавая ему большую привлекательность, поэтому они представляют интерес для исследования.

Слово *idiom* не является английским; это один из множества терминов, пришедших из греческого языка. Идиома обозначает уникальное выражение и указывает на то, что данное словосочетание используется с особым значением, отличным от его буквального смысла.

Существует несколько теорий, объясняющих происхождение идиом. Идиомы возникли из сленговых выражений, литературных произведений, а некоторые из них были связаны с английскими обычаями и традициями.

Идиомы представляют собой сложный аспект английского языка. Знание английских идиоматических выражений четко отражает уровень языковой компетенции говорящего. Эти выражения не только обогащают речь, но и позволяют значительно упростить сложные конструкции, сводя их до двух-трех слов. Использование английских идиом делает общение более структурированным. Следовательно, идиомы составляют неотъемлемую часть языка, именно они придают языку свое особое очарование [Винарева, 2005, с. 84].

Идиомы обладают широким разнообразием структур и комбинаций, в основном оставаясь неизменными и зачастую нелогичными, и могут не подчиняться основным грамматическим нормам. Существуют внутриязыковые и межъязыковые идиомы.

Анализ более ста английских идиоматических выражений, позволил разделить их на три категории: 1) английские идиомы, которые имеют полный аналог в русском языке; 2) английские идиомы с аналогичной структурой в русском языке, но различающиеся по образам выражения; 3) английские идиомы, не имеющие точного соответствия в русском языке.

Примерами идиом первой группы являются следующие:

Английская идиома «*lose one's head*» имеет полное соответствие в русском языке «*потерять голову*». Причины, по которым человек теряет голову, могут быть разными: например, человек может влюбиться до беспамятства или просто растеряться в трудной ситуации.

Идиоматическое сочетание «*A skeleton in the closet*» намекает на то, что и у безупречного человека или у члена всеми уважаемого семейства всегда найдется тайна, которую люди боятся раскрыть и тщательно скрывают от общественности и посторонних. В русском языке данной идиоме соответствует выражение «*скелет в шкафу*».

Английской идиоме «*The dogs bark, but the caravan goes on*» соответствует русская – «*Собака лает, а караван идёт*». Её обычно используют в случае

готовности продолжать своё дело, несмотря на негативное мнение окружающих и бессмысленную критику. Эта идиома считается восточной, но имеет соответствие в разных языках. Восточные мудрецы сравнивали жизненный путь человека с продвижением большого каравана, на пути которого встречаются селения, а в них собаки, которым не нравится караван. Но также есть переносное значение, которое несет в себе значение продвижения в жизни, что жизнь идет вперед, вопреки всем, кто пытается ставить палки в колеса прогресса. Простому человеку она советует не обращать внимание на злословие, сплетни или брань в свой адрес, а жить своей жизнью или продолжать свое дело.

Идиома «*grasp at a straw*» образовалась как часть пословицы «*A drowning man will grasp at a straw*», означает, когда человек не может найти выход из затруднительного положения, но отчаянно пытается найти выход. В русском языке имеется аналог – «*хвататься за соломинку*».

Английской идиоме «*play cat and mouse*» соответствует русская – «*играть кошки-мышки*», и сравнивается обращение с человеком, который находится во власти другого с поведением кошки с мышкой, которая ее меньше и слабее. Данная идиома описывает поведение человека как дурачащее и дразнящее.

Английская идиома «*lay one's cards on the table*» имеет русский аналог «*выложить карты на стол*», что значит перестать скрывать свои намерения и планы, начать действовать в открытую и говорить прямо.

Русский аналог английской идиомы «*break the ice*» – «*растопить лёд*», значит устранить первоначальную натянутость или недопонимание в отношениях с кем-либо.

Следующая английская идиома «*money has no smell*» в русском языке звучит, как «*деньги не пахнут*». Этой идиомой мы обязаны римскому императору Веспасиану, установившему налог на общественные уборные. Когда сын императора упрекнул отца в том, что тот ввёл такой «неприличный» сбор, Веспасиан поднес к его носу деньги, которые принёс этот налог, и спросил, пахнут ли они. На сегодняшний день эта фраза означает то же, что и при Веспасиане: главное – заработать, а как это не важно [Уитфорд, 2019].

«*Pull strings*» – «*дёргать за ниточки*», данная идиома обозначает показать своё влияние, используя личные связи, чтобы получить желаемое, особенно когда это делается тайно или неофициально. Действия сравниваются с движениями кукловода из кукольного театра, который дергает марионеток за ниточки, управляя ими.

Существует ещё одно интересное идиоматическое выражение – «*on the hook*», обозначает, что человек оказался в затруднительном или опасном положении, например, быть в чей-то власти, задолжать кому-либо некую сумму денег или быть замешанным в каком-либо деле, выпутаться из которого не так-то просто. В русском языке имеется аналогичное выражение «*на крючке*».

Английская идиома «*nail in somebody's coffin*» означает некое событие или некий поступок, способные навредить кому-либо или чему-либо, еще более ослабить или приблизить конец чего-либо, что уже и без того находится в состоянии упадка. Обычно употребляется с глаголами *knock, hammer* или *drive,* имеет полный русский аналог – «*вбить гвоздь в чей-либо гроб*».

После анализа представленных идиом можно заключить, что в английской и русской культурах существует множество общих черт. Рассмотренные английские идиомы не вызывают трудности в их понимании и переводе, т.к. имеют аналог в русском языке.

Рассмотрим примеры идиом, вошедших во вторую группу:

Русский аналог английской идиоме «*a storm in a teacup*» – «*буря в стакане воды*». Здесь имеется в виду шум, переполох, большое волнение. В английской идиоме для создания образности используется чайная чашка (teacup), а в русском «стакан воды».

Английская идиома «*buy a pig in a poke*» означает приобретение, о качестве или полезности которого покупателю ничего неизвестно. В русском языке в таких случаях употребляют выражение: «*купить кота в мешке*». Однако в русской традиции только покупают такого кота, который впоследствии может обернуться кем угодно, а англичане своего поросенка ещё и продают. *To sell a pig in a poke* – это продать невесть что, то есть в некотором смысле обмануть покупателя. Как видно, в английской идиоме использован образ поросенка, а в русской – кота.

В идиоме «*hand to on a silver platter*» содержится глагол *to hand* со значением «давать, вручать». Так говорят, когда кому-то что-то достается без труда, очень легко, без необходимости прилагать большие усилия, чтобы получить или достичь этого. В русской аналогичной идиоме используется не серебряное блюдо, а блюдце с голубой каёмочкой – «подать на блюдечке с голубой каёмочкой».

«*Burn one's boats*» значит «отрезать себе путь к отступлению». «Впервые это идиоматическое выражение было употреблено древнегреческим философом и историком Плутархом в рассказе о том, как женщины Трои сожгли корабли своих мужей, защитников города, и тем самым остановили их бегство с поля боя: им оставалось только одержать победу или погибнуть» [Артемова, 2004, с. 8]. Аналогичное выражение в русском языке – «*сжигать мосты*», связано с историей войн и военных походов, во время которых решительные полководцы, перейдя реку, сжигали за собой мосты, чтобы не было соблазна отступить.

Третью группу составляют английские идиомы, которые, как правило, имеют корни в английской культуре или в традициях ее завоевателей. Они прочно вошли в повседневный язык и обладают уникальным английским колоритом. Эти выражения отражают традиции и верования английского народа.

«*Girl Friday*» – так называют молодую девушку, выполняющую обязанности личной помощницы, которая всегда готова прийти на помощь. Данная идиома образована по аналогии с *man Friday*, которого Робинзон Крузо встретил на необитаемом острове, где оказался в результате кораблекрушения, и который стал его помощником.

«*Cash on the barrelhead!*» – эта идиома восходит к пиратской традиции играть в азартные игры, складывая деньги на бочку, чтобы любой мог сделать за ними. Сегодня она означает оплату наличными в момент заключения сделки.

«*Thumbs up!*». Согласно одной из гипотез, это выражение восходит к боям гладиаторов в Древнем Риме. Поднятие большого пальца император даровал

гладиатору жизнь. В современном английском языке *thumbs up* означает одобрение. Соответственно, *thumbs down* означает неодобрение или отказ от чего-то.

Английская идиома «*miss the boat*» обозначает упустить возможность, прозевать удобный случай, упустить свой шанс. Когда морской транспорт стал использоваться для увлекательных путешествий или деловых поездок в другие страны, человек, опоздавший на отплывающий корабль, упускал возможность путешествия или прибытия в пункт назначения.

«*Cry wolf*» – выражение означает «поднимать ложную тревогу». Эта идиома происходит из басни Эзопа, в которой пастух развлекал себя, обманывая людей криками «волк, волк!». Когда же волк появился в реальности, никто не откликнулся на его призывы о помощи.

В Англии используют «*every dog has his day*» в значении, что у всех все будет хорошо. В России говорят: «*Будет и на нашей улице праздник*». В русском языке, как видно, нет аналогичной по структуре идиомы.

«*Bark up the wrong tree*» значит «совершить ошибку» в самых разных смыслах: «идти по ложному следу», «спрашивать или обвинять не того человека». Идиома произошла из ситуации на охоте, когда собаки, преследуя дичь, могут залаять не на то дерево, где прячется животное, тем самым ошибаясь в направлении поиска.

Существует еще одна очень интересная идиома «*at the drop of a hat*». Буквально эта фраза означает «как только будет брошена шляпа». На Диком Западе брошенная шляпа служила сигналом к началу поединка. Сегодня это идиоматическое выражение приобрела более широкий смысл и означает «без промедления», «тотчас» или указывает на беспричинность действия: «из-за любого пустяка».

«*Carry the torch*» буквально эта идиома означает «нести факел», однако её «переносный смысл более романтичен: он указывает на сильное безответное чувство. Человек, удостоившийся такой пламенной любви, обычно стоит после предлога *for*» [Литвинов, 2005, с. 46].

Сравнение английских и русских идиом демонстрирует значительное их сходство, что содействует сближению и улучшению взаимопонимания между народами. Многие устойчивые выражения легко переводятся на русский язык, в то время как другие требуют дополнительного разъяснения.

Сравнение идиом различных культур демонстрирует значительное сходство между ними, что, в свою очередь, содействует лучшему взаимопониманию и сближению народов. Многие устойчивые выражения можно легко перевести на русский язык, в то время как другие требуют дополнительного пояснения. Кроме того, в английском языке существуют идиомы, которые при переводе на русский звучат иначе, однако их смысл сохраняется [Платонова, 2004, с. 28].

Список литературы

Артемова А.Ф. Идиомы английского языка : сб. упражнений / А.Ф. Артемова, О.А. Леонович. – М.: Высшая школа, 2004. – 199 с.

Винарева Л.А. Английские идиомы. English Idioms / Л.А. Винарева, В.В. Янсон. – М.: Славянский дом книги, 2005. – 381 с.

Литвинов П.П. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: изд-во «ВАКО», 2005. – 446 с.

Платонова И.Б. Английские идиомы. English Idioms / И.Б. Платонова, О.П. Разумова, И.Е. Василевская. – М.: Новое знание, 2004. – 126 с.

Уитфорд Г.К. Американские идиомы. Англо-Русский лексико-фразеологический словарь. – М.: Ээст, 2019. – 191 с.

ABOUT SOME FEATURES OF TRANSLATION OF ENGLISH IDIOMS

Khabarova Olga Nikolaevna
Master's student at the Department of Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages
Pedagogical Institute of National Research University «BelSU»,
scientific supervisor: Zimovets Natalya Viktorovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages
Pedagogical Institute National Research University «BelSU», Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the concept of «idiom», presents its general characteristics and origin. Groups of English idioms are identified depending on their translation into Russian. A lexical-semantic analysis of idioms by the identified groups is presented.

Key words: English idiom, Russian analogue, lexical meaning, translation.

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР ТЕКСТОВОЙ МОДЕЛИ-РЕКОНСТРУКЦИИ «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА В. СКОТТА «АЙВЕНГО» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Шеметова Елизавета Александровна,
методист, старший преподаватель
кафедры социально-культурной
деятельности и туризма
Белгородского государственного института
искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье выстраивается информативная текстовая модель-реконструкция «Средневековье». Определяются базовые и второстепенные лингвоконструкты в текстовой модели-реконструкции. Устанавливаются тенденции кросскультурного трансфера в соответствии со шкалой адаптации англоязычного произведения к восприятию русскоязычным читателем.

Ключевые слова: исторический роман, моделирование, модель-реконструкция, кросскультурный трансфер, лингвоконструкты, шкала адаптации.

В современной теории текста одним из малоизученный вопросов предстает проблематика интерпретации текстовых моделей-реконструкций, рассматриваемых в виде «текстовой проекции исторических событий и явлений» [Огнева, 2017, с. 44]. Необходимость детального изучения текстовый моделей-

реконструкций обусловлена значимостью определения аттрактивных компонентов данных моделей и востребованностью в установлении степени соответствия текстовых проекций реальным событиям исторического прошлого в контексте «текстовых миров» [Кушнерук, 2017, с. 269].

Текстовые модели-реконструкции могут быть выстроены на основе «информационно-кодовой модели» [Карасик, 2022, с. 32], обобщающей компоненты информативности художественного произведения. Кодовая модель синтезирует лексико-синтаксические параметры текста, в то время как модель-реконструкция синтезирует тематически обусловленные сегменты сюжетно-тематической рамки произведения.

Следовательно, в определенных точках эти модели будут пересекаться. Более того, параметры пересечений будут зависеть от типов моделей-реконструкций.

Как известно, в исторической текстовой архитектонике существует «сразу несколько типов моделей» [Даниленко, 2023, с. 46]. Проведенные исследования выявили тот факт, что модели-реконструкции подразделяются на два типа: «когнитивные текстовые социомодели и когнитивные текстовые социокультурные модели» [Огнева, 2017, с. 44]. Когнитивные текстовые социомодели представляют собой текстовые проекции параметров исторических социумов, в то время как текстовые социокультурные модели предстают в виде проекций сопряжения социума и его культуры.

В качестве базовых аттрактивных компонентов моделей-реконструкций проявляются проксемы, темпоральные маркеры, лингвокультуремы. В качестве второстепенных аттрактивных компонентов моделей-реконструкций предстают глюттонимы, колоративы, эмотивы. Так, например, особую роль в моделях-реконструкциях играет «символьное значение цвета» [Popova 2020, с. 238] и перечень глюттонимов, характеризующих быт.

В данной статье рассматривается модель-реконструкция «Средневековье», построенная в процессе интерпретации исторического романа В. Скотта «Айвенго», опубликованного в 1819 году. Этот рыцарский роман описывает времена короля Ричарда Львиное Сердце. Писатель воспроизводит исторические картины Англии в тот период, когда король Ричард вернулся из Крестового похода в страну, охваченную смутой.

Выстраиваемая модель относится к социокультурному типу моделей. Аттрактивными компонентами модели-реконструкции «Средневековье» предстают проксемы, номинирующие замки Англии и территорию Англии, темпоральные маркеры, среди которых значимое количество лексических таймеров, а также лингвокультуремы, номинирующие средневековый быт. Построение модели-реконструкции «Средневековье» создает условия для выявления параметров кросскультурного трансфера как одного из типов переводческого трансфера, под которым понимается «преобразование текстовой модели оригинала, состоящей из n-числа компонентов и номинантов, в текстовую модель перевода» [Огнева, 2021, с. 90]. Кросскультурный трансфер может быть сопряжен с «современной лингвистической антропоориентированной коммуникативной моделью перевода» [Жирова, 2020,

с. 87], под которой вырисовывается модель с антропоцентрическим ядром. Однако трансфер модели-реконструкции и антропоориентированная коммуникативная модель перевода отличаются по набору компонентов и по траекториям перевода.

Кросскультурный трансфер модели-реконструкции нацелен на перенос комплексной модели, в которой проксемы, темпоральные маркеры и лингвокультуремы создают синергичную тематическую сферу, где указанные аттракторы могут быть разноудалены или равноудалены от ядерного элемента, обусловленного тематически, в то время как в антропоориентированной коммуникативной модели перевода ядром предстает тот или иной герой произведения.

Следовательно, построение двух указанных типов моделей перевода, кросскультурного трансфера и антропоориентированной коммуникативной модели перевода, может быть интерпретировано в качестве двух «коммуникативно-когнитивных технологий в процессе перевода» [Седых, 2019, с. 122].

В выстраиваемой модели-реконструкции «Средневековье» одним из базовых проксемных аттракторов предстает аттрактор *Castle/Замок*, состоящий из различных номинантов с ядром *Замок,* которое образует 188 номинантов. Далее приведены примеры перевода номинантов с указанным ядром в процессе трансфера модели-реконструкции.

Пример (1). «At court, and ***in the castles of the great nobles***, where the pomp and state of a court was emulated» [Scott] / «При дворе и ***в замках знатнейших вельмож***, старавшихся ввести у себя великолепие придворного обихода» [Скотт, 1985, с. 27]. В рассматриваемом примере номинант с ядром *замок* переведен на русский язык симметрично в плане содержания и выражения.

Пример (2). «Upon the halls and bowers of ***an ancient feudal castle***» [Scott, http] / «в ***старинных*** покоях ***феодальных замков***» [Скотт, 1985, с. 37].

Рассматриваемый номинант «***an ancient feudal castle***» / «старинный феодальный замок» переведен гипонимом в процессе конкретизации, т.к. в русскоязычном варианте указываются *старинные покои* в феодальных замках, то есть в процессе перевода информативный пространственно-лингвокультурный фокус смещен с общего пространства замка на конкретные локации посредством центростремительного пространственного вектора и одновременно применение трансформации грамматической категории числа от единственного к множественному вместо одного замка в оригинальном номинанте в переводном речь идет о многих замках, что говорит о центробежном пространственном векторе.

Сопряжение центростремительного и центробежного пространственных векторов приводит к асимметрии при передаче пространственного параметра рассматриваемого номинанта. Более того, древность замка перекодирована черед древность покоев замка, то есть кросскультурный трансфер осуществлен посредством лексико-семантических трансформаций, что привело к асимметрии лингвокультурного аспекта номинанта оригинала при переводе.

Пример (3). «***a castle in this forest*** called Torquilstone» [Scott] / «***в один из замков в этом лесу***, под названием Торкилстон» [Скотт, 1985, с. 197]. В отличие

от второго перекодировки номинанта во втором примере в третьем примере информативный пространственно-лингвокультурный фокус транскодирован частично. В оригинальном номинанте речь идет об одном замке, то есть об определенном ограниченном культурно-маркированном пространстве, в то время как в результате трансформации категории числа от единственного к множественному при переводе на смену определенному пространству замка приходит точка в пространстве нескольких замков, тем самым, упомянутый в оригинальном номинанте замок становится одним из нескольких замок в результате центробежного проксемного вектора.

Рассмотрение данных контекстов показало тенденцию трансформации компонентов «проксемной сравнительно-сопоставительной модели» [Тугуз, 2024, с. 672].

Наряду с проксемным сегментом значимой составляющей модели-реконструкции «Средневековье» предстают лингвокультуремы.

Пример (4). «The situation of the inferior gentry, or ***franklins***, as they were called» [Scott] / «Чрезвычайно непрочным стало в ту пору положение мелкопоместных дворян, или, как их тогда называли, ***франклинов***» [Скотт, 1985, с. 26]. В рассматриваемом контексте лингвокультуремы *franklins* переведена посредством транслитерации, пояснение к лингвокультуреме переведено симметрично как *мелкопоместные дворяне.* Асимметрия прослеживается только в темпоральном аспекте, который появляется в переводном варианте в результате вставки – исторически темпорально-маркированного словосочетания *в ту пору.*

Пример (5). «To each of these chairs was added a ***footstool, curiously carved and inlaid with ivory***» [Scott] / «К каждому из этих кресел была подставлена ***скамеечка для ног, украшенная резьбой и узором из слоновой кости***» [Скотт, 1985, с. 46].

В рассматриваемом контексте выявлена лингвокультурема *a footstool,* маркирующая реалию средневекового быта в замке. Адаптация осуществлена посредством лексико-семантического преобразования, обусловленного языком перевода.

Наряду с проксемами и лингвокультуремами к базовым сегментам модели-реконструкции относится темпоральный аспект. Выше был приведен пример вставки темпоральной единицы в переведенный номинант. В следующем контексте представлены темпоральные маркеры.

Пример (6) «***The sun was setting*** upon one of ***the rich grassy glades of that forest***» [Scott, http] / «***Солнце садилось*** за одной из ***покрытых густой травою просек леса***» [Скотт, 1985, с. 28]. В рассматриваемом контексте выявлен лексический таймер, обозначающий точку на темпоральной оси, то есть словосочетание *The sun was setting / солнце садилось.* Этот лексический таймер относится к циклическим таймерам по содержанию и к односоставным по структуре. Второй лексический таймер *the rich grassy glades of that forest / покрытые густой травою просеки леса* выражен словосочетанием, относящимся к циклическим таймерам, поскольку обозначает время года, а именно завершение весны и начало лета. В структуре словосочетания выявлена вставка

покрытые, уточняющая описание травы как темпорального маркера. Именно эта вставка конкретизирует тот факт, что описывается период завершения весны и начала лета, поскольку в более поздний период трава будет истоптана.

Следовательно, базовые сегменты рассматриваемой модели-реконструкции «Средневековье» различны по структуре, что оказывается воздействие на степень кросскультурного трансфера модели средствами русского языка.

Список литературы

Даниленко И.А. Сравнительно-сопоставительные темпоральные модели текста / И.А. Даниленко, А.В. Марков // Лингвистические горизонты: Международный сборник научных трудов. – Белгород, 2023. – С. 44-49.

Жирова И.Г. Лингвистическая коммуникативная модель перевода как акт двуязычной коммуникации / И.Г. Жирова, С. Сунь // Лингвистическое наследие Л. В. Щербы в свете современной науки о языке. Сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. в рамках V Международного фестиваля науки. – Москва, 2020. – С. 87-90.

Карасик В.И. Моделирование функций языка // Язык и культура. – 2022. – № 58. – С. 29-42.

Кушнерук С.Л. От теории текстовых миров к теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования: кристаллизация исследовательского направления // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 30. – С. 269-272.

Огнева Е.А. Лингвокультуремы в текстовой модели-реконструкции народного быта ходов (на материале романа А. Ирасека «Псоглавцы» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2017. – Т. 3. – № 3. – С. 41-52.

Огнева Е.А. Транскультурное моделирование как переводческий трансфер текстового коммуникативного формата знания // Лексикография и коммуникация – 2021. Сб. мат-лов VII Междунар. науч. конф. Отв. ред. А.П. Седых. – Белгород, 2021. – С. 89-94.

Седых А.П. Реализация коммуникативно-когнитивных технологий в процессе перевода / А.П. Седых, Н.В. Седых, Л.М. Бузинова // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: проблемы и перспективы реализации в современной цифровой среде. Сб. материалов V Междунар. науч.-практической конференции. – Волгоград, Перемена, 2019. – С. 121-123.

Скотт В. Айвенго: Роман / Пер. с англ. Е. Бекетовой., Вступ. статья и примеч. А. Ингера., худож. А. Лурье. – М.: Худож. лит., 1985. – 432 с.

Тугуз Т.Р. Спейснемы в проксемной сравнительно-сопоставительной модели фонового терминала когнитивных сцен в романах Г. Джеймса «Крылья голубки» и «Бостонцы» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2024. – Т. 43. – № 4. С. – 570-580.

Popova L.G. Symbolism of green color reprentation in English and German Journalistic texts / L.G. Popova, E.V. Biryukova, T.S. Nifanova, A.A. Boyarkina, A.E. Guseva // Applied Linguistics Research Journal. – 2020. – Т. 4. – № 9. – С. 237-243.

Scott W. Ivanhoe // The project Gutenberg EBook : site. – URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/82/pg82-images.html (дата обращения: 15.03.2025).

CROSS-CULTURAL TRANSFER OF THE TEXT MODEL-RECOSTRUCTION NAMED AFTER «MIDDLE AGES» IN THE TRANSLATION OF W. SCOTT'S «IVANHOE» INTO RUSSIAN

Shemetova Elizaveta Alexandrovna,
Methodist, Senior Lecturer of the Department of Socio-Cultural Activities and Tourism, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Abstract. The article presents an informative text model-reconstruction named after «Middle Ages». The basic and minor linguistic structures in the text model-reconstruction are determined. The tendencies of cross-cultural transfer are established in accordance with the adaptation scale of an English text to the perception of a Russian-speaking reader.

Key words: historical novel, modeling, model-reconstruction, cross-cultural transfer, linguistic structures, adaptation scale.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ЖАНРЫ

Шеншина Марина Алексеевна,
студентка факультета иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия,
научный руководитель: Прокопенко Юлия Александровна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается перевод в современном мире с учетом новых требований и появлению новых жанров на платформах социальных сетей. Изучаются ключевые особенности перевода в данном контексте, включая новые жанры, требования к качеству и технологическим достижениям.

Ключевые слова: социальные сети, перевод, жанры, тренды, контекст.

В настоящее время социальные сети являются одним из ключевых аспектов в жизни человека. Мессенджеры предоставляют платформу для коммуникации с людьми по всему миру, являются площадкой для творчества, реализации и интеграции проектов. Вместе с тем, с активными изменениями и новшествами ведения социальной жизни, требуется модернизация традиционных моделей перевода и их развитие связанных с появлением новых требований и жанров. В данной статье рассматриваются основные особенности и новые виды перевода в эпоху социальных сетей.

По мнению профессора Е. Д. Патаракина: «Социальные сети – это платформы, на базе которых участники могут устанавливать отношения друг с другом» [Патаракин, 2013]. Такие социальные сети, как VK, Telegram, Одноклассники и другие, стали основными платформами для коммуникации, развлечений, получения информации, распространения брендов и контента. В результате этого, перевод в социальных сетях является ключевым аспектом для взаимодействия между брендами и людьми, общением друг с другом для эффективного взаимодействия с аудиторией не только региональном, но и международном уровне.

Традиционная модель перевода текстов, которая ориентируется на формализацию стиля и объем текста в настоящее время становятся не актуальной и неэффективной. В эпоху социальных сетей к качеству перевода появляются новые требования, связанные с особенностями общения на интернет-платформах. Особое внимание уделяется грамматике и орфографии, большое количество ошибок в переводе негативно влияет на пользователей интернет-сетей, имидж брендов и компаний. Необходимо внимательно и корректно выбирать и подбирать слова и выражения, для того чтобы не избежать потери смысла и неточностей [Алексеева, 2021] Перевод текстов должен соответствовать оригиналу его стилю, тону эмоционально-экспрессивной окраске. Так же необходимо учитывать культурные особенности аудитории, с которой взаимодействует компания или же при виртуальном общении, чтобы быть корректно релевантным и понятным. Скорость перевода и быстрая ответная реакция так же является одним их новых ключевых требований перевода.

Новые жанры контента в социальном мире требуют усовершенствования навыков и знаний у переводчиков. Особой популярностью пользуются мемы. Их правильный перевод зависит не только от знаний языка, но и понимания менталитета, юмора, культурных особенностей, визуального контента. Необходимо создавать мем, не только переводя текст, но и не теряя эквивалентность оригинала, что иногда создает трудности и в правильности восприятия контента аудиторией.

При переводе рекламной продукции на социальных платформах требуется знание маркетинговой специфики, креативность переводчика. Он должен предоставить смысл рекламы аудитории не теряя смысл, привлекательность, избегать смысловых ошибок и неточностей.

Корректный перевод видеороликов подразумевает не только синхронизации субтитров соответственно с движениями губ говорящего. Переводчику необходимо учитывать особенности культуры и общения переводимого сообщения, чтобы избежать возникновения конфликтных ситуаций, оскорблений.

В настоящее время особой популярностью пользуются стримы – прямые трансляции. Их перевод требует высокой и быстрой ответной реакции, свободного понимания сленга и импровизации. Переводчик должен уметь быстро реагировать и переводить речь, чтобы правильно апеллировать информацией. Все это способствует корректному и правильному восприятию полученной информации целевой аудиторией.

Пользователи социальных сетей для экономии времени свои статусы, подписи к фотографиям и постам излагают в сжатой форме. Каждый написанный символ имеет свое определенное значение, поэтому следует точно и лаконично передать смысл. Нужно следить за всеми изменениями в написании и общении аудитории, чтобы избежать искажений и недоразумений. Активное пользование хештегами требует постоянного анализа и мониторинга со стороны переводчика, чтобы не упускать «тренды» ведения и подписи контента пользователей социальных сетей. Так же иногда следует создавать и понимать смысл новых, уникальных хештегов, которые будут запоминаться аудиторией [Рязанцева, 2020].

Так же, внимание уделяется пользовательскому контенту. Отзывы, комментарии, форумы, где ведется обсуждение проблем, товаров и брендов, отличаются языковым стилем, сленгом, грамматическими и лексическими ошибками, что требует внимательности и адаптации к изменениям и пониманию контекста.

Роль переводчика в современных реалиях требует не только знаний, но и умения быстро анализировать, «подстраиваться» под тенденции общения в социальном мире. Для улучшения качества переводимого текста, они создают и используют различные инструменты, платформы, технологии и базы данных. Для анализа и отслеживания трендового контента, правильности перевода и целевой аудитории используются такие инструменты, как «Brandwatch», «Sprout Social» и многие другие.

CAT tools-система автоматизированного перевода, систематизирует все полученные данные и переводы, помогает с управлением и корректным использованием терминов, повышает эффективность работы переводчика.

Для быстрого перевода большого количества информации переводчики используют в работе помощь машинного перевода, например, Google Translate и многие другие. Однако, необходимо в последующем редактировать и корректировать работу с учетом стиля, аудитории на который распространяется контент [Machine Translation Market Size]. Коммуникацию между заказчиками, редакторами и переводчиками облегчают такие интерактивные платформы, как «Slack», «Trello» и другие.

Таким образом, эпоха социальных сетей, создала новые особенности и жанры в переводческой деятельности. Переводчик должен владеть не только лингвистическими знаниями, но и должен уметь быстро адаптироваться к сменам трендов, контента, современным технологиям. Постоянно анализировать, и знакомится с возникающими тенденциями, уметь быстро реагировать на возникающие вопросы и проблемы, уметь работать с целевой аудиторией, поддерживать ее интерес, избегать неточностей и учитывать особенности менталитета. При работе всех этих механизмов, переводчик сможет выполнять свою главную функцию – обеспечивать коммуникацию, взаимопонимание между людьми, говорящих на разных языках, а также устранению возможных конфликтов.

Список литературы

Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия». – 2021 – 352 с.

Патаракин Е. Д. Педагогический дизайн социальной сети Scratch // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). – 2013. – Т.16. – № 2. – С. 505-528.

Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. – М.: ЛКИ, 2020 – С. 52-86.

Machine Translation Market Size // Global Market Insights : site. – URL: https://www.gminsights.com/industry-analysis/machine-translation-market-size (дата обращения 18.03.2025).

O'Hagan, M. The Routledge Handbook of Translation and Technology. Routledge. – 2020.– 34 p.

TRANSLATION IN THE AGE OF SOCIAL MEDIA: NEW REQUIREMENTS AND GENRES

Shenshina Marina Alekseevna,
Student of department of foreign languages
Belgorod national research university,
Belgorod, Russia,
Scientific advisor: Prokopenko Yulia Alexandrovna
PhD of Science in Sociology, Associate Professor of Foreign Languages Department,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. This article examines translation in the contemporary world, considering new demands and the emergence of new genres on social media platforms. It explores the key features of translation in this context, including new genres, quality requirements, and technological advancements.

Key words: social media, translation, genres, trends, context.

ТРУДНОСТИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА: СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕРКОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ

Юдина Ксения Владимировна,
студент кафедры английского языка
факультета лингвистики и перевода
ФГБОУ ВО «ЧелГУ», г. Челябинск, Россия,
научный руководитель: Олизько Наталья Сергеевна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой английского языка
ФГБОУ ВО «ЧелГУ», г. Челябинск, Россия

Аннотация. Данная работа посвящена особенностям передачи интертекстуальных включений с учетом ограничений и современных стандартов аудиовизуального перевода. При анализе практического материала учитываются такие факторы, как преинформационн ый запас реципиента, технологические стандарты и авторское право на варианты перевода прототекста, а также влияние данных факторов на возможные смысловые потери при аудиовизуальном переводе Материалом для анализа выступает фильм С. Спилберга «Ready Player One» 2018 года и его перевод на русский язык студии «Мосфильм-Мастер». В работе также

анализируются экстралингвистические факторы, помогающие сократить смысловые потери при переводе интертекстуализмов.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, интертекстуальность, интертекстуальные включения, смысловые потери, дубляж.

Данная работа посвящена особенностям передачи интертекстуализмов с учетом ограничений и современных стандартов аудиовизуального перевода. В современных исследованиях реализации категории интертекстуальности в медиасфере уделяется недостаточно внимания к специфике аудиовизуального перевода, чаще всего анализ аудиовизуального перевода основывается на требованиях и особенностях художественного перевода без учета специфичных условий и факторов первого. Материалом для анализа послужил фильм С. Спилберга «Ready Player One» 2018 года и его перевод на русский язык студии «Мосфильм-Мастер». Время звучания – 140 минут. К методам исследования относится описательно-аналитический метод, включающий контекстуальный анализ и лингвостилистический анализ, а также переводческий анализ.

В современной лингвистике понятие «интертекстуальность» имеет множество формулировок, которые восходят к утверждению Юлии Кристевой: «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [Кристева, 2004, с. 166]. В работе М.М. Бахтина, посвященной проблемам речевых жанров, указывается на то, что любое высказывание, независимо от его объема, тематики или формы проявления, модифицируется в зависимости от говорящего и является прежде всего ответной реакцией на другие (прошлые) высказывания данной сферы речевого общения: «Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [Бахтин, 1979, с. 193].

Говоря об интертекстуальных включениях, мы опираемся на классификацию Г.Г. Слышкина, который выделяет такие виды включений, как упоминания, прямые цитаты, квазицитаты, аллюзии и продолжения [Слышкин, 2000, с. 36].

Объектом аудиовизуального перевода выступает кинодиалог: «понимаемый как вербальный компонент фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается аудиовизуальным рядом в общем дискурсе фильма, кинодиалог представляет собой квазиспонтанный разговорный текст, подвергшийся определенной стилизации в соответствии с художественным замыслом режиссера и ориентированностью на особый кинематографический код, что находит свое выражение в доминировании диалогической формы речи персонажей фильма как первичной, естественной формы общения» [Горшкова, 2014, с. 78].

Основными методами передачи интертекстуализмов являются метод адаптации (доместикации) и метод отчуждения (форенизация, резистивный метод). Первый предполагает замену интертекстуализма на функциональный эквивалент, прием добавления или нейтрализацию интертекстуального

элемента. Во втором случае интертекстуализмы передаются дословно с возможным комментарием переводчика. Следует отметить, что классификация данных методов основывалась на анализе художественного перевода, поэтому не все приемы перевода и виды трансформаций возможно реализовать в аудиовизуальном переводе.

Аудиовизуальный перевод интертекстуальных включений имеет множество ограничений. Поэтому разберемся с основными факторами, влияющими на перевод интертекстуального кинодиалога. Первый фактор универсален для всех видов перевода – переводчику важно определить уровень фоновых знаний, или преинформационного запаса реципиента, и исходя их этого проанализировать узнаваемость прототекста интертекстуализмов. Распознать данные элементы в тексте помогают такие экстралингвистические факторы, как коммуникативная ситуация, музыкальные вставки, визуальные образы, интонация и жестикуляция персонажей.

Ко второму фактору относятся специфичные для аудиовизуального перевода технологические ограничения и стандарты. Так, полная экспликация какой-либо аллюзии невозможна из-за особенности укладки текста перевода под субтитры, дубляж и закадровое озвучивание. В случае с субтитрами существуют строгие ограничения в количестве строк и знаков, установленные международным стандартом скорости чтения и отображения текста на экране, а также привязка смены субтитров к смене планов в кадре. Перевод под полный дубляж-липсинг предполагает соблюдение требований изохронии и синхронности движения губ. Закадровое озвучивание хоть и считается «щадящим» в сравнении с предыдущим видом перевода, так же предполагает необходимость уместить текст перевода с максимальным разрешенным расхождением с исходной звуковой дорожкой в одну секунду.

Третий фактор особенно важен при переводе цитат. С юридической точки зрения, любое использование уже существующего перевода определенной цитаты в аудиовизуальном произведении цитированием как таковым считаться не может, так как ни в одном из видов аудиовизуального перевода нет технической возможности указать первоисточник. Теоретически, перевод можно использовать с разрешения правообладателя, но в большинстве случаев приводится собственный перевод. В зависимости от степени расхождения вариантов перевода реципиент либо не сможет должным образом распознать интертекстуальный индекс, либо негативно оценит перевод произведения.

Перейдем к анализу примеров. Для начала стоит отметить, что фильм С. Спилберга «Ready Player One» ориентирован на массового зрителя. Вселенная и лор фильма разворачивается вокруг отсылок к американской поп культуре 1980-х и 90-х годов, что уже предполагает трудность восприятия зрителя из другой культуры. Тем не менее большинство упоминаний входят в когнитивную базу отечественных реципиентов и не требуют сложных манипуляций для их адаптации. Например, песня «Take on Me» группы A-ha была популярна среди советской молодежи, а «Video Killed the Radio Star» группы the Buggles обрело популярность за пределами Америки через пару десятков лет благодаря

социальной сети ТикТок. В случае с фильмами, отечественному зрителю будут известны лишь те, что были переведены, распространялись на DVD или в интернете и стали частью поп культуры уже в 2000-х, например «The Shining», «Aliens», «The Breakfast Club». В дубляже были приведены их официальные переводы названия. В следующем примере главному герою указывают на его «Something About Mary hairdo», что было переведено как «причесон как в фильме ««Все без ума от Мэри»». Сам фильм не популярен в России, но в переводе важно донести смысл интертекстуализма, а в этом помогает видеоряд, где показан образ самого героя.

Аллюзии переданы с помощью резистивного метода: Batman – бэтмен, Clark Kent glasses – очки Кларка Кента (героя комиксов – Супермена). В большинстве случае корректному восприятию помогает видеоряд. Хорошим примером адаптации является нейтрализация аллюзии в реплике «You were the Rosebud» – «Это вы главный в этой истории». Rosebud – название детских саней гражданина Кейна из одноименного фильма 1941 года, данная вещь обладала особым символизмом. Очевидно, что сохранить данный элемент интертекстуальности не представлялось возможным ввиду сильного расхождения фоновых знаний реципиентов. Одним из немногих примеров, где при переводе аллюзии был использован метод отчуждений с возможной потерей смысла для реципиента является реплика героя: «Why can't we go backwards, for once? Backwards, really fast. Fast as we can. Really put the pedal to the metal, you know? Bill and Ted did it». В официальном дубляже она звучит так: «Почему нельзя двигаться назад, в кои-то веки? Двигаться обратно очень быстро, насколько это возможно. Выжать педаль в пол – и назад. Билл и Тед так и сделали». Билл и Тед – главные герои одноименной американской комедии 1989 года в жанре научной фантастики про путешествия во времени. Фильм был переведен на русский язык, однако он недостаточно популярен в России, чтобы отечественный зритель смог распознать интертекстуальный индекс в виде имен главных героев. В данном случае видеоряд также никак не помогает переводчику в экспликации интертекстуализма.

Одна из цитат, приведенных в фильме, звучит так: «No man is a failure who has friends». Она взята из культового фильма 1946-го года «It's A Wonderful Life». В России его перевод появился в 2000-х, на сегодняшний день существует как минимум 4 варианта перевода от разных студий. Чтобы не нарушить авторские права, «Мосфильм-Мастер» использует антонимичный перевод «У богатых людей не бывает друзей», что кардинально отличается от существовавших ранее вариантов (в переводе от «Первого канала», например, цитата звучит так: «У кого есть друзья в беде не останется», у еще одной студии – «У кого есть друзья уже многого добился»). Однако таким образом цитата теряет всю прецедентность для реципиента, так как ее трудно соотнести с привычными формулировками из прототекста.

Работа с интертекстуальными произведениями требует особого внимания к наличию фоновых знаний целевой аудитории оригинала и перевода. Аудиовизуальный перевод предполагает ряд ограничений и стандартов, которые препятствуют применению полной экспликации для компенсации смысловых

потерь. Так, актуальная для художественного перевода схема резистивного метода «дословный перевод + комментарий переводчика» не выполнима в аудиовизуальном переводе. Однако для компенсации смысловых потерь переводчику могут помочь экстралингвистические факторы, особенно видеоряд, которые в данном случае выполняют функцию «комментария» для экспликации интертекстуализма.

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества : Авторский сборник. – 2-е издание. – Москва: Искусство, 1986. – 445 с.

Горшкова В. Е. Специфика кинодиалога // Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод. – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2014. – С. 40-80.

Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

Маленова Е. Д. Инструменты интертекстуальности в трансмедийном проекте и проблемы перевода (на материале британского сериала "Шерлок") // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 1(15). – С. 142-164.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000.

Chaume F. Audiovisual translation: Dubbing. – Manchester: St. Jerome, 2012. – 228 p.

CHALLENGES OF AUDIOVISUAL TRANSLATION: WAYS OF CONVEYING INTERTEXTUAL REFERENCES

Yudina Ksenia Vladimirovna,
student of the Department of English
of the Faculty of Linguistics and Translation
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia,
supervisor: Olizko Natalia Sergeyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of English Language
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. This paper focuses on the peculiarities of conveying intertextual inclusions taking into account the limitations and current standards of audiovisual translation. When analyzing practical material, such factors as the recipient's pre-information stock, technological standards and copyright on existing variants of proto-text translation are taken into account, as well as the influence of these factors on possible notional losses in audiovisual translation. The material for the analysis is S. Spielberg's 2018 film Ready Player One and its translation into Russian by Mosfilm-Master Studio. The paper also analyses extralinguistic factors that help to reduce notional losses when translating intertextualisms.

Key words: audiovisual translation, intertextuality, intertextual inclusions, notional losses, dubbing.

HISTOIRE ET SOURCES DE CRÉATION DE LA TERMINOLOGIE JURIDIQUE FRANÇAISE

Krivchikova Nelya Leonidovna,
Docteur ès lettres, maître de conférences
Université nationale de recherches d'Etat,
Belgorod, Russie,
Koteneva Inna Anatolievna,
Docteur ès lettres, maître de conférences
Université nationale de recherches d'Etat,
Belgorod, Russie

Résumé. L'article examine l'origine des termes juridiques et l'influence du latin sur la formation du vocabulaire juridique français. L'analyse montre que le latin fait toujours partie intégrante de la pratique et de la théorie juridiques, jouant un rôle dans la continuité et l'universalité du langage juridique.

Mots clés: le latin, le terme juridique, la terminologie juridique française, la source, le droit français, le droit romain.

La terminologie juridique française occupe une place particulière dans le développement des systèmes juridiques européens. Le droit français en tant que concept est apparu au XVe siècle. Sa principale source est le droit romain classique. Après la conquête de la Gaule par l'Empire romain au Ier siècle avant J.-C., le droit romain s'est progressivement répandu dans la population locale. La langue latine utilisée dans les textes juridiques est devenue un vecteur important de concepts et de normes juridiques. Par exemple, des termes fondamentaux tels que contractus (contrat), obligatio (obligation) et proprietas (propriété) ont imprégné la pratique juridique gallo-romaine.

En France, le droit romain était considéré comme faisant autorité et précieux non pas parce qu'il s'agissait du droit de l'Empire romain. Le droit romain était perçu naturellement comme un droit coutumier ou en raison des normes juridiques élevées qui lui étaient inhérentes. Le droit civil français n'a pas rompu ses liens avec le droit romain, dont il a utilisé les concepts et la terminologie juridique. L'un des principaux traits de style du droit français est le conservatisme de la langue. La grande majorité du vocabulaire juridique français provient du latin.

Les mots d'origine latine constituent la base de la langue française, qui est prédéterminée par son affinité avec les langues romanes. Mais cette affinité se manifeste dans les vocabulaires juridiques avec une force particulière pour deux raisons. Les termes latins dont sont issus les mots des vocabulaires juridiques français avaient un sens juridique à la fois en latin et en droit romain, dont le droit français est l'héritier. Ainsi, « la parenté de la terminologie française et latine est à la fois linguistique (conservation du sens juridique du terme latin dans le vocabulaire français) et juridique (influence du système juridique latin)» [Krivchikova, 2007, p. 156].

Le latin a influencé le droit français non seulement dans le domaine de la terminologie, mais aussi dans la transmission de concepts et de catégories juridiques fondamentaux. De nombreux concepts entrés dans la pensée juridique française par le

biais du latin appartenaient à l'origine à la jurisprudence romaine. Cette continuité juridique et conceptuelle n'exclut cependant pas l'évolution du sens des termes. Au fil du temps, le contenu de nombreux termes s'est adapté en fonction du contexte historique, culturel et social dans lequel le système juridique français s'est développé. Ainsi, bien que l'enveloppe lexicale des termes latins ait été préservée, leur sens a pu être considérablement transformé pour refléter la dynamique du droit français.

Un exemple de cette interaction est celui des termes juridiques français, qui sont clairement dérivés de leurs équivalents latins :

Action (f) – du latin action, qui signifie action, et dans le sens juridique, un procès ou une demande en justice.

Acte (m) – du latin actum, qui désigne un acte ou un document juridique.

Convention (f) – du latin conventio, qui signifie accord ou contrat.

Décision (f) – de decisio, qui signifie à l'origine la résolution d'un litige ou un jugement.

Justice (f), de justitia, qui signifie équité et justice.

Législation (f), de legislatio, qui signifie législation ou processus d'élaboration des lois.

Lois (f) – de lex, l'un des concepts clés du droit romain, désignant la loi.

La structure du système juridique français, qui repose en grande partie sur le droit romain, utilise encore certaines expressions latines, sans traduction, pour désigner des concepts et des procédures juridiques spécifiques : *ab intestate, ab irato, a contrario, ad hoc, damnum emergens, de commodo et incommode, de facto, de jure, de lege lata, fructus, habeas corpus, in abstracto, nemo liberalis nisi liberatus, lex rei sitae, lex societatis, mutuus dissensus, mutuum, pacta sunt servanda, res derelictae, res inter alios acta, alliis nec prodesse, nec nocere potest, res perit debitori, res perit domino, stricto sensu, superficies solo cedit, ultra vires, etc.* [Cornu, 2000]. Nombre de ces mots et expressions sont utilisés au niveau international en raison de leur facilité d'utilisation pour les spécialistes. Chacune de ces expressions porte une charge non seulement sémantique mais aussi symbolique, démontrant le lien du droit moderne avec les traditions de la jurisprudence romaine.

Ainsi, la langue juridique française, ayant hérité des termes latins, a conservé leur forme et leur sens général, tout en les adaptant aux spécificités du système juridique français. Cela montre que le droit français a fait de la tradition juridique latine non seulement une partie de sa richesse lexicale, mais un élément important de sa structure juridique. L'adaptation des concepts latins se manifeste à la fois par la modification de leur contenu en raison de l'évolution des institutions sociales et juridiques et par la présence de nouveaux contextes d'application.

À cette riche base romane s'est ajoutée la nouvelle terminologie apparue lors de la Grande Révolution française de 1789-1894. Dans son essence, cette révolution était une « guerre des mots ». Le vainqueur de la « guerre des mots » a pris la place dominante dans la politique. La langue du pouvoir est immédiatement devenue la langue de la législation. La langue du droit cesse d'appartenir au seul droit civil, qui est le droit fondamental et premier de la tradition romane. Elle devient la langue du droit libre, proclamée dans l'un des documents de l'Assemblée constituante. De nouvelles lois ont commencé à être écrites sous une forme compréhensible, le langage juridique

est devenu une partie du langage commun. Nous assistons à la transformation de la langue juridique en une langue d'usage courant. Par exemple, de nombreux termes auparavant utilisés exclusivement dans un contexte juridique ont élargi leurs frontières sémantiques. Des concepts tels que l'égalité, la liberté, la fraternité sont apparus dans des actes législatifs et sont devenus des éléments essentiels du discours politique et social quotidien. Un système lexical complexe, riche et totalement nouveau a été créé, qui, telle une lame, a coupé toute la tradition juridique antérieure. Outre l'enrichissement lexical et les innovations syntaxiques, un modèle de discours juridique a vu le jour. En peu de temps (1804 à 1810), grâce notamment à l'énergie de Napoléon lui-même, cinq codes sont créés, couvrant toutes les grandes branches du droit de l'époque. Depuis la France, la nouvelle terminologie, la syntaxe simplifiée et le modèle de discours juridique se sont répandus dans le monde entier.

Un événement important a été l'adoption de la Déclaration des droits de l'homme et du citoyen (1789), où de nouveaux concepts et de nouvelles constructions juridiques sont apparus, reflétant l'évolution du système juridique. Par exemple, les termes souveraineté nationale, citoyen, droits naturels sont devenus partie intégrante de la rhétorique juridique.

Tous les Citoyens ont le droit de constater, par eux-mêmes ou par leurs représentants, la nécessité de la contribution publique, de la consentir librement, d'en suivre l'emploi, et d'en déterminer la quotité, l'assiette, le recouvrement et la durée [DDH, art.14)

Le principe de toute Souveraineté réside essentiellement dans la Nation. Nul corps, nul individu ne peut exercer d'autorité qui n'en émane expressément [DDH, art.3).

Le langage juridique s'est enrichi de la nouvelle terminologie apparue après la Révolution, le développement économique et social de la société française a entraîné l'apparition de néologismes internationaux, c'est-à-dire de mots d'origine étrangère (anglicismes, gallicismes et germanismes) qui sont entrés dans le lexique du droit international, commercial et politique, notamment les termes : holding, leader, trast.

La simplification des structures syntaxiques du langage juridique français a facilité la compréhension des documents juridiques, ce qui a également influencé les traditions juridiques d'autres pays. Un exemple de simplification syntaxique peut être vu dans les codes civil et pénal français, qui utilisent des phrases courtes et claires pour formuler les normes :

«Tout Français jouira des droits civils» [CC, art. 8].

«Chacun a droit au respect de sa vie privée» [CC, art. 9].

«La loi pénale est d'interprétation stricte» [CP, art. 114-4].

Ainsi, l'interaction lexicale entre le français et le latin illustre l'importance culturelle et historique du droit romain, dont les principes et les instruments ont eu un impact significatif sur la formation de la pensée juridique de l'Europe occidentale dans son ensemble. La langue juridique française, tout en restant fidèle à sa base romaine, est devenue un élément indépendant et unique du système juridique national, ce qui confirme sa capacité à évoluer de manière dynamique tout en conservant une continuité historique.

Aujourd'hui, la terminologie juridique française continue d'évoluer sous l'influence de la mondialisation. Cependant, l'Académie française a fait des efforts

considérables pour préserver la terminologie juridique dans sa forme classique. En outre, de nouveaux termes liés, par exemple, aux technologies numériques (cybercriminalité) nécessitent l'adaptation de la langue aux réalités du 21e siècle.

Ainsi, la langue juridique française était une synthèse de plusieurs composantes: archaïsmes latins, vocabulaire juridique français et néologismes internationaux du temps nouveau, ce qui en faisait un instrument universel de régulation juridique tant à l'intérieur qu'à l'extérieur du pays.

Bibliography

CC. Code civile. – Paris: Litec, 2006. – 559 p.

Constitution. – Paris : Dalloz, 2002. – 392 p.

Cornu G. Vocabulaire juridique. – P.: PUF, 2000. – XVIII. – 925 p

CP. Code pénale. – Paris: Litec, 2006. – 729 p.

DDH. La déclaration des droits de l'homme et du citoyen // Élysée. Boutique officielle : site. – URL: https://www.elysee.fr/la-presidence/la-declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen (consulté le 19.032025).

Krivchikova N.L. Institucional'nye francuzskie teksty v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte: Dissertaciya ... Kandidat filologicheskih nauk. – Voronezh, 2007. – 188 c.

ИСТОРИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Кривчикова Нэля Леонидовна,
кандидат филологических наук, доцент
Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия,

Котенева Инна Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент
Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается происхождение юридических терминов и влияние латыни на формирование французской юридической лексики. Анализ показывает, что латынь по-прежнему является неотъемлемой частью юридической практики и теории, играя роль в преемственности и универсальности юридического языка.

Ключевые слова: латинский язык, юридический термин, французская юридическая терминология, источник, французское право, римское право.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ

НЕКОТОРЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»

Богачев Роман Евгеньевич,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия
Мусаелян Елена Николаевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности англосаксонской поэзии донорманнского периода на примере древнеанглийской поэмы «Беовульф». Рассматривается такой элемент англосаксонской поэзии как кеннинг. Приводятся примеры как простых двухсоставных кеннингов, так и метафорические варианты из одного сложного слова.

Ключевые слова: Беовульф, англосаксонская поэзия, древнеанглийский язык.

Рассматривая поэтические особенности и структуру текста времен англосаксонской литературы до норманнского завоевания, с точки зрения ее лексики, можно увидеть, что с одной стороны она не поражает разнообразием, однако с другой имеет достаточно интересную структуру так называемых «кеннингов». В очередной раз приведем тут цитату Дж. Толкина, которая достаточно хорошо объясняет этот момент:

«Древнеанглийский (англосаксонский) язык не слишком сложен, хоть им и пренебрегают многие из тех, кто занимается долгим периодом нашей истории, в течение которого на нем говорили и писали. Но поэтический язык и стиль древнеанглийской поэзии совсем не просты. Ее склад и правила, как и размер, отличаются от современной английской поэзии. Сохранилась она фрагментарно и благодаря случаю, и только в современную эпоху была расшифрована и истолкована, несмотря на отсутствие традиции или глоссариев: в Англии, в отличие от Исландии, древняя северная поэтическая традиция полностью прервалась и забылась. В результате многие слова и выражения встречаются редко или лишь единожды. Существует множество слов, зафиксированных только в «Беовульфе». Например, eoten «великан». Это слово, судя по другим источникам, было общеизвестно, хотя его англосаксонская форма встречается только в «Беовульфе», поскольку из всей устной и письменной традиции подобных сказаний сохранилась только эта поэма» [Толкин, 2006, с. 51].

Посмотрим на некоторые особенности изображения моря и некоторых его аспектов в поэме. С морем мы сталкиваемся уже в десятой строке:

ofer hronráde hýran scolde, gomban gyldan·þæt wæs gód cyning.	…за китовой дорогой пришлось подчиниться, и платить дань:- это был хороший король!

Hronráde в данном случае не столько «дорога китов», сколько обозначение моря через своеобразный эпитет.

Далее обратим внимание на строку 208-209:

sundwudu sóhte·secg wísade lagucræftig mon landgemyrcu.	они нашли морской лес, он повел воинов, этот искусный в море человек, к границе берега.

Тут под своеобразной метафорой «морской лес (морское дерево)» обозначен обычный корабль. Особенно интересный вариант прилагательного lagucræftig, которое в данном случае переводится как «квалифицированный в вопросах, связанных с морем»

С точки зрения определенных поэтических синонимов можно обратить внимание на такую пару как brimclifu и holmclifu. Общее корневая лексема – «утес», а оба переводятся как «морские утесы». То есть нельзя сказать, что синонимия в англосаксонской поэзии не использовалась.

Приведем тут другую цитату Толкиена:

«Другую трудность представляют собой поэтические приемы, особенно описательные сложные слова, которые чужды нашим современным литературным и языковым привычкам, но на самом деле не так уж «неестественны». Нелегко очертить их точное значение и весь диапазон смыслов, которыми они обладали для современника, а их передача ставит перед переводчиком проблему, пути разрешения которой зачастую неочевидны» [Толкин, 2006, с. 52]

В качестве иллюстрации данной цитаты приведем пример еще одного варианта:

ofer lagustraéte laédan cwómon hider ofer holmas	через морскую улицу ведущую сюда пришел через воды

«Морская улица» (lagustraéte) тут аналог той же «дороги китов» из 10 строки, по сути, еще одна метафора к лексеме «море».

Здесь уместно привести цитату Стеблин-Каменского о кеннингах:

«В поэзии скальдов самое характерное и самое основное – это, несомненно, так называемый «кеннинг». Кеннинг в широком смысле, или "простой кеннинг", т. е. двучленный заменитель существительного обычной речи выражение типа "дорога китов" (море), или "морской конь" (корабль), или "раздаватель запястий" (князь), встречается, правда, не только в поэзии скальдов. Он встречается и в древнеанглийской, и в древненижне- и верхненемецкой поэзии. Речения, аналогичные древнегерманскому кеннингу, встречаются и в поэзии кельтов, и в поэзии ряда других народов земного шара. Однако кеннинг древнеисландских скальдов – это нечто совершенно своеобразное и, несомненно, представляющее большой интерес с точки зрения исторической поэтики. Дело в том, что скальдическая стилистическая традиция охватывает не меньше полутысячелетия (а вне нашего поля зрения, вероятно, и значительно больше) и характеризует

определенную стадию в развитии поэзии, а именно переход от господства безличного фольклорного творчества к осознанному личному авторству» [Стеблин-Каменский, 1958, с. 176].

По сути, система кеннингов, как и любая стихийно возникшая система, отличается сложностью, разнообразием и внутренними противоречиями. В ней присутствуют различные тенденции, и она не обладает завершенностью и единством. Тем не менее, поскольку кеннинги отражают определенный метод поэтического творчества и отношение автора к своему произведению, можно понять принцип их внутренней структуры.

Одной из наиболее характерных особенностей является кеннинг, который называется аллегорическим кеннингом. В аллегорическом кеннинге основа представляет собой название любого существа того же класса, что и описываемое целое, а определение – это название конкретного предмета из сферы целого.

Чтобы продемонстрировать написанное, рассмотрим еще примеры:

sende ic Wylfingum ofer wæteres hrycg ealde mádmas·hé mé áþas swór.	Я послал Вильфингов через водный хребет за обещанными древнми сокровищами;

В этом случае с виду все хорошо, до тех пор, пока мы не поймем, что хребта у воды нет в принципе, это тоже метафора, относящаяся к морю. Словосочетание *wæteres hrycg* можно перевести как «*морская спина»*. Англосаксонский словарь в качестве значения слова hrycg дает следующее: *a back of a man or animal* [An Anglo-Saxon Dictionary ..., 1898, c. 564].

Однако встречаются варианты не только связанные с кеннингами и метафорами, часто можно увидеть слождные слова, представленные эпитетами:

sellice saédracan sund cunnian, swylce on næshleoðum nicras licgean ðá on undernmaél oft bewitigað sorhfulne síð on seglráde,	странный морской дракон, исследующий озеро, также на склонах мыса отдыхали морские монстры, они в середине утра часто совершают печальные вылазки на парусную дорогу,

Первым сложным прилагательным является слово *saédracan.* Значение понятно и не вызывает трудности, переводится как *морской дракон.* А вот *seglráde* имеет стандартное значение «море», хотя и переводится как «дорога парусов». Интересное значение имеет в этом контексте лексема nicras, которая переводится и как «морские монстры», так и «гиппопотамы».

Иногда особенности употребления тех, или иных лексем довольно сложно понять ввиду поэтичности самого произведения. Обратим внимание на строку 47-49:

þá gýt híe him ásetton segen gyldenne héah ofer héafod·léton holm beran· géafon on gársecg·him wæs geómor sefa	но затем они установили стандарт из золота, высоко над головой; они позволили морю нести, отдались океану, с встревоженным сердцем,

Обратим внимание на сложную лексему «gársecg», буквально это «копьевидная осока», осока – это тростник с острыми листьями, растущий во влажных, болотистых местах. Свое значение «океан» здесь получилось через растение, которое растет на берегах больших водоемов. По сути, еще одна сложная поэтическая метафора.

Все это позволяет говорить о своеобразном дуализме англосаксонской поэзии, когда с одной стороны сама по себе система языка не является богатой на инструменты, украшающие художественный текст, а с другой – позволяет поэтическим произведениям приобретать неповторимое очарование и индивидуальность.

Список литературы

Стеблин-Каменский М. И. Происхождение поэзии скальдов // Скандинавский сборник. 1958. Вып. 3. С. 175-201.

Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики, и другие статьи: перев. с англ. / Дж. Р. Р. Толкин; под ред. Кристофера Толкина. – М.: Elsewhere, 2006. – 300 с.

An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. / Ed. T.N. Toller. – Oxford: Oxford University Press, 1898.

SOME POETIC FEATURES OF THE ANGLO-SAXON POEM "BEOWULF"

Bogachev Roman
Candidate of philological sciences, associate professor of the department of foreign languages, pedagogical institute
Belgorod state national research university, Belgorod, Russia
Musaelyan Elena Nikolaevna
Candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of foreign languages, pedagogical institute
Belgorod state national research university, Belgorod, Russia

Abstract. The article examines some features of Anglo-Saxon poetry of the pre-war period using the example of the Old English poem "Beowulf". Such an element of Anglo-Saxon poetry as kenning is considered. Examples of both simple two-part kennings and metaphorical variants from one compound word are given.

Key words: Beowulf, Anglo-Saxon poetry, Old English.

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ДЕТСКОЙ АНИМАЦИИ

Вековищева Светлана Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики,
Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье показаны средства реализации вербальной агрессии, представленной в анимационном фильме «Алеша Попович и Тугарин Змей». Методом сентимент-анализа на онлайн-сервисах подтверждена негативная тональность субтитров.

Выявлены дисфемизмы, прямые и косвенные инвективы, прагмемы с отрицательной оценочностью. Выдвинута гипотеза о прагматической задаче такого контента в российской детской анимации.

Ключевые слова: интенция, языковая картина, концептуальная картина мира, тональность текста, полимодальность.

В российской анимации, ориентированной на детского зрителя, за прошедшую первую четверть XXI в. реализуется тенденция активации агрессии. Конечно, не вся детская анимационная продукция, выпускаемая в России, демонстрирует тяготение к такой прагматике, но продукция мультипликационных фильмов о трех богатырях от «Кинокомпании СТВ» и анимационной студии «Мельница» отличается от прочих долгосрочных проектов («Смешарики», «Лунтик», «Барбокины», «Фиксики» и др.) явной пропагандой насилия, в его вербальной и визуальной формах. В настоящей статье основное внимание направлено на вербальную составляющую полимодального кинотекста франшизы. Фактическим материалом избран первый фильм из 12-серийного (на нынешний момент) проекта – «Алеша Попович и Тугарин Змей» 2004 г. выпуска, сценарий к которому написали К. Бронзит, А. Боярский, И. Максимов, М. Свешников.

Основными методами исследования вербальной составляющей этого мультфильма служат интерпретативный и контекстуальный анализ. Для получения объективных результатов привлекаются также онлайн-сервисы анализа тональности текста: Tonetizer на сайте nelsenso.net и модуль автоматического определения тональности SentiFinder на сайте eurekaengine.ru. Выявленные направленной выборкой сегменты отрицательно коннотированной лексики и негативных речевых поступков далее исследованы общенаучными приемами количественного анализа, наблюдения, описания и лингвистическими методами лексикографического и дискурс-анализа.

Полный объем вербального содержания кинотекста составляет 4,5 тыс. слов или 1,7 п.л. Лексические средства разнообразны: присутствует и нейтральная (по эмоциональной окрашенности и функционально-стилистической окраске) лексика, и единицы сниженной стилистики (элементы просторечья, фамильярная лексика, вульгаризмы), и прагмемы с отрицательной оценочностью. Эти лексические ресурсы использованы главным образом для отражения персонажной речи, т.к. текст от автора (закадрового рассказчика) составляет всего 2,6% от вербального наполнения анимационного фильма.

Результаты оценки тональности субтитров сходны на использованных программных средствах. Tonetizer (nelsenso.net) и SentiFinder (eureka engine.ru) выявляют преобладание отрицательной оценочности (см. рис. 1 и 2).

Среди единиц, внесших вклад в такую оценку тональности, выделены дисфемизмы, призванные заменить «в прагматических целях естественные в том или ином контексте обозначения предмета, явления более вульгарным, грубым, фамильярным словом» [Жеребило, 2010, с. 96]. Дисфемизм понимается как концептуализация стигматизируемой реальности. Средства дисфемизации различны [Вековищева, 2022, с. 20-24], в дискурсе она проявляется посредством

лексической замены (и пр.), используется с целью усиления стигмы в конкретной коммуникативной ситуации в конкретном вербальном контексте. Этот эффект интенсификации негатива наблюдается при использовании лексем со сниженной функционально-стилистической окраской (см. табл. 1).

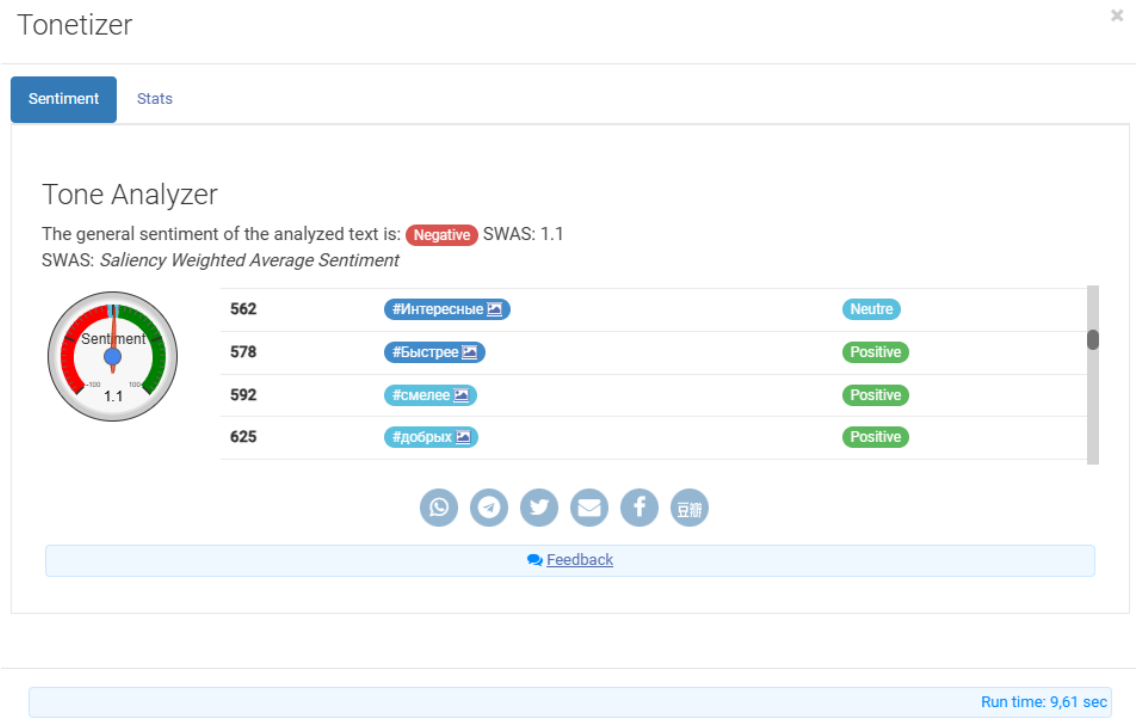

Рисунок 1 – Результат оценки тональности от Tonetizer

Рисунок 2 – Результат оценки тональности от SentiFinder

Таблица 1 – Примеры дисфемизмов как средств интенсификации негатива

Дисфемизм в кинотексте	Прагматическая задача	Прагматически нейтральная формулировка
Дурак!	Осуждение, выражение несогласия	Ты не прав. Я с тобой не согласна.
Тебе б только **пожрать**!	Недовольство концептуальной картиной мира собеседника	Как ты можешь все время только о еде думать?!
Жрать меньше надо, вот что!		Если бы ты был скромнее в еде (ел поменьше, ел не так много и пр.), то не застрял бы здесь.
Ну, **темнота**!	Обвинение в недостатке когнитивной базы	Учиться тебе надо было!
Не **дури** людям головы!	Укор, запрос на иной регистр общения, требование отказа от научного стиля изложения	Говори проще! Скажите это на нормальном (понятном, человеческом и пр.) языке! Не умничай!

Инвективы, прямые и косвенные, обнаружены в анимационном проекте в традиционном для языкознания понимании: «оскорбительная речь; гневное выступление; брань, выпад, письменное или устное обвинение» [Жеребило, 2010, с. 120]. «Прямая инвектива, как правило, не предполагает предметной контраргументации со стороны собеседника» и «чаще всего неадекватна предмету диалога» [Кажарова, 2025, с. 11]. В таком ключе использованы вербальные «удары по достоинству» оппонента в диалогах киноперсонажей. Бабка адресует Алеше, выступающему с пламенным обращением к жителям Ростова о необходимости защиты от «тугарцев», уничижительный пассаж: «*Ты если че конкретно предложить хочешь, так говори! А ежели так* ***языком чешешь****, то слазь с бочки!*» [Алеша Попович …, 2025] Это обращение не имеет непосредственной связи с содержанием речи оппонента. В ответ на предложения Юлия оставить ростовское золото себе Алеша переходит к прямой угрозе: «*Если ты сейчас не* ***заткнешься****, я отдам тебя* ***живодерам****! Они из тебя мигом колбасу сделают!*» [Алеша Попович …, 2025] С предметом диспута (о дальнейших планах) гневное запугивание, насыщенное отрицательно коннотируемой лексикой, не имеет связи. Точно так же и в других примерах. На замечание Деда: «*Жрать меньше надо, вот что!*» а – Юлий уходит от ответа и, осуществляя захват инициативы, обвиняет того недостатке воспитания и сочувствия: «*Господи, как это* ***низко****, указывать человеку не его недостатки в критической ситуации!*» [Алеша Попович …, 2025].

Косвенная инвектива – более завуалированная, используется в риторической практике как стилистическая фигура отрицания. В анализируемых субтитрах кинотекста косвенные инвективы распространяются главным образом на центрального персонажа, богатыря Алешу. В речи Бабки неоднократно используется единица непутевый: «*Вот непутевый! Алешка этот – непутевый!*» [Алеша Попович …, 2025], произносимая в отсутствие самого «обвиняемого». В финале сюжета, счастливом возвращении всех в Ростов вместе с золотом, народ встречает героев возгласом: «*Непутевый вернулся!*», за которым следует косвенная инвектива (в обращении Юлия к Алеше): «*Тебя здесь уважают!*» [Алеша Попович …, 2025]. Этот же прием использует и Любава, обвиняя богатыря в отказе жениться на ней и желании добыть «*славу богатырскую*»: «*Да ты просто боишься серьезных отношений!*» [Алеша Попович …, 2025] Косвенная инвектива во всех выявленных примерах не использует дисфемизмы и явную оценочную лексику, но реализует при этом негативную прагматику.

Прагмемы с отрицательной оценочностью как «единицы текста в коммуникативно-деятельностном апекте» противопоставлены информемам, принадлежат к прагматическому уровню и актуализируются на экспрессивно-стилистическом и функционально-стилистическом подуровнях текста. [Жеребило, 2010, с. 102, 274]. Они призваны отразить отношение адресанта к «обозначаемому объекту или адресату сообщения» [Кобозева, 2000, с. 32]. В речи Любавы раскрывается ненависть к врагам: «*А давайте подождем, когда там басурмане* ***с голоду сдохнут****!*» [Алеша Попович …, 2025], в речи попа – возмущение поведением сына и его Деда: «*Воротятся – с обоих* ***шкуру спущу****!*»

[Алеша Попович …, 2025] Некоторые единицы, нейтральные в стилистическом аспекте, приобретают экспрессию в рамках узкого контекста и переходят в разряд прагмем. Лишенная оценочности лексема библиотека в гневном отклике Деда Юлию становится отрицательно заряженной и эмоционально нагруженной единицей: «*Иди давай…**в библиотеку!***» [Алеша Попович …, 2025] В диалоге этих же оппонентов аналогичная трансформация в прагмему происходит с лексемой, которая отражает целый речевой поступок: «*Тебе б только пожрать. – А ты мне в рот не заглядывай! – А ты мне не указывай, **понял**? – А ты меня на «**понял**» не бери, **понял**?*» [Алеша Попович …, 2025]

Исключить из обзора средств вербальной агрессии информемы также невозможно. К вербальным средствам отражения негативной тональности отнесены информемы лексико-семантического поля «насилие», в изобили представленные в кинотексте: *Не слушай его, **отруби ему голову**! С голыми руками, один он будет Тугарина **бить**! Настроения и так никакого, а с такой песней и вовсе **повеситься** можно! Ты же богатырь: возьми лук, пойди в лес и **убей кого-нибудь**! Эй, ребята, **снимите-ка с него шкуру**! **Отрубить** ему **голову**! **Отрубить** им **головы**! Да на **кол их посадить**! Народ, если я не ошибаюсь вас **на кол** хотел **посадить**!*

Подведением итогов послужит диаграмма частотности средств вербальной агрессии в анимационном фильме «Алеша Попович и Тугарин Змей», представленная ниже (см. рис. 3), в которой выше описанные экспликанты агрессии подвергнуты количественному анализу в отрыве от нейтральной и положительно коннотируемой лексики.

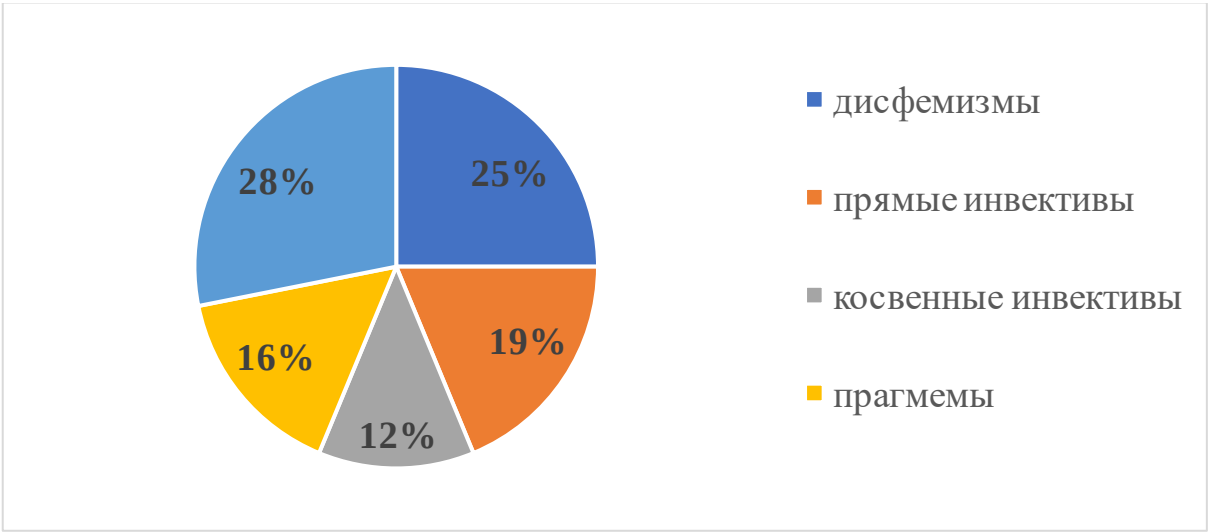

Рисунок 3 – Частотность средств вербальной агрессии

Представленные примеры достаточно эксплицитны, но во избежание обвинения в субъективности оценки следует подчеркнуть, что интерпретативный анализ в исследовании согласуется с результатами объективной качественной эмотивной оценки текста. Количественный анализ отражает в целом равномерное распределение экспликантов агрессии, что отражает целенаправленную стратегию авторов контента. Это дает основание выдвинуть гипотезу о прагматических задачах такого контента в российской

детской анимации – пропаганда насилия и манипуляция сознанием восприимчивой аудитории [Филиппова, 2023; Филиппова, 2024, с. 578], которые представлены зрителям под псевдопатриотической темой и замаскированы полимодальной формой коммуникации.

Список литературы

Алеша Попович и Тугарин Змей : сайт. – URL: https://ok.ru/video/2949138026938 (дата обращения: 15.03.2025)

Вековищева С.Н. Дисфемия в гендерлекте / С.Н. Вековищева, И.Н. Филиппова // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives : Proceedings of the 8 th International symposium, Vienna, 22 января 2022 года. – Vienna: Premier Publishing s.r.o., 2022. – С. 20-24.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

Кажарова М.А. Вербальная агрессия в политическом дискурсе (на материале испанских предвыборных телевизионных дебатов): Автореф. дис. …канд. филол. наук. – Москва: Военный университет имени князя Александра Невского, 2025. – 24 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Филиппова И.Н. Апроприация как стратегия интерсемиотического «перевода» // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2023. – № 3.

Филиппова И.Н. Интерпретационный волюнтаризм в экранизации «по мотивам» // Военно-гуманитарный альманах: Материалы XVIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, Военный университет Минобороны России, 28 июня 2024 года. – Москва: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. – С. 573-581.

SentiFinder // Eurekaengine.ru : сайт. – URL: https://eurekaengine.ru/ru/demo/ (дата обращения: 10.03.2025).

Tonetizer // Nelsenso.net : сайт. – URL: https://www.nelsenso.net/en/tonetizer.aspx (дата обращения: 10.03.2025).

VERBAL AGGRESSION IN CHILDREN'S ANIMATION

Vekovishcheva Svetlana Nikolaevna,

Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education, Moscow, Russia

Abstract. The article shows the means of implementing verbal aggression presented in the animated film "Alyosha Popovich and Tugarin the Serpent". The negative tonality of the subtitles was confirmed using the sentiment analysis method on online services. Dysphemisms, direct and indirect invectives, pragmemes with negative evaluativeness were identified. A hypothesis was put forward about the pragmatic task of such content in Russian children's animation.

Key words: intention, language picture, conceptual picture of the world, text tonality, polymodality.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ОТРАЖАЮЩИЕ КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ БЛОГОСФЕРЕ 2010-2015 ГОДОВ

Дзюбак Виктория Эдуардовна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Зимовец Наталья Викторовна,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается отражение концепта «женщина» в англоязычной блогосфере. Выявляются его составляющие на основе фреймового анализа. Исследуются стилистические приемы, используемые в женских англоязычных блогах. Намечаются отличительные черты женщин 2010-2015 годов в англоговорящих странах.

Ключевые слова: концепт, фрейм, блогосфера, блог, стилистические приемы.

Блогосфера, представляющая собой совокупность всех блогов, их авторов и читателей, на сегодняшний день развивается стремительно. Необходимо сказать, что «под блогом подразумевают веб-сайт, основное содержимое которого – добавляемые пользователем записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа» [Чечулин, 2023, с. 82].

Синонимами к слову блог выступают сетевой дневник, интернет-дневник, веб-сайт, личная страница. Публикуемые материалы доступны к комментированию, что делает сетевой дневник местом общения.

Люди заводят интернет-дневники преследуя разные цели. Для одних – это способ создать личный бренд, показать свою экспертность, получить дополнительный заработок, для других – способ самовыражения и общения.

Личные блоги в том или ином контексте отражают современную действительность и таким образом становятся интересным материалом для анализа современного языка и культурного кода той страны, которую представляет автор.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день существуют различные подходы в лингвистике к рассмотрению понятия «концепт»: лингвистический, культурологический и когнитивный. Лингвистический – акцентирует свое внимание на всем спектре значений слова вместе с коннотативным элементом. Культурологический – трактует «концепт» как основную ячейку культуры в ментальном мире человека. Когнитивный – определяет концепт как глобальную мыслительную единицу, «квант структурированного знания» [Подкопаева, 2021].

Различия в подходах к трактовке данного понятия позволяют сделать вывод о том, что помимо основного смысла он включает дополнительные культурные, личностные, национальные и другие ассоциации и оттенки, которые могут проявляться в речевом общении или в определенном контексте.

Анализ проводился согласно лингвокогнитивного подхода к изучению концепта. Лингвокогнитивисты определяют концепт как «дискретное

ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Подкопаева, 2021], т.е. концепт предстает в виде некого образования, фиксирующего на понятийном уровне знания индивидуума и его опыт взаимодействия с миром.

Таким образом, говоря о концепте имеют ввиду, не только словарную дефиницию и относящиеся к ней энциклопедические знания, но и то, как она отражается в общественном сознании определенного народа.

Одним из методов анализа концепта в лингвокогнитивном подходе является метод фреймового анализа.

Понятие «фрейм» изначально было использовано в сфере искусственного интеллекта, чтобы упорядочить базы данных. Позднее оно пришло в лингвистику и стало определяться как некая когнитивная структура, которая ассоциируется с концептом и содержит знания, информацию, относящуюся к нему.

Концепт, представленный в виде фреймов, изображают как соты или сеть с узлами, где узлы – понятия, а нити между ними – связи.

И.Ф. Баданян считает, что «фрейм не обязательно жестко привязан к лексике, однако он содержит соответствующую лексическим единицам информацию, а также экстралингвистические сведения» [Баданян, 2015, с. 209].

Согласно выдвинутой гипотезе, такие единицы, как фрейм, сценарий, скрипт и т.д. обладают более четкой структурой, по сравнению с концептом, и могут быть успешно использованы для моделирования концепта «женщина» в блогосфере.

Обращаясь к этимологическому словарю Wiktionary, было выявлено, что лексема «woman» в английском языке образована от староанглийского «wīfmann,» которое в свою очередь состоит из комбинации слов «wīf» (woman) и «mann» (man). Данный термин обозначает взрослого человека – женщину [Wiktionary].

Анализ словарей позволил выявить еще несколько трактовок слова «woman». Так Cambridge dictionary предлагает нам следующие определения:

1) an adult female human being;
2) an adult who lives and identifies as female though they may have been said to have a different sex at birth;
3) a wife or female sexual partner [Cambridge dictionary].

С целью определения фреймов концепта «женщина» были проанализированы названия 100 лучших женских блогов 2013 год, предложенные журналистом журнала «Forbes» M. Casserly [Casserly, 2013].

Необходимо отметить, что наименование личного сайта отражает его суть. Так как нами рассматриваются женские блоги, то можно сделать вывод о том, что их названия соотносимы с важными составляющими жизни женщины.

Таким образом, были выделены следующие тематики: материнство и быт, карьера, здоровье, стиль, финансы, увлечения. Это позволяет сформировать следующие фреймы: мать, домохозяйка, профессионал, личность, красивая.

Интересным представляется языковой материал, собранный для выявления фреймов. Так в названии ряда личных страниц, темой которых является карьера, используется метафора «Ladies who launch», «Ms Money», «Pioneer woman», «The juggle», «Work life fit», «The glass hammer».

Наименования ряда блогов, описывающих материнство, образованы комбинацией двух слов. Одно из них является вариацией слова «mother» (mom, mommy mamas), а второе отражает особенности блога, личности автора. Например, «Bizzie mommy», «Café mom», «Cool mom», «Deal seaking mom», «Home-based working mom», «Hybrid mom», «Mom invented», «Moms rising», «Mom finds», «Tech mamas», «Work it mom».

Следует отметить использование перифраза, например, названия женских сайтов «Escape from cubicle nation», «From the gen Y perspective». Блоги описывают женскую карьеру, и их наименование отражает уход от стереотипного женского поведения.

Было выявлено, что в предложенной выборке наибольший процент составили блоги, описывающие родительство и все то, что с ним связано – 22%, и карьеру – 28%.

Анализ представленных фреймов позволил выделить ряд стилистических приемов и языковых средств, наиболее часто встречающихся в постах, описывающих их.

Фрейм «мать» характеризуется олицетворением «everything goes out the window». В посте «Are you forgetting something?» блога Workout Mommy данный стилистический прием подчеркивает, как все дела женщины отходят на второй план, когда появляется ребенок. «I am often so entrenched in her development and her well-being that everything goes out the window».

То, как жизнь женщин переходит в режим автоматизма, часто описывается с помощью метафоры. Например, «blindly put on make up».

Раздражение от постоянных мыслей о создании лучшей жизни для ребенка подчеркивается и на грамматическом уровне использованием Present Continuous Tense в сочетании с наречием always. Например, I'm always thinking of ways to improve my daughter's experience of life.

Такой стилистический прием как градация отражает определенного рода маниакальность матерей в заботах о детях: «I want her to eat as healthy as possible. I want her to get the most out of preschool. I want her to use the best products. So, I'm always on the hunt for ways to improve her life» [Are you forgetting something?].

Также необходимо отметить, что уделить время себе часто воспринималось раньше как подлость или наглость. Это подтверждается такими встречающимися метафорическими эпитетами как «sneaky ways to start paying attention» в описании советов как не потерять себя в материнстве.

Следует обратить внимание на то, что данная тема широко освящена в женских блогах. Она раскрывается с помощью метафор «wash away any thoughts or to do lists that are filling your head», «let your thoughts melt a bit», оксюморона «Remember that. And remember yourself» [Are you forgetting something?].

Тем не менее, радость от материнства в разы превышает те трудности, с которыми сталкивается женщина. Анализ публикаций, позволил установить, что

рождение детей и воспитание описывается с помощью таких эпитетов как «proudest achievement», «greatest achievement», «challenging», «precious moments», «ultimate goal». Данный стилистический прием в этом контексте показывает родительство как большой труд, который сопряжен с прикладыванием значительных усилий и который исполняется родителем с радостью.

Фразеологизм «embrace the newborn bubble», обозначающий время, когда для матери останавливается все вокруг, и она наслаждается временем с новорожденным малышом, использованный в одном из интервью блога, показывает, что для современных женщин очень важно проводить время со своими детьми.

Фрейм профессионал, на наш взгляд, включает в себя все то, что связано с карьерой и финансами. Необходимо отметить, что денежные отношения представляются той темой, которая не освоена женщинами. Вопросы финансов отражены эпитетами «an intimidating subject», метафорами «financial Literacy is key to empowerment and success», «this event is a game-changer for businesswomen everywhere», «financial literacy is … about seizing new opportunities», «finance is the key to unlocking potential growth and expansion opportunities», «financial independence is a cornerstone of personal empowerment» [Groundsell, 2014].

Метафоры «provide a buffer against income inequality», «provide a safety net and an escape route from abusive situations» позволяют говорить о роли финансов в жизни женщины, о том, что они делают её независимой и менее уязвимой.

Фрейм «красивая» включат в себя такие темы как здоровье, спорт, уход за собой, мода. Посты, отражающие его аспекты, содержат эпитеты «fickle, crazy», описывающие погоду, при которой женщины занимаются спортом. Спортивные упражнения на свежем воздухе также ярко выражены эпитетами «hot girl walks», «committed runne» [What are you wearing to …].

Поиск уходовой косметики часто представлен метафорой «you're hunting for».

А отношение к местам занятия или спортивному инвентарю отражают такие эпитеты как «glorious», «super boring», «exiting», «I'm not a huge fan», повторы, например, «I really, really, really hate the treadmill so I avoid it at all costs» [What are you wearing to …].

В описании продуктов, снижающих вес, часто используется повтор. Например, «full-fat cottage cheese is so, so, so (SO) much better» [How to get more protein …].

Фрейм личность, на наш взгляд, формируют увлечения и интересы женщины отличные от семьи. Множество публикаций на эту тему способствовали его вычленению. Здесь нам повстречались такие эпитеты как «I absolutely love baking», «the process enjoyable», «entimental items», «satisfying», «fantastic». Они использованы для передачи удовольствия, которое получает женщина, занимаясь тем, что ей интересно.

Гипербола «If you find yourself knee-deep in sweet treats, you can always share them with your friends or neighbors» в одном из постов, описывающих приготовление выпечки как хобби, передает настроение и женский юмор.

Таким образом, исследовав англоязычную блогосферу были проанализированы женские названия блогов и их публикации. Это позволило выявить определенные сферы жизни, которые волновали женщин в 2010-2015

годах, с которыми ассоциировались представительницы прекрасного пола. На основе этого нами были выделены фреймы, составляющие концепт «женщина». Исследование языковых средств позволило выделить стилистические приемы, характеризующие данные фреймы. Как известно, стилистически маркированные единицы в речи используется для выражения своего отношения к наиболее отозвавшимся явлениям действительности. На основе собранного материала, нами был выделены следующие отличительные характеристики женщин британской и американской культуры 2010-2015 годов: стремление занять свое место в мире бизнеса, построить карьеру, быть финансово независимой, увлечение спортом, забота о своем здоровье, чрезмерное внимание к всестороннему развитию детей, забывание собственных потребностей в угоду воспитанию ребенка, поиск баланса между ролью матери, своими интересами и карьерой.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что для большинства англоязычных женщин 2010-2015 годов важно было не только иметь семью и быть матерью, но и построить карьеру, быть независимой материально, иметь собственные интересы. Отголоски борьбы за равноправие с мужчинами нашли свое отражение в стремлении к ведению бизнеса и собственного дела, что проявилось в тенденции к жонглированию ролями матери и бизнесвумен.

Список литературы

Баданян И.Ф. Фреймовое моделирование концепта «Деловая женщина» в медийном дискурсе (на материале немецкого и русского языков) // Sochi Journal of Economy. – 2015. – № 3-1 (36). – С. 208-213.

Подкопаева О.И. Лингвокогнитивный подход к изучению концептов в отечественном языкознании // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – № 3. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK321.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

Чечулин А.В. Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации / А.В. Чечулин, В.А. Бабенко, Е.А. Степанова, В.М. Иванова // Управленческое консультирование. – 2023. – № 4. – С. 81-92.

Are you forgetting something? // Workout Mommy : site. – URL: https://www.workoutmommy.com/are-you-forgetting-something/ (дата обращения: 03.01.2025).

Cambridge dictionary : official site. – URL: https://dictionary.cambridge.org/?ysclid=m8on4f2ids959470893 (дата обращения: 10.01.2025).

Casserly M. The 100 Best Websites For Women, 2013. – URL: https://www.forbes.com/sites/meghancasserly/2013/08/20/the-100-best-websites-for-women-2013/ (дата обращения: 05.12.2024).

Groundsell J. Why Financial Literacy is Key to Empowerment and Success // Birds on the blog, 2014. – URL: https://birdsontheblog.co.uk/why-financial-literacy-is-key-to-empowerment-and-success/ (дата обращения: 05.02.2025)

How to get more protein into your diet? // Corporette, 2013. – URL: https://corporette.com/how-to-get-more-protein-into-your-diet/ (дата обращения: 04.01.2025).

What are you wearing to work out? // Corporette : site – URL: https://corporette.com/what-are-you-wearing-to-work-out/ (дата обращения: 03.01.2025).

Wiktionary, the free dictionary : official site. – URL: https://en.wiktionary.org/wiki/woman (дата обращения: 05.01.2025).

LANGUAGE MEANS REFLECTING THE CONCEPT OF «WOMAN» IN THE ENGLISH-LANGUAGE BLOGOSPHERE OF 2010-2015

Dzyubak Victoria Eduardovna,
Master's student, Department of Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages
Pedagogical Institute of Belgorod National Research University,
Academic supervisor: Zimovets Natalia Viktorovna,
Associate Professor, Department of Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages
Pedagogical Institute of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the reflection of the concept of «woman» in the English-language blogosphere. Its components are identified based on frame analysis. Stylistic devices used in women's English-language blogs are studied. Distinctive features of women of 2010-2015 in English-speaking countries are outlined.

Key words: concept, frame, blogosphere, blog, stylistic devices.

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКИ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Еренская Анна Геннадьевна,
старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка
Челябинского Государственного Университета, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается специфика языковой символизации в английском поэтическом тексте конца XIX – начала XX вв. через приму цветовых наименований. Выявляются основные цветообозначения в произведениях, как базовые и дополнительные, так и интенсификаторы световой характеристики, не называющие цвет напрямую. Подробный анализ поэтических произведений с точки зрения цветовой символики способствует более глубокому раскрытию их характерных особенностей, а также пониманию эстетических и ценностных мировоззрений поэта.

Ключевые слова: цвет, семантика цвета, базовые цвета, номинации цвета, поэзия.

В современном языкознании проблеме цветового восприятия уделяется большое внимание. В рамках исследования цветообозначений ученые выделяют ряд ключевых понятий, таких как «лингвистика цвета», «лингвоцветовая картина мира», «психосемантика цвета».

«Лингвоцветовая картина мира реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах и органично входит в лексическую систему языковой картины мира» [Гак, 2000, с. 34].

В рамках психосемантики цвет рассматривается как семантический объект. Исследование цвета переводится в область психосемантического анализа: цвет в структуре различных типов значений; семантическая структура цветового образа; исследования структуры цветовых значений в различных психологических контекстах. Методический инструментарий психосемантика цвета заимствует у экспериментальной психосемантики сознания [Яньшин, 2001].

Цвет выступает ключевым элементом в восприятии и осмыслении окружающего мира. Он представляет собой мощный инструмент коммуникации, обладающий сложной системой символов. В спортивных состязаниях цвет формы игроков указывает на их принадлежность к определенной команде. Красный сигнал светофора предписывает водителям остановиться, а зеленый разрешает пешеходам начать движение. На географических картах голубой цвет традиционно обозначает водные объекты, зеленый – лесные массивы, а коричневый – транспортные пути. Цвет также играет значительную роль в жизненных циклах живых организмов. Яркие оттенки цветов привлекают насекомых, которые опыляют растения, способствуя их размножению. Окрас некоторых животных помогает им привлечь партнеров для спаривания. Например, самец павлина демонстрирует свой яркий хвост, чтобы заинтересовать самку [Завьялова, 2011, с. 12].

Общая концепция цвета в науке до сих пор не определена. Ученые спорят относительно цветовой терминологии, количества базовых и дополнительных цветов, классификации цветового инвентаря, символики цвета и пр. Тем не менее, согласно американским ученым Б. Берлину и П. Кею, существуют определённые закономерности в организации системы цветовых названий в различных языках мира, базовый набор которых включает 11 ключевых цветов (белый, черный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый) [Basic Color Terms].

Б. Берлин и П. Кей пришли к выводу, что чем выше стадия развития языка и чем глубже культура и история народа, который говорит на нем, тем полнее и больше по численности система цветообозначений. Минимальное количество цветов в языке – два (белый и черный) [Basic Color Terms].

Цвет играет ключевую роль в формировании зрительного восприятия окружающего мира. Разнообразие оттенков находит широкое применение в различных областях искусства – от живописи до театра и кинематографа, а также в дизайне, рекламе, музыке/цветомузыке (в качестве сопровождения).

Явление цветосимволизма также активно используется писателями и поэтами. В языке поэзии отражается время и эпоха, этика и ценностные ориентиры, личное мировоззрение и взгляд на мир в целом.

Поэзия призвана формировать в человеке эстетическое восприятие, развивать способность к ассоциативному мышлению. Английская поэзия обладает глубинным смыслом и подтекстом, полутонами и коннотациями, в ней встречается смешение жанров, интертекстуальность, аллюзии, аллитерация, образные метафоры и сравнения, языковая игра и целая палитра других стилистических средств. Это придает поэзии свободу и креативность, позволяет автору достигать определенный эффект и воздействовать на восприятие определенным образом.

Поэтический текст – это ритмически организованная речь. Членение в стихотворном тексте качественно отличается от членения в прозаическом тексте, который воспринимается как сплошное текстовое пространство. Ритмически организованная речь в большей степени, чем прозаическая, использует фигуры речи – анафоры, эпифоры, ретардации, стиховые переносы, параллелизмы. Каждый речевой элемент имеет семантическую нагрузку. В целом получается, что стихотворение – это сложно построенный смысл. Смысловая сложность заключается в том, что за внешним текстовым образом всегда стоит глубинный внутренний смысл. Строй поэтического текста условен, ненормативен из-за чрезмерной активности субъективного начала, и поэтому в художественном тексте выше степень концентрации смысла, чем в прозе [Художественный текст].

Данная работа является попыткой рассмотреть символику цвета в контексте поэтического произведения и выявить своеобразие авторского цветового мировосприятия. Для этого мы изучили произведения известных английских поэтов XIX-XX вв., в которых фигурируют цветообозначения. Поэзия данной эпохи отличается очень высокой степенью образности, что играет важную роль в нашей работе.

Лорд Альфред Теннисон, выдающийся английский поэт конца XIX в., известен как наиболее яркий представитель сентиментально-консервативных взглядов викторианской эпохи. Его творчество охватывает разнообразные темы, включая средневековые легенды и мифы о короле Артуре и Святом Граале. Вот как описываются видения девы о Святом Граале – волшебном сосуде, который использовался на Тайной Вечере и, согласно преданиям, обладал чудесными свойствами:

Streamed through my cell a cold and silver beam,
And down the long beam stole the Holy Grail,
Rose-red with beatings in it, as if alive,
Till all the white walls of my cell were dyed
With rosy colours leaping on the wall;
And then the music faded, and the Grail
Past, and the beam decayed, and from the walls
The rosy quiverings died into the night

(«The Holy Grail» by Lord Alfred Tennyson)
[Best Poems Encyclopedia].

В тексте описывается Святой Грааль, розово-красный от побоев, словно живой (*the Holy Grail, rose-red with beatings in it, as if alive*), прыгающие розовые отблески на стене (*rosy colours leaping on the wall),* угасающий розовый трепет (*rosy quiverings died).* Такие коннотации красного и розового цвета предполагают связь с кровью, борьбой, кровопролитием, которым сопровождались поиски Грааля. В то же время, розово-красные отблески чаши Грааля контрастируют с белыми стенами кельи монахини (*the white walls of my cell*), а также с проникающим в нее холодным серебряным лучом луны (*a cold and silver beam*) (здесь и далее наш перевод).

Стихотворение английского поэта Уолтера Джона Де Ла Мара *«Silver»,* опубликовано в сборнике детских стихов поэта. Оно повествует о чарующей

силе природы, о ночной красоте и спокойствии. Серебряный цвет (как следует уже из названия) является ключевым в описании мира вокруг:

Slowly, silently, now the moon
Walks the night in her silver shoon;
This way, and that, she peers, and sees
Silver fruit upon silver trees;
One by one the casements catch
Her beams beneath the silvery thatch;
Couched in his kennel, like a log,
With paws of silver sleeps the dog;
From their shadowy cote the white breasts peep
Of doves in a silver-feathered sleep;
A harvest mouse goes scampering by,
With silver claws and a silver eye;
And moveless fish in the water gleam,
By silver reeds in a silver stream

(Silver by Walter De La Mare) [Best Poems Encyclopedia].

Автор олицетворяет луну, наделяя ее человеческими чертами и изображая как женскую фигуру, которая ходит по ночам в своей серебряной туфельке (*walks the night in her silver shoon*), наполняя все вокруг своим волшебным серебряным светом (*silver fruit, silver trees, silvery thatch*). С появлением луны пейзаж меняется, и мир погружается в спокойствие: собака с серебряными лапами безмятежно спит в своей конуре (*with paws of silver* sleeps *the dog*), дремлют белогрудые голуби с серебряным оперением (*the white breasts peep Of doves in a silver-feathered sleep*), неподвижная рыба блестит в серебряном ручье под серебряными камышами (*moveless fish in the water gleam By silver reeds in a silver stream*). Стоит отметить, что автор неоднократно повторяет цветообозначение *silver* как минимум десять раз, подчеркивая тем самым красоту и очарование этой тихой ночной сцены, приглашая читателя разделить его восхищение.

Поэзия английского романиста начала XX в. Дэвида Герберта Лоуренса характеризуется использованием разнообразных символов, авторских метафор и аллюзий, во многом связанных с целой палитрой цветообозначений. Большинство его произведений (общей численностью около 800) относительно короткие, тем не менее совсем не легковесны. В короткой форме поэт умеет мастерски создать законченный художественный образ, описать мир вокруг себя и передать спектр чувств, используя символику цвета:

The dawn was apple-green,
The sky was green wine held up in the sun,
The moon was a golden petal between.
She opened her eyes, and green
They shone, clear like flowers undone
For the first time, now for the first time seen

(«Green» by D.H. Lawrence) [The nation's favourite poems].

Стихотворение открывается необычным для данного контекста использованием цветовых метафор: *The dawn was apple-green* (рассвет был яблочно-зеленый) и *The sky was green wine* (небо было словно молодое зеленое вино). Зелёный цвет, как правило, не ассоциируется с описанием рассвета или неба. Но, с другой стороны, в английской лингвокультуре зеленый цвет символизирует молодость, незрелость, свежесть. Тем самым в поэтических строках подчеркивается свежесть раннего утра и время пробуждения природы. Описание природы дополняет еще одна авторская метафора – между небом и восходящим рассветом виднеется луна, похожая на золотой лепесток (*The moon was a golden petal between*). Благодаря ассоциации золотого цвета с теплом и лепестка с прекрасным цветком, создается картина особого авторского видения окружающей среды – нежность рассвета и теплота свечения луны. Интересно отметить, что в следующих строках женский образ создается автором при помощи аналогичных цветовых ассоциаций – *She opened her eyes, and green They shone* (она открыла глаза, и они засияли зеленым светом). Можно предположить, что речь идет о молодой девушке, чистой как распустившийся цветок (*clear like flowers undone*), любующейся природой, в глазах которой виднеется отблеск прекрасного окружающего мира.

В своей поэзии Лоуренс зачастую использует сложные наименования цветов*: mauve red, blood-red, pale green, blue-grey, black-dotted, in the dark-blue depths, glistening red, Pluto's dark-blue blaze и многие* др., позволяющие точнее визуализировать описываемое явление или образ [The nation's favourite poems].

Подобная детализация цвета в виде двусоставных прилагательных прослеживается также у других поэтов: *white-plum'd lilies* (J. Keats), *lilac-coloured amethyst, leaf-green light, silver-feathered sleep* (W. de la Mare), *Ionian white and gold* (T.S. Eliot).

Помимо базовых и двукомпонентных номинаций цвета, в изучаемых поэтических текстах встречается лексика, обозначающая световые явления и степень выраженности света. Это обусловлено неразрывностью понятий «цвет» и «свет».

Несмотря на то, что цветонаименованя как таковые в данном случае не всегда фигурируют, ощущение цвета передается с помощью наименований света. Они характеризуют разную степень насыщенности, яркости, глубины. Подобные лексемы выражаются как прилагательными, так и их производными – существительными, глаголами, степенью прилагательных: *light, lighter, moonlight, pale, dark, darkness, vivid, bright, to brighten, deep, to deepen, dusk, dawn, bloom, glowing, flame, sun beam, sun-burnt, the colour of heaven etc.*

Между цветовыми и световыми образами не всегда удается провести четкую границу: некоторые цветовые ощущения часто выявляются в неразрывной связи со световыми [Алимпиева, 2012, с. 93]. Они являются модификаторами, или интенсификаторами, цветовой характеристики, зачастую не называя цвет напрямую.

Таким образом, для поэтического текста характерна смысловая двуплановость и многоплановость. За каждой цветовой лексемой стоит определенное значение, которое может кардинально не меняться в одном

контексте стихотворения, в силу того, оно подчинено раскрытию одного конкретного образа. Однако, значения данной лексемы могут меняться от стихотворения к стихотворению, от автора к автору.

Мы убедились, что цветообозначения в поэзии являются не только отражением времени и взглядов на мир в целом. Они также передают эмоциональное и психологическое состояние автора, его мысли и настроение, помогают раскрыть глубину авторского замысла при описании героев и происходящих событий, способствуют яркому и запоминающемуся восприятию поэтического произведения.

В целом, анализ языковых средств выражения цветовой лексики помогает раскрыть механизмы написания текста и особенности творчества поэта, и, следовательно, выйти на иной уровень понимания поэтического текста, непосредственно связанный с ценностным и эстетическим мировоззрением автора.

Список литературы

Алимпиева Р.В. Концептуализация света и цвета как способ выражения перцептивной доминаты в поэтическом тексте (На материале поэзии А. Блока и М. Волошина) / Р.В. Алимпиева, С.В. Таран // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология – № 8. – 2012. – С. 93-98.

Гак В.Г. Диалог культур в свете общей теории диалога // Россия и запад: диалог культур. Тезисы 7-ой Международной конференции в МГУ. – М.: МГУ, факультет иностр. языков, 2000. – С. 34.

Завьялова Н.А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 320 с.

Художественный текст: прозаический и стихотворный // Институт открытого образования – дистанционное образование МГУП [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-021.htm/ (дата обращения: 1.09.2024).

Яньшин П.В. Введение в психосемантику цвета. Учебное пособие. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. – 189 с.

Basic Color Terms: Their Universality and Evolution by Berlin and Kay. – URL: http://www.wonderfulcolors.org/blog/basic-color-terms-their-universality-and-evolution-by-berlin-and-kay (дата обращения: 21.04.2024).

Best Poems Encyclopedia : site. – URL: https://www.best-poems.net/ (дата обращения: 08.06.2024).

The nation’s favourite poems : site. – URL: https://archive.org/details/nationsfavourite0000unse_p9v4/page/n1/mode/2up/ (дата обращения: 21.04.2024).

PECULIARITIES OF COLOUR SYMBOLISM IN ENGLISH POETRY

Erenskaya Anna Gennadievna,
Senior lecturer, the department of theory and practice of the English language
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article deals with the linguistic symbolization of colour in the English poetry of the late XIX – early XX centuries. The author of the article reveals main colour denotations in the poetic texts, both basic and additional, as well as explores intensifiers of light characteristics, not naming the colour directly. Such a detailed study of poetic works in the aspect of colour symbolism contributes to deeper understanding their features, as well as the poet's aesthetic values and outlook.

Key words: colour, colour semantics, symbolism of colour, basic colour terms, poetry.

СЛОВЕСНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА РЕБЁНКА В БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИЯХ (ЛИНГВОСЕНСОРНЫЙ АСПЕКТ)

Марцинкевич Вера Ивановна,
аспирант кафедры белорусской и русской филологии
филологического факультета Мозырского государственного педагогического
университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь,
научный руководитель: Кураш Сергей Борисович,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления детского возраста через восприятие визуальной лексики. Определяются аспекты зрительного восприятия, анализируется их связь с другими сенсорными модальностями. Выявляется гендерная маркированность паремий на лингвосенсорном уровне.

Ключевые слова: визуальный модус, единицы визуальной лексики,—аспекты зрительного восприятия, сенсорная модальность, вербальная репрезентация, возрастная стратификация.

Визуальный модус восприятия единодушно признается важнейшим в перцептивном опыте человека. Проведенные учеными исследования убедительно показали, что зрение представляет собой наиболее важную сенсорную модальность, и «окуляроцентризм является, по сути, общечеловеческой универсалией» [Roque, 2015, с. 31].

Зрение как центральный модус восприятия привлекает наибольшее внимание в гуманитарных науках, в том числе в лингвистике. Лингвистические исследования визуального модуса восприятия ведутся в нескольких направлениях: первое связано с определением спектра визуальной лексики в целом, большинство работ второго направления посвящено рассмотрению лишь одного конкретного аспекта визуального восприятия, третье направлено на выявление метафорического потенциала лексики визуального восприятия.

В ходе анализа фактического материала были выделены единицы визуальной лексики, которые удалось объединить в четыре лексико-семантические группы (ЛСГ) с семами «количество», «возраст», «внешность», «индивидуально-психологические особенности» детей. Однако, принимая во внимание мнение исследователей, «как трудно, не подъёмно анализировать язык зрительного канала в целом» [Харченко, 2012, с. 20], в данной статье мы сосредоточимся только на вербальной репрезентации семы «внешность».

В белорусских пословицах сема «внешность» представлена описанием элементов лица и туловища детей. Закономерно, что при описании **лица** используются соматизмы *глаза, нос*: *Дзеткі маленькія, а* ***вочкі*** *як боб;* ***Кірпачка*** *мая маленькая****,*** *дарагенькая*. Размер глаз описывается сравнительной формой *як боб* в значении ‘большой’. В контексте использование антитезы, с одной стороны, иллюстрирует несоответствие возрастных характеристик и элементов портретного описания: сам ребенок маленький, но глаза большие, а с другой стороны, придает оттенок ласки и нежности по отношению к ребенку. Форма носа объясняется словарным определением слова *кірпачка* ‘курносый’ [Астрэйка, 2006, с. 223]. В соответствии с возрастной стратификацией, употребление в пословицах названных соматических компонентов можно соотнести с этапом младенчества (от рождения до 6-8 лет), что эксплицитно выражено деминутивными суфиксами существительных (*дзеткі, вочкі, кірпачка*) и прилагательных (*маленькая****,*** *дарагенькая*).

При описание **тела** отмечается значение формы и физического состояния: *Адзін сынок Юзік і той* ***як гарбузік****; Адзін, ды* ***ладны****; Байстукі заўсёды* ***гладкі****; У сваёй маткі ўсе дзеткі* ***гладкі;*** *Ад куляшу растуць дзеці* ***па целяшу***. Значение формы тела вербализуется различными языковыми средствами: сравнительным оборотом *як гарбузік* (*гарбузік – памянш. да* гарбуз (‘крупный круглый или овальный плод этого растения’ [т. 2, с. 30]); адъективной лексемой *гладкі* (*гладкі – разм*. ‘сытый, адкормленный’ [т. 2, с. 55]); сочетанием *па целяшу* (т. е. растут крепкими, сильными как *цяляш*– ‘бревно’). Анализ словарных определений позволяет сделать вывод, что на функциональном уровне значение формы и физического состояния сочетается также со значением размера (*ладны – разм.* ‘немалый, значительный, достаточно большой’ [т. 3, с. 12]). Как отмечает В.К. Харченко, «термин «форма» запредельно широк. «Всё» – форма» [Харченко, 2012, с. 31]. В нашем исследовании *ладны* – это не только ‘достаточно большой’, но и ‘изящный, стройный, красивый’ и ‘вполне удовлетворительный, хороший’ [т. 3, с. 12], ‘рослый ребенок’ [Астрэйка, 2006, с. 38]. Поэтому мы предполагаем, что лексические единицы зрительного восприятия можо объединить общим значением ‘полный, здоровый ребенок’ [Астрэйка, 2006, с. 37]. Так же выскажем предположение, что притяжательное прилагательное *свой* несет дополнительную эмоционально-чувственную нагрузку, выступая средством выражения материнской заботы по отношению к собственному ребенку (ср. *Када міла ўтарая жана, не мілы первыя дзеці*).

Противоположное значение физического состояния и формы ‘худы’ вербализуется словосочетанием с соматическим компонентом *ножкі*: *Ад поліўкі* ***ножкі тоненькі*** (*тонкі* – ‘небольшой в обхвате; не толстый, узкий в кости (о

человеке, его фигуре, частях тела' [т. 5, кн. 1, с. 497]). Отметим, что значение названий блюд выражает разные потребительские качества пищи: *кулеш* – 'жидкая мучная каша с салом' [т. 2, с. 752], *поліўка* – 'суп с какой-либо приправой (мукой, крупой, картофелем и т. п.)' [т. 4, с. 289]. Потребление блюд разной калорийности напрямую влияло на развитие физического состояния ребенка: от кулеша – толстый ребенок, от поливки – наоборот, худой, что подчеркивается антонимическим значением названий блюд.

Подытожим, что в рамках нашего исследования «прообразом формы» [Харченко, 2012, с. 30] становятся как геометрические фигуры (круг, овал), так и объекты растительного (бревно, тыква) мира. Выявленные формообозначения возникли преимущественно на основе метафоризации *як гарбузік, па целяшу,* поэтому неразрывное сочетание, а точнее, взаимопроникновение нескольких аспектов (форма + объем + размер) способствует созданию визуальных образов в контекстах.

Вербализация **роста** как одного из элементов внешнего облика ребенка осуществляется посредством употребления эмоционально-экспрессивной и оценочной лексики в контекстах. Сравним пословицы о человеке невысокого роста: *Кавалер* – ***свінні па каўнер*** 'низкий ростом'; ***Маленькая*** *сучачка заўсёды* ***шчаня; Маленькі*** *сабачка да старасці* ***шчанюк (шчаня)*** в значении 'человек небольшого роста всегда кажется моложе своих лет' [Лепешаў, 2011, с. 315]; ***Маленькі*** *сабачка да веку шчаня;* ***Маленькі*** *сабачка ў шчанятках састарэўся* 'используется для описания незрелого, неспособного человека'. В приведенных словарных определениях значение роста вербализуется заонимами *свіння, шчаня (шчанюк)* – 'детёныш собаки, а также волчицы, лисицы и т. п.' [т. 5, кн. 2, с. 416].

Обратимся к пословицам о человеке высокого роста: ***Байбусам*** *вырас, а вума не вынес.* (*байбус* –'рослый ребенок' [Астрэйка, 2006, с. 38], *байбус* – 'высокий, неуклюжий человек'). В контексте выразительность значения высокого роста ещё больше усиливается словарным определением *няўклюда* – 'тот, кто имеет неловкую осанку, лишен изящества, ловкости в движениях' [т. 3, с. 440], а несоразмерность между наличием высокого роста и развитием умственных способностей человека иллюстрирует прием контраста (*вырас, а вума не вынес*).

Обратимся к контекстам, в которых значение «высокий человек редко бывает мудрым» приобретает отрицательную оценочную окраску: ***Вырас да неба****, а дурань як трэба;* ***Вялікая фігура****, ды дура;* ***Вялікая галава****, ды пустая.* И наоборот, отмечаем положительную коннотацию в контекстах со схожим значением: ***Маленькі****, але* ***ўдаленькі, вялікі****, ды дурны*, 'умом берет тот, кому от природы отказано в силе'; *Сам* ***худ****, а галава з пуд* 'про умного человека' [Лепешаў, 2011, с. 39].

Унаследовав генетический код семьи, дети перенимают внешнее сходство своих родителей. Установлено, что языковыми средствами выражения значения «похожий на кого-либо» [Астрэйка, 2006, с. 234] в контекстах выступают сравнительный оборот (*Радзіла малайца, акурат,* ***як айца***); соматический компонент *глаза* (***Вока ў вока*** *ўдаўся: па мацеры пайшоў*); глагольные формы *выкопаный, вылитый (****Выкапаны (выліты)*** *бацька (матка)*); существительные *крошечки, точечки* (*І* ***крошачкі*** *пабраў; І*

кропачкі *сабраў*). Смысловая направленность паремии *Радзіла малайца, акурат,* ***як айца*** выражает не только внешнее сходство ребенка с отцом, но и подчеркивает, что родился именно мальчик, сын. Через внешнее сходство акцентируется внимание и на социальной значимости сына как будущего хозяина, в обязанности которого входит обеспечивать благополучие семьи: (*Адзін сын – не сын, два сыны – паўсына, а толькі* ***тры сыны*** *–* ***цэлая гаспадарка*** ‘с одобрением говорится о родителях, имеющих трёх сыновей, потому что хотя бы один из них станет отрадой для родителей’ [Лепешаў, 2011, с. 58]). В целом превосходство мужского пола над женским объяснялось также желанием иметь потомка, последователя, продолжателя рода. Для сравнения: *Як* ***сын родзіцца****, дык бацька строіцца, а як дочка – то гарыць*; *Абы* ***сына прычакаць****, а імя можна падшукаць.*

В целом представления о красоте человека отождествляются прежде всего с внешностью, на что указывает семантика прилагательного *красивый* – ‘приятный внешне, гармоничный’ [Астрэйка, 2006, с. 238]; *красивый* – ‘доставляющий удовольствие своим внешним видом, определяемый гармонией цветов, линий и форм’ [т. 4, с. 423]. В пословицах **внешняя красота** считается неотъемлемым показателем возраста молодых людей: молодой – значит, красивый, благообразный. Сравним в контекстах: о юноше – *Малайцу ўсё* ***к ліцу****; Хоць пад лаўкаю пасяджу (паляжу), а на* ***прыгожага (харошага)*** *пагляджу; Не той харош, што* ***тварам прыгож****, а той харош, што на справу гож*; о девушке – *За* ***гожаю*** *пойдзеш – ліха знойдзеш; Дзеўка,* ***як кветка;*** *Дзеўка,* ***як таполя.***

Нельзя не согласиться с мнением, что «важнейшим аспектом красоты в любой традиционной культуре является придание женщинам этноспецифических черт [Бутовская, 2004, с. 234]». Такой чертой в анализируемых контекстах является женская полнота. Сравним: ***Гожая*** *дзеўка:* ***азадак гладак****, хоць морда бы фіга* (*гожы* – ‘достойный, как и положено’ [Астрэйка, 2006, с. 412], *азадак* – ‘часть тела человека ниже спины’ [Астрэйка, 2006, с. 158], *гладкі* – ‘толстый, полный, значительный по объёму’ [Астрэйка, 2006, с. 246]); *Папоўна* ***гладка*** *як аладка*. На основании словарных определений внешняя характеристика полноты применительно к девушке отождествляется с молодостью и красотой, поэтому девичья полнота оценивается в пословицах положительно.

Некрасивая девушка отождествляется, прежде всего, с некрасивым лицом: *Хіба на* ***рабацінне*** *накінуць пасагу*. (*рабацінне* – ‘веснушки; пигментные пятна коричневого или желтого цвета, появляющиеся на лице некоторых людей весной’ [Астрэйка, 2006, с. 167]); *Гожая дзеўка: азадак гладак, хоць* ***морда бы фіга*** (*морда – груб.*‘лицо, передняя часть головы’ [Астрэйка, 2006, с. 171]. В контексте сопоставление соматических компонентов (*азадак – морда*) и их характеристик (*гладак – бы фіга*) нарушает общую гармонию образа девушки. Так, описание лица девушки, лишенного привлекательной фактуры, представлено лексическими единицами *рабацінне, морда бы фіга* которые вербализуют не только сенсорику зрительного восприятия, но и фактуру предмета, что позволяет говорить о сенсорике тактильности.

Внешняя привлекательность девушки оценивается также в сравнении с ее социальным статусом *багатая – убогая*: *багаты* – ‘о человеке, владеющем большим имуществом, деньгами’ [Астрэйка, 2006, с. 130], *убогі* – ‘о человеке, живущем в нужде, бедном’ [Астрэйка, 2006, с. 134]. Сравним в контексте: *Багатая – **рылатая**, убогая – **хандогая*** (*рылаты* – ‘с круглым, широким лицом’ [Астрэйка, 2006, с. 260], *хандогі* – ‘опрятный, чистый, аккуратный’ [Астрэйка, 2006, с. 202]). Негативно маркируется и такая деталь внешности девушки, как отсутствие косы: *Дзеўка без касы **не мае красы*** (*каса* – ‘длинные заплетенные волосы’ [Астрэйка, 2006, с. 161]). В соответствии с фольклорной традицией юность девушки воспринимается как воплощение красоты, а старость – как ее отсутствие: *На **свежую** кветку пчолка ляціць, а на **старую** й чорт не глядзіць; **Перастаялася** трава – ні сена, ні труха; **Старая** дзеўка, як дзіравы кажух, – адзін толькі дух; Як гарэлка старая, так і дзеўка маладая*.

Наличие физических недостатков не является показателем эстетически красивой внешности парня: *Ад **касавокага**, **рудога** і **кульгавага** ўцякай, куды від; Хоць **кульгавы,** хоць **насаты,** але хітры і багаты; Хоць **крывое** ды **гарбатае**, але слаўнае ды багатае*. В данных контекстах восприятие некрасивой внешности молодого человека уравновешивается обозначением его человеческих качеств: *хітры, слаўны* и (что не менее важно) уровнем материального благополучия *багаты*. Так, вербализация внешней красоты как юноши, так и девушки в равной степени представлена ЛСВ *прыгожы, гожы, харошы*. Описание красоты девушки более подробное. Отсутствие привлекательных черт лица репрезентируется лексическими единицами, вербализирующими восприятие цвета (*рабацінне* – о девушке) и восприятие фактуры объектов (*морда бы фіга, рылатая* – о девушке; *насаты* – о юноше). Текстурные характеристики *кульгавы, крывы, гарбаты* указывают на физиологические особенности туловища молодого человека. Как показавают примеры, фактура сближает зрение с осязанием. При объединении «сенсорной лексики зрительного канала восприятия» [Харченко, 2012, с. 32] с лексикой других каналов восприятия (тактильного, вкусового, обонятельного) создается образное описание внешности молодых людей с негативными оценочными коннотациями. Описание некрасивых представителей возрастной группы юности в анализируемых контекстах незначительное.

Таким образом, в белорусских пословицах лексические единицы зрительного восприятия передают отдельные элементы портретной характеристики детей (размер и форма носа, глаз, лица, форма туловища, рост). Наиболее полно представлены возрастные этапы младенчества и юности.

Список литературы

Бутовская М. Л. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции / М. Л. Бутовская. – Фрязино : «Век 2», 2004. – 368 с.

Харченко В. К. Лингвосенсорика : фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М. : Либроком, 2012. – 216 с.

Лепешаў І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1977-1984. – 5 т.

Чалавек : тэмат. слоўн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; склад. В. Дз. Астрэйка [і інш.] ; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. – Мінск : Бел. навука, 2006. – 573 с.

Vision verbs dominate in conversation across cultures, but the ranking of nonvisual verbs varies / Roque L.S., Kendrick K.H., Norcliffe E., Brown P., Defina R., Dingemanse M., Dirksmeyer T., Enfield N.J., Floyd S., Hammond J., Rossi G., Tufvesson S., van Putten S., Majid A. // Cognitive Linguistics. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. – N 26. – P. 31-60.

VERBAL REFLECTION OF A CHILD'S APPEARANCE IN BELARUSIAN PAREMIAS (LINGUOSENSORY ASPECT)

Martsynkevich Vera Ivanovna,
graduate student of the Department of Belarusian and Russian Philology of philological faculty,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
scientific advisor: Kurash Sergey Borisovich,
Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Doctor of Philological sciences, Associate Professor,
Mozyr, The Republic of Belarus

Annotation. The article attempts to conceptualize childhood through the perception of visual vocabulary. The aspects of visual perception are defined, their connection with other sensory modalities is analyzed. Gender labeling of paremias at the linguosensory level is revealed.

Key words: visual modus, visual lexical units, aspects of visual perception, sensory modality, verbal representation, age stratification.

КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЗАГОЛОВКАХ МУЛЬТФИЛЬМОВ СТРУКТУРИРУЮТ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТОК?

Подтележникова Елена Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Воронежского государственного университета,
г. Воронеж, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются закономерности обращения к прецедентным феноменам в заголовках мультфильмов на естественно-научную тему, что отражает общие тенденции в структурировании информационного потока в современной коммуникации. Высокая степень эмотивности прецедентных феноменов, их способность уплотнять салиентную информацию в заголовках мультфильмов обеспечивает эффективность воздействия текста в целом на реципиента. Повышение креативного и аттрактивного потенциала заголовка с прецедентными феноменами способствует содержательности и улучшает восприятие научной информации, раскрываемой в мультфильме. Экономия

языковых средств при использовании прецедентных феноменов в заголовках мультфильмов обеспечивает лаконичность высказывания при его значительном содержательном объеме.

Ключевые слова: культурная идентичность, вторичные номинативные средства, социализация носителей культуры, трансформация прецедентных феноменов, научная информация, термины.

Заголовок, занимая сильную позицию в тексте, трактуется Э.А. Лазаревой, А.А. Лютой и другими исследователями как витрина текста, как способ привлечь и удержать внимание читателя, воздействовать на адресата [Лазарева, 2004, с. 23; Лютая, 2008, с. 11]. Структурируя и конденсируя информационный поток, заголовок, кроме того, отражает картину мира каждого представителя культуры, а также сведения, актуальные для конкретного коллективного субъекта [Гришаева, 2014, с. 70].

Обращение к прецедентным феноменам (далее ПФ) в заголовках (и не только) многократно акцентирует апелляцию к ценностным ориентациям той или иной культуры [Ефремов, 2022, с. 67; Гришаева, 2014, с. 299], поскольку сами ПФ имеют как прямую, так и опосредованную связь с ценностными ориентациями и локализованы в ценностной картине мира [Гришаева 1998, с. 15]. Это особенно важно в процессе первичной социализации носителей культуры, поддержания, воспроизводства и формирования культурной идентичности, ориентации носителей языка в культурной среде.

Кроме того, ПФ, будучи вторичными номинативными средствами и формально представляя собой одну словоформу или сочетание слов, содержательно апеллирует к сложно организованному фрагменту внеязыковой действительности и поэтому по объему активируемых сведений приближаются к текстам [Красных, 2002, с. 42]. Тем самым, ПФ, передавая от поколения к поколению наиболее значимые культурные сведения, являются средством конденсирования информации или уплотнения информационного потока [Штонда, 2014, с. 10].

Всё это оправдывает интерес к изучению ПФ, используемых продуцентами в качестве заголовков мультфильмов на естественно-научную тему, которые не только реализуют развлекательную и воспитательную функции [Немова, 2014, с. 153], но и способствуют формированию, структурированию и переструктурированию картины мира субъектов в конкретном культурном пространстве.

Целью исследования является выявление способов структурирования и уплотнения информационного потока в процессе использования продуцентами прецедентных феноменов в заголовках мультфильмов на естественно-научную тему. В качестве **материала** выбран русскоязычный мультфильм «*Смешарики. Пин-код*», содержащий 107 серий и направленный на развитие познавательных способностей детей до четырнадцати лет. Все серии мультфильма «*Смешарики. Пин-код*» содержат научные вставки, объясняющие то или иное явление и позволяющие сообщить реципиентам – детям до четырнадцати лет –необходимую научную информацию для их социализации как субъектов культуры.

Среди общего количества заголовки с ПФ составляют 16%, из них 35% представляют собой реалии русской культуры, 47% – реалии других культур и 17% можно охарактеризовать как общеизвестные.

Приобщение юных зрителей к ценностям русской культуры происходит через апеллирование, в первую очередь, к ПФ, основанным на литературных произведениях. Так, например, заголовок мультфильма «*Спасение улетающих*» отсылает к известной фразе «*Спасение утопающих есть дело рук самих утопающих*» из романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев». Заголовок мультфильма «*Перепись – дело коллективное*» является трансформацией цитаты «*Колхоз – дело добровольное*» из романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». Источником трансформированного заголовка мультфильма «*Двигатель прогресса*» стала фраза «*Лень – двигатель прогресса*» советского поэта А. Вознесенского.

Кроме того, авторы мультфильмов при создании заголовков опираются на кинематограф («*Формула любви*» – советский фильм), фольклор («*Баю-бай*» – колыбельная), поговорки («*У медведя на уме*» – трансформация поговорки «*что у трезвого на уме, у пьяного – на языке*»).

Среди инокультурных источников прецедентности, используемых в качестве основы для заголовков отдельных серий мульфильма «*Смешарики. Пин-код*», можно выделить кинофильмы («*Рога и копыта*» – от одноименного американского фильма; «*Петя Юрского периода*» (трансформация заголовка американского фильма «*Парк Юрского периода*»); «*Плохой, хороший, Крош*» (источник прецедентности – итальянский фильм «*Хороший, плохой, злой*»), компьютерные игры («*Жажда скорости*»), литературные произведения («*Свет и тьма*» от одноименного японского романа; «*Без страха и упрёка*» (источник прецедентности – французский роман 1527 г. «*Приятнейшая, забавная и отдохновительная история, сочиненная честным слугой о событиях и поступках, успехах и подвигах доброго рыцаря без страха и упрека, славного сеньора Баярда*»).

К заголовкам мультфильмов, содержащих общеизвестные ПФ, можно отнести «*Горшочек, не вари!*» (по сказке братьев Гримм), «*Да будет свет*!» (библейское крылатое выражение).

Соглашаясь с Л.И. Гришаевой в том, что продуктивным является не только анализ источников прецедентных феноменов и их формы, но и активизируемой ими ситуации [Гришаева, 2022а, с. 306], обратимся к тому, какие сведения о ситуации в мультфильме активируются в опоре на разные её компоненты.

На первый взгляд кажется, что заголовки мультфильмов из серии «*Смешарики. Пин-код*» выполняют только аттрактивную и развлекательную функции, т.к. содержат яркие и запоминающиеся трансформированные ПФ («*Петя Юрского периода*», «*Перепись – дело коллективное*» и т.д.). Однако детальный анализ заголовков и озаглавливаемых ими мультфильмов показал, что имплицитно заголовки акцентируют внимание реципиентов на научной информации, раскрываемой далее в мультфильме.

Так, в мультфильме «*Перепись – дело коллективное*» рассматривается весь комплекс сведений о процессе сбора, обобщения и анализа данных о населении, акцентируется его обязательный или, как говорится, добровольно-принудительный характер. Мультфильм «*Спасение улетающих*» повествует о том, как герои с помощью нанотехнологий самостоятельно спасли свою ракету от катастрофы.

На актуализацию сведений об объектах ситуации, описываемых в мультфильмах, направлены заголовки «*Двигатель прогресса*» (то, что хотел изобрести Крош), «*Горшочек, не вари!*» (закон сохранения энергии иллюстрируется на примере Железной няни), «*Формула любви*» (с помощью которой Пин измеряет свою любовь к Биби).

В некоторых случаях авторы мультфильмов значительно расширяют семантический объем ПФ. Мультфильм «*Жажда скорости*», апеллируя к известной детям компьютерной игре «*Need for Speed*», повествует не только об одержимости Кроша гонками на автомобиле, но и о последствиях в виде экологической катастрофы, к которой они приводят. Герои мультфильма «*Рога и копыта*» изучают видовое разнообразие и делят друг друга на рогатых, крылатых и мягколапых. В мультфильме «*Без страха и упрёка*» Лосяш изобретает специальную машину для контроля эмоций, чтобы помочь Барашу стать отважным, как рыцарь.

Рассмотренные закономерности в использовании ПФ в заголовках мультфильмов на естественно-научную тему, думается, отражают общие тенденции в структурировании информационного потока в современной коммуникации, к которым, вслед за Л.И. Гришаевой [Гришаева, 2022b, с. 73], мы относим высокую степень эмотивности высказывания при очевидной содержательности и активизации научной информации, раскрываемой в мультфильме; повышение креативного и аттрактивного потенциала заголовка; обеспечение экономии языковых средств и, как следствие, содержательная лаконичность высказывания; эффективность воздействия на реципиента заголовков мультфильмов на естественно-научную тему, содержащих прецедентные феномены.

Список литературы

Гришаева Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие : Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. – Воронеж : Русская словесность, 1998. – 147 с.

Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. – 295 с.

Гришаева Л.И. Диалоги о межкультурной коммуникации. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022a. – 677 с.

Гришаева Л. И. Мультимодальность, гибридизация, карнавализация в организации текста и уплотнение информационного потока // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. – 2022b. – Вып. 12. – С. 66-101.

Ефремов В. Культурная память и прецедентные феномены / В. Ефремов, В. Черняк, Н. Чернева // Обучение иностранным языкам. – 2022. – Т. 49, № 1. – С. 67-77.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

Лазарева Э.А. Заголовок в газете. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2004. – 86 с.

Лютая А.А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: Дис. … канд. филол. наук. – Волгоградский гос. педагогический ун-т. Волгоград, 2008. – 164 с.

Немова О.А. Мультипликационные фильмы как средство формирования семейных духовно-нравственных ценностей / О.А. Немова, А.Ф. Бурухина // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2014. – № 1. – С. 152-173.

Штонда Ю.А. Языковые средства и способы реализации дискурсивных стратегий в личном письме (на материале писем Дитриха Бонхёффера из нацистской тюрьмы) : Дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2020. – 263 с.

HOW PRECEDENT PHENOMENA IN CARTOON TITLES STRUCTURE INFORMATION FLOW

Podtelezhnikova Elena Nikolaevna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Annotation. The article examines the patterns of using precedent phenomena in the titles of cartoons on a natural science topic, which reflects the general trends in structuring the information flow in modern communication. The high degree of emotivity of precedent phenomena in cartoon headlines ensures the effectiveness of the impact on the recipient. Increasing the creative and attractive potential of the headline with precedent phenomena contributes to the content and improves the perception of scientific information disclosed in the cartoon. Saving linguistic resources when using precedent phenomena in cartoon titles ensures the conciseness of the statement with its significant content.

Key words: cultural identity, secondary nominative means, socialization of cultural speakers, transformation of precedent phenomena, scientific information, terms.

ФУНКЦИИ СУБСТАНТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Трунова Елена Геннадиевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Липецкого государственного педагогического университета имени П.П.Семёнова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия,
Фаронова Анастасия Сергеевна,
Студентка 4 курса кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

Аннотация. Статья посвящена функциям, которые выполняет субстантивная метафора в заголовках англоязычных статей политической тематики. Авторы рассматривают подходы к рассмотрению феномена метафоры, отмечают ее роль в познавательной деятельности человека. В статье также раскрывается сущность субстантивной метафоры, очерчиваются основания для ее классификации. Приводятся содержащие субстантивную метафору заголовки англоязычных текстов публицистического стиля, освещающих противостояние России, выявляются и описываются функции метафоры в них.

Ключевые слова: метафора, субстантивная метафора, заголовок, англоязычные публицистический текст политической тематики, функции метафоры.

Как известно, заголовок является квинтэссенцией публицистического текста. Его задача – максимально полно реализовать воздействующую и информативную функции при весьма ограниченном объеме текста. Не случайно, лингвисты понимают заголовок как определенный код, одновременно компрессирующий, вбирающий в себя содержание текста, который позволяет дешифровать текст [Кубанова, 2007, с. 10]. По этой причине заголовок, как правило, насыщен информационно-ёмкими и одновременно высоко-экспрессивными средствами, которые позволяют ярко, образно и оригинально репрезентовать идею текста, и тем самым побудить читателя к декодированию и интерпретации. Среди этих выразительных средств языка особое место занимает метафора.

Отметим, что в различных источниках содержатся разные определения понятия метафоры. Так, в словаре лингвистических терминов метафора выступает в роли способа выражения, который рассматривается как трансформация абстрактного понятия в определенный план с помощью так называемого сокращенного сравнения [Марузо, 2004, с. 440]. В современном толковом словаре русского языка метафора определяется как «оборот речи, который заключается в использовании слов и выражений в переносном значении для того, чтобы определить предмет или явление по аналогии, сравнению или сходству» [Чемохоненко, 2007, с. 784]. Новейший энциклопедический словарь трактует метафору как вид тропа, отличающийся определенной экспрессивностью, как перенос свойств одного предмета или явления на другой, который автор выполняет, опираясь на общие сходные признаки этих предметов или их контраст [Вершавская, 2006, с. 1424].

Однако, в современной лингвистической науке понимание метафоры выходит за рамки восприятия её как исключительно экспрессивного средства. Представители когнитивного подхода убедительно доказывают, что метафора выступает основной ментальной операцией, с помощью которой человек познает, структурирует и объясняет окружающий его мир. Метафоре свойственна образность, что позволяет ей выйти за рамки линейного понимания мира. Она таким образом репрезентирует действительности, что делает возможным по-иному увидеть привычные нам предметы. Именно это свойство метафоры и превращает её в средство когнитивной деятельности человека.

Представляется целесообразным отметить, что метафоры могут быть весьма многообразны в плане формы выражения и функционала, в связи с чем учёными были созданы многочисленные классификации метафор, построенные на самых разных основаниях (исходя из функций метафоры, объема, занимаемого ею текста, степени оригинальности и т.п.). Одна из существующих классификаций основана на частеречном признаке, исходя из которого можно выделить метафоры, выраженные существительным, прилагательным, глаголом и наречием. Соответственно, различают субстантивную, глагольную и адъективную метафоры.

В данной статье мы хотели бы более подробно остановиться на субстантивной метафоре, признаваемой многими исследователями как

наиболее употребляемая. Отметим вслед за Н.Д. Арутюновой, что субстантивная метафора способна характеризовать предмет и классифицировать его. В каком-то смысле она подобна таксономическому принципу мышления, который предполагает включение объекта в один узкий класс и характеризацию предмета, выделяющую неограниченный набор свойств. Особенностью метафоры является стремление к соблюдению принципа единичности – выводить наружу предметную сущность, избегая тем самым плюрализма [Арутюнова, 1990, с. 385].

Ученые полагают, что субстантивная метафора, обозначающая непредметные сущности, выполняет две основные функции: номинативную (присвоение имени) и концептуальную (формирование концепта). Реализация концептуальной функции метафоры возможна благодаря свойству человеческого сознания познавать объекты на основе аналогии. В этом случае абстрактная идея предстает в виде конкретного осязаемого предмета на основе обнаруженного между ними сходства по одному или нескольким параметрам. На самом деле, диапазон функций субстантивной метафоры весьма широк. Рассмотрим некоторые из них более подробно и проиллюстрируем, как они реализуются на практике, обращаясь к примерам англоязычных статей, посвящённых политической тематике, а именно, весьма актуальной на сегодняшний день теме – противостоянию России и Запада.

В рамках данной работы мы обратились к материалам англоязычных источников средств массовой информации таких как американская ежедневная газета «The New York Times», ежедневная леволиберальная газета Великобритании «The Guardian», британская и международная ежедневная деловая газета «Financial Times», американская ежедневная газета «Washington Post».

Итак, начнем с **номинативной** или назывной функции метафоры, проявляющейся в том, что она способна называть объект, явление или процесс в экспрессивной форме, тем самым пробуждая воображение читателя и стимулируя его эмоциональных отклик.

*«Russia Sends **Waves of Troops** to the Front in a Brutal Style of Fighting»*

В данном примере, метафора *waves of troops* говорит о том, что Россия вновь и вновь посылает отдельные формирования своих войска на фронт. Вряд ли возможно подобрать какое-либо иное слово в прямом его значении, позволяющие передать идеи, заложенные в данную метафору, а именно: идеи продвижения вперед, повтора, необратимости этого движения. Тем самым метафора, позволяет не прибегать каждый раз к созданию новых слов, когда необходимо выразить лексическими средствами определенное содержание. В воображении читателя возникает бесконечный океан, силы и мощи которого достаточно, чтобы обеспечить непрерывное движение волн. Завораживающая и одновременно пугающая картина.

Информативная функция метафоры непременно реализуется в каждом её конкретном проявлении. Дело в том, что метафора по своей природе воплощена в слово, а слово, являясь двусторонней единицей языка и обладая планом содержания, так или иначе, передает информацию. Однако, метафора в отличие от слова в прямом значении способна передать образ целостно, раскрыть его панарамность, позволяя воображению человека представить его визуально.

«Kremlin Uses Olympic Ban as ***Another Arrow to Shoot*** *at the West»*

В данном примере, мы наблюдаем метафору *another arrow to shoot*, которая сообщает читателям в весьма образной форме, что России обернула запрет на участие в Олимпийских играх в свою пользу и наносит ущерб Западу (возможно, репутационный), используя его как один из инструментов давления. Компонент метафоры *another* дает понять, что у России больший арсенал таких средств, и она их последовательно использует.

Эвристическая функция метафоры заключается в том, что она даёт возможность человеку познать новый объект окружающего мира, опираясь на знания о других уже знакомых в плане познания объектов. Философ Н.С. Автономова поясняет, что метафорический перенос лежит в основе познания, причем реализуемых на разных качественных уровнях, начиная от первичного понимания, ориентированного на схватывание целостности объекта, до построения систем более высоких уровней [Автономова, 1991].

«Russia is ***'the house' that Vladimir Putin built*** *– and he will never abandon it».*

Данный заголовок как нельзя лучше подходит для иллюстрации эвристической функции метафоры, так как он содержит метафору-аллюзию, отсылающую читателя к английскому народному стихотворению-сказке «This is the house that Jack built». Авторы статьи использует данную метафору, чтобы создать представления у читателя о современной России и роли президента в нем. Современная Россия предстает как своеобразный долгосрочный проект президента, который он системно, планомерно и последовательно выстраивал. Если мы обратимся к полному тексту сказки, то мы заметим ее кумулятивный характер, большую ее продолжительность, повтор элементов и накопительную структуру. Эти же свойства сказки во многом перекликаются с той долгой, кропотливой, каждодневной работой, которую вел российский лидер для утверждения статуса страны в мире, улучшения ее благосостояния и возможностей. В конце заголовка, авторы заключают, что он никогда не оставит свое детище, что представляется весьма логичным и разумным решением.

Также можно отметить, что в данном заголовке имеет место языковая игра, проявляющаяся в замене компонента в ставшем устойчивым обороте речи – *the house that* ***Jack*** *built – the house' that* ***Vladimir Putin*** *built*. Этот факт, свидетельствует о реализации **игровой функции** метафоры.

Эмоционально-оценочная функция метафоры проявляется в ее возможности передавать разнообразные проявления эмоционально-чувственной сферы человека, наряду с выражением отношения к обозначаемому ею объекту действительности. В самом простом понимании этого термина «оценочность» подразумевает маркирование объекта как «плохой» или «хороший», соответственно, можно вести речь об негативной и положительной оценочности, передаваемой посредством метафоры. Не удивительно, учитывая сложившуюся геополитическую обстановку, что практически все обнаруженные нами обладающие оценочностью метафоры характеризуют Россию, её действия и её лидера с отрицательной стороны. Однако, степень проявления этой негативной оценочности может быть весьма и весьма различной. Рассмотрим несколько конкретных примеров заголовков, демонстрирующих это.

*«Moscow is **hell-bent on grabbing** lands, a **hunger** from which it can be distracted only through the 'infliction of pain'»*

Данный заголовок в составе метафор содержит лексемы с очень сильной негативной оценочностью, среди которых сложное слово *hell-bent*, один из компонентов которого *hell* – ад, что в изолированном употреблении в нерелигиозном контексте используется как проклятье или ругательство. Очевидна негативная коннотация глагола *to grab*, который в данной ситуации означает неправомочный захват территорий (синоним к глаголу *to invade).* Неформальный характер глагола *to grab* передает оттенок пренебрежительности, неуважения, и тем самым снижает статус России как игрока на международной арене. А лексема *hunger,* призвана показать стремление к приращению территорий как проявление имперскости – свойства якобы имманентно присущего России. Это свойство уподобляется природному чувству голода, которое время от времени неизбежно проявляет себя вовне.

*«The Cold War is over. Why do we still treat Russia like the **Evil Empire**? »*

В данном заголовке используется метафора *Evil Empire* – Империя Зла, но в силу своей избитости, она воспринимается больше как политический эвфемизм времен Железного Занавеса, который обозначал «Советский Союз», чем яркая образная метафора. Поэтому изначально сильный негативный оценочный потенциал у этой метафоры на сегодняшний день существенно снижен.

*«Russia and North Korea's defense pact is a new **headache** for China»*

И еще один пример реализации категории оценочности в субстантивной метафоре. В данной случае метафора *headache* подразумевает незначительные, но неприятные последствия заключения оборонного договора между Россией и Северной Кореей. Головная боль по сравнению с другими более грозными заболеваниями воспринимается как нечто докучающее, приносящие дискомфорт и легкие страдания, но вовсе не серьёзный непоправимый вред.

Кодирующая функция метафоры предполагает присутствие иносказательности, требующее от воспринимающей стороны умения читать между строк. Замена одного образа другим происходит с пониманием того, что созданный образ будет правильно декодирован. Транспарентность метафоры – важное условие правильного понимания ее смысла. Хотя нередко, кодируя посредством метафоры определенные смыслы, авторы закладывают в неё **конспирологическую,** или как ее еще называют **эвфемизирующую** функцию, формируя более положительное представление об обозначаемом объекте.

Так, в следующем заголовке мы имеем дело с явной милитаристской метафорой, где термин *front* обозначает передовую во время войны, однако авторы статьи расширяя это существительное элементами *in struggle,* воздерживаются от названия происходящего войной, оставаясь терминологически в рамках борьбы и противостояния.

*«Lavrov's African tour another **front in struggle** between west and Moscow»*

Говоря о функциях субстантивной метафоры, именно в заголовках публицистических текстов нельзя не отметить реализацию её **аттрактивной** функцию. Заголовки, содержащие метафору, выступают для читателя в качестве своеобразного «крючка» – психологического стимула, побуждающего читателя ознакомиться со статьей более подробно. Они как бы отсылают читателя за более

подробной информацией непосредственно к самому тексту статьи, так как полное и однозначное декодирование заголовков возможно только после внимательного чтения всего текста.

Так, читая приведенный ниже заголовок, читатель задается вопросом: «Как же именно проявляются амбиции (цели) Путина по отношению к главе Русской православной церкви?» Очевидно, чтобы получить ответ на этот вопрос, необходимо ознакомится с текстом статьи.

*«The Russian Orthodox Leader at the **Core of Putin's Ambitions**»*

Таким образом, данный пример наглядно показывает, что метафора, используемая в заголовке, не только реализуют свои собственные функции, но и «работает» на функции заголовка. В целом же рассмотренные примеры показывают, что функциональной репертуар субстантивной метафоры, реализуемый в заголовках публицистического текстов политической тематики, весьма широк. В разных заголовках на передние позиции выходят разные функции, а специфика тематики самих статей заставляет трансформироваться и сами функции. Так, в нашем случае эмоционально-оценочную функцию метафоры можно по праву назвать идеологической, так как она демонстрирует исключительно однонаправленный вектор реализации категории «оценочность».

Список литературы

Автономова Н.С. Метафорика и понимание // Загадка человеческого понимания. Над чем работают, о чем спорят философы. – М., 1991.

Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств // Язык и мир человека. – М., 1999. – 385 с.

Вершавская Е.А. Новейший энциклопедический словарь: 20.000 статей. – М.: Н 72 АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. – 1424 с.

Кубанова А.З. Субстантивное словосочетание как единица синтаксической номинации в роли газетного заголовка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007. – 16 с.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов: Пер. с фр. / Предисл. В.А. Звегинцева. Изд. 2 – е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.

Чемохоненко А.Н. Современный толковый словарь русского языка / Авт. – сост. А.Н. Чемохоненко. – Мн.: Харвест, 2007. – 784 с

THE FUNCTIONS OF A SUBSTANTIVE METAPHOR IN THE HEADLINES OF ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL ARTICLES

Trunova Elena Gennadievna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia

Faronova Anastasia Sergeevna,

4th year student of the Department of Linguistics and Intercultural Communication Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the functions performed by the substantive metaphor in the headlines of English-language political articles. The authors consider approaches to the phenomenon

of metaphor, note its role in human cognitive activity. The article also reveals the essence of the substantive metaphor, outlines the grounds for its classification. The article presents examples of headings with substantial metaphor from English political articles, which cover the confrontation of the West with Russia. Functions of metaphor in them are identified and described.

Key words: metaphor, substantive metaphor, headlines, English political article, metaphor functions.

ИНФОРМАТИВНОЕ ПОЛЕ ТОПОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА У.С. МОЭМА «МЭЙБЛ»)

Шайхетдинова Камилла Ринатовна,
студент кафедры татарской филологии
отделения филологии и истории
Елабужского института КФУ,
г. Елабуга, Республика Татарстан, Россия,
научный руководитель: Поспелова Надежда Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
отделения иностранных языков Елабужского института КФУ,
г. Елабуга, Республика Татарстан, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию информативного поля топонимов на материале рассказа Сомерсета Моэма «Мэйбл». Цель исследования – анализ англоязычных названий географических объектов. В работе рассматриваются особенности функционирования топонимов в художественном тексте, определена их роль в создании и передаче образной системы произведения и передаче авторского замысла.

Ключевые слова: У.С. Моэм, Мэйбл, топонимика, топонимы, географические объекты, функционирование, художественный текст.

Географические названия появились еще в древние времена, их корни уходят в эпоху первобытного общества. Человек создавал эти наименования, чтобы отличать одни места от других – реки, горы, озера. Такие названия формировались в разные исторические эпохи и служат своеобразными свидетелями исторических событий [Аюбов, 2018, с. 53].

Изучением географических объектов занимается топонимика. Топонимика – сравнительно молодая наука, изучающая географические названия. Слово «топонимика» образовано от двух греческих слов: topos – место, местность и onoma – имя [Магомадова, 2006, с. 86].

В последние годы появилось значительное количество работ по исследованию топонимов на материале художественного произведения. Вместе с тем топонимикон многих художественных произведений вызывает неподдельный интерес.

Целью данной статьи является анализ англоязычных названий географических объектов.

Методы исследования: лингвострановедческий анализ, топонимический анализ, статистический анализ.

Уильям Сомерсет Моэм – известный английский драматург, романист и автор коротких рассказов. Его произведения отличаются особым пониманием

природы людей, их чувств и эмоций, базовых человеческих ценностей и пороков, их взаимоотношений и восприятия мира и событий. Рассказы и романы У.С. Моэма обладают захватывающими сюжетами, неожиданными развязками, его герои попадают в сложные и иногда даже безвыходные ситуации, но автор не морализирует ситуацию, не выносит вердикта, оставляя это право за читателем [Мордвинцева, 2024, с. 125].

У. Сомерсет Моэм умело обращается к топонимам, используя богатство географических названий, чтобы ярко изобразить разнообразные декорации в своих литературных произведениях. Мастерское использование Моэмом названий местностей – от оживленных улиц Лондона до экзотических пейзажей Дальнего Востока – вносит значительный вклад в культурный и атмосферный гобелен его повествований. Этот литературный прием не только служит фоном, но и формирует переживания персонажей, добавляя слои смысла в его захватывающие истории [Давлетова, 2024, с. 61].

В произведении «Мэйбл» У.С. Моэма описывается интересная любовная история главных героев, пронесшаяся через весь мир. Автор рассказа упоминает ряд географических локаций, которые посещают главные герои. Топонимы можно разделить на такие группы, как: части света, страны, города, природные объекты, районы, округа, провинции, населённые пункты, внутригородские объекты [Вахитова, 2023, с. 86].

В рассказе упоминается часть света – Азия: «…he enjoyed his idleness after that strenuous escape across Asia, and…» [Mabel].

Asia – Азия – часть света. Название Азия (др.-греч. Асия) упоминается в Илиаде Гомера (прибл. VIII в. до н. э.) и вводится в научный оборот авторами милетской школы Фалесом, Анаксимандром и Гекатеем (VI в. до н. э.). Первоначально оно относилось к восточному побережью Эгейского моря и имеет, вероятнее всего, и.-е. происхождение [Поспелов, 2002, с. 25].

Вторая группа топонимов в данном рассказе – страны. Рассказ начинается с упоминания страны Бирма: «…in Burma, and from there I took the steamer to Mandalay, and…» [Mabel].

Burma – Бирма – прежнее название современной Мьянмы. Социалистическая Республика Бирманский Союз. Мьянма – государство в Юго-Восточной Азии, занимает западную часть полуострова Индокитай, прилегающую часть материка и ряд прибрежных островов [Большая российская энциклопедия].

Также в произведении встречается государство Сингапур: «…on the very point of starting for Singapore…» [Mabel].

Singapore – Сингапур, Республика Сингапур – государство в Юго-Восточной Азии. Названо по городу Сингапур, основанному по преданию в XIII в. Название обычно объясняют от санскрита синха «лев», пурам «город», т. е. «львиный город» или «город льва», и связывают с малайским фольклором, согласно которому легендарные герои встретили в этом месте льва [Поспелов, 2002, с. 384].

Следующая группа географический названий – города. В тексте упоминаются такие города, как Мандалай («…I took the steamer to Mandalay, and…»), Рангун («…and went down to Rangoon to meet her»), Бангкок («He jumped

on the train to Bangkok»), Сайгон («…a French tramp sailing next day for Saïgon»), Манила («…he went to Manila…»), Шанхай («…he went on to Shanghai…»), Иокогама («The only thing was to go to Yokohama»), Чунцин («…that could get up to Chungking and then…»), Чэнду («…there was a place called Cheng-tu…») [Mabel].

Mandalay – Мандалай – город, административный центр области Мандалай, Мьянма. Национальное название Мандале от мандола, одного из основных сакральных символов буддизма [Поспелов, 2002, с. 258].

Rangoon – Янгон, Рангун – столица Мьянмы. Первоначально деревня Оуккала, с XI в. Дагон, в 1775 г. переименована в Янгон – «конец вражды» в память об окончании затяжной межплеменной войны. До 1989 г. употреблялось искаженное английское название города Рангун [Поспелов, 2002, с. 491].

Bangkok – Бангкок, Крунгтеп – столица Таиланда. Селение на месте города известно с XVI в. Название Бангкок от тайского банг «селение», кок «дикая слива», т. е. «поселок сливового дерева» [Поспелов, 2002, с. 54].

Saigon – Сайгон – это бывшее официальное название города Хошимин в южной части Вьетнама. Оно использовалось до 1976 года, когда город был переименован в честь первого президента Вьетнама Хо Ши Мина. Хошимин – город центрального подчинения на юге Вьетнама [Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия»].

Manila – Манила – столица Филиппин. Название от санскрита нила «дерево индиго»; тагальский префикс ма- указывает на изобилие этого дерева, т. е. «место, где много деревьев индиго» [Поспелов, 2002, с. 258].

Shanghai – Шанхай – город на Востоке Китая. Рыбацкий поселок на месте современного города существует с III в. до н. э. Название Шанхай – «над морем» (кит. хай «море»), – некогда он находился на берегу Восточного Китайского моря, а сейчас, вследствие роста дельты реки Янцзы, удален от моря более чем на 30 км [Поспелов, 2002, с. 469].

Yokohama – Иокогама – город на острове Хонсю, Япония. Япон. Йокохама от йоко «боковая сторона», хама, гама «песчаное побережье», «берег моря» [Поспелов, 2002, с. 111].

Chungking – Чунцин – город в провинции Сычуань, Китай. Основан в период Чжаньго (V-III вв. до н. э.), когда был столицей царства Ба; позже оно превратилось в уезд, а город в Басянь (сянь «уезд, уездный город»). Затем он назывался Цзянчжоу, Юйчжоу, Гунчжоу (чжоу «окружной город»), а в 1189 г. переименован в Чунцин – «двойное празднование», что было связано с личными мотивами местного правителя [Поспелов, 2002, с. 467].

Cheng-tu – Чэнду – город, административный центр провинции Сычуань, Китай. Основан в IV в. до н. э. Название от кит. чэн «городская стена, крепость», ду «столица, крупный город», т. е. это уже издавна крупный укрепленный город, имеющий административные функции [Поспелов, 2002, с. 467].

В рассказе упоминается район Гонконг: «He sailed to Hong-Kong, but…» [Mabel].

Hong-Kong – Сянган, Гонконг – специальный административный район, Китай (на берегу Южного Китайского моря, на юго-востоке страны). Название

Сянган от кит. сян «аромат», ган «залив, бухта», т. е. «бухта ароматов» или «благоуханная гавань» [Поспелов, 2002, с. 405].

А также встречается район Тибет: «…you could see the snowy mountains of Tibet» [Mabel].

Tibet – Тибет – нагорье в Центральной Азии; Китай. На территории нагорья в VI-VIII вв. существовало государство, которое местные жители называли Бод, а соседние племена Тхубод – «руководящий Бод», что отражало их зависимость от этого государства. Китайцы исказили его название в Туботэ. Со временем название государства распространилось на нагорье и было воспринято европейцами в форме Тибет [Поспелов, 2002, с. 415].

Населенный пункт Ханькоу: «He went to Hankow and from Hankow to…» [Mabel].

Hankow – Ханькоу – исторический населённый пункт в Китае, активно развивавшийся во второй половине XIX века и начале XX века. В настоящее время его территория является частью Уханя [Руниверсалис].

Округ Ичан: «…and from Ichang through the rapids…» [Mabel].

Ichang – Ичан – городской округ в китайской провинции Хубэй [Руниверсалис].

Провинция Сычуань: «…the capital of Szechuan, and it was four hundred miles away» [Mabel].

Szechuan – Сычуань – провинция, Китай. Название от кит. сы «четыре», чуань «река», т. е. «четыре реки», под которыми, вероятнее всего, подразумевались левые притоки Янцзы, протекающие по Сычуаньской котловине [Поспелов, 2002, с. 404].

В произведении встречается природные объекты. Например: «I was at Pagan…» [Mabel].

Pagan – Паган (Пэган), Баган (Бэган) – культурно-исторический заповедник, так называемая Археологическая зона Паган (пл. ок. 42 км2), в центральной части Мьянмы, в административной области (регионе) Мандалай. Расположен на правом берегу реки Иравади, в 145 км к юго-западу от города Мандалай [Большая российская энциклопедия].

А также упоминается река Янцзы: «The Yangtze is a long river and the…» [Mabel].

Yangtze – Янцзы, Янцзыцзян, Чанцзян, река, впадает в Восточное Китайское море; Китай. Начинается в Тибете, где называется Муруй-Ус, Джичу (от монг., тибет. мурен, ус, чу «река»), далее Цзиньшацзян (кит. «река золотого песка») и только ниже города Янчжоу, который известен с III тыс. до н. э. как Янцзы, река получает название Янцзыцзян – «река города Янцзы». Для реки в целом, на всем ее протяжении, в Китае применяется название Чанцзян – «длинная река» (протяженность реки 5800 км, самая большая в Евразии) [Поспелов, 2002, с. 491].

В рассказе упоминается такой внутригородской объект, как Гранд-отель: «At the Grand Hotel at Yokohama a cable awaited him» [Mabel].

Grand Hotel at Yokohama – Гранд-отель в Иокогаме – отель, открылся 16 августа 1873 года (Мэйдзи, 6) и вскоре стал считаться образцом западной

культуры и элегантности в Японии. Он был расположен на набережной Вайтань и выходил окнами на гавань Иокогамы [Yokohama 1890s Grand Hotel].

Выводы. В статье представлено 20 ономастических единиц на материале произведения У.С. Моэма «Мэйбл». Проведён топонимический анализ по ряду авторитетных лексикографических источников, выявлены лингвокультурологические характеристики исследуемой лексики.

Список литературы

Аюбов, А. Р. Топонимы как ценное наследие культуры // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2018. – № 4(57). – С. 53-57.

Большая российская энциклопедия : сайт. – URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2312284 (дата обращения: 19.03.2025).

Вахитова И. И. Методика иммерсионного чтения на примере романа С. Моэма «Мэйбл» // Способы, модели и алгоритмы управления модернизационными процессами : сборник статей Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с международным участием, Киров, 22 мая 2023 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2023. – С. 85-88.

Давлетова С. Е. Особенности топонимического пространства в романах С. Моэма // Творчество У.С. Моэма: литературное наследие писателя в иноязычном образовании: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 25-26 января 2024 года. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2024. – С. 59-66.

Магомадова М. С. Топонимика как предмет изучения // Lingua-Universum. – 2006. – № 2. – С. 83-84.

Мордвинцева Л. М. Особенности авторского стиля У.С. Моэма / Л.М. Мордвинцева, С. Г. Носырева // Творчество У.С. Моэма: литературное наследие писателя в иноязычном образовании: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 25-26 января 2024 года. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2024. – С. 124-132.

Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» : сайт. – URL: https://bigenc.ru/c/khoshimin-210954 (дата обращения: 18.03.2025).

Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Ок. 5000 единиц / Е.М. Поспелов; Отв. ред. Р.А. Агеева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русские словари: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002 . – 512 с.

Руниверсалис. Энциклопедия : руни.рф : сайт. – URL: https://руни.рф/Заглавная_страница (дата обращения: 19.03.2025).

Mabel [The Woman Who Wouldn't Take a Hint] (1924) // My Maugham Collection Concordance Library : сайт. – URL: https://mmccl.blogspot.com/2016/02/mabel-1924.html (дата обращения: 19.03.2025).

Yokohama 1890s Grand Hotel // Old photos of Japan : site. – URL: https://www.oldphotosjapan.com/photos/820/grand-hotel (дата обращения: 20.03.2025).

THE INFORMATIVE FIELD OF PLACE NAMES (BASED ON THE EXAMPLE OF W.S. MAUGHAM'S SHORT STORY «MABEL")

Shaikhetdinova Kamilla Rinatovna
student of the Department of Tatar Philology
Department of Philology and History
Yelabuga Institute of KFU,
Scientific supervisor: Pospelova Nadezhda Vladimirovna,
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of English Philology
and Intercultural Communication
Departments of Foreign Languages
Yelabuga Institute of KFU,
Yelabuga, Republic of Tatarstan, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the informative field of toponyms based on Somerset Maugham's short story "Mabel". The purpose of the study is to analyze the English-language names of geographical objects. The work examines the features of the functioning of toponyms in a literary text, determines their role in creation and transmission of the figurative system of the work and conveying the author's idea.

Key words: W.S. Maugham, Mabel, toponymy, toponyms, geographical objects, functioning, a literary text.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ»

Широколав Ульяна Александровна,
аспирант кафедры методики и современных педагогических технологий
ГАОУ ТО ДПО «Тюменского областного государственного института развития регионального образования»,
учитель иностранных языков
ГАОУ ТО «Физико-математическая школа», г. Тюмень, Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие «социальное манипулирование». Анализируется классификация данного феномена по оценке воздействия. Определяются особенности лингвистического подхода к определению данного термина.

Ключевые слова: социальное манипулирование, лингвистический подход, речевое манипулирование, языковое манипулирование.

Сегодня многие учёные говорят о социальном манипулировании как о неотъемлемой части нашей повседневной жизни. Однако исследователи расходятся во мнениях относительно его окраски: часть из них считает, что данный феномен может быть только негативным, другие убеждены, что как

негативным, так и нейтральным, а есть и те, кто говорит о нём, в том числе, как о позитивном явлении.

Так, Е.А. Цымбал, подразделяя социальные манипуляции на негативные и нейтральные, говорит о последних как о вынужденной мере, направленной на «ограничение социально-деструктивных действий адресата в силу того, что он сам представляет реальную угрозу для манипулятора, самого себя и для стабильности социальных отношений в целом» [Цымбал, 2010, с. 9]. Следовательно, такого рода манипуляции учитывают интересы не только манипулятора, но и адресата.

О.Р. Онищенко, классифицируя манипулирование по оценке воздействия, выделяет резко негативное, социально нейтральное и положительное манипулирование. В качестве примеров приводятся действия в криминальной сфере, ведение переговоров и манипулирование в педагогике и психотерапии соответственно [Онищенко, 2017, с. 980].

Е.В. Сидоренко помимо негативной выделяет и «благородную» манипуляцию. В качестве примера автор приводит обучение студента учителем [Сидоренко, 2007, С. 57-59]. Соглашаясь с Е.В. Сидоренко, Е.В. Горина подразделяет манипулирование на негативное и положительное и относит к последнему манипулирование «в воспитательных целях, для убеждения, обучения детей». Однако автор подчёркивает, что негативное манипулирование является более распространённым феноменом [Горина, 2006, с. 5-6].

З.Н. Сергеева обращает внимание на расширение смыслового содержания данного понятия в языковой практике: «Так, наряду с неприятием манипулирования как жизненной стратегии для многих людей умение манипулировать все чаще означает следующее: «добиваться своей цели», «рационально решать собственные проблемы», «быть успешным» [Сергеева, 2017, с. 11].

Однако широкий ряд авторов придерживается мнения, что цель социального манипулирования – достижение манипулятором своих намерений и/или удовлетворение своих интересов, что, в свою очередь, противоречит интересам и/или желаниям манипулируемого, то есть такие исследователи убеждены, что социальное манипулирование не может преследовать интересы объекта, то есть не может быть нейтральным, а тем более положительным.

Таким образом, приходим к выводу, что в научном сообществе отсутствует единая классификация данного феномена по оценке воздействия.

Рассматривая авторские позиции по вопросу определения и содержания понятия «социальное манипулирование», мы выяснили, что данный феномен трактуется с точки зрения различных подходов: социологического, социально-психологического, политологического, социально-философского, педагогического и лингвистического. Именно в работах различных исследователей появляется сам этот термин, в то время как в энциклопедической литературе его нет, хотя здесь встречаются термины «манипуляция» и «манипулирование».

Изучение вышеуказанных подходов к определению понятия «социальное манипулирование» привело нас к выводу о совпадении взглядов учёных на содержание данного феномена в рамках различных наук, но с определённой спецификой, связанной с объектом и предметом каждой науки. Так, психологи

акцентируют своё внимание на межличностном общении, политологи – на управлении электоратом, осуществляемом властью, а лингвисты – на лингвистических способах воздействия. Остановимся подробнее на лингвистическом подходе.

В рамках данного подхода рассматриваются понятия «манипуляция» и «манипулирование». Отсутствие термина «социальное манипулирование» в данном подходе связано с тем, что авторы не разделяют манипулирование на такие уровни воздействия как межличностное манипулирование и социальное манипулирование и используют все их в качестве синонимов. К выводу о синонимичности понятий «манипулирование» и «манипуляция» в науке приходят и другие авторы [Копнина, 2012, с. 6].

Учёные используют различные родовые понятия в своих определениях. Так, манипуляция рассматривается Е.В. Гориной как «вид психологического воздействия, имеющий целью тайно, скрыто изменить мнения, установки, поведение адресата в интересах манипулятора, требующий искусности от манипулятора, чтобы изменения, происходящие с адресатом, были незамеченными, неосознанными» [Горина, 2006, с. 5]. Также исследователь выделяет первичную и вторичную манипуляции, которые представляют собой своеобразные этапы воздействия. У первичной манипуляции есть заказчик и исполнитель, которые осознают цель такого воздействия и используют необходимые для достижения именно этой цели приёмы, в то время как исполнители вторичной манипуляции уже не осознают первоначальной цели и сами стали жертвами первичной манипуляции [Горина, 2006, с. 8]. М.А. Денисов и Н.В. Хорошева также в качестве родового понятия манипулирования выделяют психологическое воздействие, а в качестве видовых признаков – искажение информации и умышленность такого воздействия [Денисов, 2015, с. 100].

Некоторые авторы выделяют другое родовое понятие. Так, Е.И. Сур под манипуляцией понимает «скрытое психолингвистическое воздействие, требующее специальных познаний и осуществляемое с целью изменения мнений, воззрений, установок и целей манипулируемого, который под силой оказываемого на него воздействия самостоятельно изъявляет желание их изменить» [Сур, 2012, с. 145].

Рассматривая вышеприведённые авторские позиции в отношении определения анализируемого понятия и его содержания, можно выделить общие и различные видовые признаки. Общим для всех авторских позиций является осознанность манипулятора. К общим видовым признакам, выделенным как Е.В. Гориной, так и Е.И. Сур, относятся скрытый характер, целенаправленность воздействия, односторонний выигрыш манипулятора, «иллюзия самостоятельности» манипулируемого. Отличительным видовым признаком позиции М.А. Денисова и Н.В. Хорошевой является искажение информации; Е.В. Гориной – организованность, спланированность, побудительный характер со стороны манипулятора и неважность согласия, незнание или нереалистичное знание о результате взаимодействия и неосознаваемость связи между манипуляцией и своими поступками со стороны манипулируемого. Что касается отличительных видовых признаков, выделенных Е.И. Сур, то к ним относятся

использование как психологических, так и лингвистических способов воздействия, ненасильственность такого воздействия, специализированность знаний и корыстность манипулятора, а также отсутствие юридической ответственности за такой вид деятельности.

В результате анализа позиций авторов в отношении понятия «манипулирование» в рамках лингвистического подхода приходим к выводу о неоднородности точек зрения и об их взаимодополняемости, что ведёт к более глубокому и широкому пониманию рассматриваемого феномена.

Однако стоит обратить внимание на то, что авторы-лингвисты активно используют следующие специфические синонимичные термины: «речевое манипулирование» и «языковое манипулирование». Так, А.С. Акопова под языковым манипулированием понимает «влияние, оказываемое одним человеком на другого или на группу людей посредством как речевых, так и невербальных средств с намерением достижения определённой цели, которая заключается в изменении поведения, восприятия и намерений адресата в процессе коммуникативного взаимодействия» [Akopova, 2013, с. 80]. Г.А. Копнина рассматривает речевую манипуляцию как «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путём искусного использования определённых ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2012, с. 24].

Вместе с тем, исследователи указывают и на разницу в понимании терминов «языковое манипулирование» и «речевое манипулирование». Например, Г.А. Копнина считает последнее понятие более предпочтительным, объясняя это тем, что язык – это средство, а речевая манипуляция – это приём в речи [Копнина, 2012, с. 23]. Ряд авторов, также указывая на синонимичность данных терминов, считают речевую манипуляцию более широким понятием, включающим в себя как вербальные, так и невербальные средства: «Если при языковой форме имеет место эксплуатация потенциала значения слов в разных комбинациях, то при речевой форме подключаются и невербальные средства (ситуативный контекст, жест, голос, мимика и т.д.)» [Ашрапова, 2022, с. 2775].

В результате исследования мы пришли к следующим выводам: во-первых, социальное манипулирование является неотъемлемой частью нашей жизни; во-вторых, социальное манипулирование с точки зрения оценки воздействия может рассматриваться как негативное, нейтральное и положительное; в-третьих, термин «социальное манипулирование» является междисциплинарным; в-четвёртых, в рамках лингвистического подхода выделяются такие специфические понятия как «речевое манипулирование» и «языковое манипулирование», однако учёные-лингвисты не пришли к единому мнению о разграничении данных терминов и зачастую используют их как синонимы.

Таким образом, мы приходим к выводу, что актуальным является анализ возможности рассмотрения социального манипулирования как положительного феномена, относительно характерных признаков данного явления, выделяемых большинством учёных, а также более детальное изучение речевых приёмов и тактик в рамках манипулирования. Предполагаем проведение таких исследований в ближайшей перспективе.

Список литературы

Ашрапова А.Х. Языковая манипуляция в трудах отечественных и зарубежных учёных: теоретические вопросы терминологии / А.Х. Ашрапова, Э.Р. Йылмаз, И.С. Мавляутдинов, Л.И. Манькова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – Вып. 9. – С. 2771-2778.

Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 67 с.

Денисов М.А. Проблема определения термина «манипулирование» в работах российских исследователей / М.А. Денисов, Н.В. Хорошева // Политическая лингвистика. – 2015. – 2 (52). – С. 94-101.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование : учебное пособие. – Москва: ФЛИНТА, 2012. – 170 с.

Онищенко О.Р. Психологическое воздействие на жертву при совершении преступлений против личности // Омские научные чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 11 – 16 декабря 2017 г.). – Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2017. – С. 980-981.

Сергеева З.Н. Технологии социального манипулирования: монография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 270 с.

Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. – Санкт-Петербург: Речь, 2007. – 256 с.

Сур Е.И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – №3. – С. 143-146.

Цымбал Е.А. Феномен социального манипулирования в социокультурном пространстве информационного общества: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Ростов-на-Дону: Ростов. гос. ун-т путей сообщения, 2010. – 24 с.

Akopova A. Linguistic manipulation: definition and types // International Journalof Cognitive Research in science, engineering and education. – 2013. – V. 1. – №2. – P. 78-82.

LINGUISTIC APPROACH TO THE DEFINITION OF THE TERM «SOCIAL MANIPULATION»

Shirokolav Ulyana Alexandrovna,

Postgraduate student of the Department of methodology and modern pedagogical technologies
Tyumen region state institute of regional education development,
Foreign language teacher
School of Physics and Mathematics, Tyumen, Russia

Abstract. The article deals with the term «social manipulation». Classification of the term by impact assessment is analyzed. Features of linguistic approach to the definition of the term «social manipulation» are determined.

Key words: social manipulation, linguistic approach, speech manipulation, linguistic manipulation.

MODALVERBEN ALS AUSDRUCKSMITTEL DER KATEGORIE DER EVIDENTIALITÄT

Balabaewa Julia Eugenjewna,
Lehrerin des Lehrstuhls für Deutsch und Französisch
Pädagogisches Institut,
Belgoroder Staatliche Nationale Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland
Profatilowa Swetlana Michailowna,
Kandidatin der philologischen Wissenschaften,
Dozentin des Lehrstuhls für die 2. Fremdsprache,
Institut für Internationale Beziehungen und Interkulturelle Kommunikation,
Belgoroder Staatliche Nationale Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland

Zusammenfassung. Der Artikel umfasst eine Untersuchung der Kategorie der Evidentialität im modernen Deutsch sowie eine Analyse der konzeptionellen Grenzen zwischen den Kategorien Evidentialität und epistemische Modalität. Außerdem werden Modalverben mit Infinitiv I/II als lexikalisch-grammatische Ausdrucksmittel für Evidentialität untersucht.

Schlüsselwörter: Evidentialität, direkte und indirekte Evidentialität, epistemische Modalität, Modalverben.

Zahlreiche Studien belegen eine enge Beziehung zwischen Evidentialität und epistemischer Modalität, obwohl die Einzelheiten dieser Interaktion nur teilweise offengelegt sind. Es ist wichtig zu beachten, dass die Kategorisierung nicht immer eindeutig ist und es sprachliche Übergänge geben kann. Außerdem muss man auch die semantischen Feinheiten betrachten, da die optionale Markierung trotzdem einen großen Einfluss auf die Interpretation der Aussage haben kann.

Das Grundkonzept der Evidentialität umfasst ein System von Markierungen, die angeben, wie der Sprecher die zur Formulierung einer Äußerung erforderlichen Informationen erhält. Die Kategorie der Evidentialität ist nicht erst in jüngster Zeit in der Sprache aufgetaucht, sondern nur die Formen ihres Erscheinungsbildes wandeln sich zusammen mit der Entwicklung des sprachlichen und kulturellen Weltbildes und der Methoden der Datenübertragung.

Die Kategorie der Evidentialität kommt in vielen Sprachen vor, aber die unterschiedlichen Definitionen und Interpretationen erschweren, sprachübergreifende Vergleiche und Analysen durchzuführen. Der Begriff „Evidentialität»wird nicht universell definiert und angewendet. Die sprachliche Darstellung und der Stellenwert von Evidentialität variieren je nach Sprache und den dort verwendeten Mitteln zur Ausdruckssicherung. Das bedeutet, dass ein und derselbe Sachverhalt in verschiedenen Sprachen unterschiedlich begründet werden kann, und diese Begründungen nicht immer direkt vergleichbar sind.

In der modernen Linguistik beinhaltet das Konzept der Evidentialität, d. h. des Grades der Evidenz, die Analyse von Datenquellen anhand spezifischer grammatikalischer, lexikalischer oder syntaktischer Ausdrucksmittel. Auf diese Weise lässt sich feststellen, ob die vermittelten Informationen auf den persönlichen Erfahrungen des Erzählers beruhen oder von Außenstehenden stammen und ob sie seine eigenen

Annahmen und Schlussfolgerungen widerspiegeln. Nach dem Konzept der Universalien wird die prototypische Gruppe der Evidentialität als eine begriffliche (semantische) Einheit betrachtet, die die Denkprozesse des Kommunikators bei der Übermittlung von Daten widerspiegelt und sich auf die Opposition der Merkmale der „direkten/indirekten Evidentialität» stützt [Balabaeva, 2020a, S. 115-118; Balabaeva, 2020b, S. 249-259].

Die Frage nach der Grammatikalisierung von Evidentialitätsmarkern ist ein wichtiges Thema in der Sprachwissenschaft. Die Unterscheidung zwischen Sprachen, die Evidentialität direkt markieren und solchen, die sie indirekt ausdrücken, ist dabei fundamental. Indirekt markierten Sprachen ist die Evidentialität tief in die grammatische Struktur integriert, während sie in Sprachen mit indirektem Ausdruck im Paradigma mehr eine indirekte, aber systematisch kodierte Bedeutungsebene darstellt.

In meisten Sprachen ist die Evidentialität eine grammatikalisierte morphologische Kategorie, die direkt am Verb markiert wird. Das zeigt eine fortgeschrittenere Grammatikalisierung, da die Form des Verbs im Wesentlichen zwei Funktionen ausschließt: entweder die Evidentialität wird markiert, oder die Sprache erlaubt keine uneindeutige oder unvollständige Markierung. Das bedeutet, dass die Form des Verbs zwingend Informationen über die Quelle der Information des Sprechers (z.B. direkte Wahrnehmung, Erzählung, Schlussfolgerung) enthält. Das Morphem, welches die Evidentialität kodiert, ist gebunden und integriert in die Verbalflexion. Es ist nicht einfach ein Zusatz, sondern ein wesentlicher Bestandteil der verbalen Struktur. Die Nicht-Markierung einer Evidentialität würde hier vermutlich eine Grammatikverletzung darstellen. Auf solcher Weise ist die Grammatikalisierung hier weit fortgeschritten, die Evidentialität ist tief in die grammatische Struktur integriert [Balabaeva, 2020a, S. 115-118; Balabaeva, 2020b, S. 249-259].

Die indirekte Markierung hingegen spiegelt eine weniger starre und flexiblere grammatische Struktur wider. In Sprachen, die ein verbales Paradigma zur Darstellung von Evidentialität besitzen, ist die Markierung indirekt. Das bedeutet, dass der Sprecher „wählen» kann, ob er die Evidentialität zum Ausdruck bringen will oder nicht. Die Evidentialität wird hier durch ein systematisches verbales Paradigma, das auch andere grammatische Kategorien (z.B. Person, Numerus, Tempus) umfasst, ausgedrückt. Die morphologische Basis der Evidentialitätsmarker ist also zwar vorhanden, aber ihre Verwendung ist nicht zwingend. Dies zeigt einen weniger fortgeschrittenen Grad der Grammatikalisierung. Der Sprecher kann die Kontextinformationen und die zugrunde liegende Überzeugungskraft der Aussage, die er vermitteln will, mit Hilfe des verbalen Paradigmas flexibler steuern.

Beide Formen zeigen jedoch die Bedeutung von Evidentialität in verschiedenen Sprachsystemen und deren unterschiedliche Grad der Grammatikalisierung.

Die Hauptbedeutung der Kategorie der Evidentialität besteht darin, die Quelle der Information anzugeben (ähnlich wie das englische Wort evidence, das „Offensichtlichkeit» oder „Vorhandensein eines Zeugen» bedeutet). Im Gegensatz dazu drückt die epistemische Modalität die Einstellung des Sprechers oder Schreibers zu den dargebotenen Informationen aus, und er/sie kann sich ihrer Zuverlässigkeit nicht sicher sein.Die Bewertung der Zuverlässigkeit von Informationen ist ein grundlegender Aspekt sowohl der kognitiven als auch der kommunikativen Tätigkeit der Gesellschaft. Die Evidentialität muss von der epistemischen Modalität unterschieden werden. Eine

saubere begriffliche Trennung der beiden semantischen Bereiche ist umso wichtiger, als evidentielle Bedeutungen in den meisten indoeuropäischen Sprachen (auch im Deutschen) typischerweise durch sprachliche Mittel ausgedrückt werden, die auch epistemische Modalität markieren können. Dies trifft auch auf die meisten deutschen Ausdrücke zu, für die man eine evidentielle (inferentielle oder quotative) Bedeutung annimmt. Aus diesem Grund wurde die Evidentialität von vielen ein Teilbereich der Modalität angesehen, oder man bezog den Terminus „Evidentialität» sowohl auf die Markierung der Quelle einer Information als auch auf die Bewertung ihrer Faktizität [Balabaeva, 2020a, S. 115-118; Balabaeva, 2020b, S. 249-259].

In dieser Hinsicht sind Modalverben, die immer eine modale Bedeutung ausdrücken, von großem Interesse, da sie polyfunktional sind, d. h. mehrere sich überschneidende Bedeutungen in einem Kontext kombiniert werden.

Modalverben in Kombination mit dem Infinitiv I/II in der Funktion der Nacherzählung (deutsch *sollen, wollen*; englisch *shall, will*; französisch *devoir, pouvoir*) erhalten Evidenzbedeutungen, die über die Modalbedeutungen hinausgehen, da die Modalverben in die Sphäre der Metakommunikation transponiert werden[Balabaeva, 2020b, S. 249-259].

So dient z.B. im Deutschen die Konstruktion *sollen+Infinitiv I/II* der neutralen (distanzierten) Übertragung der Worte anderer; gleichzeitig repräsentieren diese Formen wie die Evidenzverben von Sprachen mit der grammatischen Kategorie der Evidentialität die abstrahierte Information, und der Hinweis auf die Indirektheit der Übertragung ist in der Struktur der Verbform selbst enthalten – bei der Übersetzung ins Russische ist es notwendig, einen zusätzlichen Satz mit einem Performativ (grammatische Umwandlung in einen zusammengesetzten Satz) einzuführen, wie z.B. *Sie sagen, dass... ; X sagt, dass.... ; X sagt, dass.... Zum Beispiel: Du sollst einen Brief bekommen haben? – Sie sagen, dass du einen Brief bekommen hast*.

Das Modalverb *wollen + Infinitiv I/II* hat die Bedeutung des Zweifels, der in den Worten der „dritten» Person zum Ausdruck kommt. Der Sprecher drückt aus, dass er an der Glaubwürdigkeit des Satzes zweifelt, d. h., dass er eindeutig bezweifelt, dass die übermittelten Worte der Wahrheit entsprechen, und dass er die Glaubwürdigkeit des Satzes anzweifelt: *Er will alles mit eigenen Augen gesehen haben – Er behauptet/versichert, dass er (angeblich) alles gesehen*.

Das Verb *mögen* behalten die modale Konnotation der Möglichkeit, begleitet von der Bedeutung der indirekten Evidentialität, vgl: *Du mögest zum Chef kommen – Der Chef bittet/lädt dich ein; ähnlich: Du sollst zum Chef kommen – Der Chef sagte dir, dass du kommen sollst/der Chef ruft dich*.

Die Konstruktionen *müssen/können+Infinitiv* kommen in unserem Material in der Evidentialitätsfunktion viel seltener vor. Dies liegt vor allem daran, dass das Seme der Inferentialität mit der Bedeutung Möglichkeit/Präposition durch einen höheren Grad an Unsicherheit des Sprechers in der Äußerung überlagert wird, diese Konstruktionen liegen an der Peripherie im Schnittbereich der Kategorie Evidentialität mit der epistemischen Modalität.

Aus der Analyse lässt sich schließen, dass die Sätze mit Modalverben evidenzielle Bedeutungen vermitteln, da sie sich auf das inferentielle Wissen des Sprechers beziehen, d.h. auf Inferentialität. Darüber hinaus wird auch eine epistemische Semantik vermittelt, wenn der Sprecher Gewissheit ausdrückt.

Diese Konstruktionen kombinieren also die Bedeutungen von Evidentialität und Modalität, und es sind häufig Beispiele dieser Art, die als Argument dafür dienen, die Kategorie der Evidentialität als Unterkategorie der epistemischen Modalität zu behandeln. Diese Konstruktionen tragen jedoch einen sehr offensichtlichen Hinweis darauf, ob es sich bei der Information um „eigene» (inferentielle) oder „fremde» (narrative) Information handelt, und auf diesen Hinweis werden dann verschiedene modale Abstufungen „aufgeschichtet». Diese Konstruktionen stellen eine Überschneidungszone zwischen den funktional-semantischen Feldern der Evidentialität und der Modalität dar, da sie gleichzeitig Teil beider Felder sind[Balabaeva, 2020a, S. 115-118; Balabaeva, 2020b, S. 249-259].

Im modernen Deutsch erfüllen die Modalverben nicht nur eine grammatische Funktion, sondern auch eine wichtige evidenzielle Funktion, die es uns ermöglicht, tiefer in die Mentalität von Muttersprachlern einzudringen. Die Analyse ihrer Verwendung hilft nicht nur dabei, die Bedeutung einer Äußerung zu verstehen, sondern auch die versteckte Modalität aufzudecken, die der Sprecher/Schreiber impliziert. Als Schlüsselelemente in der Bedeutungskonstruktion ermöglichen es uns die Modalverben, nicht nur die erklärte Handlung, sondern auch die subjektive Einstellung dazu wiederzugeben. Die Untersuchung ihrer Evidenzfunktion ist ein notwendiger Schritt zum Verständnis der Nuancen der Kommunikation.

Literaturverzeichnis

Balabaeva YU.E. Funktionalessemantisches Feld der Evidentialitätsmarker im modernen Deutsch / YU.E. Balabaeva, YU.N. Mel'nikova // Leksikografiya i kommunikaciya – 2020: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Belgorod, 17 aprelya 2020 g.) / pod. red. A.P. Sedyh. – Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2020a. – S. 115-118.

Balabaeva YU.E. Sredstva vyrazheniya znachenij evidencial'nosti v raznostrukturnyh yazykah / YU.E .Balabaeva, S.M. Profatilova // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. –2020b. – №1(36). – S. 249-259. (Auf Russisch).

МОДАЛЬНЫЕ ГЛГОЛЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Балабаева Юлия Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры немецкого и французского языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия,
Профатилова Светлана Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка ИМКиМО Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию категории эвиденциальности в современном немецком языке и анализу концептуальных границ между категориями эвиденциальности и

эпистемической модальности. Кроме того, анализируются модальные глаголы с инфинитивом I/II как лексико-грамматические средства выражения эвиденциальности.

Ключевые слова: эвиденциальность, прямая и косвенная эвиденциальность, эпистемическая модальность, модальные глаголы.

THE ASPECT ANALYSIS OF PROFESSIONAL CONCEPTS

Koltakova Sofia Vladimirovna,
Candidate of Philology, lecture of department of foreign languages, Military Training and Research Center of the Air Force "Military Air Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin", Voronezh, Russia,
Nerovnaya Nadezhda Alexandrovna,
Candidate of Philology, professor of department of foreign languages Military Training and Research Center of the Air Force "Military Air Academy named after Professor N.E.Zhukovsky and Yu.A.Gagarin", Voronezh, Russia

Abstract. The article deals with the aspect analysis of professional concepts that are regarded as units of professional knowledge organization. The algorithm of the aspect analysis is developed within the framework of the comparative- parametric method. In accordance with the method, the comparison parameters represented by indexes are proposed for each aspect. The application of the approach allows to minimize the subjectivity of research, provides consistency and versatility.

Key words: professional concept, `conceptual sphere, national specifics, the algorithm of aspect analysis, index.

Various aspects of professional sublanguages, conceptual spheres, and discourse still attract the attention of researchers. Despite a significant degree of study, many questions still remain open. So, there is still no consensus on: 1) the peculiarities of the functioning of linguistic and extralinguistic content of professional discursive space, 2) the relationship of professional concepts within the same language, 3) the interaction of concepts of professional language pictures of English and Russian, 4) the algorithm of learning a professional language as a reflection of professional culture, etc.

In the works of a number of scientists, one can find a distinction between the naive linguistic and professional type of consciousness (Yu.D. Apresyan, B.M. Velichkovsky, A.A. Leontiev). Consequently, concepts can be opposed to each other on the basis of professional and everyday spheres of existence and classified as professional, everyday and metaprofessional (intermediate) concepts [Prishchepenko, 2006].

Within the framework of this article, professional concepts will be considered, which are understood as units of the organization of professional knowledge. The totality of such concepts of a certain science or discipline is defined as a professional conceptual sphere [Korzh, 2016, p. 34].

In order to study the national specifics of concepts of different languages, as well as to identify the degree of identity and differences of concepts of the same language, structural, substantive aspects, as well as aspects of linguistic objectification and temporal characteristics of concepts were proposed within the framework of the comparative parametric method [Koltakova, 2019, pp. 22-29].

However, in order to study the structural and semantic features of professional concepts, as well as to analyze their functioning in professional discourse, the following aspects were proposed: 1. quantitative and thematic; 2. structural and semantic; 3. functional and stylistic; 4. translational; 5. diachronic [Koltakova, 2024, pp. 5-32].

According to the algorithm of aspect analysis proposed in the framework of comparative parametric analysis, for each aspect, comparison parameters are proposed, represented by indexes, which minimizes the subjectivity of research, as well as gives them the necessary consistency and versatility.

The quantitative and thematic aspect of the analysis of professional concepts is currently represented by a single parameter, the nominative density, and needs to be improved.

- Nominative density is the number of lexical units nominating a certain sphere of reality [Karasik, 2004, p. 111].
- Within the framework of the structural and semantic aspect, the structural features of the studied concepts are analyzed, the degree of their cognitive originality or proximity is revealed, as well as the diversity of cognitive features using the following indexes:
- The concept structure identity index is the ratio of the specific gravity of the core, near, far and extreme peripheries of one concept to the corresponding structural elements of another concept [Nerovnaya, 2009];
- The cognitive diversity index of a concept is the ratio of the number of cognitive features forming the structure of one concept to the number of cognitive features forming the matching concept [Arkharova, 2008];
- The concept content identity index is the ratio of the number of matching features of two concepts to the total number of cognitive features of two concepts [Nerovnaya, 2009];
- the brightness identity index of matching cognitive features is the percentage of matching or not significantly (up to three hundredths) differing in brightness of cognitive features to the total number of matching cognitive features of concepts [Nerovnaya, 2009];
- The cognitive classifier diversity index is the ratio of the number of cognitive classifiers of one concept to the number of cognitive classifiers of another [Nerovnaya, 2009].

Within the framework of the functional and stylistic aspect, the features of linguistic representation of cognitive meanings and communicative relevance are studied.:

- the index of relative communicative relevance of a concept is the ratio of the total number of recorded linguistic objectifications of a concept in one language to the total number of its objectifications in the matching language [Truschinskaya, 2009];
- the brightness index of a cognitive trait is the ratio of the number of objectifications of a given cognitive trait to the total number of subjects [Sternin, 2004];

- index of lexical objectification of cognitive meaning – the ratio of cognitive meanings represented exclusively by lexemes to the total number of cognitive meanings [Stepanova, 2009];
- index of phraseological objectification of cognitive meaning – the ratio of cognitive meanings represented exclusively by phraseological units to the total number of cognitive meanings [Stepanova, 2009];
- index of lexical and phraseological objectification of cognitive meaning – the ratio of cognitive meanings represented by both lexemes and phraseological units to the total number of cognitive meanings [Stepanova, 2009];
- the index of subjective objectification of cognitive features is the ratio of the number of cognitive features represented as adjectives to the total number of cognitive features [Koltakova, 2018];
- the index of verbal objectification of cognitive features is the ratio of the number of cognitive features presented in the form of verbs/verb phrases to the total number of cognitive features [Koltakova, 2018].

The diachronic aspect allows us to draw a conclusion about the modernity or historicity of the concepts:

- the index of modernity of a concept is the ratio of the number of features of the modern cognitive layer of a concept to the total number of features forming the concept [Truschinskaya, 2009];
- the historicity index of a concept is the ratio of the number of features of the historical cognitive layer of a concept to the total number of features forming the concept [Truschinskaya, 2009].

It should be noted that at this stage the translation aspect is under development. When identifying national specifics, it was proposed to characterize the concepts under study as complete, immediate, close and distant correspondences [Koltakova, 2018, pp. 11-16]. Work is underway to understand this parameter and develop new indexes.

In our opinion, aspect analysis provides a unified description of professional concepts. It is worth noting that this list of parameters remains open. In the future, specific studies of professional concepts in various fields of activity will help to expand the above list of parameters, as well as develop a unified scale of levels of qualitative assessment for conclusions and generalizations regarding professional conceptual spheres.

References

Arharova A.V. Leksiko-frazeologicheskaya ob"ektivaciya koncepta «provinciya» v russkom i anglijskom yazykah: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh: VGU, 2008. – 21 s.

Karasik V.I. YAzykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Moskva: GNOZIS, 2004. – 477s.

Koltakova S.V. YAzyk professional'noj kommunikacii v voennoj sfere kak ob"ekt lingvodidakticheskogo analiza // YAzyk professional'noj kommunikacii v voennoj sfere: lingvisticheskie aspekty: monografiya / S.V. Koltakova, O.V. Bastrykina, A.V. Varushkina, L.YU. Zubova [i dr.]; pod red. S.V. Koltakovoj. – Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2024. – S. 5-32.

Koltakova S.V. K voprosu o metodike sopostavleniya konceptov / S.V. Koltakova, N.A. Nerovnaya // Sopostavitel'nye issledovaniya 2019. – Voronezh: izdatel'stvo «Istoki», 2019. – S. 22-29.

Koltakova S.V. Opyt razgranicheniya blizkih po soderzhaniyu konceptov / S.V. Koltakova, N.A. Nerovnaya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2018. – № 3. – S. 11-16.

Korzh T. N. Formirovanie professional'nyh konceptov sredstvami inostrannogo yazyka // Vestnik NVGU. – 2016. – №4. – S. 32-39.

Nerovnaya N.A. Nacional'naya specifika leksiko-frazeologicheskoj ob"ektivacii blizkih po soderzhaniyu konceptov (na materiale konceptov tolerantnost', terpimost' v russkom i anglijskom yazykovom soznanii): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh: VGU, 2009. – 21 s.

Prishchepenko M.V. Metaprofessional'nyj koncept "usluga" v obihodnom i institucional'nom diskurse: (na materiale anglijskogo yazyka): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd: Volgogr. gos. ped. un-t., 2006. – 25 s.

Stepanova D.A. Vzaimodejstvie leksiki i frazeologii v sisteme yazyka (na materiale naimenovanij polozhitel'nyh chuvstv i emocij russkom i anglijskom yazykah) : Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Voronezh: VGU, 2009. – 20 s.

Sternin I.A. Kognitivnaya interpretaciya v lingvokognitivnyh issledovaniyah // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – Tambov, 2004. – № 1. – S. 65-69.

Trushchinskaya A.S. Leksiko-frazeologicheskaya ob"ektivaciya koncepta sem'ya v russkom i anglijskom yazykah: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Voronezh: VGU, 2009. – 19 s.

АСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

Колтакова Софья Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, Россия
Неровная Надежда Александровна,
кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, Россия

Аннотация. Статья посвящена аспектному анализу профессиональных концептов, которые рассматриваются как единицы организации профессиональных знаний. Алгоритм аспектного анализа разработан в рамках сравнительно-параметрического метода. В соответствии с методом для каждого аспекта предлагаются параметры сравнения, представленные индексами. Применение подхода позволяет свести к минимуму субъективность исследования, обеспечивает системность и универсальность.

Ключевые слова: профессиональный концепт, концептосфера, национальная специфика, алгоритм аспектного анализа, индекс.

THE THEME OF THE EAST AND THE USE OF ORIENTAL IMAGES IN BYRON`S WORK

Kurbonov Parda Akhmedovich,
Associate Professor, Turon University,
Department of Western Languages,
Karshi, Uzbekistan

Abstract. This article analyses the way the way in which the English poet G.G. Bayron, in creating his epics, gave an oriental spirit, drew on previous experiences in the development of the genre, such as «Eastern tales» (Which could be prose and poetry), significantly reworked it, and turned into one of the main genres reflecting the romantic worldview in English literature, introducing elements and images of Eastern mythology and Zoroastrianism.

Key words: Eastern motifs, Zoroastrianism, Eastern mythology, humanism, freedom, equality, brotherhood.

In studying the origins of Eastern motifs in Byron`s work, it is important to study them not separately, but in connection with the emergence of romanticism in Western Europe. In Europe, when the people were mercilessly exploited by a handful of nobles and oligarchs, personal freedom and spiritual values were degraded, and the ideals of humanism, freedom, equality and brotherhood of all people of the Great French Revolution were devalued, romantic writers and poets, who were endowed with bright talent and intelligence, sought to find these high values in the East. They believed in their works that strong personalities and heroes in the East could bring about changes in society. Secondly, romantics saw bright examples of love and loyalty in the life of the East. All of Byron`s mature poems describe the tragedies of the fate of strong personalities, and how love is also connected with the unequal struggle against the forces of the time. In the first quarter of the XIX century, interest in various historical and national conditions that affected the lives of the indigenous population of the colonies increased in the minds of English writers.

This led authors to think about the spiritual life of people of different eras and nations. In turn, these images, while showing the closeness of the heroes created by the author to the poet, made it difficult to assess their character. In what ways can one approach the hero, even penetrate them, and at the same time convey to the reader a personal attitude to his actions and thoughts? In the poem «Giaour» (Infidel, 1813), the motif of honor and personal revenge occupies the main place, and in «The Siege of Corinth» the hero Alp, in order to take revenge, goes over to the side of the Turks, the enemies of the Greeks, in other words, becomes a traitor to his homeland. Conrad, the hero of the poem «The Corsair» (1814), is similar to Lara in the poem «Lara» Even critics have considered them to be the same person from different eras. However, while Conrad is inspired by hatred of oppression, Lara pursues the goal she set as the leader of a peasant uprising.

The plot of the poem «Parisina» (1816) is very close to the plot of «The Bride of Abydos» (1814). The illegitimate son of a powerful feudal lord (the adopted nephew in «The Bride of Abydos») falls in love with his father`s common-law wife. The lovers are sentenced to death. The story takes place in Italy in the XV century. Here, like in Turkey, a violent feudal order reigned. Only the hero of «Parisina» is on trial. He receives the right to make a speech in his defense before his father and relatives. This

situation is not typical for Turkish conditions. Hugo proves that, as an outcast, he can become a lawbreaker. This speech occupies a central place in the story and serves as a kind of explanation for the «illegal fates» described in the works of this series. By the time Parisina was written, Byron`s memories of his Middle Eastern travels had lost their freshness, and the appearance of the last of the poems in the series coincided with the decline and decline of Napoleon`s fame. At the beginning of the XIX century, the poet`s ideal of a strong romantic figure, a man of unique ability and skill to rule over people, was closely associated with the figure of Bonaparte. As a result of his campaigns against Russia in 1812, this eagle`s wings were folded. However, in the eyes of his contemporaries, even when exiled to Elba, Napoleon did not lose his authority. Ultimately, in 1815, Napoleon was completely defeated at the Battle of Waterloo. At the same time, the positive impressions of the strong figure that many people had about him also lost their value to a certain extent. This had a very heavy psychological impact on Byron, who had been an admirer of Napoleon Bonaparte since his youth. In 1813, Byron wrote to Thomas Moore: «Take a course towards the East. The Oracle of Stael (the French romantic writer Germaine de Stael) told me that this is the only correct poetic course in modern poetry. North, South and West are now finished... We have nothing on the subject of the East except the poems of Southey, who also used the description of the most terrible tragedies, distorting their essence and using a little cunning. So far I have written very little in this field, that is, quenching thirst in the desert. If my writings have led to any success, it is evidence that the readership is ready to accept oriental motifs, and this will open the way for you" [MacCarthy, 2006, p. 674]. The first part of Byron`s address is later echoed in the work of the famous German poet J.W. Goethe, «The West and the East Divan» (1811):

Тахтлар қулаб не таажжуб,
Хароб Шимол, Маҳғриб, Жануб
Шарққа ҳижрат эрур вожиб,
Унда ишқу маю мутриб
Ҳамда Хизр суви бордир,
Боқий умар сенга ёрдир [Гёте, 2018, с. 166].

The similarity of the contrast between the fruitfulness of the East and the exhaustion of the opportunities of the North, South, and West in the lines of Byron and Goethe emphasizes the commonality of approaches. Although Goethe, like the early German romantics, takes a slightly different ideological position, he considers the East within the framework of a general cultural-historical concept of human development. Such an approach could be especially useful at a time when modern Western culture was in crisis and could contribute to the birth of a new life. Such a concept opens up opportunities for the acceptance and real assimilation of certain elements of ancient Eastern culture. Their use, of course, is of great importance in the artistic understanding of the modern world. In this case, in Byron`s work, oriental motifs serve certain artistic purposes, or rather, it is about addressing a topical topic that arouses great public interest. For example, the use of the theme of the East and oriental images in Byron`s work, not only a lofty, general romantic interest in the East, but also an appeal to it to a certain extent influenced the poet`s

worldview. However, the «Oriental Tales» created in the early period of Byron`s work is evaluated differently by researchers of the poet`s heritage. For example, the Byron`s scholar, Professor N.Ya. Dyakonova, has the following attitude to the poet`s «oriental poems»: Even the collection of Oriental poems (1813–1816) did not suit him. Each of them has one hero, their plot leads to one dramatic situation, it determines the struggle for love, personal enmity merges with the general («Corsair», «Lara»), and the hero`s enmity with humanity grows. The irrationality and titanism of the feelings of love, hatred, enmity, loyalty, the subjectivity of the composition, subordinated to the expression of the hero`s powerful personality, go against the entire world order, object to Byron`s earlier and later theoretical ideas. In oriental poems, the poet`s sorrows and longings are manifested, his dissatisfaction with everything, which in the period of reaction chains a person and arouses hatred for the hypocrisy and baseness of the great earth» [Дьяконова, 1978 с. 113-114]

Although the use of oriental imagery in the plots and themes of his poems occupies a central place in Byron`s work, other methods of mastering oriental material are also noticeable in his work. For example, in the epic «Manfred» (1817), the poet introduces elements and images of Zoroastrian mythology into the creation of a generalized symbolic picture of the world, and tries to convey an oriental spirit in his lyrics. At the same time, it is worth noting that Byron used the materials he found and partially reworked in his depictions of such situations, following the oriental interests of his friends P. Shelley and T. Moore. However, he still relied on all the previous experiences of the development of the genre, such as «Oriental stories» (they can be prose and poetry), and significantly reworked it, turning it into one of the main genres that reflect the romantic worldview in English literature. The poet Robert Southey, a contemporary of Byron, was the first to describe the Eastern world in a romantic way. He is the first romantic poet who used and developed the romantic concept of the local environment and national traditions of the East in English literature. Romantics, including Byron, under the influence of the ideas of the German philosopher IG Herder`s philosophy of history, try to describe that language, traditions, customs, beliefs and their forms of manifestation are an integral part of people`s life, geniuses appear in different conditions as specific aspects of national cultures. Robert Southey wrote the poems «Thalaba the Destroyer» (1801) based on motifs from Arab mythology and «The Curse of Kehema» (1810) based on motifs from Indian mythology.

The valuable aspect of R. Southey`s work is that he pays special attention to accuracy in description. Without this, it would be impossible to fully and comprehensively describe the world of another culture. When the poet turns to scientific and ethnographic sources, he gives prose comments on their true meanings. In general, commentaries in works on oriental themes became a tradition after Southey. Byron, recreating the world of the East as a unique manifestation of another culture, carefully monitors the accuracy of ethnographic details in his poems and continues the tradition begun by Southey. It should be noted that the basis for the romantic hero type he created and some aspects of the specificity of conflicts was prepared in the poet`s «The Journey of Childe Harold» and other works.

We have already noted that the creation of works in the genre of oriental tales began in the literature of English romanticism and in the second half of the 18th century. «Oriental Tales» are distinguished by their silence, extensive use of magical motifs, overflowing with strange adventures and dramatic situations, with tendencies

in understanding the world far from the reader`s everyday experience that are not found in the literature of the Enlightenment [Conant, 1966, p. 312].

Such tendencies began to appear even before the period of romanticism. As a result of this event, Beckford created his work «Vathek» (1786), which combined the features of oriental and Gothic tales. The hero of the story, Vatek – Wasik, is a wicked man, his terrible actions and charming appearance are fantastically depicted, it is known that this image served as the beginning and the first basis for the hero of Byron`s poems. In fact, Wasik was a noble, courageous person. His wicked mother – a Greek woman – a sorceress, a witch, sends her son to the powerful demonic realm in India to study evil in order to turn him away from Islam. On the way to the demonic realm, Caliph Wasik falls in love with the beautiful and cheerful Muslim daughter of an Arab emir. A struggle between evil and goodness takes place in his heart. The author also mentions several times in his letters that he was amazed by this story of Beckford. In Walter Scott`s The Vision of Don Roderick (1811) and Robert Southey`s Rodrick the Last of the Goths (1814), a single historical episode – the Arab conquest of Spain – plays a very important role in the armed conflict between East and West, turning it into a different narrative. Byron`s use of genre terms such as «Fragment of a Turkish Tale» («Gyaur») and «The Bride of Abydoss» in his oriental poems indicates that he sees himself as a successor to the «Oriental Tales» tradition of the late 18th and early XIX centuries.

Аслият: There linger`d we, beguiled too long
With Mejnoun`s tale, or Sadi`s song;
Till I, who heard the deep tambour
Beat thy Devan`s approaching hour… [Speck, 2006, p. 211]
Узоқ туриб қолдик у ерга,
Мени мафтун, айлади
Мажнун эртагию, Саъдий қўшиғи
нағора гумбирлашин чуқур тинглаб

Соат сайин яқинлаштирар Девонга...(муаллиф таржимаси)

Byron`s travels in the East played a more important role than relying on the tradition of «Oriental Tales» and gave the poet the opportunity to realistically imagine dramatic situations. The East that Byron saw was a border region, which for several centuries became the scene of sharp armed clashes between East and West. It is known that at one time he even tried unsuccessfully to win Napoleon over to his side. There was a certain charm, selfishness and kindness in the suffering and primitive views of Ali Pasha.

References

Conant M.P. The Oriental Tale in the Eighteenth Century. – New York: Octagan Books, 1966. – 353 p.

D'yakonova N.YA. Anglijskij romantizm. Problema estetiki. – Moskva: «Nauka», 1978. – 209 c. (In Russiian).

Fiona MacCarthy. Byron. Life and Legend. – London: Faber and Faber Ltd. – 2003. – 674 p.

Speck W.A. Robert Southey : entire Man of Letters. – London: Yale University Press, 2006. – 305 p.

Гёте Ё.В. Ғарб–у Шарқ девони. Муғаннийнома. Ҳижрат. – Тошкент. «Ўзбекистон миллий энциклопедяси», 2018. – 166 s.

ТЕМА ВОСТОКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ БАЙРОНА

Курбонов Парда Ахмедович,
доцент, Туронский университет,
кафедра западных языков,
Карши, Узбекистан

Аннотация. В данной статье анализируется, как английский поэт Дж. Г. Байрон, создавая свои эпические произведения, насыщал их восточным колоритом. Опираясь на предшествующую традицию жанра «восточных повестей» (которые существовали как в прозаической, так и в стихотворной форме), он радикально переосмыслил его, превратив в один из ведущих жанров английского романтизма. Введя элементы восточной мифологии и зороастризма, Байрон придал этим произведениям новое звучание, сделав их важной частью романтического мировоззрения в литературе.

Ключевые слова: восточные мотивы, зороастризм, восточная мифология, гуманизм, свобода, равенство, братство.

DIE HAUPTMERKMALE DER BIBELWORTE

Popova Ekaterina Alexandrovn,
Studentin des 5. Studienjahres der Fakultät für Fremdsprachen des Pädagogischen Instituts der Nationalen
Forschungsuniversität Belgorod, Belgorod, Russland,
die wissenschaftliche Betreuerin: Voronina Larisa Vladimirovna,
Doktor phil., Professorin des Lehrstuhls für Deutsch und Französisch des Pädagogischen Instituts der
Nationalen Forschungsuniversität Belgorod, Belgorod, Russland

Abstract. Im Artikel handelt es sich um Bibelsprüche. Diese Spracheinheiten spielen eine große Rolle in den Sprachen, deren Träger die Nachkommen der Leute sind, die vor vielen Jahrhunderten das Christentum angenommen haben. Als Objekt der Untersuchung sind Bibelsprüche vielseitig, wovon auch ihre Definitionen zeugen. Es gibt verschiedene Arten von Bibelsprüchen. Es gibt Eigennamen, Phraseologismen, geflügelte Wörter und Sprichwörter.

Schlüsselwörter: Bibelspruch, Eigennamen, Phraseologismen, geflügelte Wörter, Sprichwörter.

Bibelsprüche sind ein vielseitiges Phänomen. Das Interesse der Linguisten an den Bibelsprüchen hängt damit zusammen, dass sie als Element der Kultur eine Fülle von Bedeutung, eine semantische Kapazität haben und in einer prägnanten Form die Weisheit widerspiegeln, die von Generation zu Generation von den Muttersprachlern

der jeweiligen Sprache überliefert wird. Daher geraten Bibelsprüche ständig in das Blickfeld von in- und ausländischen Gelehrten.

Unter Bibelsprüchen (Bibelworten) werden üblicherweise Spracheinheiten nicht prädikativer und prädikativer Natur verstanden, deren Verwendung mit einer bildlichen, metaphorischen Neuinterpretation von Charakternamen, Realitäten und Themen der Bibel sowie anderer Bücher der Heiligen Schrift verbunden ist [Goryushina, Saruhanyan, 2012].

Bibelworte funktionieren in allen Sprachen, die von Völkern gesprochen werden, die das Christentum angenommen haben. Die Wege zur Verwurzelung von Bibelworte in verschiedenen Sprachen sind nicht immer gleich und das Ausmaß ihrer Verwendung ist unterschiedlich. In Russisch kommt oft der Bibelspruch „die babylonische Stolpersteinbildung» vor, dessen Bedeutung in der modernen Fassung „dummes Geräusch, Durcheinander bei großer Zusammenfluss des Volkes» ist [Ozhegov, 2024]. Es gibt jedoch eine Reihe von Bibelworten, die im 19. – Anfang des 20. Jahrhunderts in den russischen, französischen, deutschen und englischen Sprachen mit gleicher Häufigkeit verwendet wurden und eine synonymische Bedeutung hatten. Zur Zeit werden sie aber in den russischen Wörterbüchern nicht erwähnt, das heißt, sie sind außer Gebrauch: *die Testtaube (fr.), stark wie der Tod (fr.), wer hat, dem wird gegeben (fr.), ein kleiner Sauerteig sauert alles Gebräu (de.), die Hunde kehren zu ihrem Kotzen zurück (de.), mit einer günstigen Aussicht auf die Zukunft zu bleiben (de.), heiße Kohlen auf den Kopf des Gegners zu sammeln (engl.), um Brot zu bitten und einen Stein zu erhalten (engl.) Knochen aus Knochen und Fleisch aus Fleisch (engl.)*. Darüber hinaus fehlen in den Wörterbüchern des modernen Russischen die Bibelworte, die lateinische Äquivalenten hatten und in den literarischen Werken des vorrevolutionären Russlands verwendet wurden, aber mit der Zeit verloren gegangen und nicht mehr verbreitet sind, die aber in den Wörterbüchern des 19. Jahrhunderts vorkommen: *Sie haben Ohren, und sie werden nicht hören! Freue dich, Maria! Er sprach und rettete seine Seele; Und ihr werdet, wie Gott, Gutes und Böses kennen*. So manifestiert sich die Besonderheit in der Erhaltung und Verbreitung von Bibelsprüchen, in ihrer Verwendung in der Umgangssprache zu verschiedenen Zeiten ihrer Existenz. Russische Aphorismen und phraseologische Einheiten biblischen Ursprungs sind die Lehnwörter der griechischen Spracheinheiten, da die russische Bibel aus Griechischen ins Slawische und später ins Russische übersetzt wurde [Soloduho, 2008].

Die Bibelsprüche drangen nicht nur direkt aus der Bibel und ihren Übersetzungen ins Russische ein, sondern auch (besonders im 18. und 19. Jahrhundert) durch Werke westeuropäischer Schriftsteller und Publizisten, die in Russland sowohl im Original als auch in der Übersetzung gelesen wurden. Diese Werke zitierten aktiv die Bibel, um ein ausdrucksstärkeres Bild der Handlung zu schaffen. Man kann sagen, dass die Bibelsprüche seit mehreren Jahrhunderten eine Formation der internationalen Phraseologie sind.

Um die Besonderheiten der Bibelworte zu erfahren, muss man die Standpunkte verschiedener Linguisten in Bezug auf die Definition des Begriffs „Bibelwort» betrachten. „Bibelworte sind einzelne Wörter der modernen russischen Sprache, die entweder aus der Bibel (*Hölle, Engel, Sabbat, Teufel* usw.) einfach entlehnt sind oder

die den biblischen Texten semantisch ausgesetzt waren» [Vereshchagin, 1993, S. 97]. Der Linguist teilt in die zweite Gruppe Wörter altslawischer Herkunft ein, die vor der Übersetzung der Bibel auf Russisch schon existierten und eine andere Bedeutung hatten. So wurde das Verb *„творити»* (*„schaffen»*) als „etwas durch eine bestimmte zum Beispiel (Arbeits-) Anstrengung produzieren, ausführen» interpretiert und wurde in der slawischen Sprache weit verbreitet. Damit war es ein Synonym für das Verb „tun» [Vereshchagin, 1993, S. 96].

N.M. Schanskiy definiert in der russischen Sprache eine Schicht von Bibelworten, die durch gebräuchliche Namen dargestellt werden und vom Linguisten als semantische Bibelworte, biblische Neuprägungen und Wörter griechischen Ursprungs klassifiziert werden. Die Bibelworte sind kirchenslawische Wörter, „die phonetisch mit dem Russischen identisch sind, sich jedoch von ihrer Bedeutung unterscheiden». Zum Beispiel: *Sünde* (im Allgemeinen *„Fehler»*), *Herr* (im Allgemeinen *„der Meister des Hauses»*) [Schanskiy, 2015]. Biblische Neuprägungen sind die Wörter, die in Bibelübersetzungen eingeführt wurden, die für die slawische Ära neuere Realitäten nannten. Diese Wörter könnten dazu dienen, etwas oder jemanden zusätzlich oder sekundär zu nominieren, was aus bestimmten sprachlichen oder extralinguistischen Gründen resultiert. Als Beispiele nennt der Philologe die folgenden Worte: „*крещение, искупление, воскресение* u.a». Schanskiy unterscheidet auch die Wörter, die aus dem Griechischen kamen, ihre Semantik bewahrt haben, sich aber an die russische Phonetik und grammatischen Gebrauch angepasst haben. Solche Wörter, wie „*икона, ад, аминь, ладан, сатана, диавол* und andere», werden vom Linguisten als griechische Wörter bezeichnet [Schanskiy, 2015].

Neben den Bibelworten verwenden einige Philologen andere Begriffe und terminologische Ausdrücke, um Wörter, die aus den Texten der Heiligen Schrift stammen, zu bezeichnen. Das Wort „religiös» wird verwendet, um sie zu definieren. Außer dem Termin „religiös» gibt es in wissenschaftlichen Schriften einen Ausdruck „sakrales Vokabular», um lexikalische Einheiten biblischen Ursprungs zu nominieren. Das Adjektiv „sakral» bedeutet nicht nur ein Vokabular, das in der Bibel verwurzelt ist, sondern auch andere Wörter, die aus heiligen Werken stammen. Es sind auch Bücher, die die Offenbarung Gottes enthalten, die durch Propheten an die Menschen übermittelt wurde, sowie die Lehre von Gott, von Frieden, Glauben und Errettung. Solche Linguisten wie S.G. Schuleschkowa, E.M. Vereshchagin u.a. zählen Wörter und Ausdrücke, die aus der Bibel stammen, zu den sogenannten „geflügelten Wörtern und Ausdrücken». W.W. Serov gibt im Vorwort zum „Enzyklopädischen Wörterbuch geflügelter Wörter und Ausdrücke» diesen lexikalischen Einheiten solche Definition: „Dies sind sowohl literarische Zitate als auch historische Phrasen und gemeinsame Wörter-Bilder. Aber hinter jedem Wort oder jeder Aussage steht ein Autor (eine ganz bestimmte Person, ein Philosoph, ein Dichter, eine historische Figur usw.) oder eine bestimmte Quelle, zum Beispiel die Bibel» [Serov, 2005].

Die Urheberschaft des Ausdrucks „geflügelte Wörter» gehört Homer. In seiner „Ilias» und „Odyssee» kommt immer wieder der Satz „Die Stimme hat erhoben und das geflügelte Wort geworfen». Nach dem alten griechischen Dichter wurden als „geflügelte Wörter» treffende Sprüche, Redewendungen, die verschiedene Gedanken, Konzepte und Urteile bezeichnet. „Diese phantasievollen, treffenden

Ausdrücke werden manchmal auch „Aphorismen» genannt. Beide Namen deuten darauf hin, dass diese Ausdrücke manchmal von einer Generation zur nächsten überliefert sind, von einem Land zum anderen. Die geflügelten Worte machen unsere Rede reicher und ausdrucksstärker» [Boboeva, 2010, S. 121]. S.G. Schuleschkowa definiert so: „geflügelte Ausdrücke sind ein schlankes System von Spracheinheiten, dessen Mitglieder alle durch fünf verschiedene Merkmale gekennzeichnet sind: 1) Verbindung zur Quelle; 2) getrennte Formalität (sie bestehen aus zwei oder mehr Komponenten, die nach den grammatischen Gesetzen dieser Sprache miteinander verbunden sind); 3) Reproduzierbarkeit (sie werden nicht im Kommunikationsprozess erzeugt, sondern als fertige ganzheitliche Einheiten reproduziert; 4) Stabilität der Komponentenzusammensetzung und der grammatischen Struktur (die die Variabilität nicht ausschließt); 5) Stabilität der Semantik, die dem gegebenen Umsatz im sprachlichen Gebrauch zugeordnet ist.» [Schuleschkowa, 2002, S. 21-22]. Aus dieser Sicht können die Bibelworte tatsächlich als geflügelte Wörter und Ausdrücke klassifiziert werden, da sie über die oben genannten Merkmale verfügen, nämlich dass es eine Verbindung zur Quelle gibt (die Heilige Schrift), sie sind getrennt gestaltet, leicht reproduzierbar, sie sind inhärent in der Stabilität der Komponenten- und Grammatikstruktur und in der Stabilität der Semantik. Die Linguistin betont, dass für die Bibelworte, die durch das „Feuer» der verbalen oder synthetischen Kunst gegangen sind, ist die Vielschichtigkeit der Semantik charakteristisch [Schuleschkowa, 2013, S. 8].

In der Linguistik gibt es auch einen Standpunkt, nach dem es sich bei den aus der Bibel entlehnten Ausdrücken um phraseologische Einheiten handelt. So gibt V.L. Schiryaev folgende Definition: „phraseologische Wendungen, die aus den Texten der Heiligen Schrift entstanden sind» [Schiryaev, 1996, S. 4]. N.M. Schanskiy gibt den phraseologischen Wendungen oder Phraseologismen folgende Definition: „Wörter, die in ihrer Reproduzierbarkeit als fertige und ganzheitliche Einheiten ähnlich sind» [Schanskiy, 2015, S. 4]. Folglich werden Phraseologismen in dieser Theorie in ihrer Bedeutung einem Wort gleichgesetzt. Die Bibel ist eine der wichtigsten Quellen für phraseologische Einheiten in der ganzen Welt. Es wird als relevantes Merkmal von Phraseologismen eine Korrelation mit dem Konzept und nicht mit dem Urteil hervorgehoben. Auf diesem Grund werden die Bibelworte in die phraseologischen Einheiten und Sprichwörter geteilt. A.I. Molotkov betrachtet die kategorischen oder definierenden Merkmale der phraseologischen Einheiten als: a) die lexikalische Bedeutung der Phraseologismen b) die Komponente aber keine verbale (Wort-) Zusammensetzung, c) grammatische Kategorien, mit denen die Vorstellung von der grammatischen Bedeutung der Phraseologismen verbunden ist [Molotkov, 1971, S. 11].

In der Theorie von Silke Gerster ist die phraseologische Einheit „eine zu einer festen Form verwachsene Folge lexikalischer Einheiten (Komponenten).

Sie muss aus mindestens zwei bedeutungstragenden lexikalischen Einheiten (Autosemantika) bestehen (Polylexikalität). So wie jede sprachlich richtige, d.h. Verständigung hervorrufende Äußerung erfüllt auch die Redewendung den Anspruch einer sinnvollen Zusammenstellung (1) von bedeutungstragenden Elementen (2) sowie

deren Verknüpfung nach den Regeln der Grammatik (3), wobei alle drei Bedingungen gleichzeitig erfüllt sein müssen» [Gerster, Marek, 2010 , S. 12].

Nach dieser Logik kann daher daraus geschlossen werden, dass der Großteil der Bibelworte durch Spracheinheiten dargestellt wird, die die Struktur der Wortkombination, die Stabilität und die Integrität der Bedeutung aufweisen.

Einige Linguisten korrelieren Bibelworte mit Sprichwörtern. I.I. Chernysheva ordnet Sprichwörter der Klasse der phraseologischen Einheiten der Sprache zu, da sie durch solche Merkmale der Phraseologie gekennzeichnet sind: semantische Transformation, breite Verwendung, Reproduzierbarkeit, Wertschätzung, geteilte Formalität. Zusätzlich zu den oben genannten Eigenschaften, die den Phraseologismen im Allgemeinen innewohnen, I.I. Chernysheva erwähnt die spezifischen Merkmale von Sprichwörtern. Sie betont, dass die Sprichwörter nicht einem Wort, sondern einem Satz entsprechen und daher keine Konzepte, sondern Urteile ausdrücken. Sprichwörter sind lehrreich. In ihnen sind künstlerische Mittel wie Parallelität, Rhythmus, Reim weit verbreitet [Chernysheva, 1970]. Daher aus dieser Behauptung von I.I. Chernysheva angesichts der Tatsache, dass einige Bibelworte zu Sprichwörtern geworden sind, kann man daraus schließen, dass die Bibel die Quelle für Spracheinheiten wurde, die durch solche Merkmale gekennzeichnet sind, die sich bei der Untersuchung von Sprichwörtern unterscheiden: semantisches Umdenken, breite Verwendung, Wertschätzung, Reproduzierbarkeit, geteilte Formalität, Gleichwertigkeit des Satzes, d.h. Ausdruck des Urteils. Ebenso haben Bibelworte eine lehrende Funktion, es gibt verschiedene künstlerische Mittel in ihrer Struktur.

Aus all dem oben Beschriebenen lässt sich Folgendes schließen: die Vielfalt der Ansätze zur Betrachtung der Definition des Begriffs „Bibelwort» wird durch die Vielfalt des zu untersuchenden Objekt verbunden. So definiert ein Teil der Linguisten die Bibelworte als phraseologische Einheiten, andere bezeichnen sie als Sprichwörter, einige betrachten sie als geflügelte Wörter und Ausdrücke. Es ist eindeutig definiert, dass dies Spracheinheiten sind, die aus der Heiligen Schrift und der Bibel oder der biblischen Handlung stammen.

Literaturverzeichnis

Boboeva O.O. Krylatye slova russkogo yazyka // Vestnik TGUPBP. – 2010. – №1(41). – S. 121-125.

Chernysheva I. I. Frazeologiya sovremennogo nemeckogo yazyka. – Moskva: Vyssh. shk., 1970. – 199 s.

Gester S. Phraseologismen und Sprichwörter in der modernen deutschen Sprache / Silke Gester, Libor Marek. – Herausgeber: Univerzita Tomáše Bati ve Zlíně. – 2010. – 110 S.

Goryushina R.I. K voprosu o proiskhozhdenii bibleizmov / R.I. Goryushina, F.V. Saruhanyan // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. – Tambov: Gramota. – 2012. – № 2 (9): v 3-h ch. – Ch. III. – S. 46-48.

Molotkov A.I. Osnovy frazeologii russkogo yazyka – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977. – 283 s.

Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' Ozhegova onlajn. – 2008-2025. – URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30656.

Schanskiy N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. – Moskva: LENAND, 2015. – 271 s.

Schiryaev V.L. Biblejskie frazeologicheskie oboroty v shkol'nom izuchenii. – Nar'yan-Mar, 1996. – 48 s.

Schuleschkowa S. G. Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ih istochniki i razvitie. – Moskva: Azbukovnik, 2002. – 286 s.

Schuleschkowa S.G. Ot zemli obetovannoj k nebesam obetovannym (ocherki o sud'bah biblejskih krylatyh vyrazhenij). – Moskva: Flinta: Nauka, 2013. – 258 s.

Serov V.V. Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij. – Moskva: OOO Izdatel'stvo «Lokid- Press», 2005. – 877 s.

Soloduho E.M. Teoriya frazeologicheskogo sblizheniya: na materiale yazykov slavyanskoj, germanskoj i romanskoj grupp. – Moskva: URSS, 2008. – 294 s.

Vereshchagin E.M. Biblejskaya stihiya russkogo yazyka // Russkaya rech'. – 1993. – №1. – S. 23–30.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИБЛЕИЗМОВ

Попова Екатерина Александровна
студентка 5 курса факультета иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия,
научный руководитель: Воронина Лариса Владимировна,
доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и французского языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме характерных особенностей библеизмов. Такого рода языковые единицы играют важную роль в языках, на которых говорят потомки людей, принявших христианство много веков назад. Библеизмы как объект исследования неоднородны, о чем свидетельствует многообразие подходов к их определению. Различают имена собственные, фразеологизмы, крылатые слова и пословицы.

Ключевые слова: библеизмы, имена собственные, фразеологизмы, крылатые слова и выражения, пословицы.

Научное электронное издание
сетевого распространения

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ

Часть 1

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

9–10 апреля 2025 г.

Публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано к использованию 30.04.2025.
Гарнитура Times New Roman. Объем издания – 3 МБ
Оригинал-макет подготовлен в ЦПП НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48